

ФГБОУ ВПО
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ»
ФАКУЛЬТЕТ «ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»
КАФЕДРА ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

КАРМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

15-17 ноября 2011 года

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научной конференции
«Актуальные проблемы философии,
культурологии, психологии, конфликтологии и
высшего образования»,
посвященной 80-летию А.С. Кармина

Санкт-Петербург
2011

Сборник подготовлен при финансовой поддержке Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга

.

Редакционная коллегия: зав. кафедрой прикладной психологии ПГУПС, дпсxn, проф. В.Л.Ситников (отв. редактор), кfn, доцент И.П.Березовская, дфилн, проф. М.В.Иванов, ст.преподаватель Е.С.Новикова

Печатается по решению кафедры прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения

П86 Карминские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, 15-17 ноября 2011г. – СПб.: ПГУПС, 2011. - 580с.

Сборник включает материалы современных исследований по актуальным проблемам философии, культурологии, психологии, конфликтологии и высшего образования, представленные на Всероссийскую научную конференцию «Карминские чтения» ведущими и начинающими учеными Белоруссии, Кыргызстана, Украины, России, США.

ISBN-978-5-91753-045-1

ББК 88

© Авторы статей

© В.Ситников, фото

*РОЛЬ А.С. КАРМИНА В СТАНОВЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ,
КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ*

<i>Титова Т. С. «Карминские чтения» - дань памяти А.С. Кармина</i>	8
<i>Иванов М.В. Жизнь и творчество Анатолия Соломоновича Кармина</i>	10
<i>Аллахвердов В.М. А.С. Кармин в трудах по методологии психологии</i>	18
<i>Бернацкий Г.Г. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека</i>	24
<i>Бранский В.П. Синергетическая философия истории</i>	30
<i>Гусева Е.А. А.С.Кармин – учитель и друг</i>	34
<i>Ситников В.Л. Вклад А.С.Кармина в теорию интуиции</i>	37
<i>Березовская И.П. Информационно-семиотическая концепция и вклад А.С.Кармина в развитие культурологии</i>	43
<i>Норкин Г.А. Роль А.С.Кармина в формировании технологической компетенции современных инженеров</i>	50

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Абаева И.В. Гендерные особенности поведения подростков в конфликтной ситуации</i>	56
<i>Белякова Н.М. Проблемы организации самостоятельной работы студентов при формировании социокультурной компетенции</i>	64
<i>Близнецова О.И. Проблема формирования способности к целеполаганию в высшей школе.</i>	67
<i>Блинова А.В. К проблеме профессиональной социализации студентов</i>	71
<i>Бузмакова А. В. Восприятие вертикальных конфликтов и выбор стратегии поведения в конфликтах курсантами ВВУЗов</i>	76
<i>Двоеглазова М. Ю. Этнокультурные особенности образовательной среды</i>	77
<i>Крупнов Д. Ю. Проблема поликультурного образования, как фактора становления гражданской идентичности.</i>	88
<i>Оконешникова О. В. Роль моделирования в исследовательской деятельности специалиста</i>	90
<i>Слотина Т.В., Комарова А.В. Особенности ценностей личности студентов ПГУПС</i>	96
<i>Соколов Р.В. А.С.Макаренко. Советский, несоветский, или...?</i>	104
<i>Поздеева Е.Г. Конфликт знаний в самообучающейся организации.</i>	115
<i>Тимиргазиева А.И. Особенности философской направленности советской системы образования</i>	117
<i>Тупикин М. В. Проблемы образовательной дисциплины «Конфликтология»</i>	118
<i>Шапиро С.В. Культурные основания образовательных традиций</i>	119

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Абдулаева Д.С. Кросс-культурное исследование социальных представлений о жестокости и жестоком человеке у россиян и белорусов</i>	129
---	-----

<i>Архипова Т.Т. Социально-психологическое воздействие рекламы на студенческую аудиторию</i>	137
<i>Бахмат Е.М., Стреленко А.А. Актуальные проблемы психологии персональной ответственности</i>	146
<i>Борисова Т.В. Феномен лжи. Образ лживого человека в сознание взрослых</i>	166
<i>Виданова Ю.И. О детерминантах выбора копинг-стратегий в стрессовых ситуациях</i>	174
<i>Воробьева К.И., Лукьянова Е.Л. Этнические особенности проявления психологических защит</i>	176
<i>Голенищева Е.Л. Соотношение уровней агрессивности и манипулятивного воздействия у старших подростков разного пола.</i>	186
<i>Карагачева М., Хапцова А. Образы персонажей рекламы в сознании студентов</i>	194
<i>Коваленко С.В. Психологические особенности общения в подростковом возрасте</i>	197
<i>Стреленко А.А. К проблеме ненасилия в контексте профессиональной подготовки психологов и социальных работников</i>	204

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

<i>Анчукова Н.И. Специфика креативности в музыкальной деятельности</i>	208
<i>Бобылев Е.Л. Минькова Е.С. Специфика формального метода психологического анализа литературного творчества</i>	213
<i>Буреломова А.С., Поляков С.Э. Мгновенные образы восприятия</i>	217
<i>Евдокимова Е. А. Духовность как предмет психологического исследования</i>	227
<i>Ермакова Е.С. Развитие творческого мышления студентов в вузе</i>	232
<i>Задорожная Г.В., Копейкин Г.К. Формирование креативного поведения персоналаГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»</i>	234
<i>Кайтукова З.Х. Личностный аспект проблемы творчества.</i>	236
<i>Кашапов М.М. Событийность как импульс актуализации творческого потенциала профессионала</i>	241
<i>Кожевникова О.В. Психологические особенности виртуальной коммуникации</i>	247
<i>Кононова О.Б. Социальное творчество и психология</i>	249
<i>Погодин И.А. Творческий процесс в современной культуре</i>	253
<i>Старшова И.Г. Опыт религиозных исканий российской интеллигенции на рубеже XX-XXI вв.</i>	259
<i>Синкевич И.А. Талант как социокультурный феномен</i>	264
<i>Соболева Т.Н. От изучения развития способностей зрительного восприятия к изучению развития профессиональной одаренности</i>	275
<i>Уткина Т.В. Психологическая сказка в аспекте психологии и творчества</i>	281

<i>Харчевникова Е.В. Взаимодействие дирижера и певцов хора в управленческом общении</i>	285
<i>Штейнбах Х.Э. Логика и первовидение.</i>	291
<i>Юрина И.Г. Представления о «творческом возрасте» как психологический фактор профессионального развития личности</i>	293

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

<i>Бендюков М.А., Харчук А. Д. Методологические подходы к изучению конфликта в психологической науке</i>	298
<i>Беркович Н.А. Конфликтогенность этнических культур: ханты-мансийский вариант</i>	303
<i>Берсенева Н.В. Системный взгляд на преподавание педагогической конфликтологии</i>	305
<i>Бикбулатова А.Р. О роли интеллигенции в управлении культурными конфликтами</i>	308
<i>Волкова Н.В. Эмоциональное выгорание сотрудников: фактор конфликтности или эффективности взаимодействий с клиентами?</i>	311
<i>Зайцева Я.Н. Социально-психологические последствия террористических актов как следствия современных конфликтов</i>	318
<i>Вараева Н.В. «Неблагополучная семья» как социокультурное явление в российском обществе и центр социальной реабилитации</i>	321
<i>Дрынкина Т.И. Модель конфликтологической компетентности</i>	329
<i>Иванова Е.Н. Проблемы современной конфликтологической практики</i>	331
<i>Кашапов М.М. Метакогнитивное понимание структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности</i>	349
<i>Михайлова В.М. Теория конфликта Владимира Лефевра</i>	351
<i>Лобатюк В.В. Глобализация: особенности конфликтогенности цивилизационного развития в контексте национальной культурной политики</i>	355
<i>Нечаева Е.А. Комплимент в ракурсе психологических и конфликтологических исследований</i>	356
<i>Павловец Г.Г. Психологические маркеры постконфликтной ситуации на Северном Кавказе (по материалам исследования)</i>	362
<i>Ромащук А.Н. Эскалационный конфликт как средство «преодоления» отчуждения: неявные основания сопоставления подходов</i>	366
<i>Светлов В.А. Доказательство несовместимости конфликта и антагонизма</i>	368
<i>Слотина Т.В., Комарова А.В.</i>	370
<i>Конфликтные ситуации и конфликты в межличностном общении студентов</i>	370

<i>Соломин И.Л. Психосемантическое исследование мотивации сотрудников государственной службы в процессе реформирования</i>	379
<i>Тимерманис Е.Б. Анализ последствий социального конфликта (диапазон оценочных суждений)</i>	389
<i>Турецкая С.А. «Конфликт с профессией». Проблема профессионального выгорания педагогов</i>	391
<i>Хамков В.И. Актуальные проблемы культуры конфликтного взаимодействия</i>	396
<i>Чернова Г.Р., Сергеева М.В. Специфика внутриличностных конфликтов</i>	398
<i>Шматков Р.Н. Экономическая доминанта антикризисного управления современной конфликтологии</i>	405
<i>Шигапова А.Г. Гендерные особенности переговоров</i>	410

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Буленкова М.Е. О преподавании культурологии в технических вузах</i>	414
<i>Занковский А.Н. Историко-диалектический подход к исследованию корпоративной культуры</i>	415
<i>Ковальчук А.В. Научный и дисциплинарный статус культурологии</i>	422
<i>Саченко В.А. «Психологическая реальность» культуры как предмет историко-культурологического исследования</i>	423
<i>Кондратова О.М. Глобализация: этносуверенитет против государства-нации</i>	425
<i>Серов Н.В. Культурологическая сублимация или абстракции метафизических универсалий?</i>	432
<i>Сидоров Н.М. Культурологический подход к предмету социологии</i>	436
<i>Первухина С.В. Философские основы понимания в филологической герменевтике</i>	438
<i>Писчиков В.С., Холин М.М. Духовность и рациональность в системе культуры</i>	444
<i>Уткевич О.И. Проблема взаимосвязи субъекта и объекта культуры</i>	446

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Архангельская К.В. Практика потребления брендов и самоидентификация современного человека</i>	448
<i>Борисова А.С. Отражение религиозных постулатов авраамических религий и синтоизма в лингвистических конструкциях (на примере переводов Книги Псалтирь на японский язык)</i>	452
<i>Бушковский А.В. Личность и инженерное творчество П.П. Мельникова</i>	453
<i>Грицай Л.А. Понимание смысла родительства в современной медиакультуре</i>	455
<i>Дашидоржиева У.Б. Феномен отчуждения в изображении писателей «потерянного поколения»</i>	456

<i>Дробышева Е. Э. Репрезентации идеи сакрального в архитектонике современной культуры: "ускользающая острота"</i>	459
<i>Жиндеева Е. А. Проблема виртуализации художественного текста с точки зрения семиотической школы Ю. М. Лотмана</i>	461
<i>Ефременко О. А. Идея молодости как доминирующий вектор массовой культуры</i>	463
<i>Иванов М. В. Культурно-психологический смысл сотрудничества Августина Бетанкура и Огюста Монферрана</i>	471
<i>Иванов М. В. Психологический аспект методологической позиции Френсиса Бэкона</i>	490
<i>Карпова Е. А. Влияние культуры на становление ценностно-нормативной системы личности в условиях кризисных ситуаций</i>	492
<i>Кац Н. Г. Из практики межкультурной коммуникации XX века: российская «культурная миграция» в США.</i>	493
<i>Кочергина А. Г. Факторы формирования правовой культуры и правового сознания</i>	502
<i>Науменко Н. В. Проблемы разрушения традиционных форм культурной идентификации</i>	507
<i>Невструева Т. Х. Смысловые характеристики психотехники как элемента культуры</i>	509
<i>Новикова Е. С. Репродуктивное поведение и культура</i>	515
<i>Обухов В. Л. Соотношение культуры и цивилизации</i>	521
<i>Рябухина В. В. Проблемы этической коммуникации</i>	527
<i>Семилуцких Д. И. Культура в эпоху laissez faire</i>	537
<i>Старшинина С. В. К вопросу о проблемах межкультурного общения</i>	539
<i>Старшова И. Г. Опыт религиозных исканий российской интеллигенции на рубеже XX-XXI вв.</i>	544
<i>Уткевич О. И. Основной атрибут белорусской культуры</i>	549
<i>Шевяков А. В. Обеспечение развития социотехнических систем в контексте психологии культуры</i>	551
<i>Шелонаев С. И. Масс-медиа. Как культура осваивает человека?</i>	557
<i>Сведения об авторах</i>	5573

РОЛЬ А.С. КАРМИНА В СТАНОВЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Титова Т. С.

«Карминские чтения» - дань памяти А.С. Кармина

Уважаемые коллеги, участники и гости конференции!

Я приветствую вас в стенах старейшего технического вуза России, где более четверти века творил Анатолий Соломонович Кармин – замечательный ученый-гуманитарий, чье имя входит в список ста выдающихся философов ХХI века. Наша Всероссийская научная конференция является юбилейной. 23 июля 2011 года исполнилось 80 лет со дня рождения Анатолия Соломоновича Кармина - доктора философских наук, профессора кафедры «Прикладная психология и социология» ПГУПС и носит название «КАРМИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2011: Актуальные проблемы культурологи и конфликтологии».

А.С.Кармин был ведущим профессором кафедры с богатейшим педагогическим опытом. Его лекции и семинары по философии, психологии и культурологии стали эталоном проведения вузовских занятий: они глубоко продуманы, методически совершенны и виртуозны по исполнению. А.С.Кармин оказал решающее влияние на рост педагогического мастерства сотрудников кафедры и внес большой вклад в дело обеспечения высокого престижа гуманитарного образования в стенах нашего университета. А.С.Кармин был авторитетным членом Методической комиссии ПГУПС, передавал свой опыт и знания молодым преподавателям университета. Как научный руководитель, А.С. Кармин был активным деятелем по подготовке научно-педагогических кадров: под его руководством защитили диссертации 9 кандидатов и 2 доктора наук.

Труды Кармина (более 180-и публикаций, из них 12 монографий) созданы на столь солидной интеллектуальной основе, столь методологически глубоки и оригинальны, что не потеряли своего значения в условиях переоценки ценностей в современных гуманитарных науках. А.С. Кармин способствовал принятию и разработке важнейших решений в области преподавания гуманитарных, являясь членом Научного Совета по философии и методологии при Министерстве высшего образования Российской Федерации. Будучи членом Философского общества, Психологического общества и Петербургского Союза ученых, своей научной, педагогической и общественной деятельностью, Кармин завоевал столь высокий авторитет, что был избран действительным членом Академии гуманитарных наук.

Во многом благодаря А.С. Кармину кафедра «Прикладная психология и социология» ПГУПС стала важнейшим научно-педагогическим центром страны в области культурологии и конфликтологии. Учебники «Конфликтология» и «Культурология», созданные Карминым в сотрудничестве с преподавателями кафедры, соответствуют международным стандартам, рекомендованы Минвузом Российской Федерации для преподавания в вузах страны, до сих пор переиздаются и являются самыми авторитетными научными и педагогическими трудами в названных дисциплинах.

Нет ничего удивительного, что конференция памяти выдающегося ученого - гуманитария проводится в техническом университете. Основанный в 1809 году Институт Корпуса инженеров путей сообщения, был и остается одним из важнейших научных и педагогических центров страны, а значит, и центром национальной культуры. В нем сохранилась традиция первого технического вуза страны, привыкшего ценить прошлое и работать на будущее. Поэтому научный и преподавательский состав любой кафедры должен быть «с веком наравне»: здесь нет деления на главные и периферийные учебные подразделения, на кафедры главные и второстепенные. И кафедра философии, и кафедра психологии, на которых работал Анатолий Соломонович, были и остаются авторитетными интеллектуальными и педагогическими центрами, известными всей России. И, конечно же, Кармин способствовал укреплению престижа и этих кафедр, нашего университета, двухсотлетие которого мы отмечаем два года назад.

Перспективы развития университетской науки и университетской педагогики тесно связаны с повышением роли «человеческого фактора». Главной целью психологической подготовки студентов технического вуза является выработка у них качеств, необходимых специалистам высшей квалификации, руководителям и организаторам производства, социально ответственным гражданам, носителям высокой национальной культуры. И здесь неоценимым является участие гуманитариев в обучении и воспитании студентов. Деятельность Кармина во многом способствовала реализации названных целей и определяла ориентиры будущих начинаний.

Анатолий Соломонович Кармин скончался 28 марта 2010 года. Научный мир страны воспринял смерть Анатолия Соломоновича Кармина как невосполнимую потерю. Некрологи, посвященные ему, были опубликованы в солидных академических журналах. В издательстве Петербургского университета путей сообщения уже после смерти ученого вышла первая часть его исследования интуиции в науке - новое в философии слово 78-

летнего профессора, но это слово не окончательное. Остались еще труды, которые ждут своего опубликования. Многие крупные ученые – гуманитарии (философы, культурологи, психологи, юристы) высказывали пожелания отметить его 80-летие конференцией и выразили готовность участвовать в ней. И представляется естественным, что она проводится в стенах нашего университета, где Кармин проработал последние 27 лет своей жизни.

Велико было обаяние личности этого человека. Кармин подтверждал свои идеи самым убедительным аргументом – фактом своего существования. Свою профессию и свою жизнь он осознавал в свете гуманистических ценностей. В своем учебнике культурологи Кармин написал: «В гуманитарных науках духовные ценности культуры являются определяющим элементом их содержания. Именно поэтому гуманитарные науки неотделимы от духовной культуры и являются ее частью. Они выступают как важное связующее звено, соединяющее науку с духовной культурой общества».

Успехов вам, уважаемые коллеги, участники и гости конференции, в разработке тех гуманитарных проблем, которых касалась универсальная мысль Анатолия Соломоновича Кармина.

Иванов М.В.

Жизнь и творчество Анатолия Соломоновича Кармина

Выдающийся ученый, оригинальный мыслитель и замечательный человек, Анатолий Соломонович Кармин был одним из той плеяды великих гуманистов, которые с возрожденческой мощью в эпоху интеллектуальной несвободы и догматического умствования отстаивали честь отечественной науки.

Кармин родился 23 июля 1931 в Киеве. Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета в 1953 г., и физико-математический факультет Ульяновского педагогического института в 1966 г. Преподавал философию и психологию в Ульяновском педагогическом институте. С 1975 года возглавил кафедру философии в Ленинградском институте водного транспорта. В 1983 году перешел работать на кафедру философии, а затем (1992) на кафедру прикладной психологии и социологии Санкт-Петербургского университета путей сообщения, где и трудился до последних дней своей жизни.

Студенческие годы для самого Кармина прошли в крайне неблагоприятных исторических условиях: конец 1940-х и начало 1950-х были временем прямого подавления культуры,

погромов в биологии и гуманитарных науках, временем борьбы с «космополитизмом», которая носила отпечаток антисемитизма и ставила лично Анатолия Соломоновича в уязвимое положение. И при всем том Кармин оказывается в сравнительно благоприятном положении, потому что Ленинградский университет представляет собой оазис высокой культуры, носителями которой и были те выдающиеся ученые-гуманитарии, которые стали жертвами «разоблачения». Но думающие студенты и аспиранты смотрят в их сторону и учатся у них. Ведь Кармин принадлежит к той когорте выпускников Ленинградского университета, среди которых находятся Ю.М.Лотман, М.С.Каган, А.М.Панченко, Е.Г.Эткинд, Е.М.Мелетинский, Б.Ф.Егоров – гордость нашей гуманитарной науки.

А.С. Кармин - активный, волевой, талантливый и очень целеустремленный студент. Однако после окончания университета он не бросается сразу готовить кандидатскую диссертацию. С одной стороны, философский климат не располагает к этому, но с другой – он хочет расширить свое образование. Кармин оканчивает физико-математический факультет Ульяновского педагогического института и становится профессиональным математиком. Стремление к ясности и точности рассуждений Анатолий Соломонович сохраняет на всю жизнь. Некоторое время преподает математику в провинциальной школе.

Докторская диссертация "Конечное и бесконечное как философские категории" защищена в 1974 г. Исследуя логику развития проблемы конечного и бесконечного, раскрывая значения этих понятий и их взаимосвязь, ученый строит философскую концепцию реальной бесконечности и обосновывает несводимость последней к математическим определениям; показывает недоказуемость и непроверяемость идеи бесконечности мира в науке.

Не прошло мимо внимания молодого Кармина одно событие из жизни философского факультета Ленинградского государственного университета. В 1949-м с убийственной формулировкой: «за троцкистский выпад против тов. Сталина» - изгоняют из университета преподавателя философского факультета Владимира Иосифовича Свидерского. Этот оригинальный и глубокий мыслитель впоследствии станет научным руководителем Анатолия Соломоновича. Кармин всегда отзывался о нем с благодарностью и уважением. Только после смерти Сталина Свидерский возвращается на факультет, защищает докторскую диссертацию, становится заведующим кафедрой, встает во главе школы, из которой, как считают, вышли многие философы – в том числе друзья и

единомышленники Кармина В.В. Ильин и В.П. Бранский, образовавших великое трио ленинградских философов. Однако уже в 1972-м Свидерский смещается с заведования «за потворство международному сионизму» (одна из ассистенток кафедры уехала вслед за мужем в Израиль), а в 1983 году увольняется из университета за «некритичное» отношение к семиотике. Кстати, в этом же году возникают неприятности и у самого Кармина. В то время он возглавляет кафедру философии Ленинградского института водного транспорта. Из-за разногласий с партийным руководством института Анатолий Соломонович вынужден уволиться из вуза.

А.С. Кармин переходит на работу в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. А после партийного выговора не так просто было это сделать – спасло лишь то, что кафедрой философии и научного коммунизма в этом институте заведовал В.В. Ильин, который даже готов был уйти из института, если бы Ученый совет не избрал Кармина на должность профессора. Лекции по философии Кармин читал превосходно. Однако он всегда нацелен на поиск новых идей и новых дел – через некоторое время он переходит на кафедру прикладной психологии и социологии, на которой раскрываются новые грани его научного и преподавательского таланта. Студенты и аспиранты нескольких поколений с восхищением вспоминают его блестящие лекции по культурологии, психологии, конфликтологии.

Поразительна широта его научного кругозора. На протяжении нескольких десятилетий А.С.Кармин публикует сотни исследований по проблемам природы философского знания, категориального аппарата философии науки, методов научного исследования, философского анализа физики и математики, а также по проблемам социокультурных аспектов познавательной деятельности человека, творческой интуиции и т.д.– он даже издает монографию по психологии рекламы. Его перу принадлежат полноценные учебники сразу по трем различным научным дисциплинам: философии, культурологии и конфликтологии, которые признаны специалистами одними из лучших в своих областях научного знания и пользуются большим авторитетом во всех вузах страны. Впрочем, поражает не только широта, но и глубина научных исследований Кармина. Можно без преувеличения сказать, что Кармин обладал энциклопедическими познаниями и глубоким аналитическим мышлением.

А.С. Кармин развивает и обосновывает понимание философии как особой сферы интеллектуального творчества. Философские категории рассматриваются как язык, на основе

которого строятся знания человека о мире и о себе. Совместно с В.П. Бранским и В.В. Ильиным А.С. Кармин разрабатывает в философии "атрибутивную модель" объекта познания, которая выступает в качестве обобщенной схемы описания любых объектов. Вводит новые представления о процедурах построения научного знания в их логической структуре, предлагает систему оценок методов исследования (по параметрам общности, продуктивности, рациональности).

Кармину не нужно было «перестраиваться», когда наступило время перемен: он был готов решать новые проблемы с той же академической ответственностью и природной оригинальностью. В 1992 году выходит учебное пособие «Лекции по философии», написанное им и его учеником Г.Г. Бернацким. А уже в 2001 году публикуется полноценный учебник (Философия. СПб., 2001). То был сложный период для философской мысли в нашей стране: период натиска идеалистической, религиозной, мистической, иррационалистической философии, период смятения в умах многих материалистов и рационалистов. И вот появляется значительная работа, в которой последовательно отстаиваются позиции материализма и рационализма.

В учебнике Кармина убедительно показывается, что материалистическая традиция в философии продолжает жить и развиваться, обогащаясь за счет осмысления новейших достижений науки, что современная материалистическая философия обладает большим эвристическим потенциалом и способна выполнять важные методологические и социальные функции. При нынешней массовой пропаганде различных форм оккультизма и религии атеизм и материализм как его философская основа явно нуждаются в защите. Кармин полагает, что это философское направление должно быть представлено в учебной литературе не меньше, чем религиозно-идеалистические воззрения.

Не менее актуальна, считает Кармин, и задача защиты рационализма. Социально-психологические исследования показывают, что среди учащейся молодежи широко распространено убеждение (отчасти навеянное вульгарно понятным «духом демократии»), что чуть ли не по любому вопросу - в том числе и сугубо научному - могут существовать разные мнения, и любое из них, пусть даже совершенно произвольное и беспочвенное, ничуть не хуже других. Торжествует дух софистики. Когда рациональное философское мышление вытесняется из культурного пространства, вместе с ним уходит престиж философии и науки. Их место в культуре занимает мифотворчество. Кармин не устает повторять, что

противодействовать этому мутному потоку могут только здравый смысл и логика – эти постоянные спутники материалистической и рационалистической традиций философского мышления.

Кармин не подстраивает свои убеждения к новой политической конъюнктуре. Он остается убежденным материалистом, выступает против любых попыток соединения науки с религией. Кармин знакомит студентов с самыми актуальными разработками в области гуманитарных знаний. Лекции Кармина перед студентами побуждают молодых людей к умственной активности и духовному росту и уже сейчас стали легендарными.

В конце 80-х и первой половине 90-х годов прошлого столетия в государстве происходят глубокие социально-экономические и политические преобразования. Страна переживает большие потрясения. Грандиозные изменения переживает отечественная гуманитарная наука и философия. Кармин вдохновлен происходящим и активно реагирует на процессы социальных изменений. Он сам активно учится всему новому: ходит на лекции западных и отечественных коллег по проблемам разрешения конфликтов, тесно сотрудничает с первым в стране Петербургским центром по разрешению конфликтов, организует написание учебника «Конфликтология» (1999). Кармин пишет треть общего текста и одновременно осуществляет общую редакцию книги. Россия получает учебник по новой для нас дисциплине, написанный на высоком, можно сказать, международном научном уровне. В нем настойчиво проводится мысль, что разрешение конфликтов должно основываться не на силовом давлении, а на ведении переговоров, организованных специально обученным нейтральным посредником. А.С. Кармин понимает, что силовое разрешение конфликтов в конце концов приводит лишь к эскалации конфликтов и к проигрышу обеих сторон.

В 2001 году Кармин издает учебник «Культурология», выдержавший к настоящему времени уже четыре издания. (Четыре издания, кстати, и у учебника по «Конфликтологии»). По формальному жанру - это вузовский учебник, а по масштабу – капитальный труд энциклопедического характера, напечатанный на 832 страницах мелким шрифтом! В его создание Анатолий Соломонович включил в контекст важнейших культурно-исторических теорий весь свой опыт философа, методолога науки, исследователя креативных процессов. И это первый по времени появления учебник академического уровня, посвященный культурологии..

В 2007-2008 гг. А.С. Кармин опубликовал девять статей по

методологическим принципам психологии, написанных в соавторстве с философом Ю.М. Шилковым и психологом В.М. Аллахвердовым. Совместное творчество трех самостоятельных исследователей – само по себе весьма непростое начинание. Соавторы заранее договорились, что во всех спорных случаях решающее слово остается за А.С. Карминым. Таков был его личный и научный авторитет. Другое дело, что мудрость и компетентность Анатолия Соломоновича приводят к тому, что во всех случаях побеждает не его мнение, а его умение конструктивно сочетать различные точки зрения и стилистически разнородные приемы к единому согласованному тексту. Важно также, что методология науки для А.С. Кармина никогда не играла роль чисто академической дисциплины. Он трактует ее не только как набор мировоззренческих установок, но и как регулятивные принципы реального научного исследования. И рассматривает он эти принципы на материале психологической науки, которую хорошо знал и любил.

Идут годы, а Кармин смотрит вперед, пишет новые книги, готовится к новым лекциям. 2 февраля 2010 года Анатолий Соломонович Кармин приходит, как обычно, на лекцию по культурологии к студентам Санкт-Петербургского университета путей сообщений, однако срочно госпитализируется. Тогда никто не предполагает, что на этой непрочитанной лекции прервется золотая цепь блестящих выступлений, импровизаций, реплик, вдохновляющих советов. Воистину Анатолий Соломонович умел вдохновлять. А сам всегда жил «на разрыв аорты». И аорта не выдержала...

Перед операцией звонил друзьям, говорил им самые теплые слова и, на всякий случай, прощался. «Я смотрел в интернете, - говорил он, - такие операции кончаются успешно лишь в 50% случаев». И просил нас, если что случится, издать его последнюю книгу об интуиции. Он продолжал ее править даже перед самой операцией, уже в больнице.

М.М. Бахтин говорил, что завершающее слово о человеке нельзя сказать, пока он живет, но и после смерти можно вести с ним мысленный диалог, открывая все новые горизонты его сознания. Кармин поражает разнообразием интересов и сосредоточенностью на новых, не решенных наукой проблемах. И не видно ясных тематических границ его исследований. Сейчас, после его кончины, все настойчивее укрепляется мысль, что эти границы все время раздвигались, демонстрируя тем самым рост универсальности интеллектуальных построений ученого. Мысль и дела Анатолия Соломоновича все более гармонизировались, составляя замечательный союз духовного и практического бытия.

В течение 40 лет Кармин, по его собственному признанию, работает над проблемой творчества, мечтает создать интегральную концепцию творческой деятельности. Анализируя различные подходы к определению творчества, Кармин полагает, что различные «одноаспектные» подходы к проблеме творчества с позиций философии, психологии, социологии исчерпали свои возможности, так как наблюдается тенденция как к сужению поля зрения исследователя (например, исключению из него или творческого продукта или творческого процесса), так и к охвату чересчур широкой предметной области, куда наряду с творчеством попадают и отличные от него вещи, которые, однако, отождествляются с ним (часто в философском толковании творчества ставят знак равенства между ним и «творчеством природы»). Интеграция различных исследовательских позиций в общую междисциплинарную теорию творчества отвечает логике развития этих позиций. Базой теоретических построений Кармина всегда оставалась философия, она чаще всего выступает как блок исходных концептуальных установок, направленных на возделывание «полей незнаемых», расположенных между нею и другими науками. Благодаря «философскому вмешательству» Кармина «Конфликтология» и «Культурология» обретают серьезный научный статус, стирая случайные черты с построений, появившихся в наспех испеченных печатных изданиях, посвященных модным темам. Строгость логики у него всегда сочетается с энциклопедичностью. Неслучайно последняя глава «Культурологии» называется «От разобщенности – к культурному единству человечества». Опыт Кармина-методолога сказался особенно ярко в том, что предпочтительное внимание было оказано семиотическому подходу к культуре, оформленному в исследованиях отечественных гуманитариев – прежде всего представителей московско-тартуской школы, наиболее успешно преодолевавших догматизм официальных доктрин и стремившихся к интеграции наук (искусствознания, лингвистики, этнографии, фольклористики, психологии, социологии, теории знаковых систем, теории информации). Поэтому неудивительно, что в авторитетном коллективном научном труде (в форме учебника), созданном в недрах философского факультета Санкт-Петербургского университета, главы о культурогенезе на семиотической основе были написаны Карминым. И при всей осторожности формулировок ясно, что ученый верит в плодотворность именно семиотической теории. Раздел, посвященный идеям Ю.М. Лотмана, завершается словами: «Описанная Лотманом последовательность смены типов культур завершила полный

круг. И если начинается движение по новому кругу, то можно ожидать, что в грядущей культуре приоритет снова получит семиотический принцип. Скорее всего в семиотической культуре будущего... разовьется стремление к точности и строгости смысла языковых выражений, основой которого станет совершенствование и распространение на все сферы жизни компьютерной техники». (Культурология. Учебник под ред. Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. М., 2005. С. 277-278).

Последнее исследование Анатолия Соломоновича посвящено интуиции. Тема научного творчества и интуиции – сквозная для всей научной деятельности Кармина. О творчестве в науке он пишет еще в 60-е гг. Проблема творческого воображения затем рассматривается им при обсуждении психологии рекламы, техники ведения переговоров в конфликтных ситуациях, при проведении социологических исследований. В последний год своей жизни А.С. Кармин заканчивает работу над очень большой по объему монографией «Интуиция: философские концепции и научное исследование».

Интуиция не есть мистическое откровение, непосредственное и необъяснимое появление которого в сознании нужно просто принимать как непреложный и непостижимый акт. «Традиционное, до сих пор приводимое в словарях и философских энциклопедиях определение интуиции, утверждающее непосредственность интуитивного знания, не может быть положено в основу ее научного понимания. Последнее требует снятия абстракции непосредственности и рассмотрения интуиции как когнитивного процесса, посредством которого создается интуитивное знание» (Кармин А.С. Формы и механизмы интуитивного мышления. СПб., 2009. С.24). Кармин обоснованно критикует представление об интуиции как о «высшем» знании, содержащем не разложимую на элементы, не постижимую по источнику, но зато наиболее достоверную истину. Бессознательное не есть иррациональное, не подчиненное определенным механизмам переработки информации. Сознание способно проанализировать и понять логику работы бессознательного, обеспечивающего осознанное решение.

Незадолго до своей кончины Анатолий Соломонович Кармин думает о величии миссии ученого. Последняя книга, которую Кармин опубликовал при жизни, заканчивается словами: «Новые результаты в науке не являются следствием какого-либо одного отдельно взятого познавательного акта, поэтому было бы глубоким заблуждением думать, что создание новых научных представлений и понятий определяется лишь умением «применять механизм» эйдетической или концептуальной интуиции. Интуитивные догадки - это только

частные проявления общего процесса функционирования научного мышления в целом, опирающегося на практическую деятельность человечества. Нет ничего более нелепого, чем мнение, будто они могут возникнуть «ни с того, ни с сего», «на пустом месте»». (Там же. С. 171).

Важной позицией Кармина в психологии творчества был тезис, что творческая личность живет не случайной счастливой находкой, а постоянным, многолетним поиском оригинальных решений. Такой творческой личностью был и сам Анатолий Соломонович – деликатный и остроумный, азартный и упорный, мудрый и бесстрашный. Он являл поразительный пример полноты, с которой человек реализовал себя в жизни.

Аллахвердов В.М.

А.С. Кармин в трудах по методологии психологии

Поддержано грантом РФФИ 10-06-00429а

А.С. Кармин остро переживал методологическую ситуацию, сложившуюся в психологии. Так получилось, что советские психологи, долгое время все как один бывшие марксистами, после исчезновения советского государства и отказа от признания единственно верной идеологии, почувствовали необычайную ничем не ограниченную свободу. Они стали выставлять анархистские лозунги, без особого разбора сбрасывая «с парохода современности» все до этого столь привычные методологические позиции. Якобы истина – устаревшее понятие, а потому задача ее постижения – абсурд; обилие в психологии противоречащих друг другу теоретических позиций – это не признак слабости психологии, а нормальное положение дел, к которому рано или позднее придут все науки. Ведь в век постнеклассической науки любая идея имеет право на существование, поскольку нет верных или неверных идей. Плюрализм стал настолько моден, что попытка выразить монистическую точку зрения стало восприниматься чуть ли не как возврат в доисторическую эпоху. Все это сопровождалось повышенным вниманием к эзотерическим учениям и соответствующим психологическим практикам, не имеющим никакого теоретического основания. Со всех сторон стало звучать, что рациональность – излишнее требование, а материализм – прибежище ленивых духом, мешающее решать реальные психологические проблемы. Надо ли говорить, что рационалисту и материалисту, философу, культурологу и психологу А.С. Кармину все это очень не нравилось.

В 2006 г. вышел первый номер журнала «Методология и история психологии». Увидев его, известный петербургский философ Ю.М. Шилков предложил А.С. Кармину и мне написать

цикл статей для психологов-аспирантов, изучающих курс методологии и истории науки, и в этих статьях выразить нашу точку зрения. Мы согласились, еще не представляя, в какую кабалу сами себя загоняем: ведь за 2 года мы опубликовали вместе 9 статей. И собирались продолжать, обсуждали планы будущих публикаций. Но внезапно погибла жена Юрия Шилкова, сбитая на его глазах пьяным водителем, и Юрино сердце не выдержало. Затем ушел Анатолий Кармин...

В этой серии публикаций мы пытались описать методологию науки как набор методологических принципов, позволяющих ученому (в первую очередь, ученому-психологу) корректно строить свои теоретические изыскания. Речь идет не о содержательных принципах (типа принципа единства сознания и деятельности), а о регулятивах или правилах, по которым «играют» в замечательную социальную игру, именуемую наукой. (Анатолию, кстати, не нравился термин «игра в науку», это я на нем настаивал). Мы описали принципы простоты, идеализации, проверяемости и преемственности и рассмотрели, как они применяются в психологии. В итоге заявили: «Если в психологии не слишком удачно работают методологические принципы, то не следует считать психологию какой-то совсем особой наукой. Просто психология находится на такой стадии развития, что еще не в полной мере соответствует принятым методологическим требованиям» [1].

Поделюсь впечатлениями о том, как шла наша совместная работа. Думаю, в мемориальном сборнике, посвященном А.С. Кармину, это вполне уместно.

Вначале мы собирались вместе (чаще – дома у Юрия), намечали контуры будущей статьи и поручали одному из нас (назову его первым автором) написать основной текст. Этот вариант посылался второму автору. Тот делал правки, добавления, ставил вопросы. И возвращал первому. Тот реагировал на внесенные предложения и посылал третьему. После правок на замечания третьего автора, первый автор опять посылал текст остальным. И тут уже все правила снова, снова возвращали и так продолжалось до тех пор, пока не принималось решение остановиться. В итоге приходилось работать сразу с большим числом вариантов одной и той же статьи. Не удивительно, что иногда возникало непонимание, какой вариант является главным. Вот для примера письмо Кармина ко мне: «Витя, пришли, пожалуйста, окончательный текст – я запутался в вариантах и не пойму, какой из них последний». И иронизировали по поводу недостижимой близости финала. Из письма Кармина: «Посылаю вариант второй части "Принципа проверяемости". Вар. А – это был первоначальный текст Юры, Вар. Б – продукт моего вмешательства в

этот текст. Теперь очередь за Витиным вар. В – с надеждой, что мы все же не дойдем до конца алфавита». И не было надежды, что какой-то конкретный вариант, уже начинавший кому-нибудь нравиться, наконец-то окажется последним – всё время кто-нибудь вносил поправки. Вот пишет Кармин: «Шлю очередной вариант. Надеюсь, предпоследний».

У нас было четкое распределение ролей. Юрий – это мощный мотор, излучающий энергию, нас организующий и подготавливающий. Я считался консультантом по психологам, т.е. по тем людям, которым мы адресуем наши тексты. Анатолий же был в нашей группе признанным научным авторитетом. Мы даже договорились, что в случае споров между соавторами, окончательное решение принимает Анатолий. Впрочем, он ни разу этим правом не воспользовался.

Кармин постоянно иронизировал по поводу собственных текстов. Вот цитаты из его писем: «Дорогие А. и Ш.! (Иногда он писал: «Други!») Задача: кромсать, изменять, сокращать, дополнять и снова кромсать. Цель: довести этот текст до такого безобразия, что уже ничего нельзя будет с ним сделать, кроме как послать в редакцию. Надеюсь, сообщая мы этого добьемся. За работу, господа!». «Посылаю начало текста в моей интерпретации. Думаю, есть немало возможностей для его улучшения». А вот пишет мне (я тогда только что вернулся из Орлеана с конференции, посвященной Жанне д`Арк): «Пока одни отдыхают в обществе Жанны д`Арк и ее друзей, другие бессонными ночами с трудом высиживают хилый текст, который посылают тому, кто отдыхает. Нет, нет справедливости на земле».

Однако исправлять текст Кармина было непросто. Я как-то удалил абзац из его текста, полагая, что приводимый им пример из области физики труден для понимания психологов. И такую версию текста переслал Анатолию. Когда текст возвратился ко мне от Кармина обратно, вижу: выброшенный абзац вставлен снова и даже не сделано никаких комментариев. В таких случаях я сдавался и более этот текст не трогал. Впрочем, если позвонить, долго объяснять – он соглашался на самые серьезные изменения. Особенно, если и я, и Юрий были единодушны. (Мелкие правки всеми принимались вообще без обсуждения).

Как редактор наших текстов он был и мягким, и жестким одновременно. Снова цитаты из переписки: «Есть несколько пустяковых – чисто редакционных – поправок. Но только сомнения у меня насчет куска о практике – я изложил их в примечаниях. По-моему, самое простое – убрать этот кусок (4 абзаца). Но если ты сочтешь мои примечания, как говорят юристы, ничтожными, – настаивать не буду, отправляя статью». Или: «Получилась у тебя очень симпатичная статья. Хотя моя правка и

выглядит страшновато – сплошь красное и синее, на самом деле поправки невелики: в основном, просто куски текста перемещены, да кое-что смягчено. Ради большей – конечно, с моей субъективной точки зрения – логики». А вот пример его тщательности в работе с текстом: «Все о-кей. Единственное замечание – крупнейший дефект: отсутствие второй скобки в №23 списка литературы».

Для меня это был интереснейший, хотя и весьма мучительный период перманентного писания методологических текстов. Интереснейший из-за постоянного уточнения формулировок собственной позиции (разве когда-нибудь еще мои сырые тексты будут с таким вниманием читать и исправлять столь классные читатели!), из-за периодически возникавших споров друг с другом. Я, например, долго не соглашался с Карминым, что все математические объекты суть идеализированные объекты. Тогда, возражал я, вообще все понятия можно считать идеализированными (как, кстати, утверждает М.А. Розов). Но Анатолий меня, в конце концов, уговорил, и я принял его трактовку. Особенно часто мы возвращались к обсуждению принципа рациональности. Однако здесь уже позиция Юрия Шилкова была столь негибаема, что мы никак не могли придти к согласованной позиции. В итоге даже отказались от описания этого принципа в наших журнальных статьях. Отложили на потом.

Воспоминание о последнем разговоре с Анатолием до сих пор вызывает у меня сильную эмоциональную реакцию. Мы говорили по телефону. Он уже лежал в больнице, завтра у него должна быть операция. Он, конечно же, заранее все прочитал о такой операции в интернете и знал, что ее успех – 50 на 50. Говорил мне комплименты, на всякий случай навсегда прощался и просил, если с ним что случится, издать его последнюю книгу об интуиции, которую продолжал редактировать даже в больнице. Сейчас книга выходит в Северо-Западном отделении издательства «Наука». И совершенно по-новому я прочитал в ней текст о рациональности, написанный А.С. Карминым. Этот текст подвел итог некоторым нашим дискуссиям. Поскольку выразить мысль Кармина лучше самого Кармина я все равно не смогу, то позволю себе привести несколько цитат из еще только печатающейся книги и их прокомментировать [2].

«Разум не складывает в беспорядочную кучу разнообразных данные наблюдений и опыта, а вносит в них разумный порядок, находит, изобретает, конструирует законы их связи и таким образом представляет познаваемую реальность рационально устроенной, существующей и изменяющейся по определенным законам... Единственное философское основоположение, которое здесь необходимо, – это предположение, что

объективная реальность хотя и не рациональна, но рационализируема, т.е. в принципе допускает возможность ее разумного объяснения... Наука есть система рационального знания, и она не может иметь своим предметом то, что по определению рационально понять невозможно».

Попробую пояснить, как я это понимаю. Рациональность (в широком смысле) – это разумность (ratio /с лат./ – разум). Именно так трактует рациональность А.С. Кармин. Признать, что существует нечто иррациональное, разумом принципиально непостижимое, противоразумное (термин Кармина) – значит, выйти за границы науки. Иррациональность может трактоваться как временная нерациональность, т.е. как то, что пока еще не получило разумного объяснения, но позднее вполне может его получить. Она может трактоваться как субъективная нерациональность, т.е. как субъективное переживание того, что не осознано нами и, может быть, никогда не будет осознано (как, например, собственная смерть или бессознательное), но что, тем не менее, может иметь разумное обоснование. Из того, что человек не всегда осознает причину своего поведения или природу своих переживаний, не следует, что его поведение и переживания не могут быть рационально описаны. А вот признание принципиальной иррациональности, противоразумности человека ведет к отказу от построения науки психологии. Далее снова слово Кармину:

«Современный философский рационализм не только не исключает, но, наоборот, предполагает включение иррациональных компонентов в жизнь, поведение, мышление человека. Желания, страсти, эмоции, бессознательные импульсы часто вступают в противоречие с разумом и заставляют человека мыслить и действовать вопреки ему. Алкогольная зависимость и наркомания, азарт игрока и безумная любовь не контролируются разумом и заставляют человека действовать нерационально. И неважно, осознает или не осознает он нерациональность своего поведения: все равно иррациональная сторона его натуры здесь берет верх над рациональной. Поведение, происходящее при бессознательным или сознательным отключении разума от контроля за ним, является неразумным, иррациональным по своей онтологической природе. Однако вместе с тем оно все-таки может быть предметом рационального объяснения и в этом смысле является рациональным по своему эпистемическому статусу. При этом иррациональное поведение и при нахождении его рационального объяснения остается онтологически иррациональным».

Сам я склонен к более жесткому пониманию рациональности. Принцип рациональности для меня – это признание того,

что научное описание природы должно быть непротиворечивым, а также признание того, что все явления в мире в принципе могут быть описаны без противоречий (т.е. природа рационализируема, говоря словами Кармина). Утверждается, тем самым, что принцип рациональности не накладывает ограничений на познание и что логическая конструкция, непротиворечиво описывающая мир, может быть создана человеческим разумом. И все же принцип рациональности не может быть логически обоснован. Любое логическое обоснование использует опору на аксиомы, т.е. на никак не доказанные истины. Но, с другой стороны, отказ от этого принципа вообще равносителен отказу от логики – ведь, согласно логике, из противоречия вытекает все, что угодно. Более того, до сих пор по мере прогресса науки многие казавшиеся противоречивыми явления удавалось сложить в непротиворечивую картину мира. Можно надеяться, что прогресс науки будет продолжаться до тех пор, пока мы будем способны устранять возникающие противоречия.

А вот как объясняет Кармин, почему принцип рациональности не может быть рационально обоснован: «Рационализм даже сам себя не может обосновать без обращения к нерациональным предпосылкам. Ведь рациональные аргументы могут быть приняты во внимание только тем, кто готов к ним прислушаться, т.е. уже заранее принял рационалистическую установку мышления. На иррационалиста никакие рациональные доводы впечатления не произведут. Следовательно, выбирая рационализм, человек делает этот выбор не на рациональных основаниях. Крайний рационализм, который не допускает никаких иррациональных (точнее, «не-рациональных») решений, не может быть никак оправдан. Ибо он требует, чтобы признание получали только такие суждения, которые опираются на доказательства, а все предложения, не имеющие под собой разумных оснований, отвергались. Но такое требование не может быть доказано, а потому оно само себя отвергает. Крайний рационализм убивает себя тем принципом, на котором хотел бы жить».

Я убежден, что подход к рациональности, столь ясно сформулированный А.С. Карминым, чрезвычайно важен для психологов. Психология не может иметь своим предметом то, что в принципе не поддается рациональному описанию. Только признав это, можно строить ее как науку.

Литература:

1. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Почти постмодернистский гипертекст о методологии науки, написанный в подражание О.Уайльду авторами, отнюдь не ласково относящимися к постмодернизму. // Методология и история психологии, 2008, вып. 3, с.5-8.

Бернацкий Г.Г.

**Существуют ценности, которые стоят не ниже прав
человека**

*Посвящается светлой памяти
моего учителя
Анатолия Соломоновича Кармина*

Аннотация

А.С. Кармин обладал прекрасным умением проводить обстоятельный философский, можно сказать, диалектический анализ научных и социальных явлений. Нельзя не вспомнить, что совместно с профессором В.П. Бранским Кармин разработал концепцию атрибутивной (диалектической) модели материального объекта. Эта концепция представила диалектику как инструментальный метод познания. На наш взгляд, диалектический метод познания не потерял своего значения до сих пор. Диалектика может помочь нам в рассмотрении текста ныне действующей Конституции РФ, особенно вопроса о том, какое место отводится правам человека и гражданина в сопоставлении со статусом общества и государства.

Конституция СССР была основана на марксистской теории, в соответствии с которой Конституция СССР утверждала приоритет публичных, общественных интересов над личными, частными интересами. Ныне действующая Конституция России 1993 г. задумывалась как альтернатива к конституции СССР и создавалась на основе доктрины либерализма.

Либерализм сформировался на заре возникновения буржуазного строя. Он провозглашал естественные права человека - право на жизнь, свободу и собственность - высшими ценностями и оправдывал индивидуализм буржуазного человека. Для 19 века либерализм выступал вполне прогрессивным учением. Теоретики либерализма И.Бентам и Г.Спенсер доводят концепцию либерализма до логического конца. И.Бентам полагает, что единственная задача человека — стремиться к личному удовольствию и избегать страданий, а общее благо государства является арифметической суммой удовольствий отдельных граждан (7). Г. Спенсер утверждает, основу общества составляют

свободные личности, которые борются за свое существование, при этом выживают сильнейшие. Полностью отрицая коллективизм, Г. Спенсер выступает против помощи бедным и больным, против государственного содержания и воспитания детей-сирот, медицинского надзора за бедными. Коллективизм, пишет Спенсер, - это «поощрение худших за счет лучших» (8).

В 19 веке либерализм выступает идеологической основой для развития капиталистических, рыночных отношений. Однако к концу XX века либерализм себя полностью дискредитировал. Современный финансово - экономический кризис – это, прежде всего, идеологический, нравственный кризис. Индивидуализм буржуазного человека превратился из созидательной силы в опасную, разрушительную силу. Наш отечественный мошенник Мавроди со своей финансовой пирамидой выглядит совершенным ребенком по сравнению с американским магнатом Бернардом Мэдоффом, который создал пирамиду на сотню миллиардов долларов и обманывал миллионы людей по всему миру. Человек-индивидуалист ненасытен. В условиях глобализации он стал опасной и разрушительной силой для всего мира и не только в сфере экономики и финансов, но и в политической, социальной, культурной сферах.

Конституция СССР стояла на доктрине тотального коллективизма, а современная Конституция России стоит на доктрине тотального индивидуализма. На наш взгляд – это две противоположности, тезис и антитезис, которые должны быть сняты в синтезисе.

Либеральная доктрина в современной Конституции России ярко выражена в статье 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Как будто бы все правильно. Но нет, не правильно. Здесь постулируется крайний индивидуализм. При буквальном толковании данной статьи получается, что моя жизнь и моя собственность превыше всего. А государство должно обеспечивать мои личные интересы. Да здравствует Бентам и Спенсер!

В настоящее время ни одна конституция мира так прямо, без каких-либо оговорок, не постулирует права человека и гражданина в качестве высшей ценности. Например, ст. 13 Конституции Японии гласит: *«Все люди должны уважаться как лично-*

сти. Их право на жизнь, свободу и на стремление к счастью является, поскольку это не нарушает общественного благосостояния, высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел».

Мы полагаем, что тезис классического либерализма о правах человека как высшей ценности несостоятелен с философской, если угодно, диалектической (3) точки зрения. Конституции мира давно отказались от доктрины либерализма. А мы упорно на ней стоим. Мы опять отстаем в конституционном развитии. Естественные права человека не могут быть единственной высшей ценностью в современном обществе. Есть ценности, которые не менее высоки, чем права человека. Это ценности самого общества.

1. Ограниченность ст. 2 Конституции РФ проявляется в отношении противоположных категорий «права» и «обязанности»

И в диалектике, и в теории права эти понятия рассматриваются как равноправные сущности: нельзя отдавать приоритет правам над обязанностями или, наоборот, обязанностям над правами.

Вместе с тем эта простая и верная мысль не принимается во внимание в ст. 2 Конституции РФ. В. А. Кикоть констатирует, что в данной статье провозглашаются права и свободы человека высшей ценностью: «Это единственная высшая конституционная ценность. Все остальные общественные ценности (в том числе обязанности человека) такой конституционной оценке не получили и, следовательно, рассматриваются по отношению к ней на более низкой ступени и не могут ей противоречить» (4).

Интересно вспомнить заочный спор мировоззренческих позиций первого мэра Санкт-Петербурга А. А. Собчака и митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна. Собчак настаивает на верховенстве прав и свобод человека, а Иоанн — на верховенстве обязанностей. Иоанн пишет: «Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации „прав“ питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне „всех против всех“... Русское общество от века строилось на воспитании в человеке, прежде всего, твердого осознания своих обязанностей» (1).

С философской точки зрения и А. А. Собчак, и митрополит Иоанн занимают одностороннюю позицию — они, так сказать, оба не правы: права и обязанности находятся в диалектическом единстве и не следует отдавать первенство либо правам, либо

обязанностям.

Вместе с тем, и А. А. Собчак, и митрополит Иоанн могут считаться оба правыми, но в конкретно политическом смысле. В период революционных преобразований общества на первое место обычно выходят права человека, с их помощью утверждаются новые, прогрессивные, более свободные общественные отношения. В 1990-е гг. Россия переживает революционные преобразования. И получается, что А. А. Собчак прав, но только применительно к конкретному историческому моменту государства. С другой стороны, в периоды стабильного функционирования общества на первое место выдвигаются обязанности личности, поскольку именно в умении нести свои обязанности кроется основа стабильности общества. Социализация молодого человека начинается с формирования в нем умения нести обязанности, которые приняты в обществе и государстве. И в этом смысле прав митрополит Иоанн.

Практически все конституции мира подчеркивают непреходящее значение обязанностей человека и гражданина перед обществом и государством. Например, ст. 4 Конституции Италии гласит: *«Каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному развитию общества»*. Конституция Португалии в ст. 12, которая называется «Принцип всеобщности», указывает: *«Все граждане пользуются правами и несут обязанности, закрепленные за ними Конституцией»*. Конституция Японии в ст. 12 выражает положение так: *«Свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния»*.

Итак, права и обязанности человека и гражданина в равной степени являются высшими ценностями и отдавать предпочтение правам нет оснований.

2. Ограниченность ст. 2 Конституции РФ проявляется в отношении противоположных категорий «права человека» и «обязанности государства»

Показательно, термин «обязанности государства» встречается в Конституции только один раз — именно в ст. 2. Вновь видим торжество доктрины либерализма — торжество индивидуа-

лизм. Б. С. Эбзеев так и пишет: «Человек есть цель в себе. Это означает, что Конституция трактует человека как самоценность. Тем самым исключает его использование в качестве средства достижения общего блага, защиты интересов народа или обеспечения потребностей государства» (4). Резюмируя высказывание Эбзеева, можно сказать, что общее благо, защита интересов общества не может достигаться за счет усилий и самопожертвования отдельных людей. Но тогда непонятно, как общее благо вообще может достигаться. Кто, какой демиург будет давать обществу это благо. Конечно, мы знаем утверждение И. Канта о том, что человек не может быть средством, а только целью. «Практическим императивом... будет следующий: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, но никогда не относился к нему только как средству" (2). Однако требуется правильно толковать его мысль: отдельный человек не может быть средством для эгоистических интересов другого человека, но вопрос о соотношении человека и общества, на наш взгляд, остается у И. Канта открытым.

В настоящее время с философских позиций можно утверждать, что человек есть и цель и средство в обществе и государстве. Иначе не понятно, кто же будет добывать хлеб насущный для человека как цели, кто будет защищать страну от врагов, спасать от пожаров. Человек обязан выступать как средство и для себя, и для общества.

Рассмотрение человека только как цель, провозглашение человека, его прав, высшей ценностью ведет к губительным последствиям для общества и государства. Именно из такого мировоззрения вырастает мораль эгоцентризма: пусть кто-то другой умирает, защищая свое Отечество, испытывает лишения, сохраняя национальные святыни, теряет здоровье на восстановлении разрушенных городов. А я буду заботиться только о своей жизни и своем имуществе. Многие российские предприниматели пропитались этим опасным духом либерализма. Они любят повторять грубо-зримую фразу: «Бабки делаем здесь, а аэродромы на Западе» (нарубим побольше бабла здесь и сбежим на Запад).

3. Теоретическим недостатком ст. 2 Конституции РФ является сопоставление человека только с государством. Однако человека следует рассматривать в сопоставлении с обществом и государством

В таком подходе можно предложить выход из затруднений, которые сформулированы выше. Джон Локк в свое время выдвинул теорию естественных прав человека. Человек от рождения имеет право на жизнь, свободу и собственность. В настоя-

щее время надо признать, что и общество само по себе имеет естественные неотчуждаемые права. В естественном животном мире существует закон, где выживание рода животных важнее выживания индивида. Этот закон действует непреложно – будь то табун лошадей, стая волков или стая обезьян. Животные нередко жертвуют собой, чтобы спасти свою популяцию, свой род. То же происходит и в нормальном обществе людей. Героизм человека – это самопожертвование индивида во имя жизни своего народа. Герой не думает, что его жизнь – высшая ценность, а жизнь общества – второстепенная.

Концепцию естественных прав человека надо дополнить теорией естественных прав общества как высшей ценности. Общество объективно само по себе имеет свои неотчуждаемые, естественные права, такие, например, как право на существование, право на безопасность, право на сопротивление угнетению, право на свободное развитие, право на самоопределение....

Наличие естественных прав общества уже фактически закреплено во многих правовых и политических документах. Например, п. 1 ч. 1 ст. 41 Конституции Ирландии гласит: «Государство признает семью как естественный первоисточник и объединяющую основу общества, а также как нравственный институт, обладающий неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, предшествующими всякому позитивному праву и высшими по отношению к нему». Статья 2 Конституции Испании утверждает: «Конституция основана на нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев...». Основной закон ФРГ 1949 г. в ст. 14 указывает, что общество имеет право требовать использование собственности на общее благо: «... Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу». Фактическое признание естественных прав общества можно найти в общепризнанных принципах международного права, скажем, в праве нации на самоопределение. Положения о самодовлеющих, неотчуждаемых права общества поддерживаются и Церковью. Так, X Всемирный Русский Народный Собор в апреле 2006 г. принял Декларацию о правах и достоинстве человека, в которой записано: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество» (9).

Таким образом, философский анализ ст. 2 Конституции РФ показывает, к высшим ценностям следует относить, прежде всего, ценности самого общества наряду с правами и обязанностями человека и гражданина. Вместе с тем государство обязано стоять на защите общественных и индивидуальных интересов, публичного и частного блага.

Опираясь на сказанное, рискнем предложить новую редакцию ст.2 Конституции РФ:

«Общество и человек и гражданин, их неотчуждаемые права и свободы являются высшими ценностями. Признание, соблюдение и защита прав и свобод как общества, так и человека и гражданина — обязанность государства».

Литература:

1. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. — СПб.: Издательство Л. С. Яковлевой, 1994 — 352 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. / Сочинения в шести томах. Том 4. Часть 1. — М., 1965.
3. Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия. Учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2010. — 560 с.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / авт. кол.: Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь, С. П. Маврин и др.; под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. — М.: Эксмо, 2009. — 1056 с.
5. Локк Дж. Два трактата о государственном правлении / Избр. Философ. произв. В 2 т. - М.: Наука, 1980, Т. 2.
6. X всемирный русский народный собор принял декларацию о правах и достоинстве человека//url: <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/society/2006/04/d7756/> (дата обращения: 15.01.2011).
7. Остроух, А. Н. Учение Бентама о праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. /Науч. рук. В. Г. Графский. - М., 2002.
8. *Spencer H.* An Autobiography. London, 1926. - Vol.1, 2.
9. www.mospat.ru

Бранский В.П.

Синергетическая философия истории

В последние годы своей жизни Анатолий Соломонович Кармин проявил большой интерес к синергетике, особенно в применении ее теоретических постулатов к гуманитарному знанию – к истории и культурологии. Это имело для ученого важное значение как в мировоззренческом аспекте, так и в практическом: в оценке роли философов в подготовке социальных преобразований в нашей стране.

Основатель синергетики Пригожин сформулировал в очень ясной форме центральную проблему развития человечества на рубеже XX-XXI в.: куда движется человечество? К какому структурному состоянию - в направлении большего порядка или большей свободы (беспорядка, хаоса)? Все большей регламентации всей человеческой деятельности или все большей ее либерализации? Парадокс состоит в том, что, обе противоположные тенденции имеют место одновременно!

Решением проблемы может быть только такой синтез порядка и хаоса, при котором исчезает само различие между ними. Последняя фраза в приведенной цитате содержит намек на такой синтез, но только намек, не больше. Очевидно, что, обсуждая указанное противоречие, Пригожин вплотную подходит к понятию суператтрактора. Но он не формулирует его, по-видимому, по той причине, что его физическая синергетика не требует этого понятия. А не требует она его потому, что ограничивается только отбором и не затрагивает механизм суперотбора. Этот механизм специфичен, видимо, именно для социальной синергетики.

Резюмируем теперь характерные черты суператтрактора.

1. Полный синтез порядка и хаоса, т. е. такой порядок, который устойчив относительно абсолютного хаоса. Это означает, с одной стороны, полное единство действий элементов системы - глобальная кооперация вместо того сочетания локальной кооперации с локальной конкуренцией, с которой мы встречались до сих пор в истории. Тем самым, казалось бы, в системе устанавливается абсолютный порядок, а хаос исчезает вообще. Но с другой стороны, глобальная кооперация сама приобретает хаотический характер в том смысле, что она непредсказуемым образом меняет свое направление для компенсации хаотических воздействий внешней среды.

2. Суператтрактор не может быть отнесен к разряду ни простых, ни странных аттракторов, ибо он преодолевает саму противоположность между этими типами аттракторов. Поэтому его уместно назвать сверхстранным аттрактором.

3. Поскольку суператтрактор является материальным воплощением абсолютного (общечеловеческого) идеала, а этот идеал представляет собой абсолютное единство в абсолютном многообразии желаний, то и суператтрактор оказывается воплощением такого единства. Вот почему путь к нему лежит через последовательное разворачивание всего многообразия желаний.

4. Суператтрактор должен быть конечным результатом того, что обычно называют процессом глобализации. Последний, однако, противоречив, ибо предполагает взаимодействие ("борьбу") всеобщей технизации человеческого общества и его всеобщей эстетизации. В итоге всеобщей технизации вся доступная человечеству часть космоса превращается в абсолютное техническое произведение (космический технический ансамбль). Это как раз то, что принято называть ноосферой (социальная структура, соответствующая требованиям общечеловеческого разума). Но дело не ограничивается только этим процессом. Параллельно ему протекает другой процесс, в некотором отношении противоположный первому - всеобщая эстетизация (подчинение

всех сторон жизни эстетическим требованиям). Этот предел в культурном развитии человечества естественно назвать эстетосферой (социальная структура, соответствующая требованиям общечеловеческого чувства). Отсюда ясно, что специфика суператтрактора состоит в синтезе ноосферы и эстетосферы. Условием такого синтеза является формирование и реализация абсолютного идеала, ибо в абсолютном идеале пропадает различие между утилитарными (экономическими и политическими) и духовными (этическими, эстетическими и мировоззренческими) идеалами, другими словами, между "полезностью" и "выразительностью" (пользой и красотой).

5. В отличие от биохимической и биологической эволюции, у которых предел сложности достигается за конечное время, суператтрактор за конечный период времени в принципе недостижим. математике.

В конечном счете движение к суператтрактору должно быть бесконечным, потому что преодоление старых социальных противоречий порождает новые противоречия, которые дают новый импульс к развитию. Обе взаимоисключающие тенденции в эволюции человечества - к достижению максимальной устойчивости и к новой изменчивости - могут быть совмещены лишь при условии минимизации возникающих противоречий, т.е. тенденции к их постепенному "смягчению" и "затуханию".

Если принять во внимание все перечисленные выше черты суператтрактора, то становится ясно, что именно в этом понятии содержится решение описанного Пригожиным противоречия между тенденцией к росту порядка и тенденцией к росту свободы (и тем самым беспорядка, хаоса). Те, кого страшит чрезмерный научно-технический прогресс, не учитывают другого параллельно протекающего процесса, каковым является этико-эстетический прогресс, предполагающий совершенствование этических и эстетических норм и приближение их к абсолютному (общечеловеческому) идеалу.

Этот процесс раньше называли "духовным прогрессом" или "совершенствованием нравов". Но более удачным термином, принимающим во внимание связь этого процесса с законом дифференциации и интеграции идеалов, оказывается "социокультурная инженерия".

Так как суператтрактор представляет собой продукт реализации абсолютного идеала, то составляющие его люди, обладая гигантскими возможностями в преобразовании окружающего мира и самих себя, в то же время выбирают из этих возможностей только те, которые соответствуют этическим и эстетическим нормам, продиктованным абсолютной моралью и абсолютной красотой. Стало быть, конфликт между свободой и по-

рядком разрешается с помощью реализации абсолютного (общечеловеческого) идеала. Дело в том, что абсолютная свобода оказывается не безответственным произволом (как это себе представляли философствующие анархисты всех веков), а возможностью выбора в рамках абсолютной морали и абсолютной красоты, определяемых абсолютным идеалом.

Противоречие исчезает в рамках суператтрактора потому, что составляющие это общество люди, обладая абсолютной свободой (вследствие близости к абсолютной истине), в то же время руководствуются во всех своих действиях не множеством разнообразных частночеловеческих идеалов (которые могут противоречить друг другу), а единым общечеловеческим идеалом, сформировавшимся в результате интеграции бесконечного разнообразия всевозможных частночеловеческих идеалов. То духовное единство, которое достигается в суператтракторе, принципиально отличается от тоталитарного единства тем, что это не частночеловеческое единство, насильственно возведенное в абсолют, а естественное единство, существующее в абсолютном многообразии и стихийно сформировавшееся в недрах этого многообразия.

Концепция синергетического историзма является применением синергетического метода к философии истории и построением новой (синергетической) философии истории. Эта философия образует естественный «мост» между философией естествознания и философией обществознания. Здесь тоже возникает проблема синтеза, но уже гораздо более общая, а именно синтеза естественного научного и гуманитарного знания. Синергетическая философия истории включает в себя общую теорию социальной самоорганизации, являющуюся далеко идущим обобщением классической теории социального развития.

Эвристическая роль синергетического историзма заключается в построении основ синергетической теории такого важнейшего явления современности, как глобализация. Глобализация является особым типом самоорганизации. Поэтому общие закономерности глобализации могут быть раскрыты только с помощью общей теории социальной самоорганизации, каковой является новая наука — социальная синергетика. В синергетической модели глобального прогресса показана творческая роль социального хаоса в формировании новых форм социального порядка, исследованы общие закономерности социального отбора как движущей силы социального развития и основные факторы этого отбора (тезаурус, детектор и селектор), введены понятия суперотбора и суператтрактора, раскрывающие смысл исторического развития в долгосрочной перспективе.

Принимая основные положения синергетической философии истории, Кармин так оценивал результаты третьей русской революции XX века (первая совершилась в 1905 году, вторая - 1917-1921 годах, третья - в 1989-1993 годах). При крушении социалистической системы наступил, в соответствии с синергетическим пониманием истории, вполне ожидаемый хаос, но беспорядок должен завершиться организацией нового порядка, не впадая в крайность полного неприятия прошлых разумных форм деятельности. И философы должны были продумать и разработать модели образования нового - сбалансированного - порядка. Например, в прошлом официальный марксизм принял форму догматического учения. Но в наше время подвергся полному отрицанию, что открыло дорогу иррациональным, мистическим учениям и философскому плюрализму, отвергающему рациональность, материализм и научную строгость философского исследования. Кармин был категорически не согласен с таким положением вещей и в учебнике философии, написанном вместе с Г.Г. Бернацким и изданном в 1992 году, представил изложение философских проблем в недогматическом, но систематизированном и рационально обоснованном варианте, ориентированном на исследование устойчивости и развития структур объективного мира в рамках атрибутивной теории материи.

Гусева Е.А.

А.С.Кармин – учитель и друг

В жизни любого человека присутствует фигура учителя – в школе, ВУЗе, а может и вне формальных рамок. Это странные фигуры. Они крайне редко входят в круг значимых людей. Мир человека – это его родители, друзья. А учителя находятся где-то на периферии. Они постоянно присутствуют в жизни (то позитивно, то негативно, а, скорее всего, нейтрально), отнимая при этом массу времени (уроки, лекции и т.п.). И все-таки остаются в большей степени посторонними и даже лишенными индивидуальных, неповторимых черт. Фактически мы воспринимаем их как устройства для трансляции различных знаний, а принимать их к сведению или нет – это дело ученика.

И в какой-то момент (у очень немногих учеников) одна из этих странных фигур выступает вперед и обнаруживает в себе черты живого и, что удивительнее всего, привлекательного (неординарного) человека. Иногда это становится серьезным ударом по уже сложившейся картине мира, где нет места учителю, и молодой человек не знает, как реагировать на это изменение.

Хотя каждый, наверное, может вспомнить учителя, который заставил полюбить некие знания и наоборот. Анатолий Соломонович рассказывал, как к нему пришел студент из другого

учебного заведения, чтобы перезачесть экзамен по философии. Студент сказал, что очень любит этот предмет. И на естественный вопрос «Что же он любит в философии?» ответил, что ничего не помнит, но лекции читал замечательный человек, что было очевидно, что такой преподаватель может рассказывать только о чем-то хорошем.

Конечно, внимание учителя всегда лестно, оно приподнимает «над толпой». Что видит учитель, останавливая свой выбор на тебе? Дружба с учителем – это бесконечный процесс самопознания, попыток понять себя через его интерес к тебе, постоянная самопроверка и самонастройка. Возможно, и он, вглядываясь в тебя, пытается что-то рассмотреть в себе самом.

Дружба с учителем – самый чистый вид дружбы. Эта дружба – не бесконфликтна, но, безусловно, бескорытна. Все зачеты сданы, вам уже ничего не нужно друг от друга, помимо общения, которое воспринимается как постоянный обмен подарками.

Дружба с учителем – самый литературный вид дружбы. Это неизбежно разговор двух поколений, предельно напряженный обмен опытом, равно необходимый и учителю, и ученику. Даже когда речь идет о пустяках, то это все равно разговор о самом главном на максимально высоком уровне.

Я познакомилась с Анатолием Соломоновичем в 80-е годы. Я – аспирантка, он – научный руководитель, известный философ, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой. Сложно и напряженно складывались наши отношения учителя и ученика. Анатолий Соломонович был строг (как мне тогда казалось – излишне), заставлял помногу раз переписывать тексты, после неудачных выступлений на научных и аспирантских конференциях был сух и недоволен. Но каким праздником были его лекции, выступления на теоретических семинарах и вообще неофициальное общение.

Через некоторое время я защитила кандидатскую диссертацию, и постепенно наши отношения переросли в дружеские. Переросли незаметно, и сейчас, вглядываясь в прошлое трудно зафиксировать и описать этот переход. Но оценки Анатолий Соломонович неявно ставил мне всегда. И электронные письма всегда иронично подписывал «научрук».

Предметом наших разговоров было все – литература, изобразительное искусство, наука, философия, человеческие характеры и отношения, дети (его сын и мои сыновья). Увлекательными рассказами о психологии он в значительной степени определил профессиональный выбор моего младшего сына.

В последние годы я не принимала ни одного решения, не обсудив его, с Анатолием Соломоновичем и всегда поступала, согласно его совету. Потому что он, несмотря на нашу дружбу,

он навсегда остался для меня УЧИТЕЛЕМ.

Все удачи в моей профессиональной деятельности тоже связаны с Анатолием Соломоновичем. Когда надо решить некую ментальную задачу, найти выход из затруднения, я открываю его книги, статьи, конспекты его лекций и выход всегда находится.

Я благодарна судьбе за то, что встретила с Анатолием Соломоновичем – УЧИТЕЛЕМ И ДРУГОМ.

1. Мир человека – родители, друзья. Учителя всегда на периферии – они отнимают массу твоего времени, постоянно присутствуют в твоей жизни, при этом остаются в большей степени посторонними. Фактически некие человекоподобные устройства для трансляции различных знаний – твое дело принимать их к сведению или нет. Странные фигуры, место которых до конца не определено.

2. Когда вдруг одна из этих странных фигур выступает вперед и обнаруживает в себе черты живого и, что удивительнее всего, привлекательного (неординарного) человека, это серьезный удар по уже сложившейся картине мира. Как реагировать?

3. Внимание со стороны педагога всегда лестно, оно приподнимает «над толпой». Что видит учитель, останавливая свой выбор именно на тебе? Понятно ведь, что речь не может идти просто о симпатии, здесь должен присутствовать какой-то трезвый расчет (с его стороны). Отсюда: дружба с учителем – это бесконечный процесс самопознания (попытки понять себя через его интерес к тебе, постоянная самопроверка и самонастройка). Возможно, и он, вглядываясь в тебя, пытается что-то рассмотреть в себе самом.

4. Незаметность перехода – когда учитель становится другом? Когда перестает ставить оценки? Необязательно. Он может выставлять их всю жизнь. Скорее, когда выходит за рамки зачетки, то есть начинает принимать участие в твоей жизни. (Но на особых правах – не вмешиваясь, только советуя. Подавая реплики «от автора»).

5. Дружба с учителем – самый чистый вид дружбы. Необязательно бесконфликтный, но наиболее бескорыстный. Все зачеты сданы, вам уже ничего не нужно друг от друга, помимо общения. (Общение как постоянный обмен подарками).

Дружба с учителем – самый литературный вид дружбы. Это неизбежно разговор двух поколений. Идеализированные отношения с родителями – когда бытовые конфликты сведены к минимуму, а разговор привычно ведется на максимально высоком уровне. О самом главном. (Даже если на поверхности – о пустяках, подтекст все равно остается предельно напряженным).

Вклад А.С.Кармина в теорию интуиции

«Интуиция - слово, понятное всем. Но обычно понимают его как обозначение чего-то *непонятного*»

А.С.Кармин

Анатолий Соломонович Кармин, замечательный человек, выдающийся ученый и педагог, с которым мне посчастливилось вместе работать четыре последних года его жизни, словами, вынесенными в эпиграф начал свою последнюю, монографию «Формы и механизмы интуитивного мышления», которая была сдана в печать им самим, а вышла из печати на следующий день после его ухода в вечность.

Проблема интуиции давно волновала ученых, прежде всего философов и психологов. И тем не менее, в этой проблеме до сих пор сохранился немалый налет мистической тайны. Откуда, как и почему приходят вдруг моментальные ответы на самые разные по значению и сложности вопросы? Где тот источник знаний *«истинность которого не подлежит сомнению и не требует никаких доказательств»* [2,4]? Почему вдруг, без видимых мыслительных усилий на человека снисходит озарение, нередко подтверждаемое лишь длительными и трудными размышлениями и практическими результатами, реализации ниспосланного откуда-то решения? Что это за явление и каков его механизм? Лишь ответ на эти вопросы может снять покровы таинственности и мистицизма, многие века укутывающие понятие интуиции.

Не менее сорока лет своей научной деятельности посвятил А.С.Кармин разгадке тайн интуиции. Обладая колоссальной эрудицией, будучи человеком энциклопедических знаний, остроностью четко и понятно объяснять самые сложные вещи, А.С.Кармин своими трудами, посвященными проблеме интуиции, смог снять с нее мистический налет, обобщить и систематизировать огромный материал философских и психологических исследований интуиции, структурировать разнообразие ее форм и раскрыть ее основные механизмы.

А.С.Кармин прекрасно понимал, что проблема интуиции серьезно отличается от других научных проблем. Он писал о том, что если в науке термины, обозначающие предмет исследования, вводятся для того, чтобы с их помощью можно было высказываться об этом предмете и познавать его, то с интуицией все совершенно по-другому: «О ней говорят как раз для того,

чтобы не объяснять, как и откуда взялись у человека его интуитивные представления о чем-то. Ссылка на нее служит оправданием убежденности человека в своей правоте и даже как будто избавляет его от обязанности что-то доказывать. Подразумевается, явно или неявно, что интуиция по самой своей природе таинственна и необъяснима. Но если интуиция с самого начала толкуется как не поддающаяся рациональному пониманию, то ничегр другого не остается, как видеть в ней загадку, не имеющую разгадки. А тогда, очевидно, исследование ее - дело безнадежное.» [2,3].

И действительно, с чем, с каким познавательным процессом связать интуицию, если она не сводится ни к логике, ни к чувственному опыту? Казалось бы, в познании интуиции нет места материализму. Но имея фундаментальное философское, физическое и педагогическое образование, подкрепленное огромным опытом работы на психологической кафедре, Анатолий Соломонович, с присущим ему научным оптимизмом, взялся за это «безнадежное дело».

Квинтэссенцией его исследования является цитируемая мной монография «Формы и механизмы интуитивного мышления», в которой дан глубокий анализ обширнейшего количества зарубежных и отечественных исследований проблем интуиции и изложено их понимание самим автором.

Кратко и емко раскрыв философские подходы к пониманию чувственной, интеллектуальной, иррациональной и мистической интуиции, он выделяет два основных признака «семантических маркера интуиции в ее философском понимании»[2,9]: «непосредственность» и «самоочевидность», сохраняющихся в различных философских интерпретациях понятия «интуиция». Но он не останавливается на фиксации этих философских семантических маркеров, как это делает большинство философов. В полной мере проявляя свою глубокую психологическую квалификацию, он тонко подмечает, что из поля зрения философов ускользает, что и непосредственность и самоочевидность – это всего лишь субъективные оценки, которые характеризуют отношение субъекта к знанию, а не само это знание: «Если какое-либо знание характеризуется как непосредственное и самоочевидное, это означает только то, что оно *представляется* таковым *субъекту*, у которого оно появилось. Непосредственность интуитивного знания, по сути дела, есть выражение лишь того факта, что субъект *не осознает* познавательных операций, посредством которых оно было получено, и *не может реконструировать* их в своем сознании.»[2,10]. Далее он убедительно доказывает, что непосредственность, так и самоочевидность интуиции всего лишь субъективное впечатление, которое про-

изводит на индивида ее результат.

Рассматривая интуицию как реально осуществляющийся в человеческом познании когнитивный акт, А.С.Кармин совершенно справедливо утверждает, что этот акт не является абсолютно непосредственным, а обусловленная его относительной непосредственностью самоочевидность, не является непогрешимой и достоверной. Довериться или не довериться этому впечатлению самоочевидности и достоверности - это вопрос веры, но: «Наука же - создание разума, она по самому своему существу рациональна, и когда вера командует разумом, науку либо ставят на колени, либо обвиняют в невежестве. В любом случае ее критический голос просто не слышат» [2,13].

Подводя итог анализу философских представлений об интуиции, А.С.Кармин делает следующий вывод: «...традиционное, до сих пор приводимое в толковых словарях и философских энциклопедиях определение интуиции, утверждающее непосредственность интуитивного знания, не может быть положено в основу ее научного понимания. Последнее требует снятия абстракции непосредственности и рассмотрения интуиции как когнитивного *процесса*, посредством которого создается интуитивное знание. Такова предпосылка, из которой должно исходить научное исследование интуиции, ибо иначе оно просто невозможно - за отсутствием того, что подлежит исследованию» [2,14].

Снять эту абстракцию непосредственности невозможно без знания современных достижений психологии и когнитивистики, которые сегодня, по словам А.С.Кармина, представляют серьезную конкуренцию философской эпистемологии. Будучи сам, не только философом, но и прекраснейшим когнитивистом и специалистом в области психологии, А.С.Кармин дает широкий обзор психологических исследований проблем интуиции, отмечая, что выйдя из недр философии, психология нередко разделяла философские заблуждения и не слишком много внимания уделяла их эмпирическому и теоретическому изучению.

Опираясь на исследования Хогарта он констатирует, что между 1887 и июлем 1999 г., можно найти всего лишь 2941 публикацию, посвященную проблеме интуиции. Это при том, что на слова «установка», «инстинкт», «индукция» за этот период можно встретить соответственно 116108, 22023 и 7614 статей.

Анализируя психологические подходы к пониманию интуиции, А.С.Кармин отмечает: «Интуиция как психологический феномен, в отличие от ее традиционного философского истолкования, характеризуется, во-первых, *пониманием ее непосредственности как неосознанности* операций, опосредующих появление интуитивного знания, и, во-вторых, *отказом от*

убеждения в ее непременной истинности. В отличие от философии, где интуиция возвышается над интеллектом и дискурсивным мышлением, когнитивистика приходит к гораздо более скромной ее оценке, происходит своего рода «коперниканский переворот» в понимании ее познавательной ценности. Интуиция, какой она предстает на практике, под лупой научного исследования, оказывается зачастую чисто автоматической, зависящей от нерелевантных эмоций и случайных обстоятельств, чреватой ошибками и заблуждениями психической реакцией, результаты которой должны контролироваться «сверху» аналитическим мышлением» [2, 19].

Проанализировав десятки работ отечественных и зарубежных психологов, А.С.Кармин выделяет 29 различных определений интуиции, предложенных ими за последние полвека, и приходит к выводу, что почти все они в явном или неявном виде предполагают понимание интуиции как познавательного акта, в котором протекающий бессознательно информационный процесс завершается осознанием его результата. Он приходит к выводу, что за всем многообразием формулировок «скрывается расхождение между двумя основными тенденциями: одна состоит в стремлении сузить понятие интуиции и ограничить ее теми или иными специфическими формами бессознательной обработки информации и ее осознаваемого результата, а другая - в противоположном стремлении расширить это понятие, включив в него всевозможные процессы, в которых информация переходит из сферы бессознательного в сферу сознания» [2, 24]. Отмечая, что в современной психологии и когнитивистике преобладает вторая тенденция, находящая выражение в дуальных теориях мышления (Two Information Processing Systems - TIPS). Эти теории начинают интенсивно развиваться во второй половине XX века и получают такое признание специалистов в разных областях, что психолог Даниель Канеман за свои исследования в области принятия решений в ситуациях неопределенности становится лауреатом Нобелевской премии 2002 года по экономике.

Опираясь, прежде всего, на исследования С.Эпштейна, Д.Канемана, К.Хаммонда и Р.Хогарта, А.С.Кармин приходит к выводу о том, что все самые разные определения двух систем переработки информации, по существу утверждают существование двух принципиально различных способов мышления: дискурсивного (аналитического) и интуитивного. А многочисленные разногласия и противоречия ученых, отстаивающих свое понимание сути дуального мышления, кроются в споре о терминах, а не о сущности явления. Методологически точно он замечает, что наука не обязана определять свои термины в соответ-

ствии с их употреблением в языке и порой вынуждена заменять лексическое значение термина более точным значением. А.С.Кармин заключает: «Мы можем мыслить и решать проблемы либо *интуитивно - быстро, но ненадежно*, либо *дискурсивно - надежно, но медленно* (либо различными сочетаниями этих способов). На практике мы зачастую предпочитаем - и просто вынуждены к этому - хоть и не вполне надежный, но быстрый путь. Поэтому интуиция - это не редкая гостья, посещающая нас в минуты особого вдохновения и озарения, а постоянная домашняя прислуга, выполняющая повседневную, рутинную работу, и притом не всегда качественно, так что над ней нужен контроль» [2,42].

Синтезируя современные философские и психологические подходы к пониманию интуиции, иллюстрируя свои доводы анализом различных когнитивных парадоксов, Кармин убедительно доказывает, что представление об иррациональности интуиции глубоко ошибочно. На самом деле интуиция вполне рациональна. Ее нерациональность лишь в том, что она действует не по правилам логики, не дает достаточно обоснованных выводов, порой ошибочна. Но интуитивное мышление не беспорядочно, оно является одно из форм проявления человеческого разума и нередко гораздо легче и быстрее решает задачу, чем рациональная система мышления. «Именно рациональность интуиции и делает возможным ее рациональное понимание и научное исследование»[2,51].

Рассматривая проблему соотношения интуиции и сознания, Кармин отмечает: «...интуиция есть информационный процесс, начинающийся в бессознательном и заканчивающийся в сознании». Исходя из анализа взглядов В.М.Аллахвердова на парадоксы сознания и прежде всего на его мысль о том, что сам процесс принятия решения об осознании не может осознаваться, так как, по определению, нельзя осознать то, об осознании чего еще не принято решения[1,370], А.С.Кармин пишет: «То, что сознание не осознает механизмов своей собственной деятельности, может показаться парадоксом, однако ничего удивительного в этом нет. Точно так же, например, мы не осознаем, как работает глаз, но осознаем результат этой работы. Просто надо различать *явления* сознания, т. е. осознаваемую информацию и *механизмы*, посредством которых сознание осознает информацию, т. е. делает ее явлением сознания. Таким образом, хотя механизм выбора не осознается, но сам выбор осознается». [2,56]

Осознав, сознание встраивает результат осознания в свою картину мира и лишь когда это не удастся сделать, включается механизм выбора, который случайно или неслучайно предложит ему иную интуитивную идею. Работы В.М.Аллахвердова и А.

Ю. Агафонова приводят А.С.Кармина к выводу: «В терминологии дуальной теории генерация, выбор и осознание - это процессы, идущие в системе-1, а осмысление и оценка - процессы в системе-2» [2,57].

Отмечая, что такая трактовка интуиции оставляет открытым вопрос о ее механизмах, А.С.Кармин говорит, что неправомерно считать, что интуиция однородна. Наоборот, утверждает он – интуиция многолика и необходимо разобраться в ее типологии, т.к. понятие интуиции объединяет разные механизмы бессознательного мышления и осознания его результатов. Он подчеркивает, что загадка интуиции неразрешима, если искать какую-то одну разгадку. И в поисках многочисленных разгадок выделяет ключевые формы интуиции:

1. Диспозиционная интуиция.
2. Перцептивная интуиция.
3. Имажинативная (ассоциативная) интуиция.
4. Логическая интуиция.
5. Практическая интуиция, или интуиция здравого смысла.
6. Профессиональная (экспертная) интуиция.
7. Креативная (творческая) интуиция. [2, 58]

Основанием для такой достаточно нетрадиционной типологии интуиции служит специфика когнитивных механизмов. В своей последней монографии А.С.Кармин пишет о четырех уровнях таких механизмов. На первом уровне – диспозиционной и перцептивной интуиции этими механизмами являются навыки, привычки, образы восприятия. На втором уровне - имажинативная и логическая интуиция используют те же самые механизмы, что и наглядно-образное и логическое мышление. На третьем уровне практическая и профессиональная интуиция, «надстраиваясь» над первым и вторым, включают их в себя, а механизмами интуитивного мышления на этом уровне являются имплицитно, а частично и эксплицитно сложившиеся и оправдавшие себя в опыте операционные схемы.[2,129-132]

Все эти три уровня механизмов интуиции не способны создавать что-либо новое, но подготавливают для этого почву. Лишь на четвертом уровне включаются собственно творческие, креативные механизмы интуиции. Кармин подчеркивает: «...сущность креативной интуиции заключается во взаимодействии образного и логического мышления, при котором осуществляются переходы мысли от образов к понятиям и от понятий к образам» и выделяет два вида механизмов четвертого уровня: концептуальный – переход от образов к понятиям и эйдетический – переход от понятий к образам. И далее он заключает: «В этих процессах появляются образы, не обусловленные ассоциативной связью с другими образами в сознании субъекта,

и понятия, не выведенные логически из имеющихся у него понятий»[2,134-135].

Поскольку все четыре уровня механизмов могут действовать не только по отдельности, но и совместно, то и границы между ними, по мнению автора, не являются жесткими и могут быть «промежуточные», «синтетические» формы, в зависимости от сочетаний различных механизмов.

Детальное описание предложенной типологии и убедительно аргументированное, на основе тонкого анализа результатов исследований философов, психологов, культурологов, физиологов, прояснение специфических механизмов интуиции в последней его монографии «Формы и механизмы интуитивного мышления» является подлинно фундаментальным вкладом Анатолия Соломоновича Кармина в теорию познания, в развитие современной когнитивистики и дает множество разгадок загадок, таящихся в интуиции.

Литература:

1. Аллахвердов В. М. Осознание как открытие // Психология творчества / Ред.- сост. Д. В. Ушаков. - М., 2006. - С. 370.
2. Кармин А.С. Формы и механизмы интуитивного мышления / А.С.Кармин. – СПб. : Петербургский государственный университет путей сообщения, 2009. – 182 с.

Березовская И.П.

Информационно-семиотическая концепция и вклад А.С.Кармина в развитие культурологии

К концу XX века существовало более 800 определений культуры, так или иначе объясняющих её социальную природу, границы и формы её существования. Это обилие определений свидетельствует об особом интересе, который сложился по отношению к этому данному феномену, о значимости культуры в жизни современного общества.

Разве мог ученый такой социальной ответственности как Кармин А.С. не заинтересоваться важным феноменом? Наверное, кроме научного интереса были и другие причины, которые склонили его к разработке курса «культурологии», но изменение положения культуры в жизни общества, превращение ее в ядро и двигатель социальных изменений, несомненно было замечено выдающимся мыслителем.

Разработка теоретических взглядов на культуру в XX веке, как отмечал Анатолий Соломонович, идет в двух основных направлениях. Одно из них — адаптационизм — рассматривает культуру как специфически человеческий способ взаимодействия с окружающей средой. Центральное место в объяснении культурных явлений отводится здесь понятию

деятельности. В русле этого направления развивается функциональная концепция культуры, ведущая начало от Бронислава Малиновского, который рассматривал культуру как порожденную обществом систему способов удовлетворения потребностей. К этому направлению примыкает и марксистская теория культуры как «исторически развивающейся совокупности внебиологически выработанных способов, средств и механизмов деятельности общества» (Эдуарда саркисовича Маркарян).

Другое направление — идеационизм — понимает культуру как область идеального, содержащую продукты духовного творчества человека. В связи с чем, средоточием культуры, ее определяющим и образующим началом оказывается лишь некоторая ограниченная сфера духовного творчества — главным образом наука и искусство (так называемая «высокая культура»). Именно здесь создаются символы, идеи, ценности, в свете которых люди воспринимают и понимают действительность и строят свое бытие в мире.

Почвой, на которой происходит это сближение этих позиций является информационно-семиотическая концепция культуры. В ней синтезируются и развиваются содержащиеся в адапационизме и идеационизме идеи.

В основе этой концепции лежат культурологические идеи, выдвинутые в работах Лесли Уайта, Характеризуя символ как предмет или явление, значение которого определяет тот, кто использует его в качестве средства коммуникации. Уайт по сути указывает на знаковую характеристику культуры.

Работы Э. Кассирера, описывающие символическое как поток жизни и мышления, протекающее через сознание. Символическая форма представляет собой целый пласт сознания (мифический, языковой, научный), он автономен, самодостаточен, несводим к другой форме.

Большой вклад в становление информационно-семиотического подхода к культуре внес Ю.М. Лотман. Суть его концепции состоит в том, что культура является системой хранения, использования и передачи информации.

Работы Степина Вячеслава Семеновича и немецкого философа Гадамера сыграли важную роль в становлении информационной-семиотической концепции культуры.

Анатолий Соломонович Кармин в 2001 году издает учебник «Культурология» - учебник по жанру, но по содержанию – это капитальный исследовательский проект, в котором излагается информационно-семиотическую концепция культуры. С присущей этому мыслителю ответственностью он обобщает собранный в материал и указывает основные

положения информационно-семиотической концепции: культура понимается как мир артефактов, мир смыслов и мир знаков.

Культура – это мир артефактов — искусственно созданных человеком предметов и явлений - это ее первая важнейшая характеристика, в ней (в культуре) воплощаются средства, способы и результаты человеческой деятельности, Особенности человеческой деятельности: сознательная постановка целей, свободное целеполагание, создание средств деятельности.

Все, что человек творит, возникает не вопреки объективным законам природы, а в соответствии с ними. Человек по законам природы создает то, что природа создать не может («творит чудеса»). И этим «чудом» называется «человечность», которую человек вносит в свои творения. Эта-то «человечность» и превращает продукты его деятельности в предметы культуры. Артефакты обладают двойственной определенностью. У них, как и у природных явлений есть объективная определенность (т. е. их можно рассматривать как реальность, которая существует сама по себе, отдельно от человека). Попадая в сферу человеческой деятельности, предметы этой объективной реальности приобретают новое, «сверхприродное» качество, которое обусловлено новым значением, смыслом. Смыслом проникнуто все, что человек делает и что составляет культурную среду его обитания: произведения искусства и правила этикета, религиозные обряды и научные исследования, учеба и спорт, и т. д. Итак, культура - это мир смыслов, которые человек вкладывает в свои творения и действия.

Смыслы воплощаются в представлениях и понятиях, превращаются в самостоятельные объекты мышления, оперирование которыми приводит к образованию новых, все более общих и абстрактных смыслов. Создание новых смыслов само становится смыслом деятельности людей — в религии, искусстве, науке, философии и других сферах культуры.

Выступая в качестве носителей смысла, «обработанные» (физически и духовно) человеком вещи, процессы, явления становятся знаками.

Понятие знаковой системы в семиотике охватывает очень широкий круг объектов. Знаковыми системами являются естественные (разговорные) языки — русский, английский и др., а также различного рода искусственные языки — язык математики, химическая символика, «машинные» языки и т. д. К знаковым системам относятся также разнообразные системы сигнализации, языки изобразительных искусств, театра, кино, музыки, правила этикета, религиозные символы и ритуалы, геральдические знаки и вообще любые множества предметов,

которые могут служить средствами для выражения какого-то содержания. Явления культуры — это знаки и совокупности знаков («тексты»), в которых «зашифрована» социальная информация, т. е. вложенное в них людьми содержание, значение, смысл.

Понимать какое-либо явление культуры — значит видеть в нем не просто чувственно воспринимаемую вещь, но его «невидимый» субъективный смысл. Именно постольку, поскольку явление выступает в качестве знака, символа, «текста», который нужно не только наблюдать, но и осмысливать, оно и становится фактом культуры.

Если рассмотрение культуры как мира человеческой деятельности раскрывает главным образом ее материальные проявления, а как мира смыслов — ее духовное содержание, то культура как мир знаков предстает перед нами в единстве материального и духовного.

Благодаря знаковым системам у человека появляется возможность «надбиологически» передавать и хранить информацию. Это принципиально новый и несравненно более богатый по своим возможностям тип информационного процесса, нежели суествующий в природном мире. В культуре информация кодируется внешними по отношению к телу человека структурами. Выражая свои мысли и представления в созданных людьми знаковых системах, индивид объективирует их, они как бы отделяются от него, приобретают самостоятельное, внеличностное существование, становятся социальной информацией, носителем которой оказывается уже не один данный индивид, а общественная культура. Социальная информация не исчезает со смертью добывшего ее индивида, становится возможным то, что невозможно в животном мире, — историческое накопление и умножение информации, находящейся в распоряжении человека как родового существа, культура выступает как своего рода информационное обеспечение общества.

Итак, с информационно-семиотической точки зрения мир культуры предстает в трех основных аспектах: как мир артефактов, мир смыслов и мир знаков. И феномены культуры — это любые артефакты (искусственно созданные людьми предметы и явления), которые несут в себе смыслы, т.е. выступают как знаки, обладающие значениями. Совокупности знаков образуют тексты, в которых содержится социальная информация, поэтому особое место в информационно-семиотической концепции культуры должно быть отведено рассмотрению знаковых систем культуры, и изучению ее различных форм через построение теоретической модели

культурного пространства, на основе которой рассматриваются отдельные структурные компоненты культуры.

Говорить о культуре как знаковой системе – это значит любые культурные явления рассматривать как тексты, несущие информацию и смысл. Язык любой культуры своеобразен и уникален. Но во всех культурах используются одни и те же типы знаков и знаковых систем. Поэтому знать их необходимо для понимания любой культуры.

Все многообразие знаковых средств, используемых в культуре, составляет ее семиотическое поле. В составе этого поля можно выделить 6 основных типов знаков и знаковых систем:

- естественные;
- функциональные;
- иконические
- конвенциональные;
- вербальные (естественные языки);
- знаковые системы записи.

Всякое явление культуры есть сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст. Любой текст - в виде вещи, ритуала, художественного произведения, речи и т.д. - представляет собою нечто такое, что подлежит прочтению и пониманию. Понимание произведений культуры меняется от эпохи к эпохе. Не существует окончательной, «единственно правильной» их интерпретации. Они живут в истории, и в диалоге с ними новые поколения осмысливают их содержание заново. Культурные ценности не умирают, потому что они все время обогащаются новым смыслом.

Даже научные произведения, где свобода интерпретации гораздо меньше, чем в художественных текстах, понимаются читателями неодинаково. В искусстве же свобода интерпретации несравненно больше, чем в науке. Художественный текст обращен к чувствам, а не только к разуму. В нем обязательно должен быть «подтекст», не выраженный в явной форме смысл. В конкретном материале, в описании единичного случая художник воплощает замысел, имеющий более общее значение. Поэтому в произведении искусства всегда остается что-то «за кадром», что-то недосказанное. Можно сказать, что возможность различных интерпретаций текста является необходимым и важным признаком художественности. И чем богаче, чем совершеннее произведение, тем больше различных смыслов может быть увидено в нем.

Анатолий Соломонович предлагает пример интерпретации культурного текста: семиотика «Медного всадника». И показывает в своей интерпретации как по мере смены эпох,

накапливается исторический опыт, выдвигаются новые идеи, изменяется и «зрение культуры»: в ней рождаются различные интерпретации одного и того же художественного произведения. На вопрос: «В чем смысл монумента на Сенатской площади, созданного Фальконе?» нет однозначного и раз и навсегда заданного ответа. Но подлинное произведение искусства всегда содержит в себе гораздо больше того, что замыслил вложить в него автор. Способность добиваться этого и составляет тайну человеческой гениальности. А.С. Кармин предлагает каждому поучаствовать в интерпретации: «Остановитесь перед «Медным всадником» и вдумайтесь в то, что видите. И, возможно, вы найдете в нем новые семиотические аспекты и вам откроются такие смыслы, которых еще не находил никто».

В информационно-семиотической концепции изучение различных форм культуры осуществляется через построение теоретической модели культурного пространства, на основе которой рассматриваются отдельные структурные компоненты культуры.

По аналогии с физическим пространством в пространстве культуры тоже можно выделить три измерения. Этими измерениями служат три основных типа смыслов, содержащихся в социальной информации: 1) знания, 2) ценности, 3) регулятивы

Расположенные в этом трехмерном пространстве культурные феномены группируются в комплексы и системы - подобно тому, как звезды образуют на небе созвездия и галактики. Различные конфигурации феноменов культуры - культурные формы - это формы человеческой деятельности, в которых существует, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни.

Среди разнообразных форм культуры особое место занимают осевые формы - различные типы знаний, ценностей и регулятивов, имеющиеся в культуре - типы парадигм. Трем осям культурного пространства соответствуют три рода парадигм: 1) когнитивные, 2) ценностные, 3) регулятивные. В каждой культуре складываются свойственные ей парадигмы. Можно представить их в виде плоскостей или «пластов», проходящих через «когнитивную», «ценностную» и «регулятивную» оси.

Парадигмы - это типовые, «установочные» структуры, которые определяют организацию смыслового содержания культурных феноменов.

Конкретные феномены культуры обычно сочетают в себе различные типы смыслов - подобно тому, как в конкретных

физических объектах присутствуют сразу и механические, и электрические, и химические явления. культура в своем реальном существовании не раскладывает когнитивные, ценностные и регулятивные парадигмы по разным полочкам. Но для их исследования в культурологии целесообразно рассмотреть их по отдельности – так же, как это делается в естествознании при изучении механических, электрических и химических явлений.

В составе культурного мира обычно выделяют в качестве важнейшей его части область духовной культуры. Эта область включает в себя такие культурные формы, как религия, искусство, философия. Характерной чертой всех форм духовной культуры является то, что в них на первом плане находится сочетание знаний и ценностей. Это не значит, что регулятивы в духовной культуре отсутствуют. Однако конечной целью созидательной деятельности в ней являются знания и ценности, а регулятивы выступают как средства создания духовных ценностей. Духовная культура охватывает культурные формы, которые ориентированы на знания и ценности. Духовная культура – это «когнитивно-ценностный лик» культурного пространства.

Аналогичным образом в культурном пространстве выделяется совокупность форм культуры, которые определяют социальные отношения людей, их взаимодействие в обществе. Сюда относятся нравственная, правовая, политическая культура. В этих формах культуры фиксируются социальные ценности и идеалы, а также общие регулятивы поведения, движимого стремлением к ним. Совокупность таких форм образует область культуры социальных отношений, или, короче, социальной культуры. Разумеется, в социальной культуре нельзя обойтись без знаний. Однако знания выступают здесь лишь как средства для выработки принципов и норм поведения людей в обществе, их совместной жизни, взаимодействия и деятельности. Главное же содержание социальной культуры – регулятивы, ценности и идеалы.

Наконец, в культуре существует область технологической культуры – в самом широком смысле: как культуры освоения и обработки любого материала, культура исполнения, изготовления, получения чего-либо. Знания и регулятивы являются необходимыми и важнейшими элементами технологической культуры. Ценности же отходят здесь на второй план: ради каких ценностей создается и пускается в ход технология – этот вопрос технологическая культура сама по себе не решает.

Духовная, социальная и технологическая культура – не

обособленные друг от друга «секторы» или «части» культурного пространства. В реальном мире общественной жизни границы между ними расплывчаты и относительны.

Таким образом, начиная с размышления о смысле понятия «культура» А.С. Кармин рассматривает знаковые системы культуры, различные типы культурных миров, анализирует строение культуры, характеризует ее различные формы и их взаимосвязь. Именно таковы основные проблемы, которые стоят перед общей теорией культуры и в информационно-семиотической концепции есть явные перспективы для решения таких проблем.

Норкин Г.А.

Роль А.С.Кармина в формировании технологической компетенции современных инженеров

В конце 80-х годов в образовательные программы высших учебных заведений была включена культурология. Курс культурологи изначально отличался отсутствием (или минимумом) идеологической составляющей. Культурология формировалась на пересечении философии, истории, психологии, антропологии, этнографии, лингвистики и ряда других общественных и гуманитарных наук. А.С.Кармин как философ, обладающий феноменальной научной эрудицией, стал у истоков нового курса. Его фундаментальный учебник «Культурология» (-СПб.: Изд – во «Лань» 2001) объемом 832 страницы, выдержал 5 изданий и приобрел необычайную популярность у студентов и преподавателей России. В 2004 году в одиннадцати городах России и стран СНГ был издан учебник А.С.Кармина в соавторстве с Е.С.Новиковой (Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2004) В 2006 году вышла в свет «Культурология: экзаменационные ответы для студентов вузов» в соавторстве с Е.А.Гусевой

Новизна учебников А.С.Кармина заключалась в информационно – семиотическом подходе к культуре, представляющем культуру как мир знаний, регулятивов и ценностей. Учебные материалы, представленные в работах Анатолия Соломоновича, не ограничиваются собственно культурологической тематикой, а включают проблематику смежных наук – искусствоведения, теории религии, психологии, социологии, юриспруденции, что особенно полезно для студентов технических вузов, где смежные с культурологией дисциплины преподаются далеко не всегда.

В любой науке, и особенно в ее дидактическом переложении, всегда присутствует некоторая инерционность,

даже заостренность. Исследователи, как правило, углубляют и расширяют яму, вырытую до них корифеями. Никто не сомневается, что предметом культурологического исследования является мифология, религия, искусство, наука, нравственность. А.С.Кармин начал рыть новую (для отечественной культурологи) яму – включил в культурологическую проблематику такую важную в XXI веке тему, как технологическая культура. Следует отметить, что авторы авторитетного учебника «Культурология», издаваемого Санкт-Петербургским университетом, (Под ред. Соломина Ю. и Кагана М. М., Изд-во Юрайт. 2008) справедливо ссылаясь на то, что культурология охватывает «неисчислимо множество проблем и тем», игнорируют именно техническую и технологическую культуру. Не включена проблематика технологической культуры в интересный и содержательный учебник Н.Г.Багдасарян. (Культурология.: учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт. 2011)

Отнести технику и промышленность к сфере культуры предложил еще в XIX веке Н.Данилевский. Немного позднее выделили техническую культуру как особый вид культуры француз Ф.Рело и немец Ф.Дессауэр. Но практически сразу же возникли разногласия по вопросу, что включать в понятие техника. Классик социологии М.Вебер полагал, что «каждая целесообразная деятельность имеет свою технику». (Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Thubingen. 1947) А.С.Кармин солидаризируется со своим известным коллегой, понимая под техникой (технологией) организационную сторону любой человеческой деятельности» (Культурология. СПб.,Изд-во «Лань» 2001. с.574)

Однако, по нашему мнению, столь широкое понимание техники ликвидирует различия между техникой, трудом и технологией. Человек, сорвавший рукой яблоко и доставший это же яблоко палкой, совершает принципиально разные действия. Техника и технологии, как методы использования техники, начинаются с появления средств, расширяющих природные возможности человека. Именно такое понимание техники сложилось в массовой культуре. В хореографических учебных заведениях действительно изучают технику танца. Однако техническими вузами называют только те, в которых обучаются будущие инженеры (строители, транспортники, программисты и т.д.) Несмотря на широкое определение понятия «техника» А.С.Кармин в дальнейшем анализирует технику как материальный объект, расширяющий физические и интеллектуальные возможности человека- оператора. Кстати, в английском языке произошло разделение близких понятий. Есть слово *technique*, переводимое как техника и технология.

А.С.Кармин справедливо констатирует, что в Новое время

происходит слияние точных наук и технологий и появляется новый вид деятельности – инженерия - и новая профессия – инженер. Понятие «инженерия» Анатолий Соломонович также включает в систему категорий культурологии. Далее А.С.Кармин высказывает глубокую мысль, что технологические знания, навыки, умения не могут в процессе обучения передаваться исключительно вербально. Эта идея актуальна для организации подготовки инженеров. В нашей стране сложилась ситуация, когда подготовка актеров, художников, музыкантов ведется «штучно», через живой контакт преподавателя и студента по принципу «делай как я, делай вместе со мной, делай лучше меня» Подготовка же инженера – это массовый процесс, в котором на одного преподавателя приходится 15 – 20 студентов при явном преимуществе теории над практикой. В Западных технических вузах на преподавателя приходится в 2 – 3 раза меньше студентов, что способствует повышению качества образования за счет большей индивидуализации. Неграмотный инженер куда опаснее плохого художника.

Философское и культурологическое осмысление техники начиналось с разделения исследователей на пессимистов и оптимистов. Кармин использует слова «технофобы» и «технофилы». Шпенглер, Бердяев и даже Троцкий видели в технике исключительно разрушительную, демоническую силу. Наиболее ярко, пожалуй, страх перед техникой выразил известный теолог Э.Брунер. «Современная техника – это неисчислимые миллионы людей, скопившиеся в гигантских городах без воздуха, пролетариат без связи с природой, без близкого друга или доброго соседа, люди, которых машина освободила от необходимости мыслить и желать и которые вынуждены обслуживать ее в предписанном темпе и стереотипным способом. Техника - это невыносимый шум и скрежет, безработица и неуверенность, концентрация производительных сил, богатства и престижа в немногих руках, либо монополизация производительных сил государственной бюрократией» (Brunner E. Christianity and Civilization. N.Y. 1949. p. 10) Особая позиция в оценке техники у К.Маркса, который считал, что техника порабощает человека исключительно в формациях с частной собственностью на средства производства и, следовательно, с классовыми противоречиями (теория отчуждения труда и абсолютного обнищания рабочего класса) Эта же техника освобождает человека в условиях коммунистического общества, обеспечивая изобилие и возможность распределения материальных и духовных благ по потребностям. Сами потребности в коммунистическом обществе должны быть рационализированы и социализированы, путем формирования «ново-

го человека» Технологический оптимизм проявляется в вере в прогрессивную роль техники в любом обществе безотносительно к его уровню развития и политическому режиму. В решении этой проблемы А.С.Кармин занимает позицию реалиста, предостерегая о необходимости нравственного контроля за развитием техники при тщательном прогнозировании всех технических рисков. Анатолия Соломоновича нельзя отнести к технологическим детерминистам, однако возникают дискуссионные моменты при оценке возможностей применения технологий в управлении обществом. А.С.Кармин и Е.А.Гусева вполне позитивно воспринимают «экспансию» и «универсализацию» инженерной деятельности и применение инженерии при решении экономических и социально-политических задач. (Кармин А.С. Гусева Е.А. Культурология. Экзаменационные ответы для студентов. СПб. Изд-во Питер. 2006. с.107)

Тенденция распространять точные инженерные подходы на изучение человека и общества появилась в советский период. Вспомним определение Сталиным писателей как «инженеров человеческих душ» или поэтический образ советского человека с пламенным мотором вместо сердца. Сегодня все чаще встречается выражение «социальная инженерия». Появились политики, гарантирующие путем применения социальных технологий поднять рождаемость в стране на 5,3 процента в течение года. Ничего кроме улыбки эти «гарантии» у грамотных людей не вызывают. Все-таки при разговоре о социальных технологиях и социальной инженерии следует иметь в виду принципиальное различие общества и материальных технических систем. Если конструктор все рассчитал абсолютно правильно (учел прочность и период усталости материалов, аэродинамику, внешние условия эксплуатации и еще тысячи других факторов), то самолет не упадет. Человек, обладая свободой воли, подчиняется вероятностным закономерностям, поэтому, с нашей точки зрения, для описания социальных процессов не стоит использовать технологические категории, чтобы не породить довольно опасные технократические иллюзии. Технократическое мышление при проектировании сложных систем недопустимо минимизирует риски, вызванные недостаточной надежностью человеческого фактора. («непотопляемый» Титаник, «абсолютно» надежные АЭС, ядерное оружие, которое, якобы, можно хранить до бесконечности под контролем политиков и инженеров.) Кстати, акад.А.Д.Сахаров предлагал строить АЭС под землей, но технократы решили, что это слишком дорого с учетом практически нулевой вероятности ядерной катастрофы.

Творчество А.С.Кармина характеризует ярко выраженный

системный подход – в данном случае, требование рассматривать в едином комплексе науку, технику и образование. Системная методология определила исторический аспект в становлении современного научно-технического комплекса. Анатолий Соломонович не только раскрывал роль европейских научных академий (Лондонское Королевское общество, Парижская Академия наук и др.) но и подчеркивал выдающийся вклад Петра Великого в создание Академии наук с интеграцией гимназии, Университета и скульптурных, живописных, слесарных, столярных, часовых, лекарственных и других отделений в единое целое. Однако вызывает сомнение оценка советского периода научно-технического развития страны. А.С.Кармин указывает на командные методы руководства наукой, неуважение к ученым, репрессии, скверную организацию работы научных учреждений, формализм, анкетный принцип подбора и продвижения кадров по их политической благонадежности. Все это действительно имело место. Общество видело трагедию ученых и боролось в меру своих сил за свободу научного творчества и их личную свободу. Над некоторыми недостатками советский народ остроумно шутил. Достаточно вспомнить шутку об археологах, которые вышли на Первомайскую демонстрацию с лозунгом: «Откроем 5 новых гробниц Тутанхамона к 25-му съезду КПСС» Однако в целях объективности следует признать, что в СССР за 24 предвоенных года построено более 9 тысяч предприятий, оснащенных современной техникой. Советский Союз одержал победу в Великой Отечественной войне не только благодаря героизму советского народа, но и за счет технического превосходства над врагом. Наша страна впервые в истории осуществила атомный и ракетный проекты с выведением человека в космос. Сам А.С.Кармин несмотря на командные методы управления наукой, совершенно самостоятельно избирал темы своих исследований, круг которых необычайно широк – математика, психология, философия, культурология и даже теория рекламы. Даже в общественных науках плодотворно трудилась плеяда блестящих ученых, которых трудно отнести к марксистам (С.Аверинцев, Ю.Лотман, М.Бахтин, В.Ядов, М.Иванов)

В 90-е годы трудно было сохранять объективность в оценке построенного в СССР общества. Большое видится на расстоянии. Но спустя 20 лет уже необходимо осознать, что советский режим – это всего лишь один из сегментов культуры, которая всегда сильнее, чем политика. Общечеловеческие ценности позволяют современной отечественной науке развиваться несмотря на то, что, по вполне справедливому замечанию А.С.Кармина, «творческий труд в науке

оплачивается крайне низко, грузчик получает больше доктора наук» (с.648) Сегодня актуализируется задача изучения причин и последствий ошибок, допущенных в управлении техническим и образовательным комплексом в период реформирования. К таким трагическим ошибкам явилось разрушение военно-промышленного комплекса. А в нем только 10 процентов мощностей были заняты производством вооружений (которые, кстати, можно выгодно продавать за рубеж) Остальное в ВПК – чистая наука и технологии, которые можно использовать в гражданских сферах. Несмотря на позитивные изменения в научно-технической политике у высшего руководства, видимо, нет понимания, что переход к «экономике знаний», к инновационной экономике не возможен без выведения из кризиса системы высшего образования. Введение ЕГЭ вопреки мнению педагогической общественности разрушит высшее образование, так как не будет среднего. Образовательная система уже перестраивается на так называемую «кроссвордную» культуру мышления с приоритетом памяти над творческими способностями. Поэтому поводу трудно не вспомнить удачную шутку. Исключили из учебных программ астрономию и ввели религию. Вот ракеты и разбиваются о небесный свод. Создание мощных научно-образовательных кластеров типа «Сколково» не решит проблем пока не будет обеспечен достойный уровень жизни ученых и инженеров. Сегодня только профессионализм и высокая нравственность ученых, преподавателей и инженеров способны спасти Россию. Так, трудно не согласиться с ректором ПГУПС В.И.Ковалевым, утверждающим, что сохранение железнодорожного транспорта как единой, неприватизированной системы спасли единство России и ее государственность. (Генералы духа. Т.1. СПб. Изд-во «Петрополис» 2001, с.189) В формировании принципиальной позиции путейцев немалая роль принадлежит и А С.Кармину, много лет работавшему в ПГУПС и остающемуся эталоном нравственности и профессионализма.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Абаева И В.

Гендерные особенности поведения подростков в конфликтной ситуации

Проблема развития личности, способной к решению жизненных задач в современном динамичном обществе, требует изучения особенностей преодоления препятствующих обстоятельств в аспекте полоролевого поведения. Способность к преодолению и содержание активности в значительной степени определяются мотивами деятельности, направленной на решение задач самореализации в рамках гендерной роли. Усвоенные нормативы полоролевого поведения являются одним из факторов, определяющих отношение личности к субъектам взаимодействия и значение ситуации в целом.

В подростковом возрасте развитие характеризуется переходом от внешней к личностной детерминации, формированием основ зрелой идентичности, осмыслением гендерных нормативов и, соответственно, расширением ресурсов разрешения трудных, в частности, конфликтных ситуаций. Трудности, как атрибут любого конфликта, находят отражение во внутреннем плане, вызывая определенные состояния, в частности, фрустрацию - спутник и генератор конфликтности [6].

Е.П. Ильин считает, что понятие «фрустрация» используется в двух значениях: как акт прерывания поведения, направленного на достижение значимой цели, либо как эмоциональное состояние, возникающее после неудачи, неудовлетворенности какой-либо потребности, упреков со стороны [3, с. 179]. Б.Г. Ананьев подчеркивал социальную природу фрустраторов, и рассматривал состояние фрустрации как следствие дискоординации социальных связей личности, ломки социального статуса и препятствий к исполнению социальных ролей [1, с. 255].

В статье рассматриваются конфликтные ситуации в межличностных отношениях, возникающие в случаях, когда кто-либо: подрывает самооценку другого; не оправдывает положительных ожиданий; вызывает дискомфорт, смущение; ведет себя непредсказуемо, грубо [4, с. 133].

«Возникающее противоречие и испытываемое чувство фрустрации наилучшим образом может быть изучено "внутри" индивида, равно как и его следствия и психические процессы, направленные на его преодоление» [6].

Мы исходим из положения, что фрустрационные реакции определяются личностными установками и являются устойчивыми характеристиками поведения, связанными с характером

гендерной идентичности, соответствующими установками в общении, полоролевым поведением и особенностями ценностной сферы.

На протяжении подросткового возраста в процессе становления идентичности и устойчивости Я, чувства компетентности, изменения ценностных ориентаций, формирования жизненной перспективы, смены референтных групп изменяются переживания, связанные с фрустрирующими воздействиями и, следовательно, глубина и устойчивость фрустрации, характер реакций на ситуацию. В старшем подростковом возрасте формируется устойчивая индивидуальная комбинация приемов организации взаимодействия и деятельности, позволяющая судить об уровне развития личности, ресурсах и стратегиях решения жизненных задач.

Целью нашего исследования является выявление особенностей поведения мальчиков и девочек в конфликтных ситуациях, приводящих к фрустрации.

Задачи исследования: выявление гендерных различий в типах реакций подростков на фрустрацию; зависимость фрустрационных реакций от значимости фрустрируемой ценности для мальчиков и девочек, от ролевых позиций в отношениях, установок в общении и поведении.

В исследовании принимали участие учащиеся средних школ г. Владикавказ: 120 человек в возрасте 14-15 лет, из них девочек - 72 человека, мальчиков - 48 человек.

Исследование проводилось с помощью методики «Вербальный фрустрационный тест» Л.Н. Собчик [5]. Тест позволяет выявить особенности реакций в конфликтных ситуациях обвинения, упрека, негативной оценки в разных сферах межличностных отношений в зависимости от степени значимости лица, осуществляющего фрустрирующее воздействие и фрустрируемой ценности.

Как показывают результаты исследования, старшие подростки в ситуации фрустрации склонны к внешнеобвиняющим реакциям (в 30% представленных ситуаций), активному отрицанию вины (20%), отрицанию ответственности (10,7%), значительно в меньшей степени ориентированы на самостоятельное решение проблемы (10,4%), склонны к обесцениванию значимости ситуации (8,6%).

Девочки в ситуации фрустрации в меньшей степени склонны игнорировать значимость ситуации ($p < 0,01$), чаще чувствуют вину за сложившуюся ситуацию ($p < 0,05$), более ориентированы на другого в решении проблемы ($p < 0,05$). Мы полагаем, что имеем дело с проявлением большей зависимости женщин от отношения окружающих и пассивности во взаимодействии. Воз-

можно, этими установками можно объяснить и более высокие по сравнению мальчиками показатели переживаемой агрессии ($p < 0,01$), девочки в 15% случаев обозначили злость переживанием в ситуации фрустрации, мальчики – в 8% случаев. При этом поведенчески разница не проявляется, что говорит о высоком уровне контроля поведения и подавления агрессии у девочек. В целом, у юношей и девушек в старшем подростковом возрасте складываются адаптивные формы поведения, позволяющие сохранить взаимодействие с социальным окружением даже в напряженных ситуациях упрека и обвинения.

Гендерное поведение определяется системой социальных нормативов и ценностей, соответствующих эталонам маскулинности и фемининности. В изучение ценностной сферы подростков и ее связи с поведением в ситуации фрустрации использовалась методика Е.Б. Фанталовой «Свободный выбор ценностей». Методика позволяет выявить как доминирующие ценности, так и побудительную силу мотива.

Как показывают результаты исследования, помимо абсолютных ценностей – любовь к человеку, любовь к Родине, любовь к детям, наличие семьи, ведущими являются ценности, связанные с общением и качества, свойственные человеку в общении с другими людьми – общительность, вежливость, сочувствие, моральная поддержка, добро-желательность, уважение к людям, порядочность. Волевые качества личности также имеют значимый вес – твердость взглядов, целеустремленность, твердая воля, работоспособность. Можно предположить, что названные особенности ценностной сферы старших подростков приводят к снижению проявлений враждебности и формированию адаптивных форм поведения, в частности, и в конфликтной ситуации.

Значимых различий в выраженности ценностей, традиционно связываемых с мужской (твердая воля, целеустремленность, твердость взглядов, щедрость, смелость и т.д.) или женской ролью (доброта, чистоплотность, уют, эмоциональная отзывчивость и т.д.), не выявлено. Более того, девочки проявляют более выраженную мотивацию в достижении волевых качеств личности.

Насколько ценностно-мотивационные содержания сказываются на реальном поведении мальчиков и девочек в ситуации фрустрации позволяют судить результаты Вербального фрустрационного теста. Методика Л.Н. Собчик позволяет выявить реакции в ситуациях фрустрации ценностей здоровье, внешность, характер, благополучие, социальный статус, кругозор (оценка эрудиции, интеллектуальных способностей, знаний), нравственность. Предполагается, что чем более выраженной яв-

ляется эмоциональная реакция, тем более значимой является фрустрируемая ценность. С этой точки зрения значимой зоной задетых интересов для подростков является статус, материальное благополучие, затем - оценка характера, внешности и нравственных качеств.

Исследование особенностей реакций мальчиков и девочек показало зависимость различий от фрустрируемой ценности. Общая направленность реакций сохраняется при фрустрации различных ценностей. При этом девочки гораздо более агрессивно реагируют на оценку внешности ($p < 0,05$) и нравственных качеств ($p < 0,05$) – сфере традиционно девичьих достоинств. Выражая обеспокоенность проблемой материального благополучия, девочки в большей мере, чем юноши склонны связывать ситуацию с ответственностью другого человека ($p < 0,1$). Оценка характера чаще вызывает отрицание вины ($p < 0,01$) и требование изменения поведения собеседником ($p < 0,01$). Девочки проявляют меньшую озабоченность проблемой оценки интеллектуальных возможностей ($p < 0,01$), тенденцию к обесцениванию значимости ситуации ($p < 0,01$). Негативная оценка внешности единственный тип ситуаций, в которых девочки чаще мальчиков признают вину ($p < 0,05$).

Таким образом, можно сделать вывод – выраженность фрустрационных реакций обуславливается значимостью фрустрируемой ценности, характер реагирования – общим типом фрустрационного поведения, гендерные отличия в поведении определяются не столько характером фрустрируемой ценности, сколько традиционными представлениями о средствах достижения цели. Так обеспечение социального статуса и материальное обеспечение – зона мужской ответственности, внешность – женской.

Поскольку смысловое значение фрустрирующей ситуации и, следовательно, характер реакции в конфликте определяются не только личностными особенностями, но и смыслом, задаваемым принятыми стандартами отношений с лицами разного пола и возраста, в исследовании решалась задача выявления особенностей фрустрационных реакций в разных сферах межличностных отношений, зависимость реагирования от степени значимости, пола, возраста, статуса лица, осуществляющего фрустрирующее воздействие.

Из результатов исследования следует, что поведение современного подростка определяется скорее статусной позицией фрустратора, чем ролевой регламентацией, связанной с половой принадлежностью.

Наблюдается сходство в реагировании подростков на фрустрационные воздействия родителей и педагогов. Внешне-

обвиняющие реакции в отношении родителей и педагогов встречаются реже, чем в отношениях с ровесниками или незнакомыми людьми. Напротив, реакции отрицания вины более выражены в отношении взрослого. В отношениях с взрослыми подростки склонны отрицать ответственность, с ровесниками - отрицать трудности фрустрирующей ситуации.

Реакции признания вины с оправданием и отрицанием ответственности проявляются в отношениях с более близкими людьми – мать, приятель, приятельница. Отец и учитель, вероятно, не являются фигурами, поддерживающими оправдательные тенденции. Мужские фигуры – отец, учитель, одноклассник в гораздо большей мере, чем женские стимулируют принятие подростком ответственности за разрешение ситуации. Различий в поведении мальчиков и девочек во взаимодействии с лицами равного статуса и разного пола (отец/мать, учитель/учительница, приятель/приятельница, одноклассник/одноклассница) не выявлено. Таким образом, статусная принадлежность и связанные с ним ролевые установки являются определяющими относительно полоролевых установок во взаимодействии.

Итак, результаты исследования подтверждают предположение о том, что реагирование в ситуации конфликта в старшем подростковом возрасте определяется устойчивыми формами фрустрационного реагирования. В то же время, поведение в ситуации фрустрации опосредуется статусно-ролевыми и полоролевыми установками, значимостью фрустрируемой ценности.

Гендерная роль, помимо представлений о должном поведении и качествах, которыми должно обладать представителю пола, включает ожидания, осознаваемые или неосознаваемые установки относительно образа жизни, системы взаимодействия с миром. Гендерные различия, теряя внешние показатели (регламентируемые формы поведения, виды деятельности и даже требования к характерологическим особенностям) проявляются в смыслах и соответствующих переживаниях жизненных событий, обстоятельств, в том числе и преградного характера.

Б.И. Додонов обосновывает положение об эмоциональной направленности личности, определяемой потребностью человека в определенных эмоциональных переживаниях, личностно соответствующих [2]. Автор приводит следующую классификацию «ценных» эмоций: 1)возникают на основе потребности в покровительстве другим людям; 2)возникают на основе потребности в общении, эмоциональной близости; 3)связаны с потребностью в самоутверждении, в признании, превосходстве; 4)вызываются процессом деятельности, достижения цели; 5)происходят из потребности в преодолении опасности и инте-

реса к борьбе; 6) переживания связаны со стремлением к необычному, неизведанному; 7) интеллектуальные переживания, характерные проблемным ситуациям. 8) переживание чувства прекрасного, определяется потребностью в эстетической гармонии с миром; 9) переживания, связанные с потребностью в телесном и душевном комфорте; 10) эмоции, возникающие в связи с интересом к накоплению вещей.

Как показывают результаты исследования, поведение подростков определяется в первую очередь эмоциональным состоянием, связанным с качеством отношений и поддержки от окружающих, переживанием достижимости результата деятельности, состояния душевного комфорта и статусной позиции. Менее всего выражена эмоциональная направленность на преодоление и борьбу, разрешение проблемной ситуации и стремлением к неизвестному. Девочки больше мальчиков склонны к переживаниям, связанным с эмоциональной близостью ($p < 0,01$), накопительством ($p < 0,01$), азартом и борьбой ($p < 0,01$). У мальчиков больше девочек выражена эмоциональная направленность на преодоление трудностей деятельности ($p < 0,01$), достижение признания ($p < 0,01$), решение проблемных задач ($p < 0,01$). Корреляционный анализ выявил связь присущих девочкам ценностных эмоций с фрустрационными реакциями обвинения окружающих ($p < 0,01$), ожидания от другого активности в решении ситуации ($p < 0,01$). Ценностные эмоции мальчиков связаны со склонностью отрицать вину в ситуации фрустрации ($p < 0,01$), и находятся в обратной связи с проявлениями озабоченности проблемой ($p < 0,05$) и ориентацией на другого в ее разрешении ($p < 0,01$), что более характерно девочкам. Описанная связь вполне соответствует описанным выше типам фрустрационного поведения мальчиков и девочек.

Исходя из положения о том, что характер переживания фрустрации как эмоционального выражения смысла ситуации определяется прогнозом преодоления трудности и возможностей реализации потребности в условиях взаимодействия, мы предположили связь реакций в конфликте с общими поведенческими установками личности.

Мы полагаем, что установка на разрешение ситуации в преградных обстоятельствах определяется как субъективной значимостью фрустратора и ресурсом построения взаимоотношений, так и общей стратегией преодоления трудностей. Для выявления установок мальчиков и девочек в преодолении трудных ситуаций, связи копинг-стратегий продуктивного и непродуктивного типа с типом реагирования в ситуации фрустрации использовалась методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма.

Для продуктивных стратегий совладания в когнитивной сфере характерен анализ трудностей, поиск путей выхода, в эмоциональной - оптимизм, уверенность в возможности разрешить ситуацию, поведение направлено на сотрудничество со значимым окружением в преодолении трудностей. Непродуктивные копинг-стратегии предполагают растерянность, смирение с ситуацией, переживание безнадежности или выраженной злости, активное избегание и отступление. Относительно продуктивные стратегии предполагают уменьшение значимости ситуации, эмоциональное отреагирование, отвлечение или передача ответственности другим людям.

Согласно полученным результатам, использование продуктивных стратегий преодоления в группе составило: в когнитивной сфере – 13% (стремление проанализировать ситуацию, понять, что случилось); в эмоциональной – 47% (уверенность, что из трудной ситуации есть выход); в поведенческой – 7% (использование сотрудничества со значимыми людьми для преодоления трудностей).

Ведущие копинги мальчиков в когнитивной сфере – сохранение самообладания (42%) и смирение с судьбой (25%); девочек – смирение с божественной волей (28%), придание смысла трудностям как пути самосовершенствования (22%), вера в то, что с трудностями можно справиться со временем (17%), проблемный анализ ситуации (17%).

Ведущие эмоциональные стратегии мальчиков – оптимизм (58%), доверие разрешения ситуации другим людям (25%), подавление эмоций (17%); девочек – оптимизм (39%), самообвинение (22%), агрессивность (17%), эмоциональная разрядка (17%).

В поведении наиболее часто используемая стратегия мальчиков отвлечение любимым делом (58%), помощь другим (17%); девочек – поиск совета (44%), отвлечение на любимое дело (17%), компенсация приемом еды и др. (17%). Продуктивные когнитивные копинг-стратегии используют 17% девочек и 8% мальчиков, продуктивные эмоциональные копинг-стратегии - 39% девочек и 58% мальчиков, продуктивные поведенческие копинг-стратегии используют 8% мальчиков и 6% у девочек. Все различия статистически незначимы. Связь стратегии совладания с типом реагирования в ситуации фрустрации выявлялась сравнением различий в реакциях испытуемых, использующих продуктивные и непродуктивные копинг-стратегии.

Испытуемые, использующие продуктивные поведенческие стратегии преодоления чаще проявляют озабоченность ситуацией ($p < 0,05$), не склонны преуменьшать ее сложность ($p < 0,01$), не

склонны к чувству вины (при $p < 0,01$) и отрицанию ответственности ($p < 0,05$).

Подростки, когнитивная копинг-стратегия которых – анализ проблемной ситуации, в ситуации познавательной фрустрации не склонны упрекать других ($p < 0,05$), брать вину на себя ($p < 0,01$), берут ответственность за разрешение ситуации ($p < 0,01$).

В группе испытуемых, использующих продуктивные эмоциональные стратегии преодоления частота реакций, направленных на решение проблемы больше ($p < 0,01$), трудности фрустрирующей ситуации преуменьшаются ($p < 0,01$). Подростки не склонны ни к самообвинению ($p < 0,01$), ни к отрицанию вины ($p < 0,01$), ответственность не отрицается ($p < 0,01$).

Таким образом, типичные общие стратегии совладания отражаются в особенностях фрустрационного реагирования и имеют выраженные гендерные отличия. Девочки более подвержены фрустрации, зависимы от внешних мнений и оценок, эмоциональны и агрессивны, в большей степени склонны к делегированию ответственности другому, но и более способны к контролю и анализу поведения в ситуации фрустрации.

В целом, наблюдается картина сближения нормативов, связанных с половой принадлежностью, как в системе ценностных ориентаций, так и регламентации поведения, в том числе, и межполового взаимодействия.

Происходящие сегодня изменения в дифференциации деятельности, статусов, прав и обязанностей, составляющих основу гендерной роли, приводят к изменению традиционных представлений о моделях поведения и чертах характера мужчин и женщин и проявляются в особенностях поведения современного подростка.

Литература:

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания. - СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. - М.: Политиздат, 1978. - 272 с.
3. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. - СПб.: Питер, 2002. - 756 с.
4. Кармин А.С. Конфликтология. - СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 448 с.
5. Собчик Л.Н. Вербальный фрустрационный тест. – СПб: Речь, 2002. – 24 с.
6. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. - СПб.: Питер, 2003.- 250 с.

Проблемы организации самостоятельной работы студентов при формировании социокультурной компетенции

Сегодня перед высшими учебными заведениями ставятся новые задачи, которые направлены на повышение качества российского образования в целом, подготовки выпускников, удовлетворяющих потребности современного общества. Эти задачи решаются и за счет изменений в учебных планах вузов.

На сегодняшний день все большее количество часов в учебных планах отдается на самостоятельную работу студентов. В тоже время преподаватели испытывают трудности в организации и проверке такой работы. Часто самостоятельная работа студентов сводится к чтению определенного списка литературы, и выполняют ее лишь добросовестные слушатели.

До недавнего времени самостоятельная работа в основном организовывалась с позиции теории управления учебной деятельности. При таком подходе ведущую роль в учебной деятельности играл учитель, как субъект деятельности. Задания в учебных пособиях для самостоятельной работы носили характер управляемой или частично управляемой репродуктивной деятельности (В. Граф, И.И. Ильясов, В.Я. Ляудис, З.Ю. Тарвидене и др.). Такой подход не может удовлетворить приоритеты современного образования, так как он не ориентирован на продуктивную учебную деятельность и не учит самообразованию.

Современная концепция образования провозглашает личность субъектом обучения. Выпускник учебного заведения должен обладать целым набором компетенций и индивидуальных качеств, характеризующих его как самостоятельную, готовую к интеграции в мировое образовательное сообщество личность. Главная задача учебных заведений - это «раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире» (Д.А. Медведев).

Одним из инструментов развития такой личности может являться продуктивная самостоятельная деятельность обучающегося. Продуктивная учебная деятельность в самостоятельной работе – это «вид познавательной деятельности, регулируемой и управляемой учащимся как субъектом данной деятельности и направленной на освоение предметных знаний и умений и культурно-исторического опыта» (Н.Ф. Коряковцева, 14).

Достоинством такой работы также является ее направленность на формирование социокультурной компетенции обучающегося. Обучение иностранным языкам в современном обществе

основывается на соизучении языка и культуры. Это направление реализуется в концепции формирования поликультурной языковой личности (Л.П. Халыпина). Соответственно в процессе обучения иностранному языку на основе данной концепции происходит не просто ознакомление обучаемых с культурными особенностями носителей изучаемого языка, сопоставление этих особенностей с собственной культурой, но осуществляется установка на проникновение в когнитивное сознание носителей изучаемого языка, постижение специфичной для них концептуальной системы. Человек не просто говорящий на иностранном языке, а умеющий понять менталитет народа, говорящего на этом языке, способен продуктивно налаживать международные контакты, способствовать мирным отношениям между странами. Мирное сосуществование международного сообщества является целью внешней политической деятельности Российского государства.

Таким образом, продуктивная самостоятельная работа обучаемого способствует развитию тех качеств и компетенций личности, которые необходимы современному выпускнику. Такая работа заключается в истинной самостоятельности, творчестве, независимости в приобретении знаний и умений при опосредованном руководстве со стороны преподавателя, способствует развитию поликультурной личности и удовлетворяет государственный заказ в области образования. Встает вопрос, как же организовать такую самостоятельную деятельность? Наилучшими методами, реализующие задачи формирования компетентного специалиста, на наш взгляд, являются методы проблемного обучения. И среди них, такие как метод кейсов и метод проектов. Проблемное обучение с использованием указанных методов ориентируется на личность студентов, учитывает их индивидуальные особенности, строится на активной, познавательной и самостоятельной деятельности студентов. Ход работы студентов и преподавателя в данных методах имеют много общего и могут вплестаться один в другой или взаимозаменяться. Немаловажно, что конечным результатом такой работы, всегда будет продукт, что и является отличительной особенностью продуктивной самостоятельной деятельности студентов. Предлагаем следующий порядок работы при сочетании методов проектов и кейсов с целью формирования социокультурной компетенции:

Подготовительный этап. Предложение темы. Выбор представленных кейсов. Формирование групп и распределение ролей (обязанностей) внутри группы. Выявление имеющихся социокультурных знаний, представлений, опыта студентов по теме исследования. Составление общего плана работы по решению проблемной ситуации.

Продуктивный этап. Детальная проработка плана работы. Поиск информации в сети Интернет. Обсуждение хода работы и результатов в группе.

Аналитический этап. Определение конечного наиболее оптимального решения проблемной ситуации. Презентация решения группы. Обсуждение и оценивание конечного результата работы группы.

Культурнопознавательный этап. Выделение иноязычных культурных универсалий. Сопоставление их с универсалиями родной культуры. Выявление причин отличий.

Работа частично может проводиться аудиторно, но большей частью предназначена для внеаудиторной проработки. Все этапы работы описанных проблемных методов могут вестись в рамках одного или нескольких модулей. Модульное обучение как нельзя лучше подходит для организации самостоятельного обучения.

Сущность модуля состоит в том, что он позволяет каждому студенту полностью самостоятельно (или при небольшой поддержке учителя – консультации) добиваться конкретных целей учебно-познавательной деятельности. Средством обучения при этом служат учебные модули.

Модуль может представлять собой программу обучения, которая индивидуализируется по содержанию, методам обучения, уровню самостоятельности, а также по темпу обучения, реализуя тем самым личностно-ориентированный подход к обучению. Обычно в модуле определены цели обучения, задачи и уровни изучения данного модуля, названы навыки и умения. В модульном обучении все заранее запрограммировано: не только последовательность изучения материала, но и уровень его усвоения, и контроль качества усвоения. Обобщая, можно выделить следующие составляющие учебного модуля: а) цели выполнения заданий; б) план действий по усвоению учебного материала; в) рекомендованный банк информации; г) задания, контролирующие уровень усвоения учебного материала; д) критерии самооценивания.

Другими словами, модульное обучение – это четко выстроенная технология обучения, базирующаяся на научно обоснованных данных, недопускающая экспромтов, как это возможно при других методах обучения. Студенты при модульном обучении всегда должны знать перечень основных понятий, навыков и умений по каждому конкретному модулю, включая количественную меру оценивания качества усвоения учебного материала. На основе этого перечня составляются вопросы и учебные задачи, охватывающие все виды работ по модулю, и выносятся на контроль после изучения модуля.

Таким образом, проблема организации продуктивной самостоятельной работы студентов может быть решена с использованием проблемных методов обучения организуемых в модули.

Литература:

1. Граф, В., Ильясов, И.И., Ляудис, В.Я. Основы организации учебной деятельности и самостоятельной работы студентов/ В. Граф, И.И. Ильясов, В.Я. Ляудис; М.: МГУ.-М., 1981. – 79с.
2. Коряковцева, Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык.: Пособие для учителей/Н.Ф. Коряковцева; АРКТИ. – М., 2002. – 176с.
3. Халяпина, Л.П. Интернет-коммуникация и обучение иностранным языкам/ Л.П. Халяпина; Кузбассвузиздат. – Кемерово, 2005. – 210с.
4. Медведев, Д.А. Послание президента Российской Федерации к Федеральному собранию/ Д.А. Медведев; www.kremlin.ru; режим доступа –<http://mon.gov.ru/press/news/6371>. - 12.11.2009.

Близнецова О.И.

Проблема формирования способности к целеполаганию в высшей школе.

Проблема целеполагания в современной отечественной психологии довольно часто исследуется в аспекте профессиональной деятельности: как существенный этап становления субъекта деятельности, как фундаментальная характеристика управления деятельностью, как показатель сформированности профессионального сознания, а также со стороны влияния на структуру действий целеполагания различных психологических факторов. Активный поиск путей повышения эффективности образования, необходимость формирования у учащихся системы универсальных знаний, опыта самостоятельной деятельности, личной ответственности служит основанием для анализа современных ключевых компетенций, одной из которых является способность к целеполаганию. [2, 5]

Исходным для понимания сущности способности к целеполаганию является понятие «цель». В психологии оно имеет несколько значений: как формальное описание конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая саморегулирующаяся функционирующая система; как предвосхищаемый полезный результат, определяющий целостность и направленность поведения организма; как осознанный образ предвосхищаемого, желаемого результата, на достижение которого направлено действие человека, заранее мыслимый результат сознательной деятельности.

В отечественной психологической науке существует трактовка категории «цель» как осознанного образа результата, косвенно связанного с мотивом. Путь достижения цели предполагает прогнозирование и планирование деятельности, определение

конечной и промежуточных целей, то есть целеполагание. Начальный момент этого пути - постановка цели. Так как цель представляет собой конкретизированную, или «сфокусированную» потребность, ей необходимо предшествует определённое мотивационное состояние, которое активизирует и направляет не только перцептивную и моторную систему человека, но и его внутренний когнитивный потенциал, что и обеспечивает возможность постановки целей и их планирование. Специфическими характеристиками этих двух главных процессов целеполагания, по мнению Жозефа Нюттена, являются следующие:

- разработка субъектом поведенческих проектов или планов, посредством которых может быть достигнута цель;
- восприятие им расхождения между актуальной ситуацией и желаемой целью.

Переход от постановки целей и планирования к внешнему действию на основе наличия моторного и психического потенциала к его выполнению. [3]

Для организации целеполагания необходимо «выстраивание» иерархии целей, которая может быть представлена в следующем виде:

- цели первого порядка: формирование профессиональной компетентности, как системы характеристик профессионала, обуславливающих эффективность и успешность деятельности;
- цели второго порядка: формирование компетентностей, имеющих отношение к содержанию образования в – ценностно-смысловой, общекультурной, учебно-познавательной, ин-формационной и др. сферах .
- цели третьего порядка: формирование способности к целеполаганию как одной из универсальных в подготовке специалиста и как компонента каждой из выше названных компетентностей;
- цели четвертого порядка: формирование тех психических функций, которые составляют «ядро» структуры способности к целеполаганию;
- цели пятого порядка: формирование конкретных умений, необходимых для осознания, принятия, удержания целей и для целеобразования.

Целеобразование, представляет собой центральный момент в ходе выполнения действия и главный механизм формирования новых действий. Характеризуя его как процесс порождения целей, О.К.Тихомиров выделяет в нём следующие особенности:

- существуют предпосылки возникновения новых целей, среди которых наиболее значимыми являются актуализация новых потребностей и мотивов, усвоение новых знаний о возможных

результатах, возникновение новых результатов действий, либо их отсутствие

– наиболее распространённым вариантом целеобразования является превращение требования в индивидуальную цель, или принятие цели, которое обусловлено усвоением общественных целей, и природой формирования индивидуальных потребностей;

– в ситуации предъявления противоречивых требований, необходим выбор одного из имеющихся требований, который обусловлен актуальной и потенциальной потребностью;

– целеобразование может осуществляться в трёх формах: как процесс, как действие и как деятельность, основными его приёмами являются: осмысливание ситуации, «оттягивание» окончательного принятия решения, условное принятие цели, обращение за советом;

– образование цели может иметь характер развёрнутого во времени процесса, при этом, существенным параметром временной динамики является изменение последующих целей в зависимости от результатов и целей предшествующих действий. [4; с.119-121]

Таковы содержательные характеристики целеполагания как процесса от возникновения цели до её реализации и психологический смысл основных научных категорий, посредством которых он анализируется. В образовательном процессе целеполагание проходит через весь процесс обучения и воспитания «... выполняя в нём функции мотивации деятельности учащихся, структурной стабилизации учебного процесса, диагностики результатов обучения». [5; 151] Следовательно, организация целеполагания, включающая в себя совместные действия преподавателя и учащихся по определению целей, их принятию, переопределению, предполагает определённый уровень владения соответствующими умениями, или способности к целеполаганию следующих компонентов:

способность к осознанию цели (осознание предвосхищения будущего результата, осознание возможности достижения цели, осознание степени её приемлемости (отношения цели к потребностям);

способность к принятию цели - превращение внешнего требования (требования деятельности, учебной ситуации, или требования, предъявленного ситуацией) в индивидуальную цель, выбор требования;

способность к целеобразованию - предварительная и окончательная постановка цели, изменение последующих целей в зависимости от результатов предшествующих действий, прогно-

зирование успешности/неуспешности предстоящих действий, выделение промежуточных целей.

В условиях деятельностного подхода к обучению обеспечивается возможность самостоятельной постановки целей студентами, их осознания, однако, для этого необходимо соизмерить цели и реальность их достижения; реалистически оценить свои возможности.

Методологической основой организации деятельности студентов по целеполаганию служат:

- учение Л.С. Выготского о происхождении высших, специфически человеческих форм психической деятельности путем «вращения внутрь», идея интериоризации как формирование стабильных структурно-функциональных единиц сознания через усвоение внешних действий с предметами и овладение внешними знаковыми средствами

- работы П.Я. Гальперина, проследившего и научно обосновавшего этапы перехода «извне внутрь» и доказавшего необходимость выяснения и построения такой системы условий «учет которой не только обеспечивает, но ... вынуждает ученика действовать правильно и только правильно, в требуемой форме и с заданными показателями.» [1; с. 428]

- исследования О.К.Тихомирова о сущности процесса целеобразования как основного момента целеполагания, согласно которым он определяется как «формирование образа будущего результата действий... и принятие этого образа в качестве основы для практических или умственных действий»/ [4; с.17]

Не менее значимыми для организации целеполагания являются результаты исследования динамических отношений цели и мотива, согласно которым мотив рассматривается как системообразующий фактор целеполагания. Это свойство мотива отчетливо проявляется в тех ситуациях, когда цель, предъявляемая преподавателем, не принимается студентами, не превращается в их собственную цель. В этом случае целеполагание осуществляется как принятие целей на усвоение «готовых» знаний, на выполнение действий по образцу – на репродуктивную деятельность, для чего достаточно актуализировать процессы запоминания, воспроизведения, опознания. Критерием интериоризации внешней цели является обнаружение и осознание студентами связей между мотивом и целью деятельности, которые проявляются в переживании повышенной значимости предмета действия, находящегося в поле действия учебно-познавательного мотива и, что особенно важно – в умении выразить в слове причину и цель выполнения действий.

Эффективность целеполагания, в данном случае, определяется характером действий преподавателя по формированию

«личностных смыслов»: действия студента приобретают для него смысл в зависимости от места и роли изучаемых объектов в системе ведущих потребностей и мотивов. Формирование личностных смыслов возможно через включение этих объектов «в более широкий контекст смысловых образований.. Смыслообразование обеспечивает осознание и понимание целей предстоящей деятельности, помогает удерживать цель на протяжении всего занятия и формулировать промежуточные цели, а, в ситуации необходимости – переопределять цель.

Таким образом, основной этап целеполагания включает в себя: осознание студентами цели, ее принятие, удерживание и переопределение. Осуществление его возможно при условии сформированности определенных психических функций, или решения преподавателем задач по их развитию и воспитанию.

Литература:

1. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Под ред. А.И. Подольского/. Москва – Воронеж, 1998.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании Авторская версия. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004г
3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004г
4. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.; 2004
5. Хуторской А.В. Современная дидактика . М., 2007.

Блинова А.В.

К проблеме профессиональной социализации студентов

Развитие социальной сферы становится стратегически важным направлением жизнедеятельности российского общества. Сфера услуг, как составляющая социальной сферы, превратилась в особый культурный комплекс, который включает и экономику, и менеджмент, и высокие технологии, и новейшие психологические методики, и многое другое. Это обуславливает потребность в конкурентоспособных специалистах, успевающих за динамичным развитием рынка труда и изменяющимся условиям профессиональной среды.

Знания, интеллект, культура, образованность, практические способности и компетентность – показатели профессионального и личностного развития молодого специалиста. Но потребность современного рынка в инновациях остро ставит проблему подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих не только приобретенными в вузе знаниями, но и обладающих высокой мобильностью, способностью взять на себя ответственность за свое профессиональное будущее, построение своей карьеры. Поэтому особую роль на стадии профессиональной

подготовки играет социализация в период обучения в вузе, где молодые люди смогут сопоставить свои способности с требованиями современного рынка труда.

В последние десятилетия в современной России появились принципиально новые каналы социализации, оказывающие сильное влияние на процессы формирования молодежи, ее адаптацию в радикально меняющемся обществе. Наиболее значимыми из таких каналов являются: рынок труда, институт предпринимательства, информатизация всех сфер социальной жизни, становление нового типа общества. В этих условиях рынок труда превращается в один из весомых социальных индикаторов рыночных отношений, что обуславливается существующим на нем спросом и предложением, а также наличием свободных рабочих мест, которые могут быть предложены молодежи, впервые выходящей на этот рынок и обладающей, во-первых, определенным уровнем знаний, а во-вторых, конкретными пожеланиями относительно своей будущей работы. Именно рынок проверяет все качества подрастающих поколений: моральные и деловые, их культурные миры и профессиональные умения. Степень «обеспеченности» молодых людей такими социальными качествами, которые будут востребованы на протяжении всей их активной экономической жизни, и определит, в конечном счете, возможные контакты с миром, с партнерами, равно как и сформирует умение работать в постоянно трансформирующемся обществе и нестабильных условиях бытия. [6]

Процесс профессиональной социализации является многофакторным и многоуровневым процессом усвоения индивидом профессиональной культуры общества, его интеграции в профессиональную систему путем передачи профессиональных ценностей, традиций и норм профессионального поведения. Особенности профессиональной социализации студентов, готовящихся стать профессионалами в социальной сфере, состоят, во-первых, в особом ее содержании, имеющем ярко выраженную социально-гуманитарную направленность; во-вторых, в развитии у студентов готовности к видам деятельности, основанным на высокой интенсивности межличностных коммуникаций и групповых форм работы; в-третьих, в формировании профессиональной мобильности выпускника, способного справляться с различными условиями и жизненными ситуациями, высокой адаптивности к различным формам деятельности. Ориентированность на успешное выполнение профессиональной деятельности напрямую зависит не только профессиональных, но и от личностных качеств специалиста: мобильности, активности, творческого подхода к решению вопросов, стремления к приобретению новых знаний и способности взять на себя ответствен-

ность за построение своего карьерного пути. Опираясь на сочетание социологического, социально-психологического и дифференциально-психологического подходов, процесс профессиональной социализации следует рассматривать как выбор карьеры, сферы приложения усилий и саморазвития личностных возможностей, а также как формирование практического, ответственного отношения личности к социокультурным и профессионально-производственным условиям ее общественно полезного бытия и саморазвития.

Особенности профессиональной социализации студентов, готовящихся к работе в социальной сфере, состоят, во-первых, в особом ее содержании, имеющем ярко выраженную социально-гуманитарную направленность; во-вторых, в развитии у студентов готовности к видам деятельности, основанной на высокой интенсивности межличностных коммуникаций; в-третьих, в формировании профессиональной мобильности выпускника, способного справляться с различными условиями и жизненными ситуациями, высокой адаптивности к различным формам деятельности. Профессиональная деятельность специалиста социальной сферы получает свой смысл в зависимости от её нравственной ориентированности, от её влияния на человеческое существование. Профессиональную деятельность в социальной сфере можно характеризовать и с точки зрения её гуманистической направленности, которая формулирует цель профессиональной подготовки будущих специалистов как непрерывное общекультурное, социально-нравственное и профессиональное развитие. В этой цели интегрируются личностная позиция будущего специалиста социальной сферы (мотивационно-ценностное отношение к предстоящей деятельности) и его профессиональные знания, умения и навыки (профессиональная компетентность).

В соответствии с этим важно учитывать, что в процессе профессиональной подготовки специалистов социальной сферы должны быть обеспечено не только получение разносторонних знаний, формирование умений и навыков, которые позволяли бы выпускникам вузов быстро включаться в профессиональную деятельность и успешно ее выполнять, но и ориентация студентов на профессиональную деятельность как ценность.

Ценностное отношение личности к деятельности является основой становления профессиональной деятельности как ценности. Ценностные ориентации студента, будущего работника социальной сферы, находят своё обобщённое выражение в мотивационно-ценностном отношении к профессиональной деятельности, которое является показателем гуманистической направленности личности. Такое отношение характеризуется

единством объективного и субъективного, в котором объективное положение студента является основой его избирательной направленности на профессиональные ценности, стимулирующее общее и профессиональное саморазвитие личности и выступающее фактором его профессиональной и социальной активности. Социальное и профессиональное поведение студента зависит от того, как он конкретизирует ценности профессиональной деятельности, какое место отводит им в своей жизни. [2; 4]

В исследованиях Т.К. Ахаян, рассматривающих решение проблемы ориентации личности на ценности, определены составляющие обобщенного ценностного механизма ориентации: поиск, выбор, оценка, проекция. В соответствии с данным подходом в основе процесса становления ценностного отношения к профессиональной деятельности могут быть сформулированы стадии формирования смыслообразующего мотива, выступающего как ядро направленности личности и отражающего нравственные убеждения личности. В процессе ориентации студентов на социально-педагогическую деятельность как ценность наиболее целесообразно проектировать две стадии: информативно-оценочную и деятельностно-оценочную, в соответствии с которыми выявлена и охарактеризована "модель" становления у студентов ценностного отношения к профессиональной деятельности. [1]

На первой стадии, во время информационно-оценочной деятельности, студенты усваивают сумму знаний о сущности и специфике профессиональной деятельности, оценивают современную ситуацию развития и актуальные проблемы профессиональной деятельности; с существующими и развивающимися сферами профессиональной деятельности; с основными функциями специалиста; соотносят реализацию профессиональных функций со степенью удовлетворения потребностей, запросов и интересов клиентов и определяют позицию специалиста социальной сферы в соответствии с личностно-ориентированным подходом. На этой основе формируется представление студентов о личности специалиста социальной сферы как носителя социальных ценностей и профессиональной культуры.

На второй - деятельностно-оценочной стадии, обеспечивается самостоятельность, активность студентов; на этой стадии они проявляют себя не только как участники, но и как творцы социально-профессиональной ситуации, реализуя присвоенные знания. Студенты рассматривают проблемные ситуации, характерные для социально-профессиональной среды, определяют пути их решения с позиций личностно-ориентированного подхода; предлагаемые решения ситуаций проигрываются перед всей

группой и обсуждаются с позиции определения их оптимального решения; разрабатывают модель включения клиента в социально-профессиональное взаимодействие. Эта модель является компонентом проекта оптимизации решения задач социально-профессиональной ситуации, который должен предусматривать проявление студентов, будущим специалистом, активности, самостоятельности, творческого подхода, что, в итоге, обусловит формирование его субъектной позиции.

Выполнение таких заданий помогает студентам в дальнейшем при проектировании собственной профессиональной деятельности на практике в учреждениях социальной сферы. Результативность процесса становления ценностного отношения студентов к своей профессиональной деятельности отражается в изменениях личностных профессионально значимых качеств студентов, в числе которых выделены следующие критерии и соответствующие показатели: осознание студентами сформированности у себя профессионально-значимых качеств личности; проявление студентами личностных качеств, необходимых для профессиональной деятельности; осознание необходимости личностно-ориентированного подхода в профессиональной деятельности; активность в выполнении заданий; устойчивое стремление к овладению необходимыми умениями.

Основными педагогическими условиями, реализация которых обеспечивает становление ценностного отношения к профессиональной деятельности и способствует успешной профессиональной социализации студентов, будущих специалистов социальной сферы, являются: комплексный характер организации профессиональной подготовки, её деятельностный, практико-исследовательский характер; развивающийся характер деятельности студентов; процессуальность, личностно-ориентированный и субъект-субъектный характер организуемой деятельности студентов.

Литература:

1. Ахаян Т.К. Исследование аксиологических проблем воспитания учащихся. (Научная школа - материал к спецкурсу). -СПб., 1996.-196 с.
2. Каган М.С. Философская теория ценности. - СПб., 1997. – 205 с.
3. А.М.Новиков От педагогики индустриального к педагогике организационно-индустриального общества. Электронный ресурс: <http://www.anovikov.ru/artikle/ped.htm>.
4. Сериков В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. — М.: «Логос», 1999. – 2727 с.
5. Топилина Е.С. Особенности социализации молодого поколения в современной России. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. №3 – 140 с.

Восприятие вертикальных конфликтов и выбор стратегии поведения в конфликтах курсантами ВВУЗов

Курсанты, проходящие обучение в высших военных учебных заведениях, связываются с рядом трудностей, связанных со спецификой воинской деятельности. Эти трудности могут провоцировать возникновение различного рода конфликтных ситуаций, в том числе, вертикальных конфликтов. Целью нашего исследования было выявить связь между восприятием вертикальных конфликтов и стратегиями поведения в конфликте.

В соответствии с особенностями выборки, нами была проведена спецификация метода семантического дифференциала. Испытуемым было предложено по ряду шкал оценить два вида вертикальных конфликтов: конфликт, спровоцированный курсантами, и конфликт, спровоцированный офицером. Так же в исследовании использовалась методика «Стратегии поведения в конфликте» (К. Томас, Н.В. Гришина).

Выборку составили 43 курсанта ВВУЗа, в возрасте от 18 лет до 21 года.

Вертикальный конфликт, спровоцированный курсантами.

Такая характеристика поведения курсанта, как сложность, связана с двумя стратегиями поведения, с соперничеством обратной связью ($p < 0,05$) и с компромиссом прямой связью ($p < 0,01$). Сложность поведения характеризуется дифференцированностью, гибкостью, адаптированностью поведения субъекта. Таким образом, с увеличением сложности поведения курсантов, ориентациях их поведения в конфликте только на свои интересы меняется на достижение интересов обеих сторон, участвующих в конфликте.

Положительная оценка поведения офицера связана со стратегиями ориентированными на достижение интересов обеих сторон, с сотрудничеством ($p < 0,05$) и компромиссом ($p < 0,05$).

Восприятие поведения обоих субъектов конфликта как пассивного и слабого связано со стратегией приспособления ($p < 0,05$), т.е. чем более безынициативным и беспомощным будет поведение участников конфликта, тем в большей степени курсанты будут приспосабливаться к интересам других участников конфликта. Мы предполагаем, что при таком восприятии субъектов конфликта, не возникает потребность доминирования над другим участником конфликта, возникает соперничество по отношению к нему, это и вызывает выбор поведения, ориентированного на интересы другого участника конфликта.

Вертикальный конфликт, спровоцированный офицером.

Реальность и сложность поведения относятся к когнитивным характеристикам восприятия офицера, и только они имеют

связь со стратегиями поведения в конфликте. Курсанты, которые считают не характерным для офицера открытое (непосредственное) конфликтное поведение ($p < 0,05$) чаще используют стратегию сотрудничества в конфликте, так же стратегия сотрудничества связана со сложностью поведения офицера ($p < 0,05$). Таким образом, если курсанты, с одной стороны, считают конфликтное поведение офицера мало вероятным, не характерным для него, а с другой стороны, если оно все же имеет место быть, но является гибким, то они склонны сотрудничать в конфликте.

Курсанты, считающие мало вероятным открытое конфликтное поведение курсанта в ситуации конфликта между курсантом и офицером, спровоцированного офицером ($p < 0,05$), чаще идут на компромисс в конфликте. Реальность конфликтного поведения участников вертикального конфликта, спровоцированного офицером, связана со стратегиями поведения в конфликте, ориентированными на достижение интересов обеих сторон.

Как и в конфликте, спровоцированном курсантами, восприятие поведения курсанта как пассивного и слабого связано со стратегией приспособления ($p < 0,05$). Мы предполагаем, что подобная связь будет наблюдаться и в других, аналогичных, ситуациях вертикального конфликта, вне зависимости от того, кто спровоцировал конфликт.

По результатам проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

Поведенческие характеристики восприятия участников вертикальных конфликтов при разрешении конфликтов, связаны с ориентацией на интересы других участников конфликта. Пассивность и беспомощность поведения участников конфликтов связана с приспособлением к другим участникам конфликта.

Когнитивные характеристики восприятия участников вертикальных конфликтов связаны с ориентацией на достижение, как своих интересов, так и интересов других участников конфликта.

Двоглазова М. Ю.

Этнокультурные особенности образовательной среды

Одной из приоритетных задач в подготовке подрастающего поколения к взрослой жизни является формирование готовности к жизнедеятельности в поликультурном мире. В этой связи вопрос об этнокультурной компетентности все участников образовательного процесса стоит особенно актуально. В последние десятилетия этническая проблематика исследуется и обсуждается как в теоретических, так и практико-ориентированных исследованиях. Социально-экономические и политические преобра-

зования, происходящие в обществе, совпали с этническим возрождением, что определило нестабильность жизни общества, обострение межнациональных отношений. Среди комплекса факторов, вызывающих этническую напряженность, можно отметить и психологический, проявляющийся в формировании в общественном сознании этно-национальных стереотипов, этноцентризма как тенденции рассматривать нормы и ценности собственной культуры как основу для оценки, выработки суждений о других культурах, стремление интерпретировать действия и поступки других людей на основе собственных личностных или национальных культурных ценностей.

Результаты исследования Л.В. Коноваловой [1] показали, что педагоги осознают важность решения проблем межэтнического характера, вместе с тем, пути решения этих проблем ими строятся на основе собственного (этнического) опыта. Этнопсихологические особенности людей, их обычаи и традиции педагоги в основном узнают на основе личного опыта, в процессе общения, осуществляющегося на бытовом уровне. Лишь небольшое количество учителей обращаются к чтению научной литературы с целью расширения собственной компетентности в области решения этнопсихологических проблем. Поэтому развитие этнокультурной компетентности педагогов является одной из приоритетных задач, существующих в настоящее время в обществе.

Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле - то комплексное целое, что включает в себя знания, представления, искусство, мораль, закон, традицию, а также способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества. Культура - это уникальный образ жизни, присущий определенной группе людей. Культура - это знания, передаваемые посредством общения, приобретенные черты поведения, которые принимаются членами общества и отражаются в их общественных структурах и артефактах. Культура есть совместный опыт (национальный, этнический, религиозный и т. д.), нашедший свое отражение в общем языке, стиле общения, обычаях, верованиях, представлениях и ценностях. Все интерпретации понятия культура можно дифференцировать на несколько групп:

- социологические, в которых культура понимается как фактор организации общественной жизни, как совокупность идей, принципов, социальных институтов, обеспечивающих коллективную деятельность людей. «Культура - это то, что определяет социальный аспект человеческой личности с точки зрения усвоенного и приобретенного поведения. Культура динамична, равно как и личность, принявшая данную культуру, и обе они (как

личность, так и культура) меняются под влиянием обстоятельств и времени» [13]. «Культура - это коллективное программирование ума, которое отличает представителей одной категории людей от другой» [10];

- в исторических дефинициях категория культуры трактуется как продукт истории общества и развивается путем передачи приобретаемого человеком опыта от поколения к поколению. «Культура есть результат совместной жизнедеятельности, и основными составляющими культуры являются четко очерченная группа людей и определенная история их существования. Культура определяет способы, с помощью которых различные общества стандартизируют и канонируют одобренные нормы поведения, а также методы, с помощью которых общество выражает неприятие несоответствующих моделей поведения» [15];

- в нормативном подходе содержание культуры составляют нормы и правила, регламентирующие жизнь людей. «Культура - совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученных форм человеческого поведения и деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира» [2]. Культура есть «система знаний и норм для восприятия, представления, оценки и действия. Это система социально усвоенных моделей поведения, которая служит для взаимодействия людей с окружающим миром. Она развивается во времени и постоянно, хотя и медленно эволюционирует» [7];

- в психологических интерпретациях акцентируется внимание на связи культуры с психологическими особенностями поведения людей. «Культура - это образ жизни, тот контекст, в котором мы существуем, думаем, чувствуем и общаемся друг с другом. Это программа, заложенная с раннего детства, которая управляет поведением людей в обществе и помогает понять, что от них ожидается и что случится, если эти ожидания не будут оправданы. Культуру можно определить как идеи, обычаи, навыки, методы и приемы, характеризующие данную группу людей в данный период времени» [12]. К этой группе определений можно отнести и такое: «Культура состоит из моделей поведения, как выраженных, так и скрытых, приобретенных или переданных с помощью символов, являющихся отличительной чертой человеческого существа, и артефактов, олицетворяющих культуру; суть культуры заключается в традиционных идеях и присущих им ценностях» [11];

- дидактические, которые рассматривают культуру как то, чему человек научился (а не унаследовал генетически). Например: «Культура состоит из идеалов, ценностей и представлений о жизни, присущих людям и определяющих их поведение.

Культура воспитывается и усваивается с детства и передается из поколения в поколение» [6];

- антропологические - например: «Культура - это совокупность результатов деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычаев, традиций), составляющих и обуславливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени» [3].

Согласно Э. Холлу [8], разнообразие интерпретаций категории культура вместе с тем позволяет выделить общие положения всех вышеуказанных подходов: 1) культура - не нечто врожденное, а приобретенное; 2) различные проявления культуры взаимосвязаны; 3) всем членам общества свойственны единые культурные ценности, и именно культура определяет границы различных социальных групп.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить следующее: культура - это универсальное явление человеческой жизни, не существует человеческого общества или социальной группы без присущей им культуры; культура - продукт совместной жизнедеятельности людей; культура воплощается в системах социальных целей, ценностей, правил, обычаев, стандартов; культура не наследуется генетически, а передается из поколения в поколение через научение; поскольку человечество не является единым социальным коллективом, поэтому разные популяции людей создали разные национальные, этнические, региональные, социальные культуры; культура динамична, способна к саморазвитию и самообновлению, постоянно порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям бытия; язык и культура тесно связаны и взаимозависимы; культура в значительной степени передается через язык, культурные модели в свою очередь отражаются в языке; культура функционирует в качестве основания для самоидентификации общества и его членов, осознания коллективом и его субъектами своего группового и индивидуального «Я», различения «своих» и «чужих», является защитным и ограничивающим фильтром между ее носителями и внешней средой. При межкультурном общении приходится пересекать границы своей культуры и вступать в систему иных культурных ценностей.

В зарубежной психологии З. Фрейдом была сформулирована идея, о том, что психика человека может быть представлена в виде айсберга, состоящего из надводной, небольшой по размеру части (сознания) и подводной части (бессознательного) [4]. Впоследствии данная мысль стала основой теории, представляющей культуру в виде айсберга, состоящего из осознанного, предсознательного и неосознанного уровней. Осознаваемый

уровень (эксплицитный) айсберга представляется языком, обычаями и традициями народа, его фольклором, литературой, национальной кухней. Данный уровень может быть назван техническим, ему возможно обучать, а также он связан с незначительным проявлением эмоций. На этом уровне редко возникают межкультурные проблемы общения.

Следующий уровень, подобно айсбергу частично скрыт под водой и частично находится над ней – формальный. Его освоение осуществляется при помощи метода проб и ошибок, при этом человек подчиняется определенным ритуалам, зачастую не анализируя их сущность. Данный уровень характеризуется проявлением эмоций, отход от правил связан с переживанием негативных чувств по отношению к нарушителю.

В неосознаваемый (неформальный, имплицитный) уровень айсберга входят неписанные правила поведения, социальные нормы, ценности и их иерархия. Все действия и поведенческие акты совершаются автоматически, бессознательно, усваиваются через действия «по образу и подобию». Такой уровень также отличается высокой эмоциональностью, нарушения негласных правил серьезно влияют на взаимоотношения людей.

Культура передается от старшего поколения младшему через формальное и неформальное образование. В образовательном процессе в настоящее время проявляются следующие культуральные различия: в представлениях о желательных качествах учеников, в нормах социально приемлемого поведения, в особенностях общения детей со взрослыми, в предпочитаемых методах и приемах воспитания. Типичными осознаваемыми трудностями педагогов являются недостаток знаний о конкретных культурах (обычаях, традициях, национальных праздниках, ценностях), а также недостаточное владение технологиями работы с представителями иных культурных групп. К неосознаваемым проблемам можно отнести стереотипы или предубеждения в отношении тех или иных групп, тревогу в ситуации межкультурного взаимодействия, обуславливающую неверные действия, и как следствие – возникновение конфликтов.

Гармоничное развитие учащихся в образовательном процессе предполагает знание педагогом обычаев, правил поведения, ценностей, национального характера и образа мыслей представителей разных этносов. В этом в значительной мере способствует знание теории Г. Хофштеде, выделившего основные параметры для определения национального характера культуры на основе проведения кросс-культурного исследования культурных ценностей [9].

По мнению Г. Хофштеде, особенности национальных культур можно определить по следующим параметрам: индивидуа-

лизм-коллективизм, дистанция власти, боязнь неопределенности, маскулинность – феминность.

Индивидуализм проявляется в обществе со свободной социальной структурой, в котором каждый сам заботится о себе и своей семье. В обществе с коллективистской культурой присутствует строгая социальная структура, четкое разделение на социальные группы, внутри которых каждому индивиду гарантирована забота и внимание остальных в обмен на преданность группе.

В индивидуалистских культурах связи между людьми менее важны; считается, что каждый человек должен сам позаботиться о себе и своей семье. Выполнение поставленной задачи превалирует над любыми личными взаимоотношениями, личные цели рассматриваются как более значимые, чем групповые. Преданность индивида группе низка, каждый человек входит в несколько групп, переходя из одной в другую по мере своих надобностей и так же легко меняя место работы. В этих культурах преобладает осознание своего «Я»; предпочтение отдается соревнованию и конкуренции, а не кооперации и сотрудничеству. Люди не проявляют эмоциональной зависимости от организаций, учреждений, групп. Ценится право каждого на личную ответственность, частное мнение, свою точку зрения. Подчеркивается важность индивидуальных инициатив и индивидуального успеха, приветствуется умение самостоятельно принимать решения.

В коллективистских культурах люди воспринимают мир и формируют свое отношение к нему сквозь призму группы; во главу угла ставится преданность организации, друзьям, семье. Коллективизм характеризуется жесткой социальной структурой, которая разделяет «своих» и «чужих» в группах. Большое внимание уделяется взглядам, целям и потребностям группы, а не индивида и гармонии в группе; социальные нормы и обязанности определяются группой, а личные взаимоотношения всегда считаются важнее выполнения поставленной задачи. Поддерживаются те ценности, которые разделяются всеми, а не те, которые выделяют индивида на фоне группы. Велика готовность сотрудничества внутри группы. С самого рождения человек является частью большой семьи или клана, который защищает и поддерживает его в обмен на верность и преданность. Преобладает самосознание на уровне «мы». Значимость человека определяется не личными качествами, а местом в социальной иерархии. Индивид эмоционально зависит от организации. Культура подчеркивает принадлежность каждого человека к организации, которая имеет право вмешиваться в личную жизнь личности. Решения принимаются коллективом.

Таким образом, для коллективистических культур свойственны следующие особенности: основным для человека выступают интересы группы; считается значимым выполнение обязанностей по отношению к семье, группе, обществу; самым страшным в жизни считается создание неблагоприятного представления о человеке в глазах окружающих людей; ценности для ин-групп и аут-групп отличаются друг от друга; поддержание хороших отношений не менее важно, чем успех дела; одобрение со стороны группы рассматривается в качестве поощрения; в общении присутствует стремление к избеганию прямых разногласий, поскольку значимым является достижение общего мнения; законы, права и мнения определяются группой.

В отличие от коллективистических культур для индивидуалистических характерно следующее: главным для человека выступают интересы собственной личности; очень важно выполнять обязанности по отношению к самому себе; самое страшное – потеря самоуважения; для всех действуют одинаковые ценности/принципы; дело важнее отношений; поощряется личный успех, личные достижения; общение прямое и открытое, допускается наличие собственного мнения; наблюдается единство в правах и перед лицом закона.

В образовательной сфере индивидуализм – коллективизм проявляется в следующих чертах. В коллективистических культурах: учащиеся не высказываются, если не получили на это право от группы; учатся тому, «как поступать», чтобы быть хорошими членами группы; основной задачей считают овладение знаниями, необходимыми для общества; основным мотивом поведения является мотив общественного блага; учащиеся стремятся выражать общепринятое мнение. В индивидуалистических культурах: ученики должны брать на себя инициативу; обязаны высказывать личное мнение; учатся самообучению для того, чтобы в последствии справляться с любыми проблемными ситуациями; главным считается формирование познавательных умений и навыков, необходимых для личностного роста; основным мотивом поведения выступает индивидуальный успех, личное преуспевание [5].

Дистанция власти - степень готовности общества принимать неравенство распределения власти во взаимоотношениях, в учреждениях, организациях, что отражается на отношении общества к тем, кто наделен властью, и тем, кто ее лишен. В образовательном учреждении данный параметр выражается в распределении власти и статуса на различных организационных уровнях. В культурах с высокой дистанцией власти подчиненные готовы к неравномерному распределению полномочий в организации.

Представители культур с высокой дистанцией власти считают, что люди рождаются неравными, у каждого свое место в жизни, обусловленное сложной иерархической структурой общества, и дистанция между различными социальными слоями значительна. Социальная иерархия определяет и структуру организаций. В школе детей учат тому, что они не должны перебивать учителя и задавать вопросы, поскольку это считается проявлением неуважения к старшему. Для организационных структур таких культур характерны централизация власти, большая численность персонала в области контроля и проверки и строгая система ценностей, которая определяет значимость той или иной работы. Существует твердое убеждение в том, что наделенные властью в корне отличаются от рядовых членов организации, поэтому любое проявление власти считается нормой.

Культуры с низкой дистанцией власти придерживаются той точки зрения, что неравенство в обществе должно быть сведено к минимуму. Считается, что иерархия - это условное закрепление неравенства людей в обществе. Подчиненные считают себя такими же людьми, как их руководители, и последние разделяют это мнение. Руководители в деловой или личной сфере часто общаются с рядовыми членами общества и стараются выглядеть демократичнее.

Итак, высокая дистанция власти проявляется в том, что люди, обладающие властью и не обладающие, существенно отличаются друг от друга; статус и положение в иерархии определяют взаимоотношения между людьми; как у власть предержащих, так и у подчиненных ожидается открытое проявление привилегий и символов статуса; власть имущие стараются производить как можно более внушительное впечатление; критика вышестоящих нежелательна, оценивается отрицательно, не поощряется; основную ответственность за жизнедеятельность организации несет руководитель. Низкая дистанция власти отличается тем, что люди, обладающие властью и не обладающие, мало чем отличаются друг от друга; статус и положение в иерархии незначимы; открытое проявление привилегий и символов статуса вызывает неодобрение; власть имущие стараются казаться скромнее; критика вышестоящих возможна; присутствует персональная ответственность.

Низкая дистанция власти в образовании характеризуется такими чертами как: поощрением самостоятельности; независимостью уважения человека другими людьми от его социального статуса; побуждением учащихся к самовыражению и высказыванию собственных идей; поощрением учителем инициативы учащихся; формированием у учащегося ответственного отношения за результаты собственного обучения; общением на равных

учителя с учащимися; партнерством учителя с учащимися в учебном процессе; предоставлением права учащемуся отстаивать собственную точку зрения, дискутировать с учителем, вмешиваться в учебный процесс, задавать вопросы учителю в случае непонимания информации, преподаваемой педагогом.

Высокая дистанция власти проявляется в: обязанности детей выражать уважение к родителям и старшим; необходимости обучения детей родителями послушанию; предоставлении возможности учащимся задавать вопросы, ответы на которые не обсуждаются; инициатива принадлежит учителю, который несет всю полноту ответственности за учебный процесс и его результат; разрешении физических наказаний; признании уважения к учителю в качестве основной добродетели; почтительном отношении учащихся к учителю; недопущении публичных возражений учителю, не подлежащему критике.

Боязнь неопределенности - степень угрозы, испытываемой обществом в неясных, двусмысленных ситуациях. Представители культур с высокой степенью боязни неопределенности пытаются избегать неясных ситуаций, обезопасив себя множеством формальных правил, неприятием отклонений от нормы в мыслях или поведении, верой в абсолютную истину. Их характеризует более высокий уровень беспокойства и стресса; они всегда заняты вопросами безопасности и охраны, испытывают сильную потребность в письменных инструкциях, правилах и законах, которые придают жизни определенность. Люди, принадлежащие к таким культурам, предпочитают четкие цели, подробные задания, жесткие графики и расписания.

При низком уровне боязни неопределенности люди недовольны чрезмерной регламентацией и организованностью, избытком правил и инструкций; они лучше чувствуют себя в незапрограммированных ситуациях, которые открывают возможность для творческого решения проблем; считают, что правил должно быть как можно меньше, надеяться стоит не столько на экспертов и профессионалов, сколько на самих себя. Представители этих культур легче воспринимают непредсказуемость жизни, их не пугают непонятные человеческие поступки и новизна идей, они терпимо относятся ко всему необычному, высоко ценят инициативу, гибкость в принятии решений, готовность идти на риск.

Высокое избегание неопределенности проявляется в: восприятии всего несоответствующего нормам как опасного; высокой тревожности и агрессии в ответ на неопределенные ситуации; высокой потребности человека в устных и письменных предписаниях, формальностях и стандартах, руководствуясь которыми можно обезопасить собственную жизнь; большом коли-

честве ритуалов и суеверий, которыми человек руководствуется в своей жизни для ее стабилизации; потребности в достижении согласия, нетерпимости к отличающимся людям или идеям.

Низкое избегание неопределенности характеризуется высмеиванием всего несоответствующего нормам; негативным отношением к устным и письменным предписаниям; принятием разногласий и более высокой толерантностью к инакомыслию; меньшей формализацией и стандартизацией.

Особенности низкого избегания неопределенности в образовании: принятие учащимися неопределенных вопросов и ответов учителя; готовность учащегося к дискуссии; принятие учащимися мало структурированного учебного материала; готовность к процессу обсуждения тех или иных вопросов, в ходе рассмотрения которых осуществляется постижение учащимися истины. Высокое избегание неопределенности проявляется в востребованности у учащихся высокоструктурированной информации, однозначных ответов на вопросы; недопущении незнания учителем ответов на вопросы.

Г. Хофштеде в своих работах указывает на то, что этот параметр классификации культур не имеет отношения к мужчинам или женщинам, а лишь к преобладанию определенных (более свойственных мужчинам или женщинам) черт в национальном характере. Мужской Г. Хофштеде называет культуру, в которой ценится тщеславие, стремление к успеху, признание достижений и забота о высоком достатке, а женской - ту, в которой превалирует значимость межличностных отношений, сотрудничества, стремление к пониманию и проявляется забота об окружающих людях.

В мужской культуре в противовес женской доминируют такие ценности, как настойчивость, жесткость в достижении цели, материальное благополучие. Половые различия мужских и женских ролей четко обозначены: мальчиков учат быть решительными и настойчивыми, а девочек - покладистыми и заботливыми.

В культурах с женским началом мужчины не должны быть напористы, им надлежит принимать участие в воспитании детей. В обществе проповедуется социальное равенство полов, сочувствие неудачникам. В мужских культурах преобладает склонность к более агрессивному коммуникативному стилю, импульсивность, соперничество в деятельности. Коммуникативный стиль женских культур совсем иной.

Итак, для феминных культур свойственно: значимость взаимоотношений между людьми; солидарность и кооперация в процессе совместной деятельности; разрешение конфликтов через компромиссы и переговоры; отсутствие четкого разграниче-

ния между ролями мужчин и женщин, предоставление мужчинам права быть скромными и мягкими; ориентация на людей. В маскулинных культурах придается большое значение достижениям; допускается конкуренция в деятельности; стремление к победе в конфликтах; подчеркивается значимость статуса для достижения успеха в жизнедеятельности; присутствует четкое разграничение роли мужчин и женщин, допускается демонстрация женщиной маскулинной модели поведения, и не допускается, порицается демонстрация мужчиной феминных особенностей; характерна ориентация на материальную успешность в жизни.

Феминность в образовании проявляется в: ориентации на среднего учащегося; поддержании учителем слабого ученика с целью приращения его усилий в учебной деятельности; преуменьшении и недооценивании учащимися своих успехов, поскольку в обществе приветствуется скромность; предоставлении возможности детям выполнять как женские, так и мужские виды деятельности; позитивно оценивается сотрудничество; интерпретации ошибок как ступенек роста; ориентации образовательной среды на обеспечение защищенности и безопасности личности. В маскулинных культурах в образовательной сфере приветствуется элитарность и исключительность; учитель хвалит лучших; дети преувеличивают и переоценивают свои успехи, так как нужно быть лучше других; девочки и мальчики чаще выполняют или изучают разные действия, сведения; поддерживается соревнование; крайне болезненно воспринимается неудача в деятельности; присутствует высокая важность признания достижений.

Продолжение исследования Г. Хофштеде, получило в работах Д. Вейга, Д. Янузаса и А. Бучхолца проанализировавших ответы русскоязычной выборки испытуемых [14], отметивших, что в современном российском обществе, в том числе и в образовательной системе, существует тенденция к развитию индивидуализма, вместе с тем коллективизм некоторой частью общества рассматривается в качестве национальной культурной ценности; присутствует тенденция к сокращению дистанции власти, к снижению боязни неопределенности, а также усиливается тенденция к феминизации общества. Таким образом, расширение информированности педагогов в области эксплицитной и имплицитной частей культуры будет способствовать приращению их этнокультурной компетентности, наличие которой позволяет адекватно разрешать межэтнические противоречия и конфликты, возникающие в образовательных учреждениях.

Литература:

1. Коновалова Л.В. Формирование и развитие этнокультурной компетентности педагогов в процессе непрерывного образования. Автореф. ... дисс. докт. педагогич. наук. - В. Новгород, 2011.
2. Культурология. XX век. Словарь. - СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000.
4. Фрейд З. Психология бессознательного. - М., 1989.
5. Хухлаева О. В., Чибисова М. Ю. Работа психолога в многонациональной школе. - М., 2010. -176 с.
6. Brislin R. W. Understanding Culture's Influence on Behavior. Fort Worth Harcourt Brace College Publishers, 1993.
7. Fatehi K. International Management: A Cross-Cultural and Functional Perspective. Upper Saddle River. N. J.: Prentice Hall, 1996.
8. Hall E. T. Beyond Culture. Garden City. Anchor Books, 1977.
9. Hofstede G. Cultures Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills: Sage Publications, 1984.
10. Hofstede G. Culture and Organizations (Intercultural Cooperation and its Importance for Survival) Software of the Mind. London: Melraw-Hill, 1991.
11. Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions//Papers of the Peabody Museum of American Archeology and Ethnology. N. Y.: Alfred A. Knopf. 1963.
12. Richard-Amato P. A., Snow M. A. The Multicultural Classroom. N. Y.: Longman Publishing, 1992.
13. Roberts C., Davies E., Supp T. Language and Discrimination. A Study of Communication in Multi-ethnic Workplaces. N. Y.: Longman Publishing, 1992.
14. Veiga J. F., Yanouzas J.N., Buchholtz A. K. Emerging Cultural Values Among Russian Managers: What Will Tomorrow Bring?//Business Horizons. 1995. July-August.
15. Walton C.C. The Moral Manager. N.Y.: Harper Business, 1988.

Крупнов Д. Ю.

Проблема поликультурного образования, как фактора становления гражданской идентичности.

Современная эпоха характеризуется процессами формирования глобального мирового сообщества и ведет к становлению новых приоритетов и ценностей, ориентированных на взаимодействие и взаимопроникновение различных культур. В свете кризиса европейской политики "мультикультурализма" и сохраняющейся межэтнической напряженности в ряде регионов мира, Российское общество и государственная политика остро нуждаются в научно обоснованном и общепринятом понимании сущности российской гражданской нации, гражданской идентичности как основы государственного строительства.

На протяжении ряда лет в отечественной и зарубежной науке разрабатывалась проблема социальной идентичности в раз-

личных ее аспектах (Ю.А. Арутюнян, А.Г. Асмолов, О. Л. Романова, Т. Г. Стефаненко, В. Ю. Хотинец, Ж. Пиаже, Дж. Марсиа и др.). Накопленные данные позволяют сделать выводы о механизмах идентификации личности, в частности, о формировании этнической идентичности и межэтническом взаимодействии (Г.Л. Бардиер, У.Липпман, Г.Олпорт, Л.Г.Почебут, Г.У Солдатова). Сегодня становится понятным, что в условиях глобализации общественных процессов именно поликультурность выступает той нормой, которая позволяет обеспечить сохранение национальной, религиозной, личностной идентичности.

С 2005 года в Республике Северная Осетия-Алания разрабатывается и апробируется "Концепция поликультурной образовательной модели как основы формирования российской гражданской идентичности обучающихся общеобразовательной школы".

Поиск методологической основы для реализации данной Концепции приводит к необходимости переосмысления ряда общепсихологических и психологических подходов современной науки. Учитывая, что именно культура как система ценностей, норм и образцов поведения формирует ту социальную среду, взаимодействуя с которой индивиды и социальные группы определяют свое поведение (Д.А. Леонтьев, А.С. Кармин, В.А. Ядов), важным, мы полагаем, является изучение роли образовательной среды, институтов обучения и воспитания как фактора формирования идентичности современных детей и подростков.

Согласно концепции "в соответствии с этнополитической моделью российской гражданской нации содержание поликультурного образования можно условно разделить на четыре взаимосвязанных культурных компонента:

- этнокультурный, то есть обеспечивающий человеку возможность идентификации в качестве представителя конкретной этноязыковой и конфессиональной группы;
- регионально-титутельный (национально-территориальный), то есть обеспечивающий человеку возможность идентификации в качестве представителя национального сообщества конкретного субъекта Российской Федерации;
- общероссийский (супернациональный), то есть обеспечивающий человеку возможность идентификации в качестве представителя российской гражданской нации;
- мировой (общечеловеческий), то есть обеспечивающий человеку включенность в глобальные цивилизационные процессы и возможность идентификации в качестве равноправного члена международного сообщества".

В разработке Концепции учитываются принципы компетентностного подхода в подготовке педагогических кадров (В.А.

Болотов, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина и др.), теории толерантности (А.Г. Асмолов, Г.У Солдатова), концепция личности педагога (Е.В. Бондаревская, Л.М. Митина, Е.П. Ильин, А.А. Реан и др.). Особое значение мы придаем принципам культурно-исторической обусловленности развития личности (Л.С. Выготский, А.Г. Асмолов), «бесконфликтного» сосуществования культур (А.С. Кармин) и механизмам социальной перцепции в развитии самосознания ребенка (Л.В. Ситников).

Помимо мониторинга психического развития учащихся, участвующих в эксперименте, нами проводятся исследования развития образа-Я и социальной идентичности в разных возрастных и этнических группах.

Своей задачей мы видим изучение особенностей развития образа-Я и социальной перцепции в поликультурной среде, соотнесение развития образа-Я и становления идентичности на разных возрастных этапах.

Мы предполагаем, что результаты исследования будут востребованы при оценке системы образования как механизма формирования российского самосознания, российской идентичности детей и молодежи.

Оконешникова О. В.

Роль моделирования в исследовательской деятельности специалиста

Одной из наиболее значимых качественных характеристик учебного процесса в вузе является его образовательная парадигма как система стратегических ориентиров обучения, в которой осуществляются педагогические действия. Значение образовательной парадигмы трудно переоценить, поскольку она является тем системообразующим фактором, который определяет результат обучения, является его качественной характеристикой [3].

В настоящее время выделяется несколько образовательных парадигм. Наиболее известная – парадигма ЗУНов (знаний, умений, навыков). Она наиболее проста, понятна, поэтому фактически именно она на протяжении многих лет определяет параметры модели специалиста, несмотря на свою ограниченность в описании сложных, творческих специальностей, к которым относится «психология». В 1927 году Л.С.Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» очень критично оценил так называемый «фельдшеризм в психологии», который предполагал именно обучение отдельным знаниям, умениям и навыкам, т.е. простейшим операциям. В настоящее время в связи с реформой высшего образования заговорили о компетенциях, но, по сути, их наполнение мало чем отличается

от пресловутых знаний, умений и навыков, что сводит деятельность психолога к работе лаборанта.

Единицей содержания учебного процесса в деятельностной (компетентностной) парадигме являются не знания как результат способа деятельности, а сами эти способы (опыт, эксперимент, проблемный анализ, наблюдение, графический метод решения задач и т.д.). Обучение ставит целью овладение студентами языком науки, искусства, общения, информационными и естественными языками. Приобретаемые профессиональные компетенции имеют большей частью предметный характер. Критерий качества здесь также вынесен за пределы личностной сферы студентов, располагается в структурах технократической культуры.

Проблемно-творческая парадигмальная линия ориентирует на проблемы как единицу содержания обучения. Проблемы - неясные, неопределенные знания и способы деятельности. Если сердцевиной учебного процесса, построенного на принципах знаниевой и деятельностной парадигмы, является понимание, то в позиции проблемно-творческой парадигмы - непонимание как момент движения к пониманию. Содержание учебного процесса создается в результате творческих актов студентов, в условиях их субъектной деятельности, критерий качества находится в сознании студентов, его гносеологической сфере.

Личностно-смысловая парадигмальная линия определяет отношения человека, смыслы. В то время как мысль выражает отраженные связи значений между собой, смысл является отношением субъекта деятельности к значениям, отражает его оценочную позицию.

Специфика профессии психолога заключается в том, что объекты психологического анализа всегда в той или иной степени являются уникальными, что требует от специалиста организации самостоятельного научного исследования. Одного знания методик не достаточно, нужно уметь применять свои знания в практической профессиональной деятельности, самостоятельно разворачивать научно-исследовательскую деятельность в соответствии с «культурными» образцами исследования в области психологии. Учитывая данное обстоятельство, представляется перспективным в подготовке психологов сделать упор на методологию психологического исследования, ядро которой составили бы содержательные модели. Обоснование необходимости таких моделей в психологическом исследовании и составляет предмет данной статьи.

Прорывы к новым предметным мирам становятся возможными в развитой науке благодаря особому способу порождения знаний. На этапе преднауки модели преобразования объектов,

включенных в деятельность, создавались путем схематизации практики. Объекты практического оперирования замещались в познании идеальными объектами, абстракциями, которыми оперирует мышление, а отношения идеальных объектов, операции с ними также абстрагировались из практики, представляя собой своего рода схему практических действий. В развитой науке этот способ хотя и используется, но утрачивает доминирующие позиции. Главным становится способ построения знаний, при котором модели предметных отношений действительности создаются вначале как бы сверху по отношению к практике. Идеальные объекты, выступающие элементами таких моделей, создаются не за счет абстрагирования свойств и отношений объектов реальной практики, а конструируются на основе оперирования ранее созданными идеальными объектами. Структура (сетка связей), в которую они погружаются, также не извлекается непосредственно из практики (за счет абстрагирования и схематизации реальных связей объектов), а транслируется из ранее сложившихся областей знания. Создаваемые таким образом модели выступают в качестве гипотез, которые затем, получив обоснование, превращаются в теоретические схемы изучаемой предметной области. [7, с. 703-704]. Теоретические схемы имеют две неразрывно связанные между собой стороны: они выступают как особая модель экспериментально-измерительной практики и одновременно служат системным изображением предмета исследования, выражением сущностных связей исследуемой реальности [7, с. 163].

Важность теоретического знания осознавалась учеными еще на том этапе, когда наука занималась накоплением фактов. Не зря немецкий физик Г.Р.Киргхоф подчеркивал роль теоретического знания и внушил эту мысль своему ученику Людвигу Больцману: «Нет ничего практичнее хорошей теории». К сожалению, понимание важности теоретического знания еще недостаточно осознано психологами, среди которых встречается так называемый «ползучий эмпиризм».

В основании теории всегда лежит модель изучаемой реальности, наделенная «небольшим числом свойств и простой структурой». Основной функцией модели является идеализированное представление объекта исследования, средство получения о нем теоретического знания [7, с. 178].

В современной науке моделирование выполняет очень важную функцию – помогать осуществлять «прыжок» от эмпирических данных к теоретическим конструктам. Хороший исследователь отличается от плохого тем, что он владеет значительным набором моделей. Но это еще только половина дела. Важно,

чтобы модель адекватно отражала характеристики исследуемого объекта.

Существует другая сторона вопроса – модель должна обладать такими характеристиками, которые позволяли бы человеку осуществлять процесс познания, опираясь на нее. Это возможно только в том случае, когда модель не только отражает характеристики объекта, но и соответствует свойствам самого субъекта познания. Объективная реальность в полной мере не обладает теми характеристиками, которые присущи содержательной модели. Д.И.Менделеев очень выразительно отразил этот факт неполного совпадения модели и реальности фразой: «Модель – это поиск конечного в бесконечном».

Фактически, любая модель в науке является сознательным упрощением, которое делает вещи доступными для общего понимания. Выделенные М.Вартофским [1] сферы применения моделей характеризуют данные конструкции с точки зрения их функции в процессе познания. Можно выделить, по крайней мере, следующие функции моделей: функция понимания; функция вывода и аксиом, на которых строится теория; эвристическая функция; функция гипотезы в эксперименте; средство проверки на фальсифицируемость; описательная (дескриптивная) функция; ценностно-смысловая функция (отражение научного мировоззрения и познавательных установок автора модели); прогностическая функция (прогнозирование того, что должно быть); функция передачи опыта и знаний (включающая в себя сигнификативную и коммуникативную функцию); функция проектирования.

Особый интерес представляет анализ модели в научном исследовании. А.Н.Фатенков [8], предлагая модель метафоры, называет ее «осмысленной знаковой конструкцией», но он не указывает, что собственно придает этой конструкции осмысленность и какого рода знаки используются для ее создания. Л.М.Веккер в своей трехтомной монографии, посвященной психическим процессам [2], приходит к выводу, что мышление и понимание - это взаимообратимый инвариантный перевод с языка символов (речи) на язык образов.

Именно использование образа, соотносимого с символами, позволяет создать модель сложного объекта реальности. Отсюда, возникает следствие – полноценная модель должна быть визуализирована, ее следует представлять в виде схемы, которая передает не только элементы, но и связи между ними, иерархию отношений. Подобная модель выполняет несколько функций, но главной функцией является понимание объекта реальности.

Поскольку в любой науке научное знание представляет собой систему понятий, то для исследования реального объекта

мы располагаем понятиями, которые более или менее адекватно описывают те или иные свойства объекта. Таким образом, элементами теоретической модели психического явления или объекта являются понятия определенной отрасли психологии, которая изучает данное явление. Взаимоотношения между психологическими понятиями и сами эти понятия и описывают изучаемое явление.

В соответствии с концепцией Л.М.Веккера, психологическая структура концепта-понятия является инвариантом обратимого межязыкового перевода, минимум, на двух уровнях обобщенности. [2, с. 275]. Эта мысль Л.М.Веккера является фундаментальной и показывает принципиальную невозможность чисто логического описания объекта познания в человеческом мышлении. Всегда в понятии, помимо логических структур, есть образные и операциональные элементы, которые и воспроизводят полноту понятия как познавательного средства. Рефлексивное осознание такой природы человеческого мышления, как нам кажется, позволит преодолеть трагическое отсутствие идеальных объектов в описании вечно меняющегося живого человеческого поведения.

Возможность построения теоретических моделей в психологическом исследовании из систем понятий психологии дает нам следующее определение теоретической модели психологического исследования. Теоретическая модель – это система понятий предметной области исследования, представляющая изучаемую реальность одновременно в знаковой и образной форме, которые отражают существенные свойства изучаемого объекта и особенности человеческого мышления и понимания. Одновременное представление, по крайней мере, на двух уровнях – знаковом и образном необходимо, поскольку «концепт включает в себя образные компоненты, проходящие от корня познавательной иерархии через весь ее ствол до самых вершинных образований» [2, с. 275]. Психологическая структура концепта-понятия является инвариантом обратимого межязыкового перевода, минимум, на двух уровнях обобщенности. Конкретной реализацией этого принципа организации понятийной мысли является использование визуализации системы понятий в виде схемы.

Наличие адекватной модели позволяет не только сформулировать рабочие гипотезы, подобрать инструментарий и выстроить логику исследования, но и позволяет описывать и интерпретировать полученные результаты в содержательных понятиях психологической науки, а не на «профессиональном» жаргоне. Это позволяет ввести полученные результаты в контекст психологической науки.

Следует отметить, что даже на этапе интерпретации и выводов возможно использование визуализации. Таким образом, теоретическая модель выполняет не только эвристическую, объяснительную функцию, но и позволяет компактно описать полученный результат. Только предварительные теоретические представления о будущем результате позволяют задать траекторию обработки полученных данных и способ отбора нужного материала.

Методологическим ориентиром для психологов мог бы выступать конструктивный эмпиризм, полагающий, что научная деятельность представляет собой конструирование моделей, которые должны быть адекватны явлениям» (Б. Ван Фраассен). На наш взгляд, более точным определением методологической стратегии в психологическом исследовании является понятие «теоретический эмпиризм». Теоретический эмпиризм хоть и является оксюмороном, но, тем не менее, это хорошее метафорическое обозначение того подхода, когда модель становится «сердцевиной» научного познания и предшествует формулированию гипотез. Умение строить модели и опираться на них в ходе профессиональной деятельности является, на наш взгляд наиболее важной задачей обучения, чем все остальные задачи.

Ориентация специалистов на проблемно-творческую парадигму в исследовательской деятельности позволяет преодолеть ту ситуацию, которая так характерна для современного этапа развития науки: за много лет произошло такое накопление знания, которое невозможно осмыслить в полном объеме даже в пределах одной отрасли. Объективно в науке существует кризис, который связан с тем, что нет единой теории математики, физики, психологии и пр. Осмысление существующего знания невозможно также из-за логических препон, отмеченных Куртом Гёделем в 1931 году. В науке существует кризис, связанный с тем, что нет единой теории математики, физики, психологии. Математика давно уже позиционируется как наука о моделях. Не пора ли и психологам перестроить свои взгляды на научное знание и ориентироваться на обучение, главной задачей которого является умение специалиста самостоятельно строить свою деятельность в проблемной ситуации с опорой на моделирование? Подобный подход позволит сформировать «островки понимания» в океане разрозненной информации.

Литература:

1. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
2. Веккер Л.М. Психические процессы Т. 2. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. – 342 с.

3. Ермаков П. Н., Абакумова И. В. Образовательная парадигма как характеристика учебного процесса в классическом университете // Ежегодник Российского психологического общества: Мат-лы III Всерос. Съезда психологов 25-28 июня 2003 года. – В 8 тт. – Т. 3. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 258-261.
4. Моделирование в научном познании: методические указания к семинарскому занятию по дисциплине «Концепции современного естествознания» для студентов дневной формы обучения специальностей: 080111 – Управление персоналом, 080505 – Маркетинг, 080507 – Менеджмент организации / Сост. Р.А.Браже, А.А.Гришина. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – 26 с.
5. Оконешникова О.В. Методология и методика психологического исследования. – М.: АПКИППРО, 2011. – 320 с.
6. Оконешникова О.В. Моделирование научной работы студентов как средство развития их профессиональной компетентности // Образование и наука: достижения, задачи и перспективы: межвузовская научно-практическая конференция, г. Мурманск, 27-29 ноября 2006 г. : [мат-лы] / Под научн. ред. Д.В.Агаповой, Е.М.Зубрицкой; НОУ «Мурман. гуманитар. ин-т». – Мурманск: НОУ МГИ, 2006. – С. 11-18.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000. – 744 с.
8. Фатенков А.Н. Модель-метафора как универсально-конкретная форма философского дискурса // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И.Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. – Н. Новгород, 2002. – Вып. 1. – С. 328-344.

Слотина Т.В., Комарова А.В.

Особенности ценностей личности студентов ПГУПС

Студенческий этап в развитии личности человека всегда был и остается одним из самых интересных, сложных и противоречивых. С одной стороны, студент находится на важнейшем пути – пути профессионального становления, с другой стороны – это сензитивный период, для развития зрелых социальных отношений. Студенческий этап характеризуется появлением новых взаимоотношений, проверкой своих социальных умений и навыков, развитием ценностно-смысловой сферы личности. Вместе с тем, адаптация к новой учебной деятельности, к новым бытовым условиям, рост самостоятельности, стрессы, связанные как с учебными ситуациями, так и с социальными обстоятельствами становятся на пути студента особым испытанием, успешное преодоление которого можно характеризовать как переход на новый этап личностного развития. В ряде исследований отмечается, что юношеский возраст благоприятен для формирования ценностно-смысловых ориентаций как устойчивого свойства личности, способствующего становлению мировоззрения, а также появляется резкое усиление саморефлексии, т. е. стремле-

ния к самопознанию своей личности, к оценке её возможностей и способностей.

На каждом этапе жизненного пути у человека, исходя из социальных ценностей или биологических потребностей, должны появиться некие цели жизнедеятельности, для реализации которых необходимо понимание (или даже ощущение) их смысла. Ценностно-смысловые ориентации, как устойчивые свойства личности, формулируются и развиваются в процессе трудовой деятельности. По словам Б.Г. Ананьева, с началом самостоятельной общественно-трудовой деятельности строится общественный статус человека. Этот статус преемственно связан самооценкой статусом семьи, из которой человек вышел. В частности, это касается ценностей профессионального самоопределения. Так, ряд исследователей этой проблемы подтверждают, что характер связанных с выбором профессии ценностно-смысловых ориентаций и предпочтений детерминирован социальным и профессиональным статусом семьи. Однако под влиянием обстоятельств жизни и исторического времени, ценностные ориентации и смысловые представления могут всё более отдаляться от прежнего статуса и преодолевать старый уклад жизни, сохраняя, тем не менее, наиболее ценные традиции.

Осмысленность цели даёт человеку энергию для её реализации, делая её приоритетной. Ценностно-смысловая сфера личности проявляется, закрепляется и корректируются в профессиональной деятельности. Эти два процесса взаимодетерминированы. В процессе профессиональной деятельности, при положительной мотивации, формируется профессиональная пригодность, которая накладывает заметный отпечаток на весь облик человека, его психомоторику, на образование стереотипов речи и мышления, на его установки и ценностные ориентации. По мнению Е.А. Климова, для каждой определённой профессиональной группы характерен свой смысл деятельности, своя система ценностей. Если избранная профессия и реализуемый жизненный смысл, достигаемая жизненная ценность составляют ценностно-смысловое единство для субъекта, то профессиональная деятельность приобретает сущностный, смысложизненный характер. Однако, если основные жизненные ценности субъекта лежат вне профессии, то она является лишь средством реализации этих ценностей.

В процессе профессиональной деятельности человек неизбежно вступает в определённые общественные отношения с другими людьми. Профессиональная деятельность стимулирует развитие личности и её ценностных ориентаций через новые связи, сосредоточением которых является прежде всего коллектив. Индивидуальные ценностные ориентации взаимодействуют

и воздействуют на коллективные в основном через межличностные взаимоотношения.

Понятие ценностно-смысловой сферы личности на сегодняшний день является не вполне определённым.

По мнению большинства авторов, ценностно-смысловые ориентации, определяя центральную позицию личности, оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности, общий подход к окружающему миру и самому себе, придают смысл и направление деятельности человека, определяют его поведение и поступки. Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или экзистенциальный вакуум, если это стремление остаётся нереализованным.

Проблема ценностей, ценностных ориентаций является предметом разностороннего изучения в социологии, философии, психологии, но большинство работ по изучению этого вопроса выполнена в рамках социологии.

В связи с разнообразием подходов к проблеме ценностей, ценностных ориентаций на данный момент существует неопределенность дефиниций этих понятий. В психологии понятие ценностной ориентации используется при определении характера отношения человека к миру, его наиболее обобщенного аффективного аспекта, в психологии ценностные ориентации понимаются как элемент структуры сознания личности (интересы, убеждения, идеалы, диспозиции).

Ценности — это предметы, явления действительности, которые являются или могут являться предметом стремления, интереса, потребности для какого — нибудь субъекта. Разумеется, ценности могут существенно меняться на протяжении даже короткого срока, но в своей совокупности сохраняются тысячелетиями для общества и человечества в целом. Без определения сущности общечеловеческих ценностей невозможно понять и принять субъективную для каждого человека ценность, особенность которой может проявиться лишь в сравнении, соотношении ее с чем — то общим, с каким — то эталоном. Жизнь является условием реализации любых ценностей, поэтому ценность жизни следует признать базовой ценностью.

А. С. Кармин пишет, что «Ценность определяется не столько свойствами объекта сколько свойствами человека – его отношением к объекту [4, с.256]. Конечно, для каждого человека любая ценность приобретает индивидуальную окраску и форму, присущую только данной личности. Социальные ценности, преломляясь сквозь призму индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности в форме личностных ценностей, являющихся одним из источников мотивации ее поведения. Превращение социальной ценности в личную проис-

ходит только тогда, когда человек ощущает и воспринимает ее как собственную. Тогда в структуре конкретной личности возникает и закрепляется личностно значимая ценность — идеальное представление о направлении, задающем жизненный тон и выступающее источником смыслов.

А. С. Кармин считает правильным говорить о ценностных представлениях, к которым относятся представления людей о таких ценностях как доброта, красота, комфорт и др. [4].

Существует множество классификаций ценностей. Так А. С. Кармин выделяет: финальные, инструментальные и производные ценности. Финальные ценности — это высшие ценности, важнее и значимее которых нет ничего. Это ценности — цели. По-другому их можно назвать самоценностями, т.е. такими ценностями, которые ценны сами по себе, а не потому что служат средствами для достижения каких-либо иных ценностей. К ним относятся: человеческая жизнь, свобода, справедливость, красота, любовь, честь, гуманизм и т.д. [4].

Инструментальные ценности — это ценности средства и условия, необходимые, в конечном счете, для достижения и сохранения финальных ценностей. Красивая безделушка, изящная одежда, художественные изделия, украшающие дом становятся инструментальными ценностями как средства, позволяющие наслаждаться красотой. М. Рокич в своей классификации также использует данный термин, выделяя, кроме инструментальных ещё и терминальные, что близко по значению к финальным ценностям по Кармину.

Производные ценности — это следствия или выражения других ценностей, имеющие значимость лишь как признаки и символы последних. Например, подарок — производная ценность знак любви, дружбы. [4].

Согласно теории Ш. Шварца, ценности личности существуют на двух уровнях: на уровне нормативных идеалов и на уровне личностных приоритетов. Первый уровень более стабилен и отражает представления человека о том, как нужно поступать, определяя жизненные стратегии поведения. Второй уровень более зависим от внешней среды, например, от группового давления и соотносится с конкретными поступками человека.

Ценности личности находятся во взаимодействии друг с другом, образуя иерархизированную структуру, которую можно представить в виде ядро — центрической модели. Ядро составляют те, что имеют наибольшее значение для субъекта: стабильные и устойчивые. На периферии — те ценностные ориентации, которые имеют меньшее значение для субъекта и подвержены большим изменениям.

Несмотря на различие в трактовке и понимании ценностей личности, можно отметить и общие моменты:

- функция регуляции поведения;
- вхождение ценностных ориентаций в структуру самосознания;
- ценностных ориентаций являются одним из основных элементов мировоззрения.

Выделяют 5 основных функций ценностей личности:

Экспрессивная, способствующая самоутверждению и самовыражению;

Адаптивная, выражающая способность личности удовлетворить свои основные потребности теми способами и посредством тех ценностей, которыми располагает данное общество;

Защитная, при которой ценностные ориентации выступают своего рода фильтром, пропускающим только ту информацию, которая не требует существенной перестройки всей системы личности;

Познавательная, направляющая на объекты и поиск информации, необходимой для поддержания внутренней целостности личности;

Координация внутренней психической жизни, гармонизация психических процессов, согласования их во времени и применительно к условиям деятельности.

С возрастом увеличивается влияние системы ценностей личности на поведение личности, т.к. реализация потребностей, интересов в большей степени опосредуется направленностью личности, составной частью которой является ценностно-смысловая сфера.

Основной задачей воспитательного звена ВУЗов и средних учебных заведений становится создание благоприятных условий для формирования и развития позитивного в адаптационном и гуманистическом аспектах духовного мира личности. Сформированная ценностно-смысловая сфера личности является главным регулятором поведения человека в период позднего юношества и ранней зрелости, а также гарантом стабильной полноценно и гармонично функционирующей жизнедеятельности.

Отсутствие осмысленности целей, построения перспективы, планирования дезорганизует всю систему духовного мира, делая поведение человека или «автоматизированным», основанным на ожиданиях окружающих, или нецеленаправленным, зачастую противоречивым, девиантным. Неопределённость личностных смыслов мешает человеку занять своё место в социальной системе, что, в свою очередь, ещё более дезорганизует их.

Соответственно, нарушения развития ценностно-смысловой сферы человека влекут некий субъективный дискомфорт, кото-

рый Франкл называет «экзистенциальной фрустрацией», в ответ на которую должна появляться какая-либо реакция компенсации, защиты.

Вопросы изменения внутреннего мира личности всегда привлекали внимание психологов (Бодалёв А.А., Вайзер Г.А., Леонтьев Д. А., Третьякова Е.И., Фонарёв А.Р., Чудновский В.Э.).

Переоценка ценностей и переориентировка смыслов – закономерный процесс развития личности. Приобретение новых жизненных и социальных ролей заставляет человека по-новому смотреть на многие вещи. В этом, по мнению Р.С. Немова, заключается основной момент личностного развития в старшем возрасте следующим за юностью. Ценности и смыслы непостоянны: они находятся в непрерывной динамике. Вследствие накопленного жизненного опыта то, что было для индивида центральной ценностью, может превратиться в периферийную или даже изменить свою полярность.

По А. О. Прохорову, переход от одного состояния к другому сопровождается актуализацией «нового» состояния и соответственно другого «строя», что феноменологически выражается в переживании иного психического состояния [2].

Переживание представляет собой состояние психической активности, проявляющееся через качественное изменение эмоциональной сферы и определяющее наиболее оптимальный способ жизнедеятельности, что происходит благодаря рефлексии. Благодаря рефлексии, образу актуального и желаемого состояния осуществляется оценка, сличение актуального состояния с искомым, и в случае необходимости вносятся коррекция в применяемые способы и приемы саморегуляции. Очевидно, что этот процесс осознается и связан с активностью сознания субъекта [1].

Механизм регуляции психического состояния определяется индивидуально – личностными характеристиками личности, условиями ее жизни, особенностями реагирования на внешние раздражители, имеющимся на данный момент желаемым образом, которому стремится соответствовать данная личность.

При изучении ценностей личности 1-3 курсов ПГУПС интересным являются результаты полученные в результате соотнесения двух частей методики Ш. Шварца «Ценности личности». Мы сравнили показатели значимости типов ценностей на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов у студентов ПГУПС дневного отделения разных факультетов в количестве 50 человек (Слотина Т. В., 2011).

Таблица №1. Средние показатели ценностей на уровне нормативных идеалов и на уровне индивидуальных приоритетов у

студентов ПГУПС дневного отделения разных факультетов
(N = 50 чел.).

Тип ценностей	На уровне идеалов	На уровне приоритетов
Конформность	4	1, 62
традиции	2, 92	1, 22
Доброта	4, 88	2, 61
универсализм	3, 57	2, 05
Самостоятельность	4, 41	2, 82
стимуляция	3, 96	2, 64
гедонизм	4, 18	2, 89
достижения	4, 76	2, 43
власть	3, 48	1, 94
безопасность	4, 26	1, 98

**Жирным и крупным шрифтом выделены самые значимые ценности, жирным и мелким самые незначимые.*

Мы видим, что результаты, полученные при исследовании уровня идеальных ценностей и уровня индивидуального поведенческого профиля личности существенно различаются. Если приоритетными терминальными и инструментальными ценностями у респондентов являются такие ценности как: доброта (4, 88 б.), ценность достижений (4, 76 б.) и самостоятельность (4, 41 б.), то в поведении этих же людей проявляются, прежде всего, гедонизм (2, 89 б.), самостоятельность (2, 82 б.) и стимуляция (2, 64 б.). По мнению В. Н. Карандашева, подобный результат свидетельствует о том, что у данных испытуемых большое давление на выбор поведенческого репертуара оказывают не собственные ценности, а ценности группы, в которой он находится, а также обстоятельства, в которые личность попадает. Это демонстрирует некоторую незрелость личности, ее неготовность делать серьезные жизненные выборы, принимать важные решения.

При этом, общей для обоих списков стала такая ценность как самостоятельность, стремление к которой можно назвать типичной для молодых людей, уже начиная с подросткового возраста, поскольку под ней подразумевается и самостоятельность мышления и самостоятельность в выборе способов действий, творчество и исследовательская активность. Всё это особенно важным и актуальным становится в период студенчества. Возможно, этот результат является показателем желания и стремления стать более независимым от окружения.

Ценность доброты, проявляющаяся (по Ш. Шварцу) в доброжелательности и сфокусированная на благополучии повседневного взаимодействия с близкими людьми, считается произ-

водной от потребности в аффилиации и обеспечении процветания группы. Для студентов важно благополучие близких, друзей, родственников, но в поведении это проявляется значительно меньше, чем демонстрируется внешне.

Показательным является стремление респондентов к удовольствиям и наслаждениям, что проявилось в приоритетном выборе ценности гедонизма на поведенческом уровне. Интересно, что на уровне идеальных ценностей гедонизм занимает лишь пятое место. Этот результат может быть свидетельством мотивационного или ролевого внутриличностного конфликта.

Ценность «достижение» вполне характерна для студенчества, ведь ее определяющей целью является достижение личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Важно подчеркнуть, что вышеназванная ценность выбирается только на уровне идеальных целей, на уровне же поведения мы наблюдаем выбор такой ценности как стимуляция, т.е. потребности в разнообразных глубоких переживаниях для оптимизации активности.

В целом результаты свидетельствуют о ещё недостаточно сформированной системе ценностей личности и довольно высокой зависимости собственных поведенческих паттернов от социальной группы.

Ценностно-смысловая сфера – это функциональная система, формирующая смыслы и цели жизнедеятельности человека и регулирующая способы их достижения. С одной стороны, ценностно-смысловые ориентации прививаются человеку социумом, но, с другой стороны, и сам человек активно формулирует и конкретизирует их, принимая, изменяя или отвергая ценности и смыслы, предлагаемые социумом.

Таким образом, главным в воспитательной работе преподавателей и сотрудников ВУЗов, с психологической точки зрения, является не только создание условий для гармоничного, свободного развития личностного профессионального потенциала каждого студента, но и помощь в выборе оптимального пути саморазвития и самореализации.

Литература:

1. Деева, Н.А. Рефлексивные механизмы переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы: автореф. дис... канд. псих. наук. – Пермь, 2005.
2. Прохоров, А.О. Саморегуляция психических состояний. Феноменология, механизмы, закономерности. – М., 2005.
3. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004.
4. Кармин А. С. Культурология: Учебник. 3-е изд. – СПб.: Изд-во «Лань», 2004.

Соколов Р. В.

А.С.Макаренко. Советский, несоветский, или...?

Недавно, на одной из «Макаренковских сред» в Московском педагогическом музее А.С.Макаренко состоялся вечер по теме, вынесенной в заголовок данной статьи. Обсуждение этой темы послужило поводом для этой статьи.

СОВЕТСКИЙ?

Многим пожилым людям могут показаться странными какие-то сомнения в определении Макаренко как советского.

А, между тем, в статье о нём в Большом энциклопедическом словаре», изданном в 2000 году, слова «советский» нет. «Макаренко Ант.Сем. (1888-1939), педагог и писатель. Осуществил беспримерный в пед. практике опыт массового перевоспитания детей-правонарушителей в трудовой колонии им. М.Горького (1920-1928) под Полтавой, с 1926 в Куряже близ Харькова) и в дет. коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (1927-35, в пригороде Харькова). Разрабатывал теорию и методику воспитания в коллективе, теорию семейного воспитания. Произв.: «Педагогическая поэма» (1935), «Флаги на башнях» (1938), «Марш 30 года» (1932), «Книга для родителей» (1937), а также пед.статьи». (– М-СПб, 2000, с. 677).

Нет в приведённой статье и таких слов, как «русский» или «украинский». И, думается, это не случайно. Видимо во избежание возможных претензий редакторы энциклопедии решили избежать таких слов, как «советский», «русский», «украинец». Половина его педагогической работы приходится на дореволюционный период, вся педагогическая деятельность осуществлялась им на территории Украины, хотя и писал он свои книги на русском языке.

За то, что он советский «говорит» многое. В самом деле, половина трудового стажа А.С.Макаренко приходится на годы советской власти. С конца 1919г. и до самой кончины (1 апреля 1939г.) он работал на территории советской страны.

Он был гражданином СССР, Когда работал в Полтаве его (в 1920г.) избрали депутатом городского совета. В 30-е годы за педагогическую работу был награждён почётной грамотой и золотыми часами, а в конце жизни - Орденом Трудового Красного Знамени. Но уже за литературную деятельность.

Общеизвестно, что в послевоенный период А.С.Макаренко был объявлен «классиком советской педагогики». При Союзе писателей СССР была создана комиссия по увековечению его памяти, а позже – лаборатория по изучению его наследия в мос-

ковском пединституте. Позже её перевели в АПН СССР. При Педагогическом обществе РСФСР (в 1966 г.) была создана секция по изучению, применению и пропаганде его наследия А.С.Макаренко. На Украине и в Москве были созданы мемориально-педагогические музеи Макаренко. Его художественные и педагогические произведения в СССР неоднократно издавались и переиздавались.

«После распада Советского Союза вокруг педагогического наследия Макаренко разгорелась острая дискуссия. На волне критики тоталитарной системы некоторые литераторы пытались представить Макаренко одним из её идеологов, призывали отказаться от его наследия (Ю.Азаров, Б.Хандрос и др.) (Гетм.. с. 6). Украинские макаренковеды М.Ф и И.О. Гетманец в книге «Я-писатель Макаренко» (Харьков, 2011) пишут об Украине. «У нас, к сожалению, макаренковедение заглохло. «После известной...статьи «Великий педагог ГУЛАГА» к нему стали относиться как к прокажённому ... украинская интеллигенция национальной ориентации...Макаренко...напрочь привязала к эпохе сталинизма» (с. 214).

Не удивительно, что значительная часть интеллигенции всего постсоветского пространства не сомневается в том, что Макаренко был советским. У тех, кто его чтёт и у тех, кто его клеймит, Макаренко слывёт советским. Но слыть и быть не всегда одно и то же.

НЕСОВЕТСКИЙ?

Многим советским макаренковедам уже давно стало известно, что у Макаренко при жизни было много недоброжелателей и врагов. Более того, на протяжении почти всех лет Советской власти Макаренко много раз был на грани ареста и суда.

В начале 20-х годов.-за неподчинение распоряжениям инспектора полтавского Губнаробраза. За попытку, возглавляемой Макаренко колонии, незаконно собирать продналог с окрестных крестьян.

В декабре 1923 года. – за сопротивление с применением силы («вывел два отряда хлопцев») в изъятии селянами, официально ими купленных в Наркомземе брёвен от разобранного в колонии деревянной избы.

В сентябре 1925г. центральный печатный орган КП(б)У – газета «Коммунист» писал: «Одним из недостатков колонии было отсутствие в составе администрации и преподавательского персонала – коммунистов и комсомольцев» (Г.Хилиг Макаренко и власть).

Во 2-й половине 20-х гг. Макаренко боялся ареста по обвинениям, прозвучавшим в выступлении Н.К.Крупской 8 мая 1928г. на съезде комсомола.). Из письма Макаренко к

Г.С.Салько: «Читали «Комсомольску правду от 17 мая, как меня Крупская разделала...шельмование во всесоюзном масштабе...» (Т. 1, с. 80). Я начинаю приходить в восторг...грозили прокурором...истерички добьются-таки, что меня посадят... (Т.1. с. 64). Добавим, что за этим последовала публикация против Макаренко А.В.Лунарского. Серьезные обвинения последовали со стороны разных украинских организаций.(Наркомпроса Украины, Харьковских Рабочее-крестьянской инспекции и комсомольских органов)... Так 23 мая 1928 г. секретариат ЦК ЛКСМУ определил, что: система А.С. Макаренко «не соответствует основам советской педагогики». А 29 мая Центральное бюро детской коммунистической организации (пионеров) ЛКСМУ подготовило проект решения: «Принять меры по реорганизации колонии им. М. Горького и прекращению ее влияния на другие организации и учреждения»...;

В центральном органе КП(б)У газете «Коммунист» (№158, 10.07. 1928) была публикация Ю.Золотрёва: «Замість вражинь» с карикатурой «Чемпіон хуліганства» (см.1, т.1, с. 214).

Во второй половине 30-х гг. Макаренко был на грани ареста после статьи в газете «Дзержинец» Коммуны им.Дзержинского. Одновременно «секретарь партячейки коммуны Н.А.Огий направил секретарю парткома НКВД УССР донос, в котором речь Макаренко перед коммунарами-выпускниками охарактеризована как «выступление классового врага», антисоветское и контрреволюционное. Секретарь парткома наложил такую резолюцию: «Т. Стрижевскому. Как только Кидыба сядет в ОТК, мы через некоторое время М. удалим. Я не верю ему ни на копейку. Это враг» (архив МВД Украины, 40-1-16315. РАЗДЕЛ 1У, л. 15). (с 141). Поясним, что с лета 1935г. Макаренко работал уже в Киеве (в аппарате НКВД Украины) на должности помощника начальника Одела детских трудовых колоний (ОТК). Должностью своей Макаренко был обязан вышедшему в апреле 1935 года Постановлению ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». С этого времени берут свое начало подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, устанавливается смертная казнь за совершенные преступления начиная с... 12-летнего возраста. Заметим, что до этого детские колонии были в системе органов прощения. Считалось, что те с перевоспитанием беспризорников справлялись плохо. В этом отношении Макаренко оказался пионером (начал работать в одной из первых детских колоний НКВД ещё в 1927 г.. и имел большой и успешный опыт.

Усугубить участь Макаренко в это время могло и ещё одно обстоятельство. По инициативе Макаренко (на основании его

успешного опыта в коммуне) и, конечно же, в плановом порядке при поддержке руководства НКВД Украины во всех 15 детских колониях Украины были ликвидированы заборы, решётки, карцеры, конвоирование и контрольно-пропускные пункты. Это противоречило политике государства того времени на усиление карательных мер в колониях.

Упомянутая выше резолюция «Это враг» (на доносе секретаря партиячейки коммуны Огия) могла оказаться для Макаренко роковой.

В 1937 г. (уже после переезда в Москву) – опасность ареста возникла вновь (в связи с расстрелом его бывшего начальника наркома внутренних дел Украины В.Балицкого)

А в 1938 г. на книги Макаренко в московских изданиях появлялись чрезвычайно резкие обличительные рецензии: «Антипедагогическая поэма», «Вредная книга для родителей» и др. Подобная критика в прессе в те времена часто заканчивалась арестом.

А КАК САМ МАКАРЕНКО ПОЗИЦИОНИРОВАЛ СЕБЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К «СОВЕТАМ»?

Заметим, что по свидетельству хорошо его знавшего известного тифлосурдопедагога И.А.Соколянского А.С.Макаренко был очень скрытным немногословным человеком. В интервью журналистке Н.Ф.Остроменцкой он говорит: «я не педагог, я актёр». В книге «Флаги на башнях» он пишет: «я всегда говорю нарочно».

Писатель С.Л.Соловейчик пишет: «Этот бесстрашный человек, один из самых мужественных людей своего времени, боится показать кому-нибудь “Педагогическую поэму”. “Там слишком много правды рассказано, и я боюсь...” “Как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой...”. Роман «Педагогическая поэма» он несколько лет боялся отдавать в печать

Тем не менее, сохранилось несколько текстов, в которых он всё-таки «вывернул свою душу». Макаренко в анкете 1922г. сообщил о себе очень рискованные сведения «По политическим убеждениям – беспартийный». Т.е. не вступил в Компартию не от того, что «было некогда» (как он стал говорить через 14 -17 лет (в 1936 и 1937 гг.), а «по политическим убеждениям». Чётко и ясно. И далее в той же анкете ещё одно очень рискованное сообщение «Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что, пока под социологию не подведён крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм»(1922). Это суж-

дение в советские годы, конечно же, изымалось из публикуемых текстов.

Интересно задаться вопросом: когда под социологию был «подведён крепкий фундамент научной психологии»? Во всяком случае, при жизни Макаренко этого не случилось... В письме весной 1923г. А.С.Макаренко пишет коллеге по прежней работе в Крюкове: «Мы до того рассобачились, что завели суд, с кем бы вы думали? С самим Госконтролем!!! И думаем выиграть» (из письма к А.П.Сугак 24 марта 1924г. (Фролов А.А. ч.1, с 75). И это не минутное настроение. Здесь всё много серьёзнее. Через 12 лет (уже работая в аппарате НКВД) Макаренко, отвечая на письмо читательницы Т.А.Миллер, в письме от 10 июля 1936г. пишет:

«Конечно, пощечина Задорову не была ошибкой. Скажу грубее: без этого мордобоя не было бы колонии Горького и не было бы никакой поэмы Это я говорю совершенно серьёзно - преступление ... моя поэма началась с преступления . Начало колонии Горького это целый клубок преступлений и моих и ребячьих»..

И Макаренко совсем не оправдывается. Более того, он делает из своего опыта философское обобщение:

«Жизнь всегда есть цепь коллизий, следовательно, всегда приходится отступать от идеального поступка, приходится жертвовать какой-то одной истиной для того, чтобы другая истина жила. Разве Вы не замечали этого жизненного закона? Если хотите, это закон диалектики»

А.С.Макаренко был «из идейных». Человек принципа.

«Я предпочту остаться без должности, но не откажусь от своих принципов» ().

А в личном письме 1928г. А.С.Макаренко пишет: «октябрь просто частный случай нашего национального гармидера» (1, т.1. с.32-33). Т.е. октябрь – частный случай беспорядка..

«Слава Богу, что мы не живём...во времена настоящего социализма» (1, т 1, с. 144).

В письме 3 – 4 марта 1928г.: «...я хочу сесть в тюрьму. Уверю Вас, это вовсе не так глупо, как кажется. Мне просто хочется довести до полного выражения состояние советского гражданина...Я прямо с восторгом представляю то ощущение свободы, которое может быть только в тюрьме...В тюрьме я бы написал чертовски интересную книгу, только не о педагогике (педагогика – шарлатанство), а о жизни...» (т.1, с. 30).

Той же весной: « где моя партия? Кругом такая шпана, что не хочется с ней и связываться» (т.1, с. 52).

Неприязнь (мягко говоря) властей и Макаренко была взаимной. Удивительно, но при этом ещё 10 лет «сторону» «в официальной обстановке» иногда обменивались и комплиментами...

Можно только удивляться, как Макаренко при этом удавалось не только избежать ареста, но и до самой кончины печататься в качестве писателя. Четыре книги и многочисленные статьи (как литературного критика и публициста).

Поддержка со стороны М.Горького, а после его смерти – М.Шолохова вряд ли могли быть столь всесильны. Сведений о поддержке лично И.В.Сталиным деятельности Макаренко не найдено. Конечно, награждение Орденом Трудового Красного Знамени не могло быть без личной подписи Сталина. Но представлял Макаренко к награде Союз писателей СССР. Конечно, А.С.Макаренко внимательно следил за окружающей политической ситуацией и был хороший тактик. Он умел вовремя «ретироваться». Вот два примера.

Когда его младший брат Виталий (в годы первой мировой войны царский прапорщик, а в конце 1919г. офицер деникинской контрразведки) после того, как побывал комендантом в том самом Крюкове (где его брат Антон заведовал школой), он окончательно ушёл с Деникиным, а в Крюкове вот-вот должны были появиться красные, Антон Макаренко... исчез. Красные искали братьев Макаренко, разграбили их дом, но не нашли. А.С.Макаренко оказался в Полтаве. Там он сразу стал директором школы, а после прихода красных его вскоре избрали депутатом горсовета. Тактик!

Второй пример. Когда после выступления Н.К.Крупской против Макаренко в 1928 году (и в Харькове начались его травля и действия по снятию с должности начальника колонии), а к нему вдруг приехал сам А.М.Горький, то с его помощью Макаренко мог бы, конечно, остаться руководителем колонии. Но он отверг помощь Горького и ушёл из колонии как бы «по собственному желанию». Он не хотел продолжать сражаться с Наркомпросом, партийными и комсомольскими органами. А это было бы неизбежно на посту заведующего колонии, находившейся в системе учреждений Наркомпроса.

СВЕРХСОВЕТСКИЙ, НАДСОВЕТСКИЙ?

А куда мог наступать Макаренко после того, как его проект о тиражировании опыта колонии им. Горького через создание «Трудового корпуса» на... 83000 (!) человек, начавшийся успешно в 1926 году и «засаботированный» харьковскими чиновниками к 1928г., был снят и им самим «с повестки дня» (когда Н.К.Крупская инициировала беспрецедентную его травлю)?

Тактик Макаренко уже успел подготовить надёжные «пути к отступлению». И не только к отступлению, но и «пути к наступ-

лению». Дело в том, что к этому времени он уже работал по совместительству начальником коммуны им. Ф.Э.Дзержинского, которая была в ведении всемогущего тогда НКВД. и, при желании, руководство НКВД Украины могло игнорировать даже мнения руководства Наркомпроса.

Как оказалось позже, талантливый тактик Макаренко этим обеспечил себе, возможность ещё 8 лет не только работать, но и наступать на «педагогическом фронте». Но это потом. А первые месяцы он очень тяготится работой под надзором всевидящих чекистов и в письмах к Г.С.Салько не раз пишет о желании быстрее бросить работу начальника коммуны. Но Крупская инициировала массовую травлю Макаренко. Другой бы, в такой ситуации, мог бы и застрелиться. Или просто спиться. Но Макаренко не из тех. В горниле суровых событий тактик Макаренко превращается в стратега. С.Л.Соловейчик пишет: «Макаренко не стал бы таким большим педагогом, если бы не был он сложным и трудным человеком... он был прямым, но не однослойным.»

И сложный, страстный и трудный человек Макаренко решает (используя возможности всемогущего тогда НКВД и не уволившего его в период всеобщей травли) построить в отдельно взятом пригороде Харькова... коммунизм. А.М.Горький совсем не для красного словца назовёт опыт А.С.Макаренко «окном в коммунизм». И совсем не случайно много позже один из простых уральских макаренколюбов - учитель А.И.Новиков поставил в письме рядом два имени. Роберт Оуэн и Антон Макаренко.

В советские годы тема «социальный эксперимент» была закрытой. И для «рядовых» исследователей. И, тем более,- для рядовых «социальных новаторов». Теория и практика социального эксперимента была прерогативой Коммунистической партии. Даже стахановское движение (родившееся снизу) могло стать массовым только при одобрении партией.

Антону Макаренко пришлось на протяжении 15-ти «советских лет» маскировать свои социальные эксперименты. То - под «колонию», то под коммуну». При этом обязательно подчёркивалось, что это учреждения детские и обязательно учреждения исправительные.

С 1920 по 1928 гг. это был эксперимент по созданию крестьянской (сельскохозяйственной) трудовой общины. В авторских материалах 1922-1925 гг.: « путь трудовой общины, определённо прогрессирующей в разных областях её жизни» (т.8, с. 246).

А.А.Фролов: «...и в 30-е годы не отказывался от того смысла, который он имел в виду, прибегая ранее к другим терминам: традиционному «община» и новому «коммуна» (с.1). Об-

ращение к термину «община» вносит много нового принципиально важного не только в макаренковедческие исследования...» (там же). Термин «коллектив» у Макаренко имел существенно иное значение, нежели у других, употреблявших его.

Вот, например, Макаренко пишет: «...в области общинного труда колонисты колонии являются убеждёнными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и признать дармоеда». (см. т. 8)... А потом (до лета 1935г.) - эксперимент по созданию трудовой общины как самоуправляемого промышленного предприятия. Своего рода городского «фаланстера». То, что теперь называлось «коммуной» и на самом деле было ею. И не только «окном в коммунизм». Но и «дверью», путём. Можно сказать «маршрутом в коммунизм». Проектом, который в качестве многоэтапной программы мог бы стать, если не «программой построения коммунизма», то значительной его частью.

Макаренко оказался в трагической ситуации. Он построил коммунизм (ячейку коммунизма на 400-500 человек), но вынужден об этом говорить и писать эзоповским языком. Выдавая своё социально творчество и новаторство за деятельность педагогическую.

Характерна его фраза: «Я не отказался от борьбы, я только поменял род оружия». Это по поводу того, что он с середины 1935 г. уже не мог продолжать руководить коммуной. Задолго до этого его понизили до должности помощника начальника по воспитательной работе, а во главе коммуны чекисты начали ставить других начальников (которые к 1939 году превратили её в...обычный промкомбинат).

Кто из писателей мог написать «я поменял род оружия»? Только борец. И не борец, по необходимости, защищающийся от нападающих, а «борьбист» (термин актёра и режиссёра Ролана Быкова). Т.е. борец нападающий, идущий в атаку.

Поняли ли то, что скрывал «под педагогическими одеждами» А.С.Макаренко, те, кто его окружал? Полагаю, что понимали А.М.Горький, В.Балицкий. Может быть – М.А.Фадеев.

Позже такая догадка просматривается у западногерманского педагога Г.Нооля, в 1950-м году, прочитавшего «Педагогическую поэму», и опубликовавшего восторженный отзыв о ней: «Можно только позавидовать русскому народу, который владеет таким богатством как «Педагогическая поэма». Она пробуждает педагогические инстинкты у каждого читателя. Эту книгу у нас будут читать с величайшим интересом, будут полемизировать с ней, потому что в ней заключено много больше, чем одна лишь теория воспитания беспризорных» (с.190).

Заклучено много больше. Этот отзыв был опубликован ещё при жизни Сталина и он мог знать о нём...

А понимали ли это те, кто окружал Сталина и он сам, когда Макаренко ещё был жив? Вопрос очень сложный и пока неизученный.

Можно предполагать, что Сталин понимал и внутренне симпатизировал поискам Макаренко (и поэтому Макаренко не был репрессирован). Но, видимо, Сталин считал, что путь, предложенный Макаренко либо преждевременен (до войны оставалось всего несколько лет). Реформа образования начала 30-х годов прошла трудно и болезненно. Начинать новую реформу дело трудное и дорогое.

А может быть, Сталин считал, что этот опыт Макаренко вообще непригоден для массового применения, т.к. его система нуждается в маленькой, но дефицитной «детальке» – в личности организатора и руководителя. Такой же, как сам Макаренко...

Время показало, что все попытки воспроизвести, повторить опыт Макаренко оказались (увы!) несопоставимы с опытом самого Макаренко. Как говорится, «Федот, да не тот».

Конечно, последователям Макаренко всегда кто-то мешал. И мешал тем больше, чем больше получалось у последователей... Но был и «субъективный фактор». Действительно ли последователи Макаренко хотели делать и пытались делать то, что на самом деле хотел он?

Можно ли говорить о Макаренко не только как о педагоге и писателе, а как о социалисте-утописте? Теперь можно. Но говорят и пишут об этом мало. Стало немодным говорить слово «социалист». А слово «утопист» - и подавно. Словам «педагог» и «писатель» повезло больше.

А что было у Макаренко (и не в утопии, а на самом деле)?

Не только то, что в конце его опыта уровень народовластия в коммуне был выше, чем в целом по стране. У него общее собрание воспитанников действительно было высшим органом власти и решало не только бытовые и дисциплинарные вопросы, но и вопросы кадровые. В 1932 г., он даже... уволил всех воспитателей... А уровень производства поднялся. Кроме производства электроинструмента появилось ещё и производство фотоаппаратов. А значит поднялся и уровень образования. И специального и общего.

А.С.Макаренко отличало от других педагогов и писателей многое. И, например, то, что он умел смотреть на происходящее с какой-то «надвременной позиции».

В анкете 1922г. он пишет, что его любимый предмет история, а позже: «Наверное такие хмурые люди, как я живут, что бы в будущем людям жилось веселее» ().

При этом он имеет в виду не праздники с балаганами клоунов и затей, а настоящее человеческое общежитие.

Не то ли, о котором писал известный учёный (принимавший участие в создании плана ГОЭЛРО (электрификации России) и одновременно священник отец Павел Флоренский? «Идея общежития, как совместного жития в полной любви, едимыслии и экономическом единстве – назовётся ли она по-гречески кино-виейф, или по-латыни коммунизмом, всегда русской душе и сияющая в ней, как вожденнейшая заповедь жизни, - была водружена и воплощена в Троице-Сергиевой лавре преподобным Сергием и распространилась отсюда, от дома Троицы...» (Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Сергей Радонежский: Сб. / Сост В.А.Десятников., -М.: Патриот, 1991. – с. 381).

Не будем забывать, свидетельство Макаренко 1922г.: «История - мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского...»

Специально интересуюсь феодализмом во всех его исторических и социологических проявлениях»

Его историческая память начиналась в далёком прошлом, а исторические мечты уносили в далёкое будущее... И всегда его не покидала «вожденнейшая заповедь жизни» - идея общежития...

А.С.Макаренко писал: «я потому и отдался колонии, что хотелось потонуть в здоровом человеческом дисциплинированном, культурном и идущем вперёд, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Я убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей». Да он хотел создать общину из людей всех возрастов. И в лучшие времена (в коммуне) у него было на каждых трёх детей по одному взрослому. Это были инженеры, мастера производства, квалифицированные рабочие, руководители кружков и секций, учителя.

В одной из анкет в начале 1923 г. педагог писал: «Колония живёт настолько тесной общиной, что в организации особых общественных форм надобности не встречается». (Хилиг). Это по поводу того, что в колонии не было комсомольских и партийных ячеек.

В последние 20 лет, когда страна разрушила и по кусочкам приватизировала все колхозы, интерес к Макаренко – социальному конструктору сильно упал. О нём вспоминают лишь при новых «волнах роста беспризорности». Вряд ли такая память могла бы его порадовать... Но даже этой сфере найти что-то макаренковское очень и очень трудно... Остаётся надеяться, что когда в нашей стране (или где-то ещё) «досыта наедятся» приватизацией и капитализмом, то появятся такие же, как Макаренко самородки «с ограниченными возможностями». Для справки:

мало кто знает, что Макаренко родился недоношенным, с врожденным пороком сердца (и умер от разрыва сердца в 51 год), в детстве страдал множеством заболеваний, с детства имел такое плохое зрение, что, уронив очки, не мог передвигаться без посторонней помощи.

«Удивительным человечищем» оказался человек с весьма ограниченными возможностями в детстве (здоровье, социальное происхождение). Оказалось, что и в зрелые годы обстоятельства тоже весьма ограничивали его возможности.. Но он научился пересиливать себя, свои недуги, научился пересиливать многие обстоятельства жизни. Но пересилить «советскую систему» он не смог. Недаром её прозвали тоталитарной.

Теперь другая эпоха. И вдруг найдётся кто-нибудь сильнее Макаренко?

Это А.М.Горький, когда-то написал Антону Семёновичу: «Удивительный вы человечище...». Оказалось, что личность Макаренко изучена значительно меньше, нежели его писательская и педагогическая деятельность. Часто цитируют и вторую половину горьковской фразы «...и как раз из, таких, в каких Русь нуждается». Заметим, что Горький не написал: «Советский Союз нуждается» или «советский народ». написал «Русь нуждается»... Один из американских исследователей творчества А. С. Макаренко, Джеймс Боуэн, пишет в книге под названием “Советское воспитание (Антон Макаренко и годы эксперимента)”:

“Значение Макаренко в том, что он более энергично и более страстно, чем многие из нас, пытался сделать мир более привлекательным местом для жизни. И мы на Западе...не можем не признать величие его вклада».

Полагаю, А.М.Горький был прав, когда писал, что эксперимент А.С.Макаренко имеет мировое значение. Его значение никак не укладывается в термин «советский» (в смысле «живший в «советское время в советской стране»). А.С.Макаренко из тех, кто имел право петь: «Мы обгоняем пространство и время...». Макаренко – достояние всего мира и на все времена.

Участники Макаренковской среды, о которой упоминалось в начале статьи, имели возможность понять, что значение А.С.Макаренко не исчерпывается эпохой, в которой он жил, но продолжает быть актуальным и в наши дни. Так случайно совпало, что на вечере оказался московский педагог с двумя учащимися колледжа, которые только что вернулись из Санкт-Петербурга с традиционного ежегодного осеннего сбора старшеклассников «Звёзды дарят надежду». К своему удивлению, ребята узнали на этой Макаренковской среде, что сбор, с которого они вернулись, имеет прямое отношение к А.С.Макаренко. Ведь сбор проводил студенческий педагогический отряд «Пе-

ремена», руководит которым преподаватель ЛГУ С.М.Платонова, которая в студенческие годы участвовала в студенческой коммуне им. А.С.Макаренко. А руководил ею профессор ЛГПИ им. А.И.Герцена, академик АПН И.П. Иванов. Он был последователем Макаренко и возглавлял Макаренко-скую секцию Ленинградского отделения Педагогического общества РСФСР.

«Звенья одной цепи» так называется одна из книг И.П.Иванова. Учащиеся колледжа, пришедшие впервые на Макаренко-скую среду вдруг поняли, что они тоже звенья той цепочки, идущей от Макаренко, через его последователей в наше время и время будущее. Для них слова «вперёд к Макаренко!» совсем не пустой звук. Ведь у них на сборе в Питере появилось желание ещё и ещё приезжать на такие сборы в Питер, а в Москве ещё и ещё приходиться на Макаренко-ские среды. А, может быть, и самим поучаствовать в подготовке подобного сбора старшеклассников в Москве...

Поздеева Е. Г.

Конфликт знаний в самообучающейся организации.

Самообучающаяся организация как концепция и как объект исследования интересует представителей разных научных областей, ведущее место среди которых принадлежит теоретикам и практикам менеджмента. Они ведут поиск движущих сил развития организации и разработку ее ключевых компетенций в условиях динамичной среды. Обучающаяся организация оказывается в числе наиболее важных факторов развития благодаря тому, что ее основанием является подход к организации как к открытой системе, принцип существования которой и заключается в адекватном реагировании на импульсы внешней среды. Поскольку динамизм экономической жизни требует от организации пластичности, быстрых комплексных и взвешенных решений, система ее динамических способностей оказывается полем актуальных исследовательских подходов (Д. Тис, Э.Шуэн, Г.Пизано). «Двойная петля обучения», преумножение человеческого и социального капитала, встраивание индивидуального развития в систему стратегического продвижения организации – это факторы, развиваемые современными организациями в целях создания и поддержания «режима развития». В этой связи также актуальным представляется рассмотрение конфликта знаний с точки зрения формирования отношения к нему как к сигналу, раскрывающему направленность перемен, и как к импульсу включения активности субъектов в процессы преобразования.

В своей работе «Пятая дисциплина» П. Сенге обращает внимание на то, что изменяющаяся в своей основе организация возможна только при условии осуществления изменений на индивидуальном уровне – при постоянных корректировках системы знаний и приветствии перемен в пространстве взаимодействия работников (П. Сенге, 2003). Новое видение перспектив, осознание себя и системы в новом контексте зависит от способности индивида к саморефлексии и от готовности к обретению новых знаний, компетенций, систематизации и комбинирования активов. Поставить задачу превратить организацию в саморазвивающуюся систему означает обеспечить в ней условия для осуществления такого ее качества как свойсамореперентность, что невозможно без обобщения и распространения системы смыслов с помощью коммуникаций. Коммуникация как процесс передачи смыслов включает механизмы самоорганизации, что позволяет организации как системе воспроизводиться в своем качестве (Н. Луман). Обогащение на каждом витке развития организации сообщает уникальность ситуации, неповторимость образца, что всегда привлекает, прежде всего, инновационную личность.

В саморазвивающейся организации адаптация изменений происходит в сочетании с творчеством. Адаптация рассматривается как результат встречной активности личности и социальной среды (А.А. Кобляков, 2002). Адаптант и его окружение образуют систему, в этой системе и происходят изменения. Особенность креативной личности заключается в том, что она сама задает параметры среде. У адаптанта есть представление об использовании ресурсов в процессе изменений до возникновения проблем. В креативном процессе происходит высвобождение энергии, которая направляется на трансформацию реальности. Динамическая модель адаптации креативной личности для развития в успешном варианте предполагает насыщение среды креативным сознанием, в ней все приходит в движение, диапазон проявления личности расширяется, теряется привычная упорядоченность среды, возникает новый набор социальных взаимодействий. Для такой модели взаимодействия ключевыми становятся следующие черты личности: гибкость, легкость изменений, конструктивизм в решениях, оригинальность, умение отказаться от второстепенного в пользу главного.

Саморефлексия индивида в условиях трансформации его привычной жизни всегда всегда чревата внутренними конфликтами. Мировоззренческие модели, формируемые на основе знаний и опыта, тяготеют к закреплению и пролонгации. Поэтому постоянный пересмотр сложившихся схем, интеллектуальных моделей и структур во внутреннем мире индивида вызывает эмоцио-

нальную неустойчивость, неуверенность, страх перед новизной, борьбу с самим собой. Временной период, который отводится на сживание с новым функционально-ролевым комплексом, подчас недостаточен, чтобы «проиграть» все возможные ролевые трактовки. Но организация стремится вперед и ожидает включенности последователей в процесс поиска. Поэтому незаконченность сценария, проекты с открытым финалом становятся практикой организации, к чему успешный работник должен сформировать определенное «привыкание». В связи с этим динамизм перехода конфликтов, возможно, вызовет «сквозные» проблемы личности. Снять напряженность сиюминутных требований организации к работнику, снизить объективно возникающую конфликтность организационной среды помогает групповая деятельность, командное обучение, а также ротация функций. Однако главной проблемой все же останется управление новым форматом отношений между организацией и работником, существующим уже не в рамках иерархии, не столько в сетевой структуре, сколько в коллективном генерировании и коллективном творчестве в повседневной деятельности организации по достижению постоянно пересматриваемых целей и смысловых систем.

С практической точки зрения, данная проблема требует постоянно действующих служб поддержки и сопровождения работников, специалисты которой хорошо владели бы внутренней информацией организации, понимали бы генезис проблем, обладали бы комплексным знанием об участниках организационного ансамбля. Сравнительно новая область управления – менеджмент знаний, оставляет пока нерешенной проблему управления внутриличностными конфликтами, возникающими у носителей знаний – персонала организации, стремящейся к постоянным переменам и сохранению интеллектуального потенциала.

Тимиргазиева А. И.

Особенности философской направленности советской системы образования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ 10-01-84115a/y

Комплексное, глубокое осмысление советского опыта организации системы образования, выявление ее позитивных и негативных сторон будет способствовать совершенствованию государственной политики в этой области, позволит избежать возможных просчетов и упущений.

Организация учебного процесса была объектом пристального внимания Коммунистической партии. С момента завоевания политической власти большевики осуществляли жесткий контроль за содержанием образования. Партийные комитеты раз-

личных уровней систематически рассматривали вопросы, связанные с постановкой учебного процесса в школах и вузах, давали конкретные рекомендации относительно содержательной стороны учебного процесса. Советская система высшего образования сложилась к концу 20-х годов XX века и явилась одним из проявлений установившегося режима и в то же время его важнейшей опорой.

Работа педагогических кадров рассматривалась как важный инструмент социального воспитания, формирования молодого поколения, адекватного по своим социокультурным характеристикам данной общественной системе. Советские государственные органы неизменно определяли перед преподавательскими кадрами целый комплекс задач идеологического, методического и нравственного характера, который должен был способствовать формированию у обучаемых коммунистического мировоззрения. Оно включало в себя такие принципы, как материалистическое понимание процессов природы и общества, классовое сознание, преданность идеям революции, восприятие окружающего мира с позиций марксистско-ленинской философии. При проведении занятий устанавливался государственный запрет на свободное развитие немарксистских философских представлений.

Построение гуманитарного цикла в советских вузах и школах было почти всецело ориентировано на теоретическое понимание «законов природы, общества и человеческого мышления», вынося иные духовные потребности и грани личности за рамки учебной программы. Но несмотря на идеологические ограничения, сам по себе набор включенных в учебные программы дисциплин общественно-гуманитарного профиля был достаточно разнообразным. И при наличии у преподавателей необходимой квалификации, терпимости, такта, высокого методического уровня программа гуманитарного, философского образования давала в целом довольно основательное введение в осмысление окружающего мира.

Жесткий контроль над политическим содержанием всех преподаваемых дисциплин, с целью оказания идеологического влияния на сознание учащейся молодежи, формирования ее коммунистического мировоззрения, был направлен на укрепление сложившегося политического режима.

Тупикин М. В.

Проблемы образовательной дисциплины «Конфликтология»

Конфликтология – относительно молодая наука. Несмотря на свою небольшую историю, она уже успела обозначить предметное поле своей деятельности и найти направление, в котором необходимо проводить исследования. Кроме того, конфликтоло-

гия является междисциплинарной наукой, что означает необходимость использования методов и инструментов сразу нескольких областей знания.

Использование сразу нескольких исследовательских полей и формирует специфику конфликтологии как науки. Однако я бы хотел остановиться на той проблеме, которая присуща всему научному миру, в частности и нашей области знания. А именно – на процессе передачи накопленного опыта и знаний, который называется «образование».

Тезисный план:

Сложность формирования конфликтологических установок - конфликтологу в первую очередь необходимы не теоретические знания и практические умения, а позитивные установки по отношению к людям и взаимодействию в целом.

Отсутствие достоверной информации о конфликтологии в бытовом сознании - конфликтология воспринимается либо как составная часть психологии, что выражается в пренебрежительном отношении к ней как к науке, либо как способ достижения своих целей, при котором используются НЛП, манипулятивные техники и даже гипноз.

Необходимость популяризации конфликтологии:

Социализация – основной способ возникновения установок на сотрудничество и мирное разрешение конфликтов.

Школьное образование – создание необходимых установок для развития полноценной личности.

Использование современных технологий при обучении - Интернет с научной точки зрения может быть как инструментом, так и объектом исследования.

Введение новых методов обучения на примере конфликтологической клиники – специфика клиники в том, что существенную часть работы осуществляют сами студенты, но под руководством опытных педагогов. Студенты выполняют как административную работу (поиск клиентов, назначение встречи консультаций), так и работу непосредственно с клиентами в роли наблюдателей.

Таким образом, конфликтология как развивающаяся наука не обходится без некоторых проблем. Но проблема - это то, у чего всегда есть решение, даже если это решение пока не найдено.

Шапиро С.В.

Культурные основания образовательных традиций

Проблема личностного и профессионального самоопределения человека в условиях социального кризиса имеет определенную культурную специфику. Анализ хода социально-

экономических, политических, идеологических, культурных реформ выявляет множество вопросов, затрагивающих основные сферы жизнедеятельности человека: образование, труд, свободное время. Трансформация социальных феноменов предполагает расширение социальных свобод, увеличение ответственности человека в определении собственной судьбы, растущую нагрузку на самостоятельность человека. В названных обстоятельствах фундаментальным условием развития общества является реализация специальных программ социального управления, в том числе, в сфере образования.

Вообще говоря, в условиях стабильного общественного устройства обеспечение профессионального развития личности не представляется ключевой общественной проблемой. В стабильном обществе – это вообще не проблема, а конкретная задача, успешно решаемая определенными социальными институтами. Ориентировочную основу решения этой задачи в стабильных социумах представляют собой научно-теоретические концепты (теории и методические рекомендации, частные методики), разработанные в социологии, социальной и возрастной психологии, психологии развития, педагогической психологии, педагогике и пр. В ситуациях общественного кризиса (в особенности столь затянувшегося кризиса, как в России) позиция культуролога, философа, социолога трансформируется. «Частные» задачи сплошь и рядом преобразуются в «вечные» философские и обществоведческие проблемы. Резко сокращается количество задач, имеющих однозначное решение. Катастрофически увеличивается количество «вечных проблем бытия».

В стабильном обществе социальные институты предлагают взрослому человеку сложившиеся образцы успешной реализации в различных профессиональных сферах. Молодой человек осуществляет сознательный выбор в сфере готовых форм профессиональной деятельности в соответствии со своими целями, ценностями, склонностями. Общественные институты помогают индивиду привести себя в соответствие с будущей профессиональной ролью. Анализируя этот процесс, Г. Сковорода в своих трудах выдвинул концепцию «среднего труда» и становление личности рассмотрел как поиск «среднего труда», т.е., говоря современным языком, профессии, наиболее полно соответствующей природным особенностям личности. При этом виды «среднего труда» Сковорода рассматривал как предзаданные для конкретной личности. Не все, кто трудятся, счастливы. Счастливы те, кому удалось найти труд, родной себе. Поиск «среднего труда» и осуществление себя в нем есть то, что современные философы и психологи (С. Л. Рубинштейн) называют жизненным путем личности. Говоря современным языком, даже са-

мые благоприятные условия (например, наличие широкого спектра профессий и социальных ролей) еще не обеспечивают успешного профессионального становления и самореализации личности.

Реализоваться в профессиональной сфере в условиях стабильного общества молодому человеку помогают специалисты, педагоги и психологи, занимающиеся профессиональной ориентацией молодежи. В рамках психологии труда, социальной психологии, психологии развития и других науках успешно разрабатываются стратегии и техники профориентации и профконсультации. Г. Сковорода, выдвинув концепцию «среднего труда» впервые в отечественной науке логически обосновал необходимость специальной работы по профессиональному самоопределению человека. Естественно, что философ Сковорода не стал детально разрабатывать методы профессиональной ориентации – это дело «узких» специалистов. Как философ Сковорода предложил новый способ мышления о предмете и выдвинул новое понятие. Совсем по-другому осмысливается профессиональное развитие личности и ее самореализация в условиях глобального общественного кризиса, связанного с коренной трансформацией общества. В кризисе оказываются не только взрослые люди, желающие найти для себя «среднюю» профессию, выбрать дело по душе. В кризисе оказываются в первую очередь все социальные институты, которые в стабильной ситуации успешно способствовали социализации личности и ее профессиональной ориентации. Современный отечественный исследователь, анализируя проблемы профессионального развития человека, уже не может опираться только на концепцию «среднего труда»: общество чрезвычайно быстро трансформируется, вновь возникающие профессии и социальные роли не успевают закрепиться и «отфильтроваться» в традиции. В обществе отсутствуют образцы успешного профессионального действия. Требуется переосмысления само понятие выбора профессии: профессия и социальная роль живет не настолько долго, чтобы соответствующие институты профессиональной и социальной ориентации молодежи успевали выработать ее позитивный образ и на основе этого образа предложить педагогические техники профессионального консультирования.

Возникает новая проблема: как возможно профессиональное развитие и самореализация личности в условиях отсутствия готовых образцов профессионального и социального самоопределения. Следствием общественных изменений может оказаться утрата преемственности в трансляции социального опыта от одного поколения к другому. В целях преодоления кризисных явлений идет обращение к опыту других стран, чтобы скопировать

их социальное устройство, их тип социальности и ее оформлений. Такая интерпретация кризиса не является адекватной. Можно различить два основных способа производства общественной жизни: индивидуалистический (западный) и коллективистский (восточный). Этим способам производства отвечают два типа обществ: индивидуалистические, построенные по принципу свободы воли, и коллективистские, построенные по принципу эволюционного совершенствования общественных отношений.

В индивидуалистическом обществе преобладает изолированность, отчужденность людей друг от друга, а также от средств и результатов производства. Человек совпадает со своей социальной определенностью, в частности, со своей профессиональной ролью, лишь частично. Происходит расщепление общественного и личного. Если основой общества является свобода воли, то прогресс может быть связан, прежде всего, с осуществлением идеала «общества потребления», достижения «качества жизни». Такое общество есть результат деятельности интеллектуальной элиты, тесно связанной с элитой политической и военной. Помыслы и деятельность большинства людей сосредоточиваются на создании удобной и комфортабельной жизни («общество обывателей»). Стремление к знанию большинства людей ограничивается знанием видимого чувственного мира (узкий рационализм, внешняя, формальная рассудочность). Это общество можно охарактеризовать как «фельетонную эпоху» (Г. Гессе), эпоху мещанскую и подверженную глубокому индивидуализму. Эпоха «фельетонов» не знает, что ей делать со своей духовностью. Этой эпохе не достает духовности и нравственной силы. Стандарты индивидуалистического общества возникают уже в античности (культ Аполлона – бога индивидуальности), позже поддерживаются и развиваются Эразмом Роттердамским, Мартином Лютером. В работах Т. Гоббса и Д. Локка выделяется принцип свободы воли как ключевой аспект западного образа жизни. Свободные, предельно независимые друг от друга, одинокие индивиды, «атомы» западного мира являются основой «гражданского общества», основы деятельности которого регулируются не моралью, не духовными ценностями, а формальным правом. Атомизированные агенты – атомы формального права создают социальные институты западного общества. Создание государства западного образца – это не длительный эволюционный процесс, а акт учреждения, однократная процедура, выражение свободы воли победителей. Другие слои общества приспособляются жить с победившей элитой, стремясь проникнуть в ее состав.

Своеобразной является профессиональная структура индивидуалистического общества. Основным понятием здесь является понятие персонала. Каждый индивид обладает своей шкалой ценностей и стремится добиться того, на что он имеет формальное право. Для тех или иных своих целей правящая элита произвольно образует группы из свободных атомизированных индивидов – персонал. Межличностные связи между индивидами организованными в «персонал» чрезвычайно ослаблены и являются чисто механическими. Персонал организуется волевым способом. Успешность продвижения индивида в организации также зависит исключительно от его свободной воли. Поэтому стандартом естественности в западном обществе является вражда, «война всех против всех» (Гоббс). Своеобразны и способы оформления рациональности в индивидуалистическом обществе. Стандартом индивидуалистического постмодернистского мышления является плюрализм, полилогизм и релятивизм. Культура предстает как явление, сущность которого непостижима. И по этой причине культура – это фикция, любое значение которой правомерно (плюрализм)...

В основе коллективистического общества лежит принцип совершенствования общественных отношений. Это понимание общества также развивается в Древней Греции, его идеи развивает Платон в «Государстве», позже Карл Маркс, философы XX века. Гегель коллективистическое общество называл восточным, основанным на вере, доверии и повиновении. Маркс, характеризуя свойства коллективистического индивида, вводит понятие общительности как неспособности существовать иначе, чем непосредственно-коллективным образом. Здесь человек полностью слит со своей деятельностью и совпадает со своей социальной определенностью. Коллективистические общества строятся на теплых началах любви и братского единения. В их основе – моральные ценности, а не абстрактные нормы права. Стремление к знанию в этих обществах не ограничивается знанием видимого чувственного мира, а способно проникать в сферу сверхчувственного, божественного, чудесного. Эта мысль подробно развита в трудах русских религиозных философов.

В коллективистических обществах прогресс связывается прежде всего не с созданием материальных ценностей, делающих жизнь более удобной, а с эволюционным совершенствованием всех общественных отношений. Технический прогресс, не связанный с улучшением отношений между людьми, отвергается (Ф. М. Достоевский). Свобода отдельного индивида не является сверхценностью, определяющей все остальные ценности. Социальные институты создаются не изолированными индивидами – атомами, а коллективами людей, объединенных общей

идеей и сплоченных чувством солидарности. Социальные институты не вступают между собой в конкурентную борьбу за выживание, а, образуя диалектическое «тождество различий», взаимно обуславливают и поддерживают жизненность друг друга. Здесь нет «войны всех против всех», а человек не отделяет себя от общества. Социальные институты коллективистического общества возникают естественным путем, а не на основе проявления свободы воли отдельных индивидов (правлящей элиты). Социальные нормы (нравственные, моральные, правовые) коллективистического общества взаимно предполагают, а не подавляют друг друга. Все социальные нормы воспроизводятся в подрастающих поколениях естественным образом. Люди с детских лет погружены в определенные традиции и вне их не представляют собственного существования. Философы, социологи, политологи, правоведаы, деятели искусства, социальные психологи не привносят в коллективистическое общество ценности извне, а помогают обществу отразить сложившиеся традиции, выразить их в слове, оформить в научных и художественных произведениях, в правовых нормах.

Ячейкой коллективистического способа производства является не персонал, а коллектив, воспроизводящий и оформляющий коллективистические ценности как ценности эволюционного совершенствования общественных отношений. Существенным является не достижение производственных целей любой ценой, а стремление к установлению гармоничных отношений в коллективе... Коллективы хозяйственных систем с необходимостью развертывают социальные институты, функциями которых являются оптимизация условий труда, планирование кадровых ресурсов, социальная адаптация кадров. Члены коллектива на началах самоуправления создают резервы субъектов управления производственной системой. Таким образом, в коллективистическом обществе руководящие кадры не навязываются извне правящей интеллектуальной элитой, а выращиваются в собственном коллективе. При оценке руководящих кадров изучаются «встроенность» человека в производственный коллектив, совместимость его, адаптируемость его в коллективе. Стандартом естественности в коллективистическом обществе является добродетель.

«Атомизированному» индивиду в процессе образования можно передать лишь такие учебные действия, как решение не им поставленной учебной задачи, предметные квазиисследовательские пробы. Для того, чтобы ребенок научился самостоятельно ставить учебные задачи (а это основа его будущего учебно-профессионального самоопределения в старшем школьном и студенческом возрасте), самостоятельно контролировать и оце-

нивать собственные учебные действия, ему принципиально необходим коллектив детей. Иначе наиболее тонкие рефлексивные учебные операции навсегда «зависают» на полусе учителя и детям не передаются (В. В. Давыдов; Г. А. Цукерман). В отечественной и зарубежной философии конца XX века сложилось два альтернативных представления о кризисе цивилизации. Согласно мнению большинства специалистов, восходящему к идеям А. Бергсона и К. Поппера, коллективистическое общество является закрытым, примитивным, архаичным, отсталым, а индивидуалистическое общество - открытым, развитым, прогрессивным, передовым. Любое общество движется от закрытого и коллективистического – к открытому и индивидуалистическому. Но вред ли коллективистическое и индивидуалистическое типы общества могут быть иерархически соотнесены. Это равно мощные общественные устройства. Коллективистическая цивилизация не преобразуется в индивидуалистическую, а, испытывая трудности развития, находит из них выход, углубляя собственные корневые основания. Аналогично, индивидуалистическая цивилизация, столкнувшись с проблемами, не перенимает опыт цивилизации коллективистической, а ищет ответ на вызов времени, оставаясь в пределах собственных оснований. Несмотря на тенденцию к диалогу хозяйственных культур разных стран мира, смена традиционного типа социальной детерминации невозможна. Каждый тип общества имеет право на существование, глубоко укоренен в истории развития человечества и должен развиваться, углубляя собственные, имманентные основания. Подражание чуждому типу социальности грозит потерей национальной самобытности и приводит к полному вырождению общества.

Возможно ли в ситуации системного кризиса и трансформации общества профессиональное развитие и личностная самореализация? Критическая ситуация развития связана с разрушением хорошо работающих образцов успешной профессиональной деятельности и успешных техник профессионального самоопределения. Для каждого учащегося, студента, молодого специалиста возникает необходимость осуществлять деятельность социальной и профессиональной ориентации в условиях отсутствия образцов этой деятельности. Если считать, что для России развитие современного общественного уклада только началось (в исторической перспективе два десятилетия – небольшой срок), то идеальная форма, определяющая цели и характер развития, находится буквально рядом с развивающимся субъектом, а именно – на Западе. Мы движемся от закрытого общества к открытому. Имеет место некоторое временное отставание. Следовательно, развивающийся субъект профессионального само-

определения (учащийся, абитуриент, студент, молодой профессионал) может буквально созерцать образ собственного будущего, знакомясь с принятой в западных странах системой профессиональной ориентации.

Кризис развития проходит следующие стадии:

Открытие новой идеальной формы. В нашем случае это – обнаружение (с помощью средств массовой коммуникации) развитых форм профессионального и социального самоопределения «свободного» индивида в открытом (западном) обществе.

Мифологизация идеальной формы. В нашей ситуации – приписывание «западному образу жизни» черт вечности, идеальности, недостижимости, образцовости, крайней желательности для индивида.

Конфликт новой идеальной формы и старых ситуаций действия. В нашем случае – желание построить развитую форму «здесь и теперь», т. е. в условиях современного российского общества сразу начать жить по нормам и стандартам открытого общества западного типа.

Рефлексия условий конфликта. Для нас – осознание невозможности непосредственного осуществления жизни по западным стандартам, признание необходимости перестраиваться и переучиваться.

Разрешение кризиса и возникновение ситуации новой ведущей деятельности. Для нас – это рождение деятельности профессионального самоопределения, направленной на присвоение образцов и норм европейской культуры поведения в ситуации выбора и принятия решений в учебно-профессиональной сфере.

Подобная схема может быть положена в основание понимания процессов профессионального и личностного самоопределения индивидов и общностей, сознательно или неосознанно ориентированных на ценности «открытого общества». Теперь рассмотрим эвристические возможности схемы профессионального развития и личностной самореализации индивидов и общностей, ориентированных на коллективистическую модель общественного устройства. Если ориентироваться на представление об отсутствии иерархичности в дихотомии «индивидуалистическое общество – коллективистическое общество», то с этой гипотезой принимается еще целый ряд допущений:

Кризис коллективистического общества возник не в связи с вызовом общества индивидуалистического, а из-за внутренних трудностей роста коллективистического способа производства и соответствующих ему форм общения.

Не только у субъектов профессионального самоопределения, но и у всего общества в целом нет готового образца осуще-

ствления деятельности профессиональной ориентации и самореализации.

Дефициентные образцы и соответствующие им техники нельзя заимствовать из опыта общества западного типа, так как они относятся к принципиально иным формам цивилизации, прохождение которых не только не обязательно, но и нежелательно для цивилизации коллективистического типа.

Когда последующая идеальная форма развития в обществе не построена, ее обретение порождает затяжной, многолетний кризис.

Разрешение кризиса возможно на основе «припоминания» тех традиций действия, которые были успешны в докризисной ситуации, т. е. на основе спиралевидного возврата к традиционным формам принятия решений, но на новом уровне.

Поиск новых форм осуществления, «сбывания» традиций действия в новых общественно-исторических условиях возможен лишь как совместное, непосредственно коллективное действие специалистов по профессиональной ориентации и личностному самоопределению и субъектов профессионального развития (школьников, абитуриентов, студентов, аспирантов, молодых специалистов).

В этом случае содержанием профессионального образования является совместное построение содержания профессионального образования в новых исторических условиях.

Новое содержание профориентационной деятельности не может возникнуть в ходе трансляции предустановленных субъекту норм и образцов – оно возникает в результате коммуникации участников разновозрастного коллектива.

Культурное оформление найденных форм общения как образцовых, идеальных способствует выходу из кризиса развития и является одновременно культурным оформлением нового возраста (старшего школьного, студенческого) как нормы развития. Идеальная форма не предшествует акту развития, а является его результатом.

Из этой гипотезы следует две принципиально различных, но взаимодополнительных стратегии профессионального развития личности. Существенным является обнаруженное нами логическое разграничение этих стратегий. Если кризис российского общества понимается как трансформация закрытого общества в открытое, то идеальная форма личностного и профессионального развития объективно существует до акта развития. Разрешение кризиса профессионального развития связано с присвоением этой идеальной формы, которое проходит вполне определенные и логически закономерные стадии. Если же переживаемый нашим обществом кризис понимается как этап совершенствова-

ния коллективистических отношений, прямо не связанный с вызовом западной цивилизации, то идеальная форма личностного и профессионального развития заранее не дана. Разрешение кризиса профессионального развития связано не с присвоением идеальной формы, а с ее построением в разновозрастном коллективе (например, в коллективе преподавателей и студентов) на основе существующих в социуме традиций

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Абдулаева Д.С.

Кросс-культурное исследование социальных представлений о жестокости и жестоком человеке у россиян и белорусов

На протяжении всей истории общества жестокость была неотъемлемым явлением человечества. Начиная с самых истоков цивилизации можно найти примеры жестокому поведению людей: войны, обряды, жертвоприношения, геноцид и т.д. Жестокость существовала столько, сколько существует цивилизация, однако только в последнее столетие, когда человечество выходит на новый уровень гуманизации, жестокость стала проблемой, которую необходимо решить.

В наше время почти не возникает сомнения в том, что жестокость чисто социальный феномен, однако его изучение с позиции психологии и социологии до сих пор не организовано и не реализовано. Ни один психологический словарь не дает определение понятию жестокость. В 2010-2011 гг. мы попытались заложить основу практическому изучению феномена жестокости, и первоначально определиться с тем, что жестокость олицетворяет собой в сознании человека. Мы изучали социальные представления о жестокости в юношеском возрасте, так как, на наш взгляд, данный возраст наиболее подходит для данного исследования. В юношеском возрасте все социальные знания обретают свою форму, человек определяется со своими взглядами, установками, ценностями.

Изучая социально-психологические представления, мы помнили о двойственности данного феномена, с одной стороны они отражены непосредственно в виде субъективных аффективных образах и, с другой, опосредованно в виде объективных «общественно выработанных способов осознания» (слов). Изучение аффективной составляющей представления затруднено тем, что мало осознаваемые человеком аффективные структуры не существуют в словесной форме, в языковых системах. Они имеют психологическую природу, связаны с личностным смыслом, который всегда сугубо индивидуален. Язык же - это надиндивидуальное образование. И, добываясь от респондента информации с его аффективного уровня, мы, как правило, получаем ее с ког-

нитивного. Когнитивная информация имеет совершенно другую природу. Она рациональна (описывает объект), нормативно окрашена и зависима от социального окружения.

Для изучения социальных представлений мы использовали ряд методик для более целостного изучения данного явления: «20 Я», «20 определений жестокого человека» (обе методики в модификации В.Л. Ситникова), семантический дифференциал, методику «Цветовых метафор» И.Л. Соломина, методика «Фрустрационных реакций» Розенцвейга и анкету «Отношение к жестокости».

Анкета «Отношение к жестокости» дает двойственную информацию, мы получаем от респондента рациональную оценку события, которая сформирована на фоне эмоциональных переживаний.

Проведя данное исследование и получив интересные результаты, встал вопрос о том насколько макро среда влияет на социальные представления, ведь не даром множества ученых говоря об агрессии (родственном жестокости понятии), зачастую грешат на влияние состояния в стране, перенаселение, шумовое загрязнение мегаполисов и т.д. В данной статье мы представим результаты пилотажного кросс-культурного исследования социальных представлений в юношеском возрасте в Белоруссии и России. Наш выбор остановился именно на Белоруссии, поскольку, не смотря на близость страны, обычаев, культуры люди живущие в этих странах и имеющие возможность бывать в обеих отмечают сильные различия в укладе жизни и общей «атмосфере» в странах.

При изучении социальных представлений был проведен сравнительный анализ результатов обеих групп испытуемых. В ходе анализа был использован критерий Манна-Уитни. Между выборками были обнаружены достоверные различия по методике Розенцвейга. У испытуемых из России достоверно выше показатели по Самозащитному типу реагирования и экстрапунитивной направленности реакции ($p < 0.01$ и $p < 0.05$), данное сочетание направленности и типа реагирования во фрустрирующей ситуации говорит о том, что в трудных ситуациях российские ребята в основном ждут решения от окружающих, всячески защищают себя, чаще чем белорусы проявляют неуверенность в себе, низкий уровень самообладания, колебания в принятии ре-

шений и эмоциональные срывы, часто проявляются агрессивность, бестактность, грубость в отношениях с окружающими, здесь наблюдается явное доминирование негативных тенденций в отношении к людям. У белорусов чаще встречается упорствующий тип реагирования и интропунитивная направленность реакции ($p < 0.05$), то есть в ситуации с препятствием они чаще проявляют самостоятельность в решении проблемы, самокритичность, и адекватнее воспринимают ситуацию, признают свою вину.

Других различий в сравнении показателей двух групп не было обнаружено. По методике Анкета «Отношение к жестокости» у обеих групп отношение к жестокости находится на «отрицательном» уровне. Значимых различий по методике семантического дифференциала не выявлено, общие показатели представлены на рисунке 1.

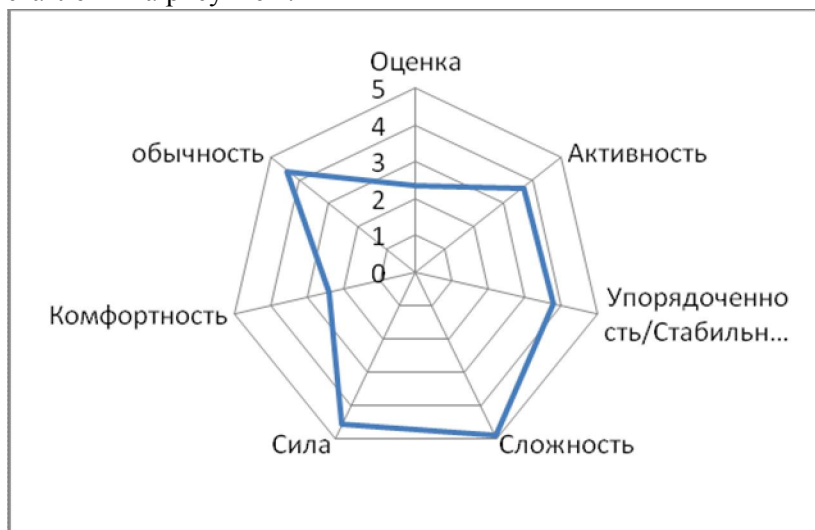

Рисунок 1. Профиль по результатам методики семантического дифференциала.

В целом можно сказать, что жестокость в абстрактном образе, представляется испытуемым как нечто «плохое» и «неприятное», при этом «активное, сильное и сложное». На наш взгляд важно отметить тот факт, что обследуемые отмечают жестокость, как понятие «обычное» то есть, фактом повседневной

жизни. Это в очередной раз доказывает актуальность исследования.

Для изучения понятийного аппарата к феномену жестокость нами был проведен контент анализ данных испытуемыми определений понятия «жестокость».

Наиболее часто используемые понятия: негативные действия по отношению к людям или животным (живым существам), причинение ущерба (вреда, страданий, издевательство, унижение), выражение негативных эмоций (злость, ненависть, зависть и т.д.), равнодушие (бездействие, холодность, хладнокровность), нарушение (патология), бесчеловечность и т.д. В целом определения даваемые обеими группами испытуемых схожи.

Для изучения социального представления о «жестоком человеке» у белорусов и россиян мы провели сравнительный анализ образов «жестокоего человека», по частотному распределению определенных понятий, по ранговому соотношению шкал и с помощью сравнения шкал по критерию Фишера (см. таб.1,2).

Обобщенный образ «жестокоего человека» в обеих группах весьма схож, на первых местах в обеих группах оказались характеристики «грубый» (82% в обеих группах), «злой» (белорусы – 82%, россияне – 73%), далее у белорусов на первый план выступают социально значимые характеристики (бессердечный -55% равнодушный – 55%%, скрытный – 55%), у россиян прослеживается более оценочные (темный – 36%, агрессия – 27%, ужасный -27%).

В целом все дают отрицательные характеристики, описывая образ жестокого человека, важным является тот факт, что ему приписывают в основном яркие негативные социальные характеристики (аморальный, асоциальный, скользкий, эгоист, ненормальный, неприятный, несправедливый т.д.)

Проанализировав структуры образов «жестокоего человека» у белорусов и россиян и проранжировав структурные компоненты, мы можем сказать, что они похожи, то есть нет слишком сильных различий в структурах, однако небольшая разница все же есть.

Таблица 1. Частотный сравнительный анализ усредненного «жестоккого человека» россиян и белорусов.

Образ жестокого человека (бел)		Образ жестокого человека (рос)	
Понятие	%	Понятие	%
Грубый	82	Грубый	82
Злой	82	Злой	73
Бессердечный	55	Темный	36
Равнодушный	55	Агрессия	27
Скрытый	55	Ужасный	27
Эгоист	55	Ненависть	27
Жестокий	36	Опасный	27
Несправедливый	36	Сильный	27
Неуравновешенный	36	Недружелюбный	27
Самовлюбленный	36	Холодный	27
Скользкий	36	Эгоист	27
Холодный	36	Аморальный	18
Агрессивный	27	Бесчеловечный	18
Безжалостный	27	Возбужденный	18
Безразличный	27	Вспыльчивый	18
Бесчувственный	27	Мерзкий	18
Жадный	27	Ненормальный	18
Жесткий	27	Неопределенный	18
Завистливый	27	Неприятный	18
Замкнутый	27	Неуверенный	18

На первых местах в структуре образа жестокого человека у россиян и у белорусов находятся социальные и эмоциональные характеристики, мы можем предположить, что данные характеристики для данной группы испытуемых являются ключевыми в структуре образа любого человека, они образуют собой ядро социального представления о каком бы то ни было человеке. Важно отметить, что испытуемые обеих групп в оценке жестокого человека преимущественно опираются на негативные характеристики, людей, не назвавших таковые нет.

Основное различие между образами жестокого человека у белорусов и россиян заключается в использовании метафор и деятельностных характеристик, данные компоненты различаются в образах разных стран на три ранга. При этом, испытуемые

из России, чаще использовали метафоры, а белорусы давали больше деятельностных характеристик. В добавление к этому можно подчеркнуть тот факт, что в усредненном образе себя у белорусов достаточно большой процент людей использовали характеристику «трудолюбивый» (36%) в то время как в другой группе данную характеристику написал себе лишь один человек. Это можно объяснить тем, что вероятно, для белорусских ребят деятельностные качества человека выступают важным показателем.

Таким образом, можно сказать, что структуры образов жестокого человека у белорусов и россиян все же имеют некоторые различия.

Для изучения достоверности различий в структурных компонентах образа «жестокого человека» нами был проведён сравнительный анализ с помощью критерия ϕ -Фишера, который позволил выявить шесть достоверных различий (таб. 3.).

Таблица 2. Сравнительный анализ компонентов образа «Я» у белорусов и россиян.

Компоненты	Процентная величина компонентов в структуре «образа жестокого человека»		ϕ – критерий Фишера
	белорусы	россияне	
Социальный интеллект	20,27	6,04	4,37***
поведенческие	1,35	6,04	-2,63*
Социальные	70,27	50,00	4,17***
Метафоры	0,90	6,59	-3,29**
Позитивные	1,35	6,59	-2,86**
Негативные	86,49	76,37	2,62*

Примечание * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Достоверно отличаются следующие компоненты образа «жестокого человека» у белорусов и россиян: социальный интеллект ($p < 0,001$), социальные ($p < 0,001$), поведенческие ($p < 0,05$), метафоры ($p < 0,01$), позитивные ($p < 0,01$) и негативные ($p < 0,05$). У россиян выше показатели поведенческие, метафоры, и позитивные, то есть при описании жестокого человека, они дают больше характеристик показателей внешних проявлений (поведение), чаще используют метафоры и позитивные характе-

ристики. Белорусы в большей степени оперируют социальными показателями, а так же больше дают негативных оценок. Наиболее важен в данном списке, тот факт, то белорусы дают достоверно меньше позитивных характеристик и больше негативных. То есть, белорусы отрицательнее относятся к потенциальному жестокому человеку, осуждают его.

Таким образом, мы можем сказать, что «образ жестокого человека» в сознании людей юношеского возраста из Белоруссии и России достоверно имеет определенные различия.

Для сравнения социальных представлений о жестокости нами был проведен корреляционный анализ по показателям в обеих группах, в таблице № 3 представлены результаты.

Таблица 3. Корреляционный анализ показателей методик изучающих социальные представления о жестокости Белорусов и Россиян.

белорусы				Россияне				
	<i>жж</i>	<i>жсв</i>	<i>общ</i>		<i>Жм</i>	<i>ED %</i>	<i>NP %</i>	<i>I %</i>
Сложность	-0,72*	-0,56	0,66*	ED %	0,72*			
Сила	0,79**	0,69*	0,67*	Оценка	0,52	0,72*	-0,38	-0,41
				Сложность	-0,53	-0,46	0,65*	0,45
				Комфортность	0,58	0,53	-0,45	-0,60*

Примечание * - $p < 0,05$, ** - $p < 0,01$, *** - $p < 0,001$

Исходя из полученных данных мы можем сказать, что обнаружены различные корреляционные взаимосвязи у испытуемых из разных групп. В частности, у белорусских респондентов обнаружено, что чем выше показатель отношения к жестокости (чем положительнее испытуемый относится к жестоким поступкам) тем менее сложной и сильной она ему кажется.

У российских испытуемых обнаружена взаимосвязь не только семантического пространства с отношением к жестокости, но и с поведенческими установками. Так, чем положительнее оценка жестокости испытуемым, тем выше уровень самозащитного реагирования, чем сложнее видится жестокость испытуемому, более адекватен и самостоятелен он в сложных ситуациях, а так

же чем менее удобной(комфортной) представляется жестокость человеку тем выше у него уровень притязаний. У российской группы так же обнаружилась положительная взаимосвязь отношения к жестокости к младшим с самозащитным типом реакции.

Так же нами был проведен корреляционный анализ по показателям социальных представлений о жестоком человеке в обеих группах. В группе испытуемых белорусов было обнаружено большое количество корреляционных взаимосвязей по каждому из представленных структурных компонентов образа жестокого человека.

Волевые показатели образа достоверно взаимосвязаны с семантическими конструктами: оценкой, активностью и силой, связь прямая. То есть, в большей степени волевые качества давали жестокому человеку испытуемые для которых жестокость нечто положительное, активное, сильное.

Деятельностные характеристики взаимосвязаны с отношением к жестокости к старшим (обратная связь), а так же прямо коррелируют со сложностью и силой. То есть характеристики затрагивающие деятельностную сторону личности чаще давали испытуемые, отрицательно оценивающие жестокость к старшим, а так же представляющим жестокость как нечто сложное и сильное.

Интеллект связан с упорядоченностью/стабильностью, то есть чаще интеллектуальные характеристики давали жестокому человеку испытуемые для которых жестокость стабильное явление.

Социальные характеристики в описании жестокого человека чаще употребляли люди с высокой адекватностью и ответственностью в сложных ситуациях. Признаками социального интеллекта жестокого человека наделяли те, для кого жестокость это положительное, активное, стабильное, комфортное а так же необычное явление.

Испытуемые с высокой самокритичностью чаще в описании использовали поведенческие характеристики. Телесные характеристики давали люди для кого жестокость нечто нестабильное и малоактивное, так же как и эмоциональные качества. Метафоричными характеристиками наделяли жестокого человека чаще

люди с выраженной экстрапунитивной направленностью и со сниженной интропунитивной.

Положительные характеристики жестокому человеку чаще давали люди с положительным отношением к жестокости к старшим, с выраженной доминантной типом реагирования и экстрапунитивной направленностью. В то время как отрицательными характеристиками наделяли жестокого человека испытуемые белорусы с отрицательным отношением к жестокости к старшим и с ярко выраженной интропунитивной направленностью.

В показателях российских испытуемых было обнаружено намного меньше корреляционных достоверных взаимосвязей. Волевыми качествами жестокого человека наделяли российские испытуемые со сниженной импунитивной направленностью реакции. Понятиями, характеризующими жестокого человека как субъекта деятельности, чаще оперировали люди с выраженной экстрапунитивной направленностью и со сниженной интропунитивной, а так же считающие жестокость сложной. Телесные качества описывали испытуемые считающие жестокость слабым поступком. Метафорами и отрицательными понятиями чаще описывали жестокого человека люди воспринимающие жестокость нестабильной.

После проведенного исследования, мы можем с уверенностью сказать, что есть определенные различия в социальных представлениях о жестокости и жестоком человеке белорусских и российских испытуемых, и поскольку данное исследование пилотажное и выборка мала, есть вероятность, что при достаточном количестве испытуемых могут быть обнаружены серьезные различия.

Архипова Т.Т.

Социально-психологическое воздействие рекламы на студенческую аудиторию

В настоящее время реклама как объект изучения обладает огромной притягательной силой, поскольку является неотъемлемой частью жизни современного общества, активно воздействует на его социальные институты и оказывает значительное влияние на социальное поведение живущих в нем людей. Реклама передает информацию не только о товарах, изделиях, услу-

гах, но и об общественных, политических и других типах отношений в обществе.

Изучением рекламы в той или иной степени занимается целый ряд наук: журналистика, социология, психология, экономика, история, правоведение и др. Каждая наука, анализируя рекламную деятельность, использует свою методологию, собственный понятийный аппарат. Так, например, социологическая наука рассматривает рекламную деятельность с позиций функционирующего общественного института, оказывающего влияние на социально-политические и культурные процессы в обществе, способствующие его изменению; с точки зрения экономики реклама рассматривается в качестве механизма продвижения товара на рынке; юридическая наука разрабатывает нормативные акты, регулирующие рекламную деятельность; история и исследования в ее области служат важным элементом в понимании эволюционных изменений рекламных технологий; журналистика акцентирует внимание на вопросах создания эффективного рекламного сообщения, принципах и особенностях его построения, как принадлежности к массовой информации.

Психология традиционно рассматривается в качестве одной из наиболее важных для рекламной деятельности наук, она изучает механизмы воздействия рекламы на психику человека, восприятия рекламных материалов; особенности потребительского поведения и его изменение под воздействием рекламы. Т.С. Кабаченко считает воздействие психологическим лишь в том случае, когда оно имеет внешнее по отношению к адресату (аудитории) происхождение и, будучи отраженным им, приводит к изменению психологических регуляторов конкретной активности человека. Ею выделены основные методы психологического воздействия на аудиторию: подражание, внушение, заражение и убеждение. Все они взаимообусловлены, достаточно сложны, подтверждены практикой и результатами экспериментальных опытов. [2]

Психологическое воздействие рекламы А.А. Леонтьев понимает как определенное влияние на психику адресата рекламы, которое вызывает желаемые изменения в его установках, мотивах, вообще в его личности, в его сознании, в его поведении, действиях и поступках [4]. Отечественный психолог и рекламист Ю. А. Шерковин называл явление воздействия рекламы «массо-

вым», «внеколлективным» поведением [9]. Отличительным признаком рекламы, по мнению автора, является то, что здесь возникает стихийная передача информации, и субъект действует практически без ощущения личного контроля над ситуацией.

При рассмотрении вопроса о психологических механизмах рекламного воздействия используется, как правило, классическая формула AIDA, предложенная американским рекламистом Элмером Левисом, определяющая этапы такого воздействия (Attention - I interest - D desire - A action, т.е. внимание - интерес - желание - действие) [7]. Суть данной формулы состоит в том, что рекламное обращение, в первую очередь, должно привлекать внимание. Для этого внимание необходимо перевести в произвольную форму, удержать его, а это возможно только при соответствующей организации рекламного материала, его композиции, цветовом и звуковом оформлении. После того, как внимание аудитории привлечено, обращение должно удержать ее интерес. Основная задача данного этапа состоит в том, чтобы заинтересовать адресата настолько, чтобы он стал вникать в суть рекламного предложения: читал текст, разбирался в смысле сказанного, обдумывал, насколько рекламируемый товар нужен ему. В соответствии со схемой AIDA обращение должно также возбудить желание адресата опробовать рекламируемый товар, стать его владельцем. Чтобы желание возникло, надо показать возможности, которыми будет располагать человек после покупки товара. Структурным компонентом формулы AIDA является действие, которое переводит идеальную мысленную покупку в реальную. Чтобы ускорить наступление завершающего этапа, реклама обязательно дает гарантию возврата товара при его недостатках. Это способствует появлению чувства удовлетворения от удачной покупки и желанию стать постоянным покупателем данной фирмы.

А.Н. Лебедев указывает на то обстоятельство, что «в этой формуле ничего не сказано о многих важных психических процессах, которые играют существенную роль при восприятии рекламы, например о памяти (запоминаемости рекламы и рекламируемого товара), об ассоциативном мышлении, подключающем прошлый опыт человека, об эмоциональном отношении к рекламе и др.».[2;95] В связи с чем, возникает необходимость ориентации на социально-психологические компонен-

ты, характеризующие психологическую структуру рекламного воздействия.

Традиционно феномены, имеющие прямое отношение к социально-психологическому воздействию, рассматриваются с точки зрения когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. В.Г. Зазыкин [1] отмечает, что изучение когнитивного компонента предполагает анализ психических процессов: ощущения, восприятия, внимания, мышления, памяти. Изучение эмоционального компонента предполагает выявление таких аспектов в рекламе, которые вызывают у человека эмоционально окрашенное отношение к рекламе и самому товару, желание или нежелание его купить. Исследование конативного, поведенческого компонента предполагает анализ поступков человека, которые определяются его решением о покупке товара под воздействием рекламы.

Осознание необходимости этих основных компонентов воздействия рекламного обращения на сознание человека легло в основу множества рекламных моделей. В настоящее время А.Н. Лебедевым разработана теоретическая модель, которая описывает все имеющиеся варианты рекламной продукции с точки зрения психологического воздействия: суггестивная, маркетинговая и социально-психологическая.[3]

Суггестивная модель оказывает императивное психологическое воздействие на потребителя. Ее основу составляет реклама, начинающаяся со слов «попробуй», «почувствуй», «испытай» и пр. Она является эффективной лишь при не критичном отношении субъекта к акту воздействия.

В русле развития маркетинговой модели психологи ориентированы не на подавление воли покупателя, а на управление принятием решения о выборе товаров и услуг из числа аналогичных, имеющих на рынке, на актуализацию и усиление объективных потребностей потенциального потребителя товара средствами рекламы.

Реклама, основанная на социально-психологической модели, представляет собой коммуникацию рекламиста с потребителем, обуславливающую последующую коммуникацию потребителя с его окружением, т.е. она предлагает покупателю товар, который поднимает его на новый социальный уровень и, прежде всего в

его собственных глазах, который вызывает ощущение социального благополучия или интеллектуального превосходства.

Ряд исследователей в качестве центрального компонента рекламного обращения к аудитории выделяет сообщение (слоган), которое понимается как рекламная фраза, в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение. Слоган взаимосвязан и с другими рекламными единицами, однако обладает большей самостоятельностью и как основной продукт творческой деятельности копирайтера, только тогда является эффективным в рекламной коммуникации, когда он воздействует на целевую аудиторию. От результата влияния слогана на аудиторию зависит то, как будет воспринято все рекламное сообщение, в состав которого он входит, вне зависимости от вида рекламной продукции.

Рекламный слоган позволяет «включить» основные особенности, название или образ рекламируемого товара в одну фразу, которая воздействует на сознание потребителя. При использовании слогана запоминается не только и не столько особенности конкретного продукта, сколько его идеализированный и положительный образ. Например, вместо торговых марок «Аквафреш» - «Тройная защита для всей семьи». Как отмечают исследователи, при использовании слоганов, особенно важным является создание четкой ассоциации торговой маркой и самим слоганом, для чего в его состав нередко включают название торговой марки или компании: «Blend-a-med - пусть улыбка сияет здоровьем» и др. Для улучшения восприятия и запоминаемости слоганов реклама, как правило, использует яркие и короткие фразы, рифму, например: «Миф-автомат – чисто идеально и цена реальна» и др.

Как правило, внимание читателя привлекают и удерживают яркие и нестандартные обороты речи. Реклама должна говорить с потребителем на их доступном языке, используя при этом доступные, понятные, выразительные слова и обороты речи. В рекламе не должно быть «неприятных» слов, так как оставшиеся в памяти читателя воспоминание о ней будет вызывать лишь чувство неприязни по отношению к рекламируемому предмету.

На первом этапе исследования с целью изучения уровня социально-психологического воздействия рекламного сообщения (слогана) на аудиторию использовались: семантический диффе-

ренциал Ч. Осгуда как один из распространенных экспериментальных методов оценки восприятия рекламной продукции[5]; фокус-группа как качественный метод социально-психологических исследований, представляющий собой групповое фокусированное полустандартное интервью, проходящее в форме групповой дискуссии и направленное на получение от участников субъективной информации о том, как они воспринимают различные рекламные сообщения. [8]В исследовании приняли участие студенты (90 человек) высшего учебного заведения, средний возраст которых составлял 20 лет.

Результаты исследования показали, что на 31,1% студентов реклама оказывает воздействие(умеренный уровеньрекламазависимости). Характерной для данной группы респондентов является ориентация на смысловое содержание рекламного сообщения. При этом основным методом воздействия на данных студентов выступает убеждение. Так, студенты отмечают, что каждое рекламное сообщение должно сделать потребителю какое-то четко сформулированное предложение. Это должны быть не просто слова или восклицания, восхваления товара, а решение конкретной проблемы. Анализ поученных суждений показал, что для испытуемых данной группы характерна социально-психологическая модель воздействия рекламы, в основе которой – когнитивная составляющая.

В следующую группу вошли 61,2% студентов, для которых характерно сильное воздействие рекламного сообщения, зависящая форма поведения. Доминирующим методом воздействия на данную группу испытуемых является подражание, т.е. воспроизведение адресатом черт и образцов специально демонстрируемого в рекламе поведения. Подражание в рекламе является наиболее эффективным, когда рекламируется то, что является для человека престижным, например, что он покупает с целью быть похожим на известную, популярную, авторитетную личность. В частности, у студентов подражание рекламному персонажу чаще определяется совпадением увиденного с тем, что обусловлено их ценностными ориентациями, а также мотивацией и потребностями. Ответы респондентов данной группы свидетельствуют о том, что воздействие рекламной продукции объясняется с точки зрения маркетинговой модели, основу которой составляет поведенческий компонент.

Очень высокий уровень воздействия рекламного слогана обнаружен у 7,7% респондентов. Как правило, данная группа респондентов демонстрирует бессознательную, невольную подверженность определенным психологическим воздействиям рекламы. Характерными методами воздействия для данной группы студентов выступают внушение и заражение. На основе не критического восприятия информации, рекламное сообщение оказывает на них прямое и неаргументированное воздействие. Полученные результаты позволяют выделить наличие императивного психологического воздействия рекламы на респондентов данной группы, т.е. суггестивной модели воздействия, основу которой составляет эмоциональный компонент.

Кроме того, значительное количество опрошенных студентов (35,6%) считают, что предъявляемая на современном рынке рекламная продукция является шаблонной, банальной. Примерно половина опрошенных респондентов (64,4%) доверяют содержанию рекламы, используют ее в качестве культурного эталона потребления.

В аспекте исследования данной проблемы особый интерес представляет изучение жизненных ценностей студенческой аудитории. Для личности ценности выступают в роли ориентиров, помогающих в обширном потоке внешней информации о жизненных явлениях, выделить то, что наиболее важно для жизнедеятельности человека, для его поведения. Это означает, что ценности определяют избирательность отношений человека к миру, характеризуют его жизненную позицию, направленность устремлений личности, а также соизмеримость потребностей и способов их удовлетворения.

Изучение жизненных ценностей студенческой аудитории составляло цель второго этапа исследования, так как нам необходимо было определить, как они соотносятся с уровнем подверженности студентов социально-психологическому воздействию рекламы.

На данном этапе исследования использовалась методика В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушина «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ).[6] Основным диагностическим конструктом МТЖЦ являются терминальные ценности, которые выражаются в отношении субъекта к явлению, жизненному факту, объекту и субъекту, и признание его как важного, имею-

щего жизненную важность. Перечень жизненных ценностей включает: развитие, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение, достижение, сохранение собственной индивидуальности.

Терминальные ценности реализуются по-разному, в различных жизненных сферах. Под жизненной сферой понимается социальная сфера, где осуществляется деятельность человека. Значимость той или иной жизненной сферы для разных людей неодинакова. Перечень жизненных сфер составляет: профессиональная жизнь, образование, семейная жизнь, общественная активность, увлечения, физическая активность.

Исследование жизненных ценностей студентов показало, что 86,6% опрошенных, отвечая на вопросы, выбирали эгоистически-престижные ценности, включающие в себя собственный престиж, достижения, высокое материальное положение и сохранение собственной индивидуальности. Данная группа студенты проявила стремление к возможно более высокому уровню своего материального благосостояния, убежденность в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия. Нравственно-деловые ценности выражены у 13,4% опрошенных. Студенты данной группы руководствуются морально-нравственными принципами. Для них характерно преобладание духовных потребностей над материальными.

Осуществляя выбор, между шестью жизненными сферами, 60,0% студентов отдали предпочтение сфере профессиональной жизни. Они включаются в решение всех возникающих проблем в данной сфере, считая при этом, что профессиональная деятельность является главным содержанием жизни человека, так как гарантирует самостоятельность и независимость, а так же материальное благополучие. Сфера обучения и образования является значимой только для 31,1% студентов. На полученный результат повлиял возраст, социальный статус опрошенных. Студенты проявляют стремление к повышению уровня своей образованности, расширению кругозора. Они считают, что главное в жизни - это учиться и получать новые знания, повышать уровень своего образования. Для 8,9% респондентов актуальной жизненной сферой является сфера увлечений. Такие

студенты ориентированы на повышение собственного престижа, личную материальную выгоду.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно выделить три группы испытуемых. В первую группу вошли 7,7% студентов, на которых реклама, а в частности – рекламный слоган, оказывает очень сильное воздействие. Эта группа испытуемых ориентирована на сферу увлечений как жизненно важную (8,9%). Вторая группа представлена студентами с высоким уровнем воздействия рекламы, она составила 61,2%. Основной сферой жизни для них выступает – профессиональная (60,0). Третья группа характеризует студентов с умеренным уровнем выраженности воздействия рекламного сообщения (31,1%). Их жизненный выбор представлен сферой обучения и образования (31,1). Результаты исследования свидетельствуют о том, что воздействие рекламы на студенческую аудиторию имеет различный уровень, который соотносится с жизненными ценностями молодых людей. Так, студенты с очень высоким уровнем воздействия рекламы, как правило, имеют сформированные жизненные ценности, обусловленные их внешними, формальными увлечениями.

Литература:

1. Зазыкин В.Г. Психология в рекламе. М., 1992.
2. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М., 2000.
3. Лебедев А.Н. Исследование динамики эмоционального отношения российского потребителя к рекламе // Вопросы психологии. №4, 1996. С. 93-99
4. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. СПб., 2006.
5. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. М., 2008.
6. Методика «Личностный семантический дифференциал» / Е.Л. Касьяник, Е.С. Макеева Психологическая диагностика самосознания личности. Мозырь, 2007.
7. Морфологический тест жизненных ценностей / Е.Л. Касьяник, Е.С. Макеева Психологическая диагностика самосознания личности. Мозырь, 2007.
8. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика. М., 1989.
9. Фоломеева Т.В. Фокус-группа / Социальная психология: практикум / Под ред. Т.В. Фоломеевой. М., 2006.
10. Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

Актуальные проблемы психологии персональной ответственности

В последнее время все чаще можно услышать о проблеме персональной ответственности как о гаранте личностной безопасности и обеспечении нормальной жизнедеятельности человека. В век увеличения зависимости человеческой жизни от функционирования сложных технических систем, повышения скорости коммуникаций, от решений, принимаемых управляющим ими персоналом и руководством учреждений различного уровня, персональная ответственность, как руководителя, так и исполнителя становится важной характеристикой, в том числе с точки зрения национальной безопасности.

Понятие «ответственность» широко используется в таких науках, как философия, социология, юриспруденция, психология. Наиболее распространенным является представление об ответственности как категории этики и права, отражающей социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм. В психологии это понятие имеет множественные дефиниции, используемые при анализе различных сторон жизнедеятельности индивида.

Ответственность как свойство личности формируется в процессе социализации в результате интериоризации социальных ценностей, норм и правил и проявляется не только в характере, но и в чувствах, мировоззрении, в разных формах социального поведения.

Ответственность выступает как различные формы контроля над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и правил. Различают внешние формы контроля, реализуемые обществом и внутренние формы в виде саморегуляции (чувство ответственности, долга).

Ряд исследователей рассматривают проблему ответственности применительно к конкретному из изучаемых направлений, т.е. ответственность власти, ответственность в бизнесе, ответственность в науке, ответственность в технике, ответственность в профессиональной деятельности и т.д. (Н.Н. Сатонина, 2005).

Проблема персональной ответственности является одной из важнейших в структуре общепсихологического знания. На ее важность указывают многие ученые, например, такие как: Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, Б.С.

Братусь, К. Муздыбаев, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.Н. Мясищев, А.В. Петровский, В.А. Петровский, А.А. Реан и др.

Такой широкий интерес к изучению ответственности обусловлен универсальностью явления, с помощью которого пытаются объяснить природу различных проявлений человеческого поведения. Видимо поэтому, одни прибегают к поиску ответственности или безответственности, чтобы найти в этом ответ на произошедшее социальное изменение через оценку поступка, проступка или любого другого свершившегося события. Другие, ответственность изучают как многомерное психическое явление с присущими процессами, свойствами и состояниями. Однако, и теоретическое осмысление ответственности, и практическое его виденье как события отражающие факт проявления различных сфер жизнедеятельности человека, показывают нам насколько важно для самого человека иметь собственное личное представление о самом себе как о человеке способным регулировать свою собственную деятельность с осознанным выбором и ответственностью. Насколько важно для самого человека обладать внутренней готовностью принятия или отказа от ответственности тем самым реализовывая свою собственную жизненную концепцию по своему намерению благополучно включаться в систему социальных отношений.

Издавна, в философских учениях мыслители И. Кант, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, Б. Спиноза, Ф. Бэкон, Г. Йонас, Г. Гегель и др. рассматривали данную проблематику как категорию в соотношении со свободой, этикой, моралью, знанием, властью, силой технического прогресса в сохранении безопасности человека и общества. В тоже время все это нашло свое продолжение и сохранило свою значимость в современных философских суждениях мыслителей, которые поднимают перед человеком, обществом сложные вопросы, связанные с ответственностью, предлагают различные трактовки в изложении причин, следствий происходящего и излагают свое собственное виденье в нахождении ответов на них.

Так, например русский философ, публицист Н.А. Бердяев, говоря о кризисе культуры в обществе, выдвинул предположение о создании новой «этики творчества» с принятием ответственности человеком за свою судьбу и судьбу мира [17, с. 69]. Философ Г. Ленк, объясняет трудности в сохранении мира, и предлагает пути выхода через принятие ответственности экологической, моральной, политической [3, с. 32]. Автор социо-культурной концепции В.С. Степин раскрывает многоаспектность проявлений деятельности человека, затрагивает значимость социальной ответственности в

том числе в сочетании с ответственностью ученого. М.М. Бахтин предлагает принятие «Философии поступка», стержневым моментом которой является ответственность определяющая нравственность поведения человека.

Психологическая наука также не обошла стороной проблему ответственности. В зарубежной психологии изучением ответственности занимался основатель теории логотерапии и экзистенциального анализа В. Франкл. Он раскрывал ответственность в соотношении со смыслом жизни человека и его свободой, духовностью, в том числе показывая и безответственность человека, как его нежелание активно, конструктивно принимать и проживать собственную жизнь [30]. Гуманист Р. Мэй, описывал свои предположения, свое виденье, свой «новый взгляд на ответственность», и представлял такое понимание ответственности, как возможность осознания человеком своего внутреннего мира через различные положительные и отрицательные связи с реальным окружающим его миром, приобретая для себя возможность истинной свободы. Свобода, которая подсказывает человеку, что он детерминирован причинами извне, за что ему необходимо принять решение и нести ответственность за происходящее. Он, воедино связывал плавно перетекающие друг в друга эти два процесса ответственность и свобода, осуществляя поиск в подтверждении только такой их возможности существования для человека, чтобы иметь возможность сохранить ему свою индивидуальность, уникальность как личности. Видимо поэтому Р. Мэй раскрывал противоречивость и невозможность контроля сознания и поведения личности обществом [24].

В свое время, выражаемые взгляды Б. Скиннера, не нашли своего подтверждения в жизни человека и общества, и стали утопией в той части понимания ответственности как тотального подвергающего все человечество контролю, с целью понимания поведения человека, для того чтобы знать «...что же человек способен сделать с собой» (Skinner, 1971).

О невозможности такого общественного контроля над сознанием человека извне, как и не всегда имеющим такую возможность самого человека над самим собой заявлял представитель экзистенциализма Дж. Бюдженталь. Он обращал внимание на не всегда осознаваемую в сочетании со свободой человека ответственность, в связи, с чем и ставил вопрос о возможности полного понимания, осознания человеком себя и мира в котором он живет. Эту же идею высказывают многие другие представители гуманистической психологии А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, Ф. Перлз и др. Их концепцией в

понимании человека является его восприятие, понимание мира и себя как личности со своим жизненным опытом, ценностями, направленностью, мотивами, и ответственностью.

Представляют научный интерес и отклонения, мешающие личностному росту, и жизни человека. Так, Ф. Перлз описывая невротические механизмы, одним из которых он называл проекцию, объяснял, что «это и есть стремление сделать других ответственными за то, что исходит из «Я». Отказ от собственных импульсов, желаний, поступков, так как человек помещает то, что принадлежит «Я», за пределы последнего» [32].

Другое понимание ответственности описывается в теории психоанализа З. Фрэйда, характеризующая состояние сознания, и в частности в той интересующей нас части представленное в виде внутреннего Сверх-Я, в значении совесть, вызывающая у человека чувство долга, чувства ответственности, либо наоборот ведущая к угрызению совести и проявлению ее аффективных состояний: чувства вины, стыда. Состояния, которые приводят в действие человека, ощущая в себе тревогу, неуверенность, безответственность или наоборот утверждающая его в собственной самости.

Продолжение понимания Сверх-Я или фактора G (сила Сверх – Я) [14, с. 26], представлены в исследовании социальной ответственности по установлению личностных и поведенческих корреляторов в шкале социальной ответственности в опроснике Р. Кэттелла, а также К.Г. Лутгерманом и Л. Берковицем, Г. Гоу и др. представителями создавшими шкалу ответственности в соотношении с изучением свойств ответственной личности [14, с. 26-28]. Л. Берковиц сформулировал «норму социальной ответственности», которая предполагает повышение чувства ответственности у того кто понимает, что от него, от его действий зависит судьба другого человека [14, с. 28].

В свое время, Ж. Пиаже занимаясь вопросом морального становления ребенка, искал ответ, лежащий в плоскости возможности принятия ответственности ребенком, и его внутренней готовности к ответственности. Ф. Хайдер изучал атрибуцию ответственности и выводил уровни ответственности субъекта в сочетании с его причастностью к событию и учетом обстоятельств, как смягчающего фактора при принятии решений и снижении наказаний. Поэтому чаще всего это применяют в практике при определении юридической ответственности и вины в назначении наказания человека [14, с. 96-100]. В связи с чем в понимании свойств личности, актуальным оказалась концепция локуса контроля Дж. Роттора. Взяв ее за основу,

многие ученые, например социологи Э. Дюргейм, М. Вебер, Т. Веблен, а также психологи Дж. Плат, Р. Эйзенман, Дж. Ломбардо, С.К. Фантасиа и др. разработали сходные концепции, ими были проведены множественные исследования в отношении локуса контроля ответственности личности. В частности Плат и Эйзенман изучили возможности переживания человеком перспектив времени и их ответственность за происходящее. Ломбардо, Фантасиа показали корреляционную связь между экстернальностью локуса контроля личности и его самообладанием, и возможностью сохранения самоконтроля [14, с. 43-66].

Отечественными психологами З.Н. Борисовой и К.А. Климовой были проведены исследования ответственности в определении ее понимания как свойства личности [14]. В советской школе педагогами В.А. Сухомлинским, А.С. Макаренко, были заложены основы гражданской ответственности и коммунистической нравственности личности. Методы воспитания они видели в работе, через труд и формирование высоких коммунистических идеалов, ориентиров на процветающее будущее коллектива. В.И. Ленин, идейный представитель коммунизма сформулировал принцип делегирования ответственности [14, с. 117; 213].

Современник К. Муздыбаев говорит о «психологии ответственности», показывает ее значимость как свойства личности и поведения, раскрывает атрибуцию ответственности [14].

Д.А. Леонтьев через экзистенциальный подход показывает феноменологию ответственности, поднимая тем самым проблему гиперконтроля. Он представляет ответственность как трехкомпонентную модель психологического явления с присущим когнитивным, эмоциональным, поведенческим компонентом в структуре, используя схему У. Мак-Дауголла. Эту модель, как он сам пишет: «простенькую схемку, не следует понимать буквально, но она может послужить удобным инструментом для упорядочивания разных аспектов проблемы ответственности» [23]. В этой схеме когнитивный компонент он определяет как субъективную причинность, т.е. то, каким образом сам человек для себя воспринимает происходящее с ним под воздействием различных внутренних или внешних обстоятельств. В этом смысле в его личностной структуре вызывает механизм принятия или непринятия ответственности. Эмоциональный компонент показывает ответственность как возможность человека преодолевать сложные жизненные ситуации для чего необходимо обладать мужеством. Его способность противостоять различным непредвиденным

обстоятельствам, доходить до цели, сохранять вменяемость и ответственность за свои действия. Действенный - это свершенный выбор человека, в чем содержательно раскрывается принятие или избегание ответственности. Именно через ответственность, отмечает Д.А. Леонтьев, вскрывается истинность отношений человека в этом мире, она показывает реальные его возможности [23].

Психолог Л.И. Дементий, говорит об ответственности как о многомерном социальном явлении, сужая свое поле поиска в изучении различных жизненных обстоятельств этим самым обращая свое внимание к научной общественности на возможность проведения широкого диапазона научных исследований ответственности. Результат представлен в диссертационной работе (Л.И. Дементий, 2005). Е.Р. Калитеевская изучает саморегуляцию личности на основе свободы и ответственности [14].

Между тем, широта разброса исследований проблемы психологии ответственности, показывает многозначность мнений ученых, которые выдвигают большой спектр задач, все больше вскрывая и обозначая проблему недостаточной изученности психологии ответственности личности. Подтверждения тому, существующие в психологии различные формулировки понятия «ответственность» представленные в психологических словарях.

Например, в «Кратком психологическом словаре» (1985 г.), понятие «ответственность» определяется как: «Осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью субъекта с учётом выполняемых им принятых норм и правил» [12, с. 224]. В словаре «Психология менеджмента» (2005 г.) ответственность трактуется как обязательство и готовность человека нести наказание, за его неисполнение [20].

В словаре «Кризисная психология» ответственность рассматривается в сочетании с верой в себя, доверии к собственным чувствам, своей правоте (С.Л. Рубинштейн) [23]. В современном «Энциклопедическом словаре» (2006 г.) ответственность понимается как личностное волевое качество, которое помогает человеку осуществить самоконтроль [26]. А также ответственность как сформированная черта характера личности [24].

Таким образом, различия в трактовках понятия показывают и подтверждают сложность анализируемого психического явления. Оно представляется в содержании и как контроль субъекта над деятельностью, выражаемый в осознанном поведении человека, и в проявлении чувства ответственности сливаясь с «Я-концепцией» личности, конечно же,

подчеркивается социальная природа ответственности, которая порождена противоречивостью отношений людей тем самым, вызывая неоднозначность толкования «ответственности».

Наиболее широко в отечественной науке представлена «психология ответственности» как научного понятия и социального явления, показана ее междисциплинарность в исследованиях К. Муздыбаева. Он очерчивает ее: «...концептуальную область, вычленяет структурные элементы и их связи» [14, с. 9].

Итак, структурными элементами ответственности, всегда выступает субъект, так как ответственность и это подчеркивает К. Муздыбаев: «...никогда не бывает безличной» [14, с. 10], а также объект, то за, что субъект принимает, возлагает, несет ответственность или не принимает, и не несет ответственность, в таком случае тогда говорят о безответственности. По причине этого между субъектом и объектом образовывается временная связь, определяемая и выражаемая в понимании, как ответственность за совершенное действие (ретроспективный аспект), или ответственность за действия которое еще необходимо совершить (перспективный аспект). Результат этой связи между субъектом и объектом ответственности раскрывается в деятельности, которая по: «самой своей природе является предметной» [13, с. 159] и подлежит, подвергается оценке субъектом, субъектами по поводу возникших отношений. Уточним, что субъектом ответственности может выступать как отдельная личность, так и любой другой представитель общности: народ, коллектив, класс.

Концептуальную базу понятия определяет та социальная связь, которая возникает между людьми опосредуемая их отношениями [13, с. 159]. В связи с чем, ответственность выражается в двух формах.

Ответственность внешняя – это, есть форма контроля извне за деятельностью субъекта кем-то со стороны, например, обществом. Тогда у личности в ее самосознании она отражается как ответственность, которую он несет перед кем-то и за - что. Поэтому, по форме контроля она проявляется ввиду предмета устанавливающихся субъект - субъективных зависимостей в различных видах как, например, административная, юридическая, правовая, социальная и т.д. Следовательно, личность подотчетна требованиям общества и контролируется им (инстанцией). По причине исполнения ею ответственности в соответствии с нормами, правилами, традициями и законами, требующими от личности определенного поведения по выполнению социальной функции. И, наоборот, в ответственном исполнении социальной роли отождествляется

социальная типичность, согласие личности в исполнении требований, где ее ответственность показывает ту меру, характеризующую определенную типичность общественных отношений. Регулятором этих отношения извне является, инстанция [14, с. 24-25].

Инстанция, осуществляет контроль, и может быть: формальная, она обладает правовой силой или может быть неформальная, выстроенная на общественных добровольных отношениях. Инстанция выступает посредником между обществом, государством и личностью, осуществляет охрану и обеспечивает нормальное течение общественной жизни. Итогом их взаимодействий инстанции и субъекта ответственности станет ее реакция на ответственность или безответственность субъекта за результат деятельности. Именно инстанция уполномочена со стороны государства, предъявить различные санкции моральные или материальные, или наоборот, поощрить, опять же морально или материально [14, с. 15-18]. Степень реакции на требования инстанции к субъекту ответственности, будет зависеть от соблюдения тех социальных рамок которые выстроены обществом, государством как положительно разрешаемые стандарты нормы сложенные в общественном сознании, наследуемые социокультурной программой из поколение в поколение с присущими только этой общности ценностями и идеалами, правилами, законами и запретами, обязанностями. Отметим, что обязанность, есть безусловное подчинение [14, с. 25]. Она, обязанность закреплена предлагаемой социальной ролью, через которую демонстрируется значимость данных социальных обязанностей в возникающих отношениях между обществом, государством и личностью принимающая ответственность за исполнение социальной роли [14, с. 11].

Если возникает противоречие между субъектами ответственности, то только инстанция извне будет предъявлять претензии. При такой возникающей рассогласованности субъект ответственности вынужден исполнять предъявляемое и необходимое к исполнению требование как его обязательство, но при этом он, субъект будет находиться в противоречии с самим собой [14, с. 19]. В таком случае субъективная (внешняя) и объективная (внутренняя) ответственность по поводу их предмета вступают в противоборство между собой.

Механизм принятия своей личной ответственности за происходящее с учетом социальных намерений детерминировано в самосознании личности когнитивными, эмоциональными, поведенческими процессами, а также ее способностями, возникающими ситуациями и другими

факторами воздействия, что создает, составляет в ней, в личности свою собственную объективную ответственность [14, с. 12].

Мы подошли к рассмотрению вопроса о важности, возможности осознания и принятия личностью ответственности, что предполагает необходимость быть ответственным за себя, перед собой.

Еще Л.С. Выготский, указывал на то, что сознание формируется в процессе интериоризованной внешней деятельности переносимой во внутренний план личностью. Он, исследуя сознание: «...его «клеточек» - словесных значений, их формирования и строения», указывал на то, что «... не сознание лежит за жизнью, а за сознанием лежит жизнь» [13, с. 98]. Осознание происходящего это не есть односторонний процесс, только лишь потому, что извне предьявляется информация. Это двухсторонний договорной процесс между внешней средой и личностью, и самой личностью внутри себя. Через активное самосознание личность выстраивает свою собственную благоприятную жизненную концепцию, идет поиск своего предназначения, отыскивается свое место в реальном мире в складывающихся социальных отношениях, выражающихся в принятии ею социального статуса, эффективного и положительного исполнения социальной роли в соответствии с принятой ответственностью направленной на исполнение, созидание собственных и общественных благ.

Поэтому, согласно мнению К. Муздыбаева, ответственность внутренняя – это есть: «...средство внутреннего контроля (самоконтроля) и внутренней регуляции (саморегуляции)» [14, с. 19], своей собственной деятельности личности перед самим собой, и за себя, за принятое по собственному, добровольному усмотрению и осознаваемое ею исполнение долга. Тогда через ответственность выражается отношение субъекта к принятому им обязательству [14, с. 19]. По форме контроля субъекта над деятельностью, оно представляется нам требованием, обязательством самой личности к себе, и поэтому определяемый вид ответственности можно обозначить как личная ответственность.

В таком случае, сама личность выступает для себя той инстанцией, которая осуществляет контроль над деятельностью и регулирует свое отношение и устанавливает связь с самим собой как субъектом ответственности и с окружающим его реальным миром по исполнению долга.

Однако, что есть долг, который исполняется или не исполняется личностью при принятии ответственности или отказе от нее. Почему, когда мы говорим о долге, речь идет

фактически о внутренней ответственности?

Обратимся к толкованию понятия в психологическом словаре, где дается следующее определение сущности понятия: «Долг - требования, обязанности, переживаемые человеком и выполняемые им из побуждения совести» [7, с. 19]. Значит, мы можем предположить следующее, что долг связан с внутренним миром человека, его психикой как переживаемое и осознаваемое, выражаемое в действиях.

В науке, экзистенциалисты связывают долг, и его исполнение с личным замыслом по «добровольности или не добровольности» исполнения [7, с. 19], с его свободой в принятии решения, действия в деятельности. При этом они рассматривают вопрос разрешения внутреннего противоречия по поводу принятия ответственности в соотношении с принятым решением по исполнению своего долга не как хороший или неправильный выбор (поступок), а как состоявшейся выбор, решение, принятое по собственному умыслу личности [23]. Само же исполнение принятых или получивших отказ обязательств выражает отношение пережитое личностью в себе, а также отношение, к другим людям анализируемое им как моя личная ответственность или моя личная безответственность по отношению к чему или кому-либо [7, с. 19].

Позиция долга как переживания связанного с эмоциональным структурным личностным компонентом по поводу исполнения своих обязательств увязывается с совестью, в соотношении с которой выражается ответственность.

Совесть же, предполагает внутреннюю оценку через призму духовности человека. И это есть высшая сторона проявления внутреннего мира человека. Чаще всего она представляется в таких характеристиках: открытость, доброта, помощь, поддержка, искренность, сердечность и многих других. Она помогают человеку осознать и оценить происходящее с позиции хорошего и плохого в отношении самого себя и других людей свое собственное поведение, оценить свои чувства, намерения, мнения, выражаемые в действиях, поступках и принятии личностью за это многообразие внутреннего мира ответственности. Неслучайно в народе говорят: «Совесть – главный контролер» или «Совесть замучила», эта та внутренняя инстанция, через которую личность может сама себя наказать или поощрить. «Совесть – это паттерн нескольких собственных состояний, в частности самоуважения, образа Я и проприативного стремления» [Цит. по: 15, с. 124].

В свое время У. Джеймс показал, что самоуважение есть соотношение притязания к успеху. Чем выше притязания, тем труднее достичь успеха, итог достижений выражается в удачах

или его не достижение и как итог неудача. Такие результаты вызывают либо самоуважение или наоборот собственное неудовлетворение личностью собой [11, с. 56]. Опять же, чтобы чего-либо достичь необходимо личности обладать многими свойствами, в том числе и ответственностью, уметь идти к поставленной цели, преодолевая сложности сохраняя самообладание. Чтобы достичь успеха, в том числе такого, чтобы сохранить самоуважение к себе, быть в согласии со своей совестью связанной с эмоциональными реакциями, ощущениями как положительными, так и отрицательными оценками самого себя, то есть личностью, и в результате чего создается внутренняя психологическая устойчивость или наоборот происходит разрушение человека.

В психологии развитие совести, в широком понимании этой проблемы, рассматривают в двух плоскостях: период детства, выражаемый в исполнении долга, и период зрелого возраста – где совесть есть их обязательство [15, с. 124]. Тогда возникает следующее: «Совесть предполагает осознание личностью своего долга, исполнение своих обязательств, через личную ответственность перед собой и другими людьми» [7, с. 258]. Но, принятие ответственности, ее понимание у детей и людей зрелого возраста различно.

Поэтому, обратим внимание на следующий существенный момент. Для принятия и исполнения личной ответственности человеку необходимо обладать контролем, самоконтролем в деятельности, чтобы уметь управлять собственным поведением [4, с. 266]. Степень проявления самоконтроля у каждого человека своя, она отличается индивидуальными особенностями, самопознанием и самооценкой. По мнению А.Г. Спиркина, именно самооценка является важным условием для осуществления самоуправления, так как через нее человек выстраивает критическое отношение к себе, сообразуя его со своими возможностями и способностями с важностью принятия ответственности за кого или что либо. Это то, что помогает человеку принять или отказаться от своих обязательств в соотношении пользы и вреда, помощи или убедить себя, свою совесть, например, в отказе оказания помощи предвидя последствия для себя или другого [4, с. 265]. Человек оценивая свое «...духовное и физическое состояние, свои отношения с внешним миром и другими людьми» [4, с. 264-265] обращается к своему внутреннему «Я» сверяя свои мысли с теми обстоятельствами, которые ему диктует жизнь, делая свой самостоятельный выбор. Что очень важно в осуществлении самоконтроля собственного поведения и свершаемых действий, выражаемых в поступках. И, это является двигателем

проявления ответственности при стратегическом определении личностью своей линии поведения и принятии ответственности за свое поведение [14, с. 21].

Далее при формировании Я-образа соотношение ответственности и самоконтроля как возможности самоуправления собственным поведением в сравнении с учетом мнения других людей, отмечает Т. Шибутани, это есть то как «...взглянуть на себя «со стороны», сформировать, с точки зрения других, Я-образ и приспособиться к их предвосхищаемым действиям» [Цит. по: 4, с. 266]. Как другие люди воспринимают и принимают личность, как они оценивают ее как ответственную или безответственную. Для того чтобы личность смогла соотносить предъявленные требования с возможностью своего исполнения, и как следствие соответствовать их ожиданиям. Для того чтобы, согласно теории «зеркального Я» социолога Ч. Кули, сформировать у себя собственную самооценку способствующую, вызывающую у себя «...чувство гордости, а не унижения» [Цит. по: 11, с. 35]. Что происходит не само по себе, а благодаря тому, «...как сам индивид воспринимает и оценивает свои действия» [Цит. по: 11, с. 40]. Мы выходим на понимание того, что самоконтроль, самооценка социальны, их итог выражается ответственным отношением личности к себе. Они указывают личности на необходимость самосовершенствования, являясь компонентами самосознания человека в осмыслении его Я-концепции [Цит. по: 4, с. 264-266].

Однако согласно теории развития Р. Лернера, человек способен создавать самого себя через деятельность, и саморазвиваться в этой деятельности только после десяти лет, это тот период, когда ребенок способен самостоятельно организовать и наполнять содержанием свою деятельность. Но, для того чтобы деятельность была наполнена не только действиями, а имела смысловое значение, с планированием и мотивацией направленной на собственное развитие человека, такое характерно лишь для взрослого человека [9, с. 266].

Единство процессов самосознания (осознание себя) и сознания (осознание) отображаемой действительности, составляют целостный познавательный акт, на основе которого происходит сличение, уподобление внешнего предъявляемого с самим собой и выстраивание с объективной реальностью. Или, определение себя с «иным», либо наоборот, отказ от уподобления с «иным» субъективным. Это помогает человеку, адекватно реагировать на отражаемый им мир, понимать смысл происходящего и осуществлять саморегуляцию [5, с. 218-219], это еще один компонент в составе ответственности [14, с. 19].

Тем самым мы показываем устанавливающую взаимосвязь самоконтроля, саморазвития, саморегуляции в самосознании человека в раскрытии, и принятии им ответственности выражаемой в его активности.

В таком случае внутренняя ответственность выступает мерилем нормы собственной жизни человека принятой им по своему намерению, это может быть выражено, например, быть ответственным за исполнение своих родительских обязанностей в семье, перспектив своей судьбы, быть ответственным за профессиональную деятельность. Через смысловую программу сознательной деятельности личность, раскрывает внутреннюю ответственность, выражаемую в ее направленности.

С.Л. Рубинштейн определяет направленность: «Как характеристику основных интересов, потребностей, склонностей, устремлений, человека» [Цит. по: 15, с. 111]. Существует множество концепций изучения направленности Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева, и др. ученых. Но, ответственность есть составляющее в личности, благодаря чему личность сама определяет меру включенности, меру реализации обозначенных ею задач, меру проявления себя, в реализации цели по средствам чего раскрывается ее направленность [19, с. 117].

Далее, направленность выражается и в устойчивости мотива, только сама личность, руководствуясь специфичными присущими ей, индивидуально иерархично выстроенными потребностями сможет осуществить свой выбор, поставить цель с учетом собственных возможностей и ситуации. Тогда мотив, как та основная потребность среди многих существующих потребностей (Д.Л. Леонтьев) выступит тем побудителем, который направит личность на деятельность [22, с. 192]. В зависимости от типа выбранной мотивации произойдет смысловое образование, возникнет стойкая иерархичность в соподчинении мотивов и как следствие «динамика деятельности», в основе чего лежит целеобразование с постоянным ее уточнением по средством возникающих связей и отношений с предметом, и этот результат выражается в образовании динамической смысловой системы (ДСС) [22, с. 192]. По, мимо этого ДСС выполнит функцию «защиты деятельности» (В.А. Петровский,) и обеспечит прекращение деятельности. Доминирующим при этом в реализации конкретной деятельности станет та «...смысловая структура и процессы», которые и зададут направленность личности в деятельности с принятой ею ответственностью [22, с. 150-151].

В подтверждении к вышеизложенному обратимся к исследованию К. Муздыбаева. Им был, проведен факторный

анализ мотивов ответственного отношения работающего человека к своим обязанностям. Результат показал, что мотивы могут объединяться в разные сочетания, выступая то доминантой в исполнении обязанностей, то, становясь в ситуацию подчинения. Так, например, мотив субъекта: «Не показаться плохим - быть и казаться лучше», в предложенном варианте он доминирующий. И этот же мотив, представленный в группе как: «не показаться плохим» чтобы приносить пользу людям, себе, становится дополнительным мотивом, а основным мотивом вычленяется самореализация личностью своих способностей, или в таком же дополнительном варианте включенным в эту же группу мотивов только лишь как «не показаться плохим» [14, с. 200-202].

И если мотивация, направленность раскрывает нам динамичность жизненного процесса личности, его желание, потребность брать на себя ответственность, то та цель, благодаря которой и происходит движение личности, соотносится с локусом контроля.

К. Муздыбаев указывает на то, что существует положительная связь между целью, а это есть в данной трактовке наличие, обладание смыслом жизни и локусом контроля. Результат их связи выражается обобщенными ожиданиями человека, которые контролируются его подкрепления в жизни [33], а также, если мы высказываемся в отношении локуса контроля, то это есть: «...устойчивое свойство личности сформированное в процессе ее социализации» [14, с. 44], в том числе с возможностью принятия ответственности. Уточним, что есть локус контроля для того чтобы понять ее значимость в соотношении с ответственностью.

Локус контроля (лат. locus – место, местоположение), есть источник управления своей жизнью, находящийся в различных обстоятельствах: или вовне или в самом себе, т.е. в человеке. Поэтому определяют интернальный (внутренний) локус контроля – когда человек принимает ответственность за все происходящее в его жизни благодаря своим усилиям, способностям, знаниям и т.п. Он верит в то, что он сам управляет своей судьбой, а неудачи или удачи связывает со способностями, возможностями. И экстернальный (внешний) локус контроля – это, когда за все происходящее в ответе человек переносит на внешние обстоятельства, например, судьбу, несчастливый случай [33].

На основе изученных данных в различных сферах жизнедеятельности человека сделан вывод о том, что люди, которые готовы брать на себя ответственность за происходящее в их жизни, и в окружающем мире они более адаптированы, чем

те, кто приписывает ответственность внешним условиям, например, случаю и т.д. Значимость этого исследования в практике для человека, по мнению К. Муздыбаева, предоставляет возможность, на основе понимания законов управления своей жизнью, регулировать своё поведение в интересах самого человека, при этом понимая механизмы поведения, что помогает осознанию и принятию ответственности [14, с. 88]. Иметь возможность преодолевать такую зависимость или барьер, например, как внешнее обстоятельство и достигать поставленной жизненной цели, определяют настоящее, будущее действия человека, понимание происходящего и прошлого.

При этом управлять своим поведением человеку, невозможно без воли. Ведь принимая ответственность за достижение и успешную реализацию поставленные цели, необходимо обладать силой воли, уметь совладать с теми эмоциональными переживаниями которые выражаются в чувствах, например, успешности или страхе, при этом предпринять усилия по преодолению сложностей, преград которые бывают не только вовне, но и в самом себе, в самой личности. Здесь значимым становится чувство ответственности, чувства долга проявляющееся в самоконтроле и регуляции себя на исполнение принятой ответственности. Обладать мужеством, то есть, способностью личности действовать с учётом поставленной цели преодолевая страх, собственную неуверенность, мобилизовать себя [12, с. 191] или уйти от всего, проявить безответственность, например, выразить равнодушие.

В обыденной жизни человек встречается с различными событиями, из которых для него одни не существенны в развитии событийности жизненной линии, а другие являются критическими. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, эти события становятся «поворотными» [19]. Критические жизненные события вызывают различные состояния у человека, в которых проявляется объективная реальная внутренняя ответственность личности. Такие события вызывают различные состояния у человека, например, подавленности, неуважения себя, кризиса, стресса, депрессии и т.д. [9, с. 229], они связаны с потерей человеком контроля. Другие вызывают: мужество, героизм, через проявленное чувство ответственности, обладая высоко развитым уровнем самоконтроля, саморегуляции, самосознания. В результате и благодаря: «...выработанному образу мыслей и стилю поведения» [4, с. 267].

Объяснить такое проявления чувства ответственности в сложных напряженных, экстремальных ситуациях невозможно выдвигая предположения, что есть важнее: биологическое,

бессознательное, социальное. Утверждается одно, что в отношении между субъектами ответственности первостепенным двигателем в действиях становятся социальные ценности, сознательность личности [6, с. 11]. Причем для проявления устойчивой ответственности в личностной структуре в выборе смысла необходимо сочетание двух компонентов поведенческого и когнитивного. В соответствии с чем, были выделены те характеристики, которые присущие оптимально ответственному человеку в выборе своего жизненного пути. Такие как: постановка цели, осознание плана ее реализации, способность контролировать происходящие события, удовлетворённость прошлым опытом и выстраивание перспектив, целостное восприятие своего жизненного пути [19].

Следует сказать и о других явлениях – отклонениях, связанных с ответственностью. А.Л. Лихтарников, выводит проблему сверхответственности и определяет ее как болезненное состояние человека. Такое состояние проявляется в чувстве тревоги, боязни, вины, в поведении в виде тотального контроля взрослым человеком над всеми [15, с. 124-125]. Для таких людей характерно постоянное беспокойство, что может вызывать различные соматические заболевания. Так, экспериментально доказано, взаимосвязь между артериальным давлением и социально-психологической компетентностью, для которой характерно, восприятие и самовосприятие человеком ситуации в достаточно принижённых категориях. Так гипертоники ориентированы на более упрощённую модель восприятия социальных норм и роли при этом они предъявляют высокие требования к себе и ведут чрезмерный контроль поведения, а люди, имеющие разные показатели давления, прибегают к психологической защите через непринятие или перенос ответственности на других или события [6, с. 57].

Психологическую защиту у человека могут вызывать ситуации не только отрицательного, а и положительного характера, это подтверждено исследованиями В.С. Мерлина, Б.А. Вяткина, Н.С. Уткиной, А.А. Коротаяева и др. По причине того, что для человека значима не сила воздействия препятствия и возможность его преодоления, а его эмоциональное сраживание с возникшей проблемой, например, возрастание ответственности связанной с повышением социального статуса или новизной предложенного задания, что может вызвать напряжение, стресс [6, с. 58-59]. Основопологающим, определяющим фактором такого воздействия, как отмечает Ю.А. Александровский, является психологическая оценка сигнала. Очень часто у человека она связана с нарушением психологической адаптации проявляющаяся в неполноценности

процессов восприятия информации, нарушением личностного отношения, ведущим к изменению процессов регулирования и управления. Л.И. Дементий, отмечает, что личности с адекватной ответственностью присуще принятие ответственности тогда когда она понимает, что способна что-либо сделать. Личности, считающая себя ответственной за все происходящее и принимающая решение в любой ситуации при этом постоянно делегируемой ответственность на других, определяют как личность с неадекватным поведением, характеризующимся как безответственность [19, с. 117].

Возможность совладения с различными сложными ситуациями и принятие или отказ от ответственности изучается и представлено в атрибуции ответственности. Она подтверждает «...приблизительность восприятия человеком причинно-следственных связей в мире» [14, с.155]. Что выражается в неадекватности ответственности детерминированное самозащитным механизмом, самообвинением, допущением ошибок в принятии решений и другим.

А.Л. Лихтарников видит истоки порождения проблематики безответственности в детстве, обращая внимание на воспитание ответственности у детей [15, с. 124-125].

Исходя из этого, кратко рассмотрим некоторые положения существующие в науке.

Согласно теории Пиаже, морального развития, дети усваивают мораль через систему правил, в понимании того, что можно делать, а что нельзя. Через оценку проступка в соотношении значимости нанесенного ущерба, происходит зарождение идеи формирования объективной ответственности, приемлемое детям 7-8 лет. В дальнейшем возрастном периоде, идет формирование субъективной ответственности, но в основе оценивания проступка лежит мотив, то есть учет намерений ребенка [14, с. 90-94]. Согласно Пиаже, моральная зрелость ребенка наступает к периоду 12 лет [28].

О моральном развитии говорил и Л. Кольберг. Он высказывал мнение о возможности достижения моральной зрелости только у взрослого человека, да и то не всеми взрослыми.

Развитие представлений об ответственности содержится в теории морального развития Э. Хиггинса. Он рассматривает ее через когнитивный, эмоциональный компоненты выделяя в эмоциональном понимании о ответственности в соотношении со справедливостью и заботой.

Теория периодизации Н. Айзенберга, представленная пятью стадиями, в которых описываются исходные направления нравственного развития человека, находя в них место

ответственности. Согласно его теории, обратим внимание на временной отрезок прохождения становления человека относительно ответственности: вначале идет гедоническая ориентация личности, где в центре интересы самой личности, затем на следующей стадии проявляется забота о других, но под влиянием авторитетной личности. Эти проявления в нравственном развитии личности охватывают дошкольный и младший школьный период. Следующая третья стадия – получение положительной самооценки на основе одобрения извне, другими, что характерно для младшего школьного, подросткового, и юношеского периода. Четвертой соответствует развитие эмпатии близкой в понимании самопожертвования. Она чаще проявляется у подростков, юношей, но присуще и младшим школьникам. На пятом, происходит разрешение дилемм справедливости и формирование представлений об ответственности на основе присущих самой личности определяемых ценностей. Данная стадия представлена старшим поколением, но в нее могут включаться подростки, юноши. Последняя шестая – интериоризация ценностей, защита прав других людей, осознанное принятие самой личностью ответственности [28].

Мы видим, что формирование ответственности в соотношении с нравственным развитием человека имеет достаточно длительный путь и ответственность осознанная более характерна для зрелого возраста. Именно период зрелости представляет ответственный путь в жизни человека, период, когда раскрывается потенциал человека, проявляется его наивысшая степень активности «акме». Где опять же человек проходит стадии взросления через решение задач, так их определяет Р. Хейвигхерстом. Он отмечает, что на ранней стадии взросления происходит принятие гражданской ответственности, для средней стадии зрелости характерно принятие социальной ответственности [26].

Отечественные психологи, говоря о нравственной зрелости личности, выделяют такой показатель, как нравственный выбор и принятия личностью ответственности за себя, свое решение [28]. Также ими высказывается мнения о потери нравственного развития личностью при деформации самосознания, потери смысла жизни, не принятия ею своей линии жизни и отказе от ответственности, отказе от себя [28].

Таким образом, психология ответственности включает в себя внешнюю и внутреннюю ответственность, и отражает социальную природу личности в самом себе и в отношении с окружающим миром. Как психическое явление ответственность есть свойство личности [14, с. 23]. Поэтому, говоря об

ответственности или безответственности человека, используются различные качественные характеристики, по средствам которых передается и раскрывается внешняя и внутренняя составляющая сути «самости» человека с его окружающим миром. Ответственность тот показатель, который характеризует социальное сращивание личности по поводу личностного смысла с обществом. Сама личность в нахождении понимания своего «Я» определяет, решает в какую деятельность и в какие отношения она включается, вступая в зависимость с окружающим миром. Какие обязательства она принимает или от чего отказывается, за что она несет ответственность, выстраивая саму себя, т.е. личность, свое будущее, свой жизненный путь.

Литература:

1. Батаршев, А.В. Психология управления персоналом: Пособие для специалистов, работающих с персоналом/ А.В. Батаршева, А.О. Лукьянова; под. ред. А.В. Батаршева. 2-е изд. испр.- М.: Психотерапия, 2007.- 624 с.
2. Гамезо, М.В. Домашенко И.А. Атлас по психологии: Информ.- метод. материалы к курсу «Общ. психология»: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов/ М.В. Гамезо, И.А. Домашенко.- М.: Просвещение, 1986.-272 с.
3. Гайнутдинов, Р.И. Социальная ответственность российского бизнеса/Р.И. Гайнутдинов//Правоведение. -2006. - № 4. - С. 231 – 237.
4. Гримак, Л.П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности/ Л.П. Гримак. - М.: Политиздат, 1987.- 286 с.
5. Дубровский, Д.И. Психические явления и мозг/ Д.И. Дубровский.- М., Издательство «Наука», 1971.
6. Дьяченко, М.И. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психол. аспект / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Пономаренко.- Мн.: Из-во «Университетское», 1985.-206 с.
7. Дьяченко, М.И. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия/ М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Мн.: Нар. асвета, 1996.- 399 с.
8. Дьяченко, М.И. Психологический словарь-справочник/ М.И.Дьяченко, Л.А. Кандыбович.- Мн.: Харвест, 2004.-576 с.- (Библиотека практической психологии).
9. Карандашев, Ю.Н. Психология развития: Часть первая: Введение: Учебное пособие/ Ю.Н. Карандашев. - Минск, 1997.-240 с.
10. Калистратов, П.Ю.. Традиции научного осознания ответственности/ П.Ю.Калистратов, Т.Д. Калистратова// Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика.-2006. вып.1/2
11. Кон, И.С. Открытие «Я» / И.С. Кон.- М., Политиздат, 1978г.-367 с.
12. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко[и др.]; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского.- М.: Политиздат, 1985.-431с.
13. Леонтьев, А.Н. Деятельность, Сознание, Личность/ А.Н. Леонтьев. – М., Политиздат, 1975.-304 с.
14. Муздыбаев, К. Психология ответственности / Под ред. В.Е. Семёнова. Изд.2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 -248 с.
15. Слотина, Т.В. Психология личности. Учебное пособие / Т.В. Слотина.- Спб.,2006г.

16. Стреленко, А.А. Социально-перцептивные образы виктимной личности: монография / А.А. Стреленко.- Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009.-138 с.
17. Яскевич, Л.С. Социальная философия: антиномии человеческого бытия: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений / Л.С. Яскевич.-Мн.: РИВШ, 2005 - 420 с.
18. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога/ С.Ю.Головин.- Режим доступа: <http://vocabulary.ru>.- Дата доступа: 01.07.11.
19. Дементий, Л.И. Ответственность как способ жизни.- [Электронный ресурс]/Л.И. Дементий.- Режим доступа: <http://www.ru/>.-Дата доступа: 01.04.11.
20. Ильин, И. О чувстве ответственности[Электронный ресурс]/И.Ильин.- Режим доступа: <http://www.this-bussiness.ru/>.-Дата доступа: 21.04.11.
21. Карпов, А. Психология менеджмента, 2005 г. Словарь основных терминов [Электронный ресурс] / А.Карпов. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru>.- Дата доступа: 01.07.11.
22. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности[Электронный ресурс]/Д.А. Леонтьев.-2-е, испр. изд.- М.: Смысл, 2004.- Режим доступа: <http://www.myword.ru/>.-Дата доступа: 09.02.10.
23. Леонтьев, Д.А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. Т. 2. [Электронный ресурс]/Д. Леонтьев.- Биштонас; Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. – Режим доступа: <http://www.psych.ru/>.-Дата доступа: 04.02.10
24. Мэй, Р. Новый взгляд на свободу и ответственность/ перевод А.Лызлова под ред. Д. Леонтьева// In: May R. Psychology and the Human Dilemma. Princeton: Van Nostrand, 1967. P. 168-181 Экзистенциальная традиция. Мульти-град. -№2, 2005, с.52-65 Режим доступа: <http://go.microsoft.com/>- Дата доступа: 01.07.11.
25. Пергаменик, Л. Кризисная психология. Глоссарий к книге [Электронный ресурс]/ Л. Пергаменик.- 2002 г. - Режим доступа: <http://vocabulary.ru>.- Дата доступа: 01.07.11.
26. Первоисточники: развитие личности в зрелом, пожилом и старческом возрасте [Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://personpsy2005.narod.ru/>.-Дата доступа: 21.07.11.
27. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах [Электронный ресурс]/ Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 176 с.- Режим доступа: <http://vocabulary.ru>.- Дата доступа: 01.07.11.
28. Сатонина, Н.Н. Психология ответственного профессионального поведения личности: На примере работников государственных и негосударственных организаций: дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05/Н.Н. Сатонина.- Самара, 2005
29. Слепухина, Г.В. Проблема нравственного развития личности в отечественной и зарубежной психологии [Электронный ресурс]/ Г.В. Слепухина.- Режим доступа: <http://www.psych.ru/>.-Дата доступа: 05.11.10.
30. Словарь по профориентации и психологической поддержке [Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://vocabulary.ru>.- Дата доступа: 01.07.11.
31. Словарь терминов по психологическому консультированию/ [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://vocabulary.ru>.- Дата доступа: 01.07.11.

32. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем./Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368с: ил. — (Б-ка зарубежной психологии) .- Режим доступа: http://marsexh.narod.ru/psychology/frankl_chelovek_v_poiskah_smisla.html. - Дата доступа: 09.02.2010
33. Фрейдмер, Р. Большая книга психологии. Личность, Теории. Упражнения. Эксперименты / Р. Фрейдмер, Д. Фрейдмен. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. - 704 с.
34. Хьелл, Л., Зиглер, Д. Теории личности [Электронный ресурс] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. - Режим доступа: <G:\PSYLIB®\mht.webmaster@psylib.kiev.ua>. - Дата доступа: 06.07.11.

Борисова Т.В.

Феномен лжи. Образ лживого человека в сознание взрослых

Уже античные философы, начиная с Аристотеля и Платона, пытались разобраться не только в сущности лжи и обмана, но и в морально - психологических аспектах этих явлений, а также выработать рекомендации препятствующие распространению лжи. В это время определились два основных подхода к ее допустимости: ложь во благо общества допустима и даже необходима (Платон, Гегель, Макиавелли) и ложь рассматривалась с точки зрения наносимого ей вреда, а потому не принималась как форма поведения человека (А. Аврелий, И. Кант). В средние века и новейшее время Монтень, Макиавелли, Монтескье, Шопенгауэр, российские философы Соловьев, Бердяев, и ряд других исследователей уделяли анализу феномена лжи достаточно много внимания [2].

С развитием цивилизации ложь прошла свои стадии развития - ото лжи с целью выживания в первобытном обществе до фальсификации в истории, сокрытия или искажения информации в СМИ и т. д.

Изучению проблемы лжи посвящены работы и отечественных, и зарубежных психологов. Так, К. Мелитан [1] в книге «Психология лжи», рассматривает ложь как признак безнравственности: дети и взрослые начинают лгать тогда, когда в их поступках появляется «что-то нехорошее», что необходимо скрывать от других.

В. Штерн определяет ложь как сознательное неверное показание, служащее для того, чтобы посредством обмана других достичь определенных целей. По его мнению, лжи присущи три признака: сознание ложности, намерение обмануть и целесооб-

разность (направленность на получение какой-либо выгоды или отклонение невыгоды).

Ж. Дюпра[2] полагал, что ложь - это психосоциологический, словесный или нет, акт внушения, при помощи которого стараются, более или менее, умышленно посеять в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине. Так же он считал, что ложь может осуществляться с помощью невербальных средств общения: жеста, позы, мимики, косметики и т.д.

П. Экман выделяет две основные формы лжи: умолчание (тайна) и искажение (ложь). Он также детально анализирует и другие разновидности лжи: сообщение неправды в виде обмана, полуправда, недосказанность.[12]

На рубеже XX века изучение проблемы лжи было актуально и в отечественной психологии. Так, в работах Ф.А. Селиванова[9] понятия «ложь» и «заблуждение» дифференцируются. В монографии П.С. Заботина[3] рассматриваются причины возникновения, сущность и роль заблуждений в научном познании, анализируются пути их преодоления.

А.С. Кузнецовым[8] разработана типология заблуждений, по следующим параметрам: по соотношению субъективного и объективного факторов в их возникновении (ошибки, ложь, дезинформация и собственно заблуждения); по принципам подтверждаемости (обыденные, теоретические); по формам фактического проявления (научные, религиозные, правовые, политические и т. д.); по способу существования (теоретические и практические).

Знаков В.В.[4] предлагает разделять понятия «лжи», «неправды», «обмана» и рассматривать эти понятия как категории психологии понимания. Определение этих феноменов, по мнению автора, необходимо осуществлять одновременно в двух взаимопересекающихся плоскостях анализа — анализ установок, отношений, намерений передающего сообщение субъекта и выявление степени соответствия сообщения действительности. При таком подходе неправду можно охарактеризовать как высказывание, основанное на заблуждении или неполном знании, ложь — как сознательное искажение известной субъектом истины, а обман — как полуправду, провоцирующую понимающего ее человека на ошибочные выводы из достоверных фактов.

Так же В.В. Знаков[5] разработал классификацию разновидностей правды и психологический анализ ее антиподов – неправды, вранья, лжи и обмана на основе трех критериев, предложенных А.Ф.Стрихарцем, Р.В. Бертоном: фактическая истинность утверждения; вера говорящего в истинность высказывания; наличие или отсутствие у говорящего намерения ввести в заблуждение. Классификация включает 9 категорий: правда; случайная правда; неправда; ирония, метафора, аллегория; вранье; обман; самообман; мнимая ложь и откровенная ложь. В действительности описанные категории более динамичны, пластичны, податливы и характеризуются взаимопроникновением друг в друга.

Для получения обобщенного представления об образе лживого человека мы использовали следующие методики:

Для изучения структуры Я-образа и образа лживого человека используется методика «20 высказываний» и методика «20 определений лживого человека» [10]. Обработка ответов осуществлялась компьютерной программой контент – анализа первичных данных. Данная программа основана на том, что в структуре представлений выделяются следующие характеристики: личностно – волевые характеристики (в); характеристики особенностей поведения личности как субъекта деятельности (д); характеристики интеллектуально – творческой сферы личности (и); поведенческие характеристики (п); социальные характеристики (с); телесно – физические характеристики (т); эмоционально – личностные характеристики (э); позитивные характеристики (+); негативные характеристики (-); нейтральные характеристики (=).

Для диагностики представлений и отношений ко лжи была использована методика «Цветовой тест отношений» [11]. Испытуемым был предложен список, состоящий, из 50 высказывай. В списке присутствуют понятия, характеризующие разные виды деятельности, разные потребности и жизненные ценности, разные эмоциональные переживания, разных людей, включая и самого клиента, а также различные периоды времени и события. В данный список также нами были включены такие понятия как «ложь», «предательство», «обман», «зло». Испытуемому предлагается проранжировать 8 цветов теста Люшера. Затем испытуемый раскладывает эти цвета в порядке предпочтения. Для

каждого понятия из списка определяется, какое место занимает соответствующий ему цвет в раскладке по степени привлекательности. Это место (ранг привлекательности цвета) является показателем эмоционального отношения испытуемого к данному понятию. Подсчет результатов осуществляется компьютерной программой и составляется дендрограмма.

Объектом исследования выступили 40 человек в возрасте от 20 до 53 лет, из них 20 женщин и 20 мужчин.

В качестве гипотезы исследования мы сформулировали предположение, что характеристики, составляющие структуру образа лживого человека, являются стереотипными.

В ходе работы с применением методики «20 определений лживого человека» было выявлено, что взрослые в структуре образа лживого человека на первое место ставят социальный компонент (болтун, вран, униженный, скрытный и т.д.). Эти характеристики присутствуют в описании образа лживого человека у 97,5% испытуемых (см табл.1).

Таблица №1. Структура образа лживого человека в сознании взрослых

компоненты	Образ лживого человека (ОЛЧ) (n=123)			
	Ранг	Среднее	максимальное	Не назвали %
Социальные	1	10,4	19	2,5
эмоциональные	3	1,2	10	12,5
Социальный интеллект	2	4,03	10	7,5
Интеллектуальные	3	1,2	4	37,5
Волевые	4	1,53	4	25
Телесные	5	1,45	7	30
поведенческие	7	1,18	4	40
деятельностные	9	0,43	3	70
Метафоры	8	0,45	5	72,5
Конвенциональные	10	0,2	2	82,5
Позитивные	3	0,88	6	52,5
Нейтральные	2	2,5	10	10
Негативные	1	11,58	20	0

Также взрослые наделяют лживого человека характеристиками, согласовывающимися с общественными требованиями, предъявляемыми к личности человека («жадный», «изворотливый», «недружелюбный» и т.д.).

В образе лживого человека выделяются проблемы, являющиеся следствием или причиной лживости, так испытуемые наделяют лжеца интеллектуальными характеристиками, как положительными: «умный», «многообещающий», «предприимчивый», так и отрицательными: «дурак», «неуч», «глупец» и др.

В описании лживого человека есть характеристики субъекта деятельности («врун», «обманщик», «лгун») и характеристики субъекта взаимодействия («эгоистичный», «хитрый», «жадный»). Так же в описании используются и телесные характеристики («бегающий взгляд», «нервный», «потирает руки»), что может быть связано с уверенностью и иллюзией о возможностях распознать лживое поведение (см табл 2).

Таблица №2 Образ лживого человека в сознании взрослых

№	Характеристики ОЛЧ	Частота %
1	врун/обманщик/лгун	62,5
2	наглый	27,5
3	трус	22,5
4	жадный	22,5
5	завистливый	17,5
6	предатель	17,5
7	хитрый	17,5
8	злой	15
9	эгоистичный	15
10	изворотливый	12,5
11	мерзкий	12,5
12	нервный	12,5
13	уверенный в себе	12,5
14	бегающий взгляд	10
15	бессовестный	10
16	вредный	10
17	вспыльчивый	10
18	зануда	10
19	злопамятный	10
20	корыстный	10
21	равнодушный	10
22	слабый	10
23	умный	10

Лживый человек, по мнению испытуемых, обладает более высоким социальным интеллектом ($p < 0,001$), т.е. он лучше понимает поведение других людей, что помогает ему выстраивать межличностное взаимодействие и успешно адаптироваться в разных ситуациях (см табл.3).

По волевым ($p < 0,01$), деятельностным ($p < 0,001$), конвенциональным ($p < 0,001$), телесным ($p < 0,01$) и эмоциональным ($p < 0,001$) характеристикам Я-образ значимо превосходит образ лживого человека.

Таблица 3.Различия образов лживого (ОЛЧ) и Я образа (ОПЧ) человека в сознании взрослых

Компоненты Структуры	Среднее значение		t- кри- те- рий	Процентная величина компонен- тов в стру- ктуре об- раза		φ – кри- терий Фи- шера
	ОЛЧ	ЯО		ОЛЧ и ЯО	ОЛЧ	
Волевые	1,53±0,2	2,65±0,3	2,98	10,17	14,56	
Деятельностные	0,43±0,2	1,55±0,2	4,86	2,83	8,52	4,61
Интеллектуальные	1,2±0,2	1,85±0,2		8	10,16	
социальный интеллект	4,03±0,4	1,85±0,2	-4,86	26,83	10,16	-7,98
Конвенциональные	0,2±0,1	3,23±0,5	6,64	1,33	17,72	11,56
Поведенческие	1,18±0,2	0,85±0,2		7,83	4,67	
Социальные	10,4±0,8	8,9±0,5		69,33	48,9	-7,6
Телесные	1,45±0,3	2,6±0,3	3,12	9,67	14,29	
Эмоциональные	4,1±0,5	5,28±0,5	2,19	37,33	28,98	
Метафоры	0,45±0,2	0,25±0,1		3	1,37	
Позитивные	0,88±0,2	9,6±0,7	12,25	5,83	52,75	20,64
нейтральные	2,5±0,3	6,85±0,6	6,83	16,67	37,64	8,7
Негативные	11,58±1,1	1,65±0,3	-9,09	77,17	9,07	-27,81

Условные обозначения:

0,001 – достоверные различия на уровне значимости = **0,1%**

0,01– достоверные различия на уровне значимости = **1%**

Так же имеются статистически значимые различия по положительным ($p < 0,001$), нейтральным ($p < 0,001$) и отрицательным ($p < 0,001$) компонентам образов, что говорит о позитивной оценке своего образа и негативной оценке образа лживого человека.

По результатам, полученным по методике «Цветовой тест отношений» была построена дендрограмма, которая содержит 3 кластера:

1 кластер – от понятия «ложь» до понятия «неудача». В кластере присутствует наиболее важное для наших целей понятие «ложь». Оно связано с негативными переживаниями с такими как раздражение, печаль, обида, конфликты, страх, предательство, зло. Т.е. в сознании взрослых «ложь» ассоциируется с отрицательными характеристиками.

2 кластер – от «финансов» до «доверия». Отражает понятия связанные с настоящим и прошлым испытуемых. Этот кластер вполне соответствует норме и почти не сопровождается негативными переживаниями.

3 кластер – от «мой отец» до «успех». Этот кластер содержит понятия, относящиеся к работе, будущему, семье испытуемых. В этой группе не встречаются интересующие нас понятия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «ложь» испытуемыми описывается негативно, они связывают его с отрицательными сторонами отношений (предательство, конфликты), а также с возможными негативными для себя последствиями лжи (страх, обида, печаль).

Вывод.

Подводя итог проделанной работе можно сказать, что лживый человек оценивается взрослыми людьми негативно, и описывается в основном отрицательными характеристиками, однако в структуру образа входят характеристики, которые могут расцениваться как нейтральные или положительные. Такими характеристиками являются, например, умный, уверенный в себе.

Обобщений образ лживого человека в сознании взрослых можно представить следующим образом. Это человек, обладающий качествами, помогающими ему добиваться своей цели: уверенностью в себе, хитростью, изворотливостью, эгоистичностью, равнодушием и умом. Лживый человек, по мнению испы-

туемых, обладает более высоким социальным интеллектом, т.е. он лучше понимает поведение других людей, что помогает ему выстраивать межличностное взаимодействие и успешно адаптироваться в разных ситуациях.

Также, лживый человек наделяется негативными качествами, которые, по мнению испытуемых, характеризуют его сущность: жадный, завистливый, мерзкий, слабый.

Таким образом, структура образа лживого человека отличается от Я-образа испытуемых, т.е. они имеют разные механизмы формирования. Некоторые характеристики, которыми взрослые наделяют образ лживого человека, являются для них общими, т.е. стереотипными.

Однако получается, что, не смотря на связь лжи с положительными характеристиками по методике «20-высказываний», все равно для взрослых это неприятное, болезненное явление, воспринимаемое как источник негативных переживаний и фрустрации. Т.е. рационально (20 –высказываний вербальная методика и позволяет рационализировать свое отношение) они «оправдывают» ложь, но эмоционально не принимают ее («Цветовые метафоры»).

Литература:

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник для студ. вузов. 2005, 3-е изд.
2. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия/ РАН. Ин-т философии. - М., 1999. - 235 с. - Библиогр.: с. 225-231.
3. Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979.
4. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания. – Вопросы психологии. – 1993, №2.
5. Знаков В.В. Психология понимания правды - СПб.: Алетейя, 1999.
6. Комарова А.В. Образ лживого человека в сознании школьников и студентов: Автореф. дис... канд. психол. наук . СПб, 2006.
7. Комарова А.В. Образ лживого человека. - Материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск 2009.
8. Кузнецов А.С. Заблуждение: логико – гносеологический аспект: Автореф. дис... канд. философ. наук . Саратов, 2001.
9. Селиванов Ф.А. Истина и заблуждение. М., 1972.
10. Ситников В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). –

СПб: Химиздат, 2001.

11. Соломин И. Л. О «цветовых метафорах», и не только о них. - // Психологическая газета, N3/54, март, 2000.

Виданова Ю.И.

О детерминантах выбора копинг-стратегий в стрессовых ситуациях

Изучение проблемы адаптации личности к различным трудным (стрессовым) ситуациям социальной действительности привело к появлению нового направления исследований в психологической науке – копинг-исследований, которое активно развивается как за рубежом, так и в нашей стране. Необходимость исследования копинг-поведения обусловлена тем, что социальные стрессоры могут действовать длительное время и вызывать серьезные физические и психические изменения в организме и в самой структуре личности.

Процесс преодоления стресса зависит от особенностей влияния на него ряда факторов, которые можно разделить на две большие группы – личные и социальные факторы. К личным факторам относятся демографические и личностные особенности человека, к социальным факторам – условия внешней среды, кризисы жизни, индивидуальная значимость и оценка ситуаций и других.

В наших исследованиях установлено, что возраст влияет на выбор модели преодоления стресса. Люди среднего возраста (30-40 лет) используют ассертивные и манипулятивные стратегии преодоления, молодые люди (20-30 лет) склонны чаще выбирать асоциальные стратегии преодоления стресса. После 40 лет люди чаще используют копинг-стратегию избегания стрессовых ситуаций.

В исследовании Кудрявцевой А.Г. (2010-2011 г.г.) было выявлено, что гендерная принадлежность является одной из детерминант копинг-поведения. Предпочитаемые модели поведения в стрессе у фемининных и маскулинных личностей противоположны. В частности, представители маскулинного типа выбирают в стрессе такие копинг-стратегии, как ассертивные, асоциальные и агрессивные действия; фемининные личности используют в стрессовой ситуации копинг-стратегии поиска поддержки, вступления в социальный контакт, избегание, дистанцирова-

ние. Модели поведения андрогинных личностей сочетают в себе модели фемининных и маскулинных.

Помимо демографических особенностей на выбор копинг-стратегий оказывают воздействие и личностные особенности человека. Например, особенности темперамента. Чем ниже показатель нейротизма и выше экстравертированность личности, тем больше вероятность того, что выбранные копинг-стратегии будут конструктивными (активный и просоциальный копинг). Таким образом, сангвинический тип темперамента способствует выбору конструктивных копинг-стратегий (Попкова Н.С.). Среди личностных особенностей, определяющих выбор моделей преодоления стресса, можно назвать открытость опыту, оптимизм, самоконтроль и самоуважение, нарциссизм.

Ряд исследований показывает, что социальные факторы оказывают значительное воздействие на характер адаптации людей к стрессовым ситуациям. Социальная поддержка может содействовать эффективному преодолению стресса (Бодров В.А.). Использование социальных ресурсов (своего социального капитала) предполагает ориентацию на решение стрессогенных задач.

Профессиональный опыт, являясь одним из социальных факторов, также влияет на формирование моделей преодолевающего поведения в трудных жизненных ситуациях. В нашем исследовании был отмечен тот факт, что с увеличением стажа профессиональной деятельности и ростом профессионального опыта работники достоверно чаще выбирают избегание трудных, стрессогенных ситуаций. Такую тенденцию можно объяснить тем, что избегательные стратегии представляют собой ресурсосберегающие стратегии и их выбор связан с «экономизацией» личных ресурсов.

Характер преодолевающего поведения часто обусловлен самой социальной ситуацией, в которой находится человек в данный момент. Березина И.Н. в своем исследовании установила, что копинг у работающих граждан, находящихся под угрозой увольнения, более активный, чем у безработных. Выбор копинг-стратегий безработными гражданами обусловлен их статусом. Регистрация на бирже труда способствует использованию более активного копинга; безработные, не состоящие на бирже труда, используют пассивный копинг (избегание).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что характер преодолевающего поведения обусловлен сложным комплексом факторов разной природы. С одной стороны, это половозрастные и личностные особенности. С другой стороны, это социальная поддержка, опыт личности. Также значительное влияние на преодолевающее поведение оказывает характер стрессовой ситуации. До сих пор исследователям не ясно, какой из этих факторов является ведущим, и решающим образом определяет выбор копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях.

Воробьева К.И., Лукьянова Е.Л.

Этнические особенности проявления психологических защит

Теоретические положения К. Юнга, Ф.В. Бассина, Д. Узнадзе, А.А. Налчаджяна и др. позволяют предположить, что этническое бессознательное является составляющей частью коллективного бессознательного. Это реально существующий феномен, проявление которого можно наблюдать через стереотипные поведенческие реакции, национальные личностные особенности представителей конкретных наций. Этническое бессознательное идентично у представителей одного этноса и образует основание для психической жизни каждого.

Феномен коллективного бессознательного описывался с глубокой древности, но именно К.Г. Юнг вносит определенную ясность в трактовку названного понятия. Коллективное бессознательное у К. Юнга представляет собой систему установок и типичных реакций, незаметно определяющих жизнь человека, это скрытые следы памяти человеческого прошлого: расовая и национальная история. Именно в коллективном бессознательном сконцентрированы все архетипы. Архетип К. Юнг определял как один из элементов структурно и схематически очерченный, являющийся частью более обширного психического пространства структуры коллективного бессознательного. В описаниях архетипов, сделанных К. Юнгом, преобладают следующие темы:

- личностное развитие и личная самореализация (по К. Юнгу – индивидуализация);
- социальная иерархия;

социальные, возрастные роли и модели психосексуального поведения человека;

взаимоотношения человеческого сознания и бессознательного (Юнг К.Г., 1997).

Вводя понятия «архетип» и «коллективное бессознательное», К. Юнг пытался рассмотреть природу бессознательного не только в биологическом плане, а с точки зрения символического обозначения и схематического оформления структурных представлений человека. Именно в этом проявились теоретические расхождения с фрейдизмом, К. Юнг был противником исключительно сексуальной трактовки психической энергии, считал, что инстинкты имеют не биологическую, а символическую природу (Юнг К.Г., 1994).

Однако ему не удалось избавиться от биологического подхода, так как продукты, которые он определяет, оказываются внутренними продуктами психики, представляя наследственные формы и идеи всего человеческого рода. Разница между теоретическими построениями З.Фрейда и К.Юнга заключается в том, что наследственным, а, следовательно, и биологическим материалом для З.Фрейда были сами инстинкты, предопределяющие мотивы деятельности человека, а для К.Юнга – формы, идеи, типичные события. Механизм биологической предопределенности и наследственности сохраняется как в том, так и в другом случаях, хотя действует на разных уровнях человеческой психики.

С помощью теории «комплексов» К.Юнг также попытался глубже проникнуть в механизм бессознательного, выявить сложные взаимоотношения между сознательными и бессознательными процессами психики, роль бессознательных влечений в формировании поведения человека. Но эта концепция «комплексов» мало чем отличалась от теории вытеснения бессознательного, разработанная З.Фрейдом.

Тем не менее, на наш взгляд, архетипы, наконец-то дали научное обоснование той устойчивости и повторяемости мировоззренческих и поведенческих стереотипов различных народов, которые отмечали многие ученые еще задолго до К.Юнга. А относительная структурность в понимании коллективного бессознательного, внесенная К.Юнгом открыла науке новые горизон-

ты в изучении особенностей, культуры исторических общностей.

Специальных работ, посвященных изучению бессознательного исторических общностей нет, поэтому в рамках нашего исследования, важно рассмотреть некоторые положения из теории этногенеза Л.Н. Гумилева. Ему, прежде всего, удалось продемонстрировать то, что этнос не является состоянием, а представляет собой процесс, который закономерно протекает в историческом времени.

Именно Л.Н. Гумилевым отмечено, что этническая принадлежность всегда отражается в сознании, но не является продуктом сознания. То есть она не является конструируемой человеком формой идентификации с тем или иным коллективом, а находится в сфере бессознательного, представляя собой скорее природный феномен. На сознательном уровне глубинные бессознательные комплексы проявляются, по мнению Л.Н. Гумилева в ощущении комплиментарности - подсознательной взаимной симпатии людей, определяющей деление на «своих» и «чужих».

В целом, Л.Н. Гумилеву удалось очень подробно разработать категорию этноса и показать его место в природе и истории. Автором дано следующее определение: этнос - устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени (Гумилев Л.Н., 1990).

Ни один из объективных критериев (язык, культура, вероисповедание, антропологический тип и т.п.), по мнению Л.Н. Гумилева не являются однозначно определяющим этнос. Универсальным критерием отличия этносов между собой может служить только стереотип поведения, который является динамической составляющей (может изменяться в ходе исторического развития). Стереотип поведения передается по наследству, но не генетически, а через механизм сигнальной наследственности. Сила этнического стереотипа поведения огромна, потому что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочее - как «дикость». Стереотип поведения складывается в процессе адаптации этноса к окружающей среде и особенно ярко проявляется в экстремальных условиях. Следовательно, про-

явления этнического бессознательного мы можем просмотреть в закономерных поведенческих реакциях представителей разных этносов в различных экзотических ситуациях.

В.Г. Бабаков поведение этнофоров (вслед за ним под этнофорами мы будем понимать представителей крупных наций) в стрессовых ситуациях свел к трем типам:

первый тип – это попытка вырваться из ситуации, разрушить ее, активно воздействовать на внешние обстоятельства так, чтобы элиминировать их влияние, радикально сменить их (Бабаков В.Г., 2004).

В определенных обстоятельствах такое поведение может быть успешным, если у человека есть «программа» для построения новых условий и действия в них. Однако если в сложной среде деятельность направлена только на разрушение или полную трансформацию, результаты таких действий людей лишь увеличивают проблемы. Смена условий требует заново приспособиться к ситуации, а для этого необходимы новые затратные усилия. Разрушение условий добавляет в ситуацию неупорядоченности, неопределенности, а, следовательно, увеличивает психическую напряженность ее участников.

второй тип – это пассивное отстранение от решения проблем. Человек примиряется с мыслью, что ситуация неразрешима, отстраняется от каких бы то не было действий, связанным с ее изменением.

В подобных случаях люди склонны предаваться фантазиям, мистическим переживаниям, уходить в размышление о далеком прошлом и будущем. Такое поведение позволяет занять выжидательную позицию. Но тем самым человек поддерживает проблемную ситуацию, ощущает бессознательно, то есть напряженность полностью не снимается. Кроме того, самоизоляция не спасает человека от воздействия внешнего мира, который продолжает развиваться «без него». А это означает, что в динамичных условиях элементы среды множатся и меняются, но человек не контролирует их место в ситуации и потому последняя постепенно теряет для него смысл.

третий тип – свойственен людям, для которых ситуация оказывается субъективно напряженной, но переносимой, и они ориентированы не на разрушение или избегание, а на изучение или «диалог» с ней. Активизирующееся в этом случае внимание или

интерес к решению проблемы позволяет людям контролировать достаточно широкое поле своего окружения и в тоже время отвлекаться от излишних сомнений и агрессивных побуждений. Представители этого типа личности не стараются «отделаться» от ситуации, но проявляют намерение попробовать жить в ней. Человек старается найти возможность «сконструировать» свои отношения с имеющимися элементами окружения, выделяя наиболее устойчивые как своего рода «правила игры», которые следует принимать как исходные данные, а не пытаться их сразу разрушить или игнорировать. Ориентация на такое изменение ситуации проявляется в структурировании – шаг за шагом – последовательного решения проблемы. Этот тип поведения личности в стрессовой ситуации назван Э.А. Орловой «конструктивным». Именно этот тип личности склонен находить выход из стрессовых ситуаций (Бабаков В.Г., 2004).

Соответственно, если сравнить различные поведенческие реакции этих типов личности в стрессовых ситуациях с бессознательно проявляющимися механизмами психологической защиты, то можно предположить, что существуют типы поведенческих реакций, состоящих из определенного набора защитных механизмов, принадлежащих представителям различных этносов, о чем свидетельствуют исследования С.В. Лурье, А.А. Налчаджяна.

Работы А.А. Налчаджяна интересны тем, что он стремится приложить различные известные защитные механизмы психологической защиты не к отдельным личностям, как это обычно делалось до него, а к этническим группам. На этническом уровне психологическую защиту он рассматривает как способ ликвидации рассогласований между этнической картиной мира и реальностью, так как в процессе межэтнических контактов люди постоянно сталкиваются с новой информацией, которая может поколебать их этническую картину мира и, как следствие, привести к утрате позитивной этнической идентичности, а психологические защитные механизмы, позволяют избегать деструктивных тенденций и поддерживать целостность этнической системы (Налчаджян А.А., 2000). В процессе межэтнических контактов, как отмечает автор, люди постоянно сталкиваются с новой информацией, которая может поколебать их этническую картину мира и, как следствие, привести к утрате позитивной

этнической идентичности. Тогда срабатывают психологические защитные механизмы, что позволяет избегать деструктивных тенденций и поддерживать целостность этнической системы.

В критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом в похожей ситуации дали возможность пережить ее с наименьшими потерями. Активизация системы психологической защиты этноса - результат взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого содержаний этничности при наличии реальной или воображаемой оппозиции в лице другого этноса (Налчаджян А.А., 2000).

Как психологическая защита может расцениваться любое поведение, устраняющее психологический дискомфорт, связанный с низкой самооценкой, тревогой, страхом и так далее, но при этом отмечает А.А. Налчаджян необходимо отличать этнические защитные механизмы и личностные.

Под этническими защитными механизмами он предлагает понимать лишь такую деятельность индивида, которая направлена на сохранение позитивного этнического образа и, как следствие, на поддержание целостности этнической системы. А, например, отказ от этнической идентичности и добровольная ассимиляция являются защитным механизмом конкретной личности.

Он предлагает выделять два уровня этнозащиты: а) глобальный, осуществляемый крупными блоками культуры и другими средствами и б) специфический, осуществляемый с помощью специальных защитных механизмов и их комплексов (Налчаджян А.А., 2000).

На глобальном уровне средством защиты этноса является вся его культура. Так, например, А.А. Налчаджян считает, что когда этнодифференцирующих признаков между контактирующими этносами остается все меньше и меньше, один из этносов, чтобы избежать ассимиляции, может актуализировать существующие в латентном состоянии традиции. Одним из самых древних и эффективных защитных механизмов любого этноса является его язык. Исходное свойство человеческой речи – это выполняемая словом функция внушения (суггестия). В древности, чтобы противостоять суггестии и сохранять свою психоло-

гическую уникальность, люди уходили на недостигаемые территории. Затем происходило рождение более специфических средств контрсуггестии. Если невозможно вовсе не слышать звуков речи, можно их не понимать, перекрыть фильтром. То есть непонимание защищает человека от суггестии. Параллельно появлялись средства «сознательного» непонимания (например, различные эмотивные реакции). Таким образом, контрсуггестия становится непосредственным психологическим механизмом осуществления всех изменений в истории.

Сформировавшись, язык продолжает функционировать как самоорганизующаяся система, и его структура во многом зависит от взаимоотношений этноса с его соседями. Так армянский язык из арабского языка заимствовал 702 слова, из которых в современном литературном языке используется 53. Из турецкого языка в течение веков было заимствовано армянами около 4000 слов, но из них в современном армянском языке не используется ни одно! Таким образом, вражда армян и турок отразилась в языке (Налчаджян А.А., 2000).

Бессознательное и особенно подсознательное этнической группы, А.А.Налчаджян определяет «как результат многовековых вытеснений, которые продолжаются и в настоящее время», далее он отмечает «для того, чтобы знать содержание глубоких слоев национальной психики, мы должны исследовать наиболее трудные и неприятные страницы ее истории... пересмотреть ложные авторитеты и вспомнить тех людей, которые внесли реальный положительный вклад в национальную культуру, идеологию и т.п., но не были любимцами правителей... иначе говоря, надо выявить тех достойных людей, которых породила данная нация». (Налчаджян А.А., 2004).

Считая вытеснение групповым явлением, А.А. Налчаджян не утверждает, что весь этнос единодушно вытесняет какие-то воспоминания и впечатления, он ведет речь о психической активности тех людей, которые создают культуру и идеологию этноса, отмечая также, что всегда находятся те, которые не только не вытесняют, а специально запоминают и напоминают другим о неприятных событиях прошлого и настоящего. Учитывая, что по пути вытеснений возникли значительная часть сфер психического склада и психодинамики этноса, необходимо рас-

крыть вытесненное, преодолеть цензуру, которая находится в глубинах национальной психики (Налчаджян А.А., 2004).

Что бы люди не делали, они должны быть уверены в правильности и справедливости своих действий. Любое действие должно иметь обоснование в психике человека. Такое обоснование всегда позволяют дать механизмы психологической защиты. Значительное место в межэтнических отношениях и в процессах этнической самозащиты названный автор отводит механизму атрибуции - приписыванию объекту каких-либо свойств и мотивов. Атрибуция используется этническими группами, в первую очередь, для того, чтобы создать о себе положительное представление, а также приписать отрицательные мотивы противникам. Данный механизм лежит в основе формирования стереотипов.

Частным случаем атрибуции, по мнению А.А. Налчаджяна, является проекция. Ее суть заключается в проецировании собственных, но неосознаваемых и потому неприемлемых для своего народа, негативных чувств, качеств и особенностей на представителей других этнических групп. Смысл проекции как защитного механизма состоит в том, что отрицательные проекции помогают группе избежать прямого внутреннего контакта с несовместимыми или вызывающими беспокойство психическими содержаниями.

Под рационализацией он понимает «разумное» объяснение неосознаваемых причин собственных действий, а также своих неудач и поражений. Для оправдания себя люди сочиняют с виду логичные, но, по существу, ложные объяснения. Но мотивы и выбор аргументов обычно производятся подсознательно, поэтому рационализация не всегда является сознательным обманом.

Символизация – по А.А. Налчаджяну - приписывание всех положительных качеств и намерений, в которых отражаются чаяния и желания большей части этноса, конкретному человеку. Так, сочетание принципа и персоны превращается в символ, ради которого стоит рисковать жизнью. При этом личность исторического деятеля может не обладать нужными качествами, но, если это необходимо, люди приписывают ей нужные черты. Подобная символизация даже не совсем идеальных людей необходима для этнопсихологической самозащиты, усиления положительных аспектов его Я - концепции и идентификации индиви-

дов с этносом. Последняя же часто происходит путем идентификации личности с национальными символами.

Обвинение жертвы он также рассматривает как этнозащитный комплекс, который состоит из нескольких механизмов: 1) проекция обеспечивает то, что агрессор видит свои недостатки в жертве, вне себя; 2) атрибуции обеспечивают приписывание этим людям дополнительных отрицательных качеств; 3) в результате происходит дегуманизация жертвы, что облегчает применение к ней самых жестоких и аморальных мер, способов наказания и контроля; 4) агрессор заранее пускает в ход рационализации для оправдания того, что произойдет в будущем. Таким образом, становится «очевидно», что будущая жертва виновата и заслуживает наказания. В ходе осуществления этих планов агрессор получает новые факты о «подлости» жертвы, которая еще осмеливается оказывать сопротивление «справедливым действиям» (Налчаджян А.А., 2000).

Это явление А.А. Налчаджян иллюстрирует достаточно ярким примером о том, как в фашистской Германии при создании образа «еврея», именно «еврею» были приписаны все те неприятные черты, которые есть у немцев, но которые им не нравились. «Еврей» стал противоположной, контрастной идеей, в которую были спроецированы все отвергаемые немцами человеческие черты. Эти процессы создания образа «еврея» протекали параллельно с процессом формирования образа идеального немца, они то как раз и показали интересный психологический механизм: спроецировав все свои негативные качества на других и, пытаясь их уничтожить, этнос как бы предпринимает попытку нового рождения, уже без отрицательных качеств. А перед теми, кто вздумает проявлять эти качества, должен был стоять пример уничтоженного народа (Налчаджян А.А., 2000).

В периоды обострения межэтнической напряженности, вплоть до конфликтной стадии, обостряются и психологические защитные механизмы. Повышается избирательность межэтнического восприятия. Усиливаются межгрупповые и уменьшаются внутригрупповые различия. В фокусе внимания остается информация, которая подтверждает уже имеющиеся негативные стереотипы, не подтверждающая их информация отбрасывается. Стороны конфликта совершают насилие, проявляют жестокость, но каждая из них обвиняет в этом другую, считая свои действия

ответом на агрессию противника. Все негативное, что сделали представители своего этноса, автоматически вытесняется (еще один психологический защитный механизм) из сознания, а раз «это сделали не мы», то в этом обвиняется другая сторона. Создается представление, будто враг всегда более жесток и коварен, а вот мы - жертвы, только пытаемся дать им отпор. Причем, механизмы психологической защиты приводят к тому, что такое мнение является абсолютно искренним, и поколебать его практически невозможно никакими фактами (Налчаджян А.А., 2004).

Как этнозащитный механизм А.А. Налчаджян рассматривает и стремление этноса обрести государственный суверенитет, или автономию, внутри государства. Достижение этой цели позволяет этносу стать полноправным субъектом международного права. Этнос, обретший государственность, получает в глазах мирового сообщества законные права на защиту своей территории и населения. Естественно, что защитные процессы, связанные с суверенизацией, обостряются, если этнический коллектив переживает чувство страха, опасности (реальной или мнимой) или подвергается притеснениям.

Этнозащитными механизмами также, по мнению А.А. Налчаджяна, являются эндогамные браки, юмор, агрессия, «парадоксальное гостеприимство» и многие другие действия. В целом же, необходимо отметить, что защитные механизмы, оказавшись эффективными, закрепляются в памяти людей и в культуре (традиции, ритуалы и т.п.), а их воспроизводство обеспечивает защиту и адаптацию этноса в сходных проблемных ситуациях. Более того, такие комбинации становятся устойчивыми блоками этнического характера, и поэтому их раскрытие и описание может стать вкладом в этническую характерологию.

Авторами настоящей статьи было предпринято экспериментальное изучение проявления психологических защит в группах русских и китайских выпускников ВУЗов, проживающих в приграничных районах Приамурья (в городах Благовещенск и Хейхе). Было выявлено, что доминирующими механизмами защиты у российских обследуемых являются проекция, интеллектуализация, отрицание, у китайских – проекция, реактивные образования, вытеснение. При этом по отношению к российским студентам доминирование механизма проекции и превышение его нормативного показателя, характеризуется как безответствен-

ность, способствует формированию сниженного уровня собственной критичности, желания уходить от конструктивного решения собственных проблем, чаще «плыть по течению», обвиняя то людей, то обстоятельства в сложившейся ситуации. У китайских выпускников проекция характеризует такую национальную особенность как национальное тщеславие, то есть они проецируют все свои «хорошие» качества, так как живут в «хорошем государстве», в этом были еще убеждены, по мнению А. Столповской, жители «Срединного государства». Таким образом, проведенное экспериментальное исследование подтвердило, что этническое бессознательное идентично у представителей конкретных наций и образует тем самым основание психической жизни каждого, но по своей природе является сверхличным.

Подводя итог, следует отметить, что этническое бессознательное является составляющей частью коллективного психического бессознательного. Это реально существующий феномен, проявление которого можно наблюдать через стереотипные поведенческие реакции, национальные особенности конкретных этнофоров.

Литература:

1. Бабаков В.Г. Стрессовое состояние этнического сознания / В кн. Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 2004. – 496 с.
2. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 278 с.
3. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 446 с.
4. Налчаджян А.А. Этнопсихология. – СПб: Питер, 2004. – 381 с.
5. Налчаджян А.А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. – Ереван, 2000
6. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. – СПб.; М.: Унив. Кн. АСТ, 1997. – 536 с.
7. Юнг К.Г. Психология бессознательного. Пер. с нем. – М.: Канон, 1994.- 320 с.

Голенищева Е.Л.

Соотношение уровней агрессивности и манипулятивного воздействия у старших подростков разного пола.

Напряжённая, неустойчивая социальная, экономическая, экологическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в нашем обществе, обуславливает рост различных отклонений в личностном развитии и поведении людей разного возраста. Среди них особую тревогу вызывают прогрессирующая отчуждён-

ность, повышенная тревожность, духовная опустошенность подростков, влекущая за собой цинизм, жестокость, агрессивность, склонность к манипулированию.

Отражением существующей проблемы агрессивности человека служат многочисленные публикации и исследования отечественных и зарубежных учёных: Ю.М. Антонян, Е.И. Бережкова, И.А. Горьковая, С.Н. Ениколопов, П.А. Ковалёв, Н.Д. Левитов, Н.В. Пинчук, А.А. Реан, Т.Г. Румянцева, Т.В. Слотина, С.Л. Соловьёва, А.К. Осницкий, И.А. Фурманов, Г.Р. Чернова, Г.П. Ярмоленко, G. Ammon, A. Bandura, L. Berkowitz, A. Buss, Y. Dollard, S. Feschbach, E. Fromm и др.

В свою очередь проблемой манипулирования в межличностных отношениях занимались такие отечественные авторы, как: Л.К. Аверченко, Б.Н. Бессонов, С.Л. Братченко, Д.А. Волконогов, Р.Е. Гудин, Е.Л. Доценко, В.В. Знаков, Т.С. Кабаченко, В.Н. Куницина. Из зарубежных авторов можно выделить: П. Гамперт, Ф. Гейз, Р. Кристи, Дж. Тибо, Э. Шостром, П.Экман и др.

В подростничестве человек начинает осознавать своё взросление, проявляет огромное стремление к самостоятельности в принятии тех или иных решений, как обыденных, так и жизненно важных.

Подростковый возраст — это самый трудный и сложный из всех детских возрастов, представляющий собой период становления личности. Вместе с тем это самый ответственный период, поскольку здесь складываются основы нравственности, формируются социальные установки, отношения к себе, к людям, к обществу. Кроме того, в данном возрасте стабилизируются черты характера и основные формы межличностного поведения.

Готовность субъекта к агрессивному поведению часто рассматривают как относительную черту (или свойство) личности — агрессивность, характеризующуюся наличием деструктивных тенденций, в основном в области субъект-субъектных отношений. Как известно, в житейском сознании агрессивность является синонимом «злонамеренной активности». Однако само по себе деструктивное поведение «злонамеренностью» не обладает, таким его делает мотив деятельности, то есть ценности, ради достижения и обладания которыми данная активность разворачивается. Внешние практические действия могут быть сходны,

но их мотивационные компоненты прямо противоположны (Т.В.Сенько, 2002).

Проблема подростковой агрессивности достаточно изучена отечественными и зарубежными авторами. В свою очередь большинство работ, посвященных межличностной манипуляции, являются, в основном, умозрительными. Слабая разработанность методов диагностики манипуляции ограничивает возможности ее эмпирического изучения. Также представлено очень мало данных о половом диморфизме и гендерных аспектах склонности к манипулированию. Кроме того, вопрос о связи уровня агрессивности и уровня склонности к манипулятивному воздействию у юношей и девушек малоизучен.

Манипуляция - это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями (Е.Л.Доценко, 1997).

В.В.Знаков по отношению к манипуляциям считал целесообразным использовать термин «макиавеллизм». По его мнению, макиавеллист — это «субъект, который манипулирует другими на основе кредо, определенных жизненных принципов, которые служат ему оправданием манипулятивного поведения». Знаков первый перевел и апробировал наиболее распространенную методику диагностики макиавеллизма MACH IV (В.В. Знаков, 1999, 2002).

Западные психологи макиавеллизмом называют склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях.

В психологии понятие «макиавеллизм» стали применять американские психологи Р.Кристи и Ф.Гейз, разработавшие специальную «Шкалу макиавеллизма».

Смысл понятия заключается в трех ключевых психологических составляющих (факторах):

Поведение. Использование манипулятивных техник в процессе межличностного взаимодействия. Важно отметить, что макиавеллист манипулирует всегда осознанно с целью достижения выгоды для себя, применяя утонченные техники лести, обмана, подкупа, подлога.

Отношение. Циничное отношение к другим людям как к слабым и зависимым от социального давления. Макиавеллисты

относятся к другим людям с подозрением, эмоционально отчужденно, ориентируясь не на партнера, а на свою выгоду, которую они могут получить через него. То есть в процессе манипуляции партнер по взаимодействию выступает для макиавеллиста не более чем инструмент, благодаря которому можно достичь желаемого результата.

Игнорирование социальной морали, когда она мешает достичь желаемого результата.

Стоит отметить, что в дальнейшем классическая трехфакторная схема Р.Кристи и Ф.Гейз и методика её диагностики были проанализированы и к ним высказаны некоторые возражения. Например, Хантер и др. по результатам на различных выборах обнаружили, что в феномен макиавеллизма включено не три, а четыре фактора: лживость, лесть, неверие в мораль и вера в то, что люди изначально лживы и порочны.

Отличие макиавеллизма от манипуляции:

манипуляция может быть неосознаваемой. Макиавеллизм - это убеждение в том, что людьми нужно манипулировать: такова природа человека;

манипуляция может совершаться из лучших побуждений. Макиавеллист всегда совершает действия ради собственной выгоды, имеет корыстный интерес. Он не чувствует вины за манипуляции, действует уверенно, открыто по отношению к людям, что способствует установлению контакта с ними (В.В.Знаков, 1999, 2002).

Личность манипулятора наиболее подробно изучена в гуманистической психологии и, в основном, с феноменологических позиций. Для манипулятора характерны:

1) высокий уровень психического развития – гибкость, хорошая адаптивность (С.Л. Братченко,1994; В.Н. Куницына, 2000);

2) низкий уровень эмпатии, эмоциональная отстраненность от собеседника, подозрительность (С.Л. Братченко,1994; В.Н. Куницына, 2000, Э. Шостром 1998, Л.К. Аверченко 1999, и др.);

3) невнимание к этическим и культурным ценностям и нормам (С.Л. Братченко,1994; В.Н. Куницына, 2000, Э. Шостром 1998, Л.К. Аверченко 1999, и др.), лживость (В.В. Знаков 1999, Э. Шостром 1998);

4) эмоциональный дискомфорт, пониженная самооценка (С.Л. Братченко, 1994; В.Н. Куницына, 2000, Э. Шостром 1998), деструктивное влияние манипуляции на личность манипулятора (С.Л. Братченко, 1994; Э. Шостром 1998);

5) ориентация на достижения, отсутствие склонности к риску (В.Н. Куницына, 2000);

6) зависимость (Э. Шостром 1998; В.Н. Куницына, 2000), склонность к доминированию (Winter, 1987; Simonton, 1996), отсутствие склонности к доминированию (В.В. Знаков 1999).

Согласно Э.Шострому, у подростков преобладают следующие манипулятивные способы: плач, угроза, спекуляции, сравнение, вымогательство (или шантаж), настраивание одного родителя против другого, ложь, подавленное состояние (Э.Шостром, 1999, 2003).

С целью изучения связи уровня агрессивности с уровнем манипулятивного воздействия у юношей и девушек подросткового возраста, было проведено экспериментальное исследование. Объектом изучения стали юноши и девушки в возрасте 12-15 лет. В обследовании приняло участие 42 учащихся (из них юноши – 15, девушки – 27), кроме подростков в обследовании приняли участие педагоги.

В эмпирическом исследовании был применён следующий инструментарий: 1) Hand – тест (проективная методика, направленная на выявление агрессивности); Мак – шкала (по С.Л.Братченко, выявление уровня манипуляции); Шкала доминирования (по Гауфу); Несуществующее животное (проективная методика, выявление признаков агрессивности); Опросник Басса – Дарки (на уровень агрессивности); Анкета «Признаки агрессивности» (экспертная оценка классного руководителя).

Полученные данные были обработаны посредством математико – статистических методов в программе Excel: сравнительный анализ первичных статистик; оценка достоверности отличий по t-критерию Стьюдента; корреляционный анализ.

По результатам методики Басса-Дарки было выявлено, что агрессивность юношей (53%) и девушек (63%) подросткового возраста находится в диапазоне нормы. Каждая личность должна обладать определенной степенью агрессивности. С высоким уровнем агрессивности 27% обследуемых юношей, т.е. им присуще деструктивное агрессивное поведение в межличностном

взаимодействии дома и в процессе обучения. Т.е. подростки обладают деструктивными тенденциями, в основном в области субъектно – субъектных отношений. Чрезмерное развитие этого свойства начинает определять весь облик личности, которая может стать конфликтной, неспособной на сознательную кооперацию и т.д. Низким уровнем агрессивности обладают 20% юношей подросткового возраста, что может привести к пассивности, ведомости и конформности. У девушек подросткового возраста следующее процентное распределение: высокий уровень - 15%, низкий уровень - 22%. По сравнению с юношами больший процент девушек находится в диапазоне нормы (разница составляет 10%). Также уровень высокой агрессивности гораздо ниже (юноши -27%; девушки – 15%).

В уровне манипулятивного воздействия по методике Мак-шкала выявлена существенная разница между девушками и юношами подросткового возраста. У юношей одинаковый процент среднего и низкого уровня манипулятивного воздействия (40%). Низкий уровень, т.е. слабо выраженный тип характеризуется как: трусливый, нерешительный, поддающийся влиянию, честный, сентиментальный, надежный. К высокому уровню относятся 20% обследованных юношей, т.е. сильно выраженный тип описывается как: умный, смелый, амбициозный, доминирующий, настойчивый, эгоистичный. Люди демонстрирующие высокие показатели по Мак – Шкале, при вступлении в контакт держатся эмоционально отчужденно, обособленно, ориентируются на проблему, а не на собеседника, испытывают недоверие к окружающим.

По методике «Шкала доминирования» у юношей и девушек подросткового возраста обнаружены следующие результаты: наибольший процент также как у юношей, так и у девушек относится к среднему уровню (юноши – 66%; девушки – 67%). Высокий уровень доминирования принадлежит 27% юношей и 26% девушек. Тенденция к доминированию, над окружающими, личность действует по отношению к окружающим властно, директивно, жестко распределяя между членами группы их роли, не позволяя выходить за их пределы, тщательно контролирует работу окружающих. Все основные руководящие функции сосредотачивает в своих руках, не позволяя членам группы обсуждать или оспаривать принимаемые им решения или действия.

Низкий уровень только у 7% юношей (и у девушек такой же процент) – для таких людей характерна бесхарактерность и конформность. Отмечается податливость человека реальному или воображаемому давлению группы, проявляющаяся в изменении его поведения и установок в соответствии с первоначально не разделявшей его позицией большинства. В целом, мало отличаются уровень доминирования по половому дипсихизму.

Итак, по результатам оценки достоверности отличий между юношами и девушками подросткового возраста по t-критерию Стьюдента можно сказать, что обнаружены достоверные (значимые) различия на уровне $p < 0,05$ по двум признакам:

- Агрессивность (по методике «Несуществующее животное»);
- Индекс агрессивности (по методике «Опросник Басса-Дарки»).

Проведение корреляционного анализа позволило сделать следующие выводы по юношам подросткового возраста:

Обнаружена прямая (положительная) слабая корреляционная связь между уровнем доминирования и индексом агрессивности (по методике Hand – тест) у юношей подросткового возраста. Следовательно, с увеличением уровня доминирования увеличивается и уровень агрессивности, и также в сторону уменьшения.

Выявлена прямая (положительная) слабая корреляционная связь между уровнем агрессивности (по опроснику Басса – Дарки) и индексом агрессивности (по методике Hand – тест) у юношей подросткового возраста. Эти методики изучают уровень агрессивности и естественно, при увеличении (уменьшении) уровня агрессивности по одной методике, он увеличится (уменьшится) и по другой.

Обнаружена обратная (отрицательная) слабая корреляционная связь между индексом агрессивности (по методике Hand – тест) и признаками агрессивности (выявленными по методике «Несуществующее животное») у юношей подросткового возраста.

Выявлена прямая (положительная) слабая корреляционная связь между уровнем доминирования и агрессивностью (по экспертной оценке классных руководителей по анкете «Признаки агрессивности») у юношей подросткового возраста. Следова-

тельно, с увеличением уровня доминирования увеличивается и агрессивность у юношей подросткового возраста.

Обнаружена обратная (отрицательная) слабая корреляционная связь между уровнем агрессивности и уровнем манипулятивного воздействия у юношей подросткового возраста. Следовательно, если возрастает уровень агрессивности, то убывает уровень манипулятивного воздействия, и наоборот. Возрастание одной переменной сопровождается убыванием другой. Следовательно, если возрастает уровень агрессивности, то убывает уровень манипулятивного воздействия, и наоборот.

По результатам обследования девушек корреляционный анализ позволил установить следующее:

Существует обратная (отрицательная) слабая корреляционная связь между уровнем доминирования и индексом враждебности у девушек подросткового возраста.

Имеет место прямая (положительная) слабая корреляционная связь между уровнем доминирования и индексом агрессивности у девушек подросткового возраста. Следовательно, с увеличением уровня доминирования увеличивается и уровень агрессивности, и также в сторону уменьшения. Такая же связь была выявлена и у юношей подросткового возраста.

Обнаружена прямая (положительная) слабая корреляционная связь между уровнем агрессивности (Анкета «Признаки агрессивности» экспертная оценка классных руководителей) и индексом агрессивности (по опроснику Басса – Дарки) у девушек подросткового возраста.

Таким образом, исследование показало, что уровень агрессивности связан с уровнем манипулятивного воздействия. Выявленные особенности в уровнях агрессивности и склонности к манипулятивному воздействию у подростков обоих полов позволяет говорить о том, что у них в большинстве случаев отсутствует понимание своей негативной роли в ситуациях взаимодействия, нет осознания и способности адекватно оценить своё поведение и отразить свои эмоциональные проявления. Это делает подростков социально некомпетентными.

Результаты данного исследования могут быть полезны в работе психологов, занимающихся проблемой подростковой агрессивности и неэффективных способов межличностной коммуникации (манипулирование), кроме того самим подросткам в

целях успешной реализации своих аффилятивных потребностей в группе сверстников, развития рефлексии и аутоидентификации, взрослым же для установления успешного контакта с подростками.

Литература:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита.— М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997.
2. Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия. /Психологический журнал. Т14 N4, 1993.
3. Знаков В. В. Макиавеллизм и феномен вранья «Вопросы психологии» №6, 1999.
4. Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении. «Вопросы психологии», №6, 2002.
5. Знаков В.В. Психология понимания правды, СПб, 1999.
6. Сенько Т.В. Истоки агрессивного поведения детей. Минск, 2002.
7. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации / Перевод В. Данченко. - К.: PSYLIB, 2003.
8. Шостром Э. "Анти - Карнеги", г. Минск, 1999.

М.Карагачева, А.Хапцова.

Образы персонажей рекламы в сознании студентов

В наши дни реклама это не только предоставление информации о товарах и услугах, но и часть современной культуры. Создавая меняющуюся со временем моду, реклама тем самым участвует в постоянном обновлении культуры, в ее развитии. Личность как динамически развивающуюся систему невозможно рассматривать вне контекста культуры, влияющего на ее формирование. А.С. Кармин писал, что культура определяет наше видение мира. В наши дни для большинства людей оно определяется информацией, распространяемой по каналам «масскульта», в том числе и рекламы. Многочисленные рекламные материалы, заполняющие повседневность, сообщают нам информацию с помощью разнообразных персонажей, обладающих различными особенностями. И так как предназначение рекламы – привлекать внимание к себе и рекламируемому объекту, то и персонажи рекламы не могут остаться незамеченными аудиторией.

Понятие образа является одним из центральных в психологии, поскольку именно образ, отражая объективную реальность, является содержанием психики человека. Образ - это важный компонент действий человека, ориентирующий его на достиже-

ние цели. Но так как образ лишь отражение реальности, то он может с ней и не совпадать, а вместе с тем люди действуют исходя из тех образов, которые сложились в их сознании, так словно они являются реальностью. Большое значение в жизни людей имеют социально-перцептивные образы. Образ человека фиксирует представления о смысле жизни, нормах, ценностях и эталонах поведения, и для каждой культуры он свой. В наше время формирование картины мира и образа человека находится под мощным давлением массовой культуры и СМИ. Искусственно созданные рекламное пространство и персонажи рекламы сильно отличаются от реальности и реальных людей. В основе конструирования их образов лежат стереотипы и мифы, которые происходя из жизни, транслируются публике через каналы СМИ, закрепляясь, таким образом в сознании людей еще больше. Однако восприятие медиа информации происходит лишь в том случае, если эта информация согласуется с установками, интересами и склонностями людей. Изображаемая в СМИ реальность воспринимается нами в большей степени, если наше отождествление себя с персонажами таково, что последние становятся значимыми фигурами в нашей собственной жизни. Мы чаще подражаем поведению и следуем установкам тех персонажей, с которыми себя идентифицируем. Наиболее активными потребителями культуры являются студенты, самосознание которых только складывается и соответственно сильно подвержено влияниям извне.

Для выявления особенностей образов персонажей рекламы нами было проведено исследование, в котором приняло участие 104 студента ВУЗов Санкт-Петербурга. Для исследования образов была использована вербальная часть методики В.Л.Ситникова «Структура образа человека (иерархическая)». Для описания испытуемым были предложены следующие образы: «Я», «Привлекательный персонаж рекламы» и «Непривлекательный персонаж рекламы». Также среди испытуемых был проведен опрос для определения отношения к рекламе и предпочтений в рекламе.

По результатам опроса, проведенного среди студентов можно заключить, что большинство обследованных, проживающих в городах с населением более 1 миллиона человек, нейтрально относится к рекламе и часто ее замечает. Основным источником

рекламы является телевизор, а также уличная реклама, при этом наиболее замечаемым типом рекламы являются видео-ролики и иллюстрации. Наиболее привлекательной рекламой, по мнению опрошенных, обладают автомобили, фильмы и книги, а также косметика. Большинство согласилось с тем, что у них есть любимая реклама.

Статистически значимые различия в структурах образов Привлекательного и Непривлекательного персонажей рекламы были выявлены лишь по Эмоциональному ($t = -2,6$) компоненту и по компоненту Социального интеллекта ($t = 3,07$). Это может говорить о том, что для образа привлекательного персонажа большую значимость имеют его эмоциональные характеристики, а непривлекательного – определения социального интеллекта. Также существуют различия в частоте употребления при описании данных образов положительных, нейтральных и негативных характеристик, что обуславливается полярностью заданных образов

Также было обнаружено, что позитивное или негативное восприятие персонажей рекламы связано с отношением к рекламе в целом.

В результате обследования испытуемых по методике СОЧи были получены следующие результаты:

1. Наиболее охотно испытуемые описывали себя. По этому образу было получено наибольшее количество высказываний, а наиболее сложным для описания оказался образ непривлекательного персонажа рекламы. По нему было получено наименьшее количество высказываний.

2. Чаще всего студенты описывали себя с помощью таких определений как: добрый, умный, ответственный, жизнерадостный, честный, воспитанный; привлекательный персонаж рекламы: веселый, добрый, красивый, милый, жизнерадостный, а для непривлекательного персонажа рекламы наиболее частыми определениями являются: глупый, мерзкий, уродливый, злой, раздражающий, лживый.

3. Образы привлекательного и непривлекательного персонажей рекламы схожи и обладают полярной эмоциональной окраской, однако их структуры практически идентичны, при этом структуры и содержание Я-образов респондентов и отражаемых

ими образов рекламных персонажей имеют существенные различия.

4. Были обнаружены связи между компонентами структур образов и отношением к рекламе: испытуемые не уверенные, что у них есть любимая реклама, чаще описывают привлекательного персонажа негативно; студенты, имеющие любимую рекламу, реже описывают непривлекательного персонажа негативно.

По результатам исследования можно заключить, что структуры и содержания Я-образов и образов персонажей рекламы существенно различаются, из этого можно сделать вывод о том, что механизмы формирования Я-образов и образов персонажей рекламы различны. В ранее проведенных исследованиях, была выявлена достаточно высокая взаимосвязь компонентов структур Я-образов с самыми разнообразными образами реальных людей (детей, учителей, преподавателей, политиков и т.д.). Результаты изучения образов рекламных персонажей позволяют сделать предположение, что восприятие реальных людей и вымышленных персонажей, происходят по принципиально разным механизмам.

Проведенное нами исследование позволяет предположить, что понимание особенностей формирования образов рекламных персонажей может повысить эффективность разрабатываемых рекламных материалов и улучшить понимание воздействия рекламы на аудиторию.

Коваленко С.В.

Психологические особенности общения в подростковом возрасте.

Конфликт в рамках педагогической психологии и психологии развития традиционно понимается как деструктивное для осуществления педагогических воздействий явление, подлежащее профилактике или специальному устраняющему регулированию.

В современных новых подходах это форма актуализации и удержания противоречия, необходимый психологический механизм любого деятельностного изменения, в том числе и развития. Это специфическое средство, используемое при создании условий для саморазвития человека в ситуации включения в ин-

теллектуальные системы и образовательные институты (детский сад, школа, вуз, системы повышения квалификации (переквалификации). Конфликт рассматривается как атрибут обучения (становления культурных форм деятельности, мышления, общения), как необходимая процессуальная форма удержания противоречия в русле его продуктивного разрешения [17, 201].

Одна из главных тенденций переходного возраста – переориентация общения с родителями, учителями, вообще со старшими, на более или менее равных по положению.

Все исследователи психологии отрочества, так или иначе, сходятся в признании того огромного значения, которое имеет для подростков общение со сверстниками. Отношения с товарищами находятся в центре жизни подростка, во многом определяя все остальные стороны его поведения и деятельности. Л.И.Божович отмечает, что если в младшем школьном возрасте основой для объединения детей чаще всего является совместная деятельность, то у подростков, наоборот, привлекательность занятий и интересы в основном определяются возможностью широкого общения со сверстниками [2,45].

Позитивные аспекты отношений подростков со своими сверстниками хорошо изучены. Выявлено, что общение с ровесниками положительно влияет на психологическую и социальную адаптацию. Многочисленные исследования показали, что социальная поддержка напрямую связана с благополучием человека в жизни и служит своего рода буфером, смягчающим последствия стрессов. Есть все основания полагать, что отношения со сверстниками в юношеские годы часто становятся причиной сильных душевных переживаний. Подростки равняются на своих товарищей, отношение которых влияет на самооценку. Особенно старательно мальчики и девочки подстраиваются под ровесников в раннем подростковом возрасте. Последствиями того, что подростка не замечают или отвергают сверстники, могут стать правонарушения, наркомания и депрессия. В раннем подростковом возрасте опасность подвергнуться стрессу может быть особенно высокой.

Первая потребность подростка - установить приятельские отношения с тем, с кем имеются общие интересы. По мере взросления возникает необходимость в более тесных и непосредственных дружеских связях, позволяющих делиться своими

переживаниями, трудностями и самыми сокровенными мыслями. Подросткам нужны близкие друзья, на которых можно положиться и которые могут их понять. Они делятся не только своими секретами и планами, но также и чувствами, помогая друг другу в решении внутренних проблем и межличностных конфликтов [5,23].

Выявлено, что в раннем подростковом возрасте мальчики и девочки предпочитают делиться своими чувствами с родителями. Причем многое зависит здесь от непосредственности семейных отношений. Однако с течением времени подростки начинают все чаще поверять свои секреты товарищам; эта тенденция особенно выражена у старших подростков. Женщины на протяжении всей жизни проявляют большее эмоциональное участие к обоим родителям и своим ровесницам, нежели мужчины. Это вполне соответствует существующим представлениям о том, как следует вести себя представителям сильного пола: мужчины должны воздерживаться от открытого выражения своих чувств.

Дружеские отношения так необходимы подросткам, потому что они не уверены в себе и очень переживают из-за этого. Они еще не сложились как личности. Друзья и приятели, с одной стороны, придают подростку сил, с другой - помогают определить границы собственного «я». С помощью друзей молодые люди приобретают необходимые личностные и социальные навыки, что помогает им стать частью мира взрослых. У них вырабатывается эмоциональная привязанность к сверстникам, с которыми можно поделиться своими тревогами и сокровенными чувствами. Подростки становятся верными товарищами, живущими в окружении враждебного им мира.

Для подростка важно не просто быть вместе со сверстниками, но и, главное, занимать среди них удовлетворяющее его положение. Для некоторых это стремление может выражаться в желании занять в группе позицию лидера, для других - быть признанным, любимым товарищем, для третьих - непререкаемым авторитетом в каком-то деле, но в любом случае оно является ведущим мотивом поведения детей в средних классах. Как показывают исследования, именно неумение, невозможность добиться такого положения чаще всего является причиной недисциплинированности и даже правонарушений подростков.

Это сопровождается и повышенной конформностью подростков по отношению к подростковым компаниям.

Тот факт, что в основе снижения успеваемости, изменения поведения, возникновения аффективных переживаний и т. п. лежит нарушение отношений подростка со сверстниками, как правило, не осознается ни родителями, ни самим подростком; либо же нарушение общения со сверстниками видится в ряду всех других нарушений и также не расценивается как их источник и причина. Субъективная значимость для подростка сферы его общения со сверстниками значительно контрастирует с явной недооценкой этой значимости взрослыми, особенно учителями. В то время как для подростка переживания по поводу общения оказываются наиболее значимыми, наиболее типичными, учителя полагают, что в центре переживаний подростков оказываются переживания по поводу общения с учителями, а родители считают, что подростки более всего переживают по поводу общения с родителями.

Родители подростков все проблемы их общения со сверстниками списывают за счет недостатков тех детей, с которыми общается их сын или дочь. В то же время исследования показывают, что уже начиная с шестого класса у подростков начинает интенсивно развиваться личностная и межличностная рефлексия, в результате чего они начинают видеть причины своих конфликтов, затруднений или, напротив, успешности в общении со сверстниками в особенностях собственной личности. Ни родители, ни учителя не воспринимают этого стремления подростков быть лично ответственными за успешность своего общения с окружающими и никак не способствуют конструктивному развитию соответствующей потребности и способности [12,41].

У подростка очень ярко проявляется, с одной стороны, стремление к общению и совместной деятельности со сверстниками, желание жить коллективной жизнью, иметь близких товарищей, друга, с другой - не менее сильное желание быть принятым, признанным, уважаемым товарищами. Это становится важнейшей потребностью. Неблагополучие в отношениях с одноклассниками, отсутствие близких товарищей, друга или разрушение дружбы порождают тяжелые переживания, расцениваются как личная драма. Самая неприятная для подростка ситуация - это искреннее осуждение коллектива, товарищей, а самое

тяжелое наказание - открытый или негласный бойкот, нежелание общаться. Переживание одиночества тяжело и невыносимо для подростка. Неблагополучие в отношениях с одноклассниками толкает его на поиск товарищей и друзей за пределами школы. Как правило, он их находит. Эти факты хорошо известны по их печальным последствиям.

Стремление подростка привлечь к себе внимание товарищей, заинтересовать их и вызвать симпатию может проявляться по-разному, это могут быть демонстрация собственных качеств, как прямым способом, так и путем нарушения требований взрослых, паясничанье, кривлянье. Среди мотивов нарушения подростками правил общественного поведения наибольший процент составляют мотивы, связанные с неудовлетворенностью занимаемым среди сверстников положением.

Если в младших классах положение в коллективе зависит в основном от успеваемости, поведения и общественной активности, т.е. от того, как ребенок выполняет требования взрослых, то для подростков наиболее важными становятся другие достоинства - качества товарища и друга, сообразительность и знания (а не только успеваемость), смелость, умение владеть собой. В разных классах (и группах подростков) существует разная иерархия в степени ценности этих достоинств, но одно из них всегда стоит на первом месте - товарищеские качества. Чтобы снискать не просто популярность, а подлинное уважение и признание у подростков, необходимо прежде всего быть хорошим товарищем. В связи с этим в начале подросткового периода нередко происходят изменения в группе ранее популярных ребят, во-первых, исчезают прежние авторитеты и появляются новые, а во-вторых, часто наблюдается несовпадение актива класса с группой наиболее уважаемых и авторитетных подростков, так как у многих учителей существует тенденция создавать актив из хорошо успевающих и дисциплинированных учащихся без учета их товарищеских качеств. Вторая не менее важная причина осложнения взаимоотношений в классе - сохранение у учителя так называемого авторитарного стиля руководства и воспитание у актива таких же способов общения с одноклассниками, что абсолютно неприемлемо для подростков, потому что к отношению взрослых и товарищей предъявляется ими одно и то же ос-

новное требование - уважение личности и человеческого достоинства.

Это требование является стержнем «кодекса товарищества» подростков, нормы которого постепенно складываются и оформляются в играх и других занятиях и заимствуются из отношений взрослых. Существенную роль в раскрытии и конкретизации этих норм играют книги и кинофильмы. Важнейшие нормы «кодекса товарищества» - уважение, равенство, верность, помощь товарищу, честность. В среде подростков поступки каждого по отношению к товарищу, группе, классу не остаются незамеченными и оцениваются как соответствующие или не соответствующие этим нормам.

Очень важно, что эти нормы и требования совпадают с важнейшими нормами отношений взрослых - товарищеских, дружеских, с отношениями подлинного сотрудничества. Благодаря совпадению морально-этического содержания «кодекса товарищества» подростков с нормами соответствующих отношений взрослых общение со сверстниками является особой школой развития социально-моральной зрелости подростка. Это общение является практикой по овладению новыми способами социального взаимодействия в коллективе, которые основаны на нормах морали взрослых. Именно в практике отношений с товарищами эта модель усваивается прежде всего. В сфере общения со сверстниками существуют оптимальные условия для развития и укрепления у подростка ощущения собственной зрелости [11,56].

Заинтересованность подростка в уважении и признании сверстников делает его чутким к их мнениям и оценкам. Замечания, недовольства и обида товарищей заставляют его задуматься о причинах этого, обращают его внимание на себя, помогают увидеть и осознать собственные недостатки а потребность в хорошем отношении и уважаемом положении вызывает желание исправить недостатки и быть на высоте предъявляемых требований. В подростковом возрасте интенсивно развивается очень важная для общения особенность - умение ориентироваться на требования сверстников учитывать их. Это необходимо для благополучия в отношениях. Отсутствие такого умения расценивается старшими подростками как инфантилизм. Первопричиной неблагополучия в отношениях нередко бывает невы-

шенная самооценка подростка, которая делает его невосприимчивым к критике и требованиям товарищей. Именно поэтому он становится для них неприемлемым [11,57].

Таким образом, в начале подросткового периода складывается ситуация, чреватая возникновением противоречий, если у взрослого сохраняется отношение к подростку еще как к ребенку. Это отношение, с одной стороны, вступает в противоречие с задачами воспитания и препятствует развитию социальной взрослости подростка, а с другой стороны, оно вступает в противоречие с представлением подростка о степени собственной взрослости и его претензиями на новые права. Именно это противоречие является источником конфликтов и трудностей, которые возникают в отношениях взрослого и подростка из-за расхождения их представлений о характере прав и меры самостоятельности подростка.

Если взрослый не изменяет отношения к подростку, то подросток сам становится инициатором перехода к новому типу отношений. Сопrotивление взрослого вызывает у подростка ответное сопротивление в виде разных форм непослушания.

Литература:

1. Бодалев А.А. Личность и общение. – М., 1989г.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. - М. Воронеж: МПСИ, 1995.
3. Бодалев А.А. Психология межличностных отношений //Вопросы психологии.— 1994.— № 1.
4. Диалоги о воспитании: Книга для родителей /Под ред В.Н.Столетова – М.:Педагогика, 1985.
5. Кон И.С. Психология старшеклассника. – М., 1980г.
6. Кон И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя. — М.: Просвещение, 1989г.
7. Кон И.С. Психология юношеского возраста — М.: Просвещение, 1979г.
8. Лубовский Д. Развитие мотивов межличностных отношений у подростков 12-15 лет // Воспитание школьников. — 1997. — № 2.
9. Мухина В.С. Психология детства и отрочества. Учебник для студентов психолого – педагогических факультетов вузов. – М.: Институт практической психологии, 1998.
10. Психология современного подростка// под ред. Д.И.Фельдштейна, М.: Педагогика, 1989г.
11. Возрастная и педагогическая психология /Под ред А.В. Петровского.-М., 1980.
12. Рабочая книга школьного психолога /Под ред. И.В.Дубровиной – М.: 1995.
13. Синягин Ю. Ошибки в общении учителя с учениками и их родителями // Воспитание школьников -1997.- №1.

14. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно – содержательные характеристики процесса развития личности. –М.: Московский психолого – социальный институт: Флинта, 2004.
15. Фельдштейн Д.И. Особенности ведущей деятельности детей подросткового возраста.// Хрестоматия по возрастной психологии. М.:МПСИ, 1996,
16. Фельдштейн Д.И. Особенности стадий развития личности на примере подросткового возраста.// Хрестоматия по возрастной психологии. М.:МПСИ, 1996.
17. Хасан Б.И., Сергоманов П.А. Разрешение конфликтов и ведение переговоров. Учебное пособие. Красноярск-Москва 2001г.
18. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М., 1994

Стреленко А.А.

К проблеме ненасилия в контексте профессиональной подготовки психологов и социальных работников

Среди множества разнообразных характеристик, определяющих состояние развития современного общества, выделяются две наиболее важные.

Первая из них выражается в том, что деятельность государства приобретает в официальных документах все большую и большую социальную направленность, т.е. при определении приоритетов развития все более и более учитываются потребности человека как высшей ценности общества. Неотъемлемой сферой деятельности любого цивилизованного общества становится создание и совершенствование разветвленной и эффективной системы социальной защиты, основной целью которой является оказание всесторонней разовой и/или постоянной помощи индивиду (группе), попавшему в трудную жизненную ситуацию, с целью обеспечения наиболее полной его самоактуализации.

Вторая черта состоит в том, что усиливается стремление в обществе привнести критерий этической оценки в самые разнообразные отрасли профессиональной деятельности. Не только профессиональные ассоциации и сообщества дискутируют по этому вопросу и принимают разного рода профессиональные этические кодексы или стандарты, но и общественное мнение в разных странах обращается к проблеме этической регламентации действительности специалистов во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Среди вопросов, требующих новых решений, важнейшим является вопрос совершенствования взаимоотношений людей, связанных профессиональной деятельностью, – стремление строить деловые и межличностные отношения на конструктивной основе, умение регулировать профессиональное поведение в различных ситуациях. В связи с этим очень остро ставится во-

прос о соотношении деятельности специалистов помогающих профессий с нормами этики.

Задача этической оценки деятельности психолога и социального работника не была столь насущной, когда социальная работа и психологическая помощь были благотворительностью, актами милосердия со стороны частных лиц или их объединений. Однако в настоящее время, когда социальная работа и профессиональная психологическая помощь стали неотъемлемыми сферами жизнедеятельности государства и общества, когда психологи и социальные работники были включены в экономические и социальные структуры общества и общественные отношения, появилась потребность в том, чтобы этические нормы деятельности в сфере социальной защиты населения были бы формализованы, так как, подобно всем социальным институтам, институт социальной защиты в конечном счете выполняет важнейшую для государства и общества задачу – задачу стабилизации и сохранения социума, поддержания и гармонизации существующих общественных отношений и обеспечения условий для его дальнейшего всестороннего развития [2].

Однако позитивное развитие самой системы образования в общем, и развивающейся личности в частности, в том числе и в процессе профессиональной подготовки психологов и социальных работников, по нашему мнению, невозможно без ориентированности их на позиции ненасилия.

Психология ненасилия как специфическая отрасль гуманистической психологии, затрагивает различные вопросы взаимодействия людей в контексте принуждения и позиций ненасилия. Наиболее близкое понятие к интересующей нас проблематике – это ассертивность.

С точки зрения психологии ненасилия, это понятие интересно для анализа стратегии и тактики поведения человека в ситуациях взаимодействия с другими, когда решение собственных проблем осуществляется при максимальном учете потребностей и целей других людей. В силу этого, как отмечают В. Каппони и Т. Новак, «ассертивно поступающий человек не действует в ущерб кому-либо, уважая права других людей, но при этом не позволяет и «вить из себя веревки». Желаемой цели он достигает, не причиняя вреда окружающим. Он добивается своего, не манипулируя оппонентами посредством чувства вины или каким-либо иным способом из разряда приемов эмоционального шантажа. Он умеет склонить других к оказанию ему помощи или любезности. Не замыкается в себе, получая отказ в том, на что он, собственно, и не имел права рассчитывать. При столкновении интересов он способен договориться и найти компромиссное решение, удовлетворяющее обе стороны» [1].

Позиция ненасилия во взаимодействии включает в себя мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Мотивационно-ценностный компонент связан с глубоким усвоением ненасилия как общечеловеческой ценности, определяет смысловую составляющую позиции ненасилия. Когнитивный компонент выражается, с одной стороны, в сознательном отказе от намерения совершить принуждающие действия, с другой - в формировании намерения совершать собственно ненасильственные действия, суть которых в поддержке или усилении личности другого человека. Эмоциональная составляющая предполагает способность субъекта преодолевать раздражительность и обидчивость, которые, при неблагоприятных условиях перерастают в подозрительность, враждебность и агрессию, а при работе над собой – в уверенность и эмоциональную устойчивость. Особое значение в структуре позиции ненасилия приобретает поведенческий компонент. Его основу составляет ненасильственное действие, которое может носить инициативный характер или выступать в качестве реакции, другими словами, как ненасильственное сопротивление.

Психологическими характеристиками действия являются цель, мотивы, способы осуществления, результат. Рассматривая ненасилие как просоциальное действие, важно описать его посредством выделения своеобразия названных характеристик.

Цель ненасильственного действия состоит в усилении личности другого человека, других людей в противовес принуждению, где целью является именно ослабление, подавление личности. Усиление личности – широкое понятие: оно может означать и улучшение психического состояния, и возможность выйти из затруднительного положения, и материальное благо.

Мотивы ненасильственных действий многообразны, но в любом случае они порождаются на грани необходимости достойного представления о себе (позитивная «Я-концепция», самоуважение и др.) и не нанесения ущерба другим людям. К конкретным мотивам можно отнести мотивы помощи, поддержки, сотрудничества и др.

Способы ненасильственного действия также многообразны. Например, организация в противовес дисциплинированию, убеждение вместо наказания, подбадривание, но не унижение и т. д.

Результат - сохранение мира, хороших отношений, возможности позитивно решать самые сложные проблемы и задачи на фоне доброжелательного отношения, взаимного уважения [3].

Разумеется, рассмотренные ненасильственные действия как способы просоциального поведения не исчерпывают всех возможностей. В то же время они ориентируют в построении прак-

тического взаимодействия людей в различных сферах, в том числе и в профессиональной подготовке психологов и социальных работников.

Таким образом, ненасилие как ценность и определенная этическая позиция в действиях специалистов помогающих профессий, психологов и социальных работников, является важной составляющей их профессионального и личностного развития, стимулирующей индивидуальность, которую Б.Г. Ананьев рассматривал как высший уровень целостного развития человека, его акме.

Литература:

1. Каппони, В. Сам себе психолог / В. Каппони, Т. Новак. – СПб., 1994.
2. Медведева, Г.П. Этика социальной работы / Г.П. Медведева: - Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
3. Ситаров, В.А. Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе / В.А. Ситаров, В.Г. Маралов; под ред. В.А. Сластенина. – М., 2000.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

Анчукова Н.И.

Специфика креативности в музыкальной деятельности

Значение проблемы креативности обусловлено ведущей ролью этого психологического свойства в развитии творческой личности. Именно креативность, являясь универсальной творческой способностью, определяет творческие достижения человека, способствует выявлению индивидуальности и разворачиванию творческой самореализации личности.

В настоящее время многие исследователи, выделяя креативность как самостоятельную способность, рассматривают ее как комплексное свойство личности, включающее личностные, эмоциональные и мотивационные компоненты, (В.Н. Дружинин, Е.Л. Яковлева, Д.Б. Богоявленская, Я.А. Пономарев, А.М. Матюшкин). В связи с этим, изучаются разнообразные факторы, раскрывающие и развивающие творческий потенциал, анализируются психологические условия для максимальной творческой самореализации личности.

К числу наименее разработанных проблем следует отнести выявление специфики креативности и особенностей ее проявления в разнообразных видах творческой деятельности, в частности музыкальной. До сих пор вне поля зрения исследователей психологии творчества остаются особенности креативности личности музыканта, изучение которых позволит более полно раскрыть закономерности происхождения и развития музыкального творчества, психологическую природу креативного процесса музыканта-исполнителя, специфику творческого продукта музыкальной деятельности. Для определения специфики креативности в музыкальной деятельности мы используем принятое в музыкальной психологии описание специфики креативного продукта, создаваемого в данной деятельности. Продуктивное выражение креативности в музыкальной деятельности - музыкально-художественный образ, реализуемый в исполнении. Психологической основой музыкального образа является определенное переживание, относящееся к музыкальному произведению. В.Г.Ражников рассматривает музыкальный образ как «субъективное чувственное впечатление, возникающее у музыканта-исполнителя в процессе постижения музыкального образа». В современной музыкальной психологии музыкальный образ трактуется как единство трех начал: материального, духовного и логического. Материальную основу составляют акустические характеристики звукового материала. Следовательно, для создания материальной основы музыкального образа необходимы сенсорные способности, включающие качественные

характеристики слуха, образующие музыкальность (звукоточный слух, ладовое чувство, чувство ритма и другие) и способность воспринимать музыку через ряд различных ощущений (синестезия). В.Медушевский подчеркивает значение синестезии в музыкальном воспроизведении общих, отвлеченных пространственно-временных и физических характеристик вещного мира (пространственность, широту, удаленность и приближение, отношение верха и низа, наполненность и пустоту, плотность и разреженность, твердость, упругость, мягкость и другие), характеристик цвето-световых (свет, мрак, озарения и отсветы, мерцания и переливы). Используя взаимодействие ощущений, музыка способна моделировать все виды движений.

Духовную, идеальную сторону музыкального образа составляют настроения, ассоциации. При создании духовной стороны музыкального образа проявляется способность эмоционально и образно переживать музыку. Сам процесс музыкального исполнительства музыканты представляют в виде непрерывной цепи переживаемых внутренних действий. Музыка – искусство, построенное на эмоциональном воздействии, вследствие этого эмоционально-образный компонент играет особую роль в креативности музыканта, накладывая отпечаток на его личность. В исследованиях А.Х.Пашиной было показано, что музыканты обладают более развитым, по сравнению с представителями других профессий, эмоциональным слухом – способности адекватно воспринимать эмоциональное состояние другого человека.

Способность к эмоционально-образному восприятию и переживанию музыки, или эмоциональная отзывчивость, согласно К.В.Тарасовой, является музыкальной способностью. Данная способность формируется в процессе взаимодействия эмоциональной сферы и воображения. Роль воображения проявляется в ассоциативном восприятии музыки: через интонирование в музыке воссоздаются образные картины художественного мира. Г.С.Тарасов отмечает, что музыкальному интонированию подвластны не только образы, но и идеи, мысли, абстрактные конструкции. «Извлечение» смысла из музыкальной интонации невозможно без деятельности воображения. А.Н.Сохор подчеркивает, что для полноценного восприятия музыки необходимо понимание музыкальной интонации как «слов» знакомого «языка». В роли таких «слов» выступают образы и эмоции. Психологической основой воображения в музыкальной деятельности является эмоциональное переживание музыки. В исследовании Г.М.Цыпина указывается на прямую связь эмоций с ассоциативными процессами. В одном случае, ассоциативные образы порождаются эмоциями, в другом случае, такие образы служат

катализатором самых различных чувств и переживаний. Взаимосвязь эмоционального и образного компонентов в музыкальной деятельности составляет главное специфическое качество креативности музыканта. Во многих музыкально-психологических исследованиях подчеркивается роль ассоциаций в творческом поиске новых идей, в стимулировании творческой активности музыкантов.

Следующий компонент музыкального образа – логический. В данный компонент В.Петрушин включает формальную организацию музыкального произведения с точки зрения его гармонической структуры, последовательности частей. В осознании и реализации логической стороны музыкального образа проявляется интеллектуальный компонент креативности. Данный компонент включает «знание» реципиента семантических возможностей музыкального языка и мыслительную работу музыканта, находящуюся в тесной взаимосвязи с техническими навыками. В роли проблемной ситуации, возникающей в музыкальной деятельности, выступает решение задачи поиска и воспроизведения музыкально-выразительных средств, необходимых для воплощения музыкально-художественного образа. Интеллектуальный компонент креативности реализуется, в основном, на репетиционном этапе подготовки к воплощению музыкального образа и проявляется в музыкальном мышлении. Данный вид мышления, согласно О.Зиху, проявляется в абстрактном симультанном осмыслении специфических структурных факторов музыкального сочинения.

Реализация музыкального образа происходит в исполнении. В отличие от подготовительного этапа, который является прерогативой сознания, исполнительство рассматривается музыкантами как процесс, в большей степени осуществляемый бессознательно. Г.Л.Ержемский называет исполнительское творчество «царством интуиции и образного мышления». Ю.Вахранев сравнивает исполнение музыкального произведения с медитацией, поскольку главенствующая роль в этом процессе принадлежит бессознательной сфере психики. Медитирование проявляется в вслушивании, постижении смысла музыки, в «своеобразном управлении континуальными потоками сознания без обращения к языковым средствам». Таким образом, музыкальный образ рождается при взаимодействии сознательных, бессознательных и эмоциональных процессов. Исходя из этого, мы выделяем основные компоненты креативности, характеризующие специфику данного свойства в музыкальной деятельности: – сенсорные способности - качественные характеристики слуха, образующие музыкальность, способность восприятия музыки через ряд различных ощущений;

- эмоционально-образная способность восприятия и переживания музыки, основанная на взаимодействии воображения и эмоциональных процессов;
- интеллектуальная активность, проявляющаяся в деятельности музыкального мышления;
- интуиция, проявляющаяся в трактовке музыкального образа и в музыкальном исполнении.

В перечисленных специфических компонентах креативности мы не выделяем специальные музыкальные способности, а включаем их в одну общую сенсорную способность. Изучение опыта музыкантов исполнителей показало, что для достижения значительных творческих успехов недостаточно иметь высокий уровень развития музыкальных способностей, необходимо сочетание и взаимодействие этих способностей с остальными выявленными компонентами.

Итак, специфика музыкального творчества заключается в создании особого креативного продукта – музыкального образа. Основываясь на этом, нам удалось создать теоретическую модель креативности музыканта, отличительной особенностью которой является содержание продуктивного фактора.

Для возникновения и стабилизации музыкального образа требуется накопление множества конкретно-чувственных впечатлений. При этом ведущая роль принадлежит звуковому восприятию, источником которого выступает звуковая ткань музыкального произведения. В данном случае правомерно говорить, что процессы воображения здесь представлены в виде образных ассоциаций, возникающих на базе музыкального восприятия. Именно этим термином пользуются психологи и музыканты, когда как условия для раскрытия и реализации творческого потенциала личности. обращаются к вопросу о воображении в музыкальной деятельности. А.П.Шаховской отмечает, что музыкальный образ рождается в «точке пересечения» двух процессов: процесса отражения окружающей действительности и процесса отражения конструктивных возможностей (свойств) звукового материала. В результате музыкальный образ имеет двухвекторную направленность: в сторону жизненной реальности и в сторону музыкальной реальности, средствами которой музыкальный прототип, воплощенный в музыкальном образе. Свободному оперированию музыкальными образами способствуют ассоциации. В данной деятельности они выступают как важный фактор формирования и развития музыкально-образного мышления. Итак, симультанный образ является продуктом взаимосвязи воображения и музыкального восприятия. Исходя из этого, мы можем говорить о нем как об образной ассоциации. Четкого определения понятию «образная ассо-

циация» в психолого-педагогической и музыковедческой литературе не дается. Но если ассоциация – это связь в сознании каких-либо переживаний, то образная ассоциация в музыкальной деятельности может быть представлена как связь образа одной сенсорной модальности (слуховой) с образами других модальностей и вербальными образами. В итоге, процесс возникновения образной ассоциации можно представить следующим образом:

Музыкальное восприятие - эмоциональное переживание - память - воображение - образная ассоциация

Термин «образное ассоциирование» встречается в работах психологов и музыкантов-педагогов и психологов, хотя определение ему не дается. Мы рассматриваем образное ассоциирование как процесс образования, возникновения и осознания образных ассоциаций. Психологической основой образного ассоциирования является взаимодействие следующих процессов:

-сенсорные (слуховые + синестезия);

-музыкальное воображение (музыкально-слуховые представления+воображение+двигательные компоненты); эмоциональное мышление (эмоциональное переживание + воображение).

Продукт процесса образного ассоциирования – образная ассоциация, составляющая основу художественного образа в музыкальной деятельности. Обобщая различные типологии образных ассоциаций, представленные в музыкально-психологической литературе, мы можем выявить следующие типы образных ассоциаций, с которыми сталкиваются музыканты:

– сенсорные ассоциации – зрительные, слуховые, двигательные, синэстетические (вкус, цвет, запах и другие). Каждая модальность данных ассоциаций включает большую группу различных образов. Так, например, зрительные ассоциации включают картины природы, образы людей, животных и другие. К данным ассоциациям мы относим комплексные образы, возникающие в результате взаимодействия ассоциаций различных модальностей – ощущения эпохи, передаваемой в музыке, стиля и формы;

– эмоциональные ассоциации – настроения, чувства, переживания;

– интонационно-речевые. Ряд исследователей, начиная с Б.Асафьева, считают, что музыка зародилась из речевых интонаций, а музыкально-речевые интонации представляют собой мощный источник выразительности музыки;

– концептуальные ассоциации – мысленные вербальные построения, результат обобщения содержания музыкального произведения. Г.А.Ержемский указывает, что формирование «музыкального сюжета» произведения, его смысловой, содержа-

тельной стороны происходит на завершающем этапе освоения музыкального материала. Концептуальные ассоциации тесно связаны с функцией антиципации (прогнозирования).

Таким образом, ведущая роль образного ассоциирования обусловлена его воздействием на специфические компоненты креативности музыканта – сенсорный, эмоционально-образный, интеллектуальный и интуитивный. Связь креативности с образным ассоциированием проявляется на этапе конструирования вербального художественного образа (эмоционально-смысловой концепции музыкального произведения), где образное ассоциирование может рассматриваться как модель креативного процесса.

В итоге, основной вывод нашего теоретического анализа состоит в том, что образное ассоциирование является основным компонентом креативного процесса в музыкальной деятельности и опосредует создание музыкального образа, творческий характер которого отражает уровень креативности музыканта.

Бобылев Е.Л. Минькова Е.С.

Специфика формального метода психологического анализа литературного творчества

Имя Бориса Александровича Грифцова (1885 – 1950) практически неизвестно современным психологам. Между тем, он был не только блестящим литературоведом и переводчиком, но и серьезным специалистом в области психологии литературного творчества. Грифцов не только продолжил начатую А.А. Потебней и Д.Н. Овсяннико-Куликовским идею объяснения произведений литературы особенностями психики его автора, но и внес своей неопределимой вклад в разработку новой методологии при подходе к психологическому анализу литературного творчества. В отличие от старого литературоведческого психологизма Грифцов последовательно и сознательно отстаивал суверенность художественного творчества, в процессе которого душевный опыт писателя подвергается принципиальной трансформации, преобразуется согласно специфическим законам искусства. Таким образом, главной задачей его метода было изучение только психологии творческого акта вне всех нетворческих переживаний художника. В первую очередь Грифцова интересовал вопрос о том, какие чувства испытывает «писатель по отношению к стоящей перед ним писательской задаче» [Грифцов, 1988, с. 42]. Материалом его исследования оказывалось, прежде всего, само литературное произведение, его текст. В результате, общая формула метода может быть представлена следующим образом: от психологии писателя (определение типа творческого сознания — классицистическое, романтическое, реалистическое) — к

анализу психологии литературного жанра (соотношение историко-социальных, композиционных — основополагающих и содержательно-идейных критериев) — к анализу эстетического впечатления (особенности воздействия произведения на читателя). Филолог отказывался от попыток объяснить произведение с помощью писем, дневников и прочих нехудожественных высказываний писателя. Грифцов считал, что у творчества есть свои внутренние законы, а, значит, литература может не только раскрывать, но и скрывать личность писателя, поэтому напрасно искать в таких высказываниях окончательную истину о душевной жизни автора: «Если поэзию считать историческим свидетельством, то свидетельствует она только о том, чего не было в действительности, чего не хватало. Исторически она есть только негативное свидетельство» [Грифцов, 1988, с. 128]. То есть поэзия сама начинает собою новый психический ряд, становясь не только отражением, но и новым фактом опыта. В своей жизни человек постоянно имеет дело с фактами духовной культуры, и эта искусственно созданная среда сама становится для него вполне реальным объектом восприятия и осмысления. Следуя традициям философии И. Канта и описательной психологии, Грифцов считал, что действительность духовная относительно независима от действительности материальной, и прежде всего это проявляется в творческой психологии писателя.

В работе «Психология писателя» Грифцов критиковал Овсяннико-Куликовского за абстрактное разделение художественного творчества на «субъективное» и «объективное». Неоднозначным было и отношение филолога к потебнианскому пониманию искусства как «оживления» образной внутренней формы слова. Особняком Грифцов стоял и от новейшего направления в психологическом исследовании искусства — направления, основанного на принципах фрейдовского психоанализа. Как и большинство своих коллег, Грифцов приветствовал «широкое и освобожденное» влияние, которое способна оказать в науке сама идея бессознательного в художественном творчестве, идея сложной трансформации, которую оно претерпевает в ходе превращения в художественный текст. Однако его удивляло упрощенное, чисто психиатрическое истолкование этих трансформаций у Фрейда и его последователей. Искусство, по мнению Грифцова, принципиально отличается от сновидений и патологического бреда, оно строится по своим законам и не сводится к простому проявлению бессознательного. Его взгляды на позиции психоанализа в области искусства совпадали с идеями Л.С. Выготского. В работе «Психология искусства» (1925г.) Выготский пришел к выводу о том, что это научное направление «сможет принести какую-либо реальную пользу только в том случае, ... ес-

ли наряду с бессознательным станет учитывать и сознание не как чисто пассивный, но как самостоятельный активный фактор, если оно сумеет разъяснить действие художественной формы, разглядевши в ней не только фасад, но и важнейший механизм искусства...» [Выготский, 1987, с.109-110].

К постижению художественного феномена Грифцов и Выготский шли независимо друг от друга и с совершенно различных сторон: первого интересовал процесс художественного творчества, второго — главным образом художественное восприятие («эстетическая реакция»); первый опирался на традиции описательной психологии, второй — на достижения экспериментальной психологической науки. Несмотря на это, между их книгами есть сходство не только в названиях, но и в содержании. Оба исследователя старались опираться, прежде всего, на материал самих художественных произведений, оба уделяли большое внимание психологической типологии жанров, независимой от личности конкретного автора или читателя. По-своему каждый из них решал задачу методологического обновления психологии искусства, связанную с осознанием суверенности творческого акта. Нельзя не упомянуть и о сходной судьбе, постигшей обе книги: «Психология искусства» Выготского, хотя и по другим причинам, но также осталась неизданной и увидела свет только в 1965 году, через тридцать один год после смерти автора [Грифцов, 1988, с. 9].

При анализе психологии жанров, в теории Грифцова определенным образом предвосхищаются позднейшие исследования тех же проблем. Так, в главе «Начало романа» Грифцов писал о связи между романами Ф.М. Достоевского и «контroversами» позднеантичных риторов: «Чтобы их «декламации» стали его романом, нужно было только ему в себе услышать противоречивые речи нескольких риторов, одному суметь произнести речь и за отца, и за сына, и за возлюбленную сына, самому суметь в этой возлюбленной увидеть и женщину, страдающую и женщину, только отдавшуюся своей страсти» [Грифцов, 1988, с. 90]. Здесь явно прослеживалась аналогия с концепцией «полифонического романа», сформулированная несколькими годами позже в книге Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929г.). По мнению С. Зенкина, Бахтин скорее всего был знаком, с этой идеей Грифцова по его книге «Теория романа», вышедшей в 1927 году [Зенкин, 1986]. Современник Грифцова исходил не из психологии творчества, а прежде всего из философии субъекта и языка; свою концепцию полифонического романа он не распространял на античный роман, о котором говорил Грифцов. Оба ученых обнаруживали в романе столкновение и диалог равноправных сознаний героев, равноправных версий действительно-

сти. Следует отметить, что, несмотря на значительные отличия, в концепции Грифцова прослеживаются отдельные сходные элементы взглядов Л.С. Выготского и М.М. Бахтина на проблему психологии искусства. Вопрос о взаимовлиянии этих трех авторов друг на друга достаточно не изучен, поэтому делать какие-то выводы относительно приоритета и первенства кого-то из них сложно.

В целом, метод Грифцова очень близок формальному методу, а точнее «описательному формализму». Признаки формализма проявились во взгляде Грифцова на художественную форму как на категорию, определяющую специфику литературы; в игнорировании всех нелитературных компонентов творчества, отказе от генетических и эволюционных подходов к предмету литературы и от сравнительного и исторического методов анализа. Однако, само название работы Грифцова «Психология писателя» говорило о преодолении ограниченности классического формализма. Филолог разделял новые взгляды на преобразование формального метода. Он признавал и использовал понятие литературной функции, под которой понималось признание разнозначности одних и тех же литературных элементов в различные исторические эпохи. Это давало возможность отказаться от механистического толкования произведения как суммы художественных приемов. Приемы постигались не изолированно, а в меняющемся динамическом соотношении между собой и со всей литературной системой.

В своих исследованиях Грифцов сделал важные методологические шаги: он рассматривал внутрилитературные системы в контексте истории литературы, профессионализации и специализации литературы, определении социальной среды, которые в свою очередь также системны. В итоге Грифцов приходил к более широкому и универсальному научному методу постижения формы и содержания в их единстве. В отличие от своих старших коллег формалистов, он не боялся применять психологические принципы при анализе литературных текстов. В этой связи, понятия формы и содержания начали наполняться психологическим смыслом и уже не противопоставлялись, а выступали в органическом единстве. Особенностью метода было то, что первоначально все эти выводы делались относительно их значимости только для самого писателя. Психологические механизмы воздействия литературы на читателя, как и у формалистов, практически не рассматривались.

В более позднем исследовании «Как работал Бальзак» (1937г.) Грифцов начал рассматривать проблему анализа эстетического впечатления, под которым им понимался не просто гедонистический факт удовольствия от прочтения (как у форма-

листов), а эстетическое доверие произведению, перенесение на себя переживаний и состояний художественного мира писателя. Здесь обнаруживается влияние на Грифцова концепции вчувствования Т. Липпса в ее кантовском оформлении. Прием вчувствования филолог распространял как на сферу творческого процесса, так и на сферу восприятия литературного произведения. Но и здесь Грифцов не смог окончательно избавиться от субъективизма, так как эстетическое впечатление связывалось не с объектом искусства (произведением), а зависело от духовного потенциала субъекта, от его способности «разжечь» в самом себе волнение и безграничную чувствительность. Наслаждение силой, богатством, широтой, интенсивностью собственной внутренней жизни, к которой побуждает литературное произведение, и являлось, по мнению Грифцова, главным итогом художественного восприятия.

Литература:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Художественная литература, 1975. - 504 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. - 423 с.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Педагогика, 1987. - 345с.
4. Грифцов Б.А. Как работал Бальзак. - М.: Гослитиздат, 1958. - 302 с.
5. Грифцов Б.А. Психология писателя. - М.: Художественная литература, 1988. - 462 с.
6. Зенкин С. Из литературного наследия В.А. Грифцова // Вопросы литературы. - 1986. № 1. - С. 192—212 .

Буреломова А.С., Поляков С.Э.

Мгновенные образы восприятия

Скорость протекания психических процессов определяет способность организма воспринимать и фиксировать развертывание изменений в окружающей среде. Эту скорость можно определить, например, как количество психических явлений, возникающих в сознании за период времени. Если мы рассмотрим период, продолжительность которого составляет лишь 1 мс или несколько миллисекунд, то, вероятно, обнаружим в сознании только некоторые виды ощущений (да и то не факт). Например, болевое – в виде острой боли («кольнуло»), слуховое – в виде щелчка, зрительное – в виде яркой вспышки света. Такие ощущения можно назвать мгновенными. Конечно, понятие мгновение – условное, т.к. любое «мгновение» состоит из более мелких «мгновений», которые мы субъективно просто не можем в нем вычленить. Субъективным мгновением применительно к перцептам можно признать минимальный отрезок времени, необходимый и достаточный для развертывания ощущения или образа восприятия, минимально понятного (понятного хотя бы в

качестве факта восприятия чего-то существующего вовне) воспринимающему.

Какова продолжительность мгновенного образа восприятия, т.е. сколько длится период времени, минимально необходимый для восприятия объекта? Непосредственно измерить продолжительность мгновенных образов восприятия невозможно. Убеждение «здорового смысла» о том, что образ восприятия объекта существует столько же времени, сколько воспринимающему предъявляется объект, вряд ли разделяют все исследователи, и это правильно. Тем не менее, время существования зрительного образа восприятия предмета можно считать примерно равным времени экспозиции предмета, если пренебречь временем, необходимым для формирования образа и временем существования иконического образа - послеобраза. Следовательно, в качестве продолжительности мгновенного образа восприятия объекта «А» можно условно принять продолжительность предъявления этого объекта, но только в том случае, если вслед за объектом «А», который был воспринят и опознан испытуемым, ему немедленно предъявляется объект «Б», который тоже опознается испытуемым. Предъявление объекта «Б» обеспечивает стирание образом его восприятия послеобраза объекта «А». Самый короткий период времени между предъявлениями двух объектов, в течение которого испытуемый в состоянии опознать первый объект, и будет продолжительностью мгновенного образа его восприятия.

Здесь возникает целый ряд вопросов: Как именно время экспозиции объекта влияет на образ его восприятия? Через какое время после начала предъявления объекта появляется образ его восприятия? Меняется ли этот образ во времени? Как долго он сохраняется после прекращения предъявления объекта, т.е. какова его инерция? И т.д.

До сих пор самому факту существования мгновенных образов восприятия не было уделено достаточного внимания в психологии, хотя среди исследований, направленных на изучение восприятия, имеется ряд работ, прямо или косвенно доказывающих наличие в сознании этих образов. По крайней мере, мы не нашли в литературе указаний на то, что кто-либо писал о существовании мгновенных образов восприятия и занимался их исследованием.

Наиболее важные исследования, имеющие отношение к мгновенным образам восприятия (как мы их называем) были проведены Дж. Сперлингом.

В одном из его экспериментов [10] испытуемым на очень короткое время (50 мс.) предъявляли карточку, на которой было изображено девять букв, расположенных в три строки по три буквы

в каждой. Сразу же после предъявления карточки испытуемому предъявляли на том же месте другую карточку, содержащую прямоугольную «метку», отмечавшую букву, находившуюся на этом же месте в предыдущей карточке. Данную букву испытуемый должен был назвать. Место метки менялось. Испытуемый всегда называл отмеченную букву, следовательно, на тот момент он помнил всю представленную на карточке информацию. Результаты опыта демонстрируют, что 50 миллисекунд вполне достаточно для восприятия объекта, детали образа которого потом сохраняются в памяти и могут быть воспроизведены. Данный факт доказывает, что 50 мс хватает для формирования и осознания зрительного образа восприятия, опознания объекта восприятия, а также сохранения и последующего произвольного воспроизведения деталей соответствующего образа воспоминания. Все это бесспорно свидетельствует о существовании мгновенных визуальных образов восприятия.

Другие исследователи получили похожие результаты в иных экспериментах. В эксперименте С.Стернберга [11] испытуемому показывали разные наборы цифр, которые он должен был запоминать. Каждый список содержал от 1 до 6 цифр. После предъявления список убирали и испытуемому показывали тестовую цифру. Испытуемый должен был решить, содержалась ли она в списке. Испытуемые редко ошибались. Однако время решения возрастало пропорционально длине списка. Каждая цифра в списке увеличивала время на одну и ту же величину – примерно на 40 мс, т.е. на 1/25 секунды. Сходные результаты были получены автором впоследствии [12] при использовании в качестве элементов запоминаемого списка букв, слов, звуков или изображений человеческих лиц.

Результаты экспериментов Е.Тулвинга и К. Голда [14] свидетельствуют о том, что, во-первых, восприятие слов сильно зависит от контекста, во-вторых, о том, что времени предъявления слова от 45 мс до 90 мс вполне достаточно для его восприятия, понимания и запоминания, даже если оно не имеет отношения к контексту. Испытуемым предлагали для прочтения часть предложения, состоявшую из одного – четырех слов. Затем им в течение 10 мс предъявляли либо последнее слово этого предложения («исполнение»), либо совершенно иное, не связанное с данным контекстом слово, и просили испытуемых опознать его. Если испытуемый ошибался, время экспозиции увеличивалось на 10 мс, до тех пор, пока испытуемый не опознавал слово. Вариант контекстов:

«- Эту

- Эту актрису

- Эту актрису похвалили

- Эту актрису похвалили за выдающуюся»

При увеличении количества информации в значимом контексте, скорость опознания слова возрастала, и время экспозиции слова уменьшалось с 70мс до 45мс. С увеличением количества информации в неадекватном контексте время, необходимое для опознания слова, наоборот, увеличивалось с 70мс до 90мс.

Анна Трейсман и Г. Гелад [13] предлагали своим испытуемым быстро просмотреть множество объектов – 30 букв Z и I, изображенных на листе, и обнаружить среди них одну букву T. В ходе эксперимента они установили, что испытуемые тратят на обнаружение буквы T, расположенной среди других букв, приблизительно на 600 мс больше, чем в том случае, когда на листе имеется только одна буква T. Они определили, что испытуемые должны были в среднем просмотреть приблизительно половину из 30 букв - 15 прежде, чем найти букву T. Следовательно им требовалось приблизительно $600/15 = 40$ мс, чтобы оценить и отклонить каждую ненужную букву.

Итак, за эти 40 мс у человека не просто возникает мгновенный визуальный образ восприятия объекта, но его сознание успевает оценить этот образ и отбросить или принять. Следовательно, 40 мс - это не просто время, необходимое для восприятия объекта и формирования его мгновенного зрительного образа восприятия, но и время, включающее в себя сознательную обработку данного мгновенного образа.

Приведенные исследования тоже подтверждают, но совершенно иным способом то, что мгновенный зрительный образ восприятия вполне укладывается в 40 мс.

А. Марсел [8] в своих экспериментах предъявлял испытуемым в течение 10 мс либо слово, либо пустое поле, после чего в течение 30 мс предъявлял маскирующее изображение для стирания иконического образа. Затем испытуемым предлагалось указать, видели они слово или нет (контроль), либо предъявлялся ряд букв для максимально быстрого определения - слово это или случайный набор букв. В ряде случаев предъявлявшееся слово было связано по смыслу со словом буквенного ряда. В контрольной группе испытуемые одинаково часто сообщали, что видели слово и при действительном его предъявлении, и при предъявлении пустого поля. В экспериментальной группе опознание слова в буквенном ряду проходило быстрее, если слово было семантически связано с предшествующим словом. Автор делает вывод о том, что, предъявленное в течение 10 мс слово, даже не будучи осознанным, «обрабатывается семантически».

Существенно то, что полного стирания образов из памяти в описанных экспериментах не происходило, и воспринимавшиеся в течение всего 10 мс слова в последующем влияли на переработ-

ку новой словесной информации (эффект Марсела). Эти опыты нуждаются в продолжении, хотя для нас сейчас важнее то, что 10 мс предъявления оказалось достаточно для возникновения мгновенного образа восприятия, следы которого в ряде случаев влияли на результаты нового восприятия.

Итак, Дж. Сперлингом было фактически установлено, что даже 10 мс предъявления достаточно для формирования полноценного мгновенного зрительного образа восприятия. Так, в одном из его экспериментов [6] испытуемым в течение 5 мс предъявлялись ряды, состоящие из 7 букв. Затем яркая вспышка прерывала существование инерционных образов на сетчатке. Таким образом, искусственно контролировалось время присутствия информации в сенсорном регистре. Интервал между экспозицией букв и вспышкой увеличивался с «шагом» в 10 мс. Всякий раз испытуемого спрашивали, сколько букв и какие он увидел. Было установлено, что при увеличении времени предъявления на 10 мс. испытуемые могли назвать на 1 букву больше. Следовательно, 10 мс достаточно для формирования образа восприятия, что свидетельствует о скорости восприятия, равной примерно 100 символам в секунду. Правда, это наблюдалось только для первых пяти букв, затем процесс замедлялся.

В другом эксперименте Дж. Сперлинг и сотр. [9] предъявляли испытуемым матрицы из букв, в которых нужно было найти и идентифицировать спрятанную цифру. В каждой матрице было от 9 до 16 букв, и матрицы сменялись каждые 40-50 мс. Было установлено, что распознавание одного символа может осуществляться примерно за 10 мс (80-120 символов в секунду).

Эти весьма показательные результаты свидетельствуют о возможности существования визуальных мгновенных образов восприятия в промежутке времени продолжительностью около 10 мс. Исследования Дж. Сперлинга также позволяют получить ответ и на поставленный выше вопрос: через какое время после начала предъявления объекта появляется образ его восприятия? Он появляется не позднее, чем через несколько миллисекунд, т.к. за время порядка 10 мс происходит распознавание одного «символа» (буквы или цифры).

Показателен и эксперимент Дж. МакКин Кеттела [7], который, используя тахистоскоп, оценивал время, необходимое для идентификации фигур, цветов, букв и предложений. Это время идентификации зависело от того, насколько испытуемый был знаком с предъявляемым материалом. Буквы и слова предъявлялись всего на 10 мс. Чем больше предъявляемая последовательность букв приближалась к значимой, например слову, тем больше букв удавалось запомнить испытуемому. При предъявлении на 10 мс не связанных между собой букв, испытуемый запоминал

три - четыре из них. При предъявлении слов (по три, четыре буквы каждое) он запоминал уже до двух слов. Если же слова были связаны по смыслу, то испытуемый успевал «прочитать» и запомнить до четырех слов. Т.к., по мнению автора, 10 мс – время меньшее, чем необходимо для саккады, он полагает, что воспринятое испытуемым можно рассматривать (выражаясь метафорически), как единичный «кадр» восприятия. Одновременно с этим Дж. МакКин Кеттел обнаружил, что процесс восприятия слов и букв в единичном «кадре» проходит одинаково легко.

Приведенные данные важны для нас, в первую очередь, тем, что за 10 мс успевает возникнуть мгновенный зрительный образ восприятия. И после него в памяти испытуемого могут сохраняться образы воспоминания по крайней мере 2-3 объектов. То, что автор называет «единичным кадром восприятия», мы имеем все основания рассматривать как истинный мгновенный образ восприятия.

В экспериментах [1], испытуемым всего на несколько миллисекунд предъявляли слово или отдельную букву, а затем – маскирующий стимул. Испытуемому надо было ответить, какой из двух вариантов слова или буквы предъявлялся ранее. Если ему предъявляли изображение либо только буквы К, либо слова «WORK» (работа), а затем спрашивали, была ли последняя буква К или D, испытуемые отвечали точнее в случае предъявления целого слова, а не одной буквы.

Приведенные данные вновь демонстрируют, что экспозиции объекта продолжительностью даже в несколько мс в ряде случаев достаточно для появления мгновенного зрительного образа восприятия.

Факт наличия мгновенных образов важен не столько даже сам по себе, сколько вообще в качестве возможного объяснения неясных пока проблем восприятия и функционирования психики.

Пожалуй, особенно наглядное доказательство факта существования мгновенных образов восприятия предоставляет нам кино. Известно, что человек способен различать на экране единичные картины при скорости смены кадров менее 24 в секунду. Если мы разделим 1 сек. на 24 части, то получим время экспонирования одного кадра равное 41,67 мс, что соответствует экспериментальным данным (см. выше) о продолжительности мгновенных образов восприятия (примерно один образ восприятия за 40 мс.). Р.Л.Грегори [4], впрочем, приводит более точные данные и сообщает о том, что вспышки света частотой до 30 в секунду (одна в 33 мс.) воспринимаются как мелькание. При большей частоте вспышек свет будет казаться непрерывным. Если свет яркий, критическая частота восприятия отдельных изображений

(или мельканий) может достигнуть 50 вспышек в секунду (одна в 20 мс.). В кино отдельные картины проецируются с частотой 24 кадра в секунду, что значительно ниже критической частоты слияния изображений. Однако каждое изображение быстро и последовательно показывается трижды. Нам предъявляется всего 24 кадра в секунду, но, таким образом, частота мельканий составляет 72 вспышки света в секунду (один кадр примерно в 14 мс.). Эта величина превышает критическую частоту мельканий для всех участков изображений, за исключением ярких, попадающих на периферию сетчатки, поэтому там могут быть видны отдельные мелькания. В кинематографе и в мультипликации чрезвычайно важно также, чтобы соседние кадры отличались друг от друга незначительно, иначе нашей зрительной системе не удастся «сливать» их в одно плавное изображение».

На основе сказанного можно предположить, что мгновенные образы восприятия возникают в сознании с частотой выше 24-х в секунду. Непрерывная смена похожих, но различающихся в деталях, мгновенных образов восприятия одного и того же объекта создает эффект его непрерывного изменения или движения. Разворачивающаяся в нашем сознании последовательность таких, слегка отличающихся друг от друга мгновенных образов объекта расценивается нами как единый образ движения этого объекта. Скорость смены мгновенных образов восприятия в сознании при этом не может быть меньше 24 в секунду. В противном случае у нас возникло бы ощущение разорванности движений окружающих нас объектов. В нашей памяти изменения окружающей реальности тоже должны быть представлены, последовательностями кратковременных образов воспоминания, которые сливаются в сознании в непрерывные образы движений объектов.

Вероятно, скорость, равную нескольким десяткам образов в секунду, следует рассматривать как разрешающую способность человеческого восприятия, которая позволяет нам фиксировать изменения окружающей реальности.

Исследования восприятия объектов в различных сенсорных модальностях демонстрируют, что не только зрительный анализатор способен формировать значительно больше одного образа в секунду. Б. М. Величковский [3] приводит, например, данные о том, что если с асинхронностью порядка 100 мс прикасаться к ладоням левой и правой руки (с помощью специальных вибраторов), то сидящему с закрытыми глазами наблюдателю начинает казаться, что что-то или даже кто-то быстро бежит между его ладонями. Из этого следует, что у испытуемого возникают мгновенные тактильные ощущения, из которых, в свою очередь, формируется сложная репрезентация отсутствующего в реаль-

ности объекта. В этом случае нас интересует не столько даже то, что именно ощущает испытуемый, сколько его способность воспринимать десяток тактильных ощущений в секунду.

Разные по модальности ощущения и образы восприятия, например, зрительные и слуховые, требуют разного времени для своего «развертывания». В частности, слуховые образы слов, точнее то, что принято считать слуховыми образами слов, не способны существовать, т.е. развернуться и «уложиться» в такой краткий момент времени как субъективно переживаемое мгновение. Образ восприятия слова требует для своего формирования и появления в сознании в среднем около секунды. Я уже не говорю об «образе» восприятия самой короткой музыкальной мелодии. Тем не менее, сознание способно формировать и мгновенные слуховые образы. Так, громкий звук (интенсивностью 120 дБ), длящийся всего 3 мс, уже ощущается, как отдельный щелчок [5].

Репрезентация воспринимаемой речи в целом - это почти непрерывная последовательность переходящих друг в друга звуков разного рода: шумов, свистов, щелчков и т.д., однако лишь сознание воспринимающего трансформирует эти последовательности в привычные гештальты слов. Создавая специфические гештальты из последовательностей мгновенных слуховых образов восприятия, сознание затем рассматривает эти конструкции как отдельные самостоятельные сущности, оперируя уже именно ими в качестве того, что называют «образами» слов. Такие устойчивые конструкции представляют собой жестко связанные между собой последовательности строго определенных мгновенных слуховых образов.

Не ясным остается вопрос о том, является ли продолжительность мгновенных образов восприятия каждой модальности константной для данного субъекта величиной или меняется в зависимости от условий восприятия и состояния воспринимающего. Не ясно минимально достаточное для понимания и последующего сохранения образа в памяти количество мгновенных образов восприятия в последовательности этих образов. Можно сказать, что мгновенные образы восприятия, их динамика и сохранение в памяти – это совершенно не изученная область психологии.

Для формирования мгновенного зрительного образа восприятия некоторых сложных объектов может потребоваться существенно большее время, чем для возникновения мгновенного визуального образа восприятия слова или буквы. Б.М. Величковский [2] сообщает, например, о том, что испытуемые узнают сложный зрительный материал в процессе восприятия предметной сцены лишь при длительности предъявления около 300 мс.

Нам представляется, что простые объекты воспринимаются в соответствии с закономерностями, установленными Дж. Сперлингом. Сложные же объекты типа сюжетных картин воспринимаются, вероятно, поэтапно. При их восприятии возникают те же мгновенные образы, но каждый последующий или каждая новая серия мгновенных образов позволяет глубже понять воспринимаемый объект, уточнить его детали. Поэтому для максимально полного понимания сложного объекта требуется уже не 10 мс. и даже не 40 мс, а около 300 мс. [2]

Мгновенно появляясь и исчезая, мгновенные образы восприятия могут содержать много сложной информации, но при этом не сохраняются в памяти вовсе. В итоге у наблюдателя может возникнуть впечатление, что восприятие объекта отсутствует. Следовательно, необходимо четко разграничивать процессы возникновения, существования и понимания человеком мгновенного образа восприятия, с одной стороны, и процессы сохранения и последующего воспроизведения воспринятой информации, - с другой, что убедительно демонстрирует, например, классический опыт Дж. Сперлинга [6], который показал, что испытуемый воспринимает практически весь объем поступающей к нему информации, но она стирается настолько быстро, что он не успевает даже о ней рассказать.

Мгновенные образы восприятия очень быстро (за миллисекунды) возникают и через миллисекунды - десятки миллисекунд сменяются новыми. Существовая, они всегда осознаются нами, однако, как правило, не привлекают к себе внимания, поэтому и не рефлексировуются нами в качестве реальных объектов нашего сознания, даже несмотря на то, что занимают в конечном счете львиную долю его содержания и большую часть времени нашего бодрствования. Для того чтобы у мгновенного образа восприятия появился шанс быть зафиксированы памятью, он должен привлечь внимание. В этом случае немедленно появляются новые мгновенные образы восприятия того же объекта. Одиночные или повторяющиеся недостаточное количество раз мгновенные образы восприятия плохо фиксируются памятью. Эксперименты свидетельствуют, что фиксация мгновенного образа в памяти зависит, видимо, от количества повторов однотипных мгновенных образов. Последовательности сходных мгновенных образов восприятия создают то, что собственно и принято определять в психологии словом образ восприятия.

Мгновенный образ восприятия играет важнейшую роль в выживании живого существа, позволяя мгновенно опознавать появившийся в поле зрения объект и реагировать на него рефлекторно. В обобщенном виде можно, по-видимому, констатировать следующее: 1. мгновенный зрительный образ восприятия

формируется при кратковременном предъявлении объекта восприятия (времени экспозиции до 40 мс, а реально и еще меньшего, вполне достаточно для его возникновения в сознании, а нередко и для его сохранения в памяти); 2. появляется он в течение нескольких мс после попадания объекта в поле восприятия; 3. при исчезновении объекта из поля зрения мгновенный зрительный образ восприятия сохраняется от нескольких десятков миллисекунд до 250 - 300 мс в зависимости от многих факторов; мгновенный слуховой образ восприятия при прекращении слухового стимула сохраняется до нескольких сек. (хотя эти данные нуждаются в уточнении); 4. возникновение мгновенного визуального образа восприятия нового объекта «стирает» в сознании предыдущий мгновенный образ, не позволяя ему сохраниться в памяти; 5. представляется очевидным, что в случае сохранения объекта в поле восприятия (т.е. при продолжительном восприятии), в сознании возникает последовательность сходных мгновенных зрительных образов восприятия этого объекта; 6. если мгновенный образ или последовательность мгновенных образов восприятия становятся объектом внимания, то они могут сохраняться в памяти, но даже, став предметом внимательного рассмотрения, они, по-видимому, не обязательно фиксируются памятью; если же мгновенные образы не стали объектом внимания, то они не фиксируются памятью и безвозвратно теряются; 7. то, что сейчас принято называть «образами восприятия», есть на самом деле мгновенные образы восприятия и их последовательности.

Признание факта наличия мгновенных образов восприятия радикально меняет наши представления об особенностях человеческого восприятия.

Литература:

1. Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р.С., Смит Э.Е. и др. Введению в психологию / под общ. ред. В.П. Зинченко, А.И. Назарова, Н.Ю. Спомнора. – Спб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 816 с. Илл. – (Большая Университетская библиотека).
2. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М.: изд-во Моск. ун-та, 1982
3. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2 т. – Т. 1. – М.: Смысл: издательский центр «Академия», 2006
4. Грегори Р. Л. Иллюзии / Психология ощущений и восприятий. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. Изд. 2-е испр. и дополн. – М. : «ЧеРо», 2002
5. Гусев А.Н. Ощущение и восприятие / Общая психология: в 7 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Б.С. Братуся. Т. 2. М.: Издательский центр «Академия», 2007

6. Сперлинг Дж. Информация, получаемая при коротких зрительных предъявлениях. Модель зрительной памяти // Инженерная психология за рубежом / под ред. А.Н.Леонтьева. – М.; «Прогресс». 1967.
7. Cattell, J. McK., 1886, 1886.
8. Marcel, 1980;1983
9. Sperling G. 1960
10. Sperling G. et al., 1971
11. Sternberg, S, 1966
12. Sternberg, S., 1969
13. Treisman & Gelad, 1980
14. Tulving & Gold, 1963

Евдокимова Е. А.

Духовность как предмет психологического исследования

Говоря о культуре в широком понимании и о психологической культуре личности, в частности, многие исследователи – философы, педагоги, психологи – отмечают её нравственную составляющую. И.Кант основу человеческой культуры связывал не столько с силой разума, сколько со сферой морали. По И.Канту сущность культуры состоит в том, что человек находит волю в постановке каких бы то ни было целей, то есть может действовать независимо от природы.

Рассматривая культуру в трех контекстах: общения, духовных ценностей (выделение автора) и творческой деятельности, В.С. Библер, определяет ее как форму диалога, свободного решения и усовершенствования жизнедеятельности, в сознании и общей ответственности, как процесс порождения каждым индивидом своего бытия [2].

Общественную значимость личности как носителя системы социально-психологических характеристик невозможно постигнуть, если абстрагироваться от сферы её духовности. «В проявлениях духовности личность выступает индивидуальностью, способной осуществлять выбор собственных жизненных целей, реализация которых обеспечивает ощущение полноценности самореализации как важнейшей социально-психологической потребности» [3].

«Процесс духовного саморазвития начинается не с момента рождения индивида, а с началом становления у него иерархии смыслов. Иерархия смыслов конституирует жизненный путь личности: вследствие осознания, принятия и трансформации основных жизненных целей, выражающих самые привлекательные экзистенциальные ценности; личность основательно и творчески самовыражается в главном выборе жизни – выборе иерархии смыслов и сценария жизненного пути, реализующего эту иерархию» [5]. При этом каждый выход за грани существ-

вующей иерархии смыслов к новому смысловому полю обуславливает новое взаимодействие с миром, благодаря которому осуществляется духовное саморазвитие личности. При саморазвитии происходит смена наиболее обобщённого и высокого в смысловой иерархии смысла исполнения себя как личности в мире [5].

Охарактеризованный А. Колесником процесс саморазвития происходит благодаря преодолению эгоцентричности смыслов и овладению мироцентричными смыслами. При этом главной целью является не самосохранение, самовыживание и самоутверждение, а сверхличностные смыслы, благодаря которым смысловая иерархия становится просоциальной и мироцентричной.

Автор определяет систему механизмов обратной связи во взаимодействии человека с миром, которыми являются идентификация, рефлексия, децентрация, медитация, эмпатия и спонтанность. Эти механизмы одновременно выступают механизмами духовного саморазвития личности, способствующими построению мироцентричной и просоциальной иерархии смыслов личности [5]. Учёт этих механизмов является необходимым условием целенаправленного управления процессом духовного развития, что является одной из задач практической психологии.

В монографии А.Зеличенко внимание уделено определению содержательной сущности явления духовности, анализу её проявлений [4]. Автор предлагает такой перечень личностных характеристик человека, свидетельствующих о степени его духовности: примирение, прощение, поиск правды, романтичность, оптимизм, пессимизм, надежда, любовь, доброта, милосердие, щедрость, преданность, самопознание, творчество, чувство прекрасного, чувство долга, добро, зло, наличие тесных эмоциональных связей с миром. В этом контексте признаком духовности является осознание человеком себя как частицы мира. Такое осознание является условием реализации функции «я - частица Мира», одновременно у бездуховной личности ведущей становится функция индивидуализации. Первая из этих функций, в отличие от второй, не предполагает выгоды. Функция индивидуализации в данном контексте выступает антагонистом духовности; её сущность состоит в ограждении от мира или, по крайней мере, в адаптации к нему, что приводит к проявлениям таких черт как негативизм, жадность, стремление к накоплению, достижение и сохранение (любой ценой) материального богатства.

А. Зеличенко отмечает глубинную схожесть духовного и бездуховного. Такие механизмы как подверженность внешним влияниям, внушению, приказам, требованиям - свойственны как бездуховным так и духовным индивидам. Однако у людей, для

которых характерны духовные качества, действие этих механизмов опосредуется, трансформируется, творчески перерабатывается.

В монографии Н. Савчина [6] феномен духовности трактуется в самых разнообразных аспектах. Автор рассматривает суть понятия духовности в системе фундаментальных теологических, философских и психологических понятий; рассматривает соотношение духовности личности и людской телесности, духовности и нравственности, духовности и свободы, духовности в измерениях добра и зла.

В отношении познания духовных явлений Н. Савчин признаёт, что научное познание духовности связано со значительными трудностями, особенно когда речь идёт о явлениях, которые человек постигает на основе веры. Доказать или опровергнуть бытие Бога, находясь на позициях рационализма и формальной логики, невозможно. По мнению автора это означает, что попытки понять явления индивидуальной духовности с позиций как последовательного атеизма, так и агностицизма являются бесперспективными [6].

В то же время возможность познания духовного в личности автор не отвергает категорически, отмечая, что «для исследования духовности необходима большая интеллектуальная смелость, учитывая, что здесь всегда остаётся место загадке, тайне, вопросам, на которые нет полных и однозначных ответов» [6].

Прикладные задачи изучения духовности нельзя решить в отрыве от собственного развития, поскольку серьёзное изучение духовности начинается с «самоизучения» и духовного самосовершенствования и саморазвития. Таким образом, одним из способов исследования духовности является метод интроспекции, то есть анализ процесса осознания своей внутренней жизни.

С. Белорусов рассматривает феномен духовности преимущественно в контексте психологии веры и религии [1], выделяя в религиозном опыте человека такие составляющие как социальный опыт верующего, эмоционально-аффективный, интеллектуальный опыт, природный, проявляющийся во влиянии красоты и гармонии внешнего мира на человека.

Митрополит А. Сурожский, несмотря на свой духовный сан, не ограничивается исключительно теологическим подходом к духовности [7]. Он утверждает, что духовность – это внутренняя целостность личности, наличие у неё своеобразного центра, стержня, в соответствии с которым структурируется жизнь индивида. Духовность предполагает определённую жизненных целей человека, осознание того, во имя чего он живёт. Проявления духовности могут быть даже у эгоистичного человека. Причины этого обычно связаны с экстремальными событиями в его

жизни, с определёнными психическими состояниями (страх, стыд, укоры совести). Однако это лишь временные проблески этих реакций у человека, который определился в своей жизни в отношении самых важных целей.

Духовность А. Сурожский связывает с наличием у человека способностей к рефлексии, интроспекции, умения всматриваться в себя, прислушиваться к себе.

В. Франкл, как и большинство исследователей духовности, провозглашает роль поиска смысла жизни, стремления к осмысленному существованию. Центральный постулат Франкла «воля к смыслу» является вопросом значений, ради которых стоит жить [8].

По мнению исследователя именно духовный мир, а не соматический или психический является определяющим в сущности человека как личности [8, с.13]. Существование человека определяют три фактора: духовность человека, его ответственность и свобода. Активная жизнь служит цели обеспечения человеку возможности реализации ценностей в творческой работе, в то время как пассивная жизнь радостного созерцания обеспечивает ему возможность достичь самоосуществления в переживаниях красоты в искусстве или природе [8, с.217]. Духовность проявляется и в том, как человек воспринимает свою судьбу и страдания, как несёт свой крест. Ведь даже в самых трагических жизненных обстоятельствах человек способен не утрачивать смысла жизни, оставаясь мужественным. Или он может в жестокой борьбе за самосохранение потерять собственное достоинство и стать похожим на животное [8, с.217].

Рассмотренные исследования духовности свидетельствуют о сложности этого феномена как в аспекте интерпретации его социально-психологического содержания, так и в рассмотрении духовности в контексте реальной жизнедеятельности личности. Это обстоятельство является одной из причин того, что учёные, в том числе и представители психологической науки, высказывают сомнения возможности и целесообразности психологических исследований феномена духовности, считая, что это предмет исключительно философского изучения.

Возможность и целесообразность психологического изучения духовности убедительно подтверждаются при условии переведения научного рассмотрения этого феномена в плоскость психологии личности. Вне этого контекста, то есть в отрыве от личности, сложно, а иногда и невозможно постичь феномен духовности как социально-психологическую реальность. Только в личностном контексте, в частности в канве активности личности, её поведения, деятельности, духовное обретает реалистиче-

ские очертания, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

Исследование духовности в контексте психологии личности предполагает выбор единицы анализа этого феномена. Как следует из теоретического анализа сущности духовности как личностного образования, такой единицей могут выступать ценностные ориентации, прямо или опосредованно связанные с нравственностью. Внутренние моральные инстанции личности являются тем эталоном, при помощи которого можно установить наличие и степень развития духовности в человеке. Чем теснее содержание ценностных ориентаций связано с нравственностью, чем весомее их связь с категориями добра, справедливости, тем выше уровень духовности. И наоборот: отсутствие такой связи – свидетельство бездуховности.

Методологической основой исследования духовности является системный подход к интерпретации этого феномена. Развитие духовности можно рассматривать как процесс, обусловленный социальными влияниями на личность, которая, благодаря свойственной ей самоактивности, способна трансформировать эти влияния, постепенно вырабатывая собственные концептуальное понимание и отношение к жизни, жизненным целям, и на этой основе проектировать свой жизненный путь, реализуя важнейшие духовные ценности.

Духовность, процесс её становления и развития обусловлены не только социальными влияниями на личность и их активной трансформацией человеком, но и определёнными врождёнными, унаследованными особенностями каждого индивида, в частности индивидуальными психофизиологическими свойствами, которые проявляются в особенностях его реагирования на явления, связанные с духовностью.

Духовность в развитом совершенном состоянии можно интерпретировать как стойкое личностное качество человека, полученное благодаря определённым врождённым психофизиологическим способностям (возможностям), которые в процессе индивидуального жизненного опыта конструктивно взаимодействуют с социальными влияниями (в том числе специально организованными воспитательными), содействующими в их системной совокупности формированию индивида как активного (самоактивного) субъекта социальной деятельности, поведения, способного к осуществлению жизненного выбора (к поступку), ответственность за который человек возлагает на себя.

Духовность как феномен, отличающийся универсальностью во взаимосвязях со многими личностными характеристиками человека, а также с учётом его сложности, многогранности, не может исследоваться одной из наук. Попытки связать духов-

ность только с одной областью человеческих знаний или только с верой, как это часто имеет место, является своеобразной монополизацией, ограничивающей возможности осознать суть этого феномена. Вследствие такой монополизации духовность считается таинственным, недоступным научному изучению явлением. То есть происходит мистификация феномена духовности. В то же время признание возможности изучения явления духовности представителями разных наук есть необходимым условием достижения в этом успеха. Незаурядными возможностями для этого обладает психологическая наука, в частности психология личности.

Литература:

1. Белорусов С.А. Психология духовности, веры и религии. – Интернет-ресурс, Академия психологи. Библиотека, 2005.
2. Библер В.С. Две культуры. Диалог культур: опыт определения. // Вопросы философии. - 1989. - № 6.
3. Боришевський М.Й. Дорога до себе: Від основ суб'єктності до вершин духовності: монографія / Мирослав Боришевський. – К.: Академвидав, 2010.- 416с.
4. Зеличенко А. Психология духовности. – М.:Изд-во Трансперсонального института, 1996.
5. Колісник О. Духовний саморозвиток особистості // Соціальна психологія. – 2006. -№1(15).
6. Савчин М. Духовний потенціал особистості. – Івано-Франківськ: Плай, 2001.
7. Сурожский А. Достичь своей высоты // Московский терапевтический журнал.- 2005. №3.
8. Франкл В. Доктор и душа. – СПб.: Ювента, 1997.

Ермакова Е.С.

Развитие творческого мышления студентов в вузе

По данным Я.А.Пономарева насчитывается более 20 определений творческого мышления. Столь же велики различия в определении его критериев. Основными из них являются – субъективная новизна получаемого продукта и формируемость (в противоположность заданности) его основных структурных компонентов. В той или иной степени к разработке проблемы творческого мышления с учетом его основных критериев относятся исследования, посвященные изучению продуктивного мышления (К.Дункер, М.Вертгеймер, З.И.Калмыкова), дивергентного мышления (Дж.Гилфорд, Д.Б.Богоявленская), нешаблонного (Э.де Боно), интуитивного (Я.А.Пономарев), теоретического (В.В.Давыдов) и др.

В отечественной психологии сторонники рассмотрения творчества в русле деятельностного подхода акцентируют внимание на его новизне, оригинальности. В этом случае творче-

ская деятельность противопоставляется репродуктивной, хотя ряд отечественных исследователей указывают на отсутствие принципиальных различий между продуктивной и репродуктивной деятельностью, особенно со стороны субъекта, участвующего в творческом акте, со стороны процесса творения (А.В.Брушлинский, Л.Л.Гурова).

Реализация этого подхода предполагает поиск критериев «творческой». Её связывают с появлением новых перцептивных образов (В.П. Зинченко), знаний (В.В.Давыдов), целей и смыслов (А.Н.Леонтьев, О.К.Тихомиров), способов действий (Я.А.Пономарев), познавательной мотивации (А.М.Матюшкин), оригинальности продукции, легкости создания новых образов и т.п. Единый психологический критерий продуктивности и творческой не описан.

Ряд исследователей считает, что креативные процессы могут быть алгоритмизированы в определенных пределах, а творческая деятельность сама по себе не обладает характером феноменальности, прозрения. И.П.Калошина вводит понятие нормативной творческой деятельности, которой можно обучать, которой можно управлять.

В творческом мышлении находит наиболее полное выражение диалектическое противоречие между продуктивными и репродуктивными процессами, открытие новых знаний происходит в опоре на уже имеющиеся знания и в то же время – на основе преодоления их тормозящего влияния. При этом сущность творческого мышления заключается в возможности отказаться от стереотипного способа действия и выделить до того не воспринятые свойства и отношения объектов, включить объект в новую систему связей и отношений, где и обнаруживаются эти свойства.

По нашему мнению, продуктивность, присущая творческому мышлению, выступает результатом воспитанности мышления определенным образом исследовать объект, отражая в нем противоречивые свойства, скрытые, неочевидные связи и отношения. Содержание учебных дисциплин в вузе дает немало возможностей для отбора учебного материала, наиболее отвечающего задаче развития творческого мышления студентов.

Первым направлением в отборе содержания учебных курсов является нахождение в материале явных и неявных противоречий. Например, при изучении лексики русского языка обращается внимание на омонимы – одинаково звучащие единицы языка, в значении которых нет общих семантических элементов. На примере омонимии студентам показывается противоречивость формы и содержания слова.

На различном содержании можно строить ситуации антиномий – логических структур, выражающих «соединение несоединимого» и разрешаемых в триаде, представленной Ф.Гегелем: «тезис – антитезис – синтез». Примером является антиномия математика Г.Кантора о том, что мощность множества всех возможных множеств не меньше и меньше множества всех его подмножеств.

Следующее направление работы по развитию творческого мышления студентов заключается в формировании способности выявлять всеобщую связь и развитие. Такие возможности имеются, например, в содержании естествознания в связи с рассмотрением принципов универсального эволюционизма; в информатике – в связи с раскрытием сущности информационных процессов в природе и обществе; в культурологии – в связи с понятием исторической морфологии культуры; в социологии – в связи с построением социальной картины мира; в психологии – в связи с изучением генезиса психического и пр. Именно видение момента развития позволяет определить гибкие, противоречивые взаимосвязи явлений природы и общества, выявить скрытые опосредованные отношения между объектами, недоступные, как правило, умозаключениям по аналогии.

Итак, формирование творческого мышления студентов основано на создании у них диалектических структур, позволяющих выделять и разрешать противоречия, отражать закономерности развития. Этот путь познания объекта, становясь способом мыслительной деятельности, позволяет раскрыть структуру любого знания в системе, включающей как все её специфические свойства, связи, уровни, формы, так и их переход, движение, а главное – противоречия, лежащие в основе развития. Именно такая мыслительная деятельность является основой саморазвития субъекта, преобразования мира и себя в нем.

Задорожная Г.В., Копейкин Г.К.

Формирование креативного поведения персонала ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»

В современной экономике особо востребован интеллектуально-креативный потенциал работников, т.е. способность персонала работать в инновационном режиме. Теоретически задача имеет достаточно простое решение – мотивировать работника к творческому отношению к работе и в результате получить креативно настроенную личность.

На практике менеджмент сталкивается с рядом особенностей, затрудняющих решение поставленной задачи:

-любое инновационное решение влечет за собой изменения существующей технологии выполнения работы, отношения работника к работе, окружающим лицам, к себе;

-чтобы побудить работника к творческому подходу к работе, необходимо снять его установку к сопротивлению изменениям, которые влекут за собой инновации,

-социокультурный уровень и возраст работника являются определяющими факторами при выборе методов мотивации,

-для мотивации творческой активности персонала стандартные методы оплаты труда не эффективны,

-процесс мотивации – долгосрочная задача, занимающая от 3 до 5 лет.

Проблема формирования креативного поведения персонала возникла при переводе государственного унитарного предприятия «Водоканал Санкт-Петербурга» на инновационный путь развития, обеспечивающий выполнение жестких экологических требований Хельсинской Комиссии (Хелком) к участникам – странам бассейна Балтийского моря.

При разработке методики мы исходили из убеждения, что креативность персонала есть результат последовательного удовлетворения потребностей в повышении профессионального уровня работников, укреплении в сознании работников их значимости для предприятия, в развитии уверенности в себе, деловой инициативы и творческой активности.

Методикой предусмотрено поэтапное осуществление мероприятий по формированию креативного потенциала персонала предприятия.

На первом этапе реализованы меры социальной поддержки, способствующие удовлетворению основных жизненных потребностей работников, и образовательные программы, существенно повысившие квалификационный потенциал предприятия. Результат – укрепление чувства социальной защищенности, нейтрализация негативного отношения большинства работников к инновациям.

На втором этапе осуществлялось развитие отношений социального партнерства путем стимулирования трудовой активности работников. Результат - укрепление в сознании людей значимости их труда для предприятия, снижение текучести, повышение качества работы, лояльность к инновационным инициативам менеджмента предприятия.

На третьем этапе для наиболее активной части персонала используется техника развивающего обучения, предусматривающая включение работников в процесс непрерывного самообучения, развитие у них творческого, нравственного и коммуникативного потенциалов. Результат – повышение уверенности

работника в себе, своих возможностях, объективность самооценки, коммуникабельность, творческий подход к работе.

На четвертом этапе работникам, демонстрирующим креативный тип поведения, лидерский подход к организации инновационной деятельности, предоставляются возможности самореализации, включая участие в работе временных инновационных коллективов. Здесь активно используются методы компенсационного стимулирования результатов творческого труда персонала, когда наряду с бонусами за инновационные решения широко используются нематериальные меры стимулирования.

Элементы такого подхода к формированию и управлению креативностью персонала реализованы в государственном унитарном предприятии «Водоканал Санкт-Петербурга» в 2006-2010гг.и доказали свою эффективность:

- потери воды при транспортировке в сетях сократились на треть;
- очистке с использованием новейших технологий подвергается свыше 99% стоков,
- ГУП «водоканал Санкт-Петербурга» признан лучшим предприятием среди предприятий-водоканалов столиц стран Балтийского моря.

Кайтукова З.Х.

Личностный аспект проблемы творчества.

Изучение проблем творчества, творческого потенциала человека и его развития весьма актуально, так как жизнь в мире, стремительно изменяющем облик, требует от него, с одной стороны, последовательности, принципиальности, адекватным инвариантным структурам бытия, и лабильности, гибкости, адекватной его динамическим характеристикам. Понятие творчества имеет как субъективный, так и объективный аспекты. Первый предполагает процесс, приводящий к созиданию нового в масштабе личности. Субъект творчества может не делать никакого объективно нового открытия, новое будет лишь в его индивидуальном опыте (приобретение новых знаний, умений, нахождения нового способа решения и т.д.). Объективным аспектом подразумевается создание нового, значимого продукта в масштабах социума. Согласно Л.С. Выготскому, творчество – это всякая деятельность человека, который создает нечто новое, все равно, будет ли это созданием какой-нибудь вещи внешнего мира или построением ума или чувства, живущего в самом человеке [3]. В узком понимании творчество – это открытие нового для себя и в себе, обнаружение нестандартных способов решения задач, ранее открытых и описанных, развитие и саморазвитие личностных новообразований. По мнению американского

мыслителя Дж.Хиллмана «теперь само слово «креативность» стало концептуальным символом, на который в сознании людей проецируется надежда на лучшее, представления о свободной личности. Слово «творческий» как «производящий, производительный» вошло в употребление в 1803 г. вместе с новым словом «эго», характерным для культурной ситуации XIX и последующих веков. [11]

К.Г.Юнг относил стремление к творчеству к одному из пяти инстинктов (устойчивым моделям поведения, передаваемым организму биологическим путём, характеризующимся непроизвольностью реализации) таким, как агрессия, голод, рефлексия и т.д. Творческое начало человека продуцирует образы своих целей, которые само стремиться осуществить. Для Юнга творчество имеет амбивалентный смысл как начало и созидания, дающее удовлетворение его субъекту, и разрушения. Творческий инстинкт для него – это сила, понуждающая нас к индивидуации, «стать тем, что мы есть» [10, 41].

Открытие и воплощение нового понимания в бытии достигается человеком через акты самоизменения, через процесс саморазвития. Среди учёных бытует мнение о том, что самому развитию человека присущ творческий характер, творчество – норма нашего развития, самоосуществления. Итак, творчество — функция личности, реализация ею такого основания личности, как трансцендентности, базовой потребности в выходе за пределы известного, осуществлённого [7].

Смысл творчества – в разрешении противоречия, для которого необходимы объективные и субъективные личностные условия, результат которой обладает новизной и оригинальностью, личной и социальной значимостью, а также прогрессивностью [1]. Если из названных признаков исключается хотя бы один, то это становится чреватой утратой деятельности творческого характера.

Творчество в широком понимании – созидание инновационных приемов или целостных подходов, меняющих привычный взгляд на явление, перестраивающих общественный опыт. «Творчество – процесс продуцирования когнитивных инноваций (законов, моделей, теорий, образцов и т.д.)» [6, 159]. Ценность продукта данного процесса будет заключаться в его новизне, наряду с адекватностью (истинностью) и полезностью.

В структуру данного процесса входят такие элементы, как проблема, запас накопленной информации, комбинаторные способности исследователя, интуитивные способности по отбору релевантных комбинаций и небольшого числа наиболее перспективных из них, способность к принятию рискованных решений, толерантность к неопределённости и к критичности со

стороны окружающих. Согласно кибернетическому подходу творчество осуществляется на основе внутренней программы субъекта, которая включает формализованные и неформализованные компоненты [12, 646]. В качестве последних, можно рассматривать интуитивные озарения. А.С.Кармин, характеризуя интуицию как особый дологический способ мышления посредством упрощённых моделей - эвристик, выделял творческую интуицию в самостоятельный вид и отличал её от других её разновидностей – диспозиционной, перцептивной, практической, имажитивной, экспертной, и т.д., полагая, что она рождается на стыке логики и образного мышления. А.С. Кармин считал необходимым для повышения степени достоверности информации, полученной интуитивным путём, осуществлять её рациональную проверку.

Творчество в культуре, социальной жизни является инструментом самоорганизации данных нелинейных систем открытого типа, состоящей, согласно теории синергетики, в переходе от хаоса к порядку [6, 223]. Человек-творец становится инструментом самоорганизации социальной системы, если выступает в качестве такого элемента системы, принципы внутренней организации которого не противоречат принципам организации данной системы в целом, который действует в логике аттрактора – информации о доминирующей тенденции в дальнейшей динамике системы.

В свете синергетического подхода вооружение человека – творца метакогнитивными, обобщёнными представлениями о структуре бытия, пониманием тенденций развития социума, культуры является необходимостью.

Л.М. Митина связывает успех в профессиональном творчестве с осмысленностью ценностных оснований жизни, самопринятием и саморазвитием педагога-профессионала, Б.С. Братусь – со сформированностью высших – гуманистического и эсхатологического смысловых уровней личности, В. И. Слободчиков – с универсализацией, то есть формированием в сознании субъекта со-бытийной общности между ним и целостным универсумом [2,5,9], М. М. Кашапов – с надситуативностью мышления. Надситуативное мышление есть творческое мышление, выход за рамки непосредственных смыслов и условий конкретной ситуации [5]. Выход, абстрагирование необходимо, так «проблема не содержит решения на том смысловом уровне, на котором она возникла» (А.Эйнштейн). Это — рефлексивная, трансцендирующая деятельность, трансценденция к обобщённым смысловым образованиям личности в ходе профессиональной деятельности.

Творчество – процесс, благодаря которому происходит восхождение человека к высшим ступеням духовности, нравственности и свободы, развитие личности и культуры [7].

Создатели рабочей концепции одарённости как механизма творчества выделяют в её структуре элемент метакогнитивных представлений [8].

В контексте освещаемой нами темы немаловажным является вопрос о сверхсознании – высшем рефлексивном уровне сознания, который, согласно научно-психологическим, философским представлениям, связан как с продуцированием новых идей, так и центром высшего синтеза информации о деятельности сознания и его отношении к бытию. Творчество – продолжение игры, в котором значимая роль принадлежит неосознаваемым компонентам умственной активности и стремлению к раскрытию своих созидательных возможностей – самоактуализации. Станиславский считал сверхсознание высшей творческой инстанцией, сферой порождения творческого продукта, сферой концентрации духовных сил человека.

Согласно мнению современных оппонентов швейцарского психоаналитика К.Г. Юнга, выдвинувшего гипотезу о существовании архетипов, априорных образований, на актуализацию которых направлен творческий процесс, вместилищем данных неосознаваемых «протоформ» является не бессознательное психическое (как центр регуляции иерархически низших уровней психики человека), а сверхсознание как центр координации процессов, связанных с его высшими духовными проявлениями. На этом уровне образуется мировоззрение, происходит высший синтез когнитивного и ценностного переживания, обретаются творческие решения [6, 224].

Несформированность или отсутствие психологического контакта личности с содержаниями сверхсознания, приводит к нарушению её психологической целостности, снижает творческую состоятельность, уровень самопринятия, стремление к саморазвитию, порождает состояние экзистенциального вакуума.

Таким образом, можно, резюмируя, говорить о том, что:
– творчество – одна из конкретных форм проявления механизма саморазвития человека;

– результатом творчества могут быть материальные творческие продукты, новые информационные целостности и внутриличностные изменения: совершенствование навыков, умений, раскрытие способностей, появление нового отношения к окружающему миру, к себе [4, 163].

– развитие личности и её творческих способностей связано с активностью и качеством её рефлексивной смыслопорождающей деятельности, расширением границ осознания;

- процессы продуцирования новых идей, творчества и высший синтез информации (формирование метакогниций) осуществляются на высшем рефлексивном уровне сознания – сверхсознании и являются взаимообусловленными;
- метакогнитивный, ценностно-ориентационный компонент является неотъемлемым элементом структуры творческого потенциала личности (наряду с технологическим (операциональным) и мотивационным компонентами).

В ходе проведённого нами исследования проблемы развития творческого потенциала студентов педагогического вуза в рамках ценностно-ориентационного компонента понятия «творческий потенциал студента педагогического вуза» нами были выделены показатели: способность к оценочным суждениям, осознанность целевого, ценностного компонента деятельности, примат духовных ценностных ориентаций над материальными ценностями в структуре ценностных ориентаций личности, направленность на творчество и саморазвитие, которые могут использоваться в качестве диагностических критериев оценки уровня развития данного элемента креативности.

Литература:

1. Андреев, В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития / В.И. Андреев. – 2-е изд. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2000. – 608 с.
2. Братусь, Б.С. К изучению смысловой сферы личности [Текст] / Б.С. Братусь // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. – 1981. – № 2. – С. 46 – 56.
3. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский - М.; Педагогика, 1991. – 580 с.
4. Деркач, А. А. Акмеология в вопросах и ответах: Учеб. Пособие/ А.А. Деркач, Е.В. Селезнёва. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. – 248 с. – (Серия «Библиотека психолога»).
5. Кашапов, М.М. Психология педагогического мышления. Монография – СПб., 2000. – 688 с.
6. Лебедев, С.А. Философия науки: словарь основных терминов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект. 2006. – 320 с.
7. Непомнящая, Н.И. Целостно-личностный подход к исследованию человека // Вопросы психологии. – 2005. – №1.
8. Психология творчества / Под ред. Я.А. Пономарева. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
9. Сластенин, В.А. Гуманитарная культура специалиста // Магистр. – 1991. – №1. – С.3-21
10. Фромм, Э. Иметь или быть? / Общ. ред. и послесл. В. И. Добренькова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 145.
11. Хиллман, Дж. Миф анализа: Три очерка по архетипической психологии / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2005. – 352 с.
12. Чубайс, И.Б. Разгаданная Россия: (что же будет с Родиной и с нами): (опыт филос. публицистики). – М. АйФ Принт, 2005. – 399 с.

Событийность как импульс актуализации творческого потенциала профессионала

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 10-06-00459а

В связи с меняющимися экономическими и социальными условиями конкретные профессии предъявляют к личности особые требования. Для того чтобы не только встраиваться в социальное и профессиональное пространство, а овладеть им и переорганизовать его, необходимо быть профессионалом, умеющим проявлять свой творческий потенциал.

При определении места креативности в структуре личности отмечается проблема несогласованности научных данных в исследованиях креативности и её взаимосвязи с личностными особенностями, в частности, с творческим потенциалом (В.Э. Мильман, Л.Б. Ермолаева-Томина, Е.П. Ильин, Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин, В.И. Панов, И. Пуфаль-Струзик, Ю. Козелецкий, М.С. Семилеткина и др.).

Потребность в актуализации и реализации творческого потенциала как основа достижений связана с проблемой психологической свободы, автономии, самостоятельности, сверхадаптивной активности, ориентации на более высокие уровни саморегуляции и самодетерминации (К.А. Абульханова, 1991; Л.И. Анцыферова, 1997; А.Н. Воронин, О.М. Кочкина, 2009; Е.Р. Калитеевская, Д.А. Леонтьев, 2006, 2007; Р. Мэй, 1997; В.А. Петровский, 1996; В. Франкл, 1990; Э. Фромм, 1992). Именно ценность свободы даёт человеку возможность находить своё уникальное творческое самореализации.

Исследование творческого потенциала человека обнаруживает существенную преемственность. Начиная с классической четырехэтапной схемы Г. Уоллеса («подготовка», «созревание», «озарение» и «проверка»), получившей универсальную интерпретацию в духе «творчества природы» - влюбленность, беременность, рождение, жизнь (Я.А. Пономарев, 1976; Т. Любарт, 2009) – проблема творческого потенциала личности в целом получила новое дыхание в трудах классиков гуманистической и экзистенциальной психологии (свобода встречи и открытость опыту К. Роджерса, 1994; первичная креативность А.Маслоу, 1999; мужество творить и очарование творчества Р. Мэя, 2001; креативность как рост З. Луиджи, 2004; креативность как способность субъекта формировать гештальты и разрушать их, когда они устаревают Ф.Перлз, 1996, Р.Персонс, 1994).

Выделяя для анализа психологический феномен «творческий потенциал», важно отметить его недостаточную разработанность. При этом существуют различные подходы к изучению

проблем, близких данной тематике (творческой уникальности, творческой самодетельности), отраженные в исследованиях В.Г.Асеева, Н.Б.Березанской, Т.В.Галкина, Л.Я.Дорфмана, В.Н.Дружинина, И.И.Ильясова, Т.В.Огородовой, Ю.В.Пошехоновой, О.А.Шляпниковой и др.

Сравнительный анализ психологических характеристик людей, сумевших достичь выдающихся результатов в профессиональной сфере, и тех, чьи личностные достижения выглядят не столь значительно, показывает наличие у первых группы личностных качеств, которые выступают детерминантами их творческой самореализации. Так, отличительными особенностями их познавательной сферы является активное отражение действительности, способность хорошо ориентироваться в ней, духовное самосовершенствование, надситуативное мышление.

Когда человек принимает ответственность на себя, то он перестает быть зависимым от ситуации. Успеха добивается тот, кто может абстрагироваться от сиюминутных проблем. Со степенью сложности проблем связан уровень проблемности. Если проблема близка профессионалу, значима для него, интересна, то решив её, он получает для себя нечто новое. Поэтому способ постановки проблемы определяет содержание приема её решения. В этом случае проблемность выкристаллизовывается в проблемную ситуацию. К надситуативным способам решения проблемной ситуации можно отнести самодостаточность, самокритичность, самоиронию, безоценочность, интеллектуальную инициативность. Способом, связующим ситуативный и надситуативный способ решения ситуации, является ответственность. Основным вектор творческого мышления профессионала характеризуется преобразованием ситуации (ситуативный уровень) или преобразованием себя (надситуативный уровень).

Именно надситуативный тип мышления выражается в «широте взглядов», «глобальном подходе к проблеме», открытой познавательной позиции. Умение устанавливать надситуативную проблемность в процессе решения проблемных ситуаций способствует не только активизации мыслительной деятельности, но и оказывает большое влияние на личностное развитие профессионала. А это, в свою очередь, ведет к формированию личностных позиций, убеждений, помогая тем самым специалисту совершенствовать свою деятельность. Надситуативный уровень характеризуется совокупностью отношений профессионала к проблемной ситуации в целом, к себе самому и своей деятельности. Именно поэтому надситуативный уровень разрешения проблемности специалиста связан с самоактуализацией творческого потенциала.

Для профессионалов с надситуативной проблемностью характерны критичность мышления, стремление к доказательности своей профессиональной позиции, способность вести дискуссию, адекватная самооценка. Специалисты с надситуативным уровнем мышления в целом более успешны в профессиональной деятельности. Надситуативный уровень позволяет воспринимать конфликт как возможность собственного развития. Именно мудрый человек способен возникшую ситуацию трансформировать в желаемое событие.

Ситуация тогда приобретает событийное значение, когда она воспринимается как значимая. Такая ситуация эмоционально остро переживается человеком. Утрата, обесценивание данного события может привести к дезорганизации поведения и деятельности личности, к нарушению смыслообразующей функции мышления.

Под событийностью как одной из важнейших характеристик акме понимается часть события. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными переживаниями и открытиями, значимыми для конкретной личности. Событие, воспринимаемое вторичным, влияет на восприятие первичного и обуславливает более глубокое восприятие, осмысление и осознание последующего события. Адекватное понимание психологических механизмов влияния события на личность возможно с учетом данного контекста взаимосвязи событий. Условно можно выделить следующие параметры событийности ситуации:

1. Содержательные (концептуальные). (Что это такое событийность? Что такое творческий резонанс на Событие?). Творческим резонансом на переживаемые состояния являются личностные новообразования. Эффективность деятельности повышается в том, случае когда профессионал обращает внимание на те моменты в своей работе, которые вызвали наибольший позитивный резонанс. Для того, чтобы такой эффект состоялся, необходимо организовать следующие условия: 1. Создать бифуркацию (проблемно-конфликтную ситуацию). 2. Воздействие должно быть резонансным.

Например, одна и та же ситуация аттестации в одном случае имеет высокий уровень событийности, в другом – низкий. В первом случае речь идёт, например, об успешном прохождении аттестации руководителем учреждения перед комиссией, которая является для руководителя значимой, авторитетной, референтной. Руководитель старается хорошо пройти аттестацию не ради высокой категории, а для того, чтобы «не упасть в глазах уважаемой комиссии».

2. Структурные (Из чего состоит событийность? Как она конструируется?). Событие тогда становится компонентом внутренней жизни, когда способствует приобретению экзистенциального опыта. Важную роль играет прогнозирование развития акме-событий как особого типа событий, имеющих наиболее сильное воздействие на позитивные коренные изменения личности. Акме событие – это царственный, яркий случай, который бывает, возможно, один раз в жизни. В качестве такого событий может выступить необычная встреча, сильнейшим образом повлиявшая на дальнейшую судьбу человека.

3. Динамические (Как изменяется событийность?). Событийность – степень значимости переживаемой ситуации: чем выше событийность, тем острее и глубже переживается ситуация, возникающая в жизни человека. Именно в этом случае Событие осознается человеком как закономерное звено в его судьбе. Всё зависит от того, каким образом субъект проходит точку бифуркации. Поэтому стратегически резонансным и продуктивным воздействием на организационную систему бывает воздействие в точке её бифуркации.

Бифуркационное состояние – это состояние неустойчивости, состояние неустойчивого равновесия. В такой момент небольшие, иногда случайные воздействия, могут привести к появлению новых структур, новых уровней организации системы, которые будут воздействовать на уже сложившиеся уровни и трансформировать их.

Феномен бифуркации является многогранным, многоуровневым системным образованием. Во многом этот феномен детерминирован социальной ситуацией (становлением и развитием макро-микросоциума) и ее взаимодействием с психологическими особенностями личности (см. рис. 1).

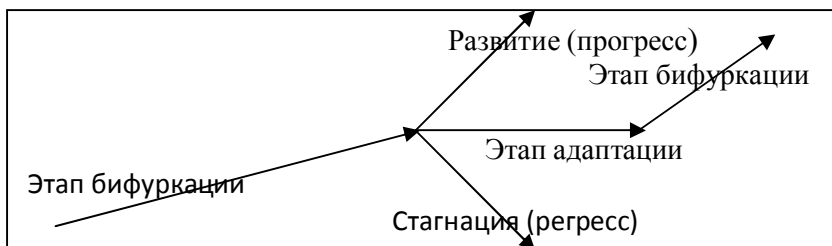

Рис. 1. Динамика этапов бифуркации

Содержанием бифуркации является отбор значимой для развития субъекта информации, на основе которой будет происходить дальнейшее саморазвитие в некоторый период. При прохождении точек бифуркации выбор системой определенного

пути дальнейшего развития детерминируется: а) предшествующим развитием системы, её традициями и тенденциями; б) спонтанным саморазвитием и самоорганизацией компонентов системы; в) внешними воздействиями различных факторов на систему; г) флуктуациями – случайными внешними и внутренними возмущениями, воздействующими на систему в точке бифуркации; д) целенаправленным созданием конструктивных конфликтов как источников продуктивного развития субъектов системы и системы в целом

С точки зрения синергетики феномен новообразования заключается в самоорганизации любых сложно организованных систем, находящихся в неравновесном состоянии. Причиной такой самоорганизации является ни что иное, как сам факт взаимодействия всех составляющих этих систем. Sinergetikos (греч.) – совместимый, согласованно действующий. Внутри этих систем с неизбежностью появляются отдельные составляющие – аттракторы, которые по различным причинам проявляют себя наиболее активно по отношению к другим составляющим, раскачивая всю систему изнутри доводят её до критического состояния – точки бифуркации, в котором система не может долго пребывать, и вынуждена перейти в иное состояние. Микрофлуктуации, инициируемые аттракторами, приводят к макрофлуктуациям, заканчивающимся переходом всей системы и её составляющих из одного состояния в другое.

Точка бифуркации – предел развития (в т.ч. и психического) человека в данных условиях его, при определенном социуме, личностном статусе и жизненной позиции, потере смысла своего существования, неудовлетворенностью жизнью, «разброде» ценностных ориентаций. В ситуациях подобного рода человек не знает, как ему жить дальше. Вектор будущей жизни может «смещаться» в самых разнообразных, порой неожиданных, непредсказуемых направлениях, а личность в значительной степени (порой - полностью) теряет самоуправление, находится в крайне негативном эмоциональном состоянии, преодолеть которое самостоятельно без помощи специалиста она нередко не в состоянии. Такое понимание бифуркации интерпретируется как «специфическое психическое состояние», прямо или опосредованно связанное с психологическим здоровьем личности.

Флуктуация как точка отклонения выступает в качестве предпосылки к количественным и качественным изменениям с целью создания нового. Механизм бифуркации аналогичен работе пружины, которая выталкивает человека из состояния равновесия.

4.Временные (Когда начинается и завершается событийность?). Владимир Набоков в рассказе «Благость» (1924) описал

следующую ситуацию: Молодой господин ждал условленной встречи с дамой, опираясь на трость, в холодной тени угловых колонн Бранденбургских ворот. Прошло уже с час, - быть может, больше. Он обратил внимание на то, как солдат вынес кружку кофе с молоком старушке, торгующей видовыми открытками. Господин смотрел, как она пьет, как грет руки, замерзшие на холоде. Она пила долго, пила медленными глотками, благоговейно слизывала бахрому пенки, грела ладони о теплую жесть. Затем он стал пристально всматриваться во все окружающее.

В. Набоковым описано принятие ситуации как руководства к действию. Он понял, что мир не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благодатное волнение, подарок, не оцененный нами. Именно в этом случае ситуация становится знаковым Событием для конкретного человека.

5.Функциональные (Для чего служит событийность?). Ресурсная точка выбора и принятия значимой ситуации в качестве События выполняет много функций. Психотерапевтическая функция является одной из них, поскольку страдание, по мнению Ф.М.Достоевского, очищает душу. Кроме того событийность определяется тем эффектом последствий, который возникает в результате проживания данной ситуации. Эффект характеризуется теми изменениями, которые возникли в деятельности, выполняемой личностью (ситуативные изменения) или в самой личности, выступающей в качестве субъекта деятельности (надситуативные изменения).

Надситуативные изменения имеют более длительный воз- действенный характер, поскольку привносят коренные преобразования в личность; обеспечивают существенную переоценку ценностей; способствуют конструктивному переосмыслению приоритетов; активизируют смыслообразование. Надситуативные изменения можно сконструировать следующим образом: «запускать себя» в разнообразные ситуации; рефлексировать происходящее; делать выводы, адекватные целям моделируемой ситуации, а в случае необходимости – вносить соответствующие коррективы в своё профессиональное и личностное развитие.

Мысли человека предворяют и одновременно создают обстоятельства его жизни. Посредством интеллектуальной коммуникативности создаются устойчивые формы событий – «вехи, знаковые обороты судьбы», - они закономерны, а не просто спускаются на человека с небес. Поэтому, в отличие от стимула вызов есть переживаемое Событие. Возможны 2 резонансных отклика как формы переживания события: прогнозируемый и стихийный. Ожидаемый вызов есть переживаемая и осознаваемая индивидом смыслообразующая величина. Выбор, в отличие

от реакции, есть предпочтение. Следовательно, от «ситуации» до «События» реализуется следующая цепочка: вызов → импульс → выбор как результат надситуативного мышления субъекта.

В целом, событийность как импульс актуализации творческого потенциала профессионала характеризуется устойчивой способностью понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события. Благодаря способности к событийности у субъекта появляется возможность усматривать и улавливать сложные отношения и зависимости в социальной сфере жизнедеятельности, возникает промыслительность, позволяющая профессионалу работать на опережение, в том числе и на профилактику деструктивных конфликтов в коллективе.

Кожевникова О.В.

Психологические особенности виртуальной коммуникации

Глобализация общества и социальные процессы приводят к тому, что человек испытывает потребность вхождения в виртуальный мир, новую реальность [3, 270]. Существует целый ряд понятий, обозначающих электронную коммуникацию. В западной литературе для обозначения этого явления существует устойчивый термин – «коммуникация, опосредованная компьютером» (computer mediated communication). В российской традиции встречаются такие варианты как: виртуальная коммуникация, компьютерное (интернет) общение, сетевая коммуникация, online-коммуникация и т.п. Виртуальная коммуникация определяется как коммуникативное взаимодействие субъектов, осуществляемое посредством компьютера, при котором создается особая модель реальности, характеризующаяся эффектом присутствия человека в ней и позволяющая действовать с воображаемыми и реальными объектами [1, 23].

Специфика интернет-пространства как среды осуществления коммуникативных актов определяет особенности и отличие виртуальной коммуникации от традиционного общения в обычной жизни [4, 76], а именно:

- добровольность и желательность контактов [2, 63], и, как следствие, неограниченное количество участников [1, 33];

- особые цели общения (обмен информацией, поддержание эмоционального контакта, самовыражение и т.д.) [1, 33];

- снятие жестких социальных конвенций, границ культур: интернет-пространство является поликультурным, в общении могут принимать участие представители различных этнических и социальных культур [7, 6];

- стремление к нетипичному, ненормативному поведению, что связано со снижением социального и психологического риска в процессе общения (часто пользователи ведут себя не так, как в реальной жизни, проигрывают различные не реализуемые вне сети роли) [2, 63];

- затрудненность эмоционального компонента общения, но в то же время стремление к эмоциональному наполнению текста, которое выражается в создании специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами [2, 63];

- процесс обмена сообщениями организован таким образом, что адресат получает сообщение не постепенно, а уже в полном объеме; у адресата нет возможности прервать собеседника, уточнить непонятную информацию, каждый пользователь сам выбирает, когда отправить сообщение, и в каком виде его отправить [5, 10];

- общение происходит в письменной форме, поэтому «обмен репликами» может произойти не раньше того момента, когда сообщение становится доступно для просмотра на экране; сообщения могут оставаться незамеченными до тех пор, пока они каким-то образом не привлекут к себе внимание реципиента [5, 10];

- своеобразии протекания процессов межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации: на наше представление о собеседнике оказывают влияние механизмы идентификации и стереотипизации, установка на наличие желаемых качеств в партнере [2, 63]; кроме того, отсутствие невербальных компонентов общения задает наибольшую субъективность интерпретаций высказываний собеседника [7, 5];

- физическая непредставленность: пользователи с одной стороны могут давать о себе недостоверную информацию, с другой стороны – они могут фантазировать по поводу своего собеседника [6, 159];

- анонимность: несмотря на то, что иногда можно получить сведения анкетного характера и даже фотографию человека, они недостаточны для реального и адекватного восприятия личности [2, 63];

- использование разнообразных способов сетевой коммуникации (ICQ, e-mail, чат, форум и др.) и также разнообразных способов самопрезентации (самоописание, анкеты, собственные интернет-странички и т.д.) [6, 160];

- замещенный характер общения: участники общения стремятся получить информацию о собеседнике косвенно (по нику, аватару, псевдониму) или напрямую (например, по различным специальным аббревиатурам) [5, 13].

Перечисленные отличия интернет-коммуникации от традиционного «офф-лайн» общения определяют процесс конструирования виртуальной идентичности собеседников, подчас существенно отличающейся от их реальной личности и влияющей на взаимодействие пользователей в сети.

Литература:

1. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 265 с.
2. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. № 3. С. 63-67.
3. Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве. Луганск: Знание, 2004. 404 с.
4. Корнев К. Особенности Интернет-коммуникации и типы Интернет-пользователей в молодежной студенческой среде // Блоги: новая реальность. СПб., 2006. С.76-85.
5. Логинова О.В. Особенности самопрезентации личности в Интернете // Актуальные проблемы лингвистического образования. Самара, 2009. С. 10-15.
6. Шабшин И. О психологических феноменах и особенностях коммуникации посредством Интернета // Московский психотерапевтический журнал. 2005. №1. С. 158-182.
7. Шевченко И.С. Факторы динамичности самопрезентации в Интернет-общении // Тезисы докладов участников конференции «Ломоносов-2001». М., 2001. С. 2-9.

Кононова О.Б.

Социальное творчество и психология

В психологии множество работ посвящено изучению вопросов, связанных с творчеством. Творчество обычно определяется как процесс создания чего-либо нового, нестандартного, до того еще не существовавшего... Творчество принято разделять на художественное и техническое. Много работ посвящено проявлению творчества в различных профессиях. Например, педагогическое творчество.

В 80-х годах 20 века в обиход педагогов пришло словосочетание «социальное творчество». Под социальным творчеством можно понимать процесс создания нового в рамках социальных взаимоотношений, перестройки окружающего мира с целью его улучшения. В педагогике встречается такое определение: социальное творчество можно понимать как процесс, способствующий осуществлению любой социально значимой деятельности по преобразованию окружающей среды через социальное взаимодействие людей (Козырева Т.В., 2006).

Считается, что данное понятие было введено в отечественную педагогическую науку при осмыслении опыта работы вы-

дающихся отечественных педагогов начала и середины 20 века, в частности таких педагогов как: Виктора Николаевича Сороко-Росинского, Станислава Теофиловича Шацкого, Антона Семеновича Макаренко, Игоря Петровича Иванова.

В созданных ими детских сообществах дети включались в процесс творческого осмысления действительности, в необходимость совместного решения актуальных задач (начиная от бытовых и до общественно-политических).

Так, известно, что воспитанники А.С.Макаренко – колонисты, бывшие правонарушители не только самостоятельно организовывали собственную жизнь, обеспечивали себя сельскохозяйственной продукцией, ставили серьезные театральные пьесы для жителей близлежащих деревень, боролись с самогонварением в соседних поселениях, но и стали первыми в Советском Союзе выпускать отечественные электросверлилки и даже фотоаппараты ФЭД.

Воспитанники и последователи ленинградского педагога И.П.Иванова, участники уникального социокультурного явления – коммунарского движения поставили социальное творчество во главу деятельности своих сообществ. Девизом таких коллективов стало утверждение - «Наша цель - счастье людей!», а одним из ведущих правил жизни - «Все творчески, а иначе зачем?». Анатолий Викторович Мудрик, один из последователей И.П.Иванова, писал: «С моей точки зрения, суть коммунарства в социальном творчестве» (Мудрик А.В., 1988). Далее он указывает на принципиальное отличие коллективов, созданных И.П.Ивановым и его последователями, от традиционных детских коллективов (художественных, театральных и т.д.). В группах второго типа социальное творчество – «побочный продукт» деятельности. В то время как в группах первого типа развитие именно социального творчества становилось основой. Другие виды творчества оставались здесь лишь украшением жизни.

Творчество пронизывает всю жизнедеятельность коммунарского коллектива. С.А.Шмаков указывает на то, что творчество есть способ существования детей в таких коллективах. «Творческая основа любых дел – это предоставление учащимся возможности создавать, додумывать, придумывать, рационализировать, ошибаться и находить новое» (Шмаков С.А., 1989).

Инесса Давыдовна Аванесян указывает на то, что «идея заботы пронизывает, присутствует во всех положениях воспитательной концепции И.П.Иванова. Цель воспитания – забота о развитии растущего человека. Одновременно забота – это и содержание, и средство воспитания... Но опять же – не просто забота, а творческая, практическая забота об общей жизни, о кон-

кретных людях, о себе, как товарище других людей. Забота – это прежде всего социальное наполнение жизни, социальное творчество» (Аванесян И.Д., 2009).

Журналист, писатель, педагог С. Соловейчик писал: «Не «элементы творчества» здесь, не «с творческим огоньком» работают ребята, а вся их деятельность есть творчество и только творчество. В каждую минуту коммунарского дня все без исключения ребята вынуждены думать о том, как сделать работу лучше, по-новому, самым изобретательным способом. Заслуга Фрунзенской коммуны в том, что она решительно поставила общественное творчество детей на первое место, объявила его целью: «Всё – творчески, иначе зачем?» И она нашла способ обучать детей общественному творчеству. Обучать на материале, доступном и интересном детям» (Соловейчик С., 1989).

Детей не готовили к жизни, а дети сами творили свою жизнь, меняя ее к лучшему. И здесь нет мелочей. Любая даже самая банальная бытовая ситуация при должном внимании к ней превращается в объект социального творчества.

Известен опыт ленинградского педагога, учителя начальных классов Веры Леонидовны Тузовой. Вера Леонидовна – воспитанница и последовательница И.П.Иванов, в настоящее время активно включает своих младших школьников в коллективную творческую жизнь, выходя далеко за пределы класса. Так, одним из видимых результатов социально творчества детей стало издание рабочих тетрадей для младших школьников. Идея этих тетрадей состоит в том, что по ним младший школьник может заниматься летом и теряет накопленные знания. Опыт уникальный. Часто ли дети 7-9 лет становятся соавторами учебных пособий?

Таким образом, в отечественной педагогике существует богатый опыт по включению детей в социальное творчество, изучению положительного влияния на формирование личности человека, написано множество научных и художественных работ с большим количеством наглядных примеров.

Тем не менее, само понятие «Социальное творчество» до сих пор не имеет четкого определения. С одной стороны, можно сказать, что сущность, функции социального творчества раскрываются в теории и практике коллективно-творческого воспитания: О. С. Газман, И. П. Иванов, В. А. Караковский, А. Н. Лутошкин, А. В. Мудрик, Л. И. Новикова, С. Д. Поляков, С. А. Шмаков и др. А с другой стороны, эти и другие авторы если и используют данное понятие в своей речи, то не стремятся определить четкие границы данного понятия.

Идея социального творчества имеет богатую историю в практической педагогике. Сегодня в научной и научно-

методической литературе можно встретить понятие «социальное проектирование». Часто современные авторы употребляют понятия социального творчества и социального проектирования как синониму. Но, думается, что с этим нельзя согласиться. Социальное творчество более широкое понятие. Оно охватывает всю систему взаимоотношений человека с другим человеком, с группой, с человечеством в целом.

На сегодняшний день феномен социального творчества чаще всего становится объектом изучения таких наук как философия (социальное творчество как неуправляемый естественный процесс создания людьми новых форм социальных отношений), политология (социальное творчество как предоставление обществу новых, оригинальных форм самопрезентации) и социология (социальное творчество как общественная самодеятельность и способ существования общественных организаций, что проявляется в жизнедеятельности этих объединений) (Козырева Т.В., 2006).

Таким образом, намечается следующее противоречие: богатый педагогический опыт включения детей в творческую деятельность по улучшению окружающей жизни, множество исторических примеров нестандартных, творческих решений и действий на благо людей и государства и фактически отсутствие психологической концепции социального творчества. Особенно удивительно это в связи с большой разработанностью вопросов творчества в психологии.

Почему же при тщательном изучении творчества в целом в психологии так мало изучено явление социального творчества?

Социальное творчество – это один из видов творчества, обладающий всеми его характеристиками, или это что-то другое, имеющие лишь некоторые схожие черты? Думается, что в широком смысле слова оно охватывает все виды творчества, в узком – имеет своим предметом преимущественно совершенствование общественных отношений.

Может ли художественное или техническое творчество быть социальным? Или наоборот, могут ли они быть не социальным творчеством?

У всех ли есть способности к социальному творчеству? И каковы внутренние и внешние факторы этого явления? Каковы черты личности человека, занимающимся социальным творчеством?

Специфика социального творчества в том, что изменяя социальные отношения, влияя на ситуацию вне нас, действуя на пользу окружающих – человек изменяет себя, он строит свою личность. Соотносимы ли эти изменения с теми изменениями

личности, которые происходят при техническом или художественном творчестве?

Думается, что у психологии впереди еще много неоткрытого, неосознанного или неизученного и одним из таких феноменов является социальное творчество.

Литература:

1. Аванесян И.Д. Линия жизни // Игорь Петрович Иванов: наука и жизнь / Авт.-сост. И.Д. Аванесян; Под общ.ред. Г.А. Бордовского и В.А. Козырева.- СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.- С.11-17.
2. Козырева Т.В. Педагогические условия организации социального творчества студентов вуза во внеаудиторной деятельности: Дис. канд. пед. наук.- Кострома, 2006.
3. Мудрик А.В. Социальное творчество и технология // «Учительская газета», 23 января 1988 г.
4. Соловейчик С. Воспитание по Иванову.- М.: Педагогика, 1989.-347с.
5. Шмаков С.А. Коллективная деятельность как основной компонент коммунарской методики.// Коммунарская методика: вопросы теории.- М., 1989

Погодин И.А.

Творческий процесс в современной культуре

Наиболее важным мотивирующим фактором для написания этой статьи послужил постмодернистский тезис о том, что мы живем в эпоху цитатности: нечто, сказанное сегодня, является лишь ретрансляцией уже существующего в поле знания. Не знаю, как для вас, уважаемый читатель, а для меня этот тезис ставит множество вопросов, один из которых относится к творческому процессу. Например, какое значение при такой постановке проблемы имеет творчество? Обладает ли творческий процесс лишь литературной ценностью, или также эвристической? Возможен ли дальнейший прогресс в развитии познания, особенно относящегося к природе человека? Каковы ресурсы творчества в эпоху постмодерна с характерными для нее антиэссенциализмом, антиреализмом, антиосновностью, пропитанными тотальностью относительности? Не уверен, что предлагаемый вашему вниманию текст предоставит ответы на эти и другие вопросы. Однако поразмышлять над данной проблемой мне показалось любопытным.

Настоящая статья представляет собой совокупность фрагментов философского свойства, относящихся к феноменологии творческого процесса. Я не ставил перед собой задачу академически логичного и методологически выверенного анализа чрезвычайно актуальной для современной науки и философии проблемы, тем не менее, построил изложение в виде последовательности более или менее завершенных и самостоятельных логических блоков. Итак, начнем.

Интроекция и творческая эволюция.

По существу, интроекция является первичным способом познания окружающего мира. В некотором смысле, даже эмоциональные проявления суть интроекты, потому что чувства как феномены эмоциональной жизни появляются только в результате вербального отражения их родителями и последующей интроекцией этого послания. По той же причине все феномены поля, объединяющего личность и жизненное пространство, являются в той же мере интроектами. Таким образом, не существует ничего, кроме интроектов. «А как же быть с творчеством? Ведь творческое приспособление является антагонистическим феноменом по отношению к интроекции», - спросит читатель.

Процесс творчества всегда связан с интроекцией и проекцией, а также их соотношением как способами организации контакта в поле. Так, для того, чтобы появилось нечто новое, необходимо сначала накопить некоторую совокупность знаний в форме интроектов, после чего разрушить центральный парадигмообразующий интроект в исследуемом пространстве, а затем в результате проективного цикла создать новый продукт, который в свою очередь интроецируется последователями. Таково поступательное движение развития познания. Необходимо отметить, однако, что проекция не всегда лежит в основе творческого процесса, так как проецироваться может уже существующий интроект.

Тем не менее, возможен и обратный процесс, также выступающий механизмом творческой эволюции. Так, в некотором смысле вторичная интроекция результатов проекции служила основанием развития человеческой цивилизации. Здесь мы обнаруживаем процесс, на первый взгляд обратный творческому: тревога, существующая внутри человека (за которой скрывались сильные аффекты), проецировалась на какие-либо феномены или объекты. А затем для того, чтобы сделать их более управляемыми и поддающимися контролю, результаты проекции интроецировались, закладывая основу мировоззрения и цивилизации.

Существование описанных механизмов творческой эволюции, подчиняясь диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, лежит в основе развития цивилизации с ее логичным делением на эпохи. Так, эпоха Возрождения, последовавшая за средневековым периодом «охоты на ведьм» с господством инквизиции, явилась логичным продолжением развития цивилизации, соотносящегося со сменой ведущего механизма творческой эволюции. Таким же путем можно объяснить и эволюцию эпох последних столетий. Если в эпоху модерна, а также домодерна, интроекты служили фундаментом мировоз-

зрения, то эпоха же постмодерна характеризуется тенденцией к разрушению интроектов (относительность, контекстуальность). Причем это относится не только к сущности человека (антиэссенциализм), но также и к реальности (антиреализм).

Рассматривая развитие цивилизации через призму творческой эволюции, хотелось бы упомянуть еще об одном тезисе. Речь пойдет о соотношении индивидуального и массового сознания в проективно-интроективных механизмах творческой эволюции. История развития человеческой цивилизации свидетельствует, что мотивирующим и продвигающим фактором эволюции во все времена выступает индивидуальное сознание (индивид), а стабилизирующим и, соответственно, сохраняющим достижения, фактором является массовое сознание. Таким образом, массовое сознание – это фундамент для продвижения и развития, индивидуальное же – инструмент. Кроме того, необходимо отметить соответствие описанных факторов и механизмов творческой эволюции. А именно, мотивирующий фактор индивидуального сознания имеет отношение к деконструктивной тенденции, предполагающей разрушение интроектов; стабилизирующий же фактор массового сознания соответствует конструктивной тенденции, создающей и сохраняющей интроекты.

Сущность творчества.

Приступая к описанию сущности творчества, мне кажется целесообразным развести два вида творческих процессов. Первый характеризуется созданием новых композиций из уже существующих интроектов (исходя из цитатности как принципа постмодернизма, это единственный вид творчества, возможный в эпоху постмодерна – новые открытия являются лишь свежей формулировкой прежних). Результатом такого процесса является уточнение или трансформация существующих теорий и концепций. Для другого же, на мой взгляд, характерно разрушение устоявшихся интроектов, в результате чего, кстати, высвобождается значительное количество энергии, которая может быть аккумулирована в целях создания нового знания (в некотором смысле, этот процесс является психическим аналогом расщепления атома). Так появляются революционные открытия, которые знаменуют переворот и начало новой эпохи в соответствующей области знания или культуре и науке в целом.

Некоторую аналогию творческого процесса второго типа можно также обнаружить в литературном феномене перевода. Так, процесс перевода авторского дискурса с родного языка на иностранный зачастую разрушает интроекты, из которых соткан этот дискурс, позволяя обнаружить тем самым скрытый даже для автора высказывания смысл. Переводчик же вынужден высвободившуюся и сфокусированную в результате фрустрации

энергию направить на создание нового дискурса. Поэтому в некотором смысле перевод – новое произведение. Например, перевод В.Шекспира С.Маршаком – это совершенно новый текст. Кроме того, необходимо отметить, что в такого рода творческом процессе напрямую задействовано расщепление, которое, кстати говоря, соответствует шизоидной и шизотипической феноменологии. Поэтому, в некотором смысле, перевод зачастую суть шизотипический процесс.

Сейчас несколько слов относительно места и значения дискурса в контексте обсуждаемой нами проблемы. Эволюция дискурса в творческом процессе, развивается следующим образом. Сначала отдельные феномены, с которыми сталкивается человек, в результате проекции и последующей вербализации приобретают характер номинализации. Под давлением новых знаний, вступающих в противоречие с существующей номинализацией, последняя подлежит разрушению (расщеплению). В результате расщепления номинализированного дискурса мы вновь имеем дело с шизотипическими осколками дискурса, которые суть элементарные дискурсивные феномены. Затем посредством высвобожденной в ходе этого процесса психической энергии (часто соответствующей модальности тревоги и поэтому обладающей мотивирующей силой) создаются новые дискурсы, фиксирующиеся заново в виде номинализаций. Таким образом, эволюция языка и психики разворачивается в процессе динамики двух эволюционных тенденций – сначала в движении к интеграции языка и обратно в сторону схизиса (расщепления). Далее цикл повторяется вновь и вновь в соответствии с основными законами диалектики. Эта тенденция и выступает залогом развития. Схизис же следует рассматривать в этом аспекте как попытку вернуть дискурсу жизнь, подавленную номинализациями (интроектами).

Сомнение и творческий процесс

Одним из наиболее важных двигателей творческой эволюции является сомнение и сопутствующая ему тревога. Только человек обладает этой способностью – способностью подвергать сомнению существующее положение вещей. Именно этот факт (если факты вообще существуют) обрекает человека на муки тревоги (как аффекта, связанного с неопределенностью), но в то же время именно он позволил человеку не вымереть как виду, подобно динозаврам и мамонтам, но наоборот, значительно продвинул его в его эволюции. Именно сомнение позволило человеку разрушить существующие способы адаптации в виде паттернов поведения и знаний, поставив, конечно же, его лицом к лицу с надвигающейся угрозой. Динозавры же и мамонты, как впрочем, и многие другие виды в силу недоступности для них

сомнения, и как следствия осознания угрозы, сохраняли ригидность в способах приспособления, подвергая разрушению не их, а себя.

Сомнение (и как следствие, тревога), с одной стороны, и стремление стабилизировать все процессы (как способ совладания с тревогой), с другой, и являются основными факторами эволюции вообще и творческого процесса, в частности. Взаимодействие этих факторов разворачивается в соответствии с диалектическим законом взаимного перехода количественных и качественных изменений. Сомнение же является сущностью деконструктивно-реконструктивной тенденции эволюции, стремление же к стабильности позволяет закрепить результаты этой тенденции до актуализации нового сомнения. Творческий потенциал индивида определяется его способностью осознавать сомнение, переживая при этом тревогу, не пытаясь быстро подавить ее. Итак, творческому процессу всегда сопутствует тревога. Функция сомнения заключается в мотивации тенденции к деконструкции, реализация которой обеспечивает создание новых условий и фактов существования, которых пока не было в опыте и для которых пока не существует адекватной адаптационной стратегии. Суть творческого процесса при этом состоит в реализации ресурсов сомнения.

Творчество является понятием, ориентированным на процесс, а не на результат. Важно не то, какое открытие я хочу сделать, а каким образом я переживаю сомнение. При этом тревога сомнения не родственна нарциссической тревоге признания. Различия эти имеют отношение не столько к содержанию тревоги, сколько к способам обращения с ней. Так, сильная тревога, сопутствующая сомнению: «Гений ли я или посредственность?» может переживаться как естественный процесс, а может (в силу невыносимости для нарциссически уязвимого Я) блокироваться, находя размещение в актах признания со стороны окружающих или депрессивном нарциссическом исходе. Для естественного творческого процесса характерен первый способ, хотя он и является более тяжелым, принимая зачастую характер кризиса.

Возвращаясь к тезису о процессуальности понятия творчества, следует отметить, что, находясь внутри творческого процесса, я пребываю в неведении и неопределенности относительно его результата, так как базис творческого процесса заключается не столько в поиске ответов, сколько в постановке и формулировании вопросов. Ответы определяют не процесс творчества, а его результат. Конечно же, естественный творческий процесс, рано или поздно, всегда заканчивается некоторым продуктом, однако, проконтролировать это в ходе процесса принципиально невозможно. В противном случае я рискую разру-

шить процесс, который первичен по отношению к результату. Не так важно, чтобы этот процесс подчинялся существующим правилам логики и был строго последовательным (возможно и это всего лишь интроект, который также было бы полезно разрушить). Важно при этом создавать новое вне зависимости от того, противоречивы или нет мои суждения. Критика непоследовательности и противоречивости рассуждений с этой точки зрения бессмысленна. Здесь уместно провести прямую аналогию вышеописанного с психотерапевтическим процессом (по крайней мере, с гештальттерапевтическим). Результат психотерапии (конечно же, также творческого процесса) является вторичным (я бы даже усилил этот тезис, сказав - побочным), хотя и закономерным, продуктом самого терапевтического процесса. Качество жизни клиента, безусловно, меняется в процессе терапии, однако, предвидеть характер этих изменений, ориентируясь на процесс творческого приспособления, принципиально невозможно.

Ресурсы и сложности творческого процесса

Следует отметить также и сложности, зачастую прерывающие или делающие невозможным творческий процесс. Парадоксально, но эти сложности и препятствия имеют тот же психодинамический источник, что и ресурсы творчества. А именно, речь идет все о том же сомнении. Помимо того, что сомнение порождает тревогу, в силу своей уникальности и индивидуальности оно еще и обрекает человека на одиночество. Сомнение индивида не может быть разрешено коллегиально – как бы оно не разрешивалось тяжело, разрешено придется самому. И, как следствие, отвечать за сделанный выбор. Поскольку творчество является процессом, несущим угрозу стабильности, которые давали прежние знания, постольку оно нуждается в чем-то постоянном и неизменном, обеспечивающем некоторую стабильность. Так, рядом с пиковыми продуктами цивилизации можно обнаружить вековые дубы, рядом с современными сооружениями из стекла и бетона – древние памятники архитектуры. Кроме того, чем стремительнее развивается цивилизация, тем сильнее тенденция бегства от нее – человек стремится за город и жить, и отдыхать, родственным этому феномену является зависимость многих людей от работы на загородных дачных участках при всей очевидной экономической нерентабельности этого процесса. Все эти феномены поля создают ощущение стабильности, хотя если точнее – поддерживают ее иллюзию.

В заключение хочу сделать акцент, воспринимающийся, возможно, парадоксально на фоне вышесказанного, на важном ресурсе, питающем творческий процесс, а именно на поддержке поля. Несмотря на то, что творческий процесс суть индивиду-

листичный феномен, предполагающий, как я уже отмечал, одиностество, тем не менее разворачивается он во взаимодействии в поле. Игнорировать это было бы неразумным. Любые человеческие проявления, я бы даже выдвинул более радикальный тезис – вся личность – суть феномен поля, а именно границы контакта в поле «организм/среда». В связи с этим следует отметить, что творческий процесс это также феномен, соответствующий диалогу людей, культур, стилей и т.д. Среда при этом в зависимости от качества и выраженности ее валентности, приписываемой самим субъектом творчества, может выступать как поддерживающая или угрожающая, любопытствующая или оппонирующая и т.д.

Старшова И. Г.

Опыт религиозных исканий российской интеллигенции на рубеже XX-XXI вв.

Обсуждение темы религиозных исканий российской интеллигенции имеет в отечественном общественном сознании вековую историю. Александр Блок в статье «Религиозные искания и народ» в 1907 году критиковал ту интеллигенцию, которая «сгноила себя – свою мускулатуру, свою волю – на религиозных собраниях». Забыв о том, что «за дверями стоят нищие духом, которым нужны дела», «интеллигенты, посевшие в спорах о Христе, многодумные философы» разрушали народную веру. «...лучше бы ничем не интересовались и никаких «религиозных» сомнений не знали, если не умеют молчать и так смертельно любят соборно посплетничать о Христе».[1, 8-10] Проблема религиозного мировоззрения интеллигенции была одной из основных в «Вехах» и околоревольюционной литературе. В Анти-вехах (сборник «Интеллигенция в России», 1910 г.) кадетские и околоревольюционные авторы доказывали, что обвинения интеллигенции в атеизме необоснованны. П.Н. Милуков пытался научно обосновать снижение религиозности интеллигенции, подчеркивая, что она по-прежнему придерживается тезиса о первенстве духовной жизни.

Религиозные искания интеллигенции начала XX века проходили в русле «церковного революционизма». Это отмечал С.Н. Булгаков. Современные исследователи зачастую дают более резкую оценку отношению интеллигенции к религии: «сановно-масонская традиция «безбожия» русской интеллигенции». [5, 75] В. Думный говорит о христиански незрелом сознании интеллигенции. Этим он объясняет распространение «интеллектуального фанатизма невиданного накала, который повлек за собой откат к архаичным – манихейским по своей сути – нравственным представлениям». Интеллигенцию объединило

фанатичное служение марксистским идеям. Сознание русской интеллигенции при её массовом повороте к марксизму было выстроено по «традиционалистски-синкретичному принципу». Сочетание готовности к жертвенному самоуничтожению во имя народа и крайней формы социально-исторической гордыни В. Думный называет психосоциальным парадоксом.

Отношение интеллигенции к церкви как социальному институту было менее противоречивым, чем их религиозное мировоззрение. Поскольку православная церковь на начало XX века не была отделена от государства и в ней практически отсутствовали организованные диссидентские группы, русская прогрессистская интеллигенция, причем не только левая, но и либеральная, воспринимала православную церковь как нечто одномерно реакционное. Характерно, что в ходе Первой русской революции и революционных событий 1917 года в России интеллигенция не продуцировала сильных левых христианских движений. Были отдельные люди и группы, стоявшие на левых христианских позициях, но сильных движений не было. Настроения интеллигенции и значительной части масс, которые сталкивались с православием в лице церкви (представителя государства), в 1917 году органично соединились с антиклерикальным пафосом левого движения. Но данное единство умонастроений в отношении религии было кратковременным.

С установлением советской власти интеллигенция, перешедшая на службу режиму, демонстрировала атеистическое мировоззрение, способствовала его распространению в общественном сознании. Хотя качество и масштабность подобной работы нельзя преувеличивать. В еженедельных сводках ОГПУ (а затем НКВД) о политических настроениях населения очень часто встречались подобные описания: «... учительство на 70% не соответствует своему назначению, как не усвоившее методов преподавания в единой трудовой школе... и по социальному положению: дочери попов и помещиков, которые почти не принимают участия в общественно-политической и просветительской работе, чаще ходят в церковь, чем на собрания». [3] Активность педагогической интеллигенции в Союзе Безбожников была ниже, чем в других культурно-просветительских обществах. В частности, в Псковском округе в 1930 г. только 6% учителей являлись членами Союза, в то время как в других государственных компаниях участвовало до 70% просвещенцев. Усиление антирелигиозной работы интеллигенции к концу 1930-х годов было обусловлено притоком новых советских кадров и угрозой увольнения в случае отказа вести атеистическую пропаганду.

В послевоенный период в Советском Союзе интеллигенция участвовала в комплексной программе коммунистической про-

паганды, в которой атеистический блок был одним из составляющих элементов. В современном интеллигентоведении рассматривается вопрос о масштабах и качестве участия интеллигенции в коммунистической пропаганде. Советская общественная наука явно преувеличивала рост сознательности интеллигенции и доказывала начало слияния с рабочими и колхозниками (схема «2+1») в единый «советский народ». В научных публикациях приводились цифры количественного роста численности коммунистов в системе образования: в 1957 г. 340 тыс. коммунистов работало в школе, в 1967 г. – 618 тыс., в 1977 г. – 655 тыс.. [4, 126] Но на фоне численного увеличения самой профессиональной группы учительства доля учителей-коммунистов значительно не возросла. Кроме того, отметим, что учет велся по партийным ячейкам и в число коммунистов, работающих в школе, попадал технический, обслуживающий персонал.

Шестидесятники обращались к Церкви в ожидании встречи с русским Серебряным веком. Они пришли к Церкви, поскольку читали Флоренского, Бердяева, Шестова, Толстого, Достоевского, может быть – кого-то из святых отцов. Они ждали той хорошей, четкой, качественной энергетики, которую встретили у этих писателей. В целом религиозные искания для шестидесятников были эпизодичны по сравнению с поиском оптимальных социально-политических общественных моделей.

В условиях перестройки конца 1980-х - начала 1990-х годов российское общество демонстрировало высокую степень доверия к церкви, ожидая получить ответы на злободневные вопросы. Интеллигенция, активно приступившая в это время к разработке новых социально-политических и историсофских концепций, часто использовало православие как одну из основных или необходимых составляющих этих концепций. В начале 1990-х годов, в условиях кризиса перестроечных идей, интеллигенция видит свою миссию в восстановлении связи времен, нарушенной затянувшимся советским экспериментом, в содействии осознанию народом себя наследником многовековой своей и всечеловеческой культуры. Как лозунг звучат строки из статьи Ф.Т. Михайлова в сборнике «Освобождение духа»: «Дело за нами. Дело за творцами культуры, дело за интеллигенцией...».[8, 56]

В течение 1990-х годов интеллигенция противопоставляла губительному влиянию западной культуры православные традиции русской культуры. Интеллигенция и общество в целом не смогли адекватно переработать заимствованные ценности к российским реалиям. О причинах того, почему этого не происходило раньше, размышлял известный историк А.С. Лаппо-Данилевский: «...для того, чтобы подчинить православной точ-

ке зрения светские элементы чужеземной культуры... надо было отличаться такой самостоятельностью мысли и располагать такими образовательными средствами, каких православно-русские книжники не имели». [6, 156] Тем более, не могли отличаться самостоятельностью мысли интеллигенты, воспитанные советской системой.

В 2000-е годы большой резонанс в интеллигентском сообществе получила проблема введения религиозного компонента в содержание светского образования. Интеллигентское сообщество не приняло единой позиции по вопросу возможности введения в российских школах «Основ православной культуры» (ОПК). Часть интеллигенции выступила против рассмотрения ОПК как необходимой составляющей духовно-нравственного воспитания школьников. Было подписано несколько открытых писем от представителей интеллигенции с призывом сохранить светское образование и не вводить ОПК в школах. Академик, нобелевский лауреат по физике Виталий Гинзбург выступил в 2004 г. против преподавания в школах ОПК: «Я являюсь атеистом и при этом убежденным сторонником свободы совести. Я сторонник того, что всякий культурный человек, чтобы стать более культурным, не должен пренебрегать религиозными ценностями. Многое и в литературе, и в искусстве не будет понятно, если не знать Библию, Коран. Эту информацию, конечно, надо дать школьнику. Но как? Нужно давать ее, не уклоняясь ни в веру, ни в безверие. Для этого есть культурология, обществоведение, история. Но ни в коем случае не основы православной культуры, что сейчас делается. Это возмутительнейшая вещь!». [2]

Правозащитники доказывали, что появление вероучительных предметов в государственной школе может расколоть общество и вызвать межконфессиональные конфликты. На протяжении 2000-х годов обсуждалась возможность введения в школах России конфессионально ориентированных предметов (православной культуры, исламоведения, основ иудаизма и т.п.) и очищенной от религии светской этики. К 2008 г. интеллигенция поддержала компромиссное предложение о введении в школах предмета, способствующего нравственному воспитанию школьников. Найденный компромисс смог хотя бы ненадолго примирить часть сторонников и противников преподавания ОПК. Одновременно он вписался в начавшуюся административную кампанию по борьбе за нравственность в стране. В данном случае найденный компромисс поддержали все сторонники сотрудничества с властью во имя стабильности и порядка. [7]

К 2010-м годам обществоведы, публицисты зафиксировали снижение интереса интеллигенции к религии («...религиозное

возрождение в мозгах русского интеллигента – это была нормальная путаница между библиотекой, храмом и публичным домом. И хорошо, что она закончилась» [10]). В публицистике это явление получило название «разочарование в церкви». Часть интеллигенции обвинила другую в том, чтобы они «заигрывают» с Церковью и их убеждения далеки от истинно религиозных убеждений. Можно сказать, что интеллигенция рубежа XX-XXI вв. так же, как её предшественница столетием ранее, находилась в состоянии религиозных исканий и склонна к религиозному реформаторству. Так, например, писатель И. Яркевич, автор романов и эссе, говорил: «Религия интересует меня как игра. Это игра с религиозными мифами, отталкивание от религиозных архетипов, возможность выйти через миф на некое «вечное время»... Именно через религиозные архетипы можно подойти к вечному, сакральному времени. ...мне проще раздеться и сняться голым, чем кому-то рассказывать о моих религиозных убеждениях. На сегодняшний день и час я – экуменист. То есть я вижу и в Библии, и в буддизме одну и ту же историю... Я – религиозный космополит, который видит одно и то же сакральное время в разных религиях, выраженное в разное время разными людьми разной степени грамотности».[10] Экуменисты хотят искусственно объединить православие, протестантизм, католицизм.

Популярность среди части интеллигенции завоевали идеи Елены Блаватской, её теософский проект для многих является идеалом религиозного синкретизма.

Со стороны представителей интеллигенции высказывались критические замечания в адрес РПЦ, в том числе, как и столетие раньше, интеллигенция не приняла моральную поддержку церковью политики власти. Так, директор Института проблем глобализации и социальных движений Б. Кагарлицкий, оценивая разработку РПЦ программы «Основы социальной концепции РПЦ», в 2008 г. отмечал, что официальная РПЦ не предлагает идею освобождения, не решает вопрос о том, как сделать бедных менее бедными. «Это сугубо моралистические оценки, которые сопутствуют существующему порядку и дают нам в лучшем случае некоторые моральные ориентиры, чтобы оценивать те или иные социальные процессы. Когда речь идет об уважении к социальным правам, это на самом деле не требование социальной реформы, а призыв к определенному поведению в рамках существующего порядка». [9] Анализ религиозных исканий интеллигенции рубежа XX-XXI вв. дает основание говорить о сохранении родовых черт российской интеллигенции.

Литература:

6. Блок А. Религиозные искания и народ/Россия и интеллигенция (1907-1918) – П., «Алконост», 1919.
7. Гинзбург В. Нам нужно постепенно сращивать науку с педагогикой//Первое сентября. 20004. №14.
8. Государственный архив новой и новейшей истории Псковской области. Ф.1. Оп.1. Д.3346. Л.172; Д.460. Л.62.
9. Грищенко Г.Д. Некоторые данные к характеристике социального положения учителя / Социологические исследования интеллигенции. Сб.ст под ред. Добрыниной В.И., Козырева Ю.Н., Сбытова В.Ф.- М, ИСИ АН СССР. 1982.
10. Думный В. Люди будущего или люди без будущего? Социально-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX- XX столетий. М., МГУП, 2003.
11. Кисилев А. «Идейность задач» и «беспочвенность идей» (Георгий Федотов) // Высшее образование в России. 2003. №5. С. 152-170.
12. Круг П. Церковь плохому не научит?//Независимая газета. 3 сентября 2008.
13. Михайлов Ф.Т. Болевые точки культуры/Освобождение духа/Под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1991.
14. Мельников А. Пророк из Трира. Маркс не собирался становиться святым новой религии//Независимая газета. 2008. 20 августа.
15. Смирнов М. Несостоявшаяся встреча. Интеллектуалы разочаровались в Церкви, перепутав ее с библиотекой // Независимая газета. 10 января 2008.

Синкевич И.А.

Талант как социокультурный феномен

В современном языке понятие «культура» является наиболее употребляемым, что совершенно не означает его однозначности: 1) именно культура есть среда, которая питает и растит личность (П.А.Флоренский); 2) культура - это результат взаимодействия человека с окружающей действительностью, это красота (соразмерность, симметрия), чистота и порядок взаимодействия; 3) культура – это как цвет наших глаз: его нельзя изменить или спрятать, и хотя нам самим он не виден, но другие, когда общаются с нами, немедленно замечают его; 4) культура – это ментальная рамка, программное обеспечение мышления» (Г. Хофстеде).

М.Ю. Чибисова [9] определяет теорию культуры как айсберг, выделяя два уровня: 1) осознаваемый уровень, определяющий язык; литература; обычаи; фольклор; манера одеваться и др.; 2) неосознаваемый уровень, составляющий: стиль межличностного общения; жесты, мимика, движения, позы; различные подходы к исследованию межличностных отношений; шкала нравственных ценностей; побудительные мотивы на различные виды деятельности; темпо-ритм жизни; отношение к детям, семье; определение статуса и др. Культура живет верой челове-

ка в свое высшее предназначение, а вера человека - чувством причастности к высшим ценностям бытия. Культура существует в едином пространстве и времени, ограничиваясь их конкретными параметрами. По мнению О.А. Кривцуна [6], историко-антропологическое мышление включает такие понятия, как менталитет, сознание и подсознание культуры, ценностные ориентации, автоматизмы и навыки поведения, культура воображения эпохи и др. Эти измерения, проводимые на основе анализа разных продуктов творческой деятельности человека, позволяют воссоздать целостную картину его психической эволюции. Культура и искусство любой эпохи - это неповторимый способ взаимодействия «практических» и «теоретических» форм социальной памяти, мифологических и научных представлений, сознательного и бессознательного.

Следует заметить, что художественная жизнь общества не состоит из одних лишь вершинных достижений, и анализ форм художественной самореализации в социальной среде людей, не знакомых с художественными шедеврами эпохи, проливает не меньший свет на базовые ментальные установки. Названные ветви искусства в социальном пространстве сосуществуют в постоянном пересечении, составляя единый художественный процесс. О.А. Кривцун отмечает, что линия, отражающая повседневные художественные формы бытия человека, выступает социальной средой, вне которой оказывается невозможным рождение шедевров культуры. Все меняющиеся параметры культуры и искусства являются зеркалом перемен, происходящих в самочувствии и самопознании человека. Особые исторические состояния человека по-своему отражаются в языке и образном строе искусства и в приоритетном развитии его видов и жанров. Аналитическая психология, неопрейдизм, теории массовой культуры рассматривают субъекта творческой деятельности (талант) как сложившийся феномен в социокультурном контексте, оставляя в стороне становление личности, детерминируемое общественно-историческими условиями и обстоятельствами.

В.Ф. Овчинников [7] утверждает, что в каждой культуре одна из сфер духовной деятельности занимает доминирующее положение и оказывает влияние на другие сферы, являясь выражением присущих культуре: стиля мышление; характера творчества; принятых в обществе нравственных норм. По творческому потенциалу такой духовной культуры можно судить об эволюции форм лидерства в социокультурной среде. Исследуя слагаемые таланта в социокультурном контексте, В.Ф. Овчинников определяет виды творчества (научное; техническое; художественное), которые в динамическом единстве определяют духовный потенциал общества, его глубинную мощь, национальное свое-

образе и обеспечивают его устойчивое развития. Изучение типологических характеристик творческой личности в социокультурном контексте содержит возможность с научной точки зрения понимания: менталитета своего народа; его духовного потенциала; творческих устремлений. Творческая личность подразумевает присутствие в ее природе феномена (дара), который проявляется в конкретных свойствах человека, в сущностных примечательных чертах. Рассматривая талант как социокультурный феномен, Ф. Гальтон [2] определил черты творческой личности: природная даровитость; энергия - волевые качества выше средней величины; способность к сосредоточенной, напряженной работе. Г. Гейне и А. Кони сравнивали жизнь выдающихся людей с солнцем: на восходе и на закате, когда его величина видна отчетливее всего. Начало как «восход солнца» - проявление и развитие творческой одаренности, которую каждый человек получает от генетических данных своих предков. Но раскрытие таланта природных способностей творческой личности зависит целенаправленного трудолюбия, волевых качеств. История приписывает великим людям удивительную работоспособность, устойчивую мотивацию, предельную самоотдачу и самоотверженный труд:

Вдохновение - это гостья, которая не любит посещать ленивых людей (П.И. Чайковский).

Гений - это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота (Т. Эдисон).

Гений есть терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении (И. Ньютон).

Наиболее сильным мотивом творчества является желание оторваться от серости и монотонности будней и найти убежище в мире, заполненном им же созданными образами (А. Эйнштейн)

Гений есть не что иное, как дар огромного терпения (Ж. Бюффон).

Таким образом, гений - это экстремальное напряжение сил и величайший, непрекращающийся труд, рассчитанный на века, вопреки непризнанию, безразличию, нищете. В.Ф.Овчинников отмечает, что гения порождают: 1) запрос общества; 2) востребованность своим временем; 3) наличие ярко выраженного таланта; 4) волевые качества характера [7, С.13]. Однако у общественного развития есть свои взлеты и падения. К.К. Платонов отмечает, что они есть и у таланта. Когда взлет таланта совпадает с взлетом общественного развития, создавая в своей области эпоху, талант становится гением. Гений - понятие психологическое и социальное: 1) рождение гения - это проблема биологическая и генетическая; 2) развитие и становление гения - про-

блема биосоциальная; 3) осуществление гения - проблема социально-психологическая. Каждый человек в выбранной области творчества может стать гением, приложив максимум усилий для самосовершенствования. Однако проявить гениальность - не значит быть гением. Динамике социокультурного процесса подчинено системное выражение феномена творческой личности, заключающееся в способностях, трудолюбии, воле и самосовершенствовании.

На каждой стадии развития творческой личности самодетерминация должна соответствовать определенной фазе культуры. Культура живет верой человека в свое высшее предназначение, а вера человека - чувством причастности к высшим ценностям бытия. Духовную культуру можно обрести только в процессе самореализации человека через преодоление «сопротивления материала», подключив внутреннюю энергию, волю, переживания личного жизненного опыта.

В концепциях русских философов Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, П.А. Флоренского, творческая личность предстает как эпицентр культуры, ее высшая духовная ценность. Личность обретает свою духовную сущность, становится частью человечества, постигая культуру творя ее. М.С. Каган определил сущность искусства в контексте человеческой деятельности, творящей культуру, т.к. философ и художник имеет дело с целостностью бытия, культуры, искусства и, «пристально рассматривая микрокосм, видят отражение в нем макрокосма» [4,43]. Мысли М.С. Кагана созвучны положениям русского космизма о человеке как о «самодетельном» творческом существе (сотворце), нацеленном на совершенствование себя и мира и в определенном смысле рожденного дважды: природой и самим собой (деяниями). Человек не внешний наблюдатель развития и обновления мира, а заинтересованный соучастник этого процесса. По выражению философа Г.Д.Гачева, целостность объекта культуры постигается совместными усилиями «рассудочного и образного мышления, и поэтому работа здесь идет мыслеобразами» [3,11].

Б.П. Юсов [10] определил семь уровней экологической интеграции разнообразных духовных процессов творчества:

1) (нижний уровень) Геосфера (геология и климат) - Л.Н. Гумилев определяет как «вмещающий ландшафт», а Г.Д. Гачев - в моделях «национальных образов мира», «национальных космосов» показывает природу как первооснову и источник литературного творчества в народных мифах и фольклоре;

2) Биосфера (растения, животные как органической части ландшафта) - искусство опирается на научные представления о естественном окружении человека;

3) Антропосфера (ноосфера: антропогенный компонент мироздания) - человек (создает особый слой явлений: историческую среду, темп развития которой опережает естественную историю) образует на Земле особое пространство: историческое, социальное, лингвистическое;

4) Техносфера - техническое творчество человека;

5) Артосфера (художественные проявления человека) - это сфера духовной инициативы, т.к. духовно устремленный человек создает небывалые технические устройства - творческий слой, ускоряющий необратимые изменения природы и человеческих этносов, их движение по лицу Земли, возвышение и угасание;

6) Эргосфера (область социальных, исторических и творческих достижений в их совокупности образует сферу духа) - эта сфера идеального, духовного, независимо от номинального занятия по профессии;

7) Космосфера (Астросфера) - бесконечный Космос, в котором несется наша Земля (в словоупотреблении прошлых веков «космос» - это внешняя среда, люди и их культура; «осмос» - это внутреннее, от костей и мышц до духовного содержания человека); в народных поверьях и фольклоре Космос занимает прочное место; религиозное мышление помещает в Астросферу своих персонифицированных Богов; этот мир загадочен для исследователей микро и макромира, пространства-времени, так как ребенок - «маленькая вечность, спящая Вселенная, Космический образ» [11,11].

Совокупность всех сфер представляет полный гуманитарный синтез мировоззрения творческой личности в контексте культуры. Б.П. Юсов ставит вопрос так широко (на семи уровнях), чтобы на таком фоне обратиться к области художественного творчества к Артосфере. Содержание творческого развития личности в контексте культуры должно коснуться всех сфер - от ландшафта до эргосферы и космоса - Г.Д. Гачев, Л.Н. Гумилев, В.И. Вернадский, П.А. Флоренский, Тейяр де Шарден и др. Следует заметить, что в познании духовной субстанции, в стремлении и возможности улучшить ее качество важная роль принадлежит феномену искусства. С давних времен отмечается глубокая связь между духовностью и художественным творчеством. Искусство, являясь опытом эстетического восприятия и моделирования мира, хранит в себе целостность культуры народа, нации, этноса и в процессе художественного творчества осуществляет передачу накопленного опыта, информации и познания. Связи искусства с науками осуществляются на основе единых духовных корней, как звенья «креатосферы» - сферы духовного раскрытия личности в художественном и научно-

техническом видах творчества; духовных культурогенных факторов истории, т.к. «духовная история человечества еще не написана как история мысли и творчества»[10,54].

Исследователи различных областей знания пытаются определить общие критерии оценки таланта в социокультурном контексте и частные проявления творческой личности. Среди этих критериев И.В. Гете выделял долголетие живой мысли гения, так как в любых научных исследованиях подразумевается неизблемость открытых гениями законов, которые являются базисной основой нашего понимания устройства мира по данным отраслей науки и техники. По мнению В.Ф. Овчинникова, критерием гениальности служит наивысшая степень интенсивности творческих усилий, граничащая со сверхчеловеческими возможностями. А.Ф.Лосев (с 1927 по 1930 год) издал восемь книг, среди которых «Философия имени», «Музыка как предмет логики», «Диалектика мифа» и др.[7, С.21-22]. Можно также вспомнить о результатах творчества, которые получило человечество в наследство от великих людей: П.И. Чайковский написал 10 опер; Н.А. Римский-Корсаков – 15; Дж. Верди – 26; Л. ван Бетховен - 9 симфоний; И.К. Айвазовский известен как автор около 6 тысяч картин; П. Пикассо - более чем 50 тысяч произведений искусства.

Еще один критерий: характер соотношения рационального и иррационального в развертывании творческого потенциала личности (одна из проблем, вызывающая повышенный интерес в философской и научной литературе). Одной из его характерных черт является доминирование иррациональных начал в творческом акте и поведении гения. Этим объясняется тот факт, что общество не всегда понимает гения, наделяет его ореолом таинственности, приписывая ему мистические качества.

В.Ф. Овчинникова утверждает, что типология может быть распространена на субъектов творчества и на творческие династии. В семье Достоевских Федор Михайлович - гений; его брат, Михаил Михайлович, тоже писатель, - талант; жена Ф.М.Достоевского, Анна Григорьевна, - высокоодаренная личность, дневниковые записи которой помогают понять природу творчества писателя. В семье Толстого Лев Николаевич - гений; его брат - талантливый писатель; жена, дети, внуки - интеллектуально одаренные люди. В семье Шаляпина Федор Иванович - гений оперной сцены; его сын - талантливый художник; дочери и внуки - интеллектуальные, не лишённые дарований личности. Известны и другие творческие династии, внесшие значительный вклад в развитие русской культуры (Бенуа, Рерихов и др.). Однако в истории культуры можно встретить личностей, которые проявили себя на всех трех творческих уровнях. А.П.Бородин:

гениальный композитор, талантливый ученый-химик, не лишенный одаренности поэт. Но в русскую культуру он вошел как композитор, так как именно в этой сфере проявился его творческий потенциал. Н.К.Рерих гениальный художник, талантливый ученый и не лишенный одаренности поэт, однако в историю культуры он вошел как художник, открывший новое направление в живописи. Гениям иногда приходилось «искать себя»: 1) А.П. Чехов и М.А. Булгаков были врачами и не помышляли о писательском поприще; 2) У. Дисней, ненавидевший искусство и художников, создал шедевры мультипликационного искусства; 3) П.Пикассо, ненавидевший все художественные школы, создал кубизм - новую художественную школу; 4) врач М. Монтессори, ненавидевшая преподавательскую профессию, в корне изменила систему образования.

Следует заметить, что системная типология применима и к творцам, вошедшим в историю культуры каким-либо одним произведением: А.С.Грибоедов вошел в литературу как автор гениальной комедии в стихах «Горе от ума»; П.П. Ершов известен как автор поэмы-сказки «Конек-Горбунук».

Среди гениев, добившихся универсализма, можно назвать Аристотеля, Леонардо да Винчи, Р. Декарта, Г.В. Лейбница, М.В. Ломоносова, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский и др. [7,25]. В.И. Вернадским было опубликовано 416 работ: 100 посвящены минералогии; 70 - биогеохимии; 50 - геохимии; 43 - истории наук; 37 - организационным вопросам; 29 - кристаллографии; 21 – радиогеологии; 14 - почвоведению; разным проблемам истории, биологии, времени и симметрии, геологии, учению о полезных ископаемых, философии и т.д. Данный универсализм обусловлен высочайшим уровнем развития способностей, которые явились своего рода «инструментом» для создания человеком предметов и явлений - творений культуры.

Слово «творчество» происходит от слова «творить», т.е. в общественном смысле это означает «искать», изобретать и создавать нечто такое, что не встречалось в прошлом опыте - индивидуальном или общественном. Закономерности формирования гения универсального типа подчиняются следующим критериям: сверхинтенсивность напряжения творческих сил; синкретизм иррационального и рационального; в орбиту своих идей втягивают единомышленников; открытиям суждено долголетие.

По мнению В.М. Аллахвердова до сих пор не существует критерия гениальности, позволяющего однозначно отличать шедевры от рядовых произведений. Советские люди были воспитаны в убеждении, что искусство принадлежит народу. Н.С.Хрущев полагал, что его точка зрения совпадает с мнением народа, позволял себе с высокой трибуны издеваться над

скульптурами Э.И.Неизвестного, по иронии судьбы поставившего надгробие на могилу бывшего генсека. Публика не жаловала Г.Берлиоза, которого Н.Паганини назвал композитора единственным достойным преемником Бетховена. Ф.Лист перекладывал его симфонии в фортепьянные пьесы, поэты сравнивали его талант с Шекспиром и Микеланджело. Таким образом, мнение большинства людей вряд ли может быть всерьез принято в качестве удовлетворительного критерия оценки таланта художника. В XX веке на судебном заседании выяснилось, что рабочие не понимают стихов И.А. Бродского, значит он – «тунеядец», а не поэт и его послали на «лесоповал», а затем выслали за границу, где поэт был награжден Нобелевской премией [1,14-15]. Данные примеры показывают, к каким печальным последствиям в истории России и других стран приводят беспринципность, насильственное навязывание своих взглядов и преследование инакомыслящих.

Подлинное искусство вызывает эмоциональные переживания. Именно поэтому все оценки произведений искусства крайне субъективны. В.М. Аллахвердов замечает, что некоторые творцы признают лишь близкое их творческому мировоззрению, а потому чаще всего признают лишь собственное творчество. «Я - гений», - писал о себе поэт Игорь Северянин. Композитор А.Н. Скрябин мнил себя мессией. При оценке «высокого искусства» большинство обычных людей выше всего ставят художественные произведения, созданные примерно сто лет назад. По мнению М.Твена чтобы к художнику пришла слава, он должен умереть.

Гений и талант - социокультурный феномен, так как противоречия социума и культуры, конфликт с историей и обществом проявляются в творчестве гении с особой напряженностью и разрешаются особым нетривиальным способом. У гения часто возникают сложности с социализацией и личностной идентификацией, поэтому ему приходится творить собственную реальность, уникальное культурное пространство самоидентификации. Именно такие люди помогают обществу осуществлять прорыв в науке и искусстве. И расплату за эти взлеты несет не общество, а гениальный одиночка, который неудобен всем и самому себе. Большинство из великих людей были несчастны, одиноки и очень ранимы, искали убежища в воображаемом, придуманном ими мире. Они были ближе всех к Истине, но их часто не понимали. Одна из причин несчастий гениев - это их темперамент, они часто бывают не удовлетворены достигнутым успехом, постоянно гоняются за будущими возможностями за счет настоящей реальности. К основным качествам гениев отно-

сятся одержимость, упорство, мятежный дух, склонность к риску, самозабвенность, безрассудство, жертвенность.

Главным признаком таланта является творческое воображение, которое создает различные виды искусства. Б.П.Юсов [11] выстроил систему художественной модальности, которая дает возможность представить механизм творчества, как «художественное пространство», как «духовный космос». Воображение рассматривается как ведущее качество внутреннего, духовного проявления творческой личности и как важнейшая составляющая развития культуры в широком смысле слова (в экосистеме). Творчество (продуктивность) выступает как важнейший показатель лишь в экзистенциальной системе искусств. Творческая личность постоянно превосходит себя, чтобы двигаться по ступеням роста (экосистемы и экзистемы). По мнению М.Пруста, жизнь - это усилие во времени, а таланта - тем более. Остановимся на типологической структуре творческого потенциала личности. В.Ф.Овчинников выделяет сложившиеся в общественном сознании типы творческой личности: гениальность, талантливость, одаренность (способности, стоящие выше среднего уровня творческого потенциала человека) [7,19-20].

Гениальность - это высокая степень одаренности, выражающаяся в результатах, достигнутых одновременно в ряде областей деятельности. Олицетворением гениальности являются гении, которые открывают неизведанные пути творчества. Они первооткрыватели принципиально нового и неизвестного - отсюда его оригинальность и неповторимость.

Многовековой опыт закрепил принципиальную разницу между гением и талантом: 1) «Гений делает то, что должен, талант - то, что может» (Н.А.Бердяев); 2) «Талант - дар, над которым властвует человек; гений - дар, властвующий над самим человеком» (Дж. Р. Лоуэлл); 3) «Талант является специфической, а гений всеобщей способностью» (Г. Гегель); 4) «Особенность гениальности по сравнению с талантом в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется неожиданно» (Ч. Ломброзо); 5) «Талант работает, гений творит» (Р. Шуман); 6) «Гений дорогу открывает, талант по ней ходит» (М. фон Эбнер-Эшенбах) и др. [8,14-15].

Талант обладает выдающимися способностями и высокой степенью одаренности в определенной области движется по пути открытому гением. У гениальных людей были десятки талантливых последователей, ученых, углублявших и продвигавших вперед их открытия. Талант - творческая одаренность в искусстве, предполагающая наличие определенных физических данных: восприимчивого музыкального слуха для пианиста, особой пластичности для балерины, острого чувства цвета для

живописца, но главное – это интеллектуально-психологические особенности. Художественный талант - это эстетическая интуиция, сила художественного мышления, активность воображения, наблюдательность, богатство эмоций. Формы и характер объединения такого рода качеств зависит от личности художника, жанра и вида искусства.

Одаренный человек обладает совокупностью общих и специальных способностей, разносторонними данными; является проводником нового, на практике доказывая его культурно-историческую значимость. Одаренность - это системное проявление способностей или качество совместно работающих функциональных систем, реализующих различные психические функции, которые включены в функциональную систему деятельности и имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии выполнения деятельности.

Представленные типы творческой личности в контексте культуры являются своеобразными пиками, возвышающимися над гипотетической средней линией, представляющей собой норму потенциала человека. Вниз от этой воображаемой линии располагается сфера социальной усредненности (посредственности). Одаренность, талантливость, гениальность не могут быть вычленены или классифицированы, если отсутствует представление о норме, то есть естественной для любого общества отметке по шкале, которая является необходимой базовой основой культуры.

Плоскость социальной усредненности - это срез в структуре потенциала общества, без которого не может обходиться ни одна общественная система. Социальная усредненность порождает посредственность - определенный уровень потенциала общества в личностном выражении. По мнению Л. Гумилева феномен избыточности, стоящий выше средней воображаемой линии в иерархии творческого потенциала личности имеет знак «плюс» - знак пассионарности.

Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, социокультурной среды, атрибут не сознания, а подсознания. Степени пассионарности различны, но, для того чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный. Пассионарность – стихийное явление, так как не отдельные пассионарии создают великие творения, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарного напряжения. Для пассионариев характерно посвящение себя той или иной цели, преследуемой на протяжении всей жизни. Гармоничные, импульсивные люди,

оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя как пассионарные.

М.И. Коваленко и Ю.В. Шатковский утверждают, что пассионарии характеризуются высокой общей психической активностью и эмоциональностью. Пассионарность – это социально значимая акцентуация характера. Пассионарий – энтузиаст, подвижник, фанатик, страдалец. Уровень пассионарности оказывает решающее влияние на направленность личности. Пассионарность – это способность изменять окружающую среду и самого себя, потребность в преодолении. Пассионарии характеризуются доминированием потребностей самоактуализации [5,17-19].

Все типологические структуры в творческом потенциале человека (гениальность, талант, одаренность, посредственность) дают положительную избыточную энергию, без которой невозможно творчество, сопряженное с сознанием новизны. Ниже средней воображаемой линии В.Ф.Овчинников определяет людей, наделенных нормальной, усредненно-посредственной энергией [7,28]. В рассмотренной типологии особая социокультурная роль принадлежит постоянно действующим структурам (таланту и посредственности), выражающим суть двух непрерываемых тенденций, двух исторических параллелей, проходящих через все эпохи творческого развития общества, народа, нации. По характеру их соотношения можно судить о характере и типе творческого развития соответствующего общественного образования.

Изменения, произошедшие в нашей стране за последние годы, стали предпосылкой всплеска научного интереса к проблеме творчества в целом и к особенностям креативной личности в частности. Знакомство с выдающимися деятелями науки, культуры и искусства прошлого и современности несет в себе колоссальное воспитательное значение, позволяет формировать идеал, стимулирует духовный рост личности. Эти люди становятся духовно-нравственными образцами, а знакомство с их творчеством обеспечивают импульсы для непрерывного личностного самосовершенствования.

Литература:

1. Аллахвердов В.М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений.-СПб, 2001. –С.14-15.
2. Гальтон Ф. Наследственность таланта. Законы и последствия. - М., 1996. – С.56.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. - М., 1988. - С.11.
4. Каган М.С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. - 1997, № 9. - С.43.
5. Коваленко М.И., Шатковский Ю.В. Пассионарность как социологическое и психологическое понятие //Фундаментальные проблемы психологии: Личность в исторической психологии. Материалы научной

- конференции 23-25 апреля 2002 года /Под общей ред. В.М. Аллахвердова, О.В. Защириной. – СПб: СПбГУ, 2002. - С.17-19.
6. Кривцун О.А. Психология искусства // Эстетика: Учебник. - М., 2000 - С.311-394.
7. Овчинников В.Ф. Феномен таланта в русской культуре: Монография. - Калининград, 1999. – 356 с.
8. Пешкова В.Е. Феномен гения. - Ростов н/Д: Феникс, 2006. – С.14-15.
9. Чибисова М.Ю. Межкультурная компетентность преподавателя высшей школы: Доклад // Психолого-педагогическая компетентность преподавателя высшей школы. – М.: МПГУ, 2008.
10. Юсов Б.П. Синтез искусств: культурологический и региональный подход // Педагогика искусства в творческих поисках: Материалы Всероссийского семинара «Проблемы и перспективы эстетического образования в общеобразовательных учреждениях». - М. - Самара, 1996. - С.52-55.
11. Юсов Б.П. Эстетическое развитие как интегрированный фактор духовного формирования личности // Комплексное полихудожественное развитие школьников. - Вып.3. - М., 1994. – С.11.

Соболева Т.Н.

От изучения развития способностей зрительного восприятия к изучению развития профессиональной одаренности

Данная статья посвящена развитию идей В.Д. Шадрикова по проблеме психологии способностей, и в частности основная цель этой работы переосмысление полученных результатов исследования способностей зрительного восприятия с позиции функционально - генетического подхода.

Нами было проведено исследование по развитию способностей зрительного восприятия, через развитие операционных механизмов у детей на материале репродукций художественных картин (В.Д. Шадриков, Т.Н. Соболева, 1999). Нами были учтены результаты изучения способностей зрительного восприятия, полученные С.В. Филиной:

– о сущности способностей зрительного восприятия – это свойство функциональной системы, реализующей функцию целостного и адекватного отражения предметов и явлений при непосредственном взаимодействии с ними;

– субъективный образ характеризуется количественным своеобразием, проявляющимся в скорости, точности его формирования и качественным своеобразием, проявляющимся в формировании смысла, посредством неосознанной работы функциональных и операционных механизмов, с целью осознания значения того, что воспринимается человеком;

– состав операционных механизмов, то есть способов построения образа тот же, что и выделен Л.В. Черемошкиной при изучении мнемических способностей.

Основная идея нашей работы заключалась в целенаправленном обучении детей таким способам обработки визуального материала как сканирование, перекодирование, структурирование, которые позволили бы ему эффективно организовать любую зрительную информацию в целостный образ и раскрыть его полный смысл. Овладевая способами обработки, те есть операционными механизмами, ребенок овладевает своим восприятием (Л.С. Выготский, В.Д. Шадриков). Предысторией этой идеи явилось исследование мнемических способностей с позиции функциональных и операционных механизмов (В.Д. Шадриков, Л.В. Черемошкина), где убедительно доказано, что развитие мнемических способностей у детей идет за счет роста числа используемых операций и увеличения частоты их применения в возрастном диапазоне от 6 до 14 лет.

Нами была выявлена общая структура операционных механизмов: упорядоченного сканирования, перекодирования, структурирования, состав которых главным образом представлен мыслительными операциями, это обусловлено разной долей участия в операционных механизмах таких компонентов как визуальности, семантики, мышления, от чего усложняется специфика механизма. В сканировании рассматриваем два рода операций: как обнаружение разных элементов объекта и выделение одного или небольшого числа элементов в качестве информативных. В перекодировании: перевод зрительной информации на язык значений, преобразование информации путем дополнения новыми элементами и сокращение информации до основного значения. В структурировании: разделение целостного объекта на части, объединение основных частей, или выделение главного и второстепенного, установление связей между ними. Операции связаны между собой, и качество взаимодействия определяется постановкой перцептивной задачи.

Обучающий эксперимент состоял из двух частей. Первая часть заключалась в формировании способов упорядоченного сканирования, т.е. отработку навыка целенаправленного перемещения взгляда по плоскости изображения, для обнаружения максимального количества деталей за минимум времени. Данные способы сканирования предназначены для обработки изображения на визуальном уровне. Вторая часть заключалась в формировании алгоритма действия – это общая система действий сканирования, перекодирования, структурирования, предназначенная для обработки изображения на логическом уровне:

- определение первичного смысла изображения на основе механизмов сканирования, перекодирования;
- деление изображения на смысловые части, является фактическим выполнением механизма структурирования;
- выделение главных и второстепенных деталей – структурирование;
- установление развернутой взаимосвязи главных деталей с второстепенными – структурирование;
- выделение главного смысла изображения – структурирование, перекодирование.

Ключевой принцип развития операционных механизмов – создание условий, обеспечивающих осознание, самостоятельное использование действий в качестве способов обработки визуального материала.

Сравнительный анализ результатов предварительного и итогового тестирования в экспериментальной и контрольной группах показал, что, во-первых, у испытуемых экспериментальной группы повысилась количественная сторона продуктивности зрительного восприятия: увеличилось количество воспринятых деталей за минимум времени. Разница статистически достоверна. Во-вторых, если на момент предварительного тестирования в экспериментальной группе упорядоченным сканированием владели 13.3% испытуемых и 10% испытуемых контрольной, то по результатам итогового тестирования испытуемые экспериментальной группы используют разные комбинации способов упорядоченного сканирования 100 %. В третьих, в результате сопоставления количественных и качественных данных экспериментальной и контрольной групп, мы пришли к выводу, что испытуемые экспериментальной овладели способами сканирования, перекодирования, структурирования на логическом уровне обработки изображения, различия статистически достоверны. Затем было проверено, способны ли испытуемые не в эксперименте, а на уроках изобразительного искусства использовать отработанный алгоритм действия. Преимущества экспериментальной группы проявились и в этих условиях.

Была установлена корреляционная связь ($r_s = 0.36$) между количеством воспринятых деталей и осмысленностью восприятия по данным предварительного тестирования (на 5% уровне значимости). Это свидетельствует о том, что количество воспринятых деталей определяет полноту и точность смысла, т.е. чем больше воспринятых деталей, тем полнее и точнее будет воспринят смысл изображения. Данная тенденция характерна для спонтанно развивающихся способностей зрительного восприятия, где участвуют функциональные и операционные компоненты, с доминированием первых. Выявлена незначимая

связь ($r_s = 0.08$) между количеством воспринятых деталей и осмысленностью восприятия по данным итогового тестирования (после обучающего эксперимента), то есть в данном случае количество деталей не определяет полноту и точность смысла воспринятого, т.е. смысл воспринятого формируется за счет выделения наиболее информативных деталей, несущих основную семантическую нагрузку в изображении, и раскрытия связей между ними. Это приводит к полному и точному пониманию. Данная тенденция характерна для развитых операционных механизмов, которые доминируют над функциональными.

В лаборатории В.Д. Шадрикова было проведено ряд исследований, предназначение которых связано с изучением развития функциональных и операционных механизмов познавательных способностей в естественных условиях деятельности и при организации целенаправленного обучения (Г.А. Стюхина, 1996; О.В. Лаврик, 1997; Т.Х. Хасаева, 1997; Н.А. Зиновьева, 2004). В целом можно констатировать, что полученные результаты убедительно показывают о развитии познавательных способностей через развитие операционные механизмы.

На основании нашего исследования по развитию способностей зрительного восприятия, через развитие операционных механизмов у детей на материале репродукций художественных картин, следует отметить ряд существенных выводов, составляющих продолжение исследования проблемы способностей в иной области – психологии способностей оператора:

- развитие способностей зрительного восприятия как природных качеств осуществляется через развитие функциональных и операционных механизмов;

- в качестве общей системы действия сканирования, перекодирования, структурирования выступают общие мыслительные операции анализа, синтеза, обобщения, сравнения, абстракции, мышление включено в процесс реализации психической функции восприятия;

- при спонтанно складывающиеся способностей восприятия индивид больше опирается на функциональные механизмы в процессе произвольного восприятия и осмысления, а в случае целенаправленного развития – произвольное восприятие и осмысление совершается с опорой на операционные механизмы;

- развитие способностей зрительного восприятия и развитие мыслительных способностей связано через общие мыслительные операции, которые вкраплены в структуру операционных механизмов способностей зрительного восприятия;

- целенаправленное обучение операционным механизмам способностей восприятия способствует формированию психологической функциональной системы способностей зрительного

восприятия и психологической функциональной системы мыслительных способностей во взаимосвязи и взаимодействии;

– овладение операционными механизмами позволяет индивиду перейти от природного уровня реализации познавательной способности к субъектному уровню владения своим восприятием;

– задача воспринять и осмыслить выводит индивида на реализацию деятельности, то есть способность зрительного восприятия это есть идеальная и практическая форма деятельности.

В процессе исследования развития профессиональной одаренности оператора мы будем основываться на принципиально важных положениях психологии способностей, разработанных и доказанных в лаборатории В.Д. Шадрикова, которые позволяют выделить природный уровень развития способности индивида и субъектный уровень развития способностей в деятельности.

Во-первых, структура природных способностей включает функциональные и регулирующие механизмы. Функциональные механизмы природных способностей – это генетические программы (безусловные нервные связи) реализации психических функций, это нейрофизиологические механизмы мозга анализировать, синтезировать, обобщать, протекающих в проекционных зонах коры (В.Д. Шадриков, 2007; А.Р. Лурия, 2002). Функциональные механизмы – это неосознанные способы преобразования информации человеком, составляющие природную основу его индивидуального опыта (Л.В. Черемошкина, 2002). Структура способностей субъекта деятельности наряду с функциональными механизмами включает сознательные способы обработки информации, то есть операционные механизмы. Последние складываются спонтанно в процессе воспитания, образования, а так же формируются посредством целенаправленно организованного обучения (Г.А. Стюхина, С.В. Филина, Т.Х. Хасеева, Т.Н. Соболева и другие). Развитие операционных механизмов переводит на новую фазу развития функциональные механизмы, между ними устанавливается взаимодействие. В процессе освоения и реализации деятельности субъектом операционные механизмы приобретают черты оперативности, то есть тонкое, гибкое приспособление личностных качеств к условиям и требованиям деятельности (В.Д. Шадриков, 1997; О.А. Таллина, 1996). В связи с чем, можно констатировать развитие специальных способностей субъекта деятельности на базе природных способностей.

Во-вторых, в основе структуры функциональных механизмов природных способностей выделяются операции анализа и синтеза, которые реализуются нейрофизиологической работой мозга, а именно психический образ строится благодаря работе

проекционных зон коры (первичных, вторичных, третичных). В основе структуры операционных механизмов познавательных способностей субъекта деятельности выделяются мыслительные операции анализа и синтеза. Интеллектуальные операции, таким образом, являются универсальными, детерминированы спецификой работы нервной системы, и спецификой обучения любому знанию, навыку. О генотипичности и фенотипичности интеллектуальных процессов свидетельствуют психогенетические исследования Р. Пломина, Е. Уилсон, шведском исследовании. Ими установлены факты: вербальные способности (вербальный IQ) генетически обусловлен, а невербальные способности более чувствительны к влияниям среды (И.В. Равич-Щербо, 2002). По результатам исследования интеллекта Ч. Спирмен полагают, что генеральный фактор интеллекта имеет наибольший вес при выполнении задач на абстрактные отношения, а наименьший при выполнении сенсорных задач. Р.Б. Кеттелл пришел к выводам, что свободный или текучий интеллект определяется общим развитием третичных ассоциативных зон коры больших полушарий головного мозга. Связанный или кристаллизованный интеллект является результатом образования различных культурных влияний (М.А. Холодная, В.Н. Дружинин). В лаборатории В.Д. Шадрикова было проведено исследование развития познавательных способностей у детей и родителей О.В. Лаврик. В результате корреляционного анализа были установлены высокие значимые связи между родителями и детьми по продуктивности мнемических способностей с опорой на функциональные механизмы, и незначимые (низкие) связи продуктивности с опорой на операционные механизмы (интеллектуальные операции).

В-третьих, развитие природных способностей характеризуется гетерохронностью на ранних этапах онтогенеза, и индивидуальной мерой выраженности у человека в течение жизнедеятельности, проявляющейся в показателях продуктивности: производительность (количество, объем, скорость); качество (точность); надежность (прочность, вероятность быстроты и точности) (В.Д. Шадриков, 1999, 2007; Л.В. Черемошкина, 2002). Продуктивность природных способностей проявляется через функциональные механизмы. По данным исследования Л.В. Черемошкиной продуктивность мнемических способностей с опорой на функциональные механизмы можно измерить через продуктивность запечатления при малых временных периодах экспозиции стимула. Индивидуальное время запечатления человеком и будет являться количественной мерой проявления функциональных механизмов. Качественной стороной анализа функциональных механизмов выступает своеобразное сочетание их свойств: индивидуальная мера выраженности, неосознаваемость

действия, пластичность (результативная изменчивость), взаимосвязь с операционными механизмами, наличие зависимости продуктивности запечатления с опорой на функциональные механизмы от уровня развития регулирующих механизмов (3).

Развитие способностей субъекта деятельности осуществляется в процессе жизнедеятельности и в процессе ведущих видов деятельности на этапах онтогенеза. Источником развития способностей выступает противоречие между наличным уровнем развития способностей и требованиями деятельности. Развитие способностей, как было отмечено выше, идет за счет развития операционных механизмов, как в естественных условиях деятельности, так и при организации целенаправленного обучения. Операционная сторона продуктивности способностей субъекта деятельности может быть исследована по Л.В. Черемошкиной, через показатели: момент времени осознанного преобразования информации, когда субъект ставит задачу произвольно запомнить, воспринять, продумать; умения субъекта управлять своими интеллектуальными процессами, то есть применять тот или иной способ преобразования информации; эффективность применения операционных механизмов, что выражается в скорости и точности правильного преобразования информации.

В данный момент времени производится исследование природного уровня развития профессиональной одаренности оператора, и субъектного уровня развития профессиональной одаренности оператора.

Литература:

1. Соболева Т.Н. Развитие способностей зрительного восприятия у детей младшего школьного возраста: Автореф.дис. ... канд. ... наук. М., 1999.
2. Шадриков, В.Д. Ментальное развитие человека / В.Д. Шадриков. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.
3. Черемошкина Л.В. Психология памяти: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 368 с.

Уткина Т.В.

Психологическая сказка в аспекте психологии и творчества

Литературная сказка была и остается чрезвычайно интересным предметом для изучения, что подтверждается наличием большого количества работ в данной области: исследовалось жанровое своеобразие, авторская позиция, проблема времени и пространства и др. Вместе с тем вне поля зрения ученых еще остаются неразрешенные проблемы, в том числе и как психологии творчества, так и психологической сказки.

Вслед за Д. Ю. Соколовым [11] считаем: неважно, как возникли сказки (древние мифы, зашифрованные ритуалы, исторические хроники или нечто другое), они оказывают какое-то психологическое воздействие на современного ребенка и взрослого. Тема данной статьи рассматривается нами как пограничная область взаимодействия психологии и литературы.

Слушая и воспринимая сказки, человек встраивает их в свой жизненный сценарий, формирует его. В таких психотерапевтических подходах как, юнгианство, нарративная психотерапия, детским сказкам придается особое значение. Работа со сказкой, по мнению психологов, направлена непосредственно на помощь ребенку. Сказочник создает условия, в которых ученик, читая, придумывая, разыгрывая, продолжая сказки, находит ответ на многие самые трудные задачи.

Балансируя на грани литературного творчества, дидактической работы и психотерапии, психолог-сказочник получает возможность влияния на внутренний мир ребенка инструментарием, понятным и доступным ребенку. Примером могут служить психологические сказки Д. Ю. Соколова [11], А. В. Гнездилова [5], И. В. Вачкова [4]. Их целью является раскрытие перед ребенком глубин его собственного мира, развитие его самосознания, знакомство с основными психологическими понятиями, помощь на пути становления его личности.

Более удачным нам кажется определение психологической сказки, предложенное И. В. Вачковым [3], который характеризует ее как содержащую вымысел авторскую историю, содействующую оптимальному ходу естественного психического развития детей через развитие самосознания и содержащую в метафорическом виде информацию о внутреннем мире человека. Именно рассмотренный новый вид сказки (психосказка), по мнению И. В. Вачкова, призван раскрыть перед ребёнком глубины его собственного внутреннего мира, развить его самосознание, помочь ему на пути становления личности. Автор анализирует теоретические вопросы развития самосознания учеников и учителя, раскрывает причины, по которым именно психологические сказки могут служить эффективным средством развития самосознания субъектов образовательной среды.

В работе со школьниками психологи активно используют авторскую сказку как средство психотерапевтического воздействия и формирования базовых ценностей детей. Но авторская сказка как инструмент и как объект изучения используется словесником на уроках литературы. При анализе необходимо донести до ребенка главное понимание глубинного смысла литературной сказки, как с точки зрения психологии так и с точки зрения литературоведения

Сказку, а вернее сказочную форму использовали всегда: и в XIX веке, когда великий М. Е. Салтыков-Щедрин пытался скрыть за этой формой нужное содержание от цензуры, и в XXI веке, когда у психолога Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой созрела мысль «упаковки» психологических знаний в сказочную форму. «Сказки - слишком очевидная вещь, и практически ни одна серьезная школа психологии не прошла мимо того, чтобы дать свой способ их анализа и понимания» [11, С. 22], можно сделать вывод, что интерес к сказкам был не только у литераторов, но и у психологов. По мнению же Гнездилова А. В.: «Важным фактом является то, что некоторые сказки имеют терапевтический эффект» [5, С. 22]. А если учитывать, что «индивидуализированное воспроизведение переживаний в их взаимосвязи, динамике и неповторимости» по мнению литературоведа В. Е. Хализева [12, С. 173], принято обозначать термином психологизм, то значительную часть литературных сказок позволим себе отнести к психологическим.

Доказательством может служить сравнительный анализ русских психологических сказок [4, 5, 11] и литературных сказок мордовских писателей - Н.Б. Голенкова, А.Ф. Ежова, В.И. Мишаниной, П.Е. Родькиной, Л.П. Седойкина, М.А. Тарасовой, Н.Я. Тремасова, Н. Мирской, - чье творчество не было сознательно связано с глубокими психологическими поучениями, тем не менее, представляющие интерес для современной науки. Знаменательные слова И. С. Тургенева о том, что художнику слова подобает быть «тайным» психологом, становятся концептуальными. Писатель-сказочник, не может не проникать своим произведением в душу читателя. Просто один из них, например, В. Сухомлинский, делает это несколькими фразами своей маленькой сказки «Семь дочерей», в которой говорит о простой человеческой любви. В связи с этим, целесообразно поставить проблемный вопрос: «Как вы думаете, что труднее: говорить красиво или поступать красиво?» Разрешение проблемы позволит войти во внутренний мир юного читателя, раскрыть его понимание красоты духовной и красоты внешней. В продолжение темы можно вспомнить сказку Г.Х. Андерсена «Снежная Королева», где за внешней красотой главной героини скрываются далеко не самые лучшие внутренние качества.

Автор современных мордовских литературных сказок Н. Мирская доносит мысль о любви сына к своей матери, об уважении старших в более реалистической сказке «Аисты», где умело сплетает фольклорные моменты и реальное повествование в описание. Проникая в глубины сказочного описания, понимаются психологические переживания главного героя, чувства, духовная чистота и непосредственность, боязнь потери близ-

кого человека. В основном, писательница подражает фольклорной сказке (зачин «Жил-был на свете мальчик...», упоминание героев Иван - крестьянский сын, Слеза-богатырь, Царевна-лягушка, сказочные события «Прилетели аисты и унесли маму на своих могучих крыльях»), в то же время создавая дидактическое произведение («Уметь – мало. А ждать, пока мама попросит, - и вовсе ни к чему», «Маму надо жалеть.») [13]. Когда речь идет о психологической сказки, то она умело сочетает в себе эти два начала.

Известный ученый В. П. Аникин верно отмечает: «Сказки писателей слились в сознании людей всех поколений со сказками народа. Это происходит потому, что каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, ощущал свою связь с фольклором» [1, 22]. Нравственная философия и психологическая основа, законы поэтики сказки как одного из древнейших видов, народного творчества таковы, что писатели всегда обращались к ней в поисках ответов на важнейшие вопросы, современности и с целью художественного осмысления «вечных» проблем человеческого бытия.

Применение авторских сказок в контексте психоаналитического подхода в литературоведении позволяет гармонизировать сознательные и бессознательные переживания ребенка, ориентируют его в поиске ответов на вечные вопросы о добре и зле, познании бытия, принятии нравственных форм поведения, приближают к раскрытию сокровенных тайн, спрятанных за внешней формой вещей предметного мира и явлений собственного внутреннего мира, личного «Я».

Литература:

1. Аникин, В. П. Вечнозеленая ветвь (о поэтических источниках писательской сказки) / В. П. Аникин // Лит. в шк. - 1970. - №4. - С. 56-63.
2. Аникин, С. В. О мордовском народе и по поводу сказок / С. В. Аникин//Плодная осень. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – С. 238-243.
3. Вачков, И. В. Сказкотерапия. Развитие самопознания через психологическую сказку / И. В. Вачков. - М.:Ось-89,2007.- 144 с.
4. Вачков, И. В. Психология для малышей, или Сказка о самой «душевной» науке [Текст] : сценарии / И.В. Вачков. - М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 216 с.
5. Гнездилов, А. В. Авторская сказкотерапия. Дым старинного камина (сказки доктора Балу).- СПб.: Речь, 2002. - С. 292.
6. Гальченко, О. С. Литературная сказка: границы жанра / О.С. Гальченко // Проблемы детской литературы: сб. / отв. ред. Е.М. Неелов. - Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1999. - с. 47-56.
7. Данилова, В. Л. Сочинение сказок как инструмент терапевтического понимания// Журнал практического психолога. 2004. 5.
8. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии.- СПб «Златоуст»., 1998, - 168 с.

9. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Практикум по сказкотерапии. СПб: Речь, 2002.- 254 с.
11. Райкова, И. Н. Литературная сказка / И. Н. Райкова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. - М.: НПК «Интелвак», 2003. - 459 с.
11. Соколов, Д. Ю. Сказки и сказкотерапия. Текст. / Д.Ю. Соколов. - М.: Класс, 2000.-160 с.
12. Хализев, В.Е. Теория литературы. - М.: Высш. шк., 2000. -398 с.
13. Мирская, Н. Спантикля: Повести, рассказы и сказки. / Н. Мирская. – Саранск: Мордов. КН. Изд-во, 1997. – 288 с.

Харчевникова Е.В.

Взаимодействие дирижера и певцов хора в управленческом общении

В репетиционном процессе управленческие качества дирижёра проявляются в умении построить взаимоотношения с хоровым коллективом. Руководитель хора получает объективную возможность исследовать природу музыкального произведения и творчески моделировать варианты принимаемого решения, что обеспечивает эмоционально-комфортную обстановку и создает атмосферу эффективного труда.

Актуальность данной проблемы обусловлена спецификой дирижёрской профессии, прежде всего, психологической сущностью взаимодействия в процессе общения и необходимостью воздействия и подчинения хорового коллектива воле дирижёра, как в организационном, так и в музыкально-интерпретационном плане.

Ержемский Г. Л. отмечает, что «основой процесса общения дирижёра является установление взаимных психических контактов и коммуникаций с исполнителями, обмен информацией между партнерами по творческому акту, а также взаимовлияние и психологические воздействия» [1,43]. Очевидно, что общение, вызванное необходимостью осуществления управленческих функций дирижёра с учётом обратной связи хорового коллектива, их взаимодействие в процессе музыкально-исполнительской деятельности, принимает форму управленческого общения. Критерием успешности взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора оказывается полученный результат, художественная значимость воплощённой интерпретации хорового сочинения.

Анализ публикаций ведущих психологов-музыкантов (Г. Л. Ержемского, В. И. Петрушина, В. Г. Ражникова, Н. Г. Цыпина), мастеров хорового искусства (В. Л. Живова, С.А. Казачкова, И. Я. Мусина, П. Г. Чеснокова и др.) позволил автору выделить характерологические особенности (черты) взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора:

- взаимодействие – это необходимый и обязательный элемент совместной музыкально-исполнительской деятельности;
- основу взаимодействия составляет многообразие межличностных контактов и действий (коммуникативная, интерактивная, перцептивная стороны общения);
- для взаимодействия характерна циклическая причинная зависимость действий участников общения, то есть между дирижёром и хоровым коллективом проявляется взаимная связь, взаимное воздействие, взаимное изменение.

Эффективность взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора зависит от реализации ряда условий и правил.

Главное психологическое условие успешной деятельности дирижёра – это стабильность, уверенность в своих силах, влияющих на повышение профессионально-творческой активности коллективной, познавательной деятельности певцов хора. Неуверенность в себе – это серьёзная психологическая проблема, проявляющаяся в неадекватности поведения (замедленность и неточность реакций), скованности, мышечной зажатости. В творческой работе дирижёру хора не удаётся проявить волевые свойства личности, умения и навыки управления хором. Причинами, обуславливающими неуверенное поведение хормейстеров являются:

- неустойчивые эмоционально-волевые качества и свойства личности в структуре их профессиональной деятельности;
- низкий уровень коммуникативной компетентности, зависящий от самообразования и самовоспитания;
- страх потребовать и настоять на своём;
- чувство вины за неуверенное поведение;
- чрезвычайная конформность и осторожность;
- слабая профессиональная подготовка;
- страх критики, как со стороны коллег, так и со стороны участников хорового коллектива;
- отсутствие или достаточно небольшой опыт дирижёрско-хоровой деятельности.

Уверенность в себе – это качество личности, которое демонстрирует дирижёр, способный решать достаточно сложные педагогические и музыкально-исполнительские задачи в хоровой деятельности, когда уровень его притязаний не снижается только из-за опасений неудачи.

Формирование дирижёра-хормейстера как «фигуры, воплощающей волевые импульсы» (выражение В. А. Самарина), уверенности в собственных силах, по существу, начинается с момента поступления в институт и целенаправленно продолжается на протяжении всего периода профессионального становления.

К основным направлениям выработки уверенности в себе можно отнести следующие:

- освоение и совершенствование профессионального мастерства;
- адекватное поведение в различных ситуациях человеческого общения;
- психологическое здоровье и укрепление работоспособности;
- создание и поддержание благоприятного внешнего облика, собственного имиджа.

Только в результате волевых усилий дирижёров-хормейстеров на этих направлениях формируется уверенность как положительное качество характера, проявляющееся в высвобождении энергии, позволяющей чувствовать себя сильнее, стремлении к достижению поставленной цели, увеличению способности оказывать позитивное воздействие на окружающих, снижению напряжения, высвобождению подавленных чувств, проявлению активной жизненной позиции.

Другим важнейшим условием эффективного взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора является сам процесс установления взаимных психических контактов и коммуникаций с исполнителями, что проявляется в информационно-коммуникативных, регуляционно-коммуникативных и аффективно-коммуникативных функциях общения.

Многочисленные примеры из дирижёрско-хоровой практики подтверждают огромную роль зрительных, слуховых контактов в системе взаимодействия дирижёра и хора, и таких элементов общения, как эмпатия и рефлексия.

Особенно значимо наличие эмпатии при переходе из реального плана работы в воображаемый как эмоциональная идентификация себя с художественным образом хоровой литературы, вследствие того, что общение в условиях взаимодействия на основе сотрудничества неразрывно связано с процессом познания и является одним из важных факторов активизации мышления, восприятия, воображения.

Однако творческий результат сотрудничества дирижёра и певцов хора не может быть противоречивым в силу специфики дирижёрско-хоровой деятельности. Степень проявления творческой свободы, особенно в учебном хоре, зависит от этапа работы над сочинением: в репетиционном процессе на стадии становления замысла и структуры целого каждый из участников хорового коллектива имеет равные права на выражение своих мыслей и чувств («исполнительское творческое переживание»). По мере созревания общего коллективного замысла каждый исполнитель оказывается сознательным участником реализации художественного замысла, выработанного совместными усилиями («творческое сопереживание исполнителей»). «При во-

площени коллективно созданной интерпретации, как отмечает В. Л. Живов, понятие «исполнительское творческое переживание» трансформируется в родственное ему, но отнюдь не тождественное понятие «творческое сопереживание исполнителей» [2,44]. В этом проявляется эффективность взаимодействия управленческого общения дирижёра хора.

Психологической основой общения является взаимопроникающее внимание дирижёра и певцов хора. Внимание характеризует активность личности, обеспечивает осознание смысла музыкально-исполнительской деятельности.

В репетиционной работе внимание хористов постоянно находится в сложной психологической взаимообусловленности со вниманием дирижёра, в связи, с чем оно имеет не только индивидуальную, но и более широкие социальные формы:

– косвенно-опосредованная форма (внимание каждого певца хора сосредотачивается на раскрытии авторской концепции хорового произведения, на его воплощение и в исполнении);

– малая форма (внимание певца хора, включенное в структуру коллективного сосредоточения, претерпевает ряд изменения, так как ведущая роль внимания дирижёра определяет динамику внимания каждого исполнителя хорового коллектива);

– социализированная форма (хор адресует своё исполнение слушательской аудитории и его внимание, соответственно, включается в сложную структуру концертно-музыкальной аудитории, то есть имеет характер коллективной организации. Внимание певцов хора функционирует в режиме слитности со вниманием слушателей, и выявляется в сложной форме сподчиненности; с одной стороны, оно влияет на общее и коллективное внимание, с другой - в какой-то мере зависит от него);

– постдеятельностная форма социализации исполнительского внимания (результат концертного выступления, оказывает определенное внимание на переход исполнительского внимания в коллективную форму сосредоточения после завершения исполнения хоровой программы и проявляется в обсуждении и анализе выступления).

Являясь необходимой стороной сознания, внимание теснейшим образом связано с волевой активностью дирижёра хора. Это дало основание рассматривать внимание как контролирующий процесс. Дирижёр должен обладать достаточно выявленной способностью к распределению своего внимания, иначе он не сможет эффективно взаимодействовать с хоровым коллективом и осуществлять целенаправленную деятельность, способствующую достижению желаемых результатов. «Несовершенство самоконтроля и внимания, по мнению В. М. Подуровского, может

служить определенным признаком профессиональной ущербности, дилетантизма [3,183].

Использование дирижёром механизмов произвольного внимания, направленных на постоянное удержание уже образовавшихся взаимных психических контактов и коммуникаций в процессе музыкально-исполнительской деятельности позволяет эффективно и целенаправленно использовать все компоненты управленческого общения, а, именно, осуществлять передачу информации, активно регулировать протекание психических процессов у певцов хора, осуществлять функции контроля.

Произвольное внимание направляется и поддерживается как организованным мануальным действием дирижёра, так и речью, связанной с сознательно поставленной целью. Поэтому, психологическое воздействие убеждающей информации выступает самостоятельным условием эффективности взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора.

Под убеждением понимается «преимущественно интеллектуальное психологическое воздействие, основанное на передаче логически выстроенной информации и ставящее целью добровольное ее принятие в качестве побудительного мотива деятельности [5,196]. В этой связи, овладение искусством эффективной и убедительной речи становится важной задачей повышения профессиональной компетентности дирижёрво-хормейстеров.

Всесторонний анализ специальной литературы позволил автору сформулировать принципы организации эффективной убеждающей информации:

- наиболее убедительными являются дирижёры хора, отличающиеся достаточно высоким уровнем интеллектуальных, художественно-творческих, профессиональных и личностных качеств;
- вызывает доверия дирижёр, владеющий литературными нормами, умением пользоваться языковыми, стилистически маркированными средствами с учётом условий и целей коммуникации;
- убеждает чёткая регламентация использования нормативных речевых средств, оптимально выражающих содержание речи и удовлетворяющих условиям и цели взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора;
- наибольший эффект дает апелляция дирижёра к эмоциям участников хорового коллектива в сочетании с логикой аргументации и конкретикой поставленных задач;
- убеждает целенаправленность, точность, логичность и последовательность в деятельности дирижёра;

– восприимчивость участников хорового коллектива оптимальна, если они удовлетворены и заинтересованы в творческом общении;

– позитивное влияние на певцов хора оказывает авторитет, личная убежденность дирижёра;

– убеждает и формирует благоприятную психологическую атмосферу способность дирижёра и конструктивной критики.

Процедура убеждения включает три вида убеждающих действий:

– информирование (изложение общих положений, необходимых для побуждения к определенным действиям);

– разъяснение (изложение конкретных положений с целью их усвоения и подведения к нужным выводам);

– доказательство и опровержение при выработке единой точки зрения (доказательство – изложение аргументированных фактов с целью убеждения и выработки единой точки зрения между общающимися; опровержение – критика определенных взглядов с целью разрушения старых и формирования новых установок).

Очевидно, что процесс слияния или перерастания убеждений в побуждения личности является одновременно высшим критерием прочности и действенности сформировавшихся убеждений.

Кроме того, на повышение эффективности убеждения оказывает влияние общая система значений, известных всем участникам коммуникативного процесса – «тезаурус». Но всё дело в том, что, даже зная значения одних и тех же слов, дирижёр и певцы хора могут понимать их неодинаково. Поэтому у общающихся должны быть идентичны, в случае звуковой речи, не только лексическая и синтаксическая системы, но и одинаковое понимание ситуации общения. А это возможно лишь в случае включения коммуникации в общую систему музыкально-исполнительской деятельности.

Следует заметить, что искусство убеждения – это деятельность, формирующая психологические установки, состояния и направленная на повышение эффективности взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора.

По глубокому убеждению автора статьи, знание каждым основ взаимодействия в управленческом общении дирижёра хора обеспечит качество его подготовки к коммуникативным процессам; даст возможность целенаправленной экспликации существенного внутреннего эмоционально-психологического состояния, вызванного прочтением конкретного хорового сочинения, его интерпретации в дирижёрско-хоровой практике.

Литература:

1. Ержемский Г. Л. Психология дирижирования : Некоторые вопросы исполнительства и творческого взаимодействия дирижёра с музыкальным коллективом / Г. Л. Ержемский. – М. : Музыка, 1988. – 80 с.
2. Живов В. Л. Хоровое исполнительство. Теория. Методика. Практика : учебное пособие / В. Л. Живов. – М. : Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003. – 272 с.
3. Подуровский В. М., Сулова Н.В. Психологическая коррекция музыкально-педагогической деятельности : учебное пособие / В. М. Подуровский, Н. В. Сулова. – М. : Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2001. – 320 с.
4. Самарин В. А. Хороведение : учебное пособие / В. А. Самарин. – 2-е изд., стереотип. – Издальский центр «Академия», 2000. – С. 152.
5. Урбанович А.А. Психология управления : учебное пособие / А.А. Урбанович. – Мн. : Харвест, 2005. – 640 с.

Штейнбах Х.Э.

Логика и первовидение.

Бессознательное по сути представляет из себя нашу память. Принцип работы памяти выглядит следующим образом: мы задаем вопросы а наше бессознательное приносит ответ, он как бы всплывает в нашем сознании. Но память это не только то, что мы осознанно фиксировали, она может быть и непроизвольной. Мы запоминаем бесчисленное количество впечатлений часть из них мы осознаем, часть нет. Например, однажды я заметила плачущую девочку стоящую на Сенной площади, другой раз проходя по Сенной я опять увидела плачущую девочку «Да здесь уже стояла эта девочка». И в этот момент фактприсутствия на Сенной плачущей девочки становится осознанным событием. Происходит накопление малых впечатлений (Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. //Сочинения в 4-х т. Т. 2.- М.: Мысль, 1983), но оно совершается по определенным правилам. Данные правила отбора впечатлений индивидуальны соответствуют нашему опыту, интересам, установкам, ведущим сенсорным системам и т.д. Если ваше сознание настроено на сдачу экзамена, то вы просто не увидите плачущую девочку. Если вы привыкли критично относиться к информации, то и ваш опыт будет соответствующим образом формироваться, он будет закрыт для новой информации. Задавая себе вопрос мы очень часто нетерпеливо ждем ответа сразу, но бессознательное так не работает. Если наше сенсорная система дискурсивная аудиальная то обычно в памяти всплывают тексты, то есть готовый вербализованный материал, это память логикаю. Впамяти кинестетика возникают образы движения, впечатления, эмоции, которым он потом пытается найти вербальную форму. Образы требуют некоторого времени для консолидации, но за то впечатление которое всплывает будет уникальным. Оно неизречимо, как

говорят мистики, но если найти этому чувству словесный эквивалент, можно получить совершенно новый взгляд.

На уровне логического мышления при постановке проблемы вспоминаются все правила нашей логики. Например, при решении силлогизма «все девочки любят сладкое, Мэри девочка» по правилам логики мы делаем вывод, что «Мэри любит сладкое». Но если отказаться от дискурсивного мышления, подойти к этой проблеме как дикарь с архаичным мышлением, который впервые слушает силлогизм или иными словами погрузиться в реальность, то сразу возникает множество вопросов. А все ли девочки любят сладкое? А какая она Мэри? А какое сладкое? И т.д. В логическом варианте нет творчества в отличие от архаичного варианта. Но тогда, чтобы получить ответы понадобится опыт кинестетика.

Итак при логическом мышлении мы используем дискурсивное мышление, при постановке проблемы мы вспоминаем правильный ответ построенный по правильным правилам логики. При архаичном мышлении у нас возникает возможность исследовать уникальность ситуации соответствующий реальности, мы обращаемся к тому множеству малых впечатлений, следов нашего опыта, которые могут по разному консолидироваться и в конечном счете дать новое видение.

Одним из методов достижения состояния первовидения является метод созерцания или остановки мышления. Технику созерцания можно представить следующим образом вы сосредотачиваетесь на исследуемой ситуации просто наблюдая за ней и при этом запрещаете себе думать о ней. Просто наблюдаете, отмечая детали, свойства ситуации и через какое-то время у вас возникает ощущение как будто вы видите объект в первый раз. Целью созерцания является деавтоматизация работы «перцептивных и когнитивных структур» при этом происходит как бы регресс в сторону примитивного, архаичного восприятия мира. Особенности измененного состояния восприятия соответствуют специфике восприятия представителей примитивных культур и детей (Дейкман А. Дж. Деавтоматизация и мистический опыт. / Тарт Ч. Измененные состояния сознания/ Пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян. - М.: Изд-во Эксмо, 2003). Первовидение, заключается в том, что нет еще сформированной модели обработки информации, объект дан в непосредственной реальности без искажений вносимых предыдущим опытом. Автоматический отбор информации прагматичен, логичен, обеспечивает оптимальный уровень выживания, отбрасывая неэффективные способы обработки стимулов. Деавтоматизация (А. Дж. Дейкман, 36) «позволяет переживать аспекты реального мира, обычно исключаемые или игнорируемые».

Можно сказать, что техника по сути безразлична по отношению к тому, как ее используют. Деавтоматизацию можно использовать для творческого постижения мира, но некоторые превращают поиск состояний океанического единения со всем миром в самоцель. Многие психологи считают, что такая практика созерцания уместна, если она связана с решением реальных проблем.

Юрина И.Г.

Представления о «творческом возрасте» как психологический фактор профессионального развития личности

Исследование культуры как продукта артифицирующей деятельности человека определяет включение в анализ этой деятельности широкого спектра проблем, связанных с культуросо-зидающей, творческой стороной бытия человека. Следует при этом отметить, что проблема творчества в современных условиях экономического и социально-культурного развития переходит на новый уровень. Творческая, креативная личность представляет дух времени, рассматривается как основной генератор инноваций при переходе к обществу будущего. Американский социолог Р.Флорида даже ввел понятие «креативный класс», который, по его мнению, станет в ближайшем будущем держателем культурного и информационного ресурсов.

Творческая составляющая, как показатель продуктивности и профессиональных достижений и ее зависимость от возраста, является объектом различных исследований. В частности, важной проблемой было выявление закономерностей в соотношении хронологического возраста и пика творческих достижений в различных областях деятельности (Р. Вудвортс, Э. Нельсон, И. Перн, Р. Стивенс, А. Бодалев, Л. Рудкевич, М. Зощенко, Г. Леман, М. Ранк, Д. Симонтон и др).

В современной психологии, наряду с изучением биологических, социальных, психических аспектов возрастной категоризации, предполагающих объективную (внешнюю) оценку, все больший интерес вызывает феномен субъективной оценки индивидом времени своей жизни и своего возраста (А. Кроник, Р. Ахмеров, В. Ковалев, К. Альбуханова, Т. Березина, А. Болотова, М. Аксенов, М. Чиксентмихайли и др.). В контексте активизации исследований субъективного переживания временных модусов жизни, представляет интерес проблема взаимосвязи творческой продуктивности и субъективной оценки своего творческого возраста.

Конструкт «творческий возраст» все чаще используется в современных текстах, в сети Интернет появились тесты, предла-

гающие определить «Ваш творческий возраст». Каждое из составляющих конструкт понятие - «творческий» и «возраст» может быть представлен как соотношения социально-объективных и субъективно-личностных характеристик:

-творческий возраст как характеристика определенного возрастного требования к профессии (балет, спорт, авиация и т.д.), его нельзя измерить, только констатировать;

-творческий возраст как показатель качества мышления, креативной способности, которые можно измерить и которые определяют продуктивность профессионала вне жесткой зависимости от возраста хронологического;

-творческий возраст как возраст, наполненный смыслом, фактическое ощущения своего возраста (любого) как творческого, «творческий» как «интересный», «осмысленный», «развивающийся», «обновленный».

Можно предположить, что как на развитие личности в целом, так и на его профессиональную составляющую, определенное влияние оказывают временные установки личности в отношении творческого потенциала в определенный возрастной период, т.е. представления о возможной длительности (перспективе) творческой активности. Эти представления можно рассматривать как ментальные репрезентации в когнитивном компоненте мотивационного пространства субъекта труда.

Возникает ряд задач, связанных с изучением этого аспекта мотивации профессиональной деятельности:

-учитывая неразработанность самого конструкта «творческий возраст», анализ проблемы должен включать создание теоретической модели творческого возраста в контексте профессиональной деятельности и развития;

-важно определить влияние имплицитной системы представлений субъекта труда о творческой продуктивности в возрастном аспекте на профессиональную мотивацию, и выявить категориальную структуру представлений о творческом возрасте как важного интроспсихического фактора мотивации профессиональной самореализации.

Можно предположить, что смысловая структура представлений о «творческом возрасте» относится к многоуровневому когнитивному образованию, отражающем многозначность феномена «творчество» и многочисленные параметры категории «возраст», в том числе, его темпоральные характеристики

Определенные возможности в изучении проблемы содержит психосемантический подход, позволяющий выявить категориальную структуру индивидуального сознания в отношении тех или иных феноменов.

В проведенном нами пилотажном исследовании был изучен имплицитный уровень представления о творческом возрасте 120 респондентов разных возрастных категорий. Для сбора эмпирических данных был использован один из методов психосемантики - ассоциативный эксперимент.

Анализ данных ассоциативного эксперимента на понятие «творческий возраст» позволил выделить четыре основные группы представлений:

1.Темпоральные представления о «творческом возрасте», которые включают:

- представления с четкой временной локализацией, без дополнительных ассоциаций (20, 40, 30-45, 35-50 лет, детство, юность, средний возраст, зрелость);

- представления без ограниченной временной локализации (вся жизнь, творчеству все возрасты покорны, безграничный, период, этап жизни, количество лет не важно, жизнь целиком);

- временная локализация в контексте социальных факторов (карьера, общность интересов разных жизненных возрастов, ступени роста, возрастная лестница успеха);

- временная локализация в свете субъективных ощущений и представлений (период взросления, период, когда открывается творческий потенциал; когда хочется рисовать, многолетняя любимая деятельность);

- временная локализация, окрашенная эмоциональными переживаниями (17-25 лет - внезапная любовь).

2.Субъективные смыслы и переживания творческого возраста включают:

- представления с ярко выраженной эмоциональной окраской (полет, романтика, любовь, желание, удовольствие, канитель, феерия, ощущения чуда);

- репрезентации, отражающие представления о качественных личных состояниях (вдохновение, опыт познания, зрелость видения мира, мудрость, мировоззрение, скорость, мечта, время воплощения невиданных фантазий, удовлетворение);

- представления, отражающие эмоционально окрашенные субъективные состояния (черная дыра, необитаемый остров, кризис жанра, бессонница, бесстрашие, отсутствие страха неудач);

3.Деятельностный аспект творческого возраста включает следующие представления:

- творческий возраст как движение, развитие (рост творческого потенциала, развитие в творческом направлении, саморазвитие, проявление инициативы, достижение целей, творческие успехи, время воплощений, энтузиазм, результат, активность,);

-творческий возраст как опыт и игра (познание, смена старых навыков на новые, приход нестандартных, оригинальных идей, стремление узнать что-то новое, поиски нового, уровень профессиональной деятельности);

-творческий возраст как вдохновение (полет, крылья, переполнение замыслами).

4. Предметный аспект творческого возраста (пианино, книга, певица, актриса, театр, роль, музей, дети, ребенок, муза, малыш в песочнице, зрелая женщина, гора, ступени).

Таким образом, в структуре представлений о творческом возрасте тесно взаимосвязаны темпоральные и ценностные (субъективно-эмоциональные) составляющие представляющие категорию времени как длительности- (73%), и времени как ценности (27%).

В свою очередь структура составляющая категорию длительности (темпоральная) в большей степени состоит из представлений о времени, отражающих субъективное восприятие времени (социальный – 23% , субъективно эмоциональный – 57%, временной – 20%).

Анализ структур демонстрирует представление о творческом возрасте как временного аспекта, однако время здесь выступает в кантовском понимании как форма внутреннего чувства, т.е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния.

Данные исследования позволяют выявить возрастные отличия представления о творческом возрасте в группе от 18 до 30 лет, где преобладают представления, фиксирующие темпоральную составляющую творческого возраста. Это может быть связано с важностью планирования и размещения объектов целеполагания во временной жизненной перспективе, «чувством времени» как фактором личностной организации времени жизни. Представления второй группы (от 40 до 50 лет) в большей степени отражают ценностно-смысловое содержание субъективных состояний, ощущений, переживаний, «чувство времени» здесь выступает как фактор переживания.

Анализ представлений о творческом возрасте через призму субъективного переживания времени может углубить понимание творческого потенциала человека на разных этапах жизненного пути, так как собственное субъективно переживаемое время может выступать здесь как время «задающей системы» в жизнедеятельности человека.

Представляется важным факт, что большинство представлений о творческом возрасте несут положительную эмоциональную окраску, что демонстрирует понимание субъектом мотивирующего потенциала творчества и представления о творческом возрасте как желательного самоощущения.

Исследование проблемы представляется перспективным в контексте все возрастающего интереса к феномену творчества и креативности и определения субъективных факторов «продления» творческого возраста.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Бендюков М.А., Харчук А. Д.

Методологические подходы к изучению конфликта в психологической науке

Конфликт является феноменом, сопровождающим всю человеческую историю. Несмотря на то, что с древнейших времен философия, искусство и религия призывают человека к миру и согласию, в реальности взаимодействие отдельных людей и групп зачастую конфликтно. Поэтому не удивителен интерес ученых к данному феномену. Конфликты описываются и исследуются в философии, социологии, экономике, этологии, истории, культурологии, правоведении, политологии, теории менеджмента и проч. Для психологической науки проблематика конфликтов также является традиционным объектом исследования.

Считается, что в середине XX века сформировалась особая междисциплинарная область знания – конфликтология. В действительности, конфликтология сегодня существует скорее как учебная дисциплина и прагматическая, т.е. сугубо практическая, утилитарная область деятельности, связанная с необходимостью управления конфликтами в различных сферах жизнедеятельности. Теоретические основания конфликтологии размыты и не выходят за рамки конкретных наук вовлеченных в изучение конфликтов. Более того, собственно предмет конфликтологии не определен в полной мере. То есть в каждой из перечисленных выше наук существует более-менее разделяемое определение конфликта, основанное на теоретических основаниях и предмете этих наук, но их интеграция, если она в принципе возможна, есть дело будущего. Думается, что известная фраза о том, что «конфликт представляет собой большей частью резиноподобное понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях». [Цит. по 4, с. 34] наилучшим образом описывает сегодняшнее положение вещей в конфликтологии.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что сегодняшний уровень знаний о конфликтах не достаточен для междисциплинарной интеграции и прогресс в этой области возможен скорее в отдельных науках. Мы полагаем, что потенциал объективного изучения конфликтов в психологической науке отнюдь не исчерпан и психологам нет оснований устраниваться от дальнейшего исследований в этой области. Другое дело, что методологические основания психологических исследований конфликтов нуждаются в осмыслении и дальнейшем развитии.

В психологическом изучении конфликтов можно выделить три методологических подхода к описанию конфликтного взаи-

модействия: структурно-функциональный; интеракционный и, развиваемый авторами этой статьи, транзакционный.

Структурно-функциональный подход наиболее известен и обычно является основой описания конфликтного взаимодействия. Идеи этого подхода, применительно к конфликту, заложены в трудах социологов Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма и полно разработаны такими учеными как Т. Парсонс, Л. Козер и К. Боулдинг. Суть этого подхода состоит в трактовке общества как социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных компонентов, каждый из которых выполняет собственную функцию. Основные положения структурно-функционального подхода могут быть сформулированы следующим образом.

1. Структура системы определяется совокупностью реализуемых ею функций.

2. Между реализуемыми функциями и структурой системы не существует взаимнооднозначного соответствия (т.е. может быть несколько систем с одинаковыми функциями, но с различной структурой).

3. Функционально-структурная организация системы адаптируется к изменяющимся условиям существования. Изменение условий вызывает изменение функций системы, что ведет к изменениям структуры [3]

Для иллюстрации того, как в рамках данного подхода описывается конфликт, рассмотрим определение конфликта, предложенное Б. И. Хасаном: «Конфликт — это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействуют и взаимозаменяют друг друга, требуя для этого специальной организации... Любой конфликт представляет собой актуализировавшееся противоречие, т. е. воплощенные во взаимодействии противостоящие ценности, установки, мотивы... для своего разрешения противоречие непременно должно воплотиться в действиях в их столкновении» [5, с. 33].

Здесь мы видим, что конфликт рассматривается как система взаимодействий неких структурных компонентов действующих с целью разрешения противоречий. Напомним, что по Парсонсу функции системных компонентов реализуются в поведении, которое понимается как «система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определённой функции и требующих его взаимодействия со средой». К числу основных функций конфликта относятся:

- устранение противоречия в функционировании системы;
- создание и поддержание баланса власти;
- социальный контроль за соблюдением правил и норм;

- установление иерархии ценностей;
- создание новых социальных норм и институтов, обновление существующих;
- установление иерархии в группе;
- познание участниками конфликта друг друга.

Обычно выделяют и негативные функции конфликта, однако, с точки зрения структурно-функционального подхода это не функции, а незапланированные результаты действий – девиации и негативные эффекты реализации означенных функций.

Совокупность структурных компонентов системы могущей выполнять функции конфликта как системы социального взаимодействия сводится к следующему.

1. Стороны/участники конфликта.
2. Предмет конфликта.
3. Условия возникновения и протекания конфликта.
4. Действия участников.
5. Результат конфликта.

Динамическая модель развития конфликта выглядит следующим образом.

1. Латентный (предконфликтный) период:
 - возникновение объективной проблемной ситуации;
 - осознание объективной проблемной ситуации;
 - попытки решить проблему неконфликтными способами;
 - предконфликтная ситуация.
2. Открытый период:
 - инцидент (осознание противоречий);
 - эскалация;
 - сбалансированное противодействие;
 - завершение конфликта.
3. Послеконфликтная ситуация (частичная и полная нормализация отношений). [1]

Основной методологической проблемой структурно-функционального подхода является то, что он позволяет только одну исследовательскую перспективу – изучение конфликта в рамках бихевиористской модели «стимул-реакция». Конфликтное взаимодействие здесь является «зависимой переменной», а в качестве «независимой переменной» выступают характеристики объективной проблемной ситуации. Соответственно, исследователи сосредотачиваются либо на идентификации источников конфликта (предмет и условия конфликта), либо на классификациях открытого этапа конфликта по форме, выраженности, результату и используемым действиям. В результате исследователи упускают из вида процессуальную природу социального взаимодействия в конфликте. Отметим, что данный подход не характерен для современной научной психологии, а встречается

преимущественно в научно-популярных работах посвященных психологии конфликта. Однако он широко представлен в научных исследованиях политических, этнических, военных и иных социальных конфликтов.

Наиболее характерным для современной психологии является *интеракционный подход* к изучению конфликтов, Данный подход акцентирует внимание на том, что связь между объективными характеристиками ситуации противоречия и динамикой открытого периода конфликта опосредуется «промежуточной переменной» («переменная-модератор») роль которой состоит в усилении или ослаблении связи между независимой и зависимой переменными. Нетрудно заметить, что это необихевиористская модель: стимул – промежуточная переменная – реакция. К числу переменных-модераторов могут быть отнесены индивидуальные различия (напр. свойства личности, ценности, гендер), особенности контекста (напр. степень социальной поддержки), социальная и профессиональная роль, навыки и опыт конфликтного взаимодействия и т.д. Целью эмпирических исследований в данном случае выступает обнаружение статистической (корреляционной) взаимосвязи между стимулом и реакцией и выявление влияния на эту связь тех или иных модераторов (с помощью напр. статистики различий). Без сомнения, интеракционный подход в значительно большей степени учитывает процессуальную природу конфликта. Однако эмпирические исследования собственной динамики психологических механизмов оценки и формирования системы действий в ситуации конфликта в рамках данного подхода затруднены.

С целью разрешения этой проблемы авторами данной статьи разрабатывается *транзакционный подход* к изучению конфликта. Данный подход не имеет отношения к теории транзактного анализа Э. Берна, где транзакция понимается как единица общения между двумя людьми (пара сообщений «туда-обратно») [2, с. 18]. В нашем случае транзакция, это способ обработки информации – группа последовательных операций, которая представляет собой логическую единицу работы. Основной характеристикой транзакции как единицы работы с информацией является то, что она может быть выполнена либо целиком, либо не выполнена вообще и тогда она не производит никакого эффекта. Этим утверждается принципиально процессуальный характер конфликта – постоянно действующая связь человека с внешней средой.

Мы исходим из понимания того, что любое конфликтное взаимодействие основывается на динамике психологических механизмов когнитивной оценки и последующего конфликтного поведения. Вслед за Р. Лазарусом, предложившим подобную

модель для описания копинг-поведения, мы считаем, что существуют два вида оценок. Первичная оценка («переменная-предиктор») представляет собой субъективное означивание социальной ситуации как ситуации противоречия и несовместимости. Следует обратить внимание, что здесь речь идет не об осознании объективного противоречия, а об активном процессе придания ситуации субъективного значения противоречивости. После того, как субъект определил ситуацию как противоречивую и – выражаясь терминами теории игр – как «игру с нулевой суммой», начинается процесс вторичной оценки. Здесь субъект идентифицирует свои ресурсы и оценивает свою готовность справиться с возникшим противоречием. Вторая оценка («переменная-посредник») обеспечивает взаимосвязь между субъективной оценкой ситуации как противоречия (переменная-предиктор) и конфликтным взаимодействием. При этом переменная-посредник опосредует эту взаимосвязь и может, как ускорить переход от ситуации противоречия, представленной в сознании как первичная оценка-предиктор, к конфликту, так и полностью заблокировать этот переход, в случае, если субъект сочтет что его шансы на получение «выигрыша» недостаточны.

Таким образом, транзакционная модель конфликта включает четыре переменные.

1. *Переменная контекста.* Ситуация в которой существуют объективные противоречия создающие поводы для конфликта или демонстрируется поведение которое может быть оценено как конфликтоген.

2. *Переменная-предиктор.* Первичная оценка – придание ситуации значения непримиримого противоречия, принципиального различия, игры с нулевой суммой.

3. *Переменная-посредник («привратник»)* Вторичная оценка ситуации, с целью идентификация ресурсов которые могут быть использованы при конфликтном взаимодействии, оценка вероятности победы и готовности к конфликту. В зависимости от этой оценки субъект может либо вступить в конфликтное взаимодействие, либо отказаться от него.

4. *Переменная-модератор.* Отвечает за силу связей между 1) переменной-предиктором и переменной-посредником и 2) переменной-посредником и конфликтным взаимодействием. Эта переменная не может сама установить взаимосвязи между предиктором и конфликтом, но определяет силу и характер этой взаимосвязи.

Таким образом, в разрабатываемой нами транзакционной модели конфликт не является чем-то, присущим либо человеку, либо внешней среде. Конфликт — это часть действующего процесса, который включает в себя людей, которые взаимодейст-

вуют со своей внешней средой, придают смысл и определенное значение социальным ситуациям и пытаются разрешить возникающие противоречия.

Транзакционный подход позволяет расширить исследовательскую перспективу, направляя внимание ученых на изучение психологических механизмов означивания и оценки (напр. с помощью методов экспериментальной психосемантики), а также существенно уточняет роль и значение модераторов конфликта – переменных определяющих силу и характер взаимосвязи между потенциально конфликтной внешней ситуацией и открытым конфликтным взаимодействием. Процессуальность, лежащая в основе транзакционного подхода к конфликту также позволяет по-новому взглянуть на систему регулирующих вмешательств и переосмыслить цели и функции медиации и посредничества в конфликте.

Литература:

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. СПб. Питер, 2007. - 490 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. - Минск: "ПРАМЕБ", 1992. - 436 с.
3. Волкова В. И., Денисов А. А. Основы теории управления и системного анализа. - СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. - 510 с.
4. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. - 544 с.
5. Хасан Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, Издательство гос. ун-та, 1996. - 157 с.

Беркович Н.А.

Конфликтогенность этнических культур: ханты-мансийский вариант

Ханты и манси (обские угры) – автохтонные малочисленные народы, являющиеся потомками как древнего аборигенного населения, расселённого в таёжной зоне Урала и Западной Сибири, так и племён, пришедших, с юга во втором – первом тысячелетии до н.э.

Сложность этногенетического и этнокультурного исследований обских угров заключается в определении того какие элементы и традиции являются общими для Западной Сибири, а какие можно считать конкретно хантскими или мансийскими. Мы разделяем позицию классика отечественного угроведения З.П.Соколовой, утверждающей в своей фундаментальной работе «Ханты и манси: взгляд из XXI века», М., 2009, что у них и в происхождении, и в этнической истории, и в хозяйстве и культуре больше общего, чем различного, даже учитывая вариативность культур их этнографических групп» (с.6 указ. соч).

Конфликтность этнических культур обских угров не однозначна. Её экспликация многомерна в сферах своего проявления: в традиционной обрядности и в ритуальной культуре в условиях фатально неизбежного интенсивного газонефтяного освоения этнического местобытия хантов и манси, в их синкретичной этногонии и этнической истории, вобравшими в себя как южные индоиранские, угорские, скифо-сарматские, тюркские, так и северо-сибирские, уральские компоненты, продолжающие оставаться до конца неисследованными, и в полностью не раскрытых многообразных формах культуры их многовековой духовной практики.

Доминанта конфликтности этнических культур хантов и манси заявляет о себе прежде всего в противоречивости их культурных миров: в хронотопе прошлого, проецируемого на современность и неминуемого будущего, скорее тревожного, деструктивного, чем позитивного. Именно в противостоянии многовекового прошлого, представляемым в современном бытовании мифологических воззрений, в живучести антропоморфных и зооморфных образов, в продолжающих свою древнейшую историю медвежьих игрищах, культах собаки и коня, в сохраняющемся патриархальном семейном укладе, также как и в обрядности жизненного цикла в повседневной культуре, в конфликте между прошлым, скрывающим неизвестную нам глубину познаний обских угров в их постижении природы и в востребованности благотворного опыта сотрудничества с другими народами, именно в этом противостоянии с реалиями современности и вызовами модернизации эксплицируется конфликтность этнических культур хантов и манси.

Во втором десятилетии XXI в. этноконфликтногенная напряженность продолжает оставаться, свидетельством чего являются три достаточно показательных факта. Во-первых, продолжается падение допустимого предела эндогамии, что свидетельствует о трансформации популяционно-генетической основы этноса. Затем, ограничение сферы пользования родным языком и, следовательно, его ключевыми концептами, выражающими этноязыковую картину мира. И, в-третьих, трагически беспристрастная цифра: 29. Таков средний возраст продолжительности жизни обских угров. Заметим, что подобная этноконфликтногенная ситуация в целом характерна для коренных малочисленных народов севера России.

Также следует сказать, что путём сохранения и модернизации этнокультурного наследия в США, Канаде, Дании накоплен опыт позитивного исключения этноконфликтности у северных автохтонных народов этих стран.

Системный взгляд на преподавание педагогической конфликтологии

Исследования в области педагогической конфликтологии убедительно доказывают необходимость рассмотрения процесса формирования целостного педагогического знания будущего специалиста конфликтолога с точки зрения системного подхода.

Системный подход, предметом разработки логики и методологии которого считается изучение общих принципов организации системных исследований, обеспечивает правильность постановки научной проблемы в содержательном и формальном аспектах.

С позиции системного подхода изучение педагогической конфликтологии предполагает выявить ее составные элементы, связи между элементами, установление системообразующих факторов, рассмотрение педагогических явлений как систем и их системных отношений со средой.

Значительный вклад в развитие теоретических основ системного управления образованием внесли многие исследователи. Среди них: В.Г. Афанасьев, В.П. Беспалько, Т.А. Ильина, Ю.А. Конаржевский, Е.Д. Колегова, В.С. Лазарев, М.В. Никити, Г.Н. Сериков, А.И. Субетто, П.И. Третьяков, В.А. Федоров и др.

В работах этих авторов нашла свое отражение общая идея, рассматривающая понятия «система», «системный подход», приведение их в соответствии с объективной закономерностью, действующей в образовательной среде. В общем виде система понимается как совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях и связанных друг с другом, которая образует определенную целостность, единство.

Система, отмечает В.Г. Афанасьев, представляет собой «совокупность объектов, взаимодействие которых обуславливает наличие новых интеграционных качеств, не свойственных образующим ее частям, компонентам» [1].

Педагогическая конфликтология - одна из основных отраслей педагогических знаний. Предметом ее изучения являются закономерности возникновения, развития и разрешения конфликтных ситуаций в процессе педагогического взаимодействия.

Известно, что эффективность обучения во многом определяется его системностью, т.е. раскрытием существенных связей между предметом изучения и другими отраслями знания. Педагогическая конфликтология тесно связана с такими социальными

ми и гуманитарными науками, как философия, психология, социология, правоведение, этика, теория управления и др.

Умение разбираться в сложных педагогических ситуациях, активно проводить диагностику, обработку и интерпретацию данных о конфликте, разрешать противоречия между оппонентами, разрабатывать практические рекомендации по преодолению сложных противоречий в процессе педагогического общения и взаимодействия, консультировать по вопросам разрешения и профилактики конфликтов – является показателем профессионального мастерства будущего специалиста в области конфликтологии.

Курс «Педагогическая конфликтология» представляет собой дисциплину, формирующую у студентов профессиональные знания о сущности, целях, задачах и основных принципах преодоления педагогических конфликтов, навыков и умений организации и осуществления посреднической деятельности, проведения консультирования как средства оказания педагогической помощи в разрешении значимых противоречий. Таким образом, преподаваемая дисциплина, кроме свойственных только ей законов, закономерностей и методов, должна широко использовать методы других наук. В частности, изучение дисциплины должно строиться на достаточном знании философии, экономических теорий, статистики, социологии и психологии труда, информатики и др. При рассмотрении ряда вопросов предмет изучения педагогических конфликтов должен обоснованно опираться на кибернетические представления об управлении, использовать основные положения теории систем, теории информации, математики и других естественных наук.

Системообразующие факторы (внешние и внутренние) определяются как явления, процессы, связи, которые приводят к обновлению системы.

Основываясь на выделенных типах системных связей, к внешним системообразующим факторам можно отнести формирования целостного педагогического знания будущего специалиста как педагогической системы.

Цель: формирование конфликтологической компетентности будущих специалистов посредством знакомства с проблемами педагогической конфликтологии в контексте философско-антропологических, психолого-педагогических и конфликтологических исследований. К внутренним структурным связям при преподавании дисциплины можно отнести связи между структурными элементами целостного педагогического знания, между этапами его формирования и функциональные связи между компонентами целостного педагогического знания в области педагогической конфликтологии.

Так, если рассматривать системный подход с точки зрения рациональности, то, например, «постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность полученных знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [2].

Структурные связи формирования целостного педагогического знания будущего конфликтолога представляются как система ее структурных элементов конфликтологической компетентности: знания в области педагогической конфликтологии, психологии конфликта, социальной психологии, знания в области предмета и образующие целостность в интегрированном содержании целостного педагогического знания.

В Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов пришли к убеждению, что реализация системного подхода к преподаванию педагогической конфликтологии должна основываться на дедукции - движении знания от общего к частному, выведении следствий из посылок. В этой связи учебный материал строится на последовательном изучении трех дидактических блоков. Первый - "Эволюция педагогической конфликтологии", второй - "Методология педагогической конфликтологии", третий - "Практикум по педагогической конфликтологии» (Профилактика, управление конфликтами и их разрешение в педагогическом взаимодействии).

На наш взгляд, такие дидактические блоки в указанной последовательности их изучения обеспечивают логичную взаимосвязанность и позволяют качественно решить основные задачи в области подготовки будущих специалистов конфликтологов.

Системный подход в преподавании педагогической конфликтологии характеризуется следующими признаками: субстанциональность элементов, составляющих данную систему преподавания учебной дисциплины; структурность (наличие взаимосвязей и отношений между элементами системы); функциональность (функционирование системы преподавания как неделимого целого).

Таким образом, системный подход обеспечивает целостность изучения процесса формирования целостного педагогического знания будущего специалиста, дает возможность исследовать его природу и внутренние механизмы функционирования.

Литературы:

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество / В.Г. Афанасьев.- М.: Политиздат, 1980. С.24-25.

2. Огородников В.П. История и философия науки (технической науки): курс лекций для аспирантов / В.П. Огородников. - СПб: Петербургский государственный университет путей сообщения. 2008. - С. 318.

Бикбулатова А.Р.

О роли интеллигенции в управлении культурными конфликтами

Реалии современной жизни опровергают первоначальные оптимистические прогнозы конфликтологов второй половины XX века. Их надежды на создание эффективных технологий разрешения конфликтов, которые спасут мир от разрушительных потрясений, не вполне оправдываются. Столь же негарантированными следует считать шансы на то, что конфликты приобретут цивилизованную форму и не будут иметь деструктивных последствий. На процесс возникновения конфликтов начинают оказывать влияние факторы групповой идентичности (гендерные, расовые, религиозные, этнические), социально-экономический статус, тип культуры и др. Недостаточность знания в этих областях не позволяет быстро распознать и конструктивно предупредить такие конфликты. Да и возможности любой управленческой деятельности ограничены – поведение людей определяется не только рациональными, но и иррациональными импульсами и потому бывает трудно предсказуемым. Но, тем не менее, исследователи в области конфликтов, изучая их, выявляя закономерности развития конфликтных процессов, увеличивают возможности эффективного управления ими. Вопрос заключается в том, какие социальные силы принимают участие в управлении конфликтами, например культурными, актуальность которых резко возросла в последнее время? Ведущая роль в культурных конфликтах принадлежит культурной элите – интеллигенции, от нее во многом зависит степень остроты и глубины конфликта. Цели интеллигенция могут варьироваться от эффективного предупреждения и разрешения до обострения и нагнетания конфликта в культурной сфере.

Т. Парсонс считал, что культура обладает высокой кибернетической функцией. Поэтому от устойчивости культурных норм и ценностей зависит и общая стабильность общественных отношений. Но современная культура – это динамическое образование, находящееся в постоянном процессе развития, обновления. И поэтому характеристикой такой культуры является конфликтность как внутренняя, так и внешняя.

Внутренние конфликты культуры возникают на основе противоречия нового и старого, новации и традиции. Традиционные культуры сопротивляются переменам в образе жизни, поэтому долго остаются неизменными. Доминирование традиционной

культуры предполагает изоляцию общества, нежелание контактировать с другими культурами. Но в современном глобализирующемся мире общества не могут существовать замкнуто – условия изменились, мир перестал быть экономически и информационно разобщенным. Темпы развития современного общества очень высоки, достижения современной цивилизации непрерывно обновляются – культура становится инновационной. Тем не менее, динамика культурных процессов бывает различной. Постепенное развитие культуры сопровождается эпизодическими культурными конфликтами, в основе которых лежат противоречие интересов, но внутри данной культурной парадигмы. В результате таких конфликтов не возникает новых эталонов культуры, они только корректируются и совершенствуются. Иное дело, когда постепенность развития культуры прерывается, открывается возможность для создания и освоения новых эталонов культуры. Такая эпоха наполнена конфликтами ценностей, тяготеющих к антагонизму, и поэтому наиболее жестоких и непримиримых. Итогом такого конфликта является совершенно новый эталон, иной способ смыслообразования, другая парадигма культуры. Основная причина революций в культуре – полная завершенность предыдущей парадигмы, когда она уже не может ответить на вызовы настоящего времени, перестает оказывать влияние и воспринимается как мешающее будущему и поэтому требующее своего слома. Есть и другие объяснения существованию скачков и прорывов в культуре, которые основываются на теории самоорганизации культурной системы.

Известный и признанный специалист в области культурологии А.С. Кармин рассматривал культурную динамику с синергетической точки зрения, объясняя ее развитие законами эволюции диссипативных систем. Система культуры проявляет способность к самоорганизации, в которой устанавливается определенное соотношение между порядком и хаосом. Развиваясь, система стремится к предельному своему состоянию (аттрактору), но это приближение увеличивает внешнее воздействие, разрушающее внутреннюю организацию системы. Вблизи предельных состояний система становится неустойчивой, растет хаос, но также возникает возможность изменить направление развития системы по пути альтернативных бифуркационных ветвей развития. А.С. Кармин заметил, что выбор этих ветвей ограничен самим аттрактором [1]. В обществе, в отличие от стихийного выбора в природе, важным моментом является наличие субъективного фактора – воли и сознания людей – способного повлиять на выбор дальнейшего направления развития культуры.

В период неустойчивости культурной системы большую значимость получает интеллигенция в универсальном своем

значении, как субъект творчества. Интеллигенция - термин латинского происхождения (от *intellegentia, intelligentia*), который означает – "понимание, знание, познавательная сила". Интеллигенция - слой творчески активных людей, которые создают, сохраняют и распространяют ценности духовной культуры, интересы и воля к духовной стороне жизни которых настойчивы, постоянны и не зависимы от внешних обстоятельств. Они реализуют себя даже вопреки им. Именно интеллигенция первоначально интуитивно улавливает дальнейшие возможности развития культуры и создает идеалы, на реализацию которых направляет свое творчество. В идеале выражается желаемая действительность. Не все идеалы могут претендовать на социальную значимость, только те которые соответствуют назревшим общественным потребностям. А. Тойнби отмечал: "Если творческий гений не может произвести в своем окружении мутации, которой он достиг внутри самого себя, его творческий порыв становится роковым для него" [2]. Только идеалы, представляющие собой более или менее адекватные образы социокультурных аттракторов, завоевывают общественное признание. В это время происходит «триумфальное шествие» интеллигенции, она в почете, ей поклоняются, возникает ощущение ее избранности. С.Т.Шалкаускис считает, что в идейном отношении интеллигенция является главным и непосредственным руководителем нации, общества и государства. Он утверждает: "Только интеллигенция может выдвинуть наиболее высокие и всеобъемлющие идеалы нации, общества или государства и посвятить себя служению этим идеалам, полностью понимая их смысл и значение" [3]. Интеллигенция видит смысл своего существования в служении идеалу, например, русская интеллигенция – идеалу справедливого общества. Но как только предложенные идеалы исчерпывают свое содержание, у интеллигенции возникает ощущение трагической безысходности, самокритики, так как мечты оказались иллюзиями и в результате выходит совсем не то, о чем грезились, и сама интеллигенция и ее надежды становятся посмешищем и даже предметом ненависти общества. Но в современной инновационной культуре, основанной на свободе личности и вере в мощь человеческого разума, творчество не замыкается в одном определенном слое, каждый человек может стать субъектом творчества. Но при всем этом только небольшое количество людей способны уловить и понять куда, в каком направлении может пойти культура и участниками каких будущих культурных конфликтов могут стать их современники и потомки. И это может сделать только интеллигенция.

Кроме внутренних культурных конфликтов, существуют еще очень острые конфликты внешнего характера, основанные

на противоречиях межкультурного взаимодействия. В этом случае много зависит от национальной интеллигенции, от ее умений вести и владеть культурой диалога, строить отношения с другими нациями и разрешать внешние противоречия. Современная эпоха носит "диалогический" характер и проблема состоит в том, чтобы не отказаться от диалога и не потеряться в нем. Современный "взрыв этничности" выражается в стремлении сохранить свою культурную самобытность и индивидуальность, свой национальный язык. Цель национальной интеллигенции - проявить в процессе сохранения социокультурного фундамента нации особое культурологическое чутье и специфическое мужество: "Чутье в отношении продуктивных составляющих коллективной культурной памяти, мужество - в защите их от неумеренного усердия запальчивых модернизаторов" [4]. Интеллигенция пытается понять и решить, какие заимствования приносят пользу развитию национальной культуры, а какие – вред. Задача – трудная и неблагодарная, ведь многие заимствования в современной культуре носят глобальный характер, благодаря средствам массовой информации и коммуникации. Интеллигенции может помочь изучение современных научных представлений о культуре, знакомство с многообразными теоретико-методологическими подходами, разработанными как в области культурологии, так и конфликтологии. Чем выше будет уровень культурологической и конфликтологической компетентности, тем эффективнее интеллигенция сможет управлять культурными конфликтами.

Литература:

1. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. – СПб., 2006. – С. 357.
2. Тойнби А. Постигание истории. – М., 1992. – С.256.
3. Шалкаускис С. Т. Концепция интеллигенции // Социология личности. – Вильнюс, 1996. – С.146.
4. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. – М., 1998. – С.103

Волкова Н.В.

Эмоциональное выгорание сотрудников: фактор конфликтности или эффективности взаимодействий с клиентами?

В последнее время эмоциональное выгорание привлекает все больше внимания специалистов: психологов, медиков, социологов, экономистов. Это неудивительно – эмоциональное выгорание, являясь психологическим феноменом, оказывает влияние на физическое здоровье индивида (так, уже имеются сведения об изменении альфа- и бета-ритмов при формировании синдрома эмоционального выгорания [1]), на его включенность

в социальные взаимодействия (например, в отношения с детьми [2]) и, что особенно интересно автору настоящей статьи как экономисту, во взаимодействия, обусловленные отношениями занятости.

Термин «эмоциональное выгорание» ввел американский психиатр Н.Ж. Freudenberger в 1974 году [3] для описания деморализации, разочарования и крайней усталости, которые он наблюдал у работников психиатрических учреждений [4,7]. Первоначально под выгоранием подразумевалось состояние изнеможения с ощущением собственной бесполезности [4,31]. Сегодня эмоциональное выгорание рассматривается как проявление дезадаптации личности в сложных условиях профессиональной деятельности и характеризуется потерей личностью интереса к предмету и продукту своей деятельности, чувством внутренней опустошенности, нарушениями межличностного взаимодействия в широком контексте социальных ситуаций [5, 161, 165].

С. Cherniss описала трансформацию установок, которые типичны для «выгоревшей» личности [6]:

- уменьшение стремлений (желаний);
- увеличение безразличия;
- эмоциональная отчужденность;
- потеря идеализма;
- уход от работы;
- увеличение интереса к себе.

В работе Р.М. Айсиной со ссылкой на многочисленные исследования утверждается, что появление у профессионала признаков эмоционального выгорания первоначально отражает попытки его адаптации к стрессогенным условиям рабочей среды. Однако данный тип защитного реагирования не является эффективным. С течением времени процесс эмоционального выгорания приобретает дисфункциональный характер и начинает отрицательно сказываться на адаптации профессионала, снижая продуктивность его труда и приводя к нарушениям межличностного взаимодействия [5, 62].

Поскольку в фокусе внимания данной статьи находятся не предпосылки, а именно последствия эмоционального выгорания, остановимся на них подробнее (отражены только профессиональные проблемы, вызванные выгоранием, в первоисточнике приводятся также и социальные проблемы [4, 8]):

- межличностные последствия проявляются в рабочих конфликтах или деструктивном напряжении при общении с коллегами, деловыми партнерами, клиентами и т.д.;

- установочные последствия заключаются в развитии негативного отношения к клиентам, работе, организации или к себе, в отчуждении от работы и, как следствие, в снижении лояльности и привлекательности работы в данной организации;
- поведенческие последствия. «Выгоревшие» работники прибегают к неконструктивным или неэффективным моделям поведения, чем усугубляют собственное переживание дистресса и повышают напряженность вокруг себя, что приводит к снижению качества работы и коммуникаций. В организации ухудшается психологическая атмосфера, возрастают текучесть кадров, конфликтность, снижаются количественные и качественные показатели работы;
- психосоматические последствия отражаются в психосоматических расстройствах, таких как бессонница, головные боли и др. Выгорание может провоцировать злоупотребление алкоголем или различными медикаментозными средствами, например, снотворным.

Таким образом, в литературе эмоциональное выгорание однозначно рассматривается как фактор повышения степени конфликтности индивида, что для людей, работающих в системе «человек – человек» означает снижение эффективности взаимодействия. Примем это утверждение в качестве рабочей гипотезы исследования.

Для проверки рабочей гипотезы было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 18 фармацевтов сети аптек «Ваш доктор» (г. Бийск, Алтайский край) в возрасте от 26 до 60 лет, общим стажем работы от 1,6 до 42 лет и специфическим стажем (стажем в данной организации) – от 1,6 до 12 лет.

Отметим, что фармацевты относятся к группе профессионалов, работающих с людьми, формирование у них синдрома эмоционального выгорания вполне вероятно (см. обзор исследований эмоционального выгорания [4, с. 39–45]); о том, что фармацевты и провизоры относятся к «группе риска» по эмоциональному выгоранию, говорят и отечественные специалисты. Например, независимый консультант С. Пашутин пишет: «человек не может постоянно работать с одинаковым энтузиазмом. Неприятные эпизоды, когда утром встаешь с ощущением, что внутренний завод кончился, случаются у каждого. Но иногда работоспособность падает настолько, что это становится проблемой. Для фармацевтов и провизоров, работа которых часто связана с негативными эмоциями и требует постоянной внутренней настройки, подобная проблема чуть ли не профессиональная болезнь» [7]. Типичные конфликтные ситуации, которые приводят, в том числе и к эмоциональному выгоранию фар-

мацевтов, приводятся, например, в [8]. К сожалению, в результате анализа литературы не было обнаружено научных исследований эмоционального выгорания представителей данной профессии, не изучалось и влияние синдрома эмоционального выгорания на эффективность их трудовой деятельности.

Очевидно, что для сопоставления эмоционального выгорания и эффективности трудовой деятельности, необходимо их измерить.

Для измерения степени выраженности синдрома эмоционального выгорания в данной работе используется методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [9, 256–260], позволяющая диагностировать три фазы процесса эмоционального выгорания, каждой из которых соответствуют по четыре симптома:

– «напряжение», которое создают хроническая психоэмоциональная атмосфера, дестабилизирующая обстановка, повышенная ответственность, трудность контингента. Симптомы: 1) переживание психотравмирующих состояний; 2) неудовлетворенность собой, должностью, обязанностями; 3) «загнанность в клетку»; 4) тревога и депрессия;

– «резистенция», то есть сопротивление – человек пытается более или менее успешно оградить себя от неприятных впечатлений. Симптомы: 1) неадекватное эмоциональное избирательное реагирование; 2) эмоционально-нравственная дезориентация; 3) расширение сферы экономии эмоций; 4) редукция профессиональных обязанностей;

– «истощение», оскудение психических ресурсов, снижение эмоционального тонуса, которое наступает вследствие того, что проявленное сопротивление оказалось неэффективным. Симптомы: 1) эмоциональный дефицит; 2) эмоциональная отстраненность; 3) личностная отстраненность (деперсонализация); 4) психовегетативные и психосоматические нарушения.

Показатель выраженности каждого симптома колеблется в пределах от 0 до 30 баллов, соответственно, показатель выраженности каждой фазы эмоционального выгорания может быть выражен оценкой от 0 до 120 баллов. Итоговый показатель выгорания представляет собой результат суммирования показателей выраженности каждой фазы.

В целом ситуацию с формированием эмоционального выгорания сотрудников данной организации нельзя назвать критической – только у шести из 18 опрошенных фармацевтов можно констатировать средний уровень выгорания, однако у всех них уже сформировалась фаза «резистенции», характеризующаяся появлением тревожного напряжения и стремлением человека снизить его с помощью имеющихся в его распоряжении средств,

таких как «экономия» на эмоциях, ограничение эмоциональной отдачи за счет выборочного реагирования в ходе рабочих контактов. Зачастую ограничение диапазона и интенсивности включения эмоций в профессиональное общение интерпретируется партнерами как неуважение к их личности, то есть переходит в плоскость нравственных оценок. Оценка эффективности труда работников аптечной сети поводилась при помощи методики «Тайный покупатель» (Mystery Shopping), то есть эффективность взаимодействия фармацевта с клиентами аптечной сети мы отождествили с тем, насколько сотрудники выполняют регламент и стандарты работы, установленные в компании. Смысл исследования «Тайный покупатель» состоит в том, что в магазин под видом обычного покупателя приходит исследователь. Следует отметить, что исследователь, играющий роль тайного покупателя проходит подробный инструктаж, ему придумываются легенды, и даже конфликтные ситуации, чтобы увидеть, как ведут себя сотрудники. Бланк исследования заполняется тайным покупателем сразу после выхода из магазина. Применение методики «Тайный покупатель» дает возможность оценить качество обслуживания, технику продаж, занятость персонала, оформление зала и фирменный стиль, внешний вид и манеры продавцов, их поведение в конфликтных и нестандартных ситуациях, честность и многое другое.

Для проведения настоящего исследования был разработан бланк мониторинга «Сервис-контроль», позволяющий определить процент соблюдения фармацевтами стандартов работы с клиентами, установленных в аптечной сети «Ваш доктор». В результате обнаружено, что всех сотрудников, принявших участие в исследовании, можно разделить на три равные группы (по шесть человек):

- фармацевты, выполняющие стандарты работы с клиентами на 98–100 %;
- фармацевты, выполняющие стандарты работы с клиентами на 85–97 %;
- фармацевты, выполняющие стандарты работы с клиентами на 65–84 %.

При этом четверо сотрудников полностью (на 100 %) выполняют требования, предъявляемые к ним руководством компании по стандартам обслуживания клиентов; средний балл по всем 18 фармацевтам – 88 %.

Кроме общей оценки эффективности труда, разработанный бланк мониторинга позволяет определить соответствие фармацевтов стандартам работы (от 0 до 100 %) по составляющим:

- этика обслуживания (приветствие, действия фармацевта при входе покупателя в аптеку, прощание);

- неформальное обслуживание (объяснение сведений о приеме препаратов, степень подробности ответов на вопросы);
- процесс обслуживания (формальные аспекты обслуживания: выдача чека, сдачи, покупки, скорость обслуживания, поиска препарата);
- внешний вид фармацевта;
- внешний вид аптеки.

Результаты представлены в таблице 2

Поиск взаимосвязи между степенью выраженности синдрома эмоционального выгорания и эффективностью труда фармацевтов производился посредством расчета ранговых коэффициентов корреляции Спирмена; результаты анализа представлены в таблице 1 (статистическая значимость на уровне 0,05).

Таблица 1 – Связь между степенью выраженности фаз эмоционального выгорания и оценкой эффективности взаимодействия фармацевта с клиентами

Фазы эмоционального выгорания Критерий «Тайного покупателя»	Фаза «напряжения»	Фаза «резистенция»	Фаза «истощение»	Выраженность эмоционального выгорания в целом
Этика обслуживания	0,45	0,50	0,47	0,55
Обслуживание	0,47	0,61	0,21	0,54
Внешний вид фармацевта	0,28	0,06	0,21	-
Процесс обслуживания	0,41	0,32	0,20	0,36
Внешний вид аптеки	0,32	0,20	0,32	0,30
Выполнение стандартов	0,60	0,56	0,43	0,61

Результаты корреляционного анализа поражают – они противоречат рабочей гипотезе: чем сильнее у фармацевта сформировано эмоциональное выгорание, тем в большей степени при взаимодействии с клиентом он соблюдает установленные стандарты работы, касающиеся как формальных, так и неформальных аспектов обслуживания, тем более вежливым, этичным и менее конфликтным является его поведение.

В данном контексте необходимо упомянуть об исследовании Н.Е. Водопьяновой и ее соавторов [10], которые рассматривали влияние стилей поведения в конфликтных ситуациях на степень выраженности признаков выгорания. Они обнаружили, что наиболее высокие показатели эмоционального истощения и редук-

ции личных достижений наблюдаются у тех индивидов, которые предпочитают стиль «избегание» в конфликте. Индивиды с преобладанием стилей «компромисс» и «сотрудничество» подвержены выгоранию в меньшей степени, чем использующие в конфликтных ситуациях поведенческие модели «соперничество» и «сопротивление». Однако, по мнению автора настоящей статьи не стиль поведения в конфликте влияет на эмоциональное выгорание, а выраженность эмоционального выгорания определяет конфликтный стиль: у «выгоревших» индивидов просто «нет сил» на участие в конфликте и они стремятся избежать его.

Вполне возможно, что в аптечной сети «Ваш доктор» сложилась похожая ситуация – чем больше «выгорел» сотрудник, тем проще для него строго следовать инструкциям, стандартам, позволяющим не допустить возникновения конфликтной ситуации с клиентами и руководством.

Однако, представленные здесь результаты – это всего лишь итоги пилотажного исследования, которое, несомненно, будет продолжено на более репрезентативной выборке.

Литература:

1. Cherniss, C. Professional burnout in human service organizations / С. Cherniss. – New York: Praeger, 1980. – 233 p.
2. Freudenberger H.J. Staff burn-out / H.J. Freudenberger // Journal of Social Issues. – 1974. – V. 30. – P. 159–165.
3. Айсина Р.М. Влияние личностных факторов на эмоциональное выгорание менеджеров в условиях коммерческой организации: Дис. ... канд. психологических наук / Р.М. Айсина – М., 2007. – 223 с.
4. Базалева Л.А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми: Автореф. дис. ... канд. психологических наук: 19.00.01 / Л.А. Базалева. – Краснодар, 2010. – с.
5. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. – СПб.: Питер, 1999. – 434 с.
6. Водопьянова Н.Е. Синдром «психического» выгорания в управленческой деятельности/Н.Е.Водопьянова, А.Б.Серебрякова, Е.С.Старченкова // Вестник СПбГУ. – Сер. 6. – 1997. – № 13. – С. 18–24.
7. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова – СПб.: Питер, 2008. – 336 с. – (Серия «Практическая психология»).
8. Гришина, А. «Успокоительное» для «первостольника» / А. Гришина, С.Кваша, В.Скоробогач//<http://www.remedium.ru/section/consultation/detail.php?ID=45449> (октябрь, 2011).
9. Кондратьева О.Г. Изменения альфа- и бета-ритмов биоэлектрической активности мозга при формировании синдрома эмоционального выгорания у педагогов: Автореф. дис. ... канд. биологических наук: 19.00.02 / О.В. Кондратьева. – Челябинск, 2011. – 23 с.
10. Пашутин С. Как избежать падения продаж в аптеке и «эмоционального выгорания ее сотрудников» / С. Пашутин // Consilium

Зайцева Я.Н.

Социально-психологические последствия террористических актов как следствия современных конфликтов

Терроризм представляет собой одно из наиболее сложных и опасных для всего человечества явлений современности, имеющее международную распространенность.

Человечество пережило несколько волн терроризма. Первая волна покатилась с Великой французской революции (кстати, сам термин впервые появился в 1798 году) и затухла в карбонариях 1820-е годы. Вторая стартовала в последней трети девятнадцатого века и была представлена радикально-националистическим терроризмом в Ирландии, Македонии, Сербии и ряде других стран (цель — создание национального государства); революционно-демократическим терроризмом во Франции, Италии, Испании (цель — разрушение государства); революционно-демократическим терроризмом партий «Народная воля» и «Социалистов-революционеров» в России (цель — подтолкнуть революцию) [1].

Об этом же писал и А.С. Кармин: «Реальные акты террористов были немногочисленны, но эхо их выстрелов оказалось громким. Испугавшись выступления террористов, правительство пошло по линии контрреформ. Россия все больше превращалась в полицейское государство, лишаящее население политических прав. А разнузданный терроризм радикалов не получал справедливой оценки со стороны подавленного общества, которое готово было окружить опасных фанатиков ореолом мученичества» [2, 271].

В 1910-е годы вторая волна спала: «длинные 20-е» (1914-1934), мировая война и «славное тридцатилетие» (1945-1975), насыщенные «чудесами» (итальянским, немецким, японским), заставили на полстолетия забыть о терроризме.

На рубеже 60-70-х годов началась новая волна политического терроризма, причем захлестнула она именно те страны, где произошло послевоенное «экономическое чудо» — Италию, Германию, Японию — и где социальные структуры и институты не поспевали за экономическими изменениями. «Красные бригады», «Фракция Красной Армии» (РАФ), «Японская Красная Армия», и многие другие левозкстремистские организации (правозкстремистских было намного меньше) серьезно дестабилизировали политическую обстановку в своих странах. В принципе, от деятельности этих организаций можно провести линию к Французской революции, все это — в основном модерн. Тер-

пор этих организаций связан с моделью, выработанной Французской революцией, которая институционализировала терроризм как средство идейно-политической борьбы, воспитания-устрашения населения и, что еще важнее, средство достижения гуманных целей — «свободы, равенства, братства».

Современные террористические акты характеризуются сверхэкстремальным воздействием на психику человека, вызывая у него травматический стресс, психологические последствия которого выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР), возникающем как затяжная или отсроченная реакция на ситуации, сопряженные с серьезной угрозой жизни или здоровью. Это влечет за собой возникновение ряда негативных социальных последствий - ксенофобия, нетерпимость, влияющие на различные сферы общественного бытия личности. Социально опасными результатами терактов становятся последствия пролонгированного действия. В результате бесчеловечного кровопролития происходит деформация общественного сознания. Это выражается в снижении уровня толерантности обществ, подвергшихся террористической атаке, разрушении основополагающих гражданских прав, прежде всего, права на жизнь. Следствием этого является неудовлетворенность социально - политическим устройством общества, что проявляется в снижении авторитета власти, появлением социальной напряженности. Кроме этого терроризм порождает недоверие, а порой и ненависть между представителями различных национальных групп, влечет за собой распространение в обществе идеологии зла и насилия, разрушает материальные и духовные ценности, порой не поддающиеся восстановлению. Масштаб терроризма, его общая тенденция к транснациональному объединению создают угрозу серьезных военных конфликтов и даже войн. Акты терроризма оказывают дезорганизующее воздействие на всю систему общественных связей, складывающихся в конкретной местности, стране или регионе мира.

Для изучения социально-психологических последствий террористического акта, нами было проведено исследование, респондентами которого стали жители Республики Северная Осетия-Алания, в возрасте от 21 до 40 лет, из них 20 женщин, 20 мужчин - не побывавших в террористических актах, и 20 женщин, 20 мужчин- пострадавших в терактах.

В задачи исследования входило: выявить уровень толерантности; удовлетворенности жизнью; изучить смысложизненные ориентации; провести сравнительный анализ испытуемых двух выборок. Для решения задач исследования, мы применили следующий пакет методик: «Индекс толерантности» Г.У. Солдато-

вой, «Смысложизненные ориентации» Д.А.Леонтьева, «Индекс жизненной удовлетворенности» А.В. Паниной.

Исходя из полученных данных, мы сделали выводы о том, что действительно у людей, побывавших в террористическом акте, уровень сформированности смысложизненных ориентиров ниже, но, тем не менее, преобладают практически те же параметры что и у группы, не побывавшей в теракте. Чем больше эти люди строят планов на будущее, пытаются быть свободными в принятии решений, тем в большей степени они недовольны жизнью.

Общий уровень удовлетворенности так же снижается, когда человек осознает, что контролировать процессы, происходящие в обществе, он не может, как следствие этого, снижается и уровень социальной толерантности.

Женщины контрольной группы более целеустремленные, свободные в принятии решений, жизнь оценивается как яркая и интересная. А вот женщины, пострадавшие в теракте, обладают более низким уровнем сформированности смысложизненных ориентиров, мы предполагаем, что их цели осознаны не так ярко, потому что они не видят перспектив в будущем и живут сегодняшним днем. Они менее удовлетворены своей ролью в жизни, уровнем своей самореализацией.

Мужчины же, побывавшие в теракте, более целеустремленные, активные, стремятся к доминированию во всем, для них характерно преобладание необходимости в контроле. Важным является и то, что респонденты, побывавшие в террористическом акте, менее удовлетворены своей жизнью, самореализацией, у них присутствует недовольство своей ролью, отсюда и стремление к доминированию и контролю.

В заключении, считаем необходимым отметить, что существующие исследования по психологическим проблемам терроризма, как отечественных, так и зарубежных психологов, в основном, направлены на изучение типологии терроризма, мотивов и строения личности террориста. В результате, практически незатронутыми остаются вопросы, связанные с психологическими последствиями терроризма, формированием отношения общества к этому явлению. Таким образом, исследования психологических последствий терроризма, характеристик, факторов формирования отношения к этому опасному явлению в обыденном сознании могут представлять интерес не только в теоретическом плане, но нести в себе и практическую значимость.

Литература:

1. Васильев В.Л. «Психология терроризма». Сб. науч. трудов СПб ЮИ ГП РФ № 2, 2010 г.

Вараева Н.В.

«Неблагополучная семья» как социокультурное явление в российском обществе и центр социальной реабилитации

Как и любое социально-психологическое явление, неблагополучие семьи имеет многослойный характер и свою динамику. Внешнее, сразу обращающее на себя внимание неблагополучие, всегда имеет внутреннюю, скрытую форму. Это проявляется в самооценке семьи, в уровне притязаний, во взаимоотношениях между членами семьи, в месте семьи в системе социальных отношений и в обществе в целом.

Первичная, кризисная, волна неблагополучия касается, как правило, материального положения семьи, что проявляется в уровне доходов, и сопровождается психологическими стрессами родителей. Ребенок в такие периоды чаще остается без внимания, не получает, или недополучает, качественного питания.

Далее неблагополучие семьи распространяется на социальную сферу: замена постоянной работы временными заработками, появление вредных привычек и зависимостей (в том числе алкогольной зависимости), потеря социальных интересов и смена круга общения. На этом этапе социальная роль и позиция ребенка в семье и в ближайшем социуме (детский сад, школа) резко меняется, ему нередко передаются функции взрослого. Дети пытаются заработать деньги на жизнь себе и родителям, проводят время во взрослых компаниях вместе со своими родителями и т.п.

Наиболее отдаленная во времени, наиболее скрытая по своим проявлениям и наиболее устойчивая, - это психологическая реакция семьи на ее материальное и социальное неблагополучие и ответная реакция общества, когда к семье формируется устойчивое негативное отношение и негативный образ семьи. Как отмечает В.Л. Ситников, именно образы, отражая объективную реальность, являются содержанием психики субъекта. В соответствии с этим образом формируются ожидания и установки, и на семью навешивается ярлык - «неблагополучная».

В отечественной психологии в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского рассматривается процесс социогенеза, в результате которого происходит усвоение личностью различных социальных ролей, обусловленных местом личности в совокупности общественных отношений, ее социальной позицией, ее образом жизни (А.Г. Асмолов и др.). В процессе взросления ребенок принимает образ своей семьи некритически и начинает действовать уже в соответствии с этим

образом. Негативные образы взрослого, родителя и семьи могут оказывать разрушающее действие на развитие самосознания ребенка и способствовать формированию у него деструктивной модели семьи.

Мониторинг обращений в центр социальной реабилитации и анализ работы с семьей на протяжении 10 лет показывает, что родители (главным образом, мамы) осуществляют уход за своими детьми в младенческий период и первые трудности в воспитании ребенка появляются (становятся заметными), когда ребенок достигает 3 – 5-летнего возраста. В этот период родители стремятся поместить детей в центр социальной реабилитации. Если ребенок остается дома, он в большинстве случаев предоставлен сам себе и нередко подвергается жестокому обращению. Если рассматривать деятельность центра социальной реабилитации с психологической точки зрения, то основная его функция — «лечение средой» (термин Карла Роджерса). В своей книге «Консультирование и психотерапия» он выделяет «лечение средой» как один из методов психотерапии, что «для ребенка может означать переезд из собственного дома в интернат или иное воспитательное учреждение» (с. 20). Из социально и психологически неблагополучной среды ребенок перемещается в социально и психологически нейтральную обстановку. (Мы не можем условия государственного учреждения признать абсолютно благополучными в силу того, что естественной средой для жизни ребенка является семья.)

Однако попытки вернуть ребенка в семью после курса социально-психологической реабилитации очень часто (примерно в 72 % случаев) приводят к повторному помещению ребенка в учреждение. Это говорит о том, что реабилитация не была в полной мере успешной. С большей или меньшей периодичностью семья «выявляется» различными структурами (органы опеки и попечительства, ИДН, КДН, школа и т.д.) как неблагополучная или семья «группы риска» до момента достижения ребенком подросткового возраста (13 -15 лет). В этот период подросток либо совсем уходит из семьи и старается вести самостоятельный образ жизни, либо совсем возвращается в семью и берет на себя часть родительских функций (как правило, к этому моменту в семье еще появляются малолетние дети).

Таким образом, взросление ребенка происходит по ускоренной (укороченной) модели, и вмешательство государственных структур мало что в ней изменяет. Мировая статистика показывает, что выпускники детских домов, интернатов и приютов, вырастая, попадают в ту же категорию социально-неблагополучных семей, которую ранее составляли их родители. Это делает очевидным тот факт, что проблема заключается

не в отдельной личности, а в том механизме социализации, который проходит ребенок-сирота или ребенок, воспитывающийся в семье группы риска.

Установить, что является основной, первичной, причиной социальной дезадаптации довольно сложно, потому что, как правило, социальная дезадаптация передается из поколения в поколение, и мы наблюдаем уже последствия этого процесса и имеем дело с мультипроблемными семьями, когда лишенная родительских прав мама рождает нового внебрачного ребенка или безработная многодетная одинокая мать помещает своих детей в социально-реабилитационный центр, так как им не хватает ни места в квартире, ни денег на питание.

В литературе выделяют следующие причины социальной дезадаптации (они же, как правило, служат и критериями):

- алкоголизм (или другая форма зависимости);
- потеря (отсутствие) работы и средств к существованию;
- психологическая неудовлетворенность, депрессии, конфликты с социальным окружением;
- асоциальные формы поведения, связь с криминальными структурами.

Перечень услуг, предоставляемых семье в трудной жизненной ситуации, представляет собой:

Материальную помощь (субсидии, пособия);

Психологические консультации (в том числе семейная психотерапия);

Предоставление временного проживания ребенку (в возрасте от 3 до 18 лет) в центре социальной реабилитации или приюте;

Юридические консультации;

Социальная работа (в основном, патронаж).

Причины, по которым социальная реабилитация семьи часто оказывается неуспешной и не имеет долгосрочного эффекта: отсутствие положительного социального опыта и положительного образа, к которому можно стремиться (как у детей, так и у родителей), и отсутствие поддержки со стороны социального окружения (родственников, соседей и общества в целом).

Родители в социально-неблагополучных семьях, регулярно и на протяжении длительного времени пользующиеся социальной поддержкой государства, а также их дети, выращенные на постоянном контроле со стороны гос. учреждений, становятся социальными инвалидами, не способными жить и функционировать в обществе как самостоятельные личности. Жить на социальные пособия и воспитывать детей в государственном учреждении для таких семей - становится социальной нормой, что делает их с одной стороны зависимыми от государства, а с другой

– формирует пассивную иждивенческую позицию. В совокупности эти факторы разрушают всю психологическую структуру личности, что лишает такие семьи потенциала к изменению, - и круг замыкается.

Социальная адаптация и социальная успешность

Говоря о социальной дезадаптации и социальной реабилитации важно понимать, что ресурс реабилитационной работы заключен не в ликвидации или нейтрализации негативных последствий травматических социальных или социо-психологических воздействий, а в последовательном, поэтапном, прохождении клиентом (будь то ребенок или взрослый) социализации и социальной адаптации под контролем или при сопровождении специалистов. При этом социальную адаптацию следует понимать как процесс усвоения и принятия социальных норм и механизмов, приводящих клиента к восприятию себя успешной личностью (то есть формированию позитивного образа Я). Психологический комфорт личности напрямую зависит от удовлетворения ее потребностей (как физических, так и социальных). Причем социально-адаптированная личность удовлетворяет свои потребности социально допустимыми и социально одобряемыми способами.

С социальной точки зрения критериями успешной социальной адаптации могут служить:

- наличие профессии и работы, оплачиваемой адекватно потребностям (запросам) человека;
- наличие семьи, родственных и других положительных социальных связей;
- наличие жилья (удобного места проживания);
- социальные интересы и социальная позиция личности.

С психологической точки зрения критериями успешной адаптации личности будут:

- адекватная положительная самооценка и самопринятие;
- адекватный уровень притязаний (под адекватным мы понимаем достижимый, но превышающий уже достигнутое);
- адекватные социальные связи и отношения, наличие привязанности и значимых людей;
- владение коммуникативными навыками и механизмами самореализации.

Семья как субъект социальной реабилитации

В норме социализация ребенка проходит в семье, через общение и пример его родных биологических родителей и родственников. Изымая ребенка из семьи, даже временно, мы уже нарушаем процесс его социализации. Эффективнее проводить реабилитацию всей семьи, не разрывая социальных и психологических связей.

Основная трудность в работе с этой категорией семей – непонимание со стороны членов семьи своих проблем и отсутствие мотивации к изменениям.

Поэтому первым шагом в работе с кризисной семьей будет помощь семье в осознании наличия проблемы и формулировка проблемы (в том числе в виде запроса на социальную работу). Вторым шагом будет совместный поиск ресурсов семьи для решения сформулированной проблемы через психологическую работу с семьей. Это профильная и адресная работа команды специалистов.

Третий шаг – накопление положительного социального опыта. На этом этапе семья выходит в социум пробовать свои новые возможности, приобретенные в терапевтической работе. Задача учреждения, которое ведет данную семью на этом этапе создать щадящую социальную среду через участие кризисных семей в мероприятиях совместно с волонтерами. Волонтеры в данном случае играют роль положительного социального окружения семьи и представляют собой группу поддержки (функцию, которую в социально здоровых семьях выполняют родственники и друзья семьи).

В КГУ СРЦН «Надежда» разработана комплексная программа социальной и психологической реабилитации семьи и ребенка «Семейный круг».

Цель – профилактика детской безнадзорности через активизацию потенциала семьи и социального окружения ребенка в трудной жизненной ситуации.

Участниками программы являются: воспитанники СРЦН; родители воспитанников СРЦН; семьи, стоящие в СРЦН на патронаже; кандидаты в замещающие родители, прошедшие подготовку в «Школе приемных родителей»; сотрудники СРЦН; волонтеры.

Программа рассчитана на работу со следующими категориями семей: неполные; многодетные; семьи молодых родителей; конфликтные (в том числе семьи группы риска по жестокому обращению); безработные; замещающие (главным образом, патронатные и опекунские).

Задачи программы:

Формирование или восстановление положительной привязанности между родителем и ребенком.

Оптимизация ролевых отношений в семье.

Развитие эмпатии и сопереживания между членами семьи.

Обучение адекватным способам самовыражения (в том числе отрицательных эмоций).

Адаптация семьи к условиям микро- и макро- социума.

Повышение педагогической компетентности родителей.
Формирование сознательного родительства.

Восстановление утраченных и расширение положительных социальных связей семьи.

Ожидаемые результаты программы:

Интеграция ребенка в родную семью или экологичный переход в замещающую семью;

Принятие и распределение родителями ответственности за семью и ребенка;

Интеграция семьи в социум.

Концептуальные основы программы:

В своей работе мы придерживаемся идеи не критичного гуманного отношения к внутреннему миру каждого человека, уважения уникальности и своеобразия каждой личности (К. Рождерс, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк) и следуем принципу личностно-ориентированного подхода (Г. А. Цукерман, Ш.А. Амонашвили).

При разработке программы мы ориентировались на идеи Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна о социальной природе человека, идеи Б.Ф. Ломова о механизмах формирования образов в сознании субъекта и исследования в области социальной перцепции А.А. Бодалева, А.А. Реана, Л.И. Рюминой и др. Материал для занятий отбирался с учетом возрастных особенностей и зон ближайшего развития детей (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин). Сочетание рефлексивно-деятельностного (А.Н. Леонтьев), когнитивно-поведенческого (А. Бек, А. Бандура) и сказкотерапевтического (Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева) подходов способствует более глубокому осознанию переживаемого опыта и обсуждаемого материала и закреплению поведенческих и коммуникативных навыков.

Кроме того при построении программы мы исходили из принципа приоритетности защиты прав и интересов детей (Конвенция о правах ребенка, Семейный кодекс РФ).

В программе используются следующие формы работы:

Консультирование родителей;

Социально-психологический тренинг;

Организация групп поддержки;

Проведение сетевых встреч;

Тематические мероприятия: балы, литературные вечера;

Творческие мастерские;

Выездные мероприятия: туристические походы, экскурсии;

Вербочный курс.

Программа разработана и апробирована на базе государственного учреждения «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Надежда» Советского района г. Нижнего

Новгорода при участии волонтерской группы «Детский проект и студенческого педагогического отряда «Вертикаль» на протяжении 2,5 лет.

Таблица 1. Формы работы с семьей.

Ребенок	Родитель	Семья
Индивидуальные беседы с использованием проективных методик Составление карты сетевых контактов Групповые занятия с участием волонтеров	Консультации. Наиболее частые темы: детско-родительские отношения, супружеские отношения, способы разрешения конфликтных ситуаций, методы поощрения и наказания ребенка; права и обязанности родителей	Семейные консультации Посещение семьи на дому
Индивидуальные занятия по выявленной проблеме	Консультации по содержанию занятий Педагогические консультации	Тренинги для детей и родителей с участием волонтеров. Проведение сетевых встреч
Творческие мастерские Тематические мероприятия: балы, музыкальные гостиные, т.д. Выездные мероприятия: туристические походы, экскурсии.		

Алгоритм работы с семьей:

Обращение семьи. Формулировка запроса. Помещение ребенка в СРЦН;

Социально-психологическая диагностика личности ребенка, отношений в семье и социального окружения семьи и ребенка;

Совет специалистов по семье. Составление индивидуальной программы социальной реабилитации семьи;

Организация реабилитационной работы с ребенком, родителями и родственниками;

Оценка результативности проделанной работы, вывод ребенка из учреждения и постановка семьи на патронаж или продление срока пребывания и составление новой реабилитационной программы.

Хорошо, если в учреждении имеется заранее подготовленная команда волонтеров, уже имеющих опыт работы с кризисными семьями. Однако введение волонтеров в живое пространство семьи должно быть постепенным и последовательным. Для этого можно использовать клубы при учреждениях, в рамках которых могут проводиться тематические вечера и мастер-классы по организации досуга и учебного пространства ребенка, а также метод «Сеть социальных контактов».

Алгоритм построения взаимодействия волонтеров с семьей:
Подготовка волонтеров.

Знакомство волонтеров с семьей в рамках мероприятий, организуемых специалистами. Это могут быть тренинги, тематические вечера или мастер-классы по организации досуга ребенка и другим педагогическим навыкам.

Включение волонтеров в терапевтическую работу с семьей (в основном расстановки: динамическая скульптура семьи, река жизни), проведение сетевой встречи с участием конкретной кризисной семьи, семьи волонтера и специалистов учреждения.

Сопровождение семьи волонтером (посещение семьи на дому, совместное проведение досуга, помощь родителям в заботе о детях - главным образом, в многодетных семьях). В это время волонтер получает супервизию специалиста, первое посещение семьи на дому проводится в присутствии специалиста.

Параллельно с этим проводится работа по профилактике эмоционального выгорания.

Данная программа позволяет расширить спектр услуг, предоставляемых семье учреждением, а также формировать положительный образ семьи в сознании родителей, детей и общественности (через взаимодействие с волонтерскими организациями) вместо образа (модели) социально неблагополучной (социально неуспешной) семьи.

Организацию помощи семье в рамках работы центра социальной реабилитации затрудняют следующие факторы:

- Низкая мотивация и низкая готовность родителей к изменениям;
- Недостаток механизмов воздействия на семью в случае ее нежелания сотрудничать;
- Нет четких критериев благополучия семьи;
- Нет единого стандарта оказания услуг семье у разных ведомств.

В настоящее время мы работаем над поиском механизмов изменения мотивации родителей воспитанников социально-реабилитационного центра, а также выработкой объективных критериев семейного благополучия.

Литература:

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
2. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. - 2-е изд-е, перераб. и дополненное. М.:Пед-ка-Пресс, 1996. – 440с.
3. Реан А.А. «Уличные» дети и общество: социальные и психологические аспекты проблемы // Социальная работа с детьми и подростками группы риска: Материалы международной конференции. – СПб., 2000. – с. 12-16.

4. Роджерс К. Р. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы: Монография. / Пер. с англ. О. Кондрашовой, Р. Кучкаровой. – М.: ЭКСМО – Пресс, 2000. – 464с.
5. Ситников В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.

Дрынкина Т.И.

Модель конфликтологической компетентности

Над проблемой компетентности традиционно активно работают философы, социологи, психологи, в том числе те, чьей основной проблематикой явятся сфера конфликта (Кармин А.С.). Параллелизм в развитии конфликтологических знаний и в разработке феномена компетенции представляется не случайным совпадением, а вполне закономерным явлением, отражающим глубинные связи и родство между этими аспектами жизнедеятельности; в современных социально-экономических условиях особое значение приобретает исследование проблемы формирования компетентности личности, ее психологических знаний, умений анализировать возникающие проблемные ситуации и взаимодействовать с людьми с позиции успешности деятельности.

Существует точка зрения, согласно которой понятие «компетентность» включает знания, умения, навыки, а также способности выполнения деятельности. Так, по мнению М.А. Холодной, компетентные – лица с высокой успешностью деятельности в соответствующей предметной деятельности (Холодная М.А., 2002).

Классификация компетенций И.А. Зимней содержит три основные группы компетентностей. Теоретической основой выделения этих трех групп ключевых компетенций послужили сформулированные в отечественной психологии положения: человек есть субъект общения, познания, труда (Б.Г. Ананьев); человек проявляется в системе отношений к обществу, другим людям, к себе, к труду (В.Н. Мясищев); компетентность человека имеет вектор акмеологического развития (Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач); профессионализм включает компетентность (А.К. Маркова).

В концепции Дж. Равена компетентность рассматривается как совокупность знаний, умений и способностей, которые проявляются в личностно значимой для субъекта деятельности (Дж. Равен, 2000). Это такое явление, которое «состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, ... некоторые компоненты относятся скорее к когнитивной сфере, а другие – к эмоциональной, ... эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эф-

фективного поведения». При этом, как подчеркивает Дж. Равен, «виды компетентности» суть «мотивированные способности», они соотносятся с ценностями. При этом предполагается, что наиболее важную роль при определении компетентности играет именно ценность деятельности для субъекта. Для ее оценки предполагается вначале измерять ценность деятельности и лишь затем – совокупность внутренних средств, с помощью которых субъект достигает определенного результата в данной деятельности.

Таким образом, представляется несомненным, что конфликтологическая компетентность – многоуровневое образование с компонентами когнитивного, экспрессивного и интерактивного характера, которая включает в себя целый ряд стратегических и тактических компонентов, среди которых личные личностные особенности, установки, знания и навыки, способствующие конструктивному управлению конфликтными ситуациями. Это сложная единая система внутренних психологических составляющих и свойств личности специалиста, включающих в себя знания и умения. Есть связь и с глубинными свойствами личности – с потребностью в общении, уверенностью в себе и самооценкой. Конфликтологическая компетентность включает в себя такие характеристики, как интегральное соответствие личности решаемым задачам, количество и качество решенных задач, результативность и успех в проблемных ситуациях. Сюда добавляется и знание последствий применения конкретных способов воздействия и их эффективности. Конфликтологическая компетентность имеет и свои функции: познавательную, регулятивную, функцию контроля и оценки, самооценки.

Вместе с тем, следует отметить, что в процессе жизнедеятельности человек постоянно корректирует свою конфликтологическую компетенцию в зависимости от ситуационных параметров. Человек всегда находится в определенной жизненной ситуации, которая неизбежно содержит проблемы и конфликт. Конфликтологическая компетенция предполагает не уход, избегание проблем и конфликтов, а поиск таких решений, которые разрешают проблемы и конфликты оптимальным способом, приводят к развитию, росту. Основное внутренне противоречие компетенции заключается в том, что этот процесс происходит всегда в ситуации, в которую вовлечены «Другие». Соответственно, можно предположить, что конфликтологическая компетентность – явление, сопоставимое с творческим процессом, при котором постоянно идет процесс самопроектирования и саморазвертывания личности во взаимоотношениях с другими людьми.

Проблемы современной конфликтологической практики

Конфликтология является молодой междисциплинарной наукой, и споры о праве первородства до сих пор не утихают среди философов, социологов, психологов и представителей других областей знания (42). Вследствие этого конфликтология унаследовала проблемы и разночтения, существующие в науках, послуживших ей исходной опорой и ресурсом роста и самостоятельного развития. Всё это, естественно, это находит своё отражение и в конфликтологической практике.

Можно выделить несколько основных проблемных зон в применении конфликтологических методов на практике:

1. Идеологические проблемы.
2. Информационные проблемы.
3. Организационные проблемы.
4. Методологические проблемы.

Несмотря на то, что в последние годы представление о том, что конфликт – это неизбежная и, более того, необходимая часть нашей жизни (18,41) стало практически общепризнанным, диссимуляция, непризнание наличия конфликтов на всех уровнях является типичным явлением. В связи с этим нередко конфликтологам приходится использовать другие наименования событий, чтобы быть допущенными к работе с конфликтом. Хотя «конфликтолог» как специальность существует уже больше 10 лет, запрос на профессионалов данного профиля является скорее исключением. Несомненно, потребность в работе с конфликтом велика, и выпускники-конфликтологи успешно находят практическое применение в самых разных сферах человеческих взаимоотношений и деятельности, только называясь иначе. Кроме того, поскольку конфликтологи включают в понятие конфликта не только уже развернутое открытое противодействие, но и ситуации предконфликтного напряжения до возникновения инцидента (30), делающего конфликт явным, сфера их практического приложения становится ещё шире. В качестве клиентов – объектов конфликтологической помощи - могут выступать как отдельные люди и группы людей, так и самые разные официальные объединения, например, организации, общества, партии, конфессии и так далее. Тем не менее, видимо, широкое принятие конфликтологии как непосредственной профессии является делом будущего.

К этому же виду проблем можно отнести и опасения и иллюзии коллег по конфликтному «цеху» – судей, юристов и даже психологов. Например, когда первый опыт работы специалистов-конфликтологов показал 75%-ное разрешение судебных дел, то один из руководителей судебного департамента посоветовал

товал нам снизить эффективность, так иначе получается, что судьи не нужны. К иллюзиям можно отнести то, что многие профессионалы, имеющие дело с конфликтом, полагают, что они и так уже все умеют, и ничего нового конфликтологи не добавят. Важной вехой в развитии конфликтологической практики явилось принятие закона о медиации в июле 2010 года, который вступил в силу с января 2011. В то же время, этот закон, облегчив решение ряда прикладных проблем, породил много новых. В медиацию хлынул поток юристов, имеющих поверхностную подготовку, что привело к опасности искажения принципов медиации и дискредитации самого метода.

Информационные проблемы тесно связаны с предыдущими. Недостаточная информированность потенциальных потребителей услуг конфликтологов также препятствует распространению и эффективному использованию конфликтологических методов практической работы с конфликтом. Наша практика показала, что прямая реклама на радио, телевидении и других средствах массовой информации оказывается неэффективной. Наибольшее количество случаев, соответствующих задачам и возможностям конфликтологической практики, приходит от участников учебных групп, людей, каким-то образом непосредственно столкнувшихся с конфликтологией, а также по «сарафанному радио».

Многие организационные проблемы являются следствием молодости конфликтологии в сочетании с устоявшейся бюрократической структурой в стране. На практике конфликтологи часто сталкиваются с проявлением принципа: «всё, что не разрешено, то запрещено». Например, получив благословение сверху, петербургские конфликтологи в течение трёх лет успешно работают в городских судах. Однако, чтобы расширить работу на областные суды даже при наличии прямого запроса самих судей, нам приходится заново проходить этот путь на уровне областных руководящих органов.

Конфликтологические услуги до сих пор не институционализированы, и это создает немало сложностей.

Методологические проблемы во многом базируются на том, что понятия конфликтологической науки не всегда достаточно отграничены от понятий смежных наук и не имеют чёткого определения. Например, можно констатировать наличие различных взглядов на то, что понимать под конфликтологическим консультированием. Иногда его предмет необоснованно расширяется до представления о том, что под конфликтологическим консультированием подразумевается любой способ разрешения различных видов конфликтов. Иной раз наблюдается одновременное расширение и сужение предмета конфликтологического консультирования как метода, обобщившего наработки органи-

зационной конфликтологии и управленческого консультирования, способствующий оптимизации процесса урегулирования конфликтных ситуаций. А, например, в «Словаре конфликтолога» (3) отсутствует как термин «конфликтологическое консультирование», так и «консультирование» вообще.

Тем не менее, необходимо учитывать, что вследствие особой остроты и специфичности ситуации конфликта конфликтологическое консультирование неизбежно обретает свои особенности в сравнении с другими видами консультирования и работы с клиентами.

К основным конфликтологическим методам практической работы можно отнести анализ и оценку конфликта, конфликтологическое консультирование, фасилитацию, или модерацию, переговоры и ассистирование в переговорах, обучение, консультирование, медиацию.

Поскольку именно медиация, то есть, разрешение конфликта между сторонами посредством переговоров с участием нейтрального посредника, является особенно непривычным и в то же время стремительно распространяющимся методом, представляется целесообразным рассмотреть методологические проблемы на её примере.

История практической медиации в её современной форме в России насчитывает уже 18 лет. Медиационная практика в России ещё не стала столь широкой, чтобы мы успели остро почувствовать наличие тех противоречий, о которых спорят наши зарубежные коллеги. Тем не менее, наша более чем двухлетняя практика в судах Санкт-Петербурга показывает, что проблема директивности в медиации вполне реальна.

Зарубежная медиация прошла длительный путь и обрела разные направления и формы. То, что у нас становится актуальным сегодня, на Западе началось около 20 лет назад, хотя ярко проявилось лишь в последнее десятилетие.

В последние годы многие медиаторы на Западе выражают серьёзную обеспокоенность по поводу некоторых распространённых тенденций в применении медиации. Прежде всего, это относится именно к медиации, связанной с судом, поскольку острота проблем и сложность положения сторон провоцирует отход от базовых постулатов медиации.

Как выразился один из американских юристов: «Самое лучшее, что произошло с медиацией в последнее десятилетие, - то, что она была институализирована в судебную систему, и это самое худшее, что с ней произошло». В первую очередь это относится к проблеме директивности, и именно этот параметр является наиболее обсуждаемым в кругах специалистов по работе с конфликтом.

Во многих странах началось движение назад, к истокам медиации. Нередко самими юристами высказывается опасение, что непропорционально большое процентное соотношение юристов (до 95%) в ряде областей медиации в суде само по себе представляет проблему. В силу профессиональной специфики роли и традиционного менталитета юристов искажение принципов медиации особенно часто происходит именно в их работе. Так, **клиент-центрированная**, или **стороно-центрированная медиация** является обратным движением, прежде всего, самих юристов, от директивности к фасилитативности, то есть ограничению вмешательства медиатора организацией обсуждения между сторонами. Многие из них заново (а иногда впервые) открывают для себя преимущества предоставления клиентом возможности самостоятельно решать свои проблемы. Некоторые медиаторы предлагают как выход из положения «работу на два фронта» (Two-Table Approach): 1) на уровне юридической реальности; 2) в широком поиске вариантов разрешения споров.

История практической медиации в её современной форме в России насчитывает уже 18 лет. Медиационная практика в России ещё не стала столь широкой, чтобы мы успели остро почувствовать наличие тех противоречий, о которых спорят наши зарубежные коллеги. Тем не менее, наша более чем двухлетняя практика в судах Санкт-Петербурга показывает, что проблема стилевых различий в медиации вполне реальна. Представляется важным определить, какие направления медиации могут быть применимы в условиях российского судопроизводства.

В результате анализа двадцати обнаруженных мною в литературных источниках на данный момент различных видов медиации можно выделить несколько основных. В группе видов медиации, которую мною было предложено называть **классической**, куда вошли **фасилитативная, генеративная, или родовая**, медиатор является защитником процесса, процедуры. Его вмешательство в содержание принимаемых решений и директивность минимальны. Очень большое значение придаётся соблюдению базовых принципов нейтральности (беспристрастности), добровольности, конфиденциальности. В российском варианте ещё и принцип «равенства сторон».

В конце 80-х – начале 90-х, когда медиация обрела популярность и стала назначаться или рекомендоваться судом, появились **оценочная и директивная** медиация и их разновидности. Их главное отличие от фасилитативной, или классической, в том, что медиатор может дать сторонам оценку судебных перспектив спора и высказать рекомендацию по поводу желательного решения вопроса. Как правило, медиатор больше озабочен

соблюдением юридических прав клиентов, чем удовлетворением их истинных интересов.

Именно последние виды медиации порождают наиболее серьёзные возражения в связи с нарушением принципов добровольности и нейтральности в их классическом понимании. Некоторые специалисты стараются выявлять и удовлетворять интересы сторон в духе сотрудничества, но чаще остаются на уровне позиций и удовлетворяются компромиссом. Сами представители данного направления уверяют, что они ведут себя гибко, предоставляют клиентам все возможности принятия решения и прибегают к прямым рекомендациям только в случае крайней необходимости, в безвыходных ситуациях застарелого спора и неконструктивной позиции сторон.

В ещё одну группу, на наш взгляд, могут быть отнесены медиация, **ориентированная на разрешение проблем, ориентированная на достижение цели, направленная на достижение соглашения и основанная на интересах**, или **интегративная медиация**. В этих видах медиации главным результатом считается достижение соглашения, то остальные вопросы уходят на второй план. Из этого вытекает переход на директивную модель, использование медиатором подталкивания сторон к договорённости, а то и давления, если они не договариваются «по хорошему».

Трансформативная и гуманистическая модель предполагает, что медиатор сам не задает никаких стадий, норм и правил, даёт возможность максимального проявления потенциала сторон. Большую роль играет работа с чувствами, эмоциями, разрешение противоречий между сторонами и разработка плана действий по улучшению ситуации. С ними сходна «понимающая» медиация.

Нарративная медиация строится на предположении о том, что люди живут и действуют в своих нарративах, то есть, историях, описаниях реальности, созданных во взаимодействии с другими, и ни одно из этих описаний не является «истинным». Задача нарративной медиации состоит в том, чтобы помочь людям преодолеть конфликт путем работы с историями, в которые конфликт встроен, а не путем поиска «объективной истины». В этих видах медиации соглашение является не самоцелью, а побочным продуктом работы сторон.

Познавательная, или когнитивная систематическая медиация отличается от других видов тем, что её представители считают, что эмоции только мешают разрешению конфликта, что главное - это мышление, работа с информацией, выдвижение и проверка гипотез.

Экосистемная медиация и её вариант – медиация, **ориентированная на семью** как систему подчёркивают, что стороны, участвующие в медиации, существуют не изолированно, и учитывают карту-схему, того, как какие-то решения будут воздействовать на систему и её элементы.

Анализ видов медиации позволяет выявить существенные стилевые различия между ними по следующим основным параметрам:

1. Цель медиации.
2. Степень директивности.
3. Отношение к прошлому.
4. Отношение к эмоциям:
5. Отношение к конфликту.
6. Отношение к использованию кокусов.
7. Использование вопросов.
8. Приоритет юридических или неюридических аспектов.
9. Возможность сочетания различных видов медиации.

Кроме того, в нашей практике выявился ряд дополнительных специфических особенностей петербургской судебной медиации.

1. Цель медиации, тесно связанная с пониманием «эффективности» медиации, и её **ожидаемый результат**:

- достижение соглашения по прекращению конкретного спора (например, отзыв иска, заключение мирового соглашения),
- урегулирование конфликта хотя бы на уровне позиций;
- разрешение конфликта на уровне лежащих в его основе интересов сторон;
- трансформация видения сторонами существующего конфликта;
- трансформация взаимоотношений между сторонами;
- улучшение понимания проблемы и её причин, повышение объективности и реалистичности сторон в восприятии и оценке происходящего;
- придание сторонам силы, уверенности в их возможностях разрешить проблему и признание прав друг друга на собственной мнение, переориентация сторон на совместную борьбу с проблемой.

Таким образом, на одном полюсе – сиюминутное, сугубо ситуативное снятие остроты, конфликта. На другом полюсе – повышение осознания произошедшего, своей роли и вклада его оппонента в конфликт, достижение ясного понимания перспектив развития ситуации в зависимости от действий сторон, развитие способности сторон к самостоятельному решению данного и последующих конфликтов. При этом достижение соглашения

или принятие решения актуального конфликту в данный момент – не самоцель и не является обязательным

Поскольку петербургская школа медиаторов, воспроизводимая Центром переговоров и Службой консультирования и медиации СПбГУ, базируется на классической, фасилитативной модели, мы проведём сопоставление медиации, востребованной в наших судах, прежде всего, именно с ней. В классической медиации соглашение важно, но не является самоцелью, ради которой можно жертвовать принципиальным невмешательством в содержательные аспекты спора, что подчеркнул В. Линкольн в своём докладе на Конгрессе конфликтологов.

Пожалуй, именно этот параметр – наиболее бросающийся в глаза при сравнении судебной практики медиаторов с традиционной практикой фасилитативной медиации. В судебной медиации, по нашему опыту, есть чёткий запрос – закрыть дело либо достижением мирового соглашения, либо с помощью отзыва иска. Большинство судей предпочитают иметь дело именно с теми медиаторами, которые обеспечивают этот результат в кратчайшие сроки. Интерес суда – в основном позиционный. Надо сказать, что наши медиаторы смогли приспособиться и удовлетворить запрос судей, тем более, что на первом этапе эксперимента в петербургских судах нам было необходимо показать применимость медиации и её полезность для суда и судей. Если в 2008 году на одно дело в среднем уходило 3,68 часа, то в 2010 – всего 2,4 часа. Сокращение времени явилось результатом отношений и наработкой опыта работы с судьями и их помощниками. Большинство медиаций завершилось за одну сессию, другие требовали повторной встречи. Практически не было дел, потребовавших более трёх сессий.

В условиях дефицита времени нередко работа медиатора остаётся на уровне позиций, что позволяет решить вопрос в лучшем случае на уровне компромисса, а не выйти на уровень сотрудничества. В то же время во многих делах причина спора глубже и шире, и судебное решение, так же, как и мировое соглашение непосредственно по тематике иска, не решает самой проблемы. Из этого вытекает непрочность достигнутого соглашения и возможность возникновения конфликтов в будущем.

Как выразилась судья одного из петербургских судов в ответ на предложение медиатора не ограничиваться достигнутым отказом от иска, а продолжить переговоры между сторонами для достижения прочного соглашения: «Главное, чтобы это дело было закрыто, а если между ними [сторонами] снова возникнет конфликт по сходному поводу, это будет уже другое дело, и будем решать его». Тем не менее, немало судей, которые предоставляют медиатору возможность работать столько времени,

сколько необходимо для полноценного разрешения конфликта между сторонами, «чтобы больше они не приходили». Такие судьи доверяют медиатору и дают ему полную свободу, лишь бы вопрос был снят окончательно.

Поскольку судьи оценивают эффективность медиации по факту заключения соглашения, то предпочитают работать со своим, завоевавшим их доверие, медиатором и неохотно допускают к работе со случаями новых медиаторов. Профессионально характерная для судей осторожность требовала успешной работы медиатора по 2-3 случаям для завоевания уровня доверия, необходимого для продуктивного сотрудничества с судьёй. На тех участках, где судьи не изолированы друг от друга и имеют возможность общаться, медиация прокладывала дорогу легче. «Сарафанное радио» оказалось эффективным и применительно к судьям. Видя эффективность и полезность работы медиатора для своего коллеги, и другие судьи предлагали свои случаи для медиации.

Анализ опыта медиаторов показывает, что установка судей на поверхностный или более прочный результат зависит, прежде всего, от личных особенностей и настроения судей, а также от того, где находится судебный участок. Так, например, в пригородных участках, где судья имеет возможность запоминать приходящих клиентов, он более склонен добиваться истинного разрешения конфликта, тогда как для Санкт-Петербургских участков характерна большая обезличенность и стремление к удовлетворённости на уровне запроса. Кроме того, давление времени может быть следствием эмоциональной реакции судей.

В то же время, в суде немало дел, где без перехода на уровень интересов договорённость принципиально невозможна. Особенно часто это имело место в делах частного обвинения, разрешении проблем в коммунальных квартирах и во многих делах о разделе имущества и денежных выплатах между родственниками.

Что касается количества достигнутых соглашений, то при исключении из анализа немедиабельных случаев и тех случаев, когда стороны не захотели воспользоваться медиацией по предложению судьи, то соглашением закончились 79% уголовных дел (частного обвинения) и 73% гражданских дел (по данным А.И.Андреевой). Более того, в результате разрешения одного спора, как правило, закрывалось 2-4 дела, так как иски, как правило, были взаимными.

2. Степень директивности.

Директивность является самой проблематичной характеристикой, по которой проходит демаркационная линия между разными видами медиации. Более того, многие авторы полагают,

что директивная медиация и вовсе не является медиацией, а скорее может рассматриваться как досудебное совещание. Поэтому рассмотреть проблему директивности применительно к судебной медиации представляется особенно важным.

Под директивностью мы понимаем **уровень вмешательства медиатора**, который проявляется в двух направлениях:

а) **степень экспертной** (в области предмета спора) **директивности**, то есть, активность участия медиатора в решении содержательных вопросов одним или несколькими из следующих способов:

- предоставление сторонам фактической информации по различным аспектам спора, в том числе, о его судебных перспективах;
- постановка «диагноза», субъективная интерпретация медиатором самой ситуации, особенностей её участников, их поведения и т.п.;
- формулирование самим медиатором пунктов повестки дня переговоров;
- рекомендации сторонам по осуществлению определённых действий или отказу от них;
- советы по принятию того или иного решения;
- количество вопросов, задаваемых медиатором;
- формулирование текста заключительного соглашения самим медиатором.

б) **уровень процессуальной власти медиатора**, под которой мы понимаем:

- детальность и жёсткость процедуры медиации, введённой самим посредником;
- введение и поддержание правил взаимодействия в медиации самим посредником;
- решение процедурных вопросов, не оговорённых изначально и возникающих в процессе переговоров, самим медиатором, например: выбор стороны, которая будет рассказывать о своём видении проблемы первой, определение порядка обсуждения вопросов из повестки дня, определение необходимости кокуса и выбор стороны, которая примет в нём участие первой и другие.

Если говорить о классической фасилитативной медиации, то можно сказать, что для неё может быть характерна разная степень процессуальной директивности вплоть до высокой. Медиатору вовсе не обязательно быть мягким. Там, где дело касается процедуры, он может жёстко настаивать на соблюдении определённых им правил, апеллируя к необходимости их соблюдения для обеспечения эффективности переговоров.

Медиация в суде нередко требует значительной жёсткости в соблюдении правил медиации, так как стороны, находящиеся в

эмоциональном противостоянии, склонны к обвинениям друг друга вплоть до оскорблений. Ситуация судебного рассмотрения сама по себе создаёт значительный дискомфорт и провоцирует высокую эмоциональную заряженность. Тем не менее, эта характерная особенность судебной медиации не противоречит базовым принципам медиации. Переговоры в стратегии сотрудничества сами по себе могут сильно различаться по степени жёсткости, не переставая быть сотрудничеством.

Говоря о директивности медиации, обычно имеют в виду степень экспертной директивности. Фасилитативная модель не предполагает участия медиатора в решении содержательных вопросов. Тем не менее, она активно использует проверку реальности, часто ставящую под сомнение нереалистичные ожидания сторон, правда, в виде вопросов, а не в виде утверждений. Директивная, оценочная предполагает прямое информирование клиентов о слабостях их юридической позиции и судебных перспективах дела.

В нашем опыте судебной медиации нередко проверка на реальность проводилась очень настойчиво, вплоть до давления. Такой подход оправдан, когда сторона ведёт себя нереалистично, по-детски. В судебной ситуации особенно ярко проявляется нереалистичность и даже иррациональность ожиданий и поведения сторон. Глядя со стороны, это бывает нетрудно заметить, но очень трудно добиться, чтобы это осознали сами стороны. Нередко стороны ведут себя так, что ставят под угрозу собственные базовые интересы. В таком случае без жёсткого тестирования реальности в судебной медиации вряд ли возможен выход на примирение.

Казалось бы, зачем обсуждать проблему экспертной директивности, если по российскому закону медиатор не имеет права предлагать своё решение и высказывать своё мнение по поводу юридических перспектив спора. Однако всем хорошо известно, чем компенсируется жёсткость российских законов.

Необходимость соблюдения принципа нейтральности медиатора вроде бы никем не оспаривается. Не удивительно, что оценочная, директивная медиация в мировом медиаторском сообществе порождает наибольшие возражения в связи с нарушением принципов добровольности и нейтральности. Уже отмечались тревоги, высказываемые, в частности, американскими юристами и тенденция возврата к недирективности, фасилитативности в судебной медиации многих стран.

Проблема только в том, что понимать под нейтральностью. Большинство директивных посредников говорят, что, конечно, медиатор не должен настаивать на том решении, которое ему самому кажется лучшим, и стараются переходить на уровень

интересов. По опыту работы с судами мы понимаем, что иной раз стороны нуждаются в более явном управлении вследствие ситуативных или личностных особенностей. Иногда, действительно, худой мир лучше доброй ссоры.

Опасность, тем не менее, состоит в том, что очень многие вещи происходят неосознанно, в частности, по механизму «самоисполняющихся предсказаний». Психологическая установка медиатора подспудно влияет и на его восприятие, и на интуитивные находки, и на эмоциональный климат переговоров между сторонами. Если, например, медиатор не верит в разумный потенциал клиентов или сомневается в том, что стороны могут конструктивно договориться сами, то он неосознанно подтолкнёт их именно к непродуктивному поведению, и, соответственно, будет «вынужден» занять директивную позицию. Восприятие медиатором себя и своих возможностей также играет немаловажную роль в выборе стиля работы с клиентами в медиации. Например, юрист, полагающий, что для недирективной медиации необходимо глубокое знание психологии (что на самом деле не так), которым он не располагает, будет тяготеть к упрощённым директивным подходам, дающим ему ощущение уверенности и профессиональной компетентности.

Предварительный анализ стилевых различий в работе петербургских медиаторов показал, что процент более жестких и директивных медиаций в значительной степени зависит от психологических особенностей и установок самих медиаторов в отношении клиентов и самих себя.

По мнению наших зарубежных коллег, во многих нынешних формах медиации она, по сути, фактически сливается с мед-арбом (методом, начинающимся как медиация, но в котором в случае неуспешности переговоров между сторонами медиатор переключается на роль принимающего решение арбитра) или даже третейским разбирательством (в западной терминологии – арбитражем). Несомненно, эти формы имеют право на существование и во многих случаях предпочтительны, но стоит ли тогда называть их медиацией? На наш взгляд, стороны имеют право делать осознанный выбор метода, которым собираются воспользоваться. Если они хотят принять решение самостоятельно, то **скрытый** переход на мед-арб недопустим.

Вопрос о применении тех или иных методов в медиации, в самом деле, очень непростой и с профессиональной, и с этической точки зрения. Что допустимо делать в тех или иных случаях, где граница между медиацией и чем-то вроде арбитража? Стараться ли прежде всего угодить судье или служить истинным интересам клиентов?

Иногда, пытаясь завоевать расположение судьи и идя на поводу иногда неоправданных ожиданий, можно создать искажённые представления о медиации, которые распространятся по механизму сарафанного радио. Это затруднит работу коллег на других участках и может подорвать доверие клиентов к тому, что декларируется в качестве базовых принципов медиации. С другой стороны, ведя себя жёстко «принципиально», можно разочаровать судей и создать у них впечатление ненужной дополнительной «головной боли». По нашему опыту, судьи, более близко познакомившиеся с возможностями медиации, становятся её искренними союзниками. Мы видим, как тесно проблема директивности связана с проблемой понимания цели медиации, рассмотренной в предыдущем номере журнала.

Мы уделили столь большое внимание проблеме директивности, поскольку она является ключевой, и от её решения зависит успешность распространения медиации в судах. У начинающих медиаторов часто существует искреннее желание следовать усвоенной ими в ходе обучения классической модели, соблюдая базовые принципы медиации. К сожалению, столкнувшись с первыми сложностями практики, многие меняют свою прекрасную установку на более «реалистичную», делая вывод, что на самом деле «надо забыть всё, чему учили, как страшный сон». Оказывается, что это была не любовь, а лишь увлечение медиацией.

3. Отношение к прошлому: на одном полюсе – игнорирование прошлого, отказ от его прояснения, исходя из того, что все необходимые для работы с конфликтом элементы содержатся в настоящем, а прошлое лишь мешает. На другом полюсе – представление о том, что без отработки понимания причин прошлых обид и прояснения искажений восприятия прошлых событий и взаимоотношений решить проблему невозможно, так как она – лишь симптом. Справившись с принципиальными аспектами в прошлом, мы по-настоящему решаем данную проблему и предотвращаем появление многих других.

Как правило, отношение к прошлому является признаком, используемым для различения медиации, конфликтологического консультирования, с одной стороны, и психотерапии, с другой. Психотерапия в значительной степени опирается на осознание проблем, коренящихся в прошлом опыте, и трансформацию отношения к прошлому. Однако это понимание упрощено. И разные виды психотерапии, и разные виды медиации сильно различаются по этому признаку.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в судебной медиации полностью игнорировать прошлое невозможно. Несомненно, прошлое является здесь лишь средством решения актуаль-

ной задачи и привлекается по минимуму необходимости. Понятно, что прошлое может играть большую роль в долгосрочных и близких отношениях. Однако и в «одноходовых» спорах по поводу, например, невыполнения условий контракта и прочих может быть очень важна предыстория предательства или несправедливости. Иначе подобные вопросы решаются в рабочем порядке и, как правило, не поступают ни в суд, ни на медиацию. Это прошлое иногда может оказаться связанным не с нынешним партнёром, а отражать негативный опыт, приобретённый в аналогичных обстоятельствах с другим, недобросовестным оппонентом.

Для работы с прошлым в медиации в суде есть как минимум две главные причины:

а) без получения информации о предыстории спора часто невозможно понять как саму ситуацию, так и оптимальные способы её разрешения.

б) без отработки эмоций, возникших в прошлом, часто невозможно переключить клиентов к рассмотрению настоящего и желательного будущего.

Уже отмечалось, что нередко важная информация о сути спора появляется на поздних стадиях обсуждения. Если медиатор не проявляет интереса и не показывает важность отдельных аспектов предыстории конфликта, они останутся за рамками обсуждения. Как правило, у судей нет возможности разбираться в перипетиях развития взаимоотношений между спорящими сторонами. Медиатор имеет такую возможность, и это вовсе не обязательно занимает много времени. Очень часто прошлое оказывается тесно связано с эмоциями (см. следующий пункт). Тем не менее, иногда имеет преимущественно информационное значение.

Пример, демонстрирующий тесную взаимосвязь информационной и эмоциональной составляющей в прошлом, создающем предысторию осложнений :

4. Отношение к эмоциям: от представления о бесполезности, даже вредности эмоций, полного отрицания необходимости работы с ними и стремления как можно прочнее отгородиться от их деструктивного влияния на процесс медиации до активного использования эмоций как важного источника информации и инструмента договорённости. В середине континуума – невозможность игнорирования эмоций, рассмотрение их как возможной помехи продуктивному обсуждению и принятию разумного решения и, как следствие, необходимость минимизировать влияние эмоций посредством их отработки с помощью специальных приёмов.

Нередко для юристов характерно отношение как к помехе по типу: «Это всё эмоции, давайте ближе к делу!» Тем не менее, многие опытные адвокаты считают, что умение распознать и отработать эмоции клиента является важным источником информации и создает основу для эффективного разрешения проблемы.

Несомненно, в медиации это не менее актуально. Большинство судебных медиаций отличаются повышенной эмоциональной заряженностью. Для российской практики, где отношения между партнёрами, уровень доверия, преданности и в бизнесе играют важнейшую роль, работа с эмоциями в медиации особенно важна.

«Гретьим» решением вопроса: «работать или не работать» с эмоциями в судебной медиации может быть вариант – понять причины нежелания делать это и устранить их. Наиболее типичными причинами отказа юристов-медиаторов от рассмотрения эмоций являются следующие - медиатор:

- полагает, что эмоции второстепенны, а важны факты.
- считает, что не умеет этого делать;
- ощущает, что не может сочувствовать переживаниям клиента по поводу происшедшего;
- опасается, что спровоцирует еще больше эмоций (вдруг заплачет или...);
- полагает, что после разговора о чувствах будет неловко, трудно вернуться к делу;
- воспринимает рассказ клиента как настолько сумбурный, что не знает, с какого чувства начать.

Все эти причины являются преодолимыми, требуется лишь понимание важности работы с эмоциональной составляющей и некоторая практика в овладении специальными приёмами. Сама процедура медиации выстроена таким образом, что стороны имеют возможность выразить и отработать переполняющие их эмоции в безопасной форме.

Вот пример не только отрицательного, но и положительного влияния эмоций.

5.Отношение к конфликту как к явлению: от стремления во что бы то ни стало прекратить конфликт как деструктивную форму взаимоотношений до признания не только возможности, но и полезности оставить стороны в ситуации конфликта, если его разрешение не стало побочным результатом работы с медиатором. При этом специалисты исходят из представления о том, что острота ситуации будет способствовать необходимым преобразованиям отношений сторон, осознанию реальности и мотивации к настоящей работе с существующей проблемой. Как уже отмечалось в пункте 1, в случае судебной медиации, с од-

ной стороны, мы наблюдаем желание прекратить судебный спор, а с другой стороны, разную степень выхода на разрешение существующего конфликта. Можно также отметить, что острота ситуации и серьёзность её последствий способствует тому, что стороны хотят договориться. В судебной медиации нередко проблема привлечения сторон к участию в переговорах решается даже легче, чем в других сферах.

6. Использование кокусов: на одном полюсе шкалы – практически постоянное нахождение медиатора в кокусах (обсуждение проблемы раздельно с каждой из сторон) с финальной встречей для подписания соглашения сторонами (здесь не рассматривается вариант, когда стороны не встречаются вообще, и подписание соглашения проводится заочно, так как этот вариант мы относим к другому, хотя и родственному медиации процессу – консилиации, или «челночной дипломатии»). На другом конце шкалы – стремление работать только совместно за общим столом, так как именно такая форма способствует достижению взаимопонимания между сторонами и прогрессу в обсуждении.

В отличие от многих других параметров различия видов медиации, в предпочтении работать в кокусах, по крайней мере, на начальных этапах медиации, сошлись наиболее и наименее директивные формы. Первые – потому, что дают каждой из сторон информацию, которая не должна стать известна другой стороне, а вторые – потому, что малая степень вмешательства медиатора делает процесс эмоционально небезопасным для сторон, и необходимо сначала нормализовать их отношения.

Кокусы играют важную роль как в получении конфиденциальной информации, так и работе с эмоциями и преодолении тупиковых ситуаций. В то же время стоит помнить, что затяжные кокусы могут привести к росту недоверия между сторонами и подозрения в сговоре медиатора с оппонентом.

7. Использование вопросов: некоторые исследователи полагают, что фактически все вопросы являются «наводящими», представляют в скрытой форме мнение медиатора и являются вариантом воздействия на стороны, подталкивания их к определённому мнению и решению, тем более, что не вызывают столь сильного сопротивления, как прямо высказанное мнение. Поэтому вопросов должно быть как можно меньше. В противоположность этому другие авторы считают, что именно вопросы дают возможность управления процессом и получения информации, и должны активно использоваться.

В медиации вопросы активно используются, они являются важнейшим средством получения информации и проверки реальности. Важно следить за тем, чтобы общение со сторонами не превращалось в допрос или расследование. Вопросы должны

быть преимущественно открытыми, не быть навоящими. Кроме того, медиатору стоит использовать специальные техники, позволяющие получать информацию, минуя прямые вопросы. Важно, чтобы медиатор в первую очередь слушал, и лишь во вторую – говорил.

8. Приоритет юридических или неюридических аспектов в работе медиатора: на одном полюсе отдаётся предпочтение юридическим нормам оценки и толкования происходящего, на другом – работа, прежде всего, с субъективными параметрами ситуации, признание права человека иметь собственное мнение вразрез с формальными нормами права, поскольку без внимания к этим аспектам решить вопрос невозможно. При этом принимается, что соглашение не может противоречить существующему законодательству.

Классическая медиация традиционно отдаёт предпочтение неюридическим, человеческим аспектам спора, директивная исходит, прежде всего, из юридической оценки позиций сторон. Выше уже обсуждались негативные последствия такого подхода. Медиация, на наш взгляд, должна придерживаться, прежде всего, выявления неюридических аспектов. Именно поэтому её могут проводить и медиаторы без юридического образования.

Несомненно, при проведении судебной медиации необходимо постоянное внимание к соблюдению юридических норм. Помимо соответствия принимаемого решения законодательству, это относится к соблюдению сроков и других процессуальных норм судебного разбирательства, формы мирового соглашения и тому подобному.

9. Возможность сочетания различных видов медиации в одном процессе или одним медиатором в разных случаях.

Выбор стиля работы медиатора во многом определяется общим взглядом на человека в мире, его ответственность и возможности. На одном полюсе клиент рассматривается как разумный, дееспособный человек, который, несмотря на сложность ситуации, эмоциональность её восприятия и риск допустить ошибку, принципиально способен решить свои проблемы рационально и ответственно. Ему необходима лишь некоторая поддержка и помощь в реализации собственного потенциала. Более того, никто другой, кроме самого клиента, не может знать, каким образом должна быть решена его проблема. Вмешательство, навязывающее то или иное видение проблемы и возможностей её преодоления, может помешать самореализации клиента в выборе действительно лучшего для него решения. На другом полюсе – представление о том, что коль скоро человек обратился за помощью, это значит, что он не располагает необходимыми для решения проблемы ресурсами, нуждается в руко-

водстве и помощи специалиста, лучше понимающего, что происходит и каким образом справиться с имеющимися трудностями. В противном случае последствия могут быть катастрофическими.

Одни авторы считают сочетание стилей медиации методологически невозможным. Они полагают, что их различия принципиальны, и преимущества разных видов медиации взаимоисключаются при их совместном применении, а медиатор теряет квалификацию. Другие авторы придерживаются эклектических взглядов и полагают, что выбор в каждом случае определяется особенностями текущей ситуации и характеристиками сторон. Они не видят проблемы в сосуществовании разных видов медиации ни внутри одного процесса, ни «внутри» одного специалиста.

Мы склонны придерживаться второго взгляда и полагаем, что при соблюдении базовых принципов медиации возможно гибкое приспособление и выработка индивидуального стиля, сочетающего различные приёмы, что и обеспечит успешность медиации в суде и её распространение в нашей стране..

В течение 10 лет существования отделения конфликтологии студенты неоднократно высказывали желание принять участие в **реальной работе с «настоящими» клиентами** в дополнение к важной и полезной отработке практических навыков в модельных игровых ситуациях в ходе обучения. Проект создания первой в стране клиники медиации на базе кафедры конфликтологии СПбГУ по аналогии с юридической клиникой, предложенный Е.Н.Ивановой весной 2010 года, пройдя все административные уровни, был поддержан руководством университета.

Во избежание ошибочных ассоциаций со словом «клиника», тем более, в сочетании с незнакомым для потенциальных клиентов термином «медиация», название «клиника» после глубоких раздумий было заменено более нейтральным и надёжным словом - «служба».

В конце 2010 года Учёным Советом было утверждено «Положение о службе конфликтологического консультирования и посредничества в урегулировании конфликтов (медиации)».

Главные цели Службы таковы:

- подготовка студентов, магистров и повышение квалификации специалистов, совершенствование их практических навыков;
- просвещение, популяризация возможностей медиации и других методов прикладной конфликтологии как альтернативных суду, ненасильственных и эффективных способов разрешения конфликтов,

- помощь гражданам, организациям, общественным объединениям в проблемных ситуациях;
- сближение теории анализа и управления конфликтом и практики медиации и конфликтологического консультирования;
- формирование студенческого конфликтологического сообщества, воспитание студентов в духе принципов толерантности, ненасилия, уважения человеческого достоинства, сотрудничества, гражданской и профессиональной этики и ответственности и другие.

Приём в Службе бесплатный. Студенты принимают звонки клиентов с 10 до 20 часов по рабочим дням. Клиенты могут обратиться за содействием в разрешении сложной ситуации индивидуально или совместно с другими участниками спора. По запросу клиента сотрудники могут сами связаться со второй стороной и пригласить её к участию в разрешении проблемы. Клиенты могут сохранять анонимность, обеспечивается конфиденциальность полученной информации.

Приём ведут опытные специалисты-медиаторы, а в качестве наблюдателей-стажёров выступают студенты и магистранты. Они участвуют в работе Службы только добровольно, по собственному желанию.

На первых порах в главной роли выступают опытные преподаватели, а студенты постепенно обретают более активную роль вплоть до самостоятельной работы со случаям

Практика показала реалистичность и востребованность проекта. В работе службы добровольно принимают участие более 50 студентов и магистрантов, а также 10 «сочувствующих» специалистов (из них 8 - юристы), желающих повысить свою квалификацию. За время работы в Службе было отработано более 100 случаев, в среднем 2 случая в день. Большую часть составляли консультации, которые нередко переходили в медиации. Характер споров был различен: большую часть составляли конфликты в отношениях между супругами, на втором месте – проблемы «родители – взрослые дети», далее – сложные отношения с сотрудниками, подчинёнными и коллегами по работе, конфликты с друзьями, родственниками, проблемы с деловыми партнёрами и другие.

Подавляющее большинство клиентов выразили удовлетворение как непосредственно после окончания приёма, так и позднее по телефону или электронной почте. Многие отметили не только эффективное решение проблемы, с которой они обратились, но и более широкое позитивное влияние на понимание причин сложностей в личных и деловых взаимоотношениях и путей их преодоления. Отслеживание результатов медиаций показало соблюдение принятых соглашений.

Опыт практической работы Службы медиации выявил много неожиданностей в её организационных аспектах как в негативном, так и в позитивном ключе. Многие из проблем успешно решены к настоящему времени, прежде всего, за счёт инициативы, энтузиазма, технических и компьютерных навыков студентов. Главное, что услуга оказалось востребованной клиентами. Многих из них не только не смущала необходимость говорить о своих проблемах в присутствии стажёров, но, напротив, клиенты ощущали собственную значимость в передаче жизненного опыта подрастающему поколению и воспитании специалистов.

Таким образом, конфликтологическая практика не только выявила ряд проблем, нуждающихся в разрешении, но и показала многие пути их разрешения и подтвердила эффективность подобной формы работы.

Кашапов М.М.

Метакогнитивное понимание структурно-функциональных характеристик конфликтной компетентности

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ 10-06-00204а

Реализация данного подхода позволила выделить и обобщить основные функции метапознания в контексте конфликтной компетентности: 1. Метапознание способствует адекватному распознаванию конфликтной проблемности и определению возможных вариантов разрешения конфликтной ситуации. 2. Метапознание обеспечивает организацию функционирования познавательных психических процессов и ресурсы для их функционирования. 3. Метапознание осуществляет отслеживание процесса решения конфликтной ситуации и управление этим процессом в экстремальных условиях.

В реализуемом нами метакогнитивном подходе (М.М.Кашапов, Ю.В.Пошехонова, М.В.Башкин, С.А.Томчук, О.А.Шляпкинова, О.А.Помазилкина, В.В.Пехтерев, Н.И.Добина, М.В.Харченко др.) конфликтная компетентность понимается как интегративное качество личности, характеризующееся наличием в своей структуре когнитивного, мотивационного, регулятивного компонентов. Данные компоненты неаддитивно образуют целостную структуру конфликтной компетентности, которая обладает превентивной, прогностической, конструктивной, рефлексивной и коррекционной функциями, обеспечивающими реализацию профилактических мер в межличностном взаимодействии, а также адекватное распознавание и конструктивное разрешение личностью конфликтов. Конфликтная компетентность как компетентность в области межличностных отношений является видом коммуникативной компетентности, обладает ее существенными качественными признаками: сложностью струк-

турной организации, имеющей интегральный характер; связанностью со структурой процесса коммуникации и его эффективностью; динамичностью структурных компонентов; возможностью их совершенствования.

Базовым качеством в структуре конфликтной компетентности личности является субъективный локус контроля как показатель регулятивного компонента данной компетентности. Выбор личностью оптимального типа реагирования в конфликте определяется степенью развития у нее креативности. Основными психологическими механизмами, обеспечивающими взаимосвязь особенностей личности и оптимального типа реагирования в конфликте, являются механизмы функциональной динамичности, реципрокности, психологического соответствия.

Конфликтная компетентность связывается как с результатом деятельности, так и с конкретной деятельностью – решением конфликтных проблем. Компетентность при этом определяется как результативность сформулированных и решенных субъектом проблемных задач в определенной сфере деятельности (в поле его компетентности). Основным показателем результативности решения конфликтной ситуации служит качество решенных субъектом противоречий.

На основании обобщения полученных эмпирических данных сделаны следующие выводы:

1. Определены наиболее важные психологические особенности конфликтной компетентности личности профессионала. Вычленены компоненты, факторы и условия конфликтной компетентности профессионала. Выявлены наиболее типичные сильные и слабые стороны (не актуализированные возможности) конфликтной компетентности личности и разработаны рекомендации по ее совершенствованию и обучению.
2. Созданы и проверены измерительные процедуры, соответствующие разработанной нами схеме метакогнитивного анализа процесса решения проблемно-конфликтной ситуации. Исследованы когнитивные затруднения в профессиональной деятельности как параметры проблемной ситуации, возникающей в межличностном взаимодействии. Определены стратегии решения проблемно-конфликтной ситуации, выражающиеся в совокупности умственных действий. Сконструированы критерии оценивания эффективности разрешения противоречий, составляющих ядро конфликтной ситуации; установлены и обобщены психологические механизмы и закономерности решения проблемно-конфликтной ситуации.
3. Установлено, что конструирование развивающих конфликтов является одним из основных средств организации профессиональной среды. Она формируется под влиянием следующих

факторов: а) наличие рефлексивной среды; б) открытость позиций; в) направленность на рефлекссию, креативность (показ образца, формирование обобщающих приемов); г) объективация в коллективе личностных смыслов; д) созидательно направленная поисковая активность участников конфликтного взаимодействия.

4. В качестве единицы анализа конфликтной компетентности профессионала обоснована конфликтная проблемность. Поскольку именно проблемность несет в себе наиболее существенные свойства, функции и специфику процесса разрешения конфликтов. Одновременно обосновано, что своевременное и адекватное распознавание конфликтной проблемности в процессе межличностного взаимодействия является генетически исходной основой актуализации и реализации конфликтной компетентности личности профессионала. Умение устанавливать надситуативную проблемность в разрешаемой конфликтной ситуации обеспечивается: а) правильным использованием усвоенной информацией; б) использованием не только приобретенными знаниями, а самим собой, имеющим эти знания и умения.

5. Важной характеристикой конфликтной компетентности является конфликтность как интегративное качество личности, представляющее собой симптомокомплекс компонентов и проявляющееся в потребности поиска конфликтных ситуаций, которое характеризует личность, с одной стороны, как неспособную принять точку зрения оппонента и найти конструктивное решение для предотвращения перерастания конфликтной ситуации в инцидент (деструктивная функция конфликтности), а с другой стороны – проявление конфликтности способствует актуализации социальной смелости, коммуникативных и организаторских склонностей субъектов совместной деятельности (конструктивная функция конфликтности).

Михайлова В.М.

Теория конфликта Владимира Лефевра

Мысли о существенности конфликта в жизни имели место в работах тех или иных политических деятелей, философов. И в период античности, и в Средние века, и в Новое время размышляла над природой конфликта, его ролью в жизни человека. Так, от общих рассуждений Аристотеля и Платона, через религиозные трактовки, через мысли творцов эпохи Возрождения приходит становление и формирование науки о конфликте – конфликтологии. В последнее время появляются теории анализа конфликта и конфликтоуправления, начиная от перекочевавших из других наук (социология, психология, политика и т.д.) и заканчивая структуралистской и постструктуралистской теория-

ми таких конфликтологов, как Т. Парсонс, Р. Мёртон, Дж. Бартон и других. На данный момент имеются и совсем новые теории: теория игр (Т. Шеллинг, Дж. Нэш), ЕТК – единая теория конфликта (В.А. Светлов), теория рефлексии (В.А. Лефевр). Именно теории В.А. Лефевра и посвящена данная работа.

Сквозь призму теории Лефевра рассматривается не только конфликтология, но и психология, политика, философия. Теория интересна своей многомерностью, нестандартным подходом.

Так, если изучается поведение субъекта с точки зрения его мотивов, то можно в некоторой степени сказать, что речь идёт о психологии. И Лефевр имеет свои взгляды на психологию.

В. А. Лефевр считает, что психология, направленная на изучение внутреннего мира человека, прекратила своё существование ещё в начале XX века. В психологии этого периода не было теоретических моделей, которые содержали бы абстрактные аналоги субъективных процессов. Лефевр утверждает, что “глубокое научное проникновение в сущность человеческой психики может быть достигнуто лишь на пути редукции психологических феноменов к физическим”(1). Лефевр говорит, что ранее психология воспринималась как скорее вспомогательная наука, а при новом подходе перед психологией открываются перспективы стать фундаментальной наукой (1).

Главный принцип метода, предложенного Лефевром, заключается в том, что, согласно ему, строится не модель функционирования мозга, а модель работы психики человека, возникает стремление установить связь между психическими процессами и актами поведения человека при полном отвлечении от физиологического аспекта.

Владимир Лефевр строит математическую модель работы психики человека и вводит ряд переменных, которые соответствуют чувственному восприятию мира; обобщённому образу мира; модели субъекта, на который направлена активность субъекта; субъекту; образу себя данного субъекта.

При помощи определенных уравнений, которые отражают зависимости одних переменных от других, Лефевр указывает на три аксиомы:

1. Аксиома Свободы Воли. Если мир плох и воспринимается субъектом как плохой, то любая субъективная интенция превращается в объективную готовность.

2. Аксиома Незлонамеренности. Если мир подталкивает субъекта к совершению хорошего поступка, то тот всегда соглашается (и никогда не совершает плохого).

3. Аксиома Доверчивости. Если мир представляется субъекту идеальным (с точки зрения субъекта, мир никогда не подталкивает его к совершению плохих поступков), то субъект го-

тов претворить в действие любое требование мира совершить плохой поступок.²

Используя приведённые выше переменные и аксиомы, считает В. А. Лефевр, можно с большой вероятностью предопределить поведение субъекта в определённой ситуации. Значит, что этот метод может быть использован при изучении конфликта, в частности – в предсказании поступков субъекта.

При помощи метода, предложенного Лефевром, можно строить модели поведения не только единичного субъекта, но и модели взаимодействия нескольких субъектов.

Лефевр различает два подхода, две категории предметов, подлежащих изучению при исследовании процессов принятия решения в конфликтах. Первый – правила выбора оптимальной стратегии поведения в заданных условиях в зависимости от качества и количества информации о противнике, где определением правил занимается исследование операций, широко использующее теоретико-игровые модели конфликтных ситуаций. Второй связан со спецификой осознания человеком конфликтной ситуации. Модель конфликта, охватывающая этот процесс осознания, и в книге «Алгебра конфликта» («Конфликтующие структуры»). Эта модель даёт возможность фиксировать процессы имитации рассуждений одного противника другим, а также анализировать явления взаимного управления между конфликтующими сторонами. Участников конфликта можно определить как игроков, вступивших в своеобразную рефлексивную игру. Термин «рефлексивный» подчеркивает, что игроки отражают в мышлении рассуждения друг друга.

Вводит понятие «рефлексивная система», которая, по словам Лефевра, хорошо приспособлена к отражению феноменов, в которых задействованы как социально-психологические, так и физические процессы конфликтного взаимодействия.

Следуя своему методу, Лефевр приходит к новому понятию – «рефлексивное управление». Рефлексивное управление – это информационное воздействие на объекты. Термин «рефлексивное управление» может пониматься в двух смыслах. Во-первых, “как искусство манипуляции людьми и объединениями людей” (2). Во-вторых, “как специфический метод социального контроля” (2).

Следует отметить, что методология рефлексивного анализа позволяет объективно исследовать поведение не только индивидуумов, но также и массовые решения, основанные на одинаковых (или сходных) процедурах принятия решения многими лицами. “Рефлексивное управление массовыми решениями является задачей некоторых государственных и общественных институтов, специально занятых этой проблемой. Осознание

механизмов принятия массовых решений ведет, как правило, к успехам в работе органов пропаганды и средств воспитания масс. Раздувание массовых психозов в тоталитарных государствах Запада и Востока, превращение в идолов всякого рода рекордсменов, поклонение одушевленным и неодушевленным кумирам, творимым беспощадной машиной рекламы, — все это продукты рефлексивного управления массами людей” (3), — пишет Лефевр.

Следуя данному методу, Лефевр выделил ещё один важный аспект — наличие этических систем. Характеристики этических систем и богатые выводы, которые можно сделать из их существования, были описаны в книге В. А. Лефевра — «Algebra of conscience», которая на русском получила название «Алгебра совести».

Лефевр видит существование двух этических систем. В первой этической системе соединение добра и зла оценивается как зло, т.е. ложка дегтя портит бочку меда. Во второй этической системе соединение добра и зла оценивается как добро, т.е. ложка меда облагораживает бочку дегтя. То есть в первой этической системе человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает отношение союза с другим человеком. Во второй этической системе человек поднимается в собственных глазах, когда выбирает конфронтацию.

В одной из своих статей, которая повествует о наличии двух этических систем, Лефевр иллюстрирует свою модель на примере, непосредственно связанном с конфликтологической наукой.

“Рассмотрим в этой связи то, что можно было бы назвать "парадоксом талибов". Как известно, молодежная организация талибов возникла в лагерях афганских беженцев в Пакистане. Эти лагеря были созданы, в значительной степени, благодаря американской помощи. Считалось само собой разумеющимся, что талибы станут верными союзниками Соединенных Штатов. Это убеждение играло ключевую роль при подготовке стратегических решений, затрагивающих Центральную Азию. Антиамериканский поворот талибов стал полной неожиданностью для большинства политиков. Глубинная причина этого поворота состоит отнюдь не в специфике Ислама, а в том, что организация талибов, если рассматривать ее в качестве макро-субъекта, принадлежит ко второй этической системе. Любой компромисс такого макро-субъекта с другим макро-субъектом унижает его в собственных глазах, независимо от материальных благ, которые сулит этот компромисс” (4).

Принадлежность к той или иной системе предопределяет поведение субъекта в конфликте, его принятие или непринятие

компромисса. Именно наличием двух этических систем Лефевр объясняет невозможность России и США прийти к плодотворному взаимодействию, так как они являются представителями разных этических систем.

Безусловно, теория конфликта В.А. Лефевра вносит существенный вклад в развитие конфликтологии. Благодаря формализации (математизации) метода, предложенного Лефевром, теорию можно применять для изучения самых разнообразных ситуаций, возникающих при взаимодействии субъектов, в особенности – конфликтных ситуаций.

Литература:

1. Лефевр В. А. Формула человека. М. «Прогресс», 1991 г.
2. Сайт. Владимир Лефевр. Где искать истоки демографического кризиса? // Независимая газета. 22.11.2000г. Доступно из: http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_2000_1.htm (23.06.2011)
3. Лефевр В. А. Алгебра конфликта. М. «Знание», 1968г., стр. 52
4. *Лефевр В.А.* Стратегические решения и мораль // Рефлексивные процессы и управление. Том 2, №1, 2002г. стр. 26.

Лобатюк В.В.

Глобализация: особенности конфликтогенности цивилизационного развития в контексте национальной культурной политики

Мировое сообщество переживает сложный этап глобализации социальных процессов. Он охватил экономическую, политическую, культурную сферы общества. Современная глобализация имеет исторические корни, она выступает как тенденция в интеграции общественных процессов, как продукт осознания взаимозависимости, целостности и единства. Таким образом, она является объективным процессом, который даст принципиально иной набор цивилизационных ценностей и приоритетов. Глобализация возникает на основе благих стремлений к интегрированию усилий человечества и поначалу имеет форму интернационализации, которая отражает благотворные стороны процесса обмена материальными и интеллектуальными ценностями.

Но с другой стороны, универсалистские тенденции в современном развитии человечества, которые являются основой глобальных изменений, подрывают многообразие национальных культур, нивелируют национальные традиции, негативно влияют на механизмы культурного наследования. Это выражается в конвергенции национальных политик, унификации образа действия, моделей поведения, систем ценностей, прав человека, в стандартизации поведения, запросов и потребления. Универсализация в культуре, имеет то негативное следствие, что приво-

дит к давлению масс-культуры, способствующей вытеснению активного участия в культурном созидании и превращении современного человека в потребителя низкопробной и незатейливой в духовном измерении продукции.

Как показывает практика, индивид, не идентифицирующий себя ни с цивилизацией, в рамках которой разворачивается его деятельность, ни с культурой той нации, к которой он принадлежит по факту своего рождения, оказывается вне системы сложившихся связей и отношений, сформировавшихся в данном социуме в процессе его исторического развития. Появление значительного числа личностей, утративших представление о своей национально-культурной принадлежности, приводит к дестабилизации общественной системы, резко повышает уровень социальной напряженности, ставит под вопрос способность той или иной страны сохранять свой суверенитет и территориальную целостность, противостоять давлению как извне, так и изнутри.

Нечаева Е.А.

Комплимент в ракурсе психологических и конфликтологических исследований

В последние годы чрезвычайно актуальным стал вопрос о пути к открытому демократическому обществу. В связи с этим возрос интерес к процессу межличностной коммуникации, к способам достижения эффективности общения. Предметом нашего исследования стал один из неотъемлемых компонентов современной коммуникации, средство гармонизации межличностного взаимодействия – комплимент. Мы рассмотрим его с точки зрения психологии и конфликтологии.

Комплиментом интересуются различные области научного знания: психология, конфликтология, социология, лингвистика и т.д. Отдает ему должное внимание и риторика – наука о средствах и способах убеждения. В современных исследованиях по риторике комплимент включается в систему жанров эпидейктической речи.

Есть люди, умеющие отлично располагать к себе других, завоевывать симпатию. Они используют приемы, владеть которыми необходимо всем, кто работает в системе «человек-человек»: руководителям, педагогам, врачам, работникам торговли и сферы обслуживания и т.д. Они общедоступны и не требуют никаких особых усилий.

Статистика показывает, что более 90% людей улучшают свою деятельность, если им говорить комплименты. В основе механизма комплимента лежит эффект внушения и, как следствие его, потребность выглядеть лучше. Не нужно забывать об

образовании и накоплении позитивных эмоций у партнера, с помощью комплимента также можно возвысить свой имидж и упрочить свою репутацию приятного человека. И помните, чем больше вы говорите комплиментов своему собеседнику, тем больше шансов на эффективное сотрудничество.

Выражая комплименты, необходимо учитывать ряд правил.

1. Комплимент должен отражать только положительное качество данного человека. Нужно избегать двойного смысла. Постарайтесь исключить из речи такие комплименты как: «Слушая ваши беседы с людьми, удивляюсь способности тонко и остроумно уходить от ответа».
2. Комплимент должен быть без гипербол: комплимент должен иметь небольшое преувеличение. Например, исключить: «Я всегда поражаясь вашей пунктуальности и аккуратности» (а за человеком этих качеств не водится).
3. Комплимент должен быть «без дидактики»: комплимент должен утверждать наличие данной характеристики, а не содержать рекомендацию по ее улучшению. Имеется в виду, что в речи не должно быть комплиментов как: «Тебе следует быть активнее», «Твердость убеждений украшает мужчину».
4. Комплимент должен быть «без приправ»: к комплименту недопустимы язвительные добавки типа: «Руки у тебя действительно золотые, а вот язык — твой враг»...
5. При произнесении комплимента надо соблюдать правило «высокого мнения»: уважай самооценку партнера, если комплимент по значимости ниже уровня самооценки собеседника, то он является для него банальностью и может повлечь коммуникативные неудачи. Например, не стоит произносить фразу «У тебя очень красивые волосы» человеку, которому давно известно об этом, и которому говорят очень часто про его красивые волосы.
6. «Без претензий»: коммуникатор не стремиться совершенствовать личные качества, упоминаемые в комплименте, более того он позитивно оценивает выраженность и концентрацию данного качества. Это уже не комплимент, когда тебе произносят такие слова: «Вы, действительно, очень пунктуальный человек, но было бы еще лучше, если б Вы приходили б на работу заранее».
7. Стиль комплимента зависит от того, кому его произносят, от его характера, ситуации и т.д.

Дейл Карнеги в своем трактате о том «Как завоевывать расположение друзей и оказывать воздействие на людей» советует пользоваться комплиментами как можно чаще, но при этом непременно оставаться искренним, избегая попыток манипулирования людьми: «...Постоянно проявляйте интерес к людям, при-

чем всегда делайте это искренне и с доброжелательностью» и «Начинайте с похвалы и искреннего признания достоинств собеседника».

Именно искреннее отношение к своему собеседнику, по мнению автора, ведет к тому, что комплимент остается позитивным социальным предикатом (позитивной ценностью) и не превращается в лесть, проистекающую из угодничества. Последнее является, пожалуй, одними из самых распространенных социальных (коммуникативных) антиценностей. Лесть является порождением морального «двурушничества» и комплимент, произносимый из лести, с целью заискивания, всегда внутренне ложен и опасен для того, кто его принимает. Особенно опасен такой квазикомплимент, когда он становится обычным явлением в той или иной культуре. Кто не помнит знаменитое «О солнце солнц...» (или, на худой конец, «О мудрейший из мудрых...») и т.п., обычное при обращении к восточному падишаху и, в силу привычки, воспринимаемое как проявление обычного придворного этикета и проявление верноподданнической вежливости. И кто не знает, как мало хорошего принесло эта практика укоренившейся в культуре лести тем обществам, где подобное практиковалось веками.

Поэтому этика учит, что именно в устах человека морально, далекого от подлостей, комплимент остается самым собой и не становится орудием разлагающего влияния лжи. «Да будет слово ваше «да, да»; «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого». К стати сам Христос никогда не говорил никому комплиментов.

Существуют также определенные стратегии комплимента:

1. «Стратегия искренности». Надо заметить, что все, кто так или иначе в своих книгах обращался к понятию комплимент, считали, что главной стратегией комплимента является именно искренность. Удержитесь от ложки дегтя и от неискренности. Помните, что комплимент ценен только тогда, когда он сделан искренне. Неискренний комплимент – это уже изощренная издевка. При использовании комплиментов в своей речи, избегайте таких общих слов как великолепно, отлично, потрясающе, сногшибательно, гениально, т.к. именно они делают комплименты менее искренними, более похожими на лесть. Исключите: «Вы великолепно танцуете». Стремитесь использовать более выразительные и динамичные слова.

2. «Стратегия конкретности»: постарайтесь не сосредотачиваться только на очевидном, обратите большее внимание на не слишком заметные качества. «Ваши длинные трепетные пальцы говорят о тонкой душевной организации».

3. «Стратегия душевности»: не слишком фокусируйте внимание на внешних характеристиках человека, сосредоточьте внимание на душевных качествах субъекта. «Вы поразительно интересный человек».

4. «Объяснительная стратегия»: если вы, говоря комплимент, упоминаете о каком-то факте, то попробуйте аргументировать, почему вы упомянули именно о нем. «Мне хотелось бы почаще общаться с Вами. Вы такой приятный собеседник!».

5. Удачной стратегией считается сравнение своего собеседника с известной личностью. «Вы воистину обладаете терпением и верностью Пенелопы!». Но при использовании данной стратегии надо быть очень аккуратным, т.к. партнер должен знать, сколь важно для нас то, с чем мы сравниваем. Бывают фразы, сказанные как комплимент: «Ты такой же интересный, как и мои рыбки!».

6. «Стратегия антитезы» здесь реализуется способность адресанта к нестандартному мышлению и его адекватной вербализации. Compliments этого типа строятся на антитезе. «Знаете, мне Вас искренне жаль... Наверное, нелегко быть такой красивой женщиной?!» Этот вид комплиментов психологи считают самым эмоциональным и запоминающимся.

Однако «минус» ни в коем случае не должен перевесить «плюс», иначе результат может оказаться обратным тому, на который рассчитывал адресант.

Подобные комплименты довольно редко содержат мотивацию, поскольку это может придать ему напыщенность и лишить искренности, и состоят из обращения и собственно сообщения. «Знаете, Наташенька, я не могу назвать Вас симпатичной только потому, что Вы на самом деле красивы».

7. «Стратегия комплимента-ответа». Compliments-ответы довольно однотипны. Они редко содержат обращение и мотивацию и состоят в основном, из сообщения о положительном качестве собеседника. В большинстве случаев это сообщение является косвенным комплиментом.

«Вы замечательно танцуете! - Ну что Вы! С вами это совсем не трудно!».

Следует сказать о том, что эти комплименты рассматриваются адресатом, в основном, только как этикетная норма и все-равно воспринимаются крайне редко.

Но не перехвалите человека; не перегибайте палку, придерживаясь правил и стратегий комплимента, не надо постоянно рассыпаться в комплиментах. Следствием неразборчивости в применении комплимента, т.е. применения его без достаточных на то моральных оснований (например, просто из соображений светской воспитанности) является девальвация его ценности как

социального феномена и этического инструмента, о которой говорилось выше. Человек, раздаривающий комплименты без особой необходимости, со временем теряет возможность ими эффективно пользоваться. Так как в его устах общество начинает воспринимать комплимент как некую, ничего не выражающую по существу, рутину. Такая судьба, в частности постигает и пушкинского Евгения, который всегда «... был комплимент вернуть готов промеж застолий и балов».

Исходя из всего выше сказанного, мы можем определить критерии «успешного» комплимента с риторической, и социокультурной точек зрения. Они, как представляется автору, следующие:

- своевременность (в том числе и с моральной точки зрения);
 - целесообразность (как, в вышеприведенных примерах);
 - соответствие культурным традициям и привычкам адресата;
 - соответствие «чувству справедливости» как автора, так и объекта комплиментации. Это уже из области «тонких настроек».
- значимые практические следствия.

От правил и стратегий перейдем к следствию комплимента:

1. Главным следствием комплимента является создание доброжелательности отношений делового контакта.
2. Делая комплимент другому, мы повышаем собственную удовлетворенность процессом коммуникации.
3. Говоря в адрес партнера приятные слова, мы вызываем у него положительную реакцию.

И, наконец, помните «золотое правило»: чем больше вы делаете комплиментов собеседнику, тем больше приятных слов возвращается к вам.

Словом, как поется в известной песне Булата Окуджавы «Давайте говорить друг другу комплименты».

Существует также ряд проблем комплементов.

1. Не нужно забывать о том, что комплимент вносит противоречия в коммуникативный кодекс (а как же максимум скромности).
2. Этот прием размывает границы между добром и злом (объективной оценкой хорошего в человеке).
3. Данный прием расширяет поле социального лицедейства.
4. Подрывает доверие к слову (запускает механизм вербальной инфляции).
5. Следует помнить о том, что неумелое использование комплементов повышает риск коммуникативной неудачи.
6. Комплимент к партнеру – это антикомплимент себе.

Любопытно то, что психологи многих стран считают, что самый эффективный комплимент – это комплимент на фоне антикомплимента самому себе. Поскольку такой контрастный метод побуждает собеседника к ответной любезности. А обмен любез-

ностями – хорошее начало любого разговора. Очень важно быть щедрым на добрые слова, остроумные высказывания, чтобы порадовать собеседника. Создать хорошее настроение, ведь порой от комплимента, сказанного во время, зависит судьба человека и даже счастье.

За некоторыми лишь исключениями комплименты между мужчинами не только не приятны, но даже считаются неприличными и делают смешными как тех, кто их говорит, так и тех, к кому их относят. По крайней мере, в тех случаях, когда они не сопровождаются легкой иронией, то есть когда не облакаются в форму невинной шутки. В компании мужчина может, и, пожалуй, даже обязан говорить женщинам комплименты. Комплименты между двумя женщинами тоже возможны. Нельзя забывать о корректности и ненавязчивости. Поток неловких любезностей лучше остановить как можно раньше и тише. «Простите, я не расположена к шуткам», «Вы повторяетесь» – примерно так лучше всего ответить в подобных случаях. Говорить нужно спокойно, негромко, но достаточно категорично, не вдаваясь в дискуссию.

Любому человеку всегда очень приятно слышать такие комплименты: «Вы (ты) прекрасно выглядите!», «А ты (вы) все хорошеешь!», «Тебе идет это платье!», «Тебе не дашь ... лет!», «Время тебя не берет!», «Неужели это твоя мама? Вы с ней как сестры!»

Вместе с тем искусство комплимента составляет неотъемлемую часть эффективных коммуникаций в таких сферах человеческой деятельности как, например дипломатия или управление. В них, для «пользы дела», допускается даже комплимент в форме лести при условии, если предмет комплимента не оторван от действительности. Потому, что в противном случае комплимент может восприниматься как своя противоположность. То есть, как насмешка.

В истории дипломатии известно множество фактов, когда вовремя сказанный комплимент помогал снять возникшую напряженность или даже предопределял ход трудных переговоров. В качестве таковых можно назвать знаменитый комплимент, сказанный французским послом, маркизом де Белизом, английской королеве Анне, в 1713 г. на придворном балу. Дипломат, обратив внимание на, несравненной красоты, драгоценности королевы, отметил вместе с тем, что сами по себе, без дамы, которая их носит, эти драгоценности не выглядели бы столь красивыми. Считается, что этот комплимент способствовал удачному для, измученной Войной за Испанское наследство, Франции заключению мирного договора с Англией.

Другой пример, когда русский посол на переговорах с Турцией по заключению мира в 1829г. (Адрианопольский мирный договор), граф Воронцов, с целью убедить турок расстаться с Черноморским побережьем Кавказа предоставил султану карту, где размеры уступаемой территории были сильно преуменьшены. Эту карту граф сопроводил «комплиментом», суть которого сводилось к тому, что как может такой «солнцеподобный» владыка, как султан, владеющий столь многими землями, всерьез опечаливаться уступкой столь ничтожного клочка земли, да еще населенной беспокойными разбойничьими племенами горцев. Напротив, он в своем «величии» вправе считать своего противника униженным из-за того, что этот последний с таким упорством требует столь малого. «Комплимент» сработал.

Другой сферой рационального применения комплимента является управление. Современные системы управления через образование (персонала) – MBA и MBO предполагают выставление перед персоналом перспективных целей его развития и горизонтов практического достижения посредством задействования (и формирования) внутреннего ресурса сотрудников. Одним из методов такой мобилизации считаются похвала и комплимент. Второй отличается от первой тем, что не привязан напрямую к конкретным достигаемым сотрудником результатом. И тем, что чаще применяется по отношению к женщинам. Так фраза: «Иван, ты сегодня хорошо поработал» - является в этой ситуации похвалой, а «Лена, вам очень идет новая прическа» - комплиментом. Считается, что с подобной фразы начальнику Лены очень хорошо начинать с ней разговор о том, что у нее не все хорошо в ее работе.

Павловец Г.Г.

Психологические маркеры постконфликтной ситуации на Северном Кавказе (по материалам исследования)

Северный Кавказ всегда был и остается средоточием геополитических интересов российского государства на его южных рубежах. Необходимость поддержания стабильности в регионе требует к нему особого внимания со стороны федеральных властных структур, руководствующихся разработками по реализации государственной национальной политики, основные акценты в которой расставлены над наиболее проблемными, беспокойными республиками. Помимо явных, зримых причин, лежащих в основе многих известных противоречий на Северном Кавказе, обусловленных в значительной мере процессами суверенизации и самоорганизации, были и другие, не столь очевидные, связанные с полиэтничной спецификой каждого из северокавказских субъектов РФ. Изучение межнациональных отноше-

ний представляет несомненную актуальность в связи с отсутствием комплексных исследований в северокавказском регионе, затрагивающих проблемы этнической идентичности на интегративном межнациональном уровне.

Как писал А.С. Кармин, «конечно, существует тенденция обвинить во всех бедах «русских империалистов»: они-де довели до такого состояния. Но в большинстве национальных элит России и «ближнего» зарубежья все сильнее укрепляется трезвый подход, тормозящий конфронтацию с русскими. И главная причина здесь в том, что в основные, самые острые межнациональные конфликты русские не вовлечены. Война на территории Чечни не воспринималась русскими как отечественная, и никаких территориальных споров в ней не решалось. А вот конфликты Грузии с Абхазией, Северной Осетии и Ингушетии затрагивают территориальные интересы. И Россия выступает в этих конфликтах как сила, помогающая снизить их издержки» [1, 278-279].

Межнациональные конфликты в конфликтологии получили статус самых сложных конфликтов. Многочисленные исторические примеры подтверждают это.

По мнению А.С. Кармина, «нация, этнос существуют только тогда, когда они осознают себя как этническое единство. А осознавать его можно только в сравнении «своих» и «соседей». Самосознание нации оказывается структурным образованием, возникшим из системы со- и противопоставлений с соседями. Если ухудшаются отношения с тем или иным соседним народом, то происходит «уплотнение» границы этнического самосознания: общие с соседями черты становятся малосущественными, а вот межэтнические различия приобретают повышенно важное значение, причем каждой стороной оцениваются в свою пользу. Происходит кристаллизация «образа врага» и «образа своих». Эти образы при разрастании конфликта становятся грубее, примитивнее, но зато позволяют в каждом конкретном случае быстро перейти к действиям по защите «своего правого дела» [1, 279].

Специфика таких образов хорошо отражается в этнических стереотипах. В отечественной психологии этнический стереотип трактуется как «относительно устойчивые представления о моральных, умственных, физических качествах, присущих различным этническим общностям», как «социально обусловленный схематический стандартный образ этнофора о своей этнической общности (автостереотип) или о других этнических общностях (гетеростереотип)» [2].

Явление стереотипизации в нашей жизни выполняет объективно необходимую функцию, позволяя быстро и просто кате-

горизовать социальное окружение. Содержание этнического стереотипа зависит от социального фактора: культуры, уровня образования, степени социальной активности, политической обстановки. Симпатии-антипатии, выраженные в стереотипах, влияют на поведенческие установки и определяют поведенческие стратегии, реализуемые в ситуации межэтнического общения. Этностереотипы формируются на основе избирательности при сравнении «нас» с «не нами» и, хотя это сравнение не всегда осознается, являются социальным конструктом. Важно учитывать то, что этностереотипы наравне с другими факторами обуславливают характер межэтнической коммуникации, способствуя формированию образов «хороших» и «плохих» народов (союзников – партнеров, соперников – врагов) и, таким образом, косвенно обеспечивают позитивный или негативный характер этнической комплиментарности.

В ходе исследования, которое было проведено в республиках Северного Кавказа (выборка составила 1000 человек) были проанализированы так называемое «ядро» стереотипа и эмоционально-оценочный компонент этнического стереотипа. Представляют интерес данные сравнительного анализа авто и гетеростереотипов населения северокавказских республик, находящихся в ситуации добрососедских и постконфликтных отношений. В частности, это касается жителей республик Северная Осетия и Ингушетия, переживших осетино-ингушский конфликт в октябре 1992 года и жителей Кабардино-Балкарской республики и республики Адыгея, находящихся в благоприятных, добрососедских отношениях.

Автостереотипы, как следовало, и ожидать, во всех национальных группах имели положительную окраску, но различались величиной общей эмоциональной ориентации. Качественный анализ полученных результатов выявил «ядро» стереотипа, присутствующее в автостереотипах каждого из исследуемых титульных этносов и состоящее из более или менее устойчивого набора признаков как позитивной, так и негативной окраски. «Ядро» стереотипов титульных этносов, проживающих в исследуемых северокавказских республиках, представлен такими личностными характеристиками, как «гордый, темпераментный, находчивый, общительный, активный». Все это может свидетельствовать о существовании единой северокавказской общности, основанной на схожести национально-культурных традиций, исторических судеб, единстве мифологического пространства.

Анализ гетеростереотипов, проводившийся по парам, составленным из разных этнических групп, выявил эмоционально разнонаправленную окраску (положительную или отрицатель-

ную), коррелирующую с благоприятной или неблагоприятной ситуацией межэтнических отношений между республиками.

Результаты исследования показали, что гетеростереотипы имеют положительную эмоциональную окраску во всех сравниваемых парах национальных групп за исключением пары «осетины – ингуши», где диагностируется отрицательная эмоциональная окраска. Несомненно, это является прямым следствием состояния постконфликтной ситуации осетино-ингушского конфликта, длящегося уже около 20 лет. Неурегулированность осетино-ингушских отношений напрямую отражается в эмоционально-оценочном компоненте этнического стереотипа.

Таким образом, наше исследование подтвердило положение о том, что изучение этнических стереотипов в постконфликтной ситуации дает результат, позволяющий отслеживать степень напряженности межнациональных отношений в северокавказском регионе и пути их урегулирования.

Реальные межэтнические отношения оказывают непосредственное влияние на стереотипы. Именно от характера сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения – зависят основные «измерения» стереотипов – содержание, направленность (общее измерение благоприятности), степень благоприятности, и, в конечном счете, степень их истинности. Вне всякого сомнения, одним из факторов, препятствующих урегулированию осетино-ингушского конфликта, являются именно негативные этнические стереотипы и предрассудки, распространяемые в средствах массовой информации, так как воздействие этих средств в современном обществе может оказаться решающим для массового этнического сознания. Позитивный образ другой нации разрушается довольно быстро, негативный же – разрушить очень сложно, как это доказано многими исследователями. Поэтому воздействие негативных этнических стереотипов, распространяемых средствами массовой информации, может оказаться намного более длительным, чем это обусловлено целями и задачами информационного воздействия.

«Вступить в ссору значительно легче, чем выйти из нее. Поэтому изживание «образа врага», происходит медленнее, но при этом изменяется и образ «своих». Этническое самосознание обретает более проницаемую границу. Контакты между соседними народами могут расширяться, изменяя тем самым национальное самосознание каждого из них» - так писал А.С. Кармин [1, 280].

Одним из принципов диалога культур, который может способствовать преодолению негативных этнических стереотипов, является информация о неоднородности групп, участвующих в диалоге. Известно, что когнитивным источником предрассудков является наше естественное стремление сводить сложные взаи-

мосвязи к простым. Чем большее число различий мы будем видеть в “не нашей” группе, тем легче будут преодолеваются негативные стереотипы.

Литература:

1. Конфликтология/Под ред. А.С. Кармина . СПб: Изд-во «Лань», 1999.
2. Словарь практического психолога/Сост. С.Ю. Головин. Минск, 1997.

Ромащук А.Н.

Эскалационный конфликт как средство «преодоления»

отчуждения: неявные основания сопоставления подходов

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-06-00437а

Под «конфликтом» далее будет пониматься взаимодействие двух и более людей, возникающее в связи с воспринимаемой противоположностью устремлений этих людей. При этом в соответствии с неявной традицией будут рассматриваться только эскалационные формы конфликта (ЭК), т.е. развитие социального конфликта в рамках стратегии соперничества (Рубин, Пруйт, Ким, 1991).

На первом этапе исследования ЭК доминирующим были диспозиционные подходы (восходящие к теории черт и психоанализу), в соответствии с которыми возникновение и форма ЭК обусловлена той или иной личностной чертой участников (см. Гришина, 2009). Характерным примером такой черты может быть «агрессивность». В рамках этого подхода О следует рассматривать как стабильную (диспозициональную) черту личности, а связь между О и ЭК можно интерпретировать как связь одной из диспозициональных черт (О) и внешней формы проявления (ЭК). При этом возможны противоположные варианты характера связи черты и поведения: 1) повышенная степень О приводит к повышенной конфликтности (отчужденный не может жить в мире с другими, поскольку «чуждо» к ним относится) или 2) повышенная степень О приводит к пониженной конфликтности (отчужденность делает нелюдимым, что приводит к снижению контактности вообще и конфликтных форм контактности в частности). Из психологических теорий отчуждения к данному подходу можно отнести почти все экзистенциально направленные теории, в частности раннюю теорию С. Мадди (1967) «преморбидной личности», предрасположенной к «экзистенциальному неврозу».

На втором этапе исследований ЭК доминировал прямо противоположный диспозиционному ситуационный подход (исследования М. Шерифа и раннего М. Дойча). В соответствии с этим подходом личностная черта (в том числе и О) чуть ли не целиком обусловлена внешней ситуацией. Таким образом, О в этом подходе может выражаться как черта, проявляющаяся у любого

человека в ситуациях определенного типа. Психологическую концепции О целиком отвечающей такому критерию указать сложно.

На третьем этапе исследований ЭК победил «взвешенный», «компромиссный» (скорее промежуточный) подход взаимодействия обоих факторов (внутриличностных и средовых детерминант). Этот подход более всего характерен для когнитивного направления, поскольку когниции очевидно связаны с взаимодействием внутренних психических механизмов и влияния внешнего мира (в отличие от акцента в диспозициональном походе на мотивацию, а в ситуационном на поведение). На сегодняшний день данный подход является самым распространенным и в нем рассматривается связь ЭК и О как многофакторное взаимодействие. В качестве наиболее характерного понимания связи для данного подхода можно выделить представление, что О влияет на восприятие конфликтной ситуации, что совместно с особенностями этой ситуации – прежде всего конкурентности/кооперативности и фрустрированности – приводит к выбору определенной стратегии поведения (модель двойной заинтересованности, поздний М. Дойч, подход Н.В.Гришиной от «социальной ситуации» и т.д.). Среди современных концепций О большая часть как зарубежных, так и отечественных вариантов концепций О как смыслоутраты (см. Осин, 2007). Из зарубежных наиболее представительной являются разработки позднего С. Мадди (2005), выделившего четыре формы О как проявлений экзистенциального недуга.

В качестве четвертого этапа исследований ЭК можно выделить системный функциональный подход, наиболее на сегодняшний день выраженный в системной (семейной) психотерапии (от ранних исследований шизофрении группами Г. Бейтсона, Д. Джексона и др. в Пало Альто и М. Палаццоли, Дж.Чекин и др. в Милане). Для этого подхода характерно отношение к ЭК как средству стабилизации системы (изначально семьи, но на современном этапе не только). Это характеризует подход к анализу ЭК со стороны функции, а не причин. С учетом наработок этого подхода предлагается и О рассматривать как системное свойство (отчуждение в отношениях), т.е. как характеристику системы взаимодействий, а не отдельного человека (в характеристиках человека О лишь выражается). А связь между ЭК и О как функциональную: ЭК служит системе (семье, рабочему коллективу и т.п.) средством стабилизации отчужденных взаимодействий в этой системе через повышение чувства близости между «ссорящимися» без увеличения реальной близости взаимодействия (т.е. без ликвидации отчужденности).

Эту функцию в терминологии Л. Козера (2000) могут выполнять как реалистический (возникающий по конкретному предмету), так и нереалистический (обобщенный, по любому поводу) конфликты. Так, Витакер и Нейпер (2005) в своей работе описали ситуацию постоянных ссор дочери и матери, за которым стоит функция увеличения общения между супругами, в существенной мере до этого охладевшими друг другу. Сходную функцию ЭК из собственной практики описывает А.В. Черников (2001), но уже в отношении конфликта между почти разведенными супругами вокруг участвовавшего домашнего воровства сына.

Литература:

1. Витакер К. Нейпер О. Семья и кризисе. М.: Когито-центр, 2005
2. Гришина Н.В. Психология конфликта, СПб.: Питер, 2009
3. Козер Л.А. Функции социального конфликта - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000.
4. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал, 2005. т. 26, № 6. С. 87-101
5. Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения : структура и диагностика : дис. ... канд. психол. наук, Москва, 2007, 217 с.
6. Рубин Ж., Пруйт Д., Ким Х. Социальный конфликт: Эскалация, тупик, разрешение. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001
7. Черников А.В. Системная семенная терапия: Интегративная модель диагностики, М.: Класс, 2001
8. Maddi, S.R. The Existential Neurosis // Journal of Abnormal Psychology, 1967, Vol. 72, No. 4. Pp. 311–325

Светлов В.А.

Доказательство несовместимости конфликта и антагонизма

Отождествление конфликта с антагонизмом – одно из самых распространенных и устойчивых заблуждений современной конфликтологии. Единая теория конфликта (1) дает следующий ответ на этот теоретический вызов.

Пусть А и В обозначают произвольные причины, а и в – продукты их действия. Пусть 1 и 0 символизируют состояния наличия и отсутствия причины, присутствия и отсутствия их продуктов соответственно. Выражение $A=1$ читается как «причина А присутствует»; выражение $A=0$ – как «причина А отсутствует»; выражение $a=1$ – как «продукт причины А присутствует». выражение $a=0$ – как «продукт причины А отсутствует». Аналогично для причины В и ее продукта в.

Как конфликт, так и антагонизм развиваются в системах с обратными причинными связями. Для конфликта характерно, что если один из продуктов «включает» какую-либо причину, второй продукт обязательно «выключает» причину первого продукта. Для антагонизма характерно симметричное «выключо-

Граф конфликта

Граф антагонизма

чение» продуктами причин друг друга (рис.1.).

Рис. 1. Ориентированные графы.

Ориентированные графы, символизирующие причинные структуры конфликта и антагонизма приведены ниже (знак «+» обозначает операцию «включения» причины; знак «-» - операцию ее «выключения»):

Граф конфликт причин читается так: продукт а «включает» причину В, продукт б «выключает» причину А. Граф антагонизма причин читается следующим образом: продукт а «выключает» причину В, продукт б «выключает» причину А.

Уравнения, описывающие конфликт и антагонизм причин А и В, таковы.

Конфликт причин А и В имеет место тогда, когда

$A = 1$, если и только если $b = 0$

$B = 1$, если и только если $a = 1$.

Антагонизм причин А и В имеет место тогда, когда

$A = 1$, если и только если $b = 0$

$B = 1$, если и только если $a = 0$.

Логические решения уравнений конфликта и антагонизма суммированы в следующей таблице 1.

Таблица 1. Решения уравнений конфликта и антагонизма

a	b	A	B
1	1	0	1
1	0	1	1
0	1	0	0
0	0	1	0

Решения уравнения конфликта

a	b	A	B
1	1	0	0
1	0	1	0
0	1	0	1
0	0	1	1

Решения уравнения антагонизма

В левой части обеих таблиц приведены все логически возможные состояния присутствия и отсутствия продуктов а и б. Например, согласно второй строке сверху продукты а и б оба присутствуют; согласно третьей строке сверху продукт а присутствует, но продукт б отсутствует и т.д. В правой части обеих таблиц приведены состояния наличия и отсутствия причин в зависимости от того, «включатся» или «выключатся» они соответствующими продуктами. Каждую строку таблицы следует рассматривать как решение определенного уравнения. Среди четырех возможных решений уравнения конфликта и уравнения антагонизма особый интерес представляют стабильные состояния, покидать которые у системы нет никаких внутренних причин. Состояние системы, состоящей из двух взаимодействующих причин и их продуктов, стабильно, если и только если наличие (отсутствие) каждой из причин влечет наличие (отсутствие) ее продукта. С точки зрения приведенного критерия следует, что конфликт не имеет ни одного стабильного решения, антагонизм

имеет два стабильных решения (выделенные строки соответствующей таблицы). В конфликтной системе нет никаких гарантий, что наличие (отсутствие) причины повлечет присутствие (отсутствие) ее продукта. Постоянный дисбаланс причин и их продуктов побуждает конфликтную систему к непрерывному чередованию своих состояний.

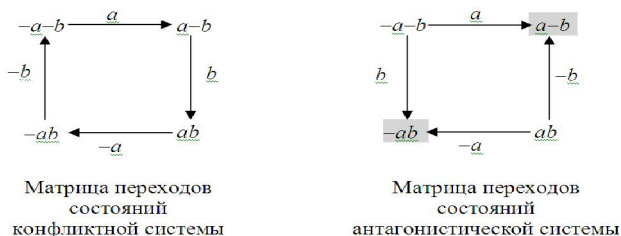

Рис.2. Матрицы переходов состояний

Иная картина при антагонизме. В антагонистической системе имеются два стабильных состояния, достигнув любое одно из которых система его больше не покидает. Эти выводы иллюстрированы следующими матрицами переходов состояний (черта перед буквой означает ее отрицание и символизирует отсутствие продукта причины).

Отождествление антагонизма с конфликтом подразумевает либо полное равенство обозначаемых ими случаев, либо интерпретацию антагонизма как собственного подмножества конфликта. Из приведенных выше разъяснений следует, что ни пер антагонизм - несовместимые состояния системы.

Литература:

1. Светлов В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М., «Либроком», 2009.

Слотина Т.В., Комарова А.В.

Конфликтные ситуации и конфликты в межличностном общении студентов

На протяжении многих десятилетий понятие конфликта широко используется как в научных исследованиях, так и в жизненных ситуациях. Каждый из нас интуитивно понимает, что такое конфликт, однако от этого определение его содержания не становится более простым и объективным.

В обыденной речи слово «конфликт» используется применительно к широкому кругу явлений – от глобальных вооруженных столкновений и противопоставления различных социальных групп до служебных и мелкомасштабных супружеских и

семейных разногласий. Зачастую мы называем конфликтом и семейную ссору, и военные действия, и дискуссии в парламенте и столкновение внутренних мотивов и т.д.

Проблема дефиниции данного понятия осложняется тем, что конфликт становится предметом изучения целого ряда наук и направлений научных знаний. Каждое из них претендует на более точное и объективное понимание конфликта. Согласно словарю Уэбстера (американская традиция 1983 год) понятие конфликта первоначально трактовалось как «драка, сражение, война», т.е. как физическое противоречие, противостояние между сторонами. Затем это значение расширилось, включив в себя «резкое расхождение или противопоставление сторон, интересов, идей» Таким образом, теперь этот термин подразумевает не только физическое противодействие, но и более глубокое психологическое явление. В результате термин «конфликт» применяют так широко, что он «рискует» утратить статус однозначно термина.

По мнению Гришиной Н. В., анализ определений конфликта, принятых в различных современных энциклопедиях, обнаруживает их сходство. Как правило, содержание понятия конфликта раскрывается через следующие значения:

Состояние открытой, часто затяжной борьбы; сражение или война.

Состояние дисгармонии в отношениях между людьми, идеями или интересами; столкновение противоположностей.

Психическая борьба, возникшая как результат одновременного функционирования взаимно исключающих импульсов, желаний и тенденций.

Противопоставление характеров или сил в литературном или сценическом произведении, в особенности главная оппозиция, на которой строится сюжет.

Кроме того, слово конфликт имеет ряд синонимичных понятий: спор, соперничество, единоборство, борьбу, скандал. Таким образом, практически неизменным компонентом значения слова конфликт является: столкновение оппозиционных начал, чаще всего двух. В философском понимании это предельный случай обострения противоречия.

По нашему определению: социальный конфликт это – активный или пассивный процесс, направленный на преодоление противоречия, возникшего между людьми, группами людей, людьми и животными по значимым для хотя бы одной из сторон аспектам взаимодействия и нарушающее его нормальное течение.

Конфликт - это противоречие между противоположно направленными тенденциями в сознании одной личности, в межличностных взаимодействиях или в отношениях групп людей, харак-

теризующееся значимостью, активностью и взаимосвязанностью одновременно. В основе социального конфликта может лежать различие во взглядах, мотивах, целях, средствах достижения этих целей.

Кроме того, существует внутриличностный конфликт, который характеризуется более или менее осознанным противоречием двух сил (мотивационных или ролевых), возникающим во внутреннем мире человека, вызывающем противостояние и борьбу этих сил между собой и следствием которого является психическое напряжение, требующее своего разрешения. Важно то, что такого рода конфликт может сознательно или, что чаще, бессознательно лежать в основе социальных конфликтов.

Существует формула, дополняющая выше названное определение социального конфликта и объясняющая некоторые его детерминаты:

КОНФЛИКТ=КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ +ИНЦИДЕНТ

Таким образом, для возникновения конфликта как такового необходимо наличие конфликтной ситуации и инцидента. Где конфликтная ситуация – это база, основа любого конфликта, включающая в себя определенные условия, обстоятельства, благодаря которым может возникнуть процесс, направленный на их преодоление, т.е. собственно конфликт. Инцидент – это любое формальное начало конфликта. Метафорично, конфликтной ситуацией выступает почва, содержащая в себе массу корешков и питательных веществ, способных дать жизнь любому конфликту, инцидентом же станет солнце, пригревшее землю или дождь, смочивший ее.

Эти два явления можно назвать психологической структурой конфликта. Конфликтная ситуация, по сути дела, это еще не сам конфликт, так как существующее объективное противоречие может определенное время не осознаваться участниками взаимодействия и не перерасти в процесс конфликта. Конфликтная ситуация имеет весьма определенную структуру: в объективной конфликтной ситуации присутствуют объект конфликта - реальный или идеальный предмет, являющийся причиной спора и стороны конфликта или его участники, в качестве которых могут выступать отдельные люди или группы людей. Для сторон характерно наличие у них внешней и внутренней позиции в конфликте. Внешняя позиция - эта та мотивировка участия в конфликте, которая открыто предъявляется сторонами своим оппонентам (так чаще всего называются участники конфликтного взаимодействия). Она может совпадать, а может и не совпадать с внутренней позицией, представляющей собой набор тех истинных интересов, мотивов и ценностей, которые принуждают человека или группу включаться в конфликт. Отметим, что

внутренняя позиция зачастую скрыта не только от оппонентов и наблюдателей, но и от самого субъекта, так как является неосознаваемой.

Конфликт становится психологической реальностью для участников с момента возникновения инцидента.

Объективные причины в достаточной степени условно можно представить в виде нескольких укрепленных групп: ограниченность ресурсов, подлежащих распределению; различие в целях, ценностях, методах поведения, уровне квалификации, образования; взаимосвязь заданий, неправильное распределение ответственности; неудовлетворительные коммуникации.

Вместе с тем объективные причины только тогда являются причинами конфликта, когда сделают невозможным личности или группе реализовать свои потребности, заденут личные и/или групповые интересы.

Основные линии возможного конфликтного взаимодействия в системе высшего образования: конфликты типа «ректорат - вузовский коллектив»; «студент-преподаватель», «преподаватель-преподаватель», «студент - студент». Промежуточными вариантами конфликтного взаимодействия «ректорат - вузовский коллектив» могут быть конфликты типа «ректорат - деканат», «ректорат - кафедра», «кафедра - деканат», «деканат - коллектив факультета» и др.

Мы остановимся на конфликтах в системах «студент – студент» и «студент – преподаватель».

В среде студентов на первых курсах идет процесс самоутверждения в группе, особенно в начальный период. В это время на мотивацию их поведения большое влияние оказывают темперамент, черты характера и уровень воспитанности. Недостаточно высокий уровень "Я - концепции" студента может порождать конфликтные ситуации. Исследователи указывают, что первокурсников характеризует обостренное чувство собственного достоинства, максимализм, категоричность и однозначность нравственных критериев, оценки фактов, событий, своего поведения. Свойственный этому периоду рационализм и нежелание принимать все на веру, создают недоверие к старшим, в том числе и к преподавателям вузов. К старшим курсам межличностные взаимодействия студентов приобретают более осознанный характер, происходит формирование микрогрупп по принципу межличностной совместимости, в которых межличностные конфликты становятся редким явлением. Конфликты разрешаются самими студентами, а могут заканчиваться разрывом отношений.

Трудности во взаимодействии, которые могут вести к конфликтам, нередко возникают между студентами и преподавателями.

Наиболее распространенная причина конфликтов - неадекватность оценки знаний студентов. В таких ситуациях субъективной стороной могут выступать необъективные претензии студента на более высокую оценку и субъективность преподавателя, занижающего оценку студенту. Есть преподаватели, которые почти никогда не ставят оценку "отлично", они убеждены в том, что в совершенстве знают предмет только они сами. Такой преподаватель постоянно находится в конфликтной ситуации со студентами.

Влияние на оценку могут оказывать личностные качества студента, его поведение на лекциях и практических занятиях (реплики, пререкания, вступления в споры).

Иногда студенты конфликтуют в открытой форме, но чаще студент уносит с собой скрытые формы протеста в виде отрицательных чувств: недоверия, ненависти, презрения, враждебности, ревности, жажды мести и т.д., которыми делится со всем своим окружением.

Межличностные конфликты с коллегами и руководством существуют и в такой высокостатусной группе, как преподаватели высшей школы. Стычки могут возникать из-за несовпадения мнений по какой-то обсуждаемой на кафедре проблеме, не обязательно научной, например, при обсуждении требований трудовой дисциплины. Одни преподаватели относятся к этим требованиям как к неизбежности, а другие - могут считать их чисто субъективными, не относящимися к учебному процессу (это различного рода дежурства, присутственные дни и т.п.).

Мы полагаем, что конфликтными ситуациями объективно можно считать: во - первых адаптационный период, когда студенты попадают в новую учебную среду и, что ещё более сложно, в бытовую при проживании в общежитиях. Во - вторых, это период сессий, когда нервно-психическое напряжение возрастает, а стрессоустойчивость не у всех юношей и девушек достаточно сформирована. В - третьих, студенческий возраст - возраст влюбленности, любви, создания отношений, что также может являться конфликтной ситуацией, благоприятной для появления межличностных конфликтов. Определенная часть конфликтов среди студентов возникает из-за претензий на лидерство в микрогруппах. Межличностные конфликты могут возникать между устоявшимся лидером и набирающим авторитет лидером членом микрогруппы. Конфликтные ситуации могут возникнуть при взаимодействии лидеров микрогрупп, каждый из которых может претендовать на признание его авторитета всем классом. Лидеры могут втягивать в конфликты своих сторонников, расширяя масштабы межличностного конфликта. Конфликтные ситуации между учениками устраняются руководителем класса, который

должен найти каждому лидеру свою специфическую сферу лидирования, иногда вместе с родителями.

Кроме того, именно вышеперечисленные конфликтные ситуации могут стать источником возникновения такого явления как моббинг в студенческой среде.

В отечественной практике существует традиция рассматривать моббинг как один из видов социального конфликта или агрессивного поведения, поскольку в случаях выявления моббинга существуют все признаки, сопутствующие этим явлениям. Также существует мнение, что моббинг – это одна из причин социального конфликта. Мы полагаем, что основным отличием моббинга от конфликта является деструктивное поведение, как правило, только одной из сторон с непосредственной целью устранения или нанесения тяжкого телесного и/или психологического ущерба своей жертве.

В исследовании, проведенном нами (Комарова А. В., Слотина Т. В., Штейнбах Х.Э.) с целью анализа моббинг поведения в общежитиях студентов ПГУПС, респондентами стали не только сами студенты, но и их воспитатели. Исследование состояло из двух этапов: на первом этапе воспитатели общежитий (n = 13), которые выступали в качестве экспертов, отобрали, формы моббинг-действий характерных для общежитий, по их мнению. Далее они проранжировали варианты «моббингов» в порядке важности для студентов. Всего было отобрано 18 моббинг - действий.

На втором этапе эти же моббинг-действия ранжировали студенты 2 курса (n = 34). Данные представлены в таблице 1.

Как эксперты, так и студенты признают наиболее важным в их жизни ограничением - прием гостей студентов, а также их ночное пребывание. Однако, для воспитателей – это выполнение определенных норм, общепринятых в большинстве общежитий. Для студентов же ограничения, связанные с посещением их гостей воспринимаются как притеснение их свободы. Психологический контекст притеснения связан с отсутствием свободы общения, невозможностью полноценно развивать важные для студента в этом возрасте отношения. Дальнейшие оценки расходятся. Можно сказать, что общие правила поведения принятые в общежитии, студенты воспринимают относительно спокойно (уборка, запрет на курение, ответственность за имущество), в отличие от воспитателей, которые отводят им значимые места. Иными словами, существующий договор о правилах поведения вполне признается и не задевает жизненно важных потребностей, в отличие от приема гостей.

Таблица 1. Средние баллы по оценке моббинг-действий в общежитиях студентов ПГУПС

№	Моббинг действия	Среднее по данным воспитателей	Ранг	Средний балл по данным студентов	Ранг
1	Пропускной режим не позволяющий приходить гостям	10	1	5.4	1
2	Заставляют дежурить (уборка комнаты)	10	1	2.2	10
3	Запрет на курение в помещениях	10	1	0,7	16
4	Заставляют производить ремонт	7,5	4	1.5	13
5	Непристойные ругательства	6	5	3.9	2
6	Запрет на прослушивание громкой музыки	5.5	6	2.5	9
7	Негативное оценивание	5.1	7	3.3	4
8	Бойкот	5.1	8	3.2	6
9	Нежелание жить вместе	4.4	9	3.4	3
10	Навязывание соседями по комнате правил проживания	3.8	10	2.6	7
11	Драки	3,8	11	2.6	7
12	Насмешки	3.0	12	2.1	11
13	Обвинения в мелком воровстве	2.5	13	0,8	14
14	Распространение сплетен	1.9	14	3.3	4
15	Жестокое обращение	1.8	15	0.8	14
16	Обвинение в психическом расстройстве	1.5	16	1.7	12
17	Сексуальные домогательства	1.4	17	0,3	18
18	Легкое насилие	1.4	18	0,5	17

Следующие формы давления в списке студентов: непристойные ругательства (2-ое место), нежелание жить вместе с определенны человеком (3-е место), негативное оценивание и распространение сплетен (4 место) при ежедневном взаимодействии создают достаточно серьезные условия для виктимизации. Под виктимизацией (лат. *victim* — жертва) понимается процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства.

При дальнейшем исследовании важно рассмотреть выделяющиеся значения, когда в общем списке относительно низких оценок появляется у кого-нибудь из студентов высокий балл по тому или иному моббинг-действию. Такой случай требует особого внимания.

Исследования моббинг поведения мы предлагаем проводить время от времени в качестве моббинг контроля, в дальнейшем используя эти данные для составления коллективного договора. Кроме того, возможно, подобное анонимное исследование поможет «вскрыть» моббинг – действия, которые были тщательно замаскированы по тем или иным причинам.

Конфликты типа «преподаватель - преподаватель» в основном связаны с социально-профессиональной иерархией и индивидуально-психологическими особенностями профессорско-преподавательского коллектива.

Также нас интересовали конфликты во взаимодействии студентов и преподавателей. Взаимодействие по линии «преподаватель - студент» является одним из основных во всем социально-педагогическом процессе. Именно здесь происходит непосредственная «передача» всего многообразия знаний, информации, установок, ценностных ориентации и т. д., аккумулированных в системе высшего образования.

Специфика конфликтов типа «преподаватель - студент» и «студент - преподаватель» (в отличие от конфликтов типа «учитель - ученик») заключается в том, что студент в значительно большей степени является самостоятельным субъектом педагогического процесса. По сути, он выступает «заказчиком» типа образования и способен осознанно оценивать «предлагаемый ему товар».

Другая особенность во взаимодействии «преподаватель - студент» (характерная, прежде всего, для российского высшего образования) заключается в том, что преподаватель, обладая высоким профессиональным статусом в вузовской среде, в повседневной жизни низведен до самого низкого уровня. Нередки случаи, когда студенты из более благополучных социальных слоев смотрят на преподавателей как на неудачников. И эта особенность также стимулирует конфликтность.

Во взаимодействиях студентов и преподавателей наиболее характерными являются следующие причины конфликтов:

- различия в ценностных ориентациях;
- бестактность в общении;
- различия во взаимных ожиданиях;
- уровень профессионализма преподавателя и успеваемость студентов.

Различия в ценностных ориентациях обусловлены, прежде всего, периодом нестабильности в идейно-нравственной сфере российского общества. По данным исследований Слотвиной Т. В. (2009-2011г), у студентов не существует еще вполне сформированной ценностной системы личности, по крайней мере на 2-3 курсах. Так приоритетными на уровне нормативных идеалов являются такие ценности, как: доброта (4, 88 б.), ценность дос-

тижений (4, 76 б.) и самостоятельность (4, 41 б.), то в поведении этих же ребят проявляются, прежде всего, гедонизм (2, 89 б.), самостоятельность (2, 82 б.) и стимуляция (2, 64 б.). Можно предположить, что подобный результат свидетельствует о том, что у данных испытуемых выбор поведенческого репертуара обусловлен не собственными ценностями, а ценностями группы, в которой он находится и обстоятельствами, в которые личность попадает. Это демонстрирует некоторую незрелость личности, ее неготовность делать серьезные жизненные выборы, принимать важные решения.

Формы общения преподавателей и студентов во многом зависят от социокультурных и индивидуально-психологических качеств взаимодействующих субъектов, а также от установившихся в вузовском коллективе традиций, норм и правил общения.

Различия во взаимных ожиданиях преподавателей и студентов охватывают широкий круг проблем от ценностных ориентации до качества получаемых знаний и эффективности их усвоения.

В последние годы в среде преподавателей и студентов значительно возросло количество внутриличностных конфликтов. Материальные трудности, низкий социальный престиж и отсутствие каких-либо перспектив на ближайшее будущее вынуждают и преподавателей и студентов искать источники дополнительного заработка, совмещать порой несовместимые сферы деятельности, унижаться ради «куска хлеба». Кроме того, по нашим же исследованиям, стремление респондентов к удовольствиям и наслаждениям, что проявилось в приоритетном выборе студентами ценности гедонизма на поведенческом уровне произошло с результатами на уровне идеальных ценностей, где гедонизм занимает лишь пятое место. Мы склонны рассматривать это как свидетельство мотивационного или ролевого внутриличностного конфликта.

Важным является то, что внутриличностные конфликты стимулируют возникновение различного рода иных конфликтов и оказывают негативное влияние на педагогический процесс.

Если конфликтные ситуации при взаимодействии студент - студент разрешаются самими студентами, то разрешение межличностных конфликтов на уровне преподаватель - студент принимает более сложные формы. Основная роль в их предупреждении и разрешении выпадает на преподавателя, который может использовать для этого некоторые неизбежные в этих случаях методики и требования:

-при отчете студента необходимо психологически расположить его к максимально возможному плодотворному ответу, исключить возникновение стрессовой ситуации;

- в случае неудовлетворительного ответа взаимодействие студент - преподаватель должно заканчиваться осознанием студентом того, что его ответ не удовлетворяет не преподавателя, а не отвечает требованиям программы;
- ни в какой форме и ни по какому поводу не допускаются оскорбления студента;
- владение собой и своими эмоциями в любой ситуации;
- все неудачи во взаимодействии со студентами, в создании конфликтных ситуаций считать отчасти и своим собственным прочетом, особенно если это повторяющаяся ситуация.

Соломин И.Л.

Психосемантическое исследование мотивации сотрудников государственной службы в процессе реформирования

10 марта 2009 года Указом Президента Российской Федерации утверждена Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)». В числе прочих в ней сформулированы такие задачи, как:

«совершенствование работы, направленной на приоритетное применение мер по предупреждению коррупции и борьбе с ней на государственной службе»,

«внедрение эффективных технологий и современных методов кадровой работы, направленных на повышение профессиональной компетентности, мотивации государственных служащих и обеспечение условий для увеличения результативности их профессиональной служебной деятельности»,

«разработка системы мер, направленных на совершенствование порядка прохождения государственной службы и стимулирование добросовестного исполнения обязанностей государственной службы на высоком профессиональном уровне»,

«сокращение излишней численности государственных служащих с одновременным привлечением на государственную службу наиболее квалифицированных специалистов и создание адекватных материальных стимулов в зависимости от объема и результатов работы государственных служащих» и т.д.

Между тем, в программе указывается, в частности, что «современные методы планирования и регламентации труда государственных служащих не получили широкого распространения, а предусмотренные законодательством Российской Федерации механизмы стимулирования государственных служащих к исполнению обязанностей государственной службы на высоком профессиональном уровне не реализуются в полной мере, что снижает мотивацию государственных служащих». Кроме того,

«недостаточная открытость государственной службы способствует проявлениям бюрократизма и коррупции».

Не вызывает сомнения, что одной из важных причин возможного сопротивления организационным изменениям чиновников в условиях реформирования государственной службы является специфическое содержание и структура их мотивации и эмоциональных отношений. В частности, в процессе реорганизации и реформирования государственные служащие могут:

- воспринимать ситуацию как угрожающую, испытывать страх перед изменениями, сокращением заработной платы, увольнением, необходимостью переобучения и поиска новой работы,
- испытывать другие болезненные и стрессовые эмоциональные переживания вследствие повышения нагрузок, нарушения межличностных отношений, снижения социального статуса и т.п.,
- стремиться сохранить уровень доходов и материального вознаграждения, свой должностной статус, привычные обязанности, характер взаимоотношений с другими людьми,
- отличаться незаинтересованностью в повышении объема и качества своего труда, смещением побуждений с работы на другие занятия, такие как отдых, семейные отношения, контакты с друзьями, снижением уровня ответственности за результаты своей деятельности,
- испытывать снижение общего уровня побуждений, снижение самооценки,
- характеризоваться нарушением идентичности со своей организацией, трудовым коллективом, другими сотрудниками и начальником, конфликтными отношениями в коллективе, чрезмерным соперничеством, враждебностью.

Представленные в программе меры по реформированию государственной службы не включают его научного сопровождения. В частности, научно-психологические исследования мотивации госслужащих не востребованы чиновниками от органов государственного управления Российской Федерации. Между тем, имеющийся опыт исследования мотивации сотрудников региональных правительственных учреждений в процессе предыдущих этапов реформирования государственной службы позволяет утверждать, что отсутствие учета конкретного содержания мотивации сотрудников не способствует высокой эффективности организационных изменений.

Данная статья описывает результаты исследования, которое проводилось в 2005 году и было посвящено сравнительному анализу мотивации различных категорий сотрудников администрации губернатора и правительства одного из регионов Российской Федерации. В рамках данного исследования решались задачи выявления мотивации сопротивления реформированию

как у государственных служащих в целом, так и групп сотрудников, различающихся по полу, возрасту, должности и стажу государственной службы. В частности, выявлялись конкретные группы сотрудников правительственных учреждений, которые могли бы быть источником проблем в процессе реформирования государственной службы.

Организация и методы исследования.

Обычно для выявления мотивации человека используются анкетные методы. Однако опрос не всегда может дать объективную информацию о мотивации и отношениях. Прямые методы диагностики, основанные на самоотчете, выявляют лишь осознаваемые, а не реально действующие мотивы. Кроме того, даже адекватно осознанные мотивы могут искажаться при тестировании вследствие различной их социальной желательности, что проявляется в маскировке порицаемых и демонстрации одобряемых мотивов. В частности, использование анкетирования для исследования мотивации госслужащих показало, что все без исключения респонденты декларируют позитивное отношение к реформированию государственной службы.

Актуальной задачей в данном случае является поиск защищенных от неискренности испытуемого методов диагностики реальных его отношений к действительности. Поэтому было принято решение использовать экспресс-метод психосемантической диагностики мотивации - метод цветowych метафор [1; 2]. Метод позволяет с высокой степенью точности получать информацию о содержании потребностей, мотивов различных видов деятельности, бессознательных переживаний и недеклалируемых отношений людей к себе, другим людям, различным занятиям и событиям. В процессе сбора данных с помощью метода цветowych метафор респонденты обозначают каждое из предьявляемых понятий с помощью одного из стандартных цветов. Метод основан на двух принципах:

Если человек обозначает какое-либо понятие самым привлекательным цветом, то это может свидетельствовать о привлекательности этого понятия, позитивном к нему отношении. И, наоборот, к понятиям, обозначенным наиболее неприятным цветом, человек и относится, скорее всего, негативно.

Обозначение различных понятий одним цветом является косвенным показателем их субъективного сходства, то есть, если два или несколько понятий человек обозначает одним цветом, то в этих понятиях есть для человека что-то общее, и он относится к ним сходным образом.

Метод цветowych метафор может использоваться психологами, врачами, педагогами, социологами, политологами, маркетинго-

гами, менеджерами по персоналу, специалистами служб безопасности. Метод достаточно универсален и позволяет измерять характеристики общественного мнения, психологический климат, структуру трудовой мотивации, отношение к содержанию и условиям труда, состоянию здоровья, семье, отношению к политическим лидерам и партиям, государствам и национальностям, интерес к различным фирмам, товарам и услугам, видам досуга, областям знаний и сферам деятельности и т.д. Метод может быть полезен для профориентации, расстановки кадров, оценки лояльности работников, выбора наиболее эффективных способов управления, оптимизации отношений в группе, контроля эффективности управления, изучения спроса, оценки эффективности рекламы и т.д.

В ходе исследования решалась задача сравнения содержания мотивации и эмоциональных отношений государственных служащих администрации и правительства региона, различающихся по полу, возрасту, должности и стажу государственной службы. В исследовании приняли участие 139 человек, из них мужчин - 42, женщин - 97, в возрасте до 30 лет - 43, от 30 до 45 лет - 61, старше 45 лет - 35, руководителей - 40, помощников и советников - 5, специалистов - 76, обеспечивающие специалистов - 18, со стажем государственной службы менее 5 лет - 47, более 5 лет - 92.

Для обозначения с помощью 8 цветов респондентам предъявлялись следующие понятия:

Мое прошлое	Реформирование	Здоровье
Мои друзья	Моя учеба	Сокращение
Выполнение обязанностей	Стабильность	заработной платы
Свобода	Любовь	Переобучение
Угроза	Власть	Печаль
Мое настоящее	Реорганизация	Творчество
Моя организация	Каким (какой) я хочу быть	Моя семья
Неудача	Болезнь	Деньги
Доверие	Изменение должности	Увольнение
Перемены	Материальное благополучие	Мой коллектив
Мое увлечение	Моя работа	Государственные служащие
Конкуренция	Управленческая деятельность	Поиск работы и трудоустройство
Отдых	Заработок	Руководители
Карьера	Страх	Специалисты
Раздражение	Признание	Уверенность
Знания	Повышение квалификации	Какой (какая) я на самом деле
Моя должность	Бизнес	Мой регион
Государственная служба	Мой начальник	
Мое будущее		
Мои сотрудники		

Радость

Полученные данные были введены в компьютер в виде таблицы, где строки соответствовали испытуемым, столбцы - понятиям, а элементами таблицы были ранги от 1 до 8, соответствующие степени привлекательности цветов, обозначающих данные понятия. Данные были обработаны с использованием программы, написанной автором. В результате обработки по каждой группе респондентов, различающихся по полу, возрасту, категории должности и стажу работы, были получены таблицы сходства понятий. Показателем степени сходства между каждыми двумя понятиями был процент членов группы, обозначивших данные два понятия одинаковым цветом. В процессе дальнейшего анализа два понятия считались сходными, если не менее 1/3 испытуемых в группе обозначали их одним цветом.

Результаты исследования и выводы

Анализ содержания мотивации и отношений сотрудников администрации региона позволяет сделать следующие выводы.

Подавляющее число сотрудников испытывает побуждения преимущественно к формированию и поддержанию семейных и дружеских связей, а также к повышению квалификации. Профессиональная деятельность, работа и выполнение служебных обязанностей не входят в число видов деятельности, представляющих сколько-нибудь значительный интерес, и не воспринимается как что-то увлекательное, важное и значимое в жизни. Следовательно, значительная масса сотрудников нуждается во внешней стимуляции трудовой деятельности.

Ни настоящее, ни будущее не воспринимаются основным числом сотрудников как интересное и увлекательное, что позволяет предположить значительную степень фрустрации ведущих потребностей в данный момент и отсутствие каких бы то ни было ожиданий на удовлетворение их в будущем. Подобная степень фрустрации может быть фактором высокого уровня эмоционального напряжения и приводить к неблагоприятному функциональному состоянию, являясь мощным источником стресса.

Несмотря на то, что материальное благополучие, стабильность и успех не представляют повышенного интереса для большинства сотрудников, тем не менее, они вынуждены заботиться о материальной обеспеченности и безопасности, поскольку действовать так их заставляют сложившиеся внешние обстоятельства.

Будущее воспринимается большинством сотрудников как отличающееся в значительной мере от настоящего, ассоциируется не только с материальным благополучием, успехом, здоровьем и семьей, но и с отдыхом. В отличие от представления о настоя-

щем будущее субъективно не связано в сознании сотрудников с работой и профессиональной деятельностью.

Представление о прошлом не ассоциируется в сознании большинства обследованных сотрудников ни с одним из 60-ти других понятий, представленных в списке методики цветowych метафор. Это является косвенным свидетельством вытеснения из сознания субъективного прошлого, нежеланием вспоминать о нем вследствие его повышенной значимости. Чрезмерная привлекательность образов прошлого или, напротив, их крайне негативный характер могут приводить к болезненным эмоциональным переживаниям при их актуализации, что заставляет человека избегать мыслей о прошлом, не обращать на него никакого внимания, забыть о нем. Следствием вытеснения представлений о прошлом может быть нарушение способности к использованию прошлого опыта, возможное повторение уже совершенных в прошлом ошибок. В любом случае вытеснение является защитной реакцией, искажением представлений и может привести к затруднениям в адаптации и нарушению адекватности поведения, то есть является неблагоприятным признаком в прогнозе эффективности профессиональной деятельности.

Высокая степень удовлетворенности своей собственной личностью, характерная для большинства сотрудников, с одной стороны, является условием эмоционального комфорта, с другой стороны, тормозит стремление к самосовершенствованию, саморазвитию, изменениям и личностному росту.

Многие сотрудники относятся к себе так же, как к своей семье и друзьям, но, как правило, не идентифицируют себя в полной мере с членами трудового коллектива. Таким образом, руководство и сотрудники не являются референтной группой для большинства обследованных, оказывающей существенное влияние на их поведение.

Мотивация работы имеет вынужденный характер, определяется не устойчивыми, а актуальными потребностями. Если бы сотрудники могли себе это позволить, большинство из них не работали бы. Работа не воспринимается значительным числом сотрудников как что-то сколько-нибудь интересное или увлекательное. Работать приходится не вследствие того, что это нравится делать, а потому, что необходимо зарабатывать деньги и выполнять требования руководства. Поскольку работа побуждается актуальными потребностями, в значительной мере ситуационно обусловленными и имеющими временный характер, любое изменение ситуации может привести к значительным изменениям трудовой мотивации.

Представления о реорганизации и реформировании характеризуются мощной тенденцией к вытеснению из сознания почти у

всех обследованных сотрудников. Респонденты стараются игнорировать факт предстоящей реорганизации, не думать о нем, забыть. Наиболее вероятной причиной игнорирования такого значимого события является его психотравмирующий характер. Представление о реформировании неизбежно сопровождается болезненными переживаниями, для изоляции которых сотрудники стараются не замечать все, что связано с предстоящими переменами. К сожалению, такая защитная реакция человека как вытеснение из сознания вызывающих неприятные чувства факторов, может приводить к нарушению адекватности представлений и отношений и неизбежно снижает эффективность поведения и трудовой деятельности. В частности, как бы своевременно сотрудники ни были оповещены о предстоящих изменениях, они все равно оказываются к ним не готовы, а когда это, наконец, происходит, то сопровождается острым стрессовым состоянием и болезненными переживаниями. Кроме реорганизации и реформирования вытесняются также представления об изменении должности, а также о возможном поиске работы и трудоустройства.

А вот конкретное последствие реорганизации – увольнение и сокращение заработной платы – вызывает большое количество неприятных и болезненных переживаний, страха и агрессии, которые прекрасно осознаются. Почти все сотрудники панически боятся, что потеряют свою работу или зарплату. При этом увольнение и сокращение зарплаты тесно ассоциируются с предстоящими конфликтами, которые тоже вызывают тревогу и могут провоцировать агрессивные чувства. Таким образом, возможное увольнение и сокращение заработной платы воспринимаются подавляющим большинством работников как мощный источник стресса.

Итак, большинство госслужащих, работавших в структуре администрации и правительства изучаемого региона, имело параметры мотивации, которые могли провоцировать на сопротивление реформированию государственной службы.

Недостаточно высокий общий уровень побуждений, ограничение интересов и увлечений, косвенно свидетельствующий о субъективных проявлениях депрессивных переживаний, делает человека уязвимым по отношению к реорганизациям, поскольку такие люди имеют в своем распоряжении незначительное количество привлекательных альтернатив, которые могли бы послужить компенсацией, замещением возможных утраченных ценностей.

Преобладание побуждений к занятиям, не связанным с работой, делает человека зависимым от существующего положения дел, которое позволяет ему реализовать себя во внеслужебной сфере

деятельности. Перенос основных видов деятельности за пределы работы затрудняет эффективное решение профессиональных задач, блокирует конструктивный подход к возникающим на работе проблемам, затрудняя тем самым адаптацию к изменениям на работе.

Неудовлетворенность в настоящее время ведущих потребностей приводит к повышенному уровню эмоционального напряжения, стресса, вызванного фрустрацией, что может препятствовать адекватному пониманию причин возникающих проблем, мешать рациональному отношению к сложившейся ситуации и эффективному поведению, направленному на решение профессиональных задач.

Отсутствие конкретных планов и намерений, связанных с будущей работой, делает человека заложником настоящей ситуации, затрудняя формирование перспективных жизненных стратегий и целенаправленной деятельности, направленной на их реализацию. В таком случае единственное, что остается делать человеку, это держаться за имеющееся место.

Отсутствие идентификации себя с организацией, коллективом и сотрудниками, означающее дифференциацию отношений к себе и партнерам по работе, затрудняет возможность сотрудничества, коммуникаций и совместного решения задач, в том числе связанных с организационными изменениями.

Отсутствие связи между работой и ведущими потребностями свидетельствует о том, что человеку не интересно работать, он вынужден работать лишь под влиянием сложившихся внешних обстоятельств, а такая мотивация, как правило, имеет временный характер. В такой ситуации любые изменения ситуации могут приводить к изменению характера побуждений к работе. Организационные изменения в случае преобладания трудовой мотивации, связанной с актуальными, а не ведущими потребностями, может привести к смене или даже утрате желания заниматься трудовой деятельностью. Большинство людей, сосредоточенных на настоящем, в том числе и тех, кто работает ради удовлетворения сиюминутных потребностей, не стремятся к изменениям.

Отсутствие побуждений к сотрудничеству, обусловленных ведущими или актуальными потребностями, затрудняет любую деятельность, направленную на реорганизацию, поскольку любые эффективные организационные изменения могут быть результатом только совместных и хорошо скоординированных усилий всего коллектива в целом.

Отсутствие связи между государственной службой с одной стороны и ведущими жизненными ценностями с другой стороны означает, что работа человека в рамках государственной службы

представляется для него вынужденной и временной. Ему кажется, что ему приходится «тянуть ляжку». Установка на временный и ситуационно обусловленный характер государственной службы способствует представлению о том, что в результате любых изменений государственная служба может потерять всякий смысл.

Вытеснение из сознания представлений о каких бы то ни было организационных изменениях, реформах, блокирует восприятие человеком реальных изменений. «Я не хочу думать о переменах, и я не думаю о переменах, я не замечаю изменений, не обращаю на них внимание, игнорирую любые изменения, забываю о них» - так человек запрещает себе обнаруживать изменения и ведет себя так, как если бы они не происходили. Разумеется, такая форма психологической защиты приводит к сильному сопротивлению изменениям.

В отличие от вытеснения страх перед конкретными событиями, которые могут быть последствием реорганизации, а именно, сокращением заработной платы и увольнением, является явным для человека и отлично им осознается. Этот страх может препятствовать любым действиям, которые могут приводить к изменениям, и является одной из наиболее сильных причин сопротивления реорганизации и реформированию государственной службы.

Представления о сокращении заработной платы и увольнении, помимо страха, могут вызывать агрессивные чувства и поведение, направленное на разрушение факторов, препятствующих удовлетворению потребности в безопасности. Изменения препятствуют потребности в защищенности, следовательно, их необходимо разрушить, подавить, заблокировать любыми средствами, включая насильственные.

Наконец, нежелание человека переобучаться, менять профессию, приобретать новые знания и навыки, ограничивает его способности к изменению, включая его способность эффективно приспосабливаться к новым условиям, найти и занять подходящее место в ситуации реформирования.

Сравнительный анализ различных групп государственных служащих по критериям различных причин сопротивления изменениям свидетельствовал о том, что наиболее существенным фактором такого сопротивления является пол. Наибольшую готовность к организационным изменениям проявляют мужчины, в то время как большинство женщин характеризуется наличием большого количества причин и побуждений к сохранению существующего положения дел. С одной стороны, это может быть связано с природным стремлением большинства мужчин к изменениям в связи с их ролью и функцией мужчин в биологиче-

ской эволюции человеческого вида и развитии человеческой культуры. С другой стороны, большая готовность к реорганизации среди мужчин может быть вызвана преимущественной профессиональной направленностью, предпочтением ценностей, связанных с работой, по сравнению с женщинами. Таким образом, именно мужчины могут быть наиболее эффективными инициаторами и проводниками реорганизации и реформирования государственной службы. Консерватизм женской части персонала учреждений государственной службы в данном случае может быть крайне неконструктивным, поскольку побуждается непрофессиональными стремлениями и может приводить к крайне неэффективному с точки зрения социальных и организационных ценностей поведению, реализующему большое количество замаскированных якобы интересами дела субъективных и пристрастных установок, убеждений и предубеждений.

В связи с полученными выводами были сформулированы следующие основные рекомендации, которые могут представлять значительный интерес и на текущем этапе реформирования государственной службы.

Необходима достаточно серьезная работа, направленная на преодоление установок сотрудников администрации и правительства региона, препятствующих реформированию государственной службы.

Целесообразно в максимальной степени привлекать для реализации и поддержки процесса реформирования мужскую часть сотрудников, сотрудников старше 45 лет и руководителей, занимающих наиболее активную позицию в отношении изменений и в основном характеризующихся наиболее позитивным отношением к реорганизации.

Поскольку основным источником страха перед увольнением и сокращением заработной платы, сквозным почти для всех категорий госслужащих, является дефицит информации, следовательно, представляется крайне необходимой своевременная и качественная информационная поддержка реформирования.

Женщины и специалисты среди госслужащих особенно нуждаются в психологической поддержке, к наиболее целесообразным направлениям и формам которой можно отнести, прежде всего, тренинги саморегуляции, целеполагания и планирования профессиональной карьеры.

Следует особенно серьезное внимание уделить аттестации сотрудников, ориентированной на оценку качества выполняемой деятельности, с целью сохранения наиболее способных и заинтересованных руководителей и специалистов.

Целесообразно усовершенствовать систему отбора государственных служащих по объективным критериям соответствия профессиональных возможностей должностным требованиям. В качестве одной из важнейших задач управления в системе государственной службы необходимо поставить формирование и контроль трудовой мотивации.

Литература:

1. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации. Методическое руководство. - СПб.: ИМАТОН, 2001. - 112 с.
2. Соломин И.Л. Экспресс-диагностика персонала. - СПб: Речь, 2008. - 280 с.

Тимерманис Е.Б.

Анализ последствий социального конфликта (диапазон оценочных суждений)

Осознание последствий определяющего события XVIII века для Германии – Тридцатилетней войны (1617-1648) – стало значимой темой немецкой поэзии и философии не только десятилетия первой европейской войны, но и для поэтов и мыслителей следующих веков.

Когда после тяжелейших бедствий, вражеских нашествий, эпидемий, голода, смертей и нищеты – наступил выстрадавший долгожданный Вестфальский мир (24 октября 1848г.). Немецкие поэты с ликованием откликнулись на радостное известие:

Боже, все мы испытали, все, что ты послал снесли.

Кто знал такие муки с сотворения земли,

Как народ наш обнищавший?

Мы мертвы, но мир способен снова к жизни нас вернуть.

Дай нам силу встать из праха, воздух мира дай вдохнуть,

Ты, спасенье обещавший¹

Анализ социального феномена предполагает выявление причин и источника конфликта, его укорененность в экономике, политике, духовной сфере. Установленный после Реформации и Крестьянской войны, религиозных распрей аугсбургский мир означал хрупкое равновесие между германскими князьями и властью императора. Но равновесие было установлено на короткий срок. Ф. Шиллер в «Тридцатилетней войне» подчеркивает: «То, что было приобретено силой, может быть сохранено только силой... Мечом были намечены границы между церквами; меч должен был их охранить и в будущем... Уж теперь этот мир сулил покою Германии сомнительно, страшное будущее!»². В начале семнадцатого века образуются две политические организации – Протестантская (Евангелическая) Уния, основанная в 1608, и Католическая Лига, созданная годом спустя в связи с вступлением на престол Рудольфа II. Опасаясь усиления Габс-

бургов, Франция решила оказать покровительство лютеранским князьям. В войну вмешались Дания и Швеция, претендовавшие на северные немецкие земли; поддержку католическому лагерю решились оказать Польша и Испания. Когда началась война «...на протяжении жизни целого поколения во всей Германии хозяйничала самая разнузданная солдатня... повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства. Опустошение и обезлюдение были безграничны», писал, анализируя специфику экономического развития, Ф.Энгельс.³

Однако, характеризуемая Томасом Манном как опустошенная страна, роковым образом отброшенная назад в культурном развитии, Германия XVIII века, подарила европейской культуре Ангелуса Силезиуса, Андреаса Грифиуса, Пауля Герхардта, Симона Даха, Фридриха фон Логау. Данный парадокс можно связать с противоречивостью исторического развития и формированием в общественном сознании специфического языка надежд и верований, краха и возрождения иллюзий. «Волны мистицизма «(С.С.Аверинцев) – особые периоды, связанные с крупнейшими социальными потрясениями. Германия семнадцатого века - время обращения к творчеству М. Экхарта и эпоха Я. Беме. Мистическая традиция оказала значительное влияние на духовную жизнь в силу того, что смогла предложить особый личностный путь постижения Божественной истины. Через любовь и беззаветность, смирение и покорность человек получает возможность достичь экстаза, когда в единый миг, прорывая границы и пределы земного существования, человек устремляется к совершенству. Лишь в результате особого напряжения духовных сил можно достичь этого единения, и «если плотник не может выстроить хорошего дома из червивого дерева, то это не его вина, а дерева».

Характерная для немецкой традиции напряженность, осознание уникальности и индивидуальности личности, принятие собственной тварности и греховности, а также страстная жажда искупления наложили отпечаток на выбор тематического поля для немецкой поэзии времен Тридцатилетней войны, а также повлияли на стиль поэзии. Накал проповеди, посвященной страданиям человека, которой в религиозных распрях, в нашествии чужеземных войск, в условиях насильственной смены веры («Чья власть, того и вера!»), не может найти жизненной опоры, лишь в Творце ищет надежду на завершение страданий.

Век Просвещения события предшествующей эпохи почти не помнит. Картина мира, утратившего равновесие, оказалась близкой веку XX, тем, кто ужаснулся, что мир может погибнуть в пламени мировой войны. Именно к идеям А.Грифиуса обра-

тился И.Бехер, ответив на его бессмертное «Слезы отечества. Anno 1636» -

Мы все еще в беде, нам горше чем доселе,
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели
- двумя сонетами «Слезы отечества, год 1937».

На основе анализа деструктивных последствий социального конфликта в немецкой традиции вырабатывается идея естественного права человека на равенство, отрицалась значимость конфессиональных различий. Так, сочинения ряда авторов использовались как в протестантском, так и католических богослужениях, а идея межконфессионального диалога, дискуссии между христианами и атеистами воплотилась в публичных дискуссиях шестидесятых годов. Красноречивым примером данной тенденции может служить знаменитый «Der Dialog oder Andert sich das Verhältnis zwischen Katholizismus und Marxismus?», созданный совместно К.Ранером, Р.Гароди и И.Метцом.

Литература:

1. Европейская поэзия XVIII века. М., 1977. С. 247
2. Шиллер Ф. Собр.соч. Т. 5, М., 1957. С. 23
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 341.

Турецкая С.А.

«Конфликт с профессией».

Проблема профессионального выгорания педагогов

Проблема выгорания педагогов наращивает свою актуальность в период кризиса педагогических кадров. Тысячи специалистов для образовательных учреждений выпускается ежегодно ведущими высшими учебными заведениями нашей страны. На практике, лишь единицы выпускников приходят работать по специальности в учреждения образования. «Почтенный» возраст педагогических коллективов – реальный образ современной системы образования. Типичная ситуация сложилась и в нашем учреждении: педагогов от 36 до 50 лет - 38%, от 50 до 55 лет – 26%, свыше 55 лет – 26% и всего лишь 10% педагогического коллектива молодые люди до 35 лет.

Весной 2011 года была проведена психодиагностика эмоционального выгорания педагогов специального (коррекционного) детского дома. В психологическом исследовании приняли участие специалисты детского дома (учителя-дефектологи, учителя-логопеды, педагог-эколог, педагог-психолог, музыкальные и физкультурный руководители), воспитатели и младшие воспитатели. Всего было обследовано 80%, работающих с детьми, в

том числе 93% педагогического состава. Возрастной диапазон испытуемых 32-64 года.

Эмоциональное выгорание как приобретенный стереотип профессионального поведения, как своеобразный механизм психологической защиты, вырабатывается личностью в ответ на избранные психотравмирующие воздействия. С одной стороны «выгорание» позволяет дозировать и экономно использовать энергетические ресурсы. В то же время, могут возникнуть его дисфункциональные следствия, когда эмоциональное выгорание отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и отношениях с партнерами.

Эмоциональное выгорание формируется постепенно и имеет три фазы: напряжение, резистенция и истощение. В результате исследования выявлено, что фаза «напряжение» формируется у 20 % и уже сформирована у 6% испытуемых. Преобладающими на этой фазе являются такие симптомы как «переживание психотравмирующих обстоятельств» (8,673) и «тревога, депрессия» (8,142). Фаза «резистенция» (сопротивление) находится на стадии формирования у 37% испытуемых, а у 18% данная фаза уже сформирована. Здесь преобладают такие симптомы как «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» (13,857) и «редукция профессиональных обязанностей» (11,79592). Фаза «истощение» находится на стадии формирования у 17% испытуемых, у 6% данная фаза уже сформирована. На фазе «истощение» преобладают такие симптомы как «эмоциональная отстраненность» (8,387) и «психосоматические и психовегетативные нарушения» (8,796). Показатели симптомов «выгорания» исследуемой группы представлены в таблице №1.

Таблица №1. Симптомы выгорания в группе сотрудников

Симптом	Среднее значение	
1	Переживание психотравмирующей ситуации	8,67
2	Неудовлетворенность собой	5,79
3	Загнанность в клетку	6,63
4	Тревога и депрессия	8,14
5	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	13,85
6	Эмоционально – нравственная дезориентация	7,816
7	Расширение сферы экономии эмоций	8,46

8	Редукция профессиональных обязанностей	11,79
9	Эмоциональный дефицит	7,02
10	Эмоциональная отстраненность	8,38
11	Личностная отстраненность (деперсонализация)	5,61
12	Психосоматические и психовегетативные нарушения	8,79

Приятно сознавать, что в коллективе не сформированы такие проявления, как неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, эмоциональная и личностная отстраненность. Это дает право давать альтернативные характеристики коллектива, а именно: самодостаточность, свобода действий и творчества, эмоциональная отзывчивость, отсутствие цинизма. Тем не менее, складываются такие нежелательные симптомы как неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, редукция профессиональных обязанностей.

Неадекватное избирательное реагирование является доминирующим симптомом у 51% испытуемых, что, безусловно, отрицательно сказывается на взаимоотношениях.

Такой механизм психологической защиты как «редукция профессиональных обязанностей» выработало у себя 36% обследуемых. Этот дисфункциональный механизм позволяет не только экономно использовать энергетические ресурсы, но и отрицательно сказывается на исполнении профессиональных обязанностей.

Был предпринят сравнительный анализ средних значений показателей специалистов, воспитателей и младших воспитателей.

Средний возраст специалистов 45 лет, воспитателей – 46 лет, младших воспитателей – 53 года.

Средние показатели по параметру «стаж в детском доме»: у специалистов - 17 лет, у воспитателей и младших воспитателей - 11 лет. Следует заметить, что текучка кадров среди специалистов меньше.

Выявлено, что среди специалистов состоят в браке – 64%, среди воспитателей – 70% и среди младших воспитателей 50% замужних дам.

В результате корреляционного анализа не обнаружено взаимосвязей между симптомами эмоционального выгорания и возрастом, и семейным положением. На основании чего можно сделать вывод о том, что эмоциональное выгорание в большей степени связано с личностными особенностями профессионала. В тоже время, установлена тесная корреляционная связь между

стажем работы в детском доме и симптомом «психосоматические и психовегетативные нарушения». Причем наиболее интенсивно этот симптом формируются у специалистов, на плечи которых и возложены основные задачи коррекционного обучения.

Сравнительный анализ показателей специалистов, воспитателей и младших воспитателей показал, что «переживание психотравмирующих обстоятельств» ярче проявляется у специалистов (таблица №2).

В результате корреляционного анализа данных было установлено, что симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств» тесно связан с такими симптомами как «неудовлетворенность собой», «тревога, депрессия», «расширение сферы экономии эмоций», «эмоциональный дефицит» и «личностная отстраненность».

Симптом «загнанность в клетку» ярче выражен у младших воспитателей. Этот симптом тесно связан с личностной отстраненностью.

Одинаково высокие показатели во всех исследуемых группах по симптому «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование». В результате корреляционного анализа установлено, что «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» тесно связано с такими симптомами как «загнанность в клетку», «расширение сферы экономии эмоций», «личностная отстраненность» и «психосоматические и психовегетативные нарушения».

Эмоциональная отстраненность	9	7,7	8,7
Эмоциональная отстраненность	Специа-	Вос-	Млад-
Психосоматические и психовегетативные нарушения	10,2	8,4	8,7
Переживание психотравмирующей ситуации	10,2	9,2	7,2
Неудовлетворенность собой	5,5	5,6	6,1
Загнанность в клетку	4,3	3,2	11,8
Тревога и депрессия	9,8	7,7	7,5
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	13,8	13,8	13,8
Эмоционально – нравственная дезориентация	7,6	9,8	5,6
Расширение сферы экономии эмоций	6,8	8,7	9,2
Редукция профессиональных обязанностей	11,2	12,9	10,8
Эмоциональный дефицит	6	8,1	6,4

Таблица 2. Переживания психотравмирующих обстоятельств

У всех исследуемых групп на стадии формирования находится такой симптом как «редукция профессиональных обязанностей», но ярче он выражен у воспитателей.

Психосоматические и психовегетативные нарушения наиболее интенсивно формируются у специалистов. Данный симптом имеет тесную корреляционную связь со стажем работы в детском доме, а также с такими симптомами как «неудовлетворенность собой», «тревога и депрессия», «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «расширение сферы экономии эмоций», «редукция профессиональных обязанностей», «личностная отстраненность».

Итак, в результате исследования обнаружено, что 26% испытуемых испытывают напряжение, 55% испытуемых активно сопротивляются психотравмирующим воздействиям, вырабатывая дисфункциональные стереотипы профессионального поведения. У 6% испытуемых уже сформировалась критическая стадия синдрома эмоционального выгорания – «истощение», у 16% эта фаза находится в стадии формирования.

Так 49% опрошенных отметили, что их теплота взаимодействия с партнерами очень зависит от их личного настроения; 55% указали, что стараются меньше уделять внимания неприятным партнерам по общению; 43% отметили, что некоторых партнеров не хотели бы видеть и слышать. Специфика же профессии предполагает умение регулировать свои эмоциональные состояния, проявлять толерантность и эмпатию. Таким образом, следует проанализировать, какие аспекты поведения самой личности подлежат коррекции.

В процессе опроса 20% опрошенных признались, что часто работают через силу, а 30% иногда идут на работу с тяжелым чувством: «как всё надоело», 45% отметили, что организационные недостатки на работе постоянно заставляют нервничать и переживать. Такие результаты заставляют задуматься, в каких направлениях необходимо влиять на производственную обстановку, чтобы снизить нервное напряжение.

Результаты показали, что жизненно необходима разработка и организация программы по профилактике эмоционального выгорания коллектива детского дома. Начинать следует с самоанализа индивидуальных показателей по отдельным симптомам синдрома эмоционального выгорания. Следует проанализировать, какими сложившимися симптомами сопровождаются фазы «напряжения», «резистенция» и «истощение». Найти возможную причину активного формирования конкретного механизма психологической защиты.

Эмоциональное выгорание – это своеобразный «конфликт педагога с профессией». И как при разрешении любого конфликта, эта проблема требует и разработки стратегий, и участия медиатора.

В качестве профилактических и реабилитационных мер, на наш взгляд, могут применяться: стимуляция творческой активности и инициативы, ротация в педагогическом коллективе, повышение квалификации (причем на базе учреждения, с использованием потенциала педагогического коллектива), создание саморазвивающихся подструктур (методических объединений педагогов) с преимущественной самонаправленностью на привлекательные для себя лично и актуальные для учреждения цели.

Исследование показало, что «выгорание» не связано с возрастом педагогов. А значит, проблема даже не в том, насколько эффективно работает стареющий педагогический коллектив сегодня, а в том, как долго, при создании определенных профилактических условий, он сможет работать так эффективно.

Хамков В.И.

Актуальные проблемы культуры конфликтного взаимодействия

В последнее десятилетие развития нашего общества все отчетливее обнажаются проблемы, связанные с глобальной перестройкой социального, политического и экономического устройства страны. Нет необходимости говорить об изменениях, которые произошли в наших представлениях, ценностных ориентациях, предпочтениях и др., как следствие современных реалий. Очевидно, что в этих изменениях заключается основная причина часто возникающих напряженностей в межличностных, групповых взаимодействиях и обществе в целом. Любое напряжение в известной степени представляется неким раздражающим фактором и во многом определяет поведение человека в разных условиях его жизнедеятельности. Одним из приоритетных, базовых конструктов человеческого общежития является потребность во взаимодействии между людьми, которая возникает на всех уровнях сознания и проявляется в стремлении к совместной деятельности. Это величайший результат развития человека и общества. В то же время взаимодействие между людьми, группами, социальными общностями в любых видах деятельности не может не приводить к различным противоречиям, которые выступают как сопутствующие, с одной стороны, и как обязательные компоненты взаимодействия, с другой. На этом этапе наших рассуждений может быть обозначена первая проблема культуры конфликтного взаимодействия. Справедливо

задаваться вопросом, как реальные противоречия или конфликты взаимодействия ограничить рамками культурного поведения? Достаточно ли такое ограничение признать априори культурным?

Мы прекрасно понимаем, что само понятие «культура» весьма обширно, многогранно и включает в себя все достижения человечества, имеющиеся на сегодняшний день. Однако все, что понимается под культурой, не может быть усвоено каждым в полной мере. А если и усвоено даже в большой степени, то может ли это быть безусловным основанием неконфликтного взаимодействия, а если и конфликтного, то конструктивного? Скорее всего, ответ будет отрицательным. Следовательно, формально выстроенные рамки культурного поведения не уберегают нас от бескультурья. Отсюда следует то, что проблема существует и ее необходимо решать. Однако ограничиться только этим решением недостаточно. Отсюда возникает потребность расширить область наших представлений о совершенствовании культуры конфликтного взаимодействия.

В русле наших рассуждений мы подходим к следующей проблеме, которая заключается в отыскании возможностей, средств, приемов и т.д., формирования у человека привычки культурного восприятия противоречий и культурного поведения в конфликтных ситуациях. Известно, что психика человека проявляется через акты собственного поведения, на которые оказывают влияние различные факторы, как внешние, так и внутренние. Одним из внутренних факторов являются психические состояния, формирующиеся под влиянием трех основных компонентов: личность, ситуация и личностный смысл как отношение к данной ситуации. Здесь мы пытаемся обозначить лишь возможности разрешения проблемы. В данном примере самым удобным для воздействия с целью регуляции поведения является личностный смысл, который связан с особенностями восприятия человека человеком. Неадекватное восприятие негативизирует протекание конфликта, ухудшает взаимоотношения, разрушает ситуацию, приводит к антагонистическому столкновению мнений. К сожалению, это может происходить по самым элементарным вопросам, по очевидным ценностям, по безусловным положениям. Здесь необходимо понимать, что личный успех зависит не только от наших способностей, усилий, нашей точки зрения, но и от точки зрения нашего окружения. Нельзя надеяться на полноценные отношения с другими людьми, строя свой личностный смысл в пользу отыскания и закрепления различий, неприятия мнений других людей. Вот путь решения проблемы. Выяснить объект наиболее эффективного воздействия и

через него осуществлять регуляцию поведения в конфликте в сторону культурного.

И наконец, мы можем обозначить третью проблему культурного взаимодействия в конфликте. Она состоит в изыскании способов, форм и средств развития способностей, умений и навыков культурного разрешения конфликтов между людьми, группами, социальными общностями. Необходимо возродить единую систему воспитания во всех социальных институтах от семьи до трудового коллектива с учетом новых культурно-исторических условий жизни нашего общества.

Мы не можем здесь, и сейчас обозначить весь круг проблем, их гораздо больше, и решений тоже может быть достаточно много. Но то, что данные проблемы надо решать – это очевидно. Однако хочется заметить, что только научными методами здесь не обойтись. Необходимо подключение политических, экономических и социальных возможностей государства в системном подходе такого решения.

Чернова Г.Р., Сергеева М.В.

Специфика внутриличностных конфликтов

Внутриличностные конфликты – представляют собой противопоставление двух начал в душе человека, воспринимаемое и эмоционально переживаемое человеком как значимая для него психологическая проблема, требующего своего разрешения и вызывающая внутреннюю работу, направленную на её преодоление.

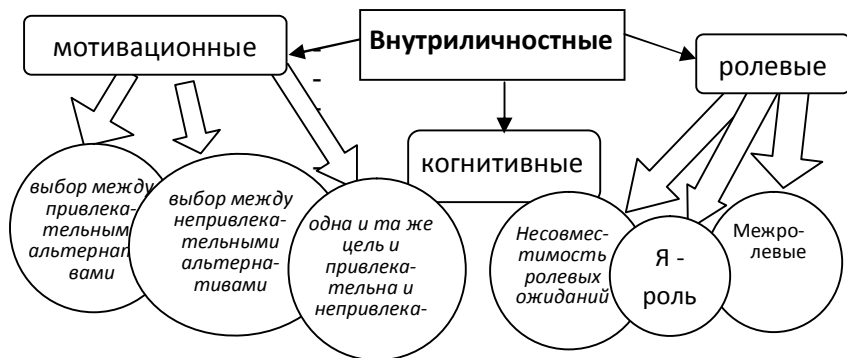

Рис. 1. Классификация внутриличностных конфликтов

Изучение внутриличностного конфликта началось в конце XIX века и было связано в первую очередь с именем основателя психоанализа - Зигмунда Фрейда. Он показал, что человеческое существование связано с постоянным напряжением и

преодолением противоречия между биологическими влечениями и желаниями (прежде всего сексуальными) и социально-культурными нормами, между бессознательным и сознанием. В этом противоречии и постоянном противоборстве, по Фрейд, сущность внутриличностного конфликта.

Иначе рассматривали теорию внутриличностного конфликта представители гуманистической школы. Фундаментальным компонентом структуры личности, считает Карл Роджерс, является “Я-концепция” — представление личности о самой себе, образ собственного “Я”, формирующийся в процессе взаимодействия с окружающей средой. На основе “Я-концепции” происходит саморегуляция поведения человека. Но “Я-концепция” часто не совпадает с представлением об идеальном “Я”. Между ними может происходить расхождение. Этот диссонанс между “Я-концепцией”, с одной стороны, и идеальным “Я” — с другой, и выступает как внутриличностный конфликт, который может привести к тяжелому психическому заболеванию.

Широкую известность получила концепция внутриличностного конфликта одного из ведущих представителей гуманистической психологии американского психолога Абрахама Маслоу. Согласно Маслоу, мотивационную структуру личности образует ряд иерархически организованных потребностей:

- 1) физиологические потребности;
- 2) потребность в безопасности;
- 3) потребность в любви;
- 4) потребность в уважении;
- 5) потребность в самоактуализации.

Самая высшая – потребность в самоактуализации, то есть в реализации способностей и талантов человека. Она выражается в том, что человек стремится быть тем, кем он может стать. Но это ему не всегда удается. Самоактуализация как способность может присутствовать у большинства людей, но лишь у меньшинства она является реализованной. Этот разрыв между стремлением к самоактуализации и реальным результатом и лежит в основе внутриличностного конфликта.

Еще одна весьма популярная сегодня теория внутриличностного конфликта разработана австрийским психологом и психиатром Виктором Франклом, создавшим новое направление в психотерапии — логотерапию - поиск смысла человеческого существования. Согласно концепции Франкла, главной движущей силой жизни каждого человека является поиск им смысла жизни и борьба за него. Но осуществить смысл жизни удастся лишь немногим. Отсутствие

же его порождает у человека состояние, которое он называет экзистенциальным вакуумом, или чувством бесцельности и пустоты.

Виды внутриличностных конфликтов

Выделяют три вида внутриличностных (психологических) конфликтов:

1. **Конфликт потребностей.** Его основание конфликтов заключается в том, что наши потребности могут противостоять друг другу и побуждать нас к различным действиям. Иногда мы хотим одновременно противоречивых вещей и поэтому не можем действовать. Например: ребенок хочет съесть конфету. Но мать просит его отдать лакомство ей. В таком случае ребенок хотел бы съесть конфету, а также отдать ее матери. Он испытывает конфликт потребностей и начинает плакать.

2. **Конфликт между потребностью и социальной нормой.** Очень сильная потребность может столкнуться внутри нас с принудительным императивом. Независимо от того, уступим мы или нет этой потребности, ситуация становится конфликтной.

(В терминологии З. Фрейда противоречие, вызывающее данный тип конфликта, -- это противоречие между Оно (Ид) и Сверх-Я (Супер-эго). Оно (Ид) -- сосредоточение слепых инстинктов (либо сексуальных, либо агрессивных), стремящихся к немедленному удовлетворению. Сверх-Я (Супер-эго) включает моральные нормы, запреты и поощрения, усвоенные личностью.)

3. **Конфликт социальных норм.** Сущность этого конфликта заключается в том, что человек испытывает равнозначное давление двух противоположных социальных норм. (В прошлом веке дуэль, запрещенная церковью, была единственным признанным в обществе средством смыть оскорбление и восстановить свою честь. Конфликтная ситуация для верующего дворянина заключалась в противоречии между классовым и религиозным долгом.)

Классификация на основе ценностно-мотивационной сферы личности.

В зависимости от того, какие стороны внутреннего мира личности вступают в конфликт, они выделяют следующие основные его виды:

✓ Мотивационный конфликт. Это конфликты между бессознательными стремлениями, между стремлениями к обладанию и безопасности, между двумя положительными тенденциями.

✓ Нравственный конфликт, который часто называют моральным или нормативным конфликтом. Это конфликт между желанием и долгом, между моральными принципами и личными привязанностями.

✓ Конфликт нереализованного желания, или комплекса неполноценности. Это конфликт между желаниями личности и действительностью, которая блокирует их удовлетворение. Иногда его трактуют как конфликт между «хочу быть таким, как они» и невозможностью это желание реализовать. Он может возникнуть в результате физической невозможности человека осуществить это стремление. Например, из-за неудовлетворенности своей внешностью или физическими данными.

✓ Ролевой конфликт. Он выражается в переживаниях, связанных с невозможностью одновременно реализовать несколько ролей (межролевой внутриличностный конфликт), а также с различным пониманием требований, предъявляемых самой личностью к выполнению одной роли (внутриролевой конфликт). Примером межролевого внутриличностного конфликта может быть ситуация, когда человека в качестве сотрудника организации просят поработать сверхурочно, но в качестве отца он хочет больше время уделить своему ребенку. Примером внутриролевого конфликта может служить ситуация, когда верующему человеку для защиты отечества нужно взять в руки оружие и идти на войну убивать.

✓ Адаптационный конфликт. Этот конфликт имеет два смысла. В широком смысле он понимается как возникающий на основе нарушения равновесия между субъектом и окружающей средой, в узком смысле - как возникающий при нарушении процесса социальной или профессиональной адаптации. Это конфликт между требованиями, которые предъявляет к личности действительность, и возможностями самого человека (профессиональными, физическими, психическими).

✓ Конфликт неадекватной самооценки возникает из-за расхождения между претензиями личности и оценкой своих возможностей. Результатом этого является повышенная тревожность, эмоциональное напряжение и срывы.

✓ Невротический конфликт - результат сохраняющегося в течение длительного времени обычного внутриличностного конфликта, характеризуется высшим напряжением и противоборством внутренних сил и мотивов личности.

Отрицательные последствия внутриличностного конфликта

Внутриличностный конфликт по своим последствиям может быть как конструктивным (функциональным, продуктивным), так и деструктивным (дисфункциональным, непродуктивным). Первый имеет своим результатом положительные последствия, второй — отрицательные. Внутриличностный конфликт носит деструктивный характер, когда личность не может найти выход из сложившейся конфликтной ситуации, не в состоянии вовремя

и положительно разрешить противоречия внутренней структуры.

1. В общем плане можно выделить следующие отрицательные последствия внутриличностного конфликта, касающиеся состояния самой личности:

- прекращение развития личности, начало деградации;
- психическая и физиологическая дезорганизация личности;
- снижение активности и эффективности деятельности;
- состояние сомнения, психической подавленности, тревожности и зависимости человека от других людей и обстоятельств, общая депрессия;
- появление агрессии или, напротив, покорности в поведении человека в качестве защитных реакций на внутриличностный конфликт;
- появление неуверенности в своих силах, чувства неполноценности и никчемности;
- разрушение смыслообразующих жизненных ценностей и утрата самого смысла жизни.

2. Отрицательные последствия внутриличностного конфликта касаются не только состояния самой личности, ее внутренней структуры, но и ее взаимодействия с другими людьми в группе — в семье, школе, вузе, организации и т.д. Такими негативными последствиями могут быть:

- деструкция существующих межличностных отношений;
- неожиданное обособление личности в группе, молчание, отсутствие увлеченности, вообще все то, что в психологии получило название “отступлением”;
- повышенная чувствительность к критике;
- пугающая информация — критиканство, ругательства, демонстрация своего превосходства;
- девиантное (отклоняющееся) поведение и неадекватная реакция на поведение других;
- неожиданные, нелогичные вопросы, а также ответы не впопад, приводящие собеседника в замешательство;
- жесткий формализм — буквоедство, формальная вежливость, слежение за другими;
- поиск виноватых — обвинение других во всех грехах или, напротив, самобичевание.

3. Если внутриличностный конфликт вовремя не разрешается, то он может привести к более тяжелым последствиям, наиболее сильные из которых стресс, фрустрация и невроз.

1) Стресс (от англ. stress — давление, напряжение) — состояние человека, возникающее в ответ на разнообразные эмоциональные воздействия. Он может проявляться на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях и является

весьма распространенной реакцией на внутриличностный конфликт, если тот зашел достаточно далеко и личность не способна его вовремя и конструктивно разрешить. При этом сам стресс часто провоцирует дальнейшее развитие конфликта или порождает новые конфликты, поскольку некоторые пытаются сорвать свое раздражение и гнев на окружающих.

2) Фрустрация (от лат. *frustratio* — расстройство, разрушение планов) — психическое состояние человека, вызываемое непреодолимыми объективными (или субъективно воспринимаемыми в качестве таковых) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или разрешению задачи. Фрустрация — всегда тягостное переживание неудачи или неразрешимого противоречия. Ее можно рассматривать как одну из форм психологического стресса.

3) Неврозы (от греч. *neuron* — нерв) — это группа наиболее распространенных нервно-психических расстройств, имеющих психогенную природу. В основе неврозов лежит непродуктивно разрешаемое противоречие между личностью и значимыми для нее факторами действительности. Глубокий внутриличностный конфликт, который личность не в состоянии разрешить положительно и рационально, — важнейшая причина неврозов. Эта невозможность разрешения конфликта сопровождается возникновением болезненных и тягостных переживаний неудач, неудовлетворенных потребностей, недостижимости жизненных целей, потери смысла жизни и т.д. Появление неврозов означает, что внутриличностный конфликт перерос в невротический конфликт.

4) Невротический конфликт как высшая стадия развития внутриличностного конфликта может возникнуть в любом возрасте. Но в большинстве случаев он закладывается в детстве в условиях нарушения отношений с окружающей социальной средой и в первую очередь с родителями. В результате затруднения с поиском выхода из переживаний могут появляться психическая (и физиологическая) дезорганизация личности, формирование неврозов.

Таковы основные отрицательные последствия внутриличностного конфликта. Но самое страшное состоит в том, что он может стать причиной суицида (самоубийства).

Позитивные последствия внутриличностного конфликта

Как было отмечено, внутриличностный конфликт может быть не только деструктивным, но и конструктивным, т.е. позитивно влияющим на структуру, динамику и результативность внутриличностных процессов и служащим источником самосовершенствования и самоутверждения личности. В этом случае внутриличностные противоречия разрешаются без особых нега-

тивных последствий, а общим результатом их разрешения является развитие личности.

Действительно, именно через конфликт, разрешение и преодоление внутриличностных противоречий происходит становление характера, воли и всей психической жизни личности. Лишите человека этой внутренней работы и борьбы и вы лишите его полноценной жизни и развития, ибо сама жизнь и есть постоянное разрешение противоречий.

Если рассматривать положительные последствия внутриличностного конфликта более конкретно, то можно выделить следующие:

- 1) конфликты способствуют мобилизации ресурсов личности для преодоления существующих препятствий ее развития;
- 2) конфликты помогают самопознанию личности и выработке ее адекватной самооценке;
- 3) внутриличностный конфликт закаляет волю и укрепляет психику человека;
- 4) конфликт является средством и способом саморазвития и самоактуализации личности;
- 5) преодоления конфликтов дают личности ощущение полноты жизни, делают ее внутренне богаче, ярче и полноценнее. В этом плане внутриличностные конфликты дают нам возможность насладиться победой над самим собой, когда человек свое реальное “Я” хотя бы на немного приближает к своему идеальному “Я”.

Внутриличностный конфликт — это состояние внутренней структуры личности, характеризующееся противоборством ее элементов. Внутриличностный конфликт, как и всякий другой, не возникает на «пустом месте».

Человек живет в социальном мире, вовлечен в многообразные общественные отношения, которые воздействуют на него в различных направлениях и с разным знаком. Ни один индивид как существо социальное не может развиваться вне этой системы общественных отношений. И только в обществе он может удовлетворить свои потребности, утвердить интересы и достигнуть поставленных целей. Другими словами, жить в обществе и быть свободным от него нельзя.

С другой стороны, всякая личность стремится к свободе и самореализации. Это объективное противоречие между личностью и обществом изначально предопределяет появление различных внутриличностных конфликтов, имеющих разнообразные последствия для развития личности.

Экономическая доминанта антикризисного управления современной конфликтологии

В последнее время очень популярными и распространенными стали исследования в области конфликтологии, которая уже полноправно претендует на звание науки. Некоторые исследователи полагают, что конфликтология является областью социологии, иные считают ее областью культурологии, другие же считают ее «дочерью» психологии. По нашему мнению, конфликтология находится на стыке указанных наук, являясь самостоятельной наукой, которая непрерывно развивается.

В основе конфликтологии находится конфликт, который также определяется различными исследователями по-разному. Приведем некоторые из наиболее распространенных определений конфликта.

В переводе с латинского, конфликт означает «столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с острыми отрицательными эмоциональными переживаниями. Любые организационные изменения, противоречивые ситуации, деловые и личностные отношения между людьми нередко порождают конфликтные ситуации, которые субъективно сопровождаются серьезными психологическими переживаниями» (1).

В повседневной жизни конфликт понимается как нечто негативное, ассоциируется с агрессией, глубокими эмоциями, спорами, угрозами, враждебностью. Предполагается, что конфликт — явление всегда нежелательное и его необходимо по возможности избегать и уж, если он возник, немедленно разрешать. Современная психология рассматривает конфликт не только в негативном, но и в позитивном ключе: как способ развития организации, группы и отдельной личности, выделяя в противоречивости конфликтных ситуаций позитивные моменты, связанные с развитием и субъективным осмыслением жизненных ситуаций.

Наиболее часто конфликт определяется как «конкуренция в удовлетворении интересов» (1). По теореме Томаса, если ситуации определяются как реальные, то они реальны по своим последствиям. Следовательно, конфликт становится реальностью тогда, когда он переживается как конфликт хотя бы одной из сторон.

М. Робер и Ф. Тильман рассматривают конфликт как состояние потрясения, дезорганизации по отношению к предшествующему развитию и, соответственно, как генератор новых структур (1). Тем самым, они понимают конфликт как позитивное явление.

Дж. Фон Нейман и О. Моргенштейн определяют конфликт как «взаимодействие двух объектов, обладающих несовместимыми целями и способами достижения этих целей. В качестве таких объектов могут рассматриваться люди, отдельные группы, армии, монополии, классы, социальные институты и др., деятельность которых так или иначе связана с постановкой и решением задач организации и управления, с прогнозированием и принятием решений, а также с планированием целенаправленных действий» (1).

К. Левин характеризует конфликт как «ситуацию, в которой на индивида одновременно действуют противоположно направленные силы примерно равной величины»¹. Вместе с «силовыми» линиями ситуации активную роль в разрешении конфликтов, их понимании и видении играет сама личность. Поэтому в работах Левина рассматриваются как внутриличностные, так и межличностные конфликты.

В теории социального конфликта Л. Козера конфликт определяется как «борьба по поводу ценностей и притязаний из-за дефицита статуса, власти и средств, в которой цели противников нейтрализуются, ущемляются или элиминируются их соперниками»¹. Автор также отмечает позитивную функцию конфликтов — поддержание динамического равновесия социальной системы. Если конфликт связан с целями, ценностями или интересами, не затрагивающими основ существования групп, то он является позитивным. Если же конфликт связан с важнейшими ценностями группы, то он нежелателен, так как подрывает основы группы и несет в себе тенденцию к ее разрушению.

В современной жизни России важную роль играют социально-экономические конфликты, то есть конфликты по поводу средств жизнеобеспечения, уровня заработной платы, использования профессионального и интеллектуального потенциала, уровня цен на различные блага, по поводу реального доступа к этим благам и другим ресурсам. Указанные конфликты в современной России имеют объективную основу. Они стимулируются переходом народом хозяйства страны на рыночные рельсы и связанной с этим борьбой за перераспределение собственности между различными социальными группами населения, обнищанием широких слоев населения, структурной перестройкой экономики и связанной с

ней скрытой или открытой массовой безработицей. Очень важен в этом конфликте субъективный фактор: имеющие место перекосы в проведении реформ, ошибки налоговой политики, бюрократические извращения в институтах власти.

Рациональное капиталистическое производство порождает конфликты двух основных типов: конкуренцию между производителями товаров; столкновение работодателей и наемных работников. Если рабочую силу считать товаром, то оба эти вида конфликта представляют собой подвиды отношений в общей системе, именуемой рынком.

Тем самым, современное антикризисное управление является результатом многовековой и эффективной умственной работы тех, кто захотел соединить интеллектуальный поиск и социальную эффективность, разрешая реальные социально-экономические конфликты. Однако, экономическая жизнь является это игрой в условиях неопределенности. Имеющиеся экономические принципы помогают рационально подойти к чрезвычайно сложной ситуации, которая складывается вследствие взаимодействия очень многих факторов. На поверхности же видны затруднения экономической жизни: спады производства, инфляции, рост безработицы и пр. Следовательно, даже при первоначальном равенстве участников экономической конкуренции неизбежно появится неравенство их результатов. Поэтому в обществе постоянно возникает вопрос о социальной справедливости.

В свою очередь, форм известно только три формы справедливого распределения социальных благ: в зависимости от трудового вклада, пропорционально усилиям и результату; всем поровну; по потребностям. Понятие «справедливость» пронизывает всю совокупность экономических отношений. Дефицит экономических ресурсов в обществе, а, следовательно, и обусловленные им социальные конфликты зависят от двух взаимосвязанных групп проблем. Первая находится в сфере производства, вторая — в сфере распределения. Из этого следует вывод: чтобы распределить ресурсы, их надо иметь. Следовательно, возможности распределения ресурсов зависят от количества материальных благ, созданных обществом в течение определенного времени (валового национального продукта), и количества ресурсов на каждого члена общества (дохода на душу населения). Эти показатели в конечном итоге зависят от эффективности общественного производства, которое складывается из наличия сырья, качества и количества рабочей силы, технологического уровня производства и системы управления производством. При этом недостаток ресурсов может быть обусловлен как низкой эффективностью

общественного производства, так и относительно высоким (завышенным) уровнем потребностей в обществе. При этом наиболее сложными являются вопросы распределения ресурсов, так как понятие «справедливость» в этой сфере обусловлено бесконечным множеством факторов, связанных с типом и состоянием существующей в обществе системы распределения, например с ее эффективностью, предполагающей наличие таких свойств, как дешевизна затрат на ее содержание, гибкость, оперативность, открытость и пр.; а также с общественной оценкой системы распределения и ее функционирования, в основе которой находятся правовые и нравственные критерии (законность, справедливость и пр.).

Понятие «социально-экономический конфликт» включает не только конфликты, связанные с трудовой деятельностью и оплатой за труд, но и всю совокупность социально-экономических отношений в обществе. Например, выплата стипендий, детских пособий, содержание детских домов и домов инвалидов, создание социальной инфраструктуры, финансирование бюджетных институтов и организаций (науки, образования, здравоохранения, институтов культуры), а также отношения между властью и предпринимателями, производством и потреблением.

Социально-экономические противоречия пронизывают все сферы жизнедеятельности общества (производство, науку, образование, торговлю и пр.) и на всех его уровнях взаимодействия (от спора рабочего с мастером до конфликта между федеральным центром и регионом). На первом месте по своей конфликтности находится линия противоречий, разделяющая работодателей и наемных работников. Другая линия противоречий проходит между предпринимателями и властными структурами, регулирующими предпринимательскую деятельность. Противоречия между различными профессиональными категориями граждан, обусловленные желанием перераспределения ресурсов в свою пользу. Противоречия между федеральным Центром и регионами, а также между отдельными регионами, вызванные проблемами распределения и перераспределения ресурсов.

Политика проводимых правительством реформ привела к обнищанию и маргинализации большинства российских граждан. В результате целые социальные слои и профессиональные категории граждан не могут приспособиться к новым условиям жизни. Мы видим, что большинство российских граждан оказались невостребованными в новых социально-экономических условиях. Поэтому люди будут стремиться изменить «непригодные» для них условия жизни.

Падение доходов ведет к дальнейшему спаду производства, уменьшению налогооблагаемой базы и дефициту бюджетных средств, необходимых как для инвестирования производства, так и для решения социальных задач. Таким образом, круг проблем как бы замыкается.

Настоящей трагедией для российского общества стали различного рода экономические преступления, которые непосредственно и весьма негативно влияют на социально-трудовые отношения. Средства, заработанные от реализации произведенной продукции, приватизации государственной собственности, и полученные кредиты попросту разворовываются на всех уровнях, а виновные в их хищении, как правило, не привлекаются к ответственности. Криминализация экономики и коррупционность госчиновников достигла размеров, угрожающих государственной безопасности.

Ключевым фактором, необходимым для проведения социально-экономических реформ и поступательного развития общества, является фактор доверия населения к осуществляемым преобразованиям и к властным структурам. Указанный фактор включает множество составляющих, например, таких как, обоснованность изменений, адекватность, справедливость, честность, добросовестность, правомерность, эффективность, перспективность. Большинство из приведенных понятий не укладываются в представления многих россиян о курсе реформ, способах их проведения о самих «реформаторах».

Конфликтотенная обстановка в сфере трудовых и социально-экономических отношений усугубляется еще и тем, что в России отсутствуют действенные механизмы урегулирования социально-трудовых конфликтов, поэтому большинство из них трансформируются в социально-политические. Вполне очевидно, что кардинальное улучшение конфликтотенной обстановки в социально-экономических отношениях невозможно без выхода экономики страны из кризиса. Однако на возникающие в обществе социальные конфликты необходимо реагировать незамедлительно. Основную роль в урегулировании этих конфликтов должно играть государство (правительство, суды, прокуратура) либо как сторона конфликта, либо в качестве посредника или арбитра.

Литература:

1. Управление персоналом: словарь-справочник // <http://psyfactor.org/personal/personal10-12.htm>.

Гендерные особенности переговоров

Переговорный процесс, так или иначе, присутствует в жизни каждого человека. Человек сталкивается с множеством переговоров в различных сферах жизни. Успешность переговорного процесса зависит от многих факторов: предмета переговоров, характера ситуации, наличия информации, особенностей личности, имеющихся навыков и умений и т.п. Одним из факторов, влияющих на процесс переговоров, является гендер участников. Для человека, проводящего переговоры, наличие любой дополнительной информации о партнере может играть существенную роль. Обычно перед проведением переговоров сложно заранее сказать что-либо о личности партнера, хотя этот фактор может быть решающим в дальнейшем. Но есть характеристика человека, которая становится известна уже на стадии предварительной договоренности о переговорной встрече – это гендер участников.

Человек, который не является профессионалом, скорее всего, не станет обращать внимание на этот момент, упуская, тем самым, важную информацию. Конфликтолог, будучи профессионалом в области переговорного процесса, безусловно, учитывает в своей работе гендерную специфику, но, чаще всего, учитываются психологические аспекты.

Научные исследования на тему гендера большое внимание уделяют различным аспектам мужского и женского поведения, коммуникации, языковых особенностей. Данные исследований по этим направлениям используются в практике переговорного процесса. Но следует учитывать, что процесс переговоров, представляя собой процесс коммуникации, имеет и собственные специфичные аспекты, которые недостаточно исследованы с точки зрения гендерной специфики. Изучение особенностей ведения переговоров у мужчин и женщин позволяет учитывать определенные аспекты поведения, что ведет к повышению эффективности переговорного процесса. Такими аспектами являются: распределение сил на переговорах, управление переговорным процессом, используемые сторонами переговорные стратегии. Эти темы освещены в литературе недостаточно полно, поскольку данные по ним могут быть получены лишь косвенно, на основании психологических исследований, посвященных коммуникации. Целью нашего исследования явилось выявление коммуникативных особенностей ведения переговоров мужчинами и женщинами в ситуации делового взаимодействия. Предметом нашего исследования явилось влияние гендерных особенностей на переговорный процесс в условия дисбаланса

сил. Выбор данного предмета обусловлен самой спецификой переговорного процесса, где стороны редко оказываются в ситуации равенства ресурсов.

В данном исследовании мы проверяли несколько гипотез. Первая гипотеза состоит в том, что мужчины чаще, чем женщины берут управление процедурой и содержанием переговорного процесса на себя независимо от распределения сил. Вторая гипотеза: мужчины в большем числе случаев выступают как активные участники переговорного процесса, независимо от распределения баланса сил на переговорах. Третья гипотеза: женщины на переговорах чаще используют инструментальный стиль взаимодействия, а мужчины - личностный. Четвертая гипотеза: женщины, в силу гендерных особенностей, в переговорах преимущественно используют интегративную стратегию независимо от распределения баланса сил.

Для проверки поставленных нами в исследовании гипотез мы выбрали метод эксперимента. Выбор этого метода обусловлен тем, что наблюдать за проведением реальных переговоров не представляется возможным. Переговоры – часто конфиденциальный процесс, и осуществить определение баланса сил и ресурсов в реальной ситуации для стороннего наблюдателя не представляется возможным. Поэтому, нами были разработаны материалы, представляющие собой установочную информацию для ролевой игры. Обычно такого рода материалы широко используются в рамках обучения технологии переговоров на тренингах, и мы решили применить их в нашем исследовании. Такой метод позволил нам самим установить параметры исследуемой ситуации, в том числе распределение ресурсов. Мы построили ситуацию таким образом, чтобы у сторон не было возможности прийти к соглашению путем позиционного торга. То есть ресурсы распределены так, что ни одна из сторон не может удовлетворить требования другой без раскрытия интересов обеих сторон.

В исследовании приняли участие 36 пар, которые вели переговоры. В каждой паре одной стороной был мужчина, второй стороной – женщина. Возраст испытуемых, которые принимали участие в исследовании – от 20 до 25 лет. Мы ограничили возрастной диапазон испытуемых, чтобы исключить влияние фактора возраста, а, следовательно, большего опыта, на специфику ведения переговоров. Все испытуемые, принимавшие участие в исследовании получают или имеют высшее образование.

Для того, чтобы проверить выдвинутые нами гипотезы, в части случаев стороной, имеющей преимущество в ресурсах, выбирался мужчина, в части случаев – женщина.

Эксперимент проходил следующим образом: мужчина и женщина садились за стол переговоров, им давались роли, в соответствии с которыми они должны были вести переговоры. Давалась инструкция о том, что их цель - провести переговоры от лица персонажа и заключить соглашение, соблюдая те интересы, о которых написано в их ролях. Сторонам давалось 10 минут на то, чтобы провести переговоры. Если испытуемые приходили к соглашению раньше, чем заканчивалось время, эксперимент прекращался. Если стороны не успевали придти к соглашению за 10 минут, процесс останавливался.

Таким образом, в итоге нами были получены видеозаписи 20 ситуаций, где стороной с преимуществом в ресурсах была женщина, и 16 ситуаций, где роль сильной, с точки зрения ресурсов, стороны играл мужчина.

Рассмотрение делового взаимодействия позволило нам произвести анализ используемых сторонами стилей на переговорах - инструментального и личностного. Мы считаем, что результаты, полученные в данной работе, можно экстраполировать на все переговорные ситуации.

В результате исследования нами были получены данные, показывающее, что мужчины чаще, чем женщины берут управление процедурой и содержанием переговорного процесса на себя независимо от распределения баланса сил. Мужчины также проявляют себя как более активные участники переговорного процесса, чем женщины.

Гипотеза о том, что женщины на переговорах будут чаще использовать инструментальный стиль взаимодействия, а мужчины личностный, не подтвердилась. По данным нашего исследования, на использование определенного стиля в переговорах влияет баланс сил. Так, в ситуациях, когда баланс сил на стороне мужчин, они чаще используют инструментальный стиль, а женщины – личностный. В ситуации, когда силы и ресурсы на переговорах распределены в пользу женщин, они чаще используют инструментальный стиль, а мужчины – личностный.

Также, результаты проведенного нами исследования подтверждают гипотезу о том, что женщины, в силу гендерных особенностей, в переговорах преимущественно используют интегративную стратегию независимо от распределения сил.

Мы считаем, что рассмотрение гендерных особенностей поведения в переговорах является важной целью в рамках развития конфликтологии и изучения переговоров.

Литература:

- Бендас Т.В. Гендерная психология лидерства. – Оренбург, 2000
Василенко И.А. Политические переговоры: учебное пособие – М.: Гардарики, 2006.

Иванова Е.Н. Переговоры принуждения – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009

Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины – СПб.: Питер, 2001

Интегративные переговоры. В курсе обучения специалистов в области переговорного процесса. Учеб. пособие. СПб.: Роза мира, 2007.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Буленкова М.Е. (ПГУПС, Санкт-Петербург)

О преподавании культурологии в технических вузах

Культурология, достаточно молодая наука, переживающая период становления. Сравнительно недавно она получила знаковое подтверждение статуса самостоятельной науки: исследователям культуры стали присваивать учёную степень по культурологии. Однако, некоторые ученые до сих пор не склонны считать ее наукой, акцентируя внимание на отсутствии объективной научной базы. И, тем не менее, эта дисциплина является одной из наиболее актуальных в наши дни.

Культурология вызывает неизменный интерес у студентов как гуманитарных, так и технических ВУЗов. Необходимость изучения этого предмета в гуманитарной сфере очевидна, а вот актуальность предмета культурологии в области технических специальностей периодически ставится под сомнение. Однако, сама попытка вывести этот предмет за рамки обучения в ВУЗах с техническими специальностями может привести к снижению общего уровня заинтересованности в окружающем мире, хотя именно этот аспект является главным двигателем технического прогресса. Значимость культурологии определяется тем, что она проясняет смысл культуры, раскрывает ее роль в общественной жизни, позволяет составить более четкое представление о том, каков должен быть вектор исторического развития, на достижение каких целей должны быть сконцентрированы как усилия отдельной личности, так и всего общества.

Практика показывает, что на начальной стадии изучения культурологии студентами технических специальностей, предмет воспринимается несколько поверхностно, однако, при соприкосновении с темами актуальными именно в наши дни, аудитория меняется. Наибольший интерес в изучении предмета культурологии студентами технических ВУЗов вызывают темы, связанные с экологическим кризисом планеты, с проблемами национальной и этнической культуры. Культурология обращается к феноменам, которые, на первый взгляд, общеизвестны, но при ближайшем рассмотрении оказываются весьма сложными. Изучая культурологию, студент превращает в научную проблему то, что на уровне бытового сознания не вызывает сомнения, в этом смысле он заново открывает мир, срывает с него маску тривиальности.

Необходимо отметить, что для культурологии, существующей в техническом вузе в отрыве от необходимой гуманитарной среды, наличествует реальная опасность превращения в догма-

тическую, схоластическую дисциплину, лишенную живой связи с культурой, опасность утраты или снижения ее гуманистического и воспитательного потенциала. Поэтому для гармоничного существования этой дисциплины в сфере технических специальностей необходимо тщательно продумывать программу, ориентируясь, в первую очередь, на каждую конкретную специальность.

Занковский А.Н.

Историко-диалектический подход к исследованию корпоративной культуры

Согласно одному из наиболее распространенных определений, корпоративная культура — это «философские и идеологические представления, ценности, убеждения, верования, ожидания, аттитуды и нормы, которые связывают организацию в единое целое и разделяются её членами»(Kilmann R. et al, 1986) .

Корпоративная культура имеет определенную структуру, анализируя которую Э. Шайн выделяет три уровня: поверхностный, внутренний и глубинный (Шайн, 2000).

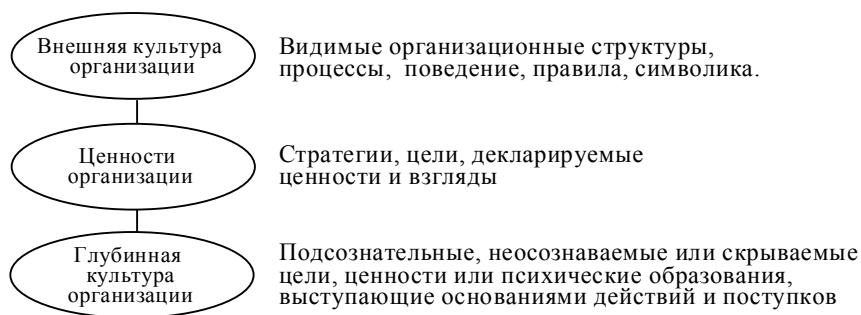

Рис.1. Структура корпоративной культуры (по Э.Шайну)

При этом сущность культуры организации можно установить лишь на уровне базовых представлений, лежащих в основе ее деятельности.

Указанные уровни в том или ином виде неизменно выделяются и другими исследователями организационной или корпоративной культуры. На наш взгляд, эти уровни нужно рассматривать в качестве равноправных компонентов или блоков системы корпоративной культуры. По сути дела, указанные уровни – это три взаимосвязанные формы существования ценностей: 1) организационные идеалы и принципы, выраженные в декларируемых ценностях; 2) внешнее, предметное воплощение этих идеалов в поведении и общении сотрудников, внешних органи-

зационных характеристиках, в предлагаемых организацией товарах и услугах, в используемых технологиях и т.д.; 3) ценностно-мотивационная сфера личности, побуждающие ее к предметному воплощению организационных ценностей в своем поведении и деятельности. Взаимодействие названных компонентов можно упрощенно представить как серию непрерывных взаимодействий: декларируемые ценности усваиваются личностью и начинают в качестве «моделей должного» побуждать ее активность, в процессе которой происходит предметное воплощение этих моделей: предметно воплощенные ценности в свою очередь становятся основой для формирования организационных идеалов и так далее. (Донцов, 1975, Леонтьев, 96). Таким образом, корпоративную культуру можно представить как 3-х компонентную систему, которая находится в непрерывном развитии (Рис.2)

Важно отметить, что в подавляющем большинстве современных исследований корпоративной культуры доминирует представление о культуре как явлении, пронизывающем организацию сверху донизу и объединяющем её в некое социально-психологическое образование с выраженным уровнем однородности. Указанная гомогенность, на наш взгляд, представляет собой идеализацию реальной организационной жизни, которая, с одной стороны, затушевывает внутренние сущностные противоречия культуры, обеспечивающие её развитие, с другой - выводит корпоративную культуру из исторического контекста, делая её вневременным явлением.

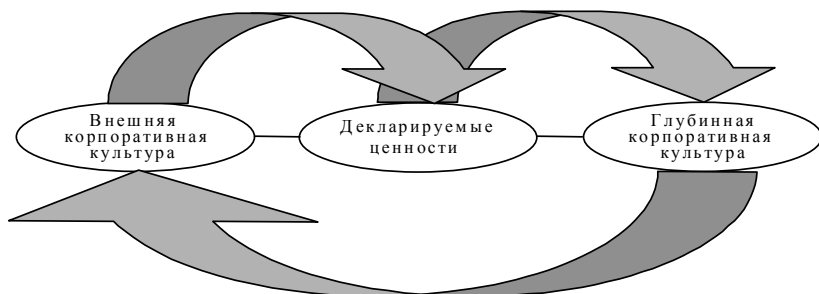

Рис.2. 3-х компонентная система корпоративной культуры.

Построенная на научных принципах современная организация существует почти сто лет, а исследования корпоративной культуры в организационной психологии начались лишь в последние четверть века. Было бы ошибочно предполагать, что корпоративная культура появилась только с началом психологических исследований.

В культуре любой организации необходимо выделять два базовых уровня, которые неизбежно делят её на две части: культуру управления или менеджмента и исполнительскую культуру сотрудников (Рис. 3).

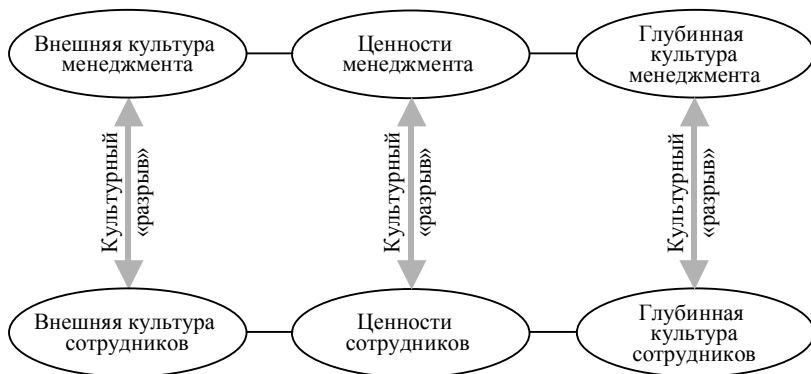

Рис. 3. 2-х уровневая модель корпоративной культуры.

Это две вполне обособленные культуры, каждая из которых может иметь свою собственную специфику и во внешних проявлениях, и в декларируемых ценностях, и во внутренних основаниях поведения. Этим культурам свойственны свои специфические цели, задачи, ресурсы, права и обязанности.

Еще одним основанием для выделения указанных уровней является реальная (а не идеальная!) ситуация в организациях сегодня. Достаточно вспомнить традиционные весенние выступления немецких профсоюзов накануне подписания тарифных соглашений или недавние забастовки служащих европейских авиакомпаний, которые свидетельствуют о существующем внешнем и внутреннем конфликтах между двумя корпоративными культурами.

Выделяемые культуры не являются самостоятельными, а выступают взаимосвязанными уровнями одной организационной системы. При этом культура менеджмента как управляющая подсистема, способна задавать определенные управляющие воздействия на подсистему, находящуюся в подчиненном положении. И, как будет показано ниже, общая тенденция развития корпоративной культуры, выражающаяся в сближении и даже объединении трех рассмотренных компонентов является регулируемой, т.е. требует постоянных целенаправленных усилий менеджмента.

Основная гипотеза нашего исследования состоит в том, что корпоративная культура любой организации имеет два базовых

уровня: 1) культуру менеджмента, обеспечивающую управление организацией и представленную менеджерами разных уровней управления, а также – 2) исполнительскую культуру, связанную с непосредственным выполнением основной функции организации и представленную, прежде всего, рядовыми сотрудниками. Каждый уровень имеет свое содержание и структуру, выражаемую внешними атрибутами культуры, декларируемыми ценностями и глубинными убеждениями, при этом, чем больше различия между указанными уровнями по каждому из компонентов корпоративной культуры, тем ниже её организационная эффективность.

Для проверки гипотезы были разработаны 3 метода исследования: 1. Для диагностики культуры менеджмента и исполнительской культуры на уровне внешних проявлений был разработан «Опросник диагностики внешних атрибутов культуры». Для этого были выделены 9 компонентов внешней культуры: 1) Стиль одежды, 2) Стиль и манеры поведения, 3) Внешний вид и интерьер, 4) Технология, 5) Продукты деятельности, 6) Стиль общения, 7) Эмоциональная атмосфера, 8) Ритуалы и церемонии, 9) Организационные процессы. Для каждого компонента были сформулированы 1-2 утверждения для оценки выраженности каждого из них по 5-ти балльной шкале от полного согласия до категорического несогласия. После пилотажного исследования в окончательную версию опросника вошли 11 утверждений. Опросник имеет достаточно высокую надежность: α Кронбаха = 0,747; Split-half Гуттмана = 0,7651.

2. Для диагностики культуры менеджмента и исполнительской культуры на 2 уровне был разработан «Опросник внутреннего уровня корпоративной культуры», включавший 36 утверждений, отражающих систему базовых корпоративных ценностей, миссию организации и основные принципы организационного руководства и лидерства. Общая надежность опросника составила $\alpha = 0,83$; надежность субшкал варьировала от 0,8 до 0,9.

3. Для изучения глубинного уровня культуры менеджмента и исполнительской культуры, в изучении которого исследователи сталкиваются с серьезными трудностями, был использован когнитивный подход (Занковский, 1996; Петренко, 1983) В рамках этого подхода, основанного на теории личностных конструкторов, внешне наблюдаемая деятельность организации рассматривается как функция системы конструкторов, которые члены организации используют для интерпретации, прогнозирования и регуляции своего поведения.

Выборка. В исследовании приняло участие 462 сотрудника организации, среди которых было 153 менеджера и 309 сотруд-

ников. Респонденты были представителями 6 компаний, расположенных в Москве и Московской области (3 компании) и в центральной России. Представительство каждой компании в общей выборке составляло около 25 менеджеров и 50 сотрудников. Для получения более искренних ответов опрос проводился анонимно, поэтому дополнительная информация о респондентах отсутствует. Все компании были многопрофильными, преимущественно ориентированными на торговлю и сферу услуг.

Результаты и их обсуждение

Анализ оценок менеджерами и сотрудниками различных аспектов внешних атрибутов корпоративной культуры показал их высокую согласованность ($MD=0,024$; $t=0,234$; $p=0,819$; $r=0,776$, $p=0,005$), что позволяет говорить о сближении и даже слиянии обоих уровней корпоративной культуры в этом компоненте.

Тем не менее, как по отдельным организациям, так и по отдельным параметрам внешней культуры разброс был достаточно велик. Это говорит о том, что единство корпоративной культуры даже во внешних проявлениях имеет значительные вариации и требует внимания менеджмента. Анализ оценок менеджерами и сотрудниками декларируемых ценностей корпоративной культуры продемонстрировал статистически значимые различия между средними значениями двух выборок ($MD=0,348$; $t=3,680$; $p=0,003$). Проведенный корреляционный анализ показал, что корреляция в целом близка к нулю ($r=0,008$; $p=0,923$). Более того, 5 субшкал имели между собой отрицательную корреляцию.

В целом анализ результатов по 12 субшкалам для выборок менеджеров и сотрудников наглядно демонстрирует, что менеджмент дает более высокие оценки различным аспектам корпоративной культуры, чем сотрудники.

Проведенный факторный анализ с помощью метода главных компонент с Varimax вращением отдельно для выборок менеджеров и сотрудников позволил сжать массив полученных данных, и на новых основаниях построить доказательство влияния выделенных факторов.

Для выборки менеджеров была получена 3-х факторная структура, выделенные факторы описывают 34,6 % общей дисперсии. Содержательный анализ максимальных нагрузок по доминирующим факторам позволил сделать заключение, что основными координатами факторного пространства оказались два измерения, традиционно выделяемые в исследованиях лидерства (Blake & Mouton, 1964; Мисуми, 1984). Это Фактор I «Ориентация на людей» и Фактор II «Ориентация на результат». Максимальные вклады в эти факторы внесли пункты опросника, связанные с соответствующими функциями.

Для выборки сотрудников исследованных организаций также была получена 3-х факторная структура, которая описывала 52,3 % общей дисперсии. Содержательный анализ максимальных нагрузок по доминирующим факторам позволил сделать заключение, что основными координатами факторного пространства здесь оказались Фактор I «Ценности» и Фактор II, названный фактором «Организационного отчуждения». Максимальный вклад в Фактор I «Ценности» внесли пункты опросника, отражающие такие ценности как справедливость, честность, добросовестность и т.д. Максимальный вклад в Фактор II «Организационное отчуждение» внесли утверждения, связанные с чрезмерной бюрократизацией, формализмом, противодействием изменениям и невозможностью решать имеющиеся проблемы. В целом результаты показывают значительную количественную и структурно-содержательную разницу в ценностных репрезентациях менеджеров и сотрудников. При этом различия группами в степени взаимосвязанности элементов проявляются не только в интенсивности взаимосвязей между элементами, но и в профиле доминирующих взаимосвязей.

Оценка эффективности компаний, которые приняли участие в исследовании, определялась по годовому объему продаж, деленному на среднюю численность персонала. Анализ показал, что степень рассогласования между двумя уровнями корпоративной культуры и эффективность взаимосвязаны друг с другом: обнаружена умеренная положительная корреляция, которая, однако, далека от статистической значимости ($r = 0,371$; $p = 0,468$). По-видимому, выборка из 6 компаний слишком мала, чтобы сделать заключение об общих закономерностях взаимодействия между выделенными уровнями корпоративной культуры, и потребуются дополнительные исследования в этом направлении.

Согласно предложенной нами концепции, в культуре любой организации представлены три компонента и два базовых уровня. В качестве компонентов выступают внешние проявления культуры, декларируемые ценности и интериоризированные ценностные ориентации. В качестве базовых уровне выступают субкультура менеджмента и субкультура сотрудников. Каждый из уровней может иметь свою собственную специфику во всех трех компонентах. Общая тенденция развития корпоративной культуры направлена на сближение и даже объединение уровней во всех компонентах.

Для подтверждения гипотезы были разработаны диагностические методы, которые позволили провести исследование, подтвердившее выдвинутую концепцию корпоративной культуры. Результаты показали, что по большинству компонентов культу-

ры между менеджментом и сотрудниками имеются статистически значимые различия. С помощью факторного анализа нам удалось выявить базовые измерения, характерные для указанных уровней. Эти уровни имеют четко выраженные содержательные и структурные различия. Гипотеза о наличии взаимосвязи между «разрывом» внутри уровней корпоративной культуры и эффективностью получила только частичное подтверждение и требует дальнейшей экспериментальной проверки.

Предложенная концепция может выступать основанием для новой классификации типов корпоративной культуры, которые одновременно выступают этапами её формирования. На Этапе I все компоненты корпоративной культуры разъединены, фактически в рамках формальной организационной структуры сосуществуют две самостоятельные культуры, отграниченные друг от друга культурным «разрывом» во всех компонентах. На Этапе II происходит объединение на уровне внешних атрибутов культуры, при этом внешнее однообразие, как правило, лишь маскирует внутриорганизационное культурное противостояние. На этапе III помимо синтеза внешних проявлений культуры происходит сближение позиций на уровне декларируемых целей и ценностей.

На Этапе IV происходит не только частичное и часто одностороннее понимание общих целей и заявленных ценностей, но и их принятие на когнитивном уровне. И, наконец, на Этапе V формируется близость базовых глубинных ценностей и убеждений. По-видимому, это высший уровень развития корпоративной культуры, которого сегодня может достичь организация. Полное совпадение базовых убеждений, вероятно, не может быть достигнуто полностью из-за указанных выше принципов построения современной организации, а также индивидуализации сознания современного человека.

Мы предполагаем, что двухуровневая модель культуры, присущая организации в начале XX в., будет сохраняться в настоящее время. При этом динамика взаимодействия уровней, т.е. сближение, слияние или, наоборот, расхождение компонентов культуры, будет достаточно высокой. Без непрерывной, целенаправленной работы менеджмента она имеет тенденцию сползания на более низкий уровень. Большинство организаций, на наш взгляд, в настоящее время находятся на третьем уровне развития корпоративной культуры. Эмпирическое доказательство гипотезы, в соответствии с предложенной моделью, потребует целой серии исследований, которую мы уже начали реализовывать.

Литература:

Занковский А.Н. Анализ базовых "координат" организационных культур: когнитивные репрезентации организационных понятий в сознании

российских и японских менеджеров // Психологический журнал. 1996. №3.

Занковский А.Н. Организационная психология. М.: Форум, 2009.

Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную семантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: МГУ, 1983.

Шайн.Э. Организационная культура и лидерство. М.: Дело. 2000.

Blake R.R. & Mouton J. S. The Managerial Grid. Houston: Gulf, 1964.

Harris P. P. & Moran R. T. Managing Cultural Differences. Gulf Publishing Company, 1991.

Kilmann R., Saxton M. J. & Serpa R. Issues in Understanding and Changing Culture //California Management Review, Winter, 1986.

Ковальчук А.В.

Научный и дисциплинарный статус культурологии

Тема дисциплинарного и научного статуса культурологии подлежит широкому обсуждению в научных кругах. Под дисциплинарностью понимается особая форма организации знаний, когда при помощи многочисленных процедур, таких как структуризация, социализация и других, устанавливается порядок и нормы обучения, законы и формы правильного мышления, и решение конкретных задач в рамках существующих предметных областей. Под научностью же, применительно к культурологии, имеются в виду общенаучные методологические принципы, дисциплинарная организация знания и представление его в теоретической форме, с последующими стратегиями объяснения. Дисциплинарный статус культурологии возможно и состоялся в том понимании дисциплинарности, каким образом это знание влияет на социальную жизнь. Имеется в виду то, что научная дисциплина требует для себя прохождения установленных процедур, а значит определенного подчинения установленному порядку, нормам и правилам. И, кроме того, когда понадобилось оформить культурологические концепции для преподавания и изучения в учебных заведениях, написать учебники, составить учебные планы – именно дисциплинарность позволила упорядочить материал в соответствии с концепциями курсов и представить в относительно целостном виде. В теоретическом смысле дисциплинарность выступает как принцип, способ и механизм поддержания, воспроизводства и трансляции выработанного в культуре знания, его упорядочивание на части, и воспроизведение их в качестве социальных программ, выработка нового знания.

Что касается научного статуса культурологии, то всем известно, что он неоднозначен. Прежде всего, из-за разрозненности в представлении границы предмета и в выборе соответствующих методологических стратегий исследования, парадигм. Нет ничего удивительного в том, что каждый отдельный куль-

туролог, создавая свою концепцию культурологии как науки, предлагал оригинальный способ организации материала культуры и представление его, однако до сих пор вопрос о статусе культурологии остаётся открытым, и это явно тревожит самих культурологов. Быть может, науки о культуре вовсе не должны иметь своей собственной методологической базы, а, следовательно, и отдельного (независимого) дисциплинарного статуса, а должны находиться в области междисциплинарного знания (если представить, что знание может быть оформлено как дисциплинарное, недисциплинарное и междисциплинарное).

Тем не менее, при условии признания культурологии дисциплиной можно поднять уровень её академичности за счет сознательного движения к научности от дисциплинарности. Движение это может быть представлено как поиском собственной методологии, и её обоснования, так и проверки уже существующей общенаучной методологии, с учетом поправок на особенность материала, на валидность описания этого материала. Можно рассматривать проверку такой общенаучной методологии как элемент игры в науке, например, использовать в исследованиях культуры такие методы как измерение и аксиоматический метод. Полученные результаты покажут, насколько общенаучная методология может быть применена к материалу наук о культуре.

Дисциплинарность, которая стала отличительной чертой европейской науки, учености и всем, что связано с образовательной практикой, может способствовать становлению культурологии как науки. Отчасти дисциплинарно культурология уже состоялась. А чем более осознанно и строго выполняется это требование – тем выше профессиональный уровень как человека, работающего в сфере науки или искусства, так и всей формы организации знания в целом.

Саченко В.А.

«Психологическая реальность» культуры как предмет историко-культурологического исследования

В культурологическом и историческом исследовании, необходимо учитывать «психологическое измерение». Его значение определяется тем, что в центре этих исследований находится человек со всем широким спектром проявлений его психической жизни.

Психологический взгляд на культуру отличается высокой специфичностью. Психология рассматривает исторический опыт человека в качестве опыта его культуры с учетом ее разнообразных явлений и форм. Являясь необходимым способом бытия человека, психика пронизывает и регулирует всю его пове-

дневную жизнедеятельность, любые отношения общения и познания. Поэтому различные психологические срезы культуры определяются различными областями человеческой психики. Среди таких психологических срезов культуры можно расставлять акценты в зависимости от того, имеем ли мы дело с когнитивными структурами (например, перцепция, мышление или воображение), эмоционально-ценностными структурами (например, акты переживаний), волевыми структурами (например, принятие решений) или структурами памяти с присущими им значениями прошлого опыта и традиции. Тот факт, что в психологических характеристиках культуры (отдельных культур или отдельных явлений культуры) может доминировать когнитивный, эмоциональный (ценностный), волевой срез, вовсе не исключает их взаимосвязи.

Выразить, что «хотели, чувствовали и думали» люди другой культуры, другой исторической эпохи, — таково важнейшее требование методологии исторического познания в школе «Анналов». Каждая культура представляет собой ансамбль компонентов, которые при всех противоречиях между ними, тем не менее соотнесены друг с другом [1,513]. Для того, чтобы понять чужую культуру необходимо восстановить ее психологическую реальность. Как отмечает А. Я. Гуревич: «Эпоха, в которую живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, формируя у него определенные формы психических реакций и поведения» [1,522]. Эти особенности духовного оснащения обнаруживаются и в коллективном сознании общественных групп, и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи. Культура предлагает общий умственный инструментарий, и уже от способностей и возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладеет. Поэтому понять чужую культуру возможно только в результате исследования особенности поведения принадлежащих к ней людей. То есть в результате реконструкции присущего им способа восприятия действительности, знакомства с их «мыслительным и чувственным инструментарием», т.е. с теми возможностями осознания себя и мира, которые данное общество предоставляет в распоряжение индивида. А это в свою очередь невозможно без применения психологического подхода.

Таким образом, психология — это не просто всеобщий и необходимый аспект культуры. Её возможности чрезвычайно важны в историко-культурологических исследованиях. Без психологического ключа культурно-историческая реальность остается за «закрытыми дверями». Нельзя понять место и роль человека в мире культуры и истории, так как каждая культура имеет собственный психологический фон, без «вскрытия» которого, невоз-

можно подлинное культурологическое и историческое познание. В этой проекции возможности психологии оказываются продуктивным способом получения нового знания.

Литература:

1. Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991.

Кондратова О.М.

Глобализация: этносouverенитет против государства-нации

«Во времена, когда по всему миру бушует пламя национализма, когда в таких точках земного шара, как Эфиопия и Филиппины, набирают силу движения за национальное освобождение, когда крошечные островки, такие, как Доминика в Карибском море или Фиджи в Тихом океане, объявляют себя нациями и посылают делегатов в ООН, в высокоразвитом технологическом мире происходит странное: вместо образования новых наций начинают распадаться старые.

По мере того как по миру катится Третья волна, ключевая политическая единица эры Второй волны – нация-государство – трещит под давлением снизу и сверху.

Одни силы пытаются перевести политическую власть с уровня государства-нации на уровень внутринациональных регионов и групп. Другие силы попытаются поднять ее на уровень межнациональных агентств и организаций. Как показывают наблюдения за событиями в мире, эти силы, складываясь, ведут к распаду высокотехнологических наций на более мелкие и менее сильные единицы» (13). Так в конце 70-х гг. прошлого столетия характеризовал набирающие силу международные тенденции известный американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер, с которым на сегодня невозможно не согласиться.

Совершенно очевидно, что отличительной особенностью второй половины двадцатого и начала двадцать первого веков явилось интенсивное усложнение политической карты мира, обусловленное появлением на ней целого ряда вновь образованных суверенных государств, возникших как в результате распада колониальной системы Запада, так и в результате развала системы так называемого социалистического лагеря. Все эти вновь образованные субъекты международной политики, в опорной структуре которых зачастую отсутствуют основные "несущие элементы конструкции" в виде реальных государственных опор, тем не менее, опираясь на формальный политический суверенитет и демонстрируя еще целый ряд формальных же признаков независимого государства, пытаются делать собственную внутреннюю и внешнюю политику.

Если не задумываться о характере первопричин и не пытаться просчитать возможные последствия столь интенсивной динамики роста числа вновь образованных государств, то в целом обретение народами политической независимости можно, безусловно, рассматривать как процесс гуманный и прогрессивный. Проблема проявляется не в тот момент, когда речь заходит о формальном признании политического статуса той или иной страны, в конце концов – это лишь дань политической конъюнктуре. Она проявляется в момент, когда требуется их типологизация, то есть тогда, когда возникает необходимость определить насколько по своей имманентной природе эти, выступающие уже в качестве самостоятельных политических субъектов, страны соответствуют исторически сложившемуся формату "полноценных" государств и в каком объеме и качестве они вообще способны выполнять функции, присущие государству. Мнения ведущих политологов по этому поводу в целом совпадают: мало кто говорит об активизации глобального процесса возникновения новых полноправных наций-государств, в большинстве случаев речь идет о "параде этносуверенитетов". Однако, несмотря на отсутствие разногласий в оценке сущности явления, определенные расхождения наблюдается при выявлении его причин.

Так, например, в середине прошлого столетия русский философ Иван Ильин главной первопричиной процесса возникновения этносуверенитетов считал распространение социалистической и коммунистической идеологии со стороны Советского Союза. Современный же российский политолог Александр Панарин объясняет это явление причинами уже прямо противоположными – влиянием идеологии глобализма со стороны США, стремящихся закрепить статус-кво, обеспечивающее Штатам мировую гегемонию. Столь различные точки зрения на самом деле вовсе не так уж и противоречивы, во всяком случае, совершенно закономерны, поскольку временной разрыв между ними – полвека. В 50-е гг. XX в. в условиях "холодной войны" Советский Союз действительно всячески поддерживал национально-освободительные движения во многих странах Азии и Африки, оказывая всестороннюю помощь тем народам, которые посредством обретения политического суверенитета хотели освободиться от западной колониальной зависимости. Когда же в конце столетия Союз все-таки разрушили, причем разрушили буквально, уничтожив имперский каркас российской государственности, одновременно являвшийся каркасом и русской цивилизации, США стали всячески поощрять и содействовать формированию все новых и новых этносуверенитетов на бывшей советской территории.

При внешней схожести и однонаправленности вышеописанных процессов между ними существует принципиальное отличие, которое определяется не столько спецификой политических систем Запада и России, сколько специфичностью исходных базовых принципов, лежащих в основании западной и русской цивилизаций. Западная цивилизация изначально строилась по формуле «центр – периферия», когда ресурсы, изъятые на территориях, находящихся под политическим и экономическим протекторатом Запада, использовались с целью развития и обогащения и без того богатого центра. Что касается Советского Союза, то «...в СССР в качестве экономических доноров выступали преимущественно российские регионы, уровень жизни в которых был ниже, чем во многих "национальных окраинах". Эта же логика распространялась на отношения СССР с державами-сателлитами» (9). Однако если народы, находящиеся в прямой зависимости от эксплуататорской политики Запада, зачастую пытались отстаивать свою попорченную свободу даже с оружием в руках, жертвуя жизнями, то «специфика бывших республик СССР оказалась в том, что их независимый статус был завоеван не в национально-освободительной борьбе, а получен как бы в подарок» (3). Отсюда невозможность отождествления формально сходных процессов становится очевидной, так как в первом случае речь идет об освобождении покоренных народов от колониального гнета, а во втором – о развале сверхдержавы, огромного суперэтнического образования, выступающего реальным конкурентом Западу в борьбе за вектор исторического пути развития.

Западные, прежде всего американские теоретики (Э. Тоффлер, С. Хантингтон и др.) склонны объяснять эту динамику прагматически – стремлением ранее угнетенных народов к политической свободе и экономической независимости. Упомянутые русские исследователи главную причину этнополитических распадов объясняют философски, выдвигая в качестве основной причины – победу "материи" над "духом", актуализацию доктрины "экономического материализма", посредством которого сильные мира сего пытаются разрешить "все вопросы истории и культуры". И.А. Ильин так описывает современный ему мировой процесс: «...всплывают новые силы – новые диктаторы, новые классы, новые нации. Эти диктаторы принадлежат к полунинтеллигенции, думают упрощающе, не ведают ни правосознания, ни чувства ответственности, но одержимы волею к необузданной власти. Эти новые классы не имеют ни малейшего представления о религии, о душе и о культуре; они ценят только технику и власть и покупают себе власть ценой холопского подчинения; сами застрашенные они умеют править только стра-

хом; из зависти рожденные, они понимают только то, что ее насыщает. Эти новые национальности, не имеющие истории, не выносившие ни творческого созерцания, ни духовного акта, раздвигают и разлагают культурных соседей, с тем, чтобы занять их место и водворить духовно-культурную пустоту – свое ничтожество – на место прежних духовных садов и виноградников. Мир длится и дробится, от этого слабеет и выходит на встречу величайшей опасности в состоянии бессилия» (4).

А.С. Панарин прямо указывает на то, что речь идет о новой глобальной культурной революции, связанной с разгромом национальных святынь и дело здесь вовсе не в скомпрометированной и посрамленной идеологии марксизма, так пугавшей его предшественника. В качестве основной глобальной угрозы он однозначно называет американский глобализм, который по существу является ничем иным, как новой формой идеологии тоталитарной экономической власти (преимущественно финансовой олигархии), преследующей планетарные амбиции. «Парадокс демократической Америки, ведущей свое глобальное наступление, состоит в том, что ею последовательно отвергается ключевое для демократии понятие политического суверенитета народа. Дело в том, что там, где имеет место такой суверенитет, национальные интересы по определению не могут быть предметом купли-продажи. Для того чтобы это произошло, властные элиты должны приватизировать этот суверенитет, получив полную свободу и бесконтрольность своих действий в международной политике. Национальный интерес должен стать товаром, а властная элита – его товаровладельцем, не связанным никакими императивными мандатами со стороны нации» (5).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Главной опасностью, несущей угрозу всему человечеству является американский экономический тоталитаризм с его идеей господства экономического человека и доминированием экономической власти над духовной. Основная цель – мировая гегемония. Механизм реализации – активизация технологического процесса дробления больших пространств, образованных крупными мононациональными или суперэтническими государствами, являющимися главным "оборонительным рубежом" для больших национально-культурных традиций, обеспечивающих народам позитивную идентичность. США поощряют этносуверенитеты на всем не-западном пространстве прежде всего потому, что они обеспечивают поставку на рынок того, что прежде не обменивалось и не продавалось, - национальных интересов, связанных с контролем над собственными ресурсами, территорией, международными связями и т.п.

Однако если абстрагироваться от гиперамбиций США и тайных замыслов мировой закулисы, справедливости ради следует отметить, что народы, тем или иным способом обретающие политическую независимость, как правило, хотя бы на начальных этапах, переживают удивительный эмоциональный подъем, они полны энтузиазма и с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее. Вместе со своими "новорожденными" элитами, оглушенные радостью, как им кажется, обретенной свободой, они вряд ли вообще способны представлять себе степень сложности и масштаб задач, которые им предстоит решать в процессе управления уже собственным государством. Тем более что большинство этих народов, будучи, скорее, этнографическими, нежели историческими, такими навыками не могут обладать по определению. Чтобы более подробно разобраться, сколь объективно сложны ситуации, в которых оказываются эти вновь образованные политические субъекты, имеет смысл остановиться на сопоставлении этносуверенитета с государством-нацией и, соответственно, титульной нации (этноса) с государствообразующим народом.

Если этнос мы определяем как исторически сложившуюся общность людей основанную прежде всего на единстве происхождения (общности предков), биопсихических признаков, социокультурных ценностей и самоидентификации, то нация, как правило, представляет собой общность полиэтническую, социокультурную и политическую, то есть нацию-государство. Если государство-нация представляет собой форму политической организации, обусловленную исторически, то этносуверенитет – технологически, в результате чего политическая власть часто оказывается в руках представителей тех племен и народов, которые до этого своей государственности никогда не имели и, соответственно, опытом государственного управления не обладают. Именно поэтому в качестве принципов организации политической власти выступают такие рудиментарные опоры этнокультуры, как трайбализм, кумовство и местничество; в качестве политического режима – этнократия; в качестве политической доктрины – этноцентризм; при отсутствии армии и промышленности наличие раздутого бюрократического аппарата и имитационной образовательной системы.

Что же касается сопоставления понятий "государствообразующий народ" и "титульная нация", суть проблемы заключается в следующем. Государствообразующему народу гораздо в большей степени присущи интегрирующая и консолидирующая функции, так как он обладает серьезным культурным потенциалом, который может быть использован в качестве донорского. Он сознательно берет на себя основную ответственность по

поддержанию как функционирования всех государственных институтов и основных жизнеобеспечивающих систем, так и по поддержанию тех субъектов (в виде племен, народностей, этносов), которых он интегрирует, и которые также входят в состав данного государства. Поскольку даже мононациональные государства никогда не бывают стопроцентно гомогенными, постольку государствообразующий народ должен ещё выступать и в качестве референтной группы, то есть он должен быть привлекательным для интегрируемых им субъектов, должен им нравиться. Для описания этого явления в свое время Л.Н.Гумилев ввел понятие комплиментарности: «Положительная комплиментарность – это безотчетная симпатия, без попыток перестроить структуру партнера; это принятие его таким, каков он есть. В этом варианте возможны симбиозы и инкорпорации» (цит. по 2).

В отличие от государствообразующего народа титульная нация – это всего лишь нация, именем которой называется государство или национально-государственное образование в составе полиэтнического государства. В исторический период доминирования на мировой политической арене наций-государств две эти ипостаси как бы совпадали, то есть, как правило, титульной нацией как раз и являлся государствообразующий народ, но с появлением этносуверенитетов (этногосударств), как самостоятельных политических субъектов, возникла необходимость в смысловой дифференциации. «Термин "титульная" введен в этнологию как эквивалент термина "коренная". Однако в отличие от последнего, под которым можно понимать совокупность всех коренных народов, проживающих в данном национально-государственном образовании, термин "титульная" выделяет только тот этнос, этноним которого отражен в названии данного национально-государственного образования. Практика деления людей на "титульных" и "нетитульных" зачастую создает ситуацию, когда первые оказываются в привилегированном положении во всех сферах жизни, и возникающее при этом неравноправие создает почву для межнациональной напряженности, взаимного недоверия, обид и отчуждения» (14).

Последнее обстоятельство таит в себе большую опасность. В нем проявляется имманентная неспособность этноса (народности, племени), исторически еще не сформировавшего в себе предпосылку, необходимых для его трансформации в нацию, но уже завладевшего всей полнотой политического ресурса, интегрировать и консолидировать всех тех, кто оказался в границах его влияния. Это обусловлено специфичностью этнической идентификации низших уровней, когда сознание еще не способно отделить объективное от субъективного, рациональное от воображаемого, реальное от иллюзорного, политическое от ро-

дового. Именно поэтому этнократическим элитам бывает очень трудно разработать долгосрочные планы социального и экономического развития, выработать национальную идею. Они, в силу опять же специфики идентичности, слабо осознают меру собственной ответственности за сохранность государства, за обеспечение факторов национальной безопасности, расценивая политический ресурс, которым обладают, лишь с корыстно-субъективных позиций. Ситуация в стране может серьезно осложниться и за счет культурной составляющей в случае если культура титульной нации в структурном и смысловом отношении серьезно проигрывает культурным традициям представителей других народов, входящих в состав данного государства. При таком раскладе титульной нации объективно сложно претендовать на роль референтной группы и рассчитывать на положительную комплиментарность.

Таким образом, можно констатировать, что перед титульными нациями на пути их трансформации в собственно нацию (при условии, что они хотят таковой стать) стоят очень серьезные, хотя и не непреодолимые препятствия. И если в процессе реализации жизнеобеспечивающих стратегий, одной из которых является конструктивное изменение идентичности, представителям титульной нации, учитывая все вышесказанное, удастся абстрагироваться от мнимых комплексов и ложных страхов, перед ними могут открыться совершенно новые исторические перспективы. Для этого достаточно лишь перестать мифологизировать прошлое и начать более пристально вглядываться в настоящее.

Литература:

1. Вилков В.Ю. Западная националогия XX столетия. Концептуальные портреты. – Киев, 2008.
2. Владимиров В.В. Смысл русской жизни. – М.: «Алгоритм», 2006.
3. Голубчиков Ю.Н., Мнацаканян Р.А. Исламизация России. Тревожные сценарии будущего. – М.: «Вече», 2005.
4. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. – М.: «Эксмо», 2006.
5. Ильин И.А. Наши задачи. – М.: «Алгоритм», 2007.
6. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. – М.: «Алгоритм», 2008.
7. Левяш И.Я. Культурология. Курс лекций. – Минск: «ТетраСистемс», 1998.
8. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: «Алгоритм», 2003.
9. Панарин А.С. Народ без элиты. – М.: «Алгоритм», 2006.
10. Платонов Ю.П. Основы этнической психологии. – СПб.: «Речь», 2003.
11. Садохин А.П. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: «Омега-Л», 2009.
12. Святенков П.В. Машина порядка. – М.: «Алгоритм», 2008.
13. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: «Издательство АСТ», 2004.
14. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология. – М.: «Юнити», 2005.

Культурологическая сублимация или абстракции метафизических универсалий?

В методологии хроматизма любая система связана отношениями между ее компонентами, и, в частности, информацией как идеальным. Информация же характеризуется субъект-объектными свойствами отношения к культуре, ибо, если сигнал, несущий информацию, всегда объективен, то методы интерпретации этой информации – как функции определенной культуры – субъективны. Именно это и позволяет нам вслед за А.С. Карминым видеть в культуре «информационную среду» общества (3) и, соответственно, полагать возможным разнесения многих предметов, явлений и предикатов культурантропологии по релевантным «информаторам» Германа Хакена (10) о которых говорит А.С.Кармин в связи с синергетической самоорганизацией общества.

«Никто из занимающихся культурной антропологией не подвергает сомнению то обстоятельство, что центральным понятием этой отрасли знаний является культура, - пишет Лесли Уайт (11). – Но данный термин каждый понимает по-своему. Для одних культура – научаемое поведение. Для других — не поведение как таковое, а его абстракция. Для одних антропологов каменные топоры и керамические сосуды — культура, для других ни один материальный предмет таковой не является. Одни полагают, что культура существует лишь в сознании людей, другие считают культурой лишь осязаемые предметы и явления внешнего мира. Некоторые антропологи представляют культуру совокупностью идей, но спорят друг с другом по поводу того, где эти идеи обитают: одни полагают, что в сознании изучаемых людей, другие — что в сознании самих этнологов ... Интересно, как повели бы себя физики, если бы у них существовало столько же различных представлений об энергии!»(Курсив мой – Н.С.)

Хороший вопрос. В самом деле, каким образом культуролог изучает идеи? Только ли по предметным предикатам культуры? Или здесь возможен иной подход? Возьмем субъективизм тех исследователей, в сознании которых, по замечанию Уайта, и обитают идеи... Можно ли эти идеи считать абстракциями, если все большее распространение среди культурологов получают представления о культуре именно как об абстракции?

Для понимания этих различий обратимся к рассуждениям историков философии(9): «кроме чувственно воспринимаемых вещей (кусок мела, чернил, бумаги, школьной доски и т.п.), существует нечто, что мы понимаем, хотя и не можем чувственно воспринимать. Это нечто является "идеями", например, идеей окружности, идеей треугольника и т.п.». Т.е., по существу,

идеями здесь называются «понятия». Однако, вспомним, что между 'ощущением' и 'пониманием' всегда стояло 'восприятие', т.е. от когнитивистского понятия «интеллект» в прошлом веке вернемся к его классическому представлению (*intellectus* – ощущение, восприятие, понимание). Тогда получают свое онтологическое объяснение и развитые даже математиками понятия «интуиции, озарения, инсайта», etc. А историки продолжают: «Реальность существует двумя принципиально различными способами: либо в качестве идей, либо в качестве чувственно воспринимаемых вещей». Однако идеи могут восприниматься только при образовании перцепта, отвечающего за потенциальную способность интеллекта к восприятию и этой вещи, и далее переработки ее идеи в понятие.

Л.Уайт же, игнорируя эти положения, поясняет: «Однако те исследователи, которые определяют культуру как абстракцию, не поясняют, что именно они подразумевают под этим термином. Считается очевидным, (1) что сами они точно знают, что называют «абстракцией», и (2) что другие тоже способны это понять. На наш взгляд, ни одно из двух допущений достаточным образом не обосновано... Но какой бы смысл ни вкладывали антропологи в термин «абстракция», если культура — абстракция, то, следовательно, она непознаваема, неизмерима и в целом нереальна(5).

С другой стороны, среди множества предикатов культуры мы, безусловно, можем выделить такой класс «предметов» как 'образ'. И что? Можем ли мы отнести его к 'абстракции'? Нет, ибо по замечанию Н.Д. Арутюновой(1), слово «образ» не сочетается с абстрактными существительными, например, не говорится, «образ свободы». Так, может сложиться «образ гения», но не «образ гениальности». Образ обязательно предполагает духовное, идеальное начало в отображаемом объекте – вот почему нормально звучит «образ человека», «образ города», но не «образ дивана». Или, как говорит Н.Д. Арутюнова(1), «образ сопутствует тем категориям объектов, которые имеют имя собственное, и чуждается тех, которые его лишены». Понятно, что данные тезисы Н.Д. Арутюновой относятся не к цветовым, а к вербальным обозначениям 'образов', семантика которых существенно отлична от первых. Поэтому-то, говоря «цвет дивана», обычно мы подразумеваем не какой-то обобщенный цвет, а конкретную его окраску. Ибо цвет – это образ-концепт, только при образовании которого и воспринимается релевантная краска.

Отсюда непосредственно следует, что привлечение именно многих видов обобщения для носителя любой языковой культуры позволяет выразить наиболее глубинные представления, которые, быть может, базируются еще на архетипических образах

коллективного бессознательного, по К.Г. Юнгу. Это доказывает и известное положение: эмоции связывают «дух и тело».

В исторической культурологии принято считать, что язык цвета как компонент знаковой семиотической системы родился до появления вербального языка(12). Но если знаковые системы и строятся по принципу языка, это никак не значит, что они воспроизводят структуру естественных языков. Ибо цветовой язык отличается от вербального большей подвижностью семантических значений собственных контекстов.

Контекст же, как связанная целостность, обеспечивающая согласованность своих частей, в хроматизме является носителем целостного значения и/или целостной функции и рассматривается как основа, цементирующая вклад отдельных компонентов в итоговую работу интеллекта зависимостью от таких факторов как N-E условия(8), гендер, время и др. Поэтому-то сущность цветовой номинации и заключается не в том, что цветовой знак окрашивает, обозначает вещь или соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует релевантный код обобщения как результат познавательной деятельности человека (Табл.1).

Таблица 1. Цветовые коды «атомарной» модели интеллекта (АМИ)

Информ. процесс	Обобщение			Уровни обобщения интеллекта		Хромпланы АМИ
	(вид)	Процесс	(род)	Результат (код)		
«красный цвет»	абстракция	красное	слово	имя цвета	Сознание	Mt-
кровь, огонь, ягоды...	сублимация	красное	архетип	образ-концепт	подсознание (2)	Id-
спектр огня, крови...	метамеризация	красное		метамер		Бессознание
Огонь, кровь, ягоды – внешняя среда (BC), моделируемая Ма-планом системы «BC-АМИ»						

По мнению Л.А. Уайта, «к этому классу относятся идеи, верования, отношения, чувства, действия, модели поведения, обычаи, законы, институты, произведения и формы искусства, язык, инструменты, орудия труда, механизмы, утварь, орнаменты, фетиши, заговоры и т.д.»(11). Ну, что ж, если и для хроматизма, базирующегося на воспроизводимости документов культуры, интерес представляет именно эта совокупность феноменов, то попытаемся разнести их по релевантным хром-планам культур-антропологической науки в табл. 2, согласно свойствам и/или функциям, которыми реально обладают эти феномены.

Таблица 2. Разнесение символатов Л. Уайта по хром-планам культурантропологии

Хром-планы науки \ Область науки	Ma (внешняя среда)	Mt (тезау- рус, поня- тия)	Id-образы, идеи пред- ставления	S-генные факторы
Социология	Институты, законы		–	Действия
Лингвистика	Язык			–
Религиоведение	Фетиши	Заговоры	Верования	
Искусствоведение	Произведения и формы искусства(7), орнаменты			
Культурология	утварь	отношения	идеи (4)	обычаи
Психология	модели поведения		чувства, поведение	
Техника *)	инструменты, орудия труда, механизмы			

*) Предметы «техники» условно выделены нами вслед за Уайтом, хотя более адекватно они вполне могли бы быть составляющими понятие «утварь» в целях уяснения релевантных 'отношений' с внешней средой.

Итак, анализ табл. 2 показывает реальную возможность представления культурологических «абстракций метафизических универсалий» через систематическую их классификацию по хром-планам информационной модели науки, т.е. через сублиматы как образ-концепты культурологии.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998, с.315
2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа, с.11 (Мышление образами, по словам Голосовкера, есть мышление смыслами и значениями)
3. Кармин А.С. Общество в свете системного подхода.// В диапазоне гуманитарного знания., Вып.4. СПб.: СПбФО, 2001, с.34-50
4. Кармин А.С. Общество в свете системного подхода.// В диапазоне гуманитарного знания., Вып.4. СПб.: СПбФО, 2001, с.34-50 (Как показывает А.С.Кармин, «главное в культуре — духовное содержание, а материальная форма, в которой оно выражается, приспосабливается под него». И здесь прежде всего возникает понятие «смысл» Действительно, что делает явлением культуры предмет? Очевидно, отнюдь не его материал или форма, а только тот смысл, который придается ему.)
5. По Линтону, «культура сама по себе неуловима и не может быть адекватно воспринята даже теми индивидами, которые участвуют в

- ней непосредственно» (Linton R. 1936: 288-289). «Неуловимой» называется культуру и Херсковитц (Herskovits M.J. 1945: 150). На воображаемом Клакхоном и Келли симпозиуме антропологи вопрошали: все видят человека, его действия и взаимодействия с другими людьми, но «кто хоть раз видел культуру?» (Kluckhohn C., Kelly W.H. 1945: 79,81).
6. Под метамеризацией обычно понимают бессознательный процесс ощущения смеси различных спектральных цветов одинаковыми [International lighting vocabulary. // Publication CIE, 1970, 1(1) N 17].
7. Серов Н.В. Психология исторической культурологии. – СПб: ИДПИ, 2009, с.8-27 (Любопытно, что среди произведений, созданных творцами с доминантой правого полушария (левое направление ЦК в произведениях искусства), преобладающее большинство считается величайшим достоянием мировой культуры, тогда как произведения, созданные творцами с доминантой левого полушария, в основном хранятся в запасниках Музеев и извлекаются лишь при наступлении релевантных эпох, т.е. когда как ныне «правит бал» исключительно когнитивистский стиль мышления. По-видимому, эти предикаты произведений живописи могут служить критерием их истинности, – ибо когнитивизм и искусство вещи несовместные, - по крайней мере, для развития (но не сохранения) достигнутых тенденций. Или, по словам А.С.Кармина, в реальном процессе общественной жизни материальное и духовное «обмениваются ролями», и на разных этапах истории и в разных сферах социальной реальности определяющей становится то материальная, то духовная сторона.)
8. Серов Н.В. Условия для гендерных проблем. // Credo new, 2007, № 2(50), с.138-158 (Параметры любой изучаемой системы могут быть определены лишь при задании граничных условий ее существования. В хроматизме все условия подразделяются на нормальные (N) и экстремальные (E). Одним из критериев определения N или E является временной: более 75 % времени – нормальные (N – быт, работа, питание, отдых и др.) и менее 25 % экстремальные (E – праздники, секс, свадьбы, рождения, похороны, коррупция, войны, природные катаклизмы и др.)
9. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. - М.: ВЛАДОС, 2003, с. 89-92
10. Хакен Г. Информация и самоорганизация.- М.: Мир, 1991.
11. Уайт Л.А. Понятие культуры, с.17-48
12. Vialou D. L'art des grottes... Berlin B., Kay P. Basic color terms, p.104-110. Malinowski B. The dynamics of culture change... Абрамова З.А. Анри Брейль..., с. 22-39.

Сидоров Н.М.

Культурологический подход к предмету социологии

Рассмотрение предмета социологии с точки зрения культурологического анализа общества, на мой взгляд, является наиболее плодотворным и перспективным направлением исследования. Прежде всего, общество, как культурологическая система является предметом анализа прежде всего социологии, которая рас-

смачивает общество как целостную социальную систему. Целостность обществу придает материальная и духовная культура, которая всегда выступает в своем единстве, тем самым определяя качественную своеобразие общества. Отражение такого своеобразия в умах и концепциях социальных философов и первых социологов естественно. Именно такой методологический подход является наиболее продуктивным. Анализ конкретного общества во многом зависит от культуры данного общества, во многом предопределяя социологический анализ общества. Любая культурная система обладает своими неповторимыми чертами. Социология как наука об обществе несет на себе культурный отпечаток конкретного общества, и естественно, должно учитываться при социологическом анализе.

Отправная точка социологического анализа общества лежит в русле дихотомии «человек-общество». Отсюда все социологические концепции различаются начальной точкой исследования. В мире существуют два типа общества в зависимости от места человека в социуме.

Первый тип общества - индивидуалистический традиционно возник на Западе и характеризуют степень индивидуальной адаптации личности к обществу. Экономическая система таких обществ характеризуется рыночными отношениями, одной из особенностей которой является получение максимальной прибыли. Социальные отношения безличностные, имеют достаточно высокую степень индивидуальной свободы. Вообще свобода распадается на целый веер ценностей, в зависимости от того, применительно к какой сфере общественной жизни она относится. Индивид выступает как активное, действующее начало, который задает вектор своего развития и успеха в жизни.

Второй тип общества - коллективистский наоборот, характерен для восточной цивилизации. Совместное выживание людей в борьбе с природой предполагает выработку форм коллективной адаптации. Основным здесь выступает коллективные формы организации совместной деятельности. Такая деятельность больше характерна для сельскохозяйственного труда, в отличие от индустриального. Отношения в обществе носят личностный характер, санкции за неповиновения больше морального плана. Вертикальная, а также горизонтальная мобильность крайне затруднена. Социальная структура носит кастовый или сословный характер. Изменения системы медленные и малозаметные.

Наше разделение во многом носит исследовательский модельный порядок. Двойственная природа человеческого существования присуща любому социальному порядку. В каждом обществе происходит взаимоадаптация этих двух начал, а конкретные условия и потребности развития определяют примат того или ино-

го способа социальной организации. В реальности вектор общественного развития не раз изменялся от индивидуалистического общества к коллективистскому и обратно в зависимости от социальных изменений внутри общества и воздействие на него извне. Чрезвычайно сложный, зачастую трагический характер имеет страна находящийся на стыке двух типов обществ. Реформы отдельных правителей зачастую приводят к колоссальным потрясениям в жизни общества и имели далеко идущие последствия. Пример – Россия 18-19 веков, общественные реформы и нескончаемый спор западников и славянофилов. Аналогично трагедия в России в 20 веке, которая характеризовалась резким переходом от западного типа общества к восточному и обратно.

Социологи отражают тот порядок, который существует в данном обществе. Отсюда можно видеть две традиции рассмотрения социальных явлений: от индивида к обществу (антропоцентристский) и от общества к индивиду (социоцентристский). Первая восходит к взглядам Левкиппа и Демокрита и получила свое наиболее полное развитие у Лейбница в его учении о монадах как множестве замкнутых в себе специфических субстанций бытия. Общество, в соответствии с ними, не более чем сумма составляющих его индивидов, а социальный порядок обеспечивается договором как результатом межиндивидуальных взаимодействий. С этим порядком тесно связаны идеи свободы, равенства, контракта, в рамках которых возможен социальный обмен, хотя в "естественном состоянии" человек человеку волк (Гоббс). Вторая традиция идет от Платона и Аристотеля. В ней предполагается, что общество – это, прежде всего, органическое целое, являющееся продуктом истории и структурированное на определенным образом взаимосвязанные и взаимозависимые части, к которым, однако, не сводится полностью. Индивид реализует себя в зависимости от места, занимаемого им в обществе, и от его участия в общем социальном процессе. Если сообщество хорошо организовано, то его члены обладают сильным чувством принадлежности к нему. При плохой организации люди начинают испытывать отчуждение.

Соединение этих двух традиций характерен для становлении социологии в нашей стране в современных условиях и в перспективе будет являться наиболее продуктивным направлением.

Первухина С.В.

Философские основы понимания в филологической герменевтике

Появление герменевтики плодотворно сказалось на развитии философии, привнеся свой взгляд на вопрос понимания и ин-

терпретации текстов и, как следствие, на понимание окружающей действительности. Из вспомогательной дисциплины герменевтика превратилась в методологию понимания, которая объединила ряд философских вопросов (например, философскую рефлексию символов, аллегорий, метафор, мифов, произведений искусства, сакральных текстов и т.д.) и завоевала прочное место в методологии других наук (филологии, истории, юриспруденции и т.д.). С другой стороны, обратившись к герменевтике, философия разработала новые идеи, повлиявшие в свою очередь на развитие герменевтики. В данной статье мы ставим цель описать некоторые методологические основы теории понимания в философии, которые оказали влияние на появление и совершенствование герменевтических принципов, используемых также в других науках.

Герменевтика заставила философов оглянуться на следующие вопросы: какие существуют этапы понимания, как представляется ситуация понимания, от каких факторов оно зависит и какие методы необходимы для успешного понимания, какие условия необходимы для него и т.д. Философские основы герменевтики коснулись вычленения разных компонентов ситуации коммуникации, в которой происходит понимание, а также методологического разграничения общих для философии и герменевтики понятий: понимание, толкование, познание и др. Как философия, так и герменевтика задавались вопросом о множественности смыслов и условиях нахождения смыслов.

Рассмотрим эти вопросы подробнее, начав с того, как виделись философами этапы понимания. М. Хайдеггер видел понимание как способ бытия, он изучал этапы понимания [3, 73]. В его теории понимание начинается с открытия существующего вокруг мира, которое запускает «понимающее смотрение». После этого начинается собственно толкование и поправки к толкованию, сделанные на основе какой-либо информации. Толкование относит интерпретируемый предмет к определенному классу, усматривает цели и возможное применение этому предмету. Как М. Хайдеггер, так и другие исследователи (Ф. Шлейермахер) подчеркивали важность первого этапа понимания – наличие исходной информации, на основании которой осуществляется понимание и интерпретация предмета. Этот этап называют предпониманием.

Исходная информация для толкования сообщения зависит от нескольких факторов. Очевидно, что знание языка, на котором сделано сообщение, является очень важным фактором. Затем, адресат должен обладать необходимыми сведениями о мире. Под этим мы понимаем наличие в сознании адресата некоторых концептов, так или иначе затронутых в сообщении, или опреде-

ленной концептосферы, которая упорядочивала бы эти концепты и показывала бы их положение в общей системе и взаимосвязь. Эти концепты могут складываться на основе не только культурных знаний, но и личного опыта адресата. Не исключено, что для понимания определенных текстов (особенно религиозных и поэтических) необходим особый эмоциональный настрой.

Этап «понимающего смотра» сводится к направленности внимания на определенный предмет или сообщение, это интенция к пониманию. Мотивация играет существенную роль в этом процессе, так как она мобилизует психические процессы, необходимые для понимания сообщения: мышление, память, внимание, восприятие.

Следующий этап – толкование – происходит на основе информации, полученной извне: это некий образ сообщения, который адресат создает на основе внимания и восприятия. Но это сообщение воспринимается адресатом через мышление и концепты, хранящиеся в его памяти. Получаемая из внешнего мира информация постоянно сравнивается с когнитивной картиной мира, и на основе результатов этого сопоставления адресат может вносить поправки в толкование сообщения. Однако, индивидуальная когнитивная картина мира – это не единственный фактор, влияющий на поправки к толкованию сообщения. «Полное понимание, имеющее место внутри герменевтического круга, наступает благодаря действию интуиции, а также благодаря опирающемуся на сравнительный метод субъективному анализу. Определяющим звеном здесь выступает “предпонимание”, и именно на него уповает Шлейермахер при объяснении принципа “герменевтического круга”» [4, 69]. Термин «герменевтический круг» Ф. Шлейермахер использовал вслед за Ф. Астом, понимая под этим термином движение мысли для понимания и вчувствования во внутренний мир автора произведения. Метод герменевтического круга используется не только в философии и филологии: он нашел свое применение в психоанализе, в оценке исторических событий, в семиотике и некоторых других сферах. Проанализируем некоторые философские воззрения на ситуацию, в которой происходит понимание. В первую очередь, это ситуация коммуникации, т.е. ситуация, в которой есть какое-либо сообщение, нуждающееся в интерпретации. При этом сообщение может быть не только текстовое: интерпретировать можно и артефакты культуры, и музыку, и танец. Ситуация коммуникации включает в себя отправителя и получателя сообщения, само сообщение и ряд сопутствующих факторов, создающих фон ситуации коммуникации. В определенной степени понимание зависит от характеристик информации, которую

нужно интерпретировать в полученном сообщении. Точность интерпретации сообщения зависит от степени совпадения кодов адресата и адресанта, общности их когнитивной картины мира. Если степень совпадения кодов велика, то высока и точность интерпретации сообщения адресатом, в этом случае можно говорить о понимании этого сообщения. Интерпретировать сообщение можно и при отсутствии такого совпадения в ситуации непонимания, сам по себе процесс интерпретации не гарантирует полного понимания.

Любое высказывание несет в себе информацию разного плана: это фактическая информация, сообщающая нечто о вещественном мире, это эмоциональная информация, касающаяся личной сферы говорящего, это предположения, основанные на представлениях и факты, неподвластные чувственному восприятию. Ю. Хабермас отмечал, что «герменевтика сразу должна иметь дело с тройным отношением высказывания, которое служит, во-первых, выражением намерений говорящего, во-вторых, выражением межличностного отношения, устанавливаемого между говорящим и слушателем, и в-третьих, выражением, в котором говорится о чем-то, имеющем место в мире. Кроме того, ... мы сталкиваемся с четвертым, внутриязыковым или лингвистическим отношением» [2, 40]. Очевидно, что понимание зависит от перечисленных факторов: личной сферы говорящего, межличностных отношений говорящего и слушающего, вещественного мира, а также с характеристиками языка, на котором производится высказывание. Игнорирование какой-либо из этих сфер может повлечь за собой помехи или сбой в понимании.

Можно предположить, что для интерпретации каждой из этих сфер применимы свои герменевтические методы. Если мы принимаем во внимание намерения говорящего, то интерпретация необходимо затрагивает его личностную сферу, она должна учитывать психологические факторы: жизненный опыт коммуниканта, включающий знание разнообразных коммуникативных ситуаций и поведения в них, его аксеологическую картину мира, мотивацию. Анализируя межличностные отношения коммуникантов в ситуации понимания следует обратиться к характеристикам дискурса, внутри которого происходит это общение: дискурс накладывает свой отпечаток на роли коммуникантов в ситуации общения, создает определенное предпонимание, т.е. осведомленность коммуникантов об их ролях и ожидаемость определенных коммуникативных действий. Если мы будем принимать во внимание отношение высказывания к окружающему миру, то нам следует и учесть знание адресата об окружающем мире в плане фактической информации, или пресуппозиций. Внутриязыковой или лингвистический фактор ситуации комму-

никации требует интерпретации прежде всего на текстовом уровне, но для более полного понимания сообщения также могут понадобиться знания культурологического характера.

Ю. Хабермас также подчеркивал необходимость различных герменевтических методов для интерпретации объективных и социальных наук [2, 46-48], так как социальные науки в большей степени задействуют личностную сферу, выражение отношений между коммуникантами, а точные (или объективные) науки имеют дело с пропозициями. К этому же вопросу обращался П. Рикер в своей работе «Конфликт интерпретаций», где он подробно изложил значение герменевтики и методологии интерпретации для развития философии, лингвистики, семантики, семиотики и психоанализа. Интерпретация в этих случаях затрагивает область, находящуюся за пределами интерпретируемого объекта (текста, слова, символа и т.д.), связывая вместе разные сферы знания и человеческого опыта. Фактически, в этом случае мы имеем дело с герменевтическим кругом.

Один из методов интерпретации, которым философия обогатила герменевтику – это феноменологическая редукция, предложенная Гуссерлем [5]. Этот метод заключается в анализе окружающего мира с позиций чистого разума, при вынесении за скобки всего личностного. Ему противопоставляется метод интерпретации, который осуществляется с учетом интерпретатора.

Интерпретатор был необходим при толковании пророческих текстов прорицателей и оракулов, а также древних священных текстов, непонятных читателю в силу лингвистических причин, так как сообщение было написано на старом или мало знакомом языке, или из-за запутанности фраз и чрезмерной образности. Функция интерпретатора заключалась в передаче смысла сообщения, переложении сообщения на более удобный для понимания язык. Очевидно, что если при интерпретации сообщения учитывать разные факторы ситуации коммуникации, то и результаты интерпретации будут различны. Например, можно стараться понять смысл текста или высказывания для автора, но после сделать самостоятельные выводы на основе полученной информации. Именно из-за изменения факторов, влияющих на интерпретацию сообщения в качественном и количественном аспекте, один и тот же интерпретатор понимает один и тот же текст по-разному в разном возрасте. Ведь при интерпретации в данном случае меняется такой фактор как фоновые знания, ценности, жизненный опыт. Важную роль при интерпретации может играть эмоциональный настрой интерпретатора: эмоции влияют на когнитивное восприятие информации. Они также выполняют избирательную функцию: заставляют воспринимать

одну информацию и отвергать другую, влияют на оценку значимости информации.

П. Рикер обратил внимание на другой аспект понимания, выделяя две его ипостаси: он различал понимание как способ познания и понимание как способ существования [1, 15], в какой-то степени соглашаясь с М. Хайдеггером в этом отношении. Отталкиваясь от этого принципа, герменевты разграничивают понимание как процесс преодоления непонимания, и понимание как состояние после преодоления непонимания. Герменевтика необходима в ситуации, где существует проблема непонимания, и в этом случае необходимо истолкование как средство преодоления непонимания. П. Рикер различал понимание и истолкование. По его мнению, герменевтика существует там, где есть проблема в истолковании, то есть понимание множественности смыслов, при этом смысл можно искать как в тексте, так и в других объектах: метафорах, символах, а еще шире – в культуре или религии. Понимание текста трактовалось П. Рикером как самопонимание, что привлекло внимание к двум субъектам процесса понимания – к отправителю сообщения и интерпретатору. Субъекты ситуации понимания в этой схеме важны как носители особых систем ценностей, разных картин мира, при этом отправитель сообщения влияет на внутренний мир интерпретатора через интерпретируемый текст. В ситуации понимания происходит столкновение двух картин мира. Анализ этого столкновения проводился через методологию других наук, например семантики и структурализма. Понимание текста (мифа, символа и т.д.) может происходить через разложение текста (символа и т.д.) на составляющие семы, а может происходить через вписывание этого текста (символа и т.д.) в общую структуру культуры, через сопоставление этого текста или символа с другими текстами или символами, иначе – упорядочить его введением в систему.

Издавна герменевты решали проблему множественности смысла, мы можем найти такие попытки у античных мыслителей (Флаций, Анаксагор, Филон Александрийский и др.). Философия подхватила эту идею и проанализировала ее с позиций уровневости языка [1, 136]. П. Рикер анализировал соотношение фонологического, семантического, лексического и дискурсивного уровней для выявления возникновения новых смыслов во фразе или тексте, а также смыслов отдельных слов во фразе или тексте. По сути дела, этот анализ сводился к принципу герменевтического круга, т.е. базисной операцией, связанной с соотношением или сравнением. Она заключается в сравнении нового с уже известным знанием. «То, что мы понимаем, само образует некоторое единство или, другими словами, целостный “круг”»,

состоящий из частей. Круг как целое определяет свои индивидуальные части, и эти части вместе образуют, создают круг» [4, 68].

Мы охватили узкий круг вопросов, касающихся точек соприкосновения философии и герменевтики. На протяжении веков они поддерживали друг друга, исследуя общую сферу: поиск методов понимания. Герменевтика стала методологией философии, впитав в себя некоторые философские принципы.

Литература:

1. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. (Очерки о герменевтике). пер. с фр. М. Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 1995.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 379 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997 [Электронный ресурс] http://www.klex.ru/books/bitie_i_vremya.rar (доступно 16.10.2010)
4. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. – 117 с.
5. Феноменологическая редукция // Энциклопедия «История философии». [Электронный ресурс] <http://slovari.yandex.ru/~книги/История%20философии/Феноменологическая%20редукция/> (доступно 08.11.2010)

Писчиков В.С., Холин М.М.

Духовность и рациональность в системе культуры

Нынешнее состояние духовности и рациональности² в обществе, несмотря на их различия, можно выразить одним и тем же термином – кризисность. Проявления этого кризиса во многом для них своеобразны, но суть его одна и та же: утрата идентичности и девальвация личностной и социальной значимости. В данной ситуации особую актуальность и остроту приобретает осмысление места и роли духовности и рациональности в культуре, характера их взаимосвязи и дальнейших перспектив.

Социокультурная значимость рациональности и духовности уже предзадана самой природой культуры: познавательное и ценностное отношение человека к миру, свойственные ей, с наибольшей полнотой выражены именно в духовности и рациональности. Поэтому не будет преувеличением рассматривать эти феномены культуры в качестве ее парадигмальных оснований, от которых зависят в определенном отношении все ее характеристики. Однако длительное время для философских исследований была характерна тенденция неправомерного, на наш взгляд, разведения и противопоставления духовности и рациональности. Преодоление этой недialeктической по своей сути тенденции, обусловленное в значительной степени осознанием сути духовного кризиса общества, позволяет преодолеть и сциентистский взгляд на рациональность, переосмыслить ее по новому – как одну из важнейших ценностей культуры [см:3]. Понимание рациональности и духовности как ценностей культуры

ориентирует не только на выявление их качественного различия, но и внутреннего единства и взаимосвязи.

При всех различиях в интерпретации понятия культуры, имеющих в философской литературе, существует согласие в том, что важнейшим аспектом культуры является ее информационный аспект. Причем это относится также и к ценностным ее составляющим – морали, искусству, идеологии, религии и др. В этом ряду находится и духовность: духовные ценности заключают в своем содержании определенную информацию об отношении человека к самому себе, другим, обществу, природе, миру в целом. Без раскодирования этой информации они не могут восприниматься и выполнять свои функции ценностей.

Следовательно, рациональность как важнейший способ получения информации есть основание рассматривать в качестве необходимого компонента духовности. Тот факт, что духовность может складываться и существовать и на основе иррациональности (эзотерическая, мистическая и др.), отнюдь не опровергает этого вывода, так как иррациональную духовность, на наш взгляд, следует рассматривать как квазидуховность.

Рациональность выполняет по отношению к духовности, по крайней мере, еще одну важную функцию – рефлексивную. Очевидно, что духовность немислима без рефлексии, которая является одновременно и ее атрибутом, и способом бытия. Но именно «разум, по выражению Г.Гадамера, является всеобщей формой осуществления рефлексии» [1,634].

В свою очередь рациональность также не может успешно осуществлять своих функций в культуре без духовности. Духовные ценности выступают для субъекта в процессе рациональной познавательной и практической деятельности в качестве исходных (мировоззренческих, методологических, аксиологических) ориентиров, норм, установок, задающих определенный ракурс и горизонт восприятия и преобразования действительности. В том случае, если это неподлинны ценности, то и направляемая ими рациональность дает искаженную или ложную информацию. И наоборот: если рациональность используется в качестве инструмента, способа обоснования псевдоценностей, то это неизбежно ведет к ее деформации и перерождению.

Утрата духовностью и рациональностью своей идентичности представляет серьезную и вполне реальную угрозу как для духовного мира личности, так и для современной культуры в целом.

Литература:

1. Гадамер Г. Истина и метод. – М., 1988.
2. Исторические типы рациональности. В двух томах. – М., 1995.

Уткевич О.И.

Проблема взаимосвязи субъекта и объекта культуры

Традиционно считается, что в процессе воздействия на природную среду (то есть ее окультуривания) человек одновременно изменяет и свое собственное «я». Теоретически возможны три основных принципиально различных варианта практической реализации данной взаимозависимости. Во-первых, с помощью постоянного сохранения динамического равновесия в системе «субъект культуры – объект культуры». В этом случае человеческий индивид, интроецируя во внешнюю природу частицу своего «я», тем самым актуализирует изначально заложенную в нем потенцию только лишь в рамках вне самого себя лежащего объекта. Основой воплощения в жизнь этой модели является действие своеобразного закона сохранения актуализированного человеческого «я», которое уменьшается ровно на ту величину, которая соответствует возникающему детерминированному культурному артефакту. При этом потери субъекта окультуривания носят необратимый характер: никакое общение с артефактами, созданными другими индивидами, не в состоянии восстановить утрату.

Во-вторых, возможно одновременное увеличение актуального «я» отдельного индивида, и возрастание степени окультуренности внешней природы. Практическая реализация такого варианта возможна лишь при условии **взаимонаведенной мультипликации** исходного внутреннего человеческого «я» и интроецированной во внешнюю природу частицы этого «я». Таким образом, происходит реальное возрастание как самого индивида, так и его культурного наследия. Особенно важно то, что мультиплицирование носит коммуникативный характер, то есть общение с чужими культурными артефактами может также привести к возрастанию «я» отдельного индивида.

Необходимо подчеркнуть, что взаимонаведенная мультипликация является важнейшим средством освобождения человека от уз природной зависимости. «Человек, – отмечал немецкий философ-герменевтик Х.-Г. Гадамер, – отличается тем, что он разрывает с непосредственным и природным. Этого требует от него духовная, разумная сторона его существа» (1,53). Кажущаяся парадоксальность процесса в данном случае состоит в том, что для разрыва с «непосредственным и природным» человеку необходимо интроецировать свое «я» в природу и одновременно не просто сохранить данное «я» в самом себе, но и умножить его.

Наконец, в-третьих, возможен прямо противоположный процесс **взаимонаведенной антимультипликации**. В этом варианте уменьшение человеческого «я» приводит к псевдоокультуриванию природы. Подлинную культуру творит рачительный хозяин природы. Псевдокультура же является результатом деятельности захватчика, глядящего на природный мир только лишь как на источник полезных ископаемых. Однако данная деятельность приводит не только к безвозвратному уменьшению природных богатств, но и к страшным последствиям для самого человека. Уничтожая вне его лежащую действительность, он не просто уничтожает природную среду своего обитания, но и постоянно уменьшает потенциал своего собственного «я».

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время взаимонаведенная антимультипликация получила свое широкое развитие не только в индивидуальной, но и в социально-групповой форме. Основой данного феномена является господство, зародившегося в Западной Европе, а затем распространившееся практически на весь мир «калькулирующего мышления». «Такое мышление, – по мнению выдающегося немецкого мыслителя М. Хайдеггера, – будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером. Рассчитывающее мышление калькулирует. Оно беспрерывно калькулирует новые, все более многообещающие и выгодные возможности. Вычисляющее мышление «загоняет» одну возможность за другой. Оно не может успокоиться и одуматься, прийти в себя. Вычисляющее мышление – это не осмысляющее мышление, оно не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть» [2,104]. Именно такое мышление губительно для человечества. Отказ от него в пользу осмысляющего мышления – единственное средство сохранения природы и человека.

Литература:

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Архангельская К.В.

Практика потребления брендов и самоидентификация современного человека

Современная социокультурная ситуация характеризуется кризисом идентичности: самоидентификации индивидуального субъекта и идентификации коллективных субъектов, что обусловлено целым рядом социокультурных изменений, произошедших в ходе развития культуры современного общества и становления культуры постмодерного общества. Национальные, классовые, ролевые структуры, социальные институты теряют свою определенность. Общество предстает в виде абстрактной общности, не имеющей своего культурного образа и механизмов подкрепления своего единства, и выступает как совокупность микрообщностей (семейных, половых, возрастных, профессиональных), дезинтегрированных и не способных стать основой целостной самоидентификации субъекта. Переоценка роли пола, эксперименты с генами дают основания для кризиса половой и телесной идентификации субъекта.

Глобализация культуры, идейный плюрализм и информатизация ведут к размыванию, децентрализации и фрагментации социокультурного пространства. «Текучесть» становится «главной метафорой для нынешней стадии современной эпохи» [1;8]. Субъект также утрачивает целостность. Главным понятием в постмодерном дискурсе - в пике «тождеству» традиционной метафизики и ее самотождественному субъекту - становится «различие». Децентрированная, деструктурированная самасть обретает образ текучности, поверхностного скольжения. «Идентичности похожи на корку, то и дело застывающую на поверхности вулканической лавы, она плавится и разрушается до того как успеет остынуть и затвердеть» [1;91].

Человек эпохи постмодерна обречен на постоянное самоопределение, протраивание самоидентичности. Современную модель самоидентификации субъекта можно охарактеризовать как «интерсубъективную» [2;43]. «Интерсубъективная» модель самоидентификации человека представляет собой процесс поиска индивидуальностью своей определенности в контексте межсубъектных отношений, в ситуации межличностной и социальной коммуникации. Важнейшими составляющими «интерсубъективной» модели самоидентификации являются: самостоятельное конституирование своей идентичности индивидом, предъявление ее «знаков» на суд социального окружения для одобрения или отклонения и коррекция самовосприятия (и как следствие поведения) с учетом принятия или непринятия предъявлен-

ной идентичности. В результате современный человек оказывается неотделим от текстов, которые он сам же и образует, от «текстов» потребления в частности.

Потребление как социокультурная практика изначально имеет два аспекта: функциональный ориентированный на удовлетворение потребности человека, которой соответствует вид продукта, и демонстративно-символический, отвечающий за презентацию в акте потребления определенных личностных, социальных и культурных характеристик «человека потребляющего». Демонстративно-символический аспект потребления был впервые обнаружен Т. Вебленом при изучении особенностей потребления «праздного класса» и Г.Зиммелем в рамках исследования феномена моды. Сегодня в ситуации кризиса идентичности демонстративно-символический аспект потребления приобретает приоритетное значение.

Однако современные вещи в силу массовизации и стандартизации производства, развития товарного изобилия во многом утратили свою способность к маркированию индивида. На смену «значащим» вещам сегодня приходят потребительские символы – бренды.

В исследовательской литературе не существует единого общепризнанного определения понятия бренд, вбирающего в себя все аспекты этого сложного, многопланового явления. В существующем многообразии подходов можно выделить два основных: понимание бренда как известной «марки» (имени/знака) и понимание бренда как уникального целостного и благоприятного образа объекта брендинга. По нашему мнению при исследовании бренда более продуктивен семиотический подход. Анализ практики брендинга показывает, что бренд образуется только на основе поименованных именем собственным объектов, субъектов и событий, и в коммуникации представлен, прежде всего, посредством имени. Безусловно, на уровне массового сознания бренд бытийствует как сложный образ объекта брендинга, характеризующийся уникальностью, целостностью, устойчивостью и положительным отношением целевой аудитории потребителей. Однако этот образ представлен в коммуникации и актуализируется в сознании посредством имени. Тем самым, «имя» и «образ» в бренде соотносятся как означающее и означаемое, сочетанием и ассоциацией которых является знак, то есть в нашем случае – бренд.

Бренд представляет собой сложную двух уровневую семиотическую систему, а именно «вторичную семиотическую систему». [3;239]. Вторичная семиотическая система формируется путем приписывания знаку дополнительных означаемых и образования дополнительных коннотативных значений. Формиро-

вание дополнительных значений осуществляется посредством рекламы и других коммуникационных техник.

Означаемым первого уровня семиотической системы бренда являются вид и характеристики самого объекта брендинга: внешний облик, функциональные свойства, уровень качества и пр. Означаемое второго уровня составляют черты, идентифицирующие и определенным образом маркирующие потребителя брендинга: социальный статус, уровень дохода, стиль жизни, убеждения, ценности, принадлежность к определенной социальной группе. К примеру, первичный уровень значений для бренда Mercedes, связан с товаром как таковым - дорогой качественный немецкий автомобиль, а вторичный уровень маркирует потребителя как состоятельного, консервативного и солидного человека. Как справедливо отмечает шведский исследователь брендов Йеспер Кунде: «Сам по себе исходный продукт составляет лишь малую часть бренда, созданного из материальных и нематериальных выгод и ассоциаций» [4;78]. Таким образом, в бренде первичные и вторичные значения присутствуют, но их соотношение определяется приматом вторичных значений, определенным образом маркирующих потребителя.

Потребляя бренды, индивид символически приобщается к определенному стилю жизни и обретает в глазах окружающих желаемый социальный статус. Бренды становятся удобным средством для построения желаемой идентификации. Из брендов как из кусочков мозаики человек собирает собственную идентичность и предьявляет ее на суд социального окружения.

Сегодня помимо функционального, эмоционального и статусного, бренды приобретают духовное измерение, формируя в сознании потребителей устойчивую связь бренд-нейма с определенными ценностями и убеждениями. Бренды, имеющие наиболее сильную и развитую систему ценностей и убеждений, способны объединять вокруг своих идей людей и порождать «брендовые сообщества» [5; 204], тем самым содействуя формированию коллективной идентичности. Несмотря на то, что для постмодернистского мироощущения характерен индивидуализм, стремление к социальной интеграции архетипично для индивида, это родовая черта человечества. Будучи членом «брендового сообщества» индивиду гораздо легче осознать свое место в мире, найти ценностные ориентиры и самореализоваться. Образование «брендовых сообществ» становится одной из современных форм реализации стремления индивида к интеграции в социум и формированию коллективной идентичности.

Бренды в современном социокультурном пространстве выполняют также функцию социальной дифференциации и стра-

тификации, порождая «универсальную систему маркировки социального статуса людей», которую Ж. Бодрийяр назвал «кодом «стэндинга» [6; 161]. «Код «стэндинга» по мнению Бодрийяра специфичен именно для современного этапа развития социальности. «Разумеется, вещи всегда составляли систему социальных опознавательных знаков, но лишь параллельную и вспомогательную по отношению к другим системам (жесты, ритуалы, церемонии, язык, родовое происхождение, кодекс нравственных ценностей и т.д.). Для нашего же общества характерно то, что другие системы опознавания все более поглощаются одним единственным кодом «стэндинга»» - пишет он в работе «Система вещей». [6; 161]. Код «стэндинга», основанный на брендах, по сути, представляет собой универсальную систему социальных знаков и их прочтения. «В мире, где ежедневно встречаются миллионы незнакомых друг с другом людей, код «стэндинга» удовлетворяет их жизненную потребность знать, с кем имеешь дело, и тем самым выполняет важнейшую социальную функцию» [6; 162]. Потребление брендов становится «демонстративным потреблением, производящим социальные различия», [7; 130] то есть символическим механизмом социальной дифференциации.

Однако следует отметить, что самоидентификация, обретаемая посредством потребления коммерческих брендов по сути своей неполноценна, поскольку сосредотачивается лишь на внешнем представлении, презентации неких знаков желаемой самоидентичности. В этой ситуации конституирование идентичности зачастую оборачивается формированием имиджа - демонстративного, ориентированного на внешние аудитории образа, а духовно-ценностное содержательное ядро личности теряется. Но как справедливо замечает Зигмунд Бауман в своей работе «Текущая современность»: «Способность «делать покупки» в супермаркете идентичностей, степень истинной или предполагаемой потребительской свободы выбирать свою идентичность и удерживать ее как угодно долго становится самым легким путем к исполнению фантазий об идентичности» [1; 92].

Социальная активность индивидов, по сути, подменяется социальной активностью брендов. Компании-владельцы брендов иницируют и финансируют программы, направленные на решение проблем во многих сферах общественной жизни: «Avon» в здравоохранении, в сфере искусства - «Absolut», в спорте - «Nike», в сфере защиты окружающей среды - «The Body Shop» и т.д. В результате экзистенциальный выбор подменяется потребительским, а социальная активность индивидов сводится к потреблению «социально-ориентированных» брендов.

Несмотря на указанные опасности, следует отметить, что в современной ситуации кризиса индивидуальной и коллективной идентичности потенциал бренда для самоидентификации человека становится ключевым фактором, определяющим потребительский выбор.

Литература:

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. - 240 с.
2. Устюгова Е.Н. Культура и стили.//Метафизические исследования. Выпуск 5. Культура. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997. - С. 32–45.
3. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. - 320 с.
4. Кунде Й. Корпоративная религия. Создание сильной компании с яркой индивидуальностью и корпоративной душой. - СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. - 270 с.
5. Винсент Л. Легендарные бренды: раскрученные мифы, в которые поверил весь мир. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. - 336 с.: ил.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.:РУДОМИНО, 1995. - 220 с.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. - 387 с.

Борисова А.С.

Отражение религиозных постулатов авраамических религий и синтоизма в лингвистических конструкциях (на примере переводов Книги Псалтирь на японский язык)

Исследование переводов священных текстов с точки зрения философии языка дает возможность прояснить взаимное влияние культуры и языковых структур. Мировоззрение находит свое отражение в грамматике и фигур речи, и данная картина мира надолго закрепляется у носителей языка.

Поэтические тексты Книги Псалтирь возникли как первый в истории метанарратив, и идея трансцендентного единственного Божества как центрального концепта универсума не могла не оказать влияние на выбор авторами библейских текстов тех или иных средств языковой выразительности для более эффективно донесения содержания до умов верующих.

Среди основных приемов можно выделить различные виды параллелизма, а также метафорические конструкции. Параллелизм, особенно такие его виды, как антитестический и логический, закладывал идею о соотношении допустимого и недопустимого, божественного и нечестивого, подчеркивал причинно-следственные связи, проводил параллели между различными уровнями бытия. Метафора являлась индикатором уровня абстрактного мышления, структурного подхода к анализу мира. Особое внимание следует уделить метафорам, описывающим божественную метареальность; они представляют собой как раз сжатые концептуализированные теологические формулы.

Японский язык и его литературная система складывались преимущественно под влиянием радикально отличающихся от авраамического монотеизма синтоистских идей. Плюрализм и отсутствие системного подхода в рассмотрении реальности нашли отражение в преобладании метонимических оборотов и крайне редком употреблении метафор и антитез. Исключение составляют лишь тексты, написанные под влиянием китайских авторов, так как китайская философия успела выработать свои метанарративы, которые нашли выражение и в языке.

Противоречия исходных дискурсов обеих культур не могли не оказать влияния на готовые переводы, и именно изучение ошибок переводчика и несовпадений литературных систем дает возможность изучить соотношение культурной и языковой картин мира.

Бушковский А.В.

Личность и инженерное творчество П.П. Мельникова

Почетный член Петербургской Академии наук воспитанник и профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения, ныне Петербургского государственного университета путей сообщения, Павел Петрович Мельников (1804-1880) оказал огромное влияние на становление и развитие транспортной системы в нашей стране. Историческая роль Мельникова в развитии транспортной науки и железнодорожного строительства поистине велика, к началу 30-х годов XIX в стране, по сути не имела русских специалистов в области транспортной науки и техники. России нужен был ученый, который мог бы возглавить эту область знаний. П. П. Мельников обладал большой энергией, силой воли, верой в талантливость своих соотечественников. Он осознал назревшую историческую потребность в механическом транспорте, нее других сформулировал эту потребность в виде определенных научных задач, решительнее всех взялся за осуществление, проявив при этом подлинную стойкость борца за передовые идеи в науке и на практике.

Павел Петрович Мельников родился 22 июля 1804 г. Судя по намекам его современников, он был сыном незаконнорожденным высокопоставленного лица, которое постаралось в дальнейшем поддержать его в получении дворянского звания через брак его матери с человеком из благородного сословия. И Мельников вполне осознал в дальнейшем несправедливость разделения людей не по таланту и уму, а по происхождению. Но он верил в то, что личная ответственность, воля и трудолюбие более достойные качества человека, и сумел доказать своей жизнью. Проучившись всего несколько лет в одном из пансионов Москвы, он овладел математикой и французским языком в

таким совершенстве, что был выделен основателем Института Корпуса инженеров путей сообщения Августином Бетанкуром как достойный претендент на получение звания инженера и впоследствии закончил обучение первым в выпуске. В 1824 году на завершающем экзамене Мельников увидел Сперанского, который задал ему вопрос о сущности новой теории электрических токов. Ответ был таков, что, по воспоминаниям Павла Петровича, Сперанский «благодарил меня в самых лестных выражениях, говоря, между прочим, что присутствует не на экзамене, а выслушал весьма интересную и поучительную лекцию» (1).

В начале творческого пути Мельников получил поддержку и одобрение Бетанкура и Сперанского – двух выдающихся деятелей александровской эпохи. И, с психологической точки зрения, она была очень значимой для формирования Я-концепции его личности, ориентируя на вершинные достижения в избранной им области деятельности. Инженерные и социальные идеи оказались соединенными в формировании жизненной цели: преобразование общественной жизни через разработку и внедрение техники в национальную экономику.

Как универсальный ученый, Мельников интенсивно осваивал опыт инженерной науки и практики зарубежных государств, но при этом тут же вносил в анализ ими достигнутого новые, перспективные идеи. Мельников создал национальную научную школу, ведя преподавание в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. До Мельникова учебные занятия по техническим дисциплинам велись в основном на французском языке. Блестяще владея европейскими языками, он стал вести занятия уже по-русски, что предполагало создание не только русской терминологии, но и стиля научного изложения в инженерной науке. Все основные учебники и монографии ученый писал по-русски.

Как руководитель строительства инженерных сооружений Мельников был администратором того типа, который в социальной психологии именуется демократическим (в отличие от авторитарного и попустительского), продолжая традиции Суворова в армейском управлении и Сперанского - в гражданском.

Павел Петрович Мельников является выдающимся русским деятелем, который свой высокий научный и инженерный профессионализм сделал основой последовательного общественного служения. Как ученый, педагог и инженер-практик он заложил основы железнодорожной науки в России. Его исследования в области механики воплотились в строительстве железных дорог страны, обеспечив высокий уровень эффективности и безопасности того вида транспорта, который до сих пор оказывает самое большое влияние на экономическую жизнь России.

Литература:

1. П.П. Мельников – инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 246

Грицай Л.А.

Понимание смысла родительства в современной медиакультуре

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи.

Не для кого не секрет, что в современной России семья переживает острый кризис, проявляющейся, в первую очередь, в сфере детско-родительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Истоки данной кризисной ситуации, на наш взгляд, обнаруживаются в том, что родительство в сознании многих наших соотечественников перестает быть важнейшей смысложизненной ориентацией.

Когда-то В. Франкл утверждал, что человек не может существовать в этом мире, не имея четкого смысла своего бытия [1]. Однако смысложизненные ориентации личности могут быть разными, и многие наши современники не видят главного смысла своей жизни в рождении и достойном воспитании собственных детей, обретая важнейшие ценности в ином: карьерном успехе, наслаждением жизненными удовольствиями, творческой реализации себя и т.д.

Доказательство этого утверждения обнаруживается в изучении текстов современной медиакультуры.

Следует отметить, что под медиакulturой мы понимаем «совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, а также исторически определенную систему их воспроизводства и функционирования в социуме» [2, с. 196].

При этом медиакultura опирается на стереотипы массовой культуры, которая в свою очередь, «актуализирует и опредмечивает ожидания массовой аудитории в ее потребностях, общении, эмоциональной компенсации и разрядке» [3].

Следовательно, медиакultura представляет собой некий вариант искусственно созданной системы ценностей и жизненных ориентаций, обращенной к широкому слоям населения.

Для того чтобы ответить на вопрос, как представляется смысл родительства в современных масс-медиа, мы изучили большое количество печатных СМИ, продукции современного кабельного телевидения, киноработ, Интернет-сайтов, т.е. часть

того потока информации, который каждый день обрушивается на рядового гражданина нашей страны.

Результаты, к которым мы пришли, позволяют сделать следующие выводы:

1. В большинстве современных медиатекстов развлекательного характера тема родительства представлена крайне скупо. Поводом для упоминания о ней, как правило, является либо обсуждение личной жизни звезд, либо примеры девиантного родительства. При этом часто родительские обязанности рассматриваются как препятствие для реализации жизненных возможностей человека.

Для данных медиатекстов характерно фактическое отсутствие осознанного понимания смысла родительства.

2. Часть современных медиаресурсов транслируют сложившуюся в последние годы общегосударственную позицию необходимости возрождения родительской культуры семьи. Смысл рождения и воспитания детей в этом ракурсе понимается как проявление гражданского мужества и достойный жизненный выбор личности.

3. В современном медиапространстве также заметна группа ресурсов, ратующих за возрождение ценностного отношения к родительству. Очень часто ими являются книги, газеты и журналы, радиостанции, кабельные каналы и Интернет-сайты, профессионально принадлежащие к миру православия. Родительство здесь воспринимается как служение Богу и величайшая духовная радость, а сама семья рассматривается как «малая Церковь», ставшая величайшей ценностью для всех ее членов.

Представленные обстоятельства свидетельствуют о неоднородности смыслового поля «родительство» в российской медиакультуре, так как в ней сталкиваются различные мировоззренческие позиции: культ человека-гедониста с установкой на бездетность или малодетность, образ родителя-патриота и высокий идеал мудрого и ответственного родителя, готового самозабвенно и жертвенно любить свою семью и детей.

Литература:

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
2. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность. – Таганрог, 2004.
3. Кравченко А.И. Культурология. – М., 2000.

Дашидоржиева У.Б.

Феномен отчуждения в изображении писателей «потерянного поколения»

В отношении крупных американских писателей XX века - Хемингуэя, Скотта Фицджеральда, Дос Пассоса, Фолкнера –

принято употреблять термин «потерянное поколение». Они вошли в литературу сразу после окончания первой мировой войны и отображали в своём искусстве сложные условия послевоенного развития. Их особенно волновала судьба молодого человека в послевоенной Америке. Им присуще разочарование в американской буржуазной демократии, осознание трагизма судьбы человеческой личности в Америке, гуманистические тенденции. При всём том многие их произведения пессимистичны [Засурский, Я. Н. Американская литература XX века. - 1984, с. 190].

Осуждая бесчеловечность и бессмысленность войны, бесперспективности существования и утраты цели жизни вернувшись с театров военных действий молодыми людьми, писатели «потерянного поколения» утвердили неприятие буржуазного мира с его идеалами, отчуждением личности от общества.

Писатели «потерянного поколения» пытались осмыслить события первой мировой войны в связи с прошлым, настоящим и будущим страны, но чем пристальнее они всматривались в причинно-следственные связи, тем отчётливее видели свою оторванность от Америки начала XIX века, ее идеалов, её литературы. Осознав, что война и отчуждение личности от общества (и даже от самой себя), а ведь именно это и составляет суть, основу «потерянности», - следствие существования капиталистического общества, буржуазного мира в целом, писатели «потерянного поколения» начинают поиск основ существования личности в обществе (3).

Положение личности в современном мире - одна из наиболее существенных проблем американской жизни. А необходимость понять истоки литературных процессов, сосредоточенных на столь актуальной проблеме, не может не привести к экзистенциальной философии.

Личность, взятая в ее внутренних и внешних координатах, сосредоточенность на проблемах личности, личностного выбора, личностной ориентации, личностного определения - всё это находится в центре философии, психологии, религии и, безусловно, составляет предмет непосредственных литературных устремлений, в частности в жанре романа. Такая «пограничность» и способствует широкому проникновению экзистенциализма в мир литературы. Наряду с этим экзистенциализм и художественное мышление сближает и сам метод познания действительности. Философия экзистенциализма сосредоточивается на внутреннем мире личности, что наиболее соответствует природе литературы, искусства. Оно в свою очередь включает в себя комплекс интуиции, подсознательного. Потому и философам - экзистенциалистам в целом присущи большой интерес к ис-

кусству и убежденность в том, что именно в искусстве совершается акт постижения экзистенции.

Изучение характера взаимоотношений экзистенциализма с прозой США - необходимое звено в установлении законов развития современной литературы в первую очередь - романа.

Вообще, американский роман - явление своеобразное. По сравнению с европейским романом американский менее насыщен исследованиями общественных механизмов и институций, больше сосредоточен на отдельной личности и на её реакциях на окружающий мир. Отчужденный индивидуум - главный предмет изображения американских романистов, а роман - это рассказ о трагически одиоком человеке, ищущем себя и своё место среди людей. Подобные наблюдения вновь позволяют говорить о том, что по самой своей тематике и проблематике, по постановке вопроса у американского романа должны быть точки соприкосновения с философией экзистенциализма (1).

Экзистенциализм как философия и мироощущение опирается и на феномен отчуждения.

«Отчуждение - это отношения между субъектом и какой-либо ее функцией, складывающиеся в результате разрыва их изначального единства, ведущего к обеднению природы субъекта и изменению, извращению, перерождению природы отчужденной функции, а также процесс разрыва этого единства» (2). Так определяет это понятие философский словарь. Основным показателем отчуждения признается наличие в мировосприятии человека следующих доминант: чувства бессилия, ощущение того, что судьба индивида вышла из-под его контроля; представления о бессмысленности существования; восприятие окружающей действительности как мира, в котором утрачены взаимные обязательства людей по соблюдению социальных предписаний, разрушена институализированная культура, не признается господствующая система ценностей; ощущения одиночества, исключенности человека из социальных связей; чувства утраты индивидуумом своего «подлинного я», разрушения аутентичности личности, т. е. самоотчуждения.

Проблема отчуждения, неразрывно связанная с проблемой личности и ее функционирования в обществе, блестяще воплотилась в таких романах писателей «потерянного поколения», как «И восходит солнце» Хемингуэя, «По эту сторону рая» и «Великий Гэтсби» Скотта Фицджеральда и др.

Литература:

1. Денисова Т. Н. Экзистенциализм и современный американский роман. - 1985, с. 48

2. Малахов В.С., Филатов В.П. Современная западная философия: словарь. - 1991, с. 225

3. Петрушкин А. И. В поисках идеала и героя. Творчество Э. Хемингуэя. - 1986, с. 13

Дробышева Е.Э.

Репрезентации идеи сакрального в архитектонике современной культуры: "ускользающая острота"

В авторской концепции культура архитектурно предстает собой взаимодействие трех горизонтов: метафизического, структурно-морфологического и функционально-динамического (1). Условным центром ее выступает зона сакрального (2), где встречаются все вышеозначенные векторы и где смыслы переплавляются в ценности. Тектонические сдвиги, вызванные движениями в аксиофере, символически репрезентируются в искусстве.

Мы являемся свидетелями такой трансформации отечественной истории и культуры, при которой происходит перетекание сакральных смыслов от религиозного формата к идеологическому и обратно. Культ советских вождей был результатом такого метафизически-ценностного замещения центра сакральности, что нашло свое отражение в художественных практиках того периода. Образы героев социализма, отлитые в бронзе и высеченные из мрамора, сопровождали человека на протяжении всей его сознательной жизни.

Художественное пространство СССР было структурировано общими задачами, требовавшими высокого уровня социальной сознательности, патриотизма, героизма. Образцы самоотверженного служения Отечеству репрезентировались народному сознанию, выражаясь сегодняшним языком, "на всех носителях" – посредством радио и телевидения, газет и наглядной агитации, кино- и театральных произведений, скульптуры, архитектуры, живописи, литературы. "Шершавым языком плаката" наглядно и образно акцентировались приоритеты и ориентиры, отлитые в визуальных образах и речевых слоганах. Шаманский сакральный круг сопровождал человека во всех его ипостасях: октябрена/пионера/комсомольца/партийца/труженика/семьянина/друга/родителя/ избирателя/зрителя/читателя.

На службу прославлению идей социализма и героического характера советского народа были мобилизованы все виды и жанры искусства – от циркового до оперного. "Сталинский классицизм" и сегодня ассоциируется с основательностью и не лишенной эстетизма практичностью. По выражению современ-

ника, "в сталинской архитектуре отлит страх", и этот бессознательный/осознанный "страх и трепет", помноженный на поощряемый Отечеством энтузиазм, создал совершенно неповторимую художественную среду, транслирующую аксиологический Космос советского человека.

Сегодня можно говорить о значительном опустении зоны сакрального властного компонента, что наглядно прослеживается в арт-пространстве. Поиски национальной идеи декларируются на самом высоком уровне, но пока "свято место" зияет пустотой. В этой области спонтанно скрещиваются и постимперские идеи, и активно реанимирующиеся православные мотивы, и отсылки к языческому, славянскому прошлому нашего народа. Калейдоскоп архетипических фрагментов являет причудливую фантазмагорическую картину. В 1990-е это актуализировалось в жанре исторических живописных полотен И. Глазунова, где в патетическом дискурсе "поисков утраченного" соединялись образы великих исторических деятелей российской истории.

В сегодняшних художественных практиках представлены самые противоречивые тенденции и стили. "Новый академизм" Т. Новикова уживается с митьковской эстетикой, постмодернистские перформансы и инсталляции актуальных художников в едином пространстве выставок соседствуют с ироничной "как бы реализмом" Дубосарского/Виноградова, эпатирующие акции Кулика и Бренера полемизируют с попытками обнаружения основ "новой духовности" в проектах "Верю" и "Пространственная литургия" того же Кулика.

Гламур актуальной культуры отразился и в сфере официоза. Ушел в прошлое монументальный идеологический дискурс с его нарративным содержанием, в связи с этим изменился и художественный контент. Портреты власть имущих тиражируются на фольклорных китчевых матрешках и подушках-думочках. Снижающая тенденция коснулась не только актуальной политической среды, пересмотру подвергаются и приемы изображения героев прошлого.

Архитектоника культуры предполагает постоянное движение смыслов и обновление ценностных парадигм. Ситуация истощения зоны сакрального в актуальной российской реальности логично должна смениться оформлением новых контуров "места силы", а художественное пространство традиционно станет ареной их репрезентации.

Литература:

1. Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры: опыт культурфилософской рефлексии. СПб., 2010.

2. См. об этом также: Geertz K. *Centers, Kings and Charisma*. N.Y., 1983; Shils E. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago, 1975; Плампер Я. *Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве*. М., 2010.

Жиндеева Е.А.

Проблема виртуализации художественного текста с точки зрения семиотической школы Ю.М. Лотмана

Проблема визуализации в искусстве обсуждается давно и плодотворно. Отображение художественных образов в конкретных видимых и понимаемых реалиях нашло свое отражение в развитии и совершенствовании кинематографа, новых техниках рекламы и т.п. Визуализация же в литературоведении – проблема, недостаточно исследованная в силу комплекса причин, к которым можно отнести и не изученность психологии воссоздания и (это на наш взгляд главное) особенностей восприятия художественного произведения. Осознавая особую значимость визуализации, доказывая, что как метод реконструкции символов в тексте, визуализация способна прояснить многочисленные проблемы художественного произведения остановимся на представлении вопроса в трудах семиотической школы Ю.М. Лотмана.

Для этого напомним: Тартуско-московская (московско-тартуская) семиотическая школа - направление в семиотике, лингвистике, литературоведении, культурологии в 1960- 1980-х годах. Школа объединила учёных из Тарту (кафедра русской литературы Тартуского университета) и Москвы, а также Еревана, Риги, Вильнюса и других городов. Ее основателями были Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, В.Я. Пропп. Результатом деятельности школы, вдохновителем которой в 1980 – е годы стал Ю. М. Лотман, стала организация регулярных конференций (летних школ) и издание сборников научных трудов по проблемам знаковых («вторичных моделирующих») систем. В качестве одной из них и называлась проблема психологической устойчивости мира в передаче информации посредством художественного произведения.

Исследование широкого культурного контекста подразумевает анализ динамических процессов, для которых структурно-семиотические методы были низкоэвристичны. В этих условиях приходилось либо отказываться от анализа динамики в пользу синхронного описания знаковых средств культуры, либо постепенно отказываться от структурного метода в пользу сравнительно-исторического, генетического, функционального, сравнительно-типологического анализа.

Решением проблемы для Ю. М. Лотмана стало представление о художественном тексте не только как о коде информации и клише, содержащем общее авторское представление о происходящем, но и о самом процессе способов и методов декодирования читателем принимаемого потока сознания писателя. Именно в этом контексте и может рассматриваться визуализация как составляющая механизма психологического опыта человечества в заданной траектории.

Главным визуальным средством, отображающим художественную картину мира в культурном пространстве художественного текста для Ю. М. Лотмана является слово. Слово описывает любое явление, рождая в читательском восприятии представления о явлении.

«Погружаясь» в культурное пространство текста, читатель выступает реципиентом, который способен или не способен авторскую картину мира, вступая в диалог с писателем, критиками, современниками. В результате появляется семиологическая парадигма наслоения собственных смыслов, привнося тем самым свою уникальную картину мира в восприятие текста. Каждый раз читатель становится со-творцом текста.

Идея личностной доминанты, утверждение о том, что только автор способен постичь истину, стали фундаментом литературно-философской концепции визуального воссоздания. В этом плане интересны рассуждения Ю.М. Лотмана о бинарности любого художественного текста.

Разные читатели по-своему интерпретируют текст, с большей или меньшей степенью успеха погружаясь в его культурное пространство. Неподготовленные и подготовленные читатели имеют разные компетенции восприятия художественного произведения, сформированные на основе философских, культурологических, исторических, лингвистических знаний. В идеале должен существовать такой читатель, перед которым открываются все потенциальные составляющие содержания текста.

Интерпретация текста читателем весьма механистична, если применяется сугубо лингвистический подход, с акцентированием внимания на лексический и синтактико-прагматический срезы текста. Поэтому диссертант считает оправданным применение метатекстовых пропозиций с использованием некоторого фрейма (структуры данных, служащей для представления стереотипичных ситуаций). В реальности, часто происходит подмена общего фрейма интертекстуальным. При этом виртуализация как процесс преобразования информативной составляющей художественного произведения получает карт-бланш. По сути своей данная проблема остается до настоящего времени не решенной, являясь на наш взгляд органичным продолжением рас-

суждений Ю. М. Лотмана о семиотических характеристиках литературного процесса и способов ее психологической переработки ее читателем

Ефременко О.А.

Идея молодости как доминирующий вектор массовой культуры

В современном обществе экономическая и социальная конкуренция ставят человека не просто в ситуацию выбора между желаемыми стратегиями поведения обыденной и профессиональной жизни, но задают ему правила поведения и деятельности. Одним из таких правил выступает необходимость постоянного доказательства своей нужности бизнес-компании, государственному учреждению и даже спутнику жизни. Одним из качеств такой доказательности является наличие силы, работоспособности, перспектив профессионального и социально-экономического роста. Данные качества, как правило, свойственны молодым людям, отсюда молодость приобретает положительную коннотацию и становится культурным символом, характеризующим человеческую состоятельность. Феномен молодости как доминирующей ценности является одним из элементов сложной многоуровневой системы. Он диктует индивидам определенные «технологии поведения», через которые они могут быть включенными в социокультурную «целостность» современного мира.

Интерес к феномену молодости как ценности в массовой культуре возник еще в 30-е годы XX века. Массовое индустриальное общество формируется на рубеже XIX-XX вв., а интерес к культуре массового общества породил целый массив исследований. Это классические труды по психологии толпы и масс Г. Лебона, Г.Тарда, З.Фрейда. Но именно в 30-е годы инфантилизм человека массовой культуры становится предметом анализа испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета. Особое внимание духовной жизни человека массового общества уделялось в трудах представителей Франкфуртской школы социальных исследований: Э.Фромма, М.Хоркхаймера, В.Беньямина, Т.Адорно, Ю.Хабермаса.

Р. Барт рассматривал человека массовой культуры как носителя архетипического мифологического сознания. Его работы, посвященные функционированию мифа в современной культуре, публикуются в 60-е годы XX века. Постмодернистские авторы (М.Фуко, Ж.Бодрийяр, Ж.Делез) видят массовую культуру как доминирующий дискурс телесности. Жан Бодрийяр также связывает культ молодости с общественным контролем при помощи мифологического и психического механизма (5) . И даже

ставит эту функцию выше продуктивистской экономической рентабельности.

В отечественной науке проблемы, связанные с массовой культурой, начали рассматриваться с 60-х годов XX века. В целом проблема трансформации системы ценностей в массовой культуре затронута в трудах таких ученых как Е.Э.Дробышева, А.В.Костина, Т.Ф.Кузнецова, Э.А.Орлова, К.Э.Разлогов, Е.Г.Соколов, А.Я.Флиер, Н.А.Хренов, Е.Н.Шапинская. Но не до конца изучены исторические и психологические истоки феномена молодости как доминирующей ценности, его функциональная роль в массовом сознании и культурных практиках.

Молодость – это качественная характеристика телесности, а современная массовая культура, возводя «телоцентризм» в статус мировоззренческой установки, создает необычную для гуманитарного знания ситуацию, в которой телесность обретает субстанциональный статус и становится основной характеристикой данной культуры.

Если «духовность» является категорией, посредством которой можно охарактеризовать классическую и элитарную культуру, то «телесность» может стать той категорией, с помощью которой возможно наиболее адекватно и целостно охарактеризовать современную массовую культуру.(7)

Мировоззренческий телоцентризм современного человека, адепта массовой культуры, постепенно ставит знак равенства между рефлексией и впечатлением. В пространстве массовой культуры, при огромных практических и информационных возможностях современного человека, телесная чувственность несет в себе, в отличие от чувственности человека античного, не столько материал для духовного преобразования, сколько «консюмеристское» содержание.

Массовая культура направлена на социализацию индивида, результатом которой должно стать пассивное подчинение социальным нормам, растворение личностного начала во всеобщем. Подобное приспособление формирует у человека ощущение психологической безопасности и комфорта. Адаптационный фактор приводит личность к конформизму, отказу от собственной целостности и индивидуальности, а содержанием ее становится обладание внешними атрибутами бытия. Люди идентифицируют себя с профессией, со своими потребностями, с собственной социальной маской, с тем, что о них думают другие люди.

Можно проследить связь самоидентификации с мифологическим образом мышления, с религиозным сознанием, с просветительскими идеями и переменной культурных парадигм. В XX веке происходят симптоматические перемены, мозаичность

культуры предполагает иной способ культурной самоидентификации личности. На первый план выступает сугубо индивидуальное, личное, жизненное начало и жизненные ориентиры.

Молодость как внешний атрибут бытия позволяет претендовать на значимые социальные роли и на престижный стереотип образа жизни. Недостаточно беспрекословного следования традиции жизни той группы, к которой человек принадлежит от рождения, чтобы получить общественное признание, выгодную работу, дружбу, любовь; молодость человека – залог получения этих социальных и психологических благ. Сохранение молодости – это способ сохранения жизненной стабильности на фоне нестабильности прежних устоев – религиозных, национальных, общинных, семейных, профессиональных.(5)

Современному человеку, чувствующему себя растерянным среди обилия информации, массовая культура предлагает набор норм и стереотипов поведения, через которые он может идентифицироваться с тем слоем, к которому он принадлежит или стремится принадлежать. Этим объясняется популярность в массовых изданиях статей, посвященных знаменитостям, их образу жизни, моде и т.д. Женские (глянцевые) журналы, телепрограммы и интернет-издания соответствующей тематики, а также рекламные тексты, являются популяризаторами и проводниками массовой культуры.

Вещи начинают символизировать то или иное качество личности, социальное положение и культурный контекст. Это заставляет человека с его желанием быть идентичным своему Я, возводить вопросы потребления в статус экзистенциальных вопросов. Экзистенциализм, одно из направлений постклассического типа философствования, в настоящий момент переживает свое переосмысление в пространстве массовой культуры.

В современной массовой культуре экзистенциальный подход начинает приобретать «прикладной» характер и главный парадокс в том, что решение экзистенциальных вопросов начинает переноситься из сферы духовного поиска в сферу телесного бытия.

Экзистирование в современном понимании становится массовым. Оно представляет собой реальную практику или даже персональный эксперимент для каждого адепта массовой культуры. Человек исходит из стремления соответствовать идеальным представлениям о «подлинности» бытия, формируемым массовой культурой. В контексте массовой культуры экзистенциальные символы воплощаются в такой форме телесно-визуальной репрезентации как «имидж».

Имидж – синтезированный личностью типаж – обращен во вне, ориентирован на «внешнее потребление». Личность выну-

ждена складывать, сочетать, перемещать, подгонять различного рода идентификационный материал с целью создания целостного, вызывающего симпатию имиджа, посредством которого можно добиться жизненного и профессионального успеха.

В новых условиях простое воспроизводство образцов, стилей и моделей поведения, присущих предыдущему поколению, оказывается неадекватным, появляются культурные различия между поколениями.

XVIII век остро поставил проблему ценности детской жизни; в XIX веке (80-е г.г.) общественное признание получила такая категория как отрочество, в начале XX в. – юность; в 20-е г.г. XX века – старость. В середине XX века появляются науки: акмеология – наука о зрелости, геронтология – наука о пожилом возрасте, андрагогика – наука об образовании взрослых.

Современные исследования выявили следующие факторы:

- Понижение социального статуса пожилых людей
- Изменение характера труда в постиндустриальном обществе
- Обесценивание накопленного опыта старших поколений
- Распространение негласной государственной политики по отстранению от работы пожилых людей

Эти тенденции способствуют обесцениванию старости и усилению геронтофобной (страх перед возрастом) установки в массовом сознании.

«Здоровое тело», тщательно и бережно взлелеянное несмотря на все экологические, техногенные и генетические опасности является культовой позицией, не оспариваемой ни при каких обстоятельствах. Массовый характер «оздоровления», а также приобщенность к тем или иным видам спортивного стимулирования в первую очередь направлены – как декларируется – на то, чтобы сохранить как можно дольше себя, если точнее – свое тело для социально-производственных нужд. Над своим телом работают огромное количество людей во всех «развитых цивилизованных» странах.

Интересно взглянуть на массовый спорт, на те процедуры символического характера, которые его сопровождают во всех модификациях – от простого желания «чувствовать себя бодро», до полупрофессионального стремления «создать идеальное тело» (соответствующее канону).

Не только в западных обществах, но и в России общий страх старения, усиленный индустрией рекламы, стимулирует поиски «внутренней молодости», стремление идти «в ногу со временем» у всех возрастных групп. Расширяющийся рынок «молодежности» преодолевает культурные различия, этническое многообразие, и становится источником коммерческой прибыли. Изменяются не только возрастные границы молодежных групп,

но и их символические координаты. Молодость становится характеристикой особенных потребительских стилей, формирующихся вокруг культа молодости, сохранения внешней привлекательности, продленного образования и экспериментирования с разными типами занятости. (6)

Традиционные культуры были четко иерархизированными обществами, где ребенок мог быть умным, но мудрыми все-таки были старики. Сейчас же, в условиях тотальности СМИ и “экранно-клипового” сознания, повсеместно в роли гуду выступают едва ступившие на публичное поприще “звезды”, не имеющие достаточного жизненного опыта, зато имеющие возможность оплатить эфир.

Современная ситуация характеризуется тотальной визуализацией культурного пространства, а новые поколения все больше социализируются в контексте аудиовизуальной культуры. На смену базовой «печатной», «книжной» культуре приходят более зрелищные и более эффективные с точки зрения передачи информации технологии. Это, прежде всего, экранные технологии – компьютерные, кино и телевидение с его утвердившейся клиповой культурой, а также мода, весь имиджевый поток массовой культуры и, конечно, мультимедийная реклама.

Дизайн всегда тесно связан с рекламой и модой. Посредством дизайна, через предметно-визуальную среду, происходит создание различных искусственных мировоззрений, предложенных на выбор потребителю. Мироощущение и даже миропонимание заключается в товаре, который человек приобретает в стремлении к собственной идентичности. Знания, чувства, воля как сущностные силы человека, оказываясь под давлением этого комплекса средств визуальной коммуникации, реализуются в экзистенциальной целостности феноменального и физического тела человека.

Сила моды – в отчаянном стремлении людей принадлежать целому. Мода внутренне соединяет определенный круг людей, одновременно внешне отделяя его от других. В современных условиях ей это беспрепятственно удастся, с одной стороны, благодаря свободе индивидуального выбора и существованию не сословно-классового, а стратификационного деления, а с другой – благодаря массовому выпуску копий символов моды, дающих возможность любому (при наличии возможности) идентифицировать себя с кем угодно. При этом мода оперирует знаками-символами более доступными внешнему подражанию и не претендующими на истинное «прочтение» их смысла.

Реклама – это уникальный по своим масштабам и влиянию социокультурный феномен, формирующий массовое сознание, общность жизненных стандартов, а также привычки и потреб-

ности отдельного индивида. В рекламе отражаются основные характеристики массовой культуры: стереотипность, мифологичность и прецедентность.

Язык рекламы своевременно реагирует на изменения в любой сфере жизни, что, в свою очередь, отражается в рекламных текстах. В них четко прослеживаются в том числе и стереотипы, включая и те, что относятся к возрастному срезу.

Реклама обладает сложным семантико-семиотическим характером, коннотативное значение рекламного знака играет в означивании и коммуникации главенствующую роль. Медиа-рекламу необходимо рассматривать как культурный симулякр: она оказывается не призывом к приобретению чего-либо, а рекламной-пропагандой, пробуждающей в людях определенные стремления, на самом деле предлагающей идеи или стереотипы поведения.

Телевидение – неотъемлемая часть современной массовой культуры – это арена мифотворчества. Искусственно создаваемые рекламные мифы основаны на ярких образах и снабжающих их энергией эмоциях. Показательны в свете этого высказывания предпринимателей: «На фабрике мы производим косметические товары, а в магазинах продаем надежду». «Покупка стала эмоциональным действием. Наш бизнес сейчас – продажа эмоций, а не обуви».

В современной рекламе присутствует определенная система как женских, так и мужских образов, которые обладают универсальными характеристиками, стереотипны, мифологизированы и актуальны.(4)

Рекламные образы преподносят стереотипный образ современного человека, женщины и мужчины. Наиболее распространенными являются рекламные тексты, подчеркивающие значимость молодости и внешней привлекательности, особенно женской, для достижения профессионального успеха.

Анализ российских печатных изданий, адресованных женщинам, показывает: как правило, рубрики, расположенные в начале, посвящены созданию внешнего облика женщины. Таким образом, молодость и внешняя привлекательность женщины позиционируется как основа для самоидентификации и условие е психологического комфорта. Происходит жесткая регламентация ее внешнего облика через стандарты красоты.

В работе «СМИ и гендер: образ женщины в репрезентативных практиках современной российской культуры» О.С. Селиванова и Г.В. Мокроносов анализируют истоки становления культа молодости в современной массовой культуре. Стереотип «женщина – сексуальный объект» представляют женщину через призму ее телесности. Ярчайшей демонстрацией женской телес-

ности являются «конкурсы красоты». Социально важными в данном случае становятся характеристики женщины как биологической особи. Иначе говоря «миф о красоте» - это определенные представления о совокупности внешних характеристик женщины как таковой. (8)

Данный термин был введен в научный обиход Наоми Вульф. Ее труд «Миф о красоте» имеет второе название – «Как представления о красоте используются против женщин» (3). Суть данного мифа исследовательница видит в следующем: «... качество, именуемое «красотой», существует объективно и повсеместно. Женщины должны желать олицетворять его, а мужчины – желать обладать женщиной, его олицетворяющей. Это олицетворение является императивом для женщин, а не для мужчин, и такое положение необходимо и естественно, поскольку обусловлено биологией, сексуальностью и эволюцией: сильные мужчины сражаются за красивых женщин, а красивые женщины лучше осуществляют репродуктивную функцию. Красота женщин должна соответствовать их плодовитости, а поскольку эта система основана на половом отборе, она неизбежна и неизменна».

Право женщины распоряжаться своим телом, своей внешностью оказывается отчужденным от нее и поставленным под контроль мощного социального института – общественного мнения. Возникновение современных представлений о красоте относятся к середине XIX века и связано с распространением новых технологий фотографии и печати. В дальнейшем иллюзия красоты широко подхватывается и тиражируется рыночными структурами как прибыльная отрасль экономики. Красота в условиях современного западного общества обретает принудительный характер. Женская привлекательность и сексуальность активно эксплуатируется через механизмы рынка и СМИ.

Таким образом, современные представления о красоте и женственности - есть результат определенной идеологии. «Женственность, по которой стонут некоторые наши современники – это копия с красочной обложки богатого дамского журнала. Образ «истинной женщины» возник в 50-х годах в Америке» (2), - пишет О.А.Воронина. Этот образ представляет собой результат целенаправленного воздействия на сознание индивида – в экономическом, социальном, культурном плане. СМИ транслируют некий идеальный образ, модели поведения и представления о поведении, то есть воспроизводят стереотипы.

Реклама обуславливает не только потребительское поведение, но и образ жизни, а изображения людей занимают наиболее привлекательные позиции для рекламной аудитории. Согласно исследованиям, одним из самых востребованных и желанных

символов в рекламе является женщина, молодая и красивая женщина с привлекательным телом.

Согласно Е.Э. Гампер, основные стереотипы таковы: женщина чувственна, сексуальна, активна, свободна, молода и привлекательна. Современная российская женщина боится старости, готова потратить любые средства, чтобы оставаться молодой и желанной. Рекламируемые чудодейственные средства дают надежду бесстрашно смотреть в будущее.

Ультра Коррекция. Будь тверда. Выгляди молодой. Ослабевшие контуры? Потеря упругости в нижней части лица? Ультра коррекция специально создана лабораторией CHANEL, чтобы восстановить форму лица. Ее ингредиенты точно нацелены на поддержание и восстановление системы кожи. Верните упругость и тон действительно молодой кожи. (Реклама Chanel в российских СМИ)

Акцент часто делается на наукоемкость и высокую технологичность, которые, в свою очередь, занимают почетное место в современной мифологии. Наука сакрализуется, ученые выступают в роли жрецов, способных творить чудеса.

15 лет исследований. 10 патентов. DIOR ONE ESSENTIAL. Моментальный видимый результат: удвоенная эффективность в борьбе против морщин, потери упругости и утраты сияния кожи. Сегодня красивее, чем в 20 лет. (Реклама Dior в российских СМИ)

Биологические процессы старения обозначаются как некие деструктивные силы, на которые направлена нешуточная борьба, а молодость – как объект спасения, нуждающийся в защите.

CLARINS MULTI-ACTIVE JOUR. Ранние морщины? Нет, спасибо! Стресс? Активный образ жизни, солнце, загрязнения окружающей среды – молодость вашей кожи в опасности. Скорее, надо действовать! Дневной крем для борьбы с первыми возрастными изменениями – Ваше первое антивозрастное средство. Морщины подождут! (Реклама CLARINS в российских СМИ)

Согласно рекламе, признаки старения – это источник острейшего дискомфорта, ставящего под угрозу нормальное существование женщины.

Красота – это жизнь. NIVEA. Радуйтесь жизни. Забудьте о морщинах. Линия NIVEA VISAGE Q10 PLUS заметно сокращает как возрастные, так и мимические морщины. У морщин нет шансов! (Реклама NIVEA в российских СМИ)

Таким образом, сознание современного человека, человека общества потребления и адепта массовой культуры, находится под постоянным влиянием рекламы, которой насыщены все средства массовой информации – телевидение, радио, печатные

издания; реклама тотально присутствует в городском пространстве – на улицах, в транспорте. Человеку навязываются стереотипы внешнего вида и поведения через кино, моду, культуру шоу-бизнеса и другие репрезентативные практики. Молодость, являясь одной из доминирующих ценностей современного типа культуры, предстает как идеальная характеристика, для соответствия которой необходимо приложить все усилия и имеющиеся средства.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры - М., 2006.
2. Воронина О.А. Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. 1988. №2.
3. Вулф Н. Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин // Иностранная литература. 1993. №3. - С.220.
4. Гампер Е.Э. Рекламные тексты для женщин как составляющая массовой культуры. – Челябинск, 2009.
5. Дергунова Л.А. Мода в условиях массовой культуры. - Ростов-на-Дону, 1998.
6. Дробышева Е.Э. «Старикам здесь не место»: феномен культа молодости в аксиосфере массовой культуры // Культура и мир: Сб. статей. СПб.: Изд-во «СПбКО», 2009. - С. 227.
7. Колесник М.В. Телесность массовой культуры. – Омск, 2007. - С.7
8. Селиванова О.С, Мокроносов Г.В. СМИ и гендер; образ женщины в репрезентативных практиках современной российской культуры: монография. – Екатеринбург, 2007.

Иванов М.В.

Культурно-психологический смысл сотрудничества Августина Бетанкура и Огюста Монферрана

*Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Все – мраморные циркули и лиры.*

А.С. Пушкин

Союз выдающегося испанского инженера Августина Бетанкура и выдающегося французского архитектора Огюста Монферрана на почве градостроительства России привлек внимание уже их современников и представлен с достаточной полнотой в «Записках» Ф.Ф. Вигеля, служившего под началом Бетанкура. Свообразным итогом в разработке названной темы можно считать главу «Роль инженера Бетанкура в жизни и творчестве Монферрана» в капитальной монографии В.К. Шуйского - крупнейшего знатока творчества создателя Исаакиевского собора.

Августин Бетанкур и Огюст Монферран тесным образом были связаны между собой на протяжении восьми лет — с 1816-

го года приезда Монферрана в Петербург, по 1824-й — последний год в жизни Бетанкура.

Монферран обязан Бетанкуру не только получением наиболее выгодных заказов, но также стремительной карьере в целом. Этому способствовали занимаемые Бетанкуром высокие должности, авторитет выдающегося инженера, изобретателя и ученого, а также близость его к придворным кругам, и, прежде всего, к императору.

К 1816 году Бетанкур находился в солидном возрасте (58 лет), занимал достаточно прочное положение в русском обществе и был уже знаменит. Он имел генеральский чин и являлся инспектором созданного при его активном участии в 1809-1810 годах Института Корпуса инженеров путей сообщения — первого высшего инженерного учебного заведения в России. А в 1816 году он становится одновременно председателем вновь организованного при его содействии Комитета по делам строений и гидравлических работ — наиболее значительной строительной организации того времени, где разрабатывались градостроительные и архитектурные проекты как для столичного Петербурга, так и его окрестностей.

В том же году никому не известный молодой 30-летний Монферран прибыл из Парижа в Петербург с рекомендательным письмом к Бетанкуру, озадачив его своим неожиданным появлением.

После ознакомления с графическими работами Монферрана, выполненными на высоком профессиональном уровне, Бетанкур... берет его под свое покровительство, определив Монферрана в Комитет по делам строений и гидравлических работ... Несмотря на такое название, функции Комитета были значительно шире и порой не ограничивались столичным городом с окрестностями.

Комитет решал градостроительные вопросы, связанные с планировкой и застройкой Петербурга, строительством новых домов и реконструкцией старых. В его функции также входили благоустройство улиц, площадей и тротуаров, прокладка новых магистралей и коммуникаций, сооружение набережных и мостов, содержание в надлежащем порядке рек и каналов. Неоднократно рассматривался вопрос об «освещении газом здешней столицы»... Кроме составления проекта Исаакиевского собора, через Бетанкура Монферран неоднократно получал как государственные, так и частные заказы. Он же добивался их одобрения и утверждения, даже если для этого требовалась подпись самого императора. Бетанкур защищал Монферрана и от всевозможных нападок... При содействии Бетанкура Монферран разработал целый ряд проектов для крупнейших промышленных и торго-

вых городов России: Петербурга, Москвы, Одессы, Нижнего Новгорода. Над некоторыми из них они работали совместно» (14).

Взаимная личная симпатия Бетанкура и Монферрана способствовала блистательному решению архитектурно-инженерных задач, стоявших перед ними, и В.К. Шуйский с наибольшей для современного состояния науки полнотой привел конкретные факты сотрудничества этих замечательных иностранцев, находившихся на русской службе, причем анализирует технические, организационные, архитектурные и художественные проблемы. А культурологический аспект не входил в область интересов ученого и остался в тени. Но существуют все возможности рассмотреть сотрудничество Бетанкура и Монферрана в цивилизационном потоке «большого времени» (термин М.М. Бахтина), плотнее связав прошлое и настоящее.

Россия считает себя европейской страной и, соответственно, носителем европейской культуры. Христианство Русь обрела вместе со средневековой Европой. Но выделилась Европа из цепи дремлющих древних евразийских цивилизаций только в эпоху Возрождения. Появление светской культуры, не зависимой от догмы философии, самостоятельной науки, любования красотой мира и человека, шедевров Леонардо да Винчи, Микеланджело, Шекспира, Сервантеса - вот они, приметы европейского Ренессанса. А Россия? Хорошо бы тоже сказать, что он был и у нас, но... Именно отсутствие русских ренессансных шедевров располагало историков и искусствоведов говорить, что европейский опыт Возрождения впитывался Россией как-то расщепленно, по частям, по направлениям: через барокко, через классицизм, через киевско - польскую ученость. Ренессанс как бы усваивался не золотым слитком, а разменной монетой.

Так вот Петербург и есть самый выдающийся шедевр русского Возрождения.

Ренессанс в культурно-типологическом плане является первой эпохой истории, когда город стал оцениваться как наилучшее место жизни человека. Не «Природа», а техносфера – рукотворное пространство – стала притягивать умы людей, глядящих в будущее. Разумеется, предполагалось, что город вберет в себя все «природные» блага. Поэтому город и должен обрести идеальные черты.

Петр Великий свои начинания соотносил именно с ренессансной традицией, намереваясь создать у Балтийского моря кусочек рая, «парадиз». Выступая на спуске на воду корабля в 1714 году, Петр сказал: «Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции; изгнанные оттуда судьбами, они нашли убежище в Италии, потом рассеялись по всей Европе, дошли до

Польша, но в отечество наше не проникли по невежеству наших предков, и мы остались в той самой тьме, в какую до появления их были погружены Германия и Польша... Теперь дошла до нас очередь, и просвещение уже не встретит препятствий в нашем отечестве» (1). И в пример Петр взял итальянский город, который в силу природных условий продемонстрировал целенаправленность строителей и распланированность строительства, – Венецию, город каналов. Автор первой научной теории Возрождения (1860 г.) Я. Буркхардт именно Венецию считает тем городом, где итальянцы видели истоки идеального архитектурного пространства, оформляющего лучшую жизнь человека. «Сам островной город казался к концу XV в. тогдашнему миру как бы ларцом с драгоценностями... Сабелино описывает Венецию с ее древними церквями и куполами, с косо срезанными башнями, инкрустированными мраморными фасадами с их особенным великолепием, где позолота потолков сочетается со сдачей внаем каждого угла. Он приводит нас на заполненную народом площадь, ... где совершение сделок обнаруживает себя не громкой речью или гулом, где в портиках и прилегающих улицах сидят менялы и сотни ювелиров, а над ними расположено бесконечное множество лавок и складов; по другую сторону моста он описывает большой фондако немцев, в залах которого сложены их товары и живут люди и перед которыми в канале вплотную друг к другу стоят их корабли... Затем от Риальто до площади св. Марка парфюмерные лавки и трактиры. Так он ведет читателя от дома к дому вплоть до обоих лазаретов, являвших собой пример высокой целесообразности, которую можно было обнаружить только здесь. Забота о людях была вообще отличительной чертой венецианцев и в мирное время, и на войне; их уход за ранеными, в том числе и за врагами, был предметом удивления всего мира. Все государственные учреждения Венеции могли вообще служить образцом; пенсионная система применялась систематически» (3).

Широкие площади и улицы, свежий воздух, водная гладь, открытость и привлекательность фасадов домов, многообразие зданий с различными гражданскими и культурными функциями, гигиеническая обустроенность помещений – вот они, приметы «идеального города».

«Идеальный город» проектировался Леонардо да Винчи, но так и остался на бумаге. После пожара 1666 года однокашник Ньютона Кристофер Рен хотел сделать упорядоченный Лондон – не вышло. Удалось построить лишь собор святого Павла. На картинах выдающихся итальянских живописцев герои жили в мире светлого архитектурного рая: среди ажурных аркад, изящных храмов, стройных башен, широких улиц, которые художник

конструировал сам, становясь зодчим своей мечты. Грандиозные строения и города создавал на гравюрах Пиранези. Прекрасен храм, «возведенный» Рафаэлем в картине «Обручение Марии и Иосифа». Причем архитектурный элемент полотен не был дополнительным украшением. О двух самых известных фресках – «Тайная вечеря» Леонардо и «Афинская школа» Рафаэля – Вельфлин сказал: «Если бы уничтожить архитектуру, композиция была бы разрушена»(4). Идеальному человеку Ренессанса требовалось новое пространство. Итальянский историк культуры Э. Гарэн в статье «Леонардо да Винчи и «идеальный город»» утверждает, что этот великий художник и мыслитель Высокого Возрождения именно город считал системой, сопряженной как прекрасному человеческому организму, так и космосу. «Отсюда такое настойчивое стремление к пространственности города, просторного и потому хорошо освещенному, который обязан своей жизнью воде. Вода служит для передвижения по рекам, для орошения, для очистки, но будто вновь соединяет нас с природой и землей своим жизненным ритмом... Вода – кровь; движение воды – кровообращение... Улицы и каналы, дома дома и церкви антропоморфны и, с другой стороны, отображают универсум»(6).

Культура Возрождения - это не просто красивые картины, которые можно повесить на стенку, и изящные сонеты, которые приятно читать, сидя в кресле. Это образ жизни, требующий своего особого материального воплощения. Нужны здания особой планировки для заседаний Коллегий, театральных представлений, балов и ассамблей, лабораторных опытов. Нужны казармы и площади для плац-парадов, сады со скульптурами античных богов и героев для “машкерадов” и фейерверков, залы для “куншттюков” - музейных экспонатов. Не будь Петербурга, не было бы реальной физической и культурной среды, где бы проросло и оформилось русское Возрождение и развились все последующие культурные эпохи. Спланированность и “регулярность” Петербурга - это воплощенная в материале рукотворность его как ансамбля, как произведения искусства, как “гнезда” новой культуры.

В рамках такого понимания Возрождения создание Петербурга выступает как обретение Россией культуры Микеланджело, Шекспира и Сервантеса. В культурной матрице Петра Петербург – это столица европейской страны, а не царская крепость, из которой исходит сила охранять праведные православные земли от проникновения злокозненных католических еретиков. Провозглашение страны империей означало признание европейской традиции власти, восходящей к Древнему Риму. Тем самым изменился взгляд на национальное прошлое. Создание в

Петербурге европейских институтов (коллегий, Академии наук, школ, больниц, биржи, издательств и т.п.) определяло структуру не только государственной, но и общественной жизни – последняя, в сущности, тогда и появилась.

Ни одна европейская страна в новое время не смогла построить крупный город на пустом месте с учетом всех достижений техники и с замыслом поселить в нем человека будущего – активного, созидательного, гармоничного, несуетливого, светлого. Только Россия пошла на такой эксперимент, обретая новую столицу – Петербург.

В Петербурге Бетанкур в сотрудничестве со многими архитекторами, но прежде всего с Монферраном, выполнил миссию, подобную той, что совершили в Риме Браманте и Микеланджело. Первый начал реконструкцию собора святого Петра, второй создал грандиозный его купол и архитектурно оформил центр города (особенно площадь Капитолия). Без Бетанкура было бы невозможно создать Исаакиевский собор, переключка которого с шедевром Микеланджело не вызывает сомнений. Не просто Монферран не был достаточно подготовлен как инженер, ни один грамотный инженер не смог бы решить поставленную архитектурную задачу известным тогда способом. Бетанкур разработал уникальную технологическую схему установки неподъемных ранее гранитных колонн собора. Это было новаторское инженерное решение. Если бы Бетанкур не оказал решительной поддержки проекту Монферрана, этот молодой и мало кому известный архитектор никогда бы не получил такого грандиозного заказа на сорокалетнее строительство самого большого собора империи.

Последний период царствования Александра I был эпохой, когда определился облик классического Петербурга как единого архитектурного целого – того самого пушкинского Петербурга, явившего «строгий, стройный вид». И самым влиятельным градостроителем, который оказал наибольшее влияние на сотворение Северной Пальмиры, был Бетанкур, а создателем самого крупного сооружения был Монферран. С 1826 по 1824 годы Бетанкур стоял во главе Комитета, определяющего всю архитектурную политику столицы, когда началось строительство Исаакиевского собора и здания Генерального штаба и формирование Сенатской, Исаакиевской, Дворцовой и Михайловской площадей и Марсова поля. Ранняя смерть Бетанкура в 1824 году лишила его возможности увидеть завершение тех начинаний, которым он дал ход. Постановка в 1834 году по методике Бетанкура Александровской колонны – это создание центральной точки города и прощальный поклон великому инженеру, которого уже десять лет, как не было в живых. Но прообраз Александровской

колонны появился значительно раньше: это был памятник на могиле Бетанкура, сооруженный по проекту Монферрана.

Историки архитектуры испытывают определенные затруднения в определении того, какой тип культуры реализован в уникальном центре Петербурга. Большинство склоняется к мнению, что это классицизм, через который частично реализовался духовный потенциал Возрождения. Ренессанс как бы растворяется в потоке стилей, быстро усваиваемых русской культурой, стремительно догоняющей европейскую. Преемственность стадий заменяется совокупными эклектичными заимствованиями (кроме классицизма, и через барокко, и через просветительский реализм), которые, якобы, и создают размытый возрожденческий контекст, восстанавливающий пропущенное в России звено общеевропейского культурного развития. Приведу только два примера.

«В русском искусстве XVIII века в формах, близких одно-временным европейским стилям – барокко (первая половина XVIII в.) и классицизму (вторая половина XVIII в. – первая треть XIX в.) – шел процесс, *стадиально и типологически родственный Ренессансу*: преодоление средневековых норм и становление светской гуманистической культуры западноевропейского типа... Мир людей обретает самостоятельную ценность... В России не было Ренессанса»⁽⁹⁾.

«Эмоциональное и идейно-смысловое содержание ордерной системы, вложенное в нее еще античными зодчими – спокойное равновесие архитектурных масс, торжественность, величие, ясность, *гуманистичность* (не случайно древние греки ассоциировали колонны с метафорическими изображениями человеческой фигуры) – в значительной мере предопределило суть архитектурно-художественных образов классицистами»⁽¹²⁾. (Курсив мой - М.И.)

В приведенных высказываниях акцент делается на стилистических и общефилософских аспектах архитектуры, однако она представляет собой искусство организовывать материальную среду обитания человека (по завету Витрувия, отвечает требованиям пользы, прочности и красоты). Монферран, безусловно, уважал традиции ампира – господствующего тогда стиля имперского классицизма. Но ему была близка и непосредственно явленная традиция Возрождения. Еще будучи начинающим архитектором, он в Париже поднес русскому императору альбом с проектами: «общественного фонтана с завершающей его фигурой Александру I в позе и одеждах римского императора, восседающего на троне; загородного дворца, напоминающего богатые загородные виллы эпохи итальянского Возрождения, в частности виллу Фарнезе в Капрароле;... триумфальной ар-

ки;...грандиозного здания публичной библиотеки с огромным купольным читальным залом и отходящими от него лучами по радиусам восемью корпусами книгохранилищ;...триумфальной колонны, увенчанной аллегорической фигурой Мира;...конной статуи Александра I – триумфатора, рассчитанной на установку обширной площади... Каждый проект сопровождался приблизительным перечнем расходов на материалы и оплату труда в случае его осуществления»⁽¹⁴⁾.

Ценность проекта Монферрана не сводится к разработке стилистических аспектов. Предложен вариант организации городской культурной среды (фонтан, библиотека, триумфальная арка, монумент) с ориентацией на традиции строительства в Риме времен Микеланджело (оформившего центр Вечного города вокруг строящегося собора Святого Петра с включением на площади Капитолия древнеримской статуи Марка Аврелия и создавшего проект флорентийской библиотеки Лауренцианы). И при этом прилагается смета расходов, подтверждающая практическую направленность планов – не рисовальщика, а проектировщика.

Поддерживавший Монферрана Бетанкур отнюдь не был занят простым технической поддержкой архитектурных проектов. В Испании Бетанкур обладал статусом академика живописи и заседал вместе с Гойей; он был автором и строителем ряда архитектурных сооружений (например, каменной церкви Георгия Победоносца на Большеохтинском кладбище); он не только возглавлял техническое и строительное обеспечение петербургской фабрики по изготовлению ассигнаций (ныне Гознак), но и создал проекты рисунков на купюрах. И в этом отношении Бетанкур был наследником ренессансной традиции.

Как справедливо писал А.С. Кармин, «в культуре Возрождения инженерия понималась как область, тесно связанная не только с наукой, но и с искусством. Показательно, что Леонардо да Винчи совмещал воедино художественное и техническое творчество. Мнение о том, что инженер должен быть практиком, который вместе с тем является отчасти ученым, отчасти художником, легла в основу формировавшейся в XVII – XVIII вв. системы инженерного образования»⁽⁸⁾. В России эту систему создал Бетанкур.

Многие придерживаются того мнения, что история не имеет сослагательного наклонения. Однако при такой позиции деятельность людей лишается какой-либо целесообразности и подчиняется слепому фатуму. А для создателей материальных объектов (инженеров и архитекторов) ценность деятельности сводится к полной реализации замысла. В жизни, однако, продвижение обеспечивается теми, кто имеет более обширные намере-

ния, чем позволяют наличные возможности. И потому неосуществленные планы предков обретают практическую значимость как гены будущих культурных стратегий, ориентирующих потомков на воплощение в реальности. К двум таким планам Бетанкура и Монферрана (явно ренессансного типа) и следует обратиться.

Когда к 1816 году у Александра I созрела идея приступить к перестройке Исаакиевского собора, стало ясно, что нужна перепланировка пространства вокруг него. Самым крупным зданием, оформившим восточную часть площади, стал дом Лобанова-Ростовского, построенный в 1817-1820 годах Монферраном в виде большого треугольника. Он связал в единый ансамбль Сенатскую, Исаакиевскую и Дворцовую площадь и окончательно оформил перспективу Вознесенского проспекта – «луча», идущего от Адмиралтейства и ставшего не просто третьим (вместе с Невским проспектом и Гороховой улицей), но и завершившим структуру архитектурного ансамбля центральной части Петербурга подобно замковому камню в арке. Как глава комитета по градостроительству Бетанкур не только поддержал проект Монферрана, но и рассчитал фундамент здания. И встает вопрос: какой должна была стать основная функция этого сооружения?

Его структурная важность и в реальности оказалась столь большой, что оно приобрело символическое значение в самой выдающейся русской поэме – в «Медном всаднике» Пушкина (Истолкование символики самого памятника Петру I пронизательно прослежена А.С. Карминным в разделе «Семиотика «Медного всадника»» учебника «Культурология» (С. 69-72)). На каменном льве крыльца именно этого дома сидел Евгений, получивший наиболее полный обзор картины столкновения губительной «стихии» (наводнения) и рукотворного «града Петрова»: герой видел сенат, площадь с «горделивым истуканом», Адмиралтейство и Зимний дворец. Когда пушкиноведы социологического направления попытались в свою пользу истолковать символизм поэмы, то они представили ее как намек на слабость декабристского восстания, как неравное, почти пародийное противостояние двух «седоков»: бросающего «отчаянные взоры» Евгения на «звере мраморном» - и в «неколебимой вышине» «кумира на бронзовом коне». А в качестве аргумента приводились многочисленные ссылки на воспоминания свидетелей и участников восстания, где дом Лобанова-Ростовского постоянно упоминался как узловой пункт столкновения враждующих сил.

История с возведением дома Лобанова-Ростовского отражает конфликт двух тенденций именно в столкновении первоначального проекта Монферрана и второго, как раз и воплощен-

ного в камне. Между средоточием государственной власти (Зимним дворцом) и возводимым кафедральным собором столицы, центром русского православия (Исаакиевским собором) начинающий архитектор Монферран при обязательной и полной поддержке Бетанкура предполагал построить общественное (!) здание. Это был проект архитектурного микрокосма, и не просто государственного, а в России – имперского. Как пишет В.К. Шуйский, перед сооружением дома Лобанова-Ростовского, «годом ранее на соседнем, также значительных размеров, трапециевидном участке, вероятно по заданию Бетанкура Монферран проектировал грандиозное пятиэтажное здание, сочетающее в себе функции гостиного двора и многоквартирного жилого дома, рассчитанного примерно на две тысячи жителей. Кроме того, Монферран предусмотрел в этом здании устройство ресторана и двух кафе для большого количества посетителей, а также спроектировал массу подсобных помещений. Главный, отмеченный портиком фасад Монферран ориентировал вдоль восточной границы Исаакиевской площади. На строительство такого здания, занимающего целый квартал, потребовались бы огромные средства. Но когда возник вопрос о застройке соседнего участка, отведенного княгине Лобановой-Ростовской в безвозмездное пользование. То не удивительно, что разработку проекта в 1817 году поручили Монферрану»(14).

Конечно, в решении императора могли играть роль и экономические соображения (нет сейчас денег). Но из этого никак не следует, что столь важный участок столичной земли нужно застраивать вместо общественного здания частным, а уж тем более отдавать безвозмездно. (Когда в Нижнем Новгороде тогда же начали строить новую ярмарку, то выкуп частных наделов удорожил проект на несколько миллионов, а ведь речь идет о лугах, отмелях и мелких строениях провинциального города). Александру I по душе было не только сэкономить деньги и при этом проявить монаршую щедрость близкой ко двору княгине, но и иметь рядом со своей главной резиденцией дворцовое здание, а не живущий по своим правилам общественный квартал, вполне способный приютить либералов, наклонных к неблагоприятности и извращенному толкованию закона и власти (Именно в год окончания строительства дома Лобанова-Ростовского Пушкин был выслан из Петербурга - прежде всего за оду «Вольность» с ее конституционными идеями. Знаменательно, что буквально напротив этого дома находилась квартира Достоевского, где он был в 1849 году арестован за участие в кружке Петрашевского). И предвидение императора сбылось. В 1850 году дворец Лобанова-Ростовского был выкуплен казной. Перед продажей дома его владелица сдавала его помещения в аренду для самого разного использо-

вания. Но не для гостиного двора, многоквартирного жилого дома, ресторана и кафе, а для размещения в нем военного ведомства (на это деньги нашлись). Громадное здание, явно не пригодное для проживания одной, даже очень богатой семьи, обрело, наконец, устойчивого владельца. Во дворце расположился департамент.

На материализацию в архитектуре социальной и политической структуры обратили внимание историки древнего мира (археологические материалы для них имеют повышенную ценность из-за недостатка письменных свидетельств). Различия в планировке архаических городов Средиземноморья стали обособленно интерпретироваться как отражение контраста систем власти. Так, крито-микенский город строился с центром во дворце верховного правителя (басилевса), чью резиденцию который окружали административные здания и дома знати, а уже далее концентрическими кругами располагались жилища непривелегированных сословий. Из уст обоженного царя исходили непререкаемые приказы, которые и расходились центральных «кругов» к периферийным. Императивность и иерархичность власти была реализована в концентрической планировке столицы. Иной тип застройки представляли древнегреческие города уже в гомеровскую эпоху. Центром города стала агора – площадь, на которой велись открытые для граждан (полноправных и равноправных жителей полиса) дискуссии. Ж.-П. Вернан так описал наложение социокультурного пространства на архитектурное:

«Общественная жизнь крито-микенцев представляется сконцентрированной вокруг дворца, игравшего одновременно религиозную, политическую, военную, административную и экономическую роль. При такой системе «дворцовой экономики»...царь объединяет в своем лице все элементы власти и все аспекты суверенности. Через посредство писцов, составляющих закрепленную традицией профессиональную группу, а также с помощью сложной иерархии дворцовых сановников и царских надсмотрщиков контролируются и тщательно регламентируются все области экономической и общественной жизни»(5). Следует «внимательно рассмотреть всю совокупность условий, которые привели Грецию от микенской дворцовой цивилизации, довольно близкой восточным царствам того времени, к социальному и духовному универсуму полиса - города-государства. Становление полиса означает не только ряд экономических и политических преобразований, но включает в себя также следующие факторы: изменение образа мышления, открытие другого интеллектуального горизонта, выработку нового социального

пространства с центром на городской площади (агога); исчезновение такого персонажа, как микенский правитель (апах), верховная власть которого контролирует и регламентирует, через посредство писарей, всю социальную жизнь; возвышение слова, которое в своем светском применении - в свободном споре, дискуссии, диалоге - становится преимущественным политическим оружием, инструментом достижения приоритета. Оно означает далее полную открытость как в отношении проявлений общественной, так и духовной жизни, излагаемых отныне в письменной форме для сведения всех граждан (если речь идет о законах и декретах) и доступных критике или борьбе мнений (когда речь идет об индивидуальных творениях); замену старых иерархических отношений господства и подчинения новым типом общественных связей, основанных на симметрии и взаимности отношений между "подобными" или "равными" гражданами; отказ от традиции, которая больше не считается незыблемой и почитаемой» (5).

Нетрудно увидеть, что «идеальный город» эпохи Возрождения восходил к древнегреческой, а не крито-микенской традиции. И средневековая борьба за принцип «город дает свободу» обеспечила появление таких ренессансных городов, как Венеция, Флоренция, Милан. Правители этих городов были разного происхождения (от родовитых герцогов до разбогатевших банкиров), они оказали решительную финансовую и властную поддержку художникам и мыслителям – гуманистам, но при этом не обожествляли себя и не стремились подчинить всю общественную жизнь государственному регламенту. Многообразие форм независимого социального взаимодействия в итальянских городах и создало ту масштабность и яркость культуры Возрождения, которая продолжает покорять нас до сих пор.

В России же ренессансные начинания осуществлялись при крепостном праве и неограниченном самодержавии, что, безусловно, создавало парадоксальное положение ограничивало возможности реформаторов и преобразователей всех областей национальной жизни. По словам В.О. Ключевского, Петр I «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно»(10). И история строительства дома Лобанова-Ростовского показывает, что порожденные Ренессансом и разлитые в эпоху Просвещения идеи либерализма в политике Александра I вполне могли оттесняться архитектурными пристрастиями самодержца.

Более успешно планы «идеального города» воплотились в другом начинании Бетанкура и Монферрана: в строительстве Нижегородской ярмарки в 1818-1822 годах.

В представлении современного читателя устройство ярмарки предстает как некоторое полезное, но заурядное дело, подобное созданию в столице нового большого рынка. А потому внимание к усилиям Бетанкура и Монферрана первоначально кажется несколько преувеличенным. Да, в 1816 году выгорела ярмарка близ Макарьевского монастыря, и в Петербурге решили, что ее восстанавливать на прежнем месте неарачтительно. Географическим центром торговой России является Нижний Новгород, и к нему – вверх по течению Волги – нужно сдвинуть ярмарку, что приблизит ее к главным поставщикам и покупателям на 90 километров. Город этот считался крупнейшим на Волге и заодно был символом национального объединения русских в Смутное время, закончившееся призванием Романовых на царство. Так что ярмарка внесет некоторую лепту в его благоустройство.

Но даже одно количественное сравнение показывает, что такое понимание событий превратно. В 1825 году в Нижнем Новгороде проживало чуть меньше шестнадцати тысяч горожан. А в торговый период (от месяца до полутора) на ярмарку прибывало около двухсот тысяч человек (2) – в 12 раз больше! И тогда уже справедливее говорить, что город был при ярмарке, а не ярмарка при городе. И она была «крупнейшей в Европе»(2).

Бетанкур был охвачен универсальными, всеобъемлющими градостроительными планами. Достаточно привести его слова о значении созданной им Нижегородской ярмарки: «Слава государства требует, чтоб сооружение сие, единственное в Европе, приведено было в то совершенство, которое оно заслуживает»(15). Был создан город в городе – со строениями нового функционального и архитектурного типа – с двухэтажными корпусами, площадью, каналами, собором, Китайскими рядами и проч. «Подобного грандиозного классического ярмарочного ансамбля не удалось создать ни до, ни после Бетанкура и Монферрана» (14).

До приезда Бетанкура Нижегородская ярмарка была временным скопищем трех тысяч деревянных бараков, которые ежегодно приходилось восстанавливать после пожаров и наводнений. «План ярмарки не имел градостроительного решения... Бетанкуру, возглавлявшему Комитет строений, предстояло преобразовать эту хаотическую застройку» (13). И Бетанкур с помощью Монферрана решает задачу строительства, типологически близкую к созданию Петром Петербурга. Налицо доминирование темы воды. Ярмарка располагается на месте

слияния полноводных рек: Волги и Оки, – на Стрелице. Большая роль отводится именно морским и речным судам как эффективным средствам передвижения. Мало того, внутри торгового прорывается подковообразный канал для удобства разгрузки и погрузки. Вода решает и гигиенические проблемы. Были прорыты подземные галереи, куда через люки могли спускаться люди по винтовым лестницам. «Несколько раз в день пускались в ход машины-насосы, которые мощной струей смывали нечистоты в Оку... Устройство подземных галерей на Нижегородской ярмарке, где одновременно пребывали сотни тысяч людей, ...удовлетворение их естественных потребностей (кстати, впервые в мире), вызвало неопишуемый восторг талантом и предусмотрительностью главного строителя торгового центра» (2). В столице России устройство городской канализации началось на сорок лет позднее.

Но сходство с Петербургом наблюдается не только с благостным наличием воды, но и с ее опасностью. Стрелицу затопляли наводнения, и на ней располагались болота и озера – враги фундаментов и помеха рациональному архитектурному планированию, назойливое комариное царство и источник заболеваний. Пришлось поднимать уровень земли, прорывать каналы, осушать трясину. И на инженерно подготовленном месте был создан город нового типа, воплотивший принципы, которые провозгласил Витрувий: польза, прочность, красота. Был создан обширный архитектурный ансамбль, включавший административные здания и 48 двухэтажных торговых зданий. «Природные» блага: свет, чистота, простор, свежий воздух, водная гладь – соединялись с изысканностью искусства зодчего (весь ансамбль, Китайские ряды и Спасский собор Монферрана) и ваятеля (китайские «болваны» П.П. Соколова - автора воспетой Пушкиным царскосельской статуи «Девушка с разбитым кувшином»). «Ансамбль, созданный Монферраном, в своем роде уникален как один из лучших торговых комплексов периода классицизма» (13).

Монферран выступил как замечательный продолжатель дела петербургских архитекторов, которые создавали архитектурные шедевры при строительстве выражено практических, даже прозаических по своему применению сооружений. Это склады «Гучков буян» Ринальди, водные ворота «Новая Голландия» и Гостиный двор Деламота, Ассигнационный банк Кваренги, Главный почтамт Львова, судовая верфь Адмиралтейство Захарова, Биржа де Томона. Только эти здания возводились в течение полувека, а Бетанкур и Монферран планировали и возводили на Волге город-ансамбль менее десяти лет, и основной замысел был реализован за пять лет.

Нижегородская ярмарка была попыткой инженерно и архитектурно воплотить «социальную инфраструктуру» «идеального города» - города купцов, ремесленников, предпринимателей и художников. Она и воспринималась как город. Приехав в Россию в 1861 году, Теофиль Готье так описал свои впечатления: «Ярмарка в Нижнем – это целый город. Ее длинные улицы скрещиваются по прямым углом и выходят на площади, центр которых занимают фонтаны. Деревянные дома вдоль улиц состоят из нижнего этажа, где размещаются лавки и магазины, и верхнего, выступающего со стороны фасада над первыми и поддерживаемого сваями. Наверху обычно живет торговец и его служащие, Этот этаж и свай, на которые он опирается, образуют перед витринами лавок крытую галерею, идущую вдоль всей улицы. В случае дождя тюки товаров могут временно обрести там кров, а прохожие, оставаясь в безопасности от карет, рискуют лишь получить толчок локтем и могут сколько угодно выбирать товары или просто удовлетворять свое любопытство, разглядывая витрины»(7).

О полифункциональности и инженерно-архитектурной обеспеченности города нового типа, живущего по законам ярмарки, говорит хотя бы перечисление тех служб, которые помещались только в двух домах: «В корпусе, расположенном слева от главного здания, «первый этаж занимается почтовой конторою, маклером, гауптвахтой в летнее и зимнее время и солдатами ярмарочной конторы; во втором этаже: квартира директора ярмарочной конторы и квартира почтмейстера, а в правом корпусе «в первом этаже помещается аптека, больница, кухня, квартира полицейских нижних чинов и для арестантов, конюшня с пожарной командою; во втором этаже комнаты для полицмейстера и для присутствия полиции, коммерческий банк и квартира доктора»» (14). Перечислены многообразные общественные формы городской саморегуляции (финансы, питание, здравоохранение, защита от пожаров, торговля), а государство обеспечивает лишь почтовую коммуникацию и порядок (полиция). Фактически начинает проверяться на жизнестойкость модель гражданского самоуправления, независимого от плотной бюрократической опеки, - модель, которая пригодится при создании земств после отмены крепостного права.

И Бетанкур прекрасно понимал, что государство может быть помехой для роста общественного благосостояния. Говоря об укреплении инженерных сооружений в Керчи, Бетанкур видел пользу в том, что приграничные районы станут внутренними и избавятся от обременительного государственного надзора: “Выгоды сего положения несо-

мненны, – писал он, – внутреннее судоплавание государства распространится по всему Азовскому морю, и прибрежные земли лучшего качества на пространстве 600 верст, будучи свободны от ига полиции, по необходимости весьма строгой, возвращены будут земледелию, рыбной ловле и лодочному судоходству, которое по мере усиления хлебопашества неминуемо будет увеличиваться” (2).

И все-таки Нижегородская ярмарка не уцелела. В настоящее время сохранился лишь Спасский собор Монферрана. Из всей сложной городской системы Стрелицы выжил лишь храм. Но у него был весьма мощный покровитель – церковь. Однако нельзя говорить и о том, что завершилась судьба очередной потемкинской деревни. Ярмарка воздействовала на изменение социальной жизни Нижнего Новгорода, а соответственно и его архитектурно-инженерного облика. Если шестнадцатитысячный город должен принять всего лишь на месяц двести тысяч несущих ему богатство гостей, то он позаботится и о проезжих дорогах, и о мостах, и о гостиницах, и о провиантских складах, и о магазинах, и о гигиене, и о больнице. Слишком велик будет ущерб от пассивности. Даже несчастье можно обратить во благо. В 1819 году по Нижнему Новгороду пронесся страшный пожар. И Бетанкур сразу же разработал регулярный план застройки побережья, который определит стратегию будущего архитектурного развития города. Важную роль сыграла нижегородская ярмарка в русской культуре конца XIX века. Достаточно вспомнить Савву Мамонтова, который не только торговал, но и знакомил нижегородцев с живописью Врубеля и искусством своего оперного театра, где солистом был Шаляпин. И все же ярмарка хирела, а «с упразднением купечества ликвидировалась ее структурная и базовая основа... Согласно правительственному постановлению от 6 февраля 1930 года, нижегородскую ярмарку полностью ликвидировали» (14).

Что ж, потеря былого экономического величия с течением времени коснулась и многих прекрасных городов, составивших славу Ренессанса. Едва ли современную Венецию, Флоренцию и Геную можно назвать мировыми торговыми центрами. Создав прекрасную гуманистическую культуру, Италия не смогла сохранить экономическое и социальное первенство, да и приоритет в науке и искусстве. Ренессанс оказался эпохой больших открытий и малой прочности, он завещал будущему культурную традицию прежде всего в области духовной жизни и обрел благородную музейную вечность в шедеврах живописи, скульптуры, архитектуры.

Но в истории создания «идеального города» на берегах Волги вновь появляется та же проблема, что, и в истории

строительства дома Лобанова-Ростовского. В.К. Шуйский обращает внимание на одну интересную деталь в использовании помещений ярмарки.

«В сущности, главное административное здание состояло из трех корпусов: двух протяженных продольных равно величины и одного поперечного, объединенных под прямым углом одноэтажными сквозными галереями. Симметричным классицистическим фасадам соответствовала планировка здания. В его средней части над галереями располагался двухсветный колонный зал площадью 350 квадратных метров, предназначенный первоначально для биржевых собраний купечества, также как примыкавшие к нему анфилады комнат. Однако купцы предпочитали совершать свои сделки в привычной для них обстановке за трапезами в трактирах, поэтому главное административное здание стало местом проживания нижегородского гражданского губернатора на период работы ярмарки. Жилые комнаты губернатора находились на втором и частично на третьем этажах. Здесь же, в колонном зале, устраивались торжественные приемы, концерты с участием заезжих исполнителей и многолюдные балы» (14).

Объяснение, которое дал автор приведенного отрывка смене обитателей главного здания ярмарки, с социологической точки зрения выглядит несколько наивным. Простодушный читатель может даже подумать, что русские купцы, подобно Тихону из «Грозы», предпочитали ярмарку, чтобы отдохнуть от семьи, а трактир – чтобы торговое дело скрасить пирушкой в трактире. Но даже в этом случае непонятно, почему же не занятое купцами место достается именно губернатору, тем более что это структурный центр ярмарки – самой крупной ярмарки в Европе. Как бы мы оценили высказывание историка, который бы заявил, что синдики Антверпена, банкиры Флоренции или члены парламента Бордо просто предпочитали беседовать в тавернах и харчевнях, а потому помещения ратуши (парламента и т.п.) по причине их пустования занял наместник короля (своего или чужого)?

Ратуша была властным центром торгового города, обладавшего неотчуждаемыми правами. Структура торгово-ремесленного города лежала в основе иерархии властных полномочий, включая значительное количество горожан, связанных и объединенных системой прав и обязанностей. И в этом смысле средневековый город не был поглощен ни королевской администрацией, ни сельскими общинами, ни двором феодала. Ратуша была символом суверенности города, а не апартаментами для предпочтительного пребывания. В России

было иначе. Ричард Пайпс так охарактеризовал функции и состав населения древнерусских городов:

«Когда в разговоре о средневековые упоминаются "торговля" и "промышленность", западному читателю автоматически приходит на ум образ города: крепостные стены, под защитой которых коммерческий и промышленный классы занимаются своим делом свободно, в безопасности от капризов власти. Имея дело с Россией, следует сразу же отбросить подобные ассоциации. Здесь центр промышленности и торговли лежал не в городе, а в сельской местности, коммерческий и промышленный классы не составляли большинства городского населения, и проживание в городе не гарантировало ни свободы, ни безопасности даже в том узком смысле, в каком эти термины были применимы к Московской Руси» (11).

«Ремесленники и торговцы составляли меньшинство крошечного городского населения Московской Руси. Термины "городской" и "торгово-ремесленный" на Руси были отнюдь не однозначны. Поскольку города имели прежде всего административное и военное назначение, основная часть их жителей состояла из служилых людей с семьями, родней, приживалами и крепостными, а также из духовенства» (11).

Усилия Петра I и Екатерины II были направлены на то, чтобы дать возможность купцам и промышленникам более свободно реализовывать свои экономический интерес, но это никак не отменяло политического и юридического бессилия третьего сословия, а потому оно не могло принимать не зависящие от цепкой бюрократии решения своих корпоративных и личных интересов. Макарьевская ярмарка, переместившись в Нижний Новгород, по объему товарооборота и количеству участников неизмеримо превосходила его. Но этот демографический и промышленный карлик превращался в ее неограниченного властителя, потому что за его спиной стояла административная власть царской бюрократии. И, естественно, главные апартаменты ярмарки должен был занимать губернатор. Он мог быть просвещенным и либеральным меценатом, покровительствовать музам, позволять и даже поощрять поведение балов и концертов в большом зале главного корпуса. Но купцам не было никакого резона публично обсуждать свои дела под недреманным оком властей.

Так что план «идеального города» на Волге также не состоялся в полном объеме. Было бы несправедливо упрекнуть Бетанкура и Монферрана в приверженности к утопическим проектам. Они старались с максимальными усилиями добиться успеха в благородном деле. Но ведь и их личная жизнь

завершалась не на вершине успеха. Бетанкур за два года до смерти был отстранен от руководства инженерно-строительным делом России. А Монферран питал наивную надежду, что его похоронят в соборе, строительству которого он отдал 30 лет жизни. Видимо, вспоминая религиозную терпимость Александра I и строя главный православный храм похожим на собор святого Петра в Риме, архитектор думал, что власть сочтет несущественным его католическое вероисповедание. Ныне прах Монферрана покоится во Франции. Создатель «Словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль лучше понимал нравы и порядки в России, а потому, чтобы лежать на кладбище рядом со своей женой, перед смертью принял православие.

История имеет неожиданные повороты. Все равно остается вопрос: почему же Нижегородская ярмарка пришла в упадок, когда правительство после отмены крепостного права прилагало большие усилия для поддержки предпринимательства? «Идеальный город» Ренессанса, конечно, включал и такую ярмарку – но она была уместна в те давние времена. На дворе был XIX век. И в Европе развивался капитализм, а в России только зарождался. «Примитивный, докапиталистический характер русской коммерции отразился хотя бы в том, что важнейшее место в ней занимали ярмарки. Они имели широкое распространение в средневековой Европе, однако исчезли там вслед за появлением векселей, акционерных обществ, фондовых бирж и всех прочих чудес современной коммерции. В России же ярмарки были в ходу вплоть до конца XIX в. Крупнейшая из них летняя Нижегородская ярмарка ежегодно собирала четверть миллиона купцов. В числе прочего, на продажу выставлялись колониальные товары, прежде всего чай, на который здесь устанавливались международные цены, ткани, металлы и изделия русского ремесленного производства. Нижегородская ярмарка была крупнейшей в мире, но помимо нее в середине XIX в. существовали тысячи средних и мелких ярмарок, разбросанных по всему пространству России. В упадок они стали приходить лишь в 1880-х гг. в связи с развитием железных дорог» (11).

Создатель самой крупной русской ярмарки невольно способствовал и ее угасанию. Августин Бетанкур создал замечательную школу русских инженеров, которые построили самую крупную в мире национальную сеть железных дорог. Рельсовая транспортная коммуникация приучала более рационально подходить к перемещению грузов и во всех случаях предпочитать «движение бумаг» перетаскиванию

мешков. Свозить все товары в одно место, а затем развозить их по селам и весям стало неразумным.

А вот духовная ценность стремления к «идеальному городу» не снизилась, и в этом отношении труды и свершения Бетанкура и Монферрана принадлежат вечности.

Литература:

1. Башуцкий А. Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. С.130
2. Боголюбов А.Н., Павлов В.Е., Филатов Н.Ф. Августин Бетанкур. Инженер, архитектор, градостроитель. Нижний Новгород. 2002. С.191, 201
3. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 48
4. Вельфлин Г. Ватиканские фрески Рафаэля. //Искусство. Книга для чтения. Живопись. Скульптура. Графика. Архитектура. М., 1969. С. 116
5. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 43
6. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 218-224
7. Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 387
8. Кармин А.С. Культурология. СПб., 2001. С. 655
9. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. С. 13-14
10. Ключевский В.О. Собрание сочинений в 8-ми т.т. Т. 4. М., 1958. С. 38
11. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 274
12. Пунин А.Л. Архитектура середины XIX века. Л., 1990. С. 12
13. Чеканова О.А., Ротач А.П. Огюст Монферран. С.140
14. Шуйский В.К. Огюст Монферран. 2005. С. 61
15. Шумилкин С.М. Нижегородская ярмарка // Архитектурное наследство.1981.№ 29. С. 82

Иванов М.В.

Психологический аспект методологической позиции Френсиса Бэкона

Психологи редко обращаются к наследию Френсиса Бэкона. Как в работах по истории психологии, так и в трудах по методологии психологии его имени отводится обычно абзац, а более подробное изложение сводится к пересказу анализов историков философии, где главное место отводится эмпирико-индуктивному методу в противопоставлении гипотетико-дедуктивному (оформившемуся у Декарта). Все, что могло бы представлять интерес для психолога, философы рассматривают в разделе о «идолах», которые становятся предметом для абстрактно-гносеологических размышлений и в этом своем качестве вполне удовлетворяют тех, кто занимается историей и теорией постижения психики.

Даже непосредственное знакомство с «Новым Органоном» Бэкона позволяет усомниться в простой и легко умопостижимой схеме голого эмпиризма, который, якобы, пронизывает всю ме-

тодологию философа. Уже самое выделение «идолов» (рода, пещеры, рынка и театра) показывает, что на восприятие и понимание событий оказывают влияние органы чувств, личный опыт, расхожие мнения и сила авторитета, что в современной терминологии может трактоваться как воздействие установок разной степени общности (от индивидуально-биографических до социальных и идеологических). И когда Бэкон восхваляет эксперимент, то речь идет не об аннигиляции этих установок, а об их усовершенствовании в наполнении большей истинностью. Неслучайно Томас Кун в своей знаменитой книге о научных революциях упоминает «проницательное методологическое изречение Фрэнсиса Бэкона: «Истина все же скорее возникает из заблуждения, чем из неясности»» (Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С.39). Бэкон предполагает смену установок, что имплицитно подразумевает их постоянное наличие в сознании человека, и именно поэтому мыслителю-«пауку», извлекающему из своего сознания сеть истин, Бэкон противопоставляет не эмпирика-«муравья», бездумно собирающего любой «сор» фактов, а исследователя-«пчелу», которая перерабатывает полученные сведения в соприродную ей систему. И свести всю работу сознания к алгоритмически четкой индукции не удастся, хотя Бэкона интересует прежде всего она.

Ярким доказательством тому служит XLVI глава «Нового Органона», где философ утверждает: «Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял, - потому ли, что это предмет общей веры, или потому, что это ему нравится. Каковы бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их посредством различений с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной. И потому правильно ответил тот, который, когда ему показали выставленные в храме изображения спасшихся от кораблекрушения принесением обета и при этом добивались ответа, признает ли теперь он могущество богов, спросил в свою очередь: "А где изображения тех, кто погиб, после того как принес обет?". Таково основание почти всех суеверий - в астрологии, в сновидениях, в поверьях, в предсказаниях и тому подобном. Люди, услаждающие себя подобного рода суетой, отмечают то событие, которое исполнилось, и без внимания проходят мимо того, которое обмануло, хотя последнее бывает гораздо чаще. Еще глубже проникает это зло в философию и в науки. В них то, что раз признано, заражает и подчиняет себе остальное, хотя бы последнее было значительно лучше и тверже. Помимо того, если бы даже и не имели места эти указанные нами пристрастность и

суетность, все же уму человеческому постоянно свойственно заблуждение, что он более поддается положительным доводам, чем отрицательным, тогда как по справедливости он должен был бы одинаково относиться к тем и другим; даже более того, в построении всех истинных аксиом большая сила у отрицательного довода».

Исправление ориентаций разума Бэкон видит в выработке более трезвого взгляда, предвещая разработку как психологических теорий, так и методологических позиций, сформированных в науке через несколько веков: действие защитных механизмов психики, блокирующих неуютную информацию (по Фрейдю или Фестингеру), что при коммуникации внутри научного сообщества создает «защитный пояс теории»; предпочтение фальсификации перед верификацией, доходящей до признания только подтверждений (проанализировано в системе Поппера); последствие негативного выбора (в психологике).

Карпова Е.А.

Влияние культуры на становление ценностно-нормативной системы личности в условиях кризисных ситуаций

Исследование поддерживается грантом РГНФ 3 10-06-00429а

В современной культурологии среди множества определений культуры, самыми распространенными являются технологические, деятельностные и ценностные. С точки зрения технологического подхода культура есть определенный уровень производства и воспроизводства общественной жизни. В деятельностной концепции культуры она рассматривается как способ жизнедеятельности человека, который определяет и все общество. Ценностная (аксиологическая) концепция культуры подчеркивает роль и значение идеальной модели, и в ней культура рассматривается как трансформация должного в реально существующее.

Независимо от общего подхода к проблеме культуры практически все исследователи отмечают, что культура характеризует жизнедеятельность личности, группы, общества в целом; что культура является специфическим способом бытия человека, имеет свои пространственно-временные границы; раскрывается культура через особенности поведения, сознание и деятельность человека, равно как и через вещи, предметы, произведения искусства, орудия труда, через языковые формы, символы и знаки.

Ценности являются, по мнению Ф. Знаневского, основой бытия и создают культурный мир. Чаще это абстрактные идеалы, т.е. представления человека об идеальных способах поведения и идеальных конечных целях [1]. Ценности относятся, как правило, к идеям, объектам и целям, которые считаются жела-

тельными и достижение которых положительно санкционируется. Кроме того, важным, является то, что система ценностей фактически сканирует окружающую среду и влияет, в свою очередь, например, на восприятие экономических условий, межличностных отношений, развитие общества в целом.

Практически можно сказать, что ценности в той или иной степени рассматриваются как скрытая система суждений относительно способа, которым люди оценивают действия или результаты. При этом ценностные критерии в отношениях между оценивающим субъектом и оцениваемым объектом являются устойчивыми длительное время и имеют значение для последующей деятельности субъекта [2].

Современная жизнь постоянно создает бесчисленные кризисные ситуации, в которых человек теряет возможность адекватно осмысливать происходящее, утрачивает представление о подлинности духовных ценностей, пренебрегает нормами и традициями. При таких условиях, как показали исследования, немаловажным фактором является возрождение потенциала культуры для объединения людей, осознания из значимости и уверенности в завтрашнем дне.

Литература:

1. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб.: Питер. 2010. - 672 с.
2. Шихирев П.Н. Введение В Российскую деловую культуру: Учебное пособие. – М.: ОАО «Типография «НОВОСТИ», 2000. – 200 с.

Кац Н.Г.

Из практики межкультурной коммуникации XX века: российская «культурная миграция» в США.

Сегодня мы все чаще задаем себе вопрос: «Как в условиях глобализации современного мира и, в первую очередь, в условиях глобальной экономики, мы можем сохранить, поддержать и развить местные, региональные и национальные культуры?» Эта проблема стала актуальной в последние два десятилетия XX века, когда небывалые изменения в технологиях и, особенно, в средствах массовой коммуникации, быстрое развитие международного туризма, а так же и новая волна эмиграции, связанная со значительными геополитическими изменениями в Восточной Европе, заставили людей все чаще задумываться о том, как в условиях нового феномена – растущей на глазах глобальной культуры – сохранить свой национальный язык и культуру [1]. «Могут ли средства массовой информации, - спашивает Т. Новингер, - как и спутники связи, компьютеры, интернет, e-mail и т.д., зачернуть все попытки национальных правительств защитить и сохранить свое культурное наследие?» [2].

Для таких многонациональных стран как США и Россия, с их подчас нерешенными проблемами иммиграционной политики, сегодня особенно острыми становятся вопросы о том, что делать и как правильно действовать, чтобы адаптировать “новых граждан” в господствующую национальную культуру. Рассматривая роль межкультурной коммуникации в жизни глобального мира, необходимо еще раз подчеркнуть значение изучения исторического опыта тех стран, в формировании этнического состава населения и культуры которых особую роль сыграла эмиграция.

Среди тех, кто внес значительную лепту в создание национальной культуры США, особое место принадлежит выходцам из России. Сегодня все чаще приходится слышать и читать об особой роли « российской культурной миграции», ставшей важным фактором, оказавшим влияние на формирование современной американской культуры [3]. Говоря об особой культурной миссии российской интеллигенции в эмиграции, А. В. Квакин отмечает, «что в связи с современными политическими событиями на территории бывшего Советского Союза некоторая часть отечественной, российской интеллигенции, во многом неожиданно для себя, оказалась за пределами российского государства ... Перед новыми "иностранцами поневоле" неизбежно встают вопросы о консолидации российской интеллигенции, сохранении связи с отечественной культурой, поддержании в диаспоре российских культурных традиций. Решить многие проблемы, порожденные данной ситуацией, невозможно без обращения к историческому опыту носителей культуры в Российском Зарубежье»[4].

Настоящая статья посвящена представителям российской художественной интеллигенции на ниве исполнительского искусства, которые оказались в США, будучи гонимыми такими драматическими событиями XX века на Европейском континенте, как революция в России и Вторая Мировая Война. Рамки статьи не позволяют рассказать о судьбах всех ее представителей.

Талантливые представители российского исполнительского искусства, музыканты, композиторы, актеры, балетмейстеры часто испытывали головокружительные удачи, но нередко и болезненные поражения. И все же смогли ли эти талантливые люди полностью проявить себя в «Новом Свете»? Удалось им там реализовать себя и получить заслуженное признание? В чем состоял их вклад в развитие музыкального искусства, балета, театра и кинематографа США? Эти и другие вопросы, относящиеся к историческому опыту носителей российской культуры за рубежом, сегодня требуют дополнительного осмысления.

Среди эмигрантов из России, внесших особый вклад в развитие искусства США, особое место, конечно, принадлежит Джорджу Баланчину и Игорю Стравинскому. Баланчин, создатель современного американского балета, привнес и развил традиции М. Петипа, великие традиции Санкт-Петербургской балетной школы [5]. Большую роль в формировании эстетики Баланчина сыграл Сергей Дягилев, который не только давал советы молодому балетмейстеру, он знакомил его с современной музыкой, используемой в постановках его балетной труппы «Русский Балет» [6]. Стараясь отточить художественный вкус Баланчина, Дягилев взял его в поездку по Италии, где познакомил его с музеем и памятниками этой великой страны.

Важную роль в судьбе Баланчина сыграла и встреча с Линкольном Кирстейном, который в 1933 г. пригласил его в США и помог открыть «Школу Американского Балета» [7]. Школа начала работу в январе 1934 г. Было принято 25 студентов, большинство из которых практически не имело какой-либо подготовки. До Баланчина в США не существовало настоящей профессиональной балетной школы, хотя небольшое число зрителей и получило возможность увидеть настоящее искусство танца, благодаря гастролям А. Павловой, М. Фокина, В. Нижинского и русской балетной кампании из Монте Карло.

В 1946 г. Баланчин, при поддержке того же Кирстейна, основал «Балетное Общество США». Через два года общество переместилось в городской центр Нью-Йорка, положив, таким образом, начало всемирно известной труппе «Нью-Йоркский Городской Балет» [8]. Исследователи истории культуры США подчеркивают, что только благодаря великому русскому хореографу, классический балет занял прочное место в жизни современного американского искусства. [9]. Вслед за Нью-Йорком, балетные кампании были основаны в Чикаго, в Канзас-Сити, Лос-Анджелесе, Майями, Питтсбурге, Сан-Франциско, Сиэттле и других городах [10].

Другой выдающийся представитель русской культуры в США, Игорь Стравинский, как и Баланчин, корнями своими принадлежал Санкт-Петербургу и, подобно Баланчину, испытал огромное влияние Дягилева. Как хорошо известно, в 1930 гг. Стравинский жил во Франции, деля себя между семьей (он имел четверых детей) и своей истинной любовью, Верой ди Боссет. В 1938-1939 гг. композитор, в короткий период, пережил смерти старшей дочери, матери и жены. К тому же, его музыка перестала быть популярной во Франции, в то время как на родине, в СССР, музыку композитора-эмигранта вообще не исполняли. В нацистской же Германии Стравинский был объявлен представителем «дегенеративного искусства» [11]. В обстановке надви-

гающей угрозы войны композитор мечтал только об одном: поскорее выбраться из Парижа, покинуть Европу и, вместе с Верой, переселиться в США [12].

Американский композитор А. Копланд писал о том, что в США Стравинский постоянно проявлял «психологию беженца», которая характеризовалась полным отсутствием «контакта с миром вокруг него» [13]. Хотя в годы Второй Мировой Войны Голливуд, где поселился Стравинский, по словам Томаса Манна, был более интеллектуально стимулирующим и более космополитичным городом, чем Париж или Лондон когда-либо были, композитор ограничил свое общение узким элитарным кругом знакомых, который включал английских писателей Олдоса Хаксли, Джералда Хэрда и Кристофера Ишервуда, русского актера Владимира Соколова, русского художника Евгения Бермана, польского композитора, пианиста и дирижера Александра Тансмана, чешского поэта и драматурга Франца Верфеля, немец - писателя Тамаса Манна и режиссера Макса Рейнхарда. Вскоре после разгрома японским флотом американской военноморской базы Пирл-Харбор и последовавшего за ним активного включения США в войну (декабрь 1941 г.), живший в эмиграции и сегодня забытый русский композитор Николай Набоков, наблюдал паническое состояние Стравинского, который испытывал страх, что в США тоже может произойти революция. «Куда я тогда денусь?» – спрашивал окружающих композитор. Для Стравинского, заключает Н. Набоков, Лос-Анджелес в то время был своеобразным убежищем, укрытием от штормов жизни [14].

Позднее, в 1948 г., в доме Стравинского поселился молодой музыкант Роберт Крафт, ставший не только его личным секретарем и ассистентом, но и редактором книг, написанных великим композитором. Именно Крафт познакомил Стравинского с атональной музыкальной системой, одним из создателей которой был австрийский композитор А. Шонберг, эмигрировавший в США после прихода к власти нацистов. И хотя с 1936 г. Шонберг жил в Лос-Анджелесе всего в 10 милях от дома Стравинского, оба композитора так никогда и не встретились. Несмотря на это, смерть Шонберга в 1951 г., вероятно, подтолкнула Стравинского к экспериментам в 12-тональной музыкальной системе.

«Изоляции» Стравинского способствовало и то, что многие из его близкого круга после войны или покинули США, или уже умерли. Эти и другие факторы вызывали у композитора желание переселиться в Англию. Особую роль в жизни композитора, конечно, всегда играла дружба с Баланчинным, который любил его музыку и неоднократно использовал ее для балетных постановок. Общим, объединявшим этих двух российских интеллиген-

тов было то, что в формировании их художественных вкусов и эстетики особая роль принадлежала культурной традиции Санкт-Петербурга. Стравинский, например, как-то сказал, что Санкт-Петербург настолько стал органической частью его жизни, что он даже боится смотреть глубже, чтобы не открыть еще то многое, что связывает его с этим городом. «Меня часто спрашивают», - вторил ему Баланчин, - «кто я по национальности - русский или грузин? И я часто думаю, что по крови я грузин, по культуре - русский, а по национальности - петербуржец» [15].

Только в 1962 г. оба, Баланчин и Стравинский, впервые получили возможность побывать на родине. «Нью-Йоркский Городской Балет» Баланчина триумфально гастролировал в Москве и Ленинграде, а Стравинский дирижировал своими произведениями в ряде городов СССР. Будучи в Ленинграде, Стравинский съездил в Ораниенбаум, переименованный в Ломоносов, - город, где он родился в 1882 г. [16]. По возвращении в США композитор долгое время предпочитал говорить только по-русски. Он умер в 1971 г., как «гражданин мира», который не получил никакого гражданства. Стравинский всегда оставался в конфликте как со своим прошлым, так и со своими воспоминаниями. Баланчин же, принявший гражданство США, скончался в 1983 г. Ему удалось переделать себя, и это произошло благодаря его характеру и, частично, благодаря превратностям судьбы. И если в США помнят великого русского хореографа главным образом за его творческое наследие, за то, что ему удалось сделать для становления и развития балетного искусства в этой стране, то Стравинского сегодня ценят, в основном, за его музыку, написанную до 1939 г., до начала его вынужденной эмиграции в США [17].

В 1918 г. в Америку прибыл и поселился в Нью-Йорке Сергей Рахманинов, наиболее «русский композитор» среди тех, кто эмигрировал в эту страну. Подписав вскоре контракт с Радио Корпорация Америки «Виктор», он стал концертующим исполнителем, практически прекратив дирижерскую и композиторскую деятельность. Его музыка, как и его дом в США, оставались русскими. Горовиц, ссылаясь на воспоминания Александра и Катерины Свон, пишет о том, что в США «Рахманинов внутренне закрыл себя... бесконечно скучая по России» [18].

Среди выходцев из России, которым удалось сделать в США головокружительную карьеру был и Дэвид Сарнофф, рожденный в маленьком местечке близ Могилева и в раннем детстве, вместе с родителями, эмигрировавший в США. Обладая недюжинными организаторскими способностями, он основал Национальную Радио Корпорацию, которая положила начало исполь-

зованию радио для развлекательных программ [19]. В 1937 г. при этой Корпорации был основан симфонический оркестр, руководимый до 1941 г. эмигрантом из Италии Артуро Тосканини, а позже - Леопольдом Стоковским, родившимся в Польше. Особая роль в пропаганде русской музыки в США принадлежала уже упоминавшемуся Сергею Кусевицкому. Рожденный в Вышнем Волочке, Сергей еще в юности перебрался в Москву и начал профессионально заниматься музыкой. Кусевицкий получил огромное признание как выдающийся солист (он давал сольные концерты, играя на контрабасе) и особенно как непревзойденный дирижер [20]. Он был первым, кто, стремясь привлечь в концертные залы молодую аудиторию, в 1912-1914 гг. организовал гастроли своего оркестра по городам Волги, открыл музыкальный центр, включая школу в Подмосковье, и начал предлагать студентам билеты на симфонические концерты всего за 50 копеек. Подобно Баланчину и Стравинскому, молодой дирижер в 1920 г. оказался в Париже, где он испытал на себе влияние Дягилева. В 1924 г. Кусевицкий становится музыкальным директором Бостонского Симфонического Оркестра, превратив его, по словам Хоровца, в настоящую «лабораторию американской музыки». Но главное, дирижер считал своей задачей пропаганду музыки, написанной русскими композиторами, волею судьбы оказавшимися в Америке [21].

В 1929 г. в Нью-Йорке поселился Владимир Дукельский, который стал хорошо известен здесь под псевдонимом «Вернон Дюк». До эмиграции в США, жизнь забрасывала Дукельского в разные уголки мира. Это были Константинополь, Лондон и Париж, где он писал музыку для балетной труппы Дягилева. Среди близких друзей Дукельского в США были Сергей Прокофьев и Джордж Гершвин, который и придумал для него псевдоним «Вернон Дюк». Музыка Дукельского использовалась как для постановок на сценах Бродвея, так в фильмах Голливуда [22].

В США успех сопровождал творческую жизнь многих выдающихся музыкантов, рожденных в России. Так, выпускник Санкт-Петербургской консерватории по классу профессора Л. Ауэра, скрипач Ефрем Цимбалист, в 1941 г. был назначен на пост директора музыкального института Кюртиса - ведущей консерватории США [23]. Блистательными были и карьеры скрипача Миши Эльмана [24] и виолончелиста Григория Пятигорского [25]. Однако всех виртуозов превосходили Яша Хейфец, который также был учеником Л. Ауэра, и пианист Владимир Горовиц. Их еще при жизни называли «лучшие в мире скрипач и пианист». Уроженец г. Вильно, Хейфец принял американское гражданство в 1925 г. и стал настоящим патриотом США. В годы Второй Мировой Войны он дал сотни концертов для амери-

канских солдат в Центральной и Южной Америке, Северной Африке, Италии и Германии.

Другие выходцы из России - актеры, режиссеры и театральные дизайнеры – также внесли свою лепту в формирование театрального искусства США. Среди актрис, необходимо назвать, в первую очередь, Аллу Назимову (урожденную Мариам Левингтон). В 1896 г. она впервые появилась на сцене, исполняя второстепенные роли, в спектаклях Московского Художественного Театра. Там она наблюдала, как Станиславский ставил пьесы Шекспира, Ибсена и Чехова. Огромное влияние на молодую актрису оказал выдающийся мастер русской сцены Павел Орленев, который познакомил ее с А. П. Чеховым.

Уже в 1905 г. Назимова и Орленев впервые выступили на сцене театра Я. Адлера на Манхеттене. Настоящая слава пришла к Назимовой в 1906 г. после ее участия в спектакле по пьесе Г. Ибсена «Призраки», в котором она с огромным успехом сыграла ведущую роль Хедды. Известность на Бродвее актрисе также принесла и роль Норы в драме Ибсена «Кукольный Дом». В 1928 г. Назимова была приглашена на роль Раневской в чеховском «Вишневом Саде», а через два года она дебютировала в первой постановке в США пьесы И. Тургенева «Месяц в Деревне». Поздние годы своей жизни Назимова провела в Голливуде, где снималась, главным образом, во второстепенных ролях [26].

В 1923 г. Константин Станиславский и его Московский Художественный Театр были приглашены в Нью-Йорк. Гастроли планировались на 8 недель, все билеты были раскуплены еще задолго до приезда труппы. Успех МХАТА у нью-йоркских зрителей и отзывы прессы были столь высоки, что организаторы гастролей предложили продлить контракт еще на 4 недели и дать спектакли в Чикаго, Бостоне и Филадельфии. Гастроли открылись спектаклем по пьесе А. Толстого «Царь Федор Иоаннович», на котором присутствовала Назимова, видевшая этот спектакль в Москве четверть века назад.

Когда в 1924 г. МХАТ снова гастролировал в США, некоторые члены его прославленной труппы решили там основаться и не возвращаться домой в Москву. Вскоре имена Акима Тамирова, Владимира Соколова и Марии Успенской стали хорошо известны зрителям Америки. Среди бывших выпускников студии Станиславского, преподававших в США, следует упомянуть М. Успенскую, М. Чехова и Ричарда Болеславского, основавшего в Нью-Йорке Американский Лабораторный Театр. Он проявил себя также и как успешный постановщик фильмов в Голливуде. Студенты Болеславского и других мастеров русской драмы, обосновавшихся в США, положили начало освоению метода Станиславского на театральных подмостках Америки [27].

Специалисты по истории театра США с почтением произносят имя Рубена Мамуляна. Он родился в 1898 г. в Тифлисе, в семье банкира. В юности, живя в Москве, познакомился со Станиславским и стал учеником Вахтангова. Мамулян приехал в США в 1923 г. Только на Бродвее он поставил рекордное число спектаклей и явился первым постановщиком мюзиклов «Порги и Бесс» Гершвина и «Оклахомы» Роджерса и Хаммерштейна. Он же стал первым постановщиком и пьесы И. Тургенева «Месяц в деревне», в котором с таким блеском играла Назимова. Начиная с 1929 г., Мамулян активно работал в Голливуде. Среди актеров, которым Мамулян помог раскрыть свой талант, были Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Морис Шевалье и многие другие. В 1935 г. Мамулян снял первый в истории американского кинематографа цветной фильм «Бекки Шарп» [28].

Необычной была и «Одиссея» Бориса Аронсона, выдающегося американского дизайнера сцены, родившегося на Украине в 1900 г. [29]. До своей эмиграции на Запад в 1922 г., он жил в Киеве и Москве, где познакомился со сценическими экспериментами Александра Таирова на сцене Московского Камерного Театра. Александра Экстер, главный художник сцены театра Таирова, увлеченная идеями и принципами конструктивизма, стала наставником Аронсона. Она же и представила его с Мейерхольду. Вместе с Экстер, в 1920 г. Аронсон участвовал в разработке костюмов и декораций для легендарной постановки Таириным «Ромео и Джульетты». В 1922 г. Аронсон покинул родину и жил в Германии, где изучал живопись и опубликовал несколько исследований (на русском языке) по истории искусства, включая и книгу о своем друге, художнике Марке Шагале. В 1923 г. Аронсон приехал в Нью-Йорк и его карьера, как художника-постановщика, продолжалась на Бродвее около 40 лет. Он удостоился премии «Тони» 6 раз за лучший сценический дизайн. В историю американской сцены вошли его бродвейские постановки мюзиклов «Скрипач на Крыше» и «Кабаре», а также его работы в Метрополитен Опере. Интересно отметить, что одной из последних для художника стала поставка балета Чайковского «Щелкунчик» на сцене Американского Театра Балета, где в роли хореографа и исполнителя главной партии выступил Михаил Барышников [30]. Несмотря на успех, к концу жизни Аронсон выражал свое неудовлетворение театральной культурой США, где он так никогда и не встретил деятелей, равных по таланту Мейерхольду или Таирову.

Таким образом, процесс адаптации представителей российской художественной интеллигенции в США был сложным и, зачастую, противоречивым. Для многих особую роль играл «его величество случай», шанс получить работу и, как следствие,

творческое признание и авторитет. «Российская культурная миграция» имела неожиданный эффект: многие эмигранты, несмотря на известное недоверие к ним, заняли лидирующие позиции в сфере культуры. Большинство из них осело в США и получило там гражданство. И эти «новые американцы» оказали существенное обогащающее влияние на американскую культуру XX века. Замечательные представители российской художественной интеллигенции, став активными участниками процесса межкультурного обмена, в то же время, содействовали сохранению и развитию национальной культуры и традиций в диаспоре.

Литература:

1. L.Samovar, R. Porter, E. McDaniel. *Intercultural Communication: A Reader*. Boston: Wadsworth Publishing, 2011, pp. 1-3.
2. T. Novinger. *Intercultural Communication: A Practical Guide*. Austin: University of Texas Press, 2001, p. 151.
3. J. Horowitz. *Artists in Exile: How Refugees from Twentieth-Century War and Revolution Transformed the American Performing Arts*. New York - HarperCollins, 2008, p. 9.
4. А. В. Квакин. *Культурная Миссия Российской Интеллигенции в Эмиграции: К Постановке Проблемы*. (http://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_1103.htm)
5. L. Garafola. *Diaghilev's Ballets Russes*. Cambridge, MA: Da Capo Press, 1998, p. 4.
6. B. Taper. *Balanchine: A Biography: With a New Epilogue*. Berkeley: University of California Press, 1996, pp. 74-95.
7. R. Gottlieb. *George Balanchine: The Ballet Maker*. New York: Harper Perennial, 2010, p. 3.
8. Ibid, pp.147-162.
9. Ibid, pp. 4-5.
10. J. Horowitz, *ibid*, p. 45.
11. S. Walsh. *Stravinsky: A Creative Spring: Russia and France, 1882-1934*. New York: Alfred A. Knopf, 1999, pp. 516-521.
12. S. Walsh. *Stravinsky: The Second Exile: France and America, 1934-1971*. New York: Alfred A. Knopf, 2006, pp. 101-103.
13. J. Horowitz, *ibid*, p. 47.
14. Ibid, p. 50.
15. Ibid, p. 68.
16. E. W. White. *Stravinsky: The Composer and His Works*. Berkeley: University of California Press, 1985, p. 22.
17. J. Horowitz, *ibid*, p. 75.
18. Ibid, pp. 199-200.
19. E. I. Schwartz. *The Last Lone Inventor: A Tale of Genius, Deceit, and the Birth of Television*. New York: HarperCollins Publishers, 2002, pp. 93-109.
20. A. Lourie. *Sergei Koussevitsky and His Epoch: A Biographical Chronicle*. Books for Libraries Press, 1969.
21. J. Horowitz, *ibid*, pp. 191-193.
22. Ibid, pp. 371-372.

23. R. Molan. Efreim Zimbalist: A Life. Pompton Plains, NJ: Amadeus Press, 2004.
24. A. Kozinn. Misha Elman and Romantic Style. Chur, Switzerland: Harwood Academic Publishers, 1990.
25. T. King. Gregor Piatigorsky: The Life and Career of the Virtuoso Cellist. Jefferson, NC: Thomson Gale, 2005.
26. M.J. Lewis. Twilight of the Immortal. Edinboro, PA: Anaphora Literary Press, 2011.
27. J. Horowitz, *ibid*, pp. 338-339.
28. M. J. Spergel. Reinventing Reality. - The Art and Life of Rouben Mamoulian. Lanham: The Scarecrow Press, Inc., 1993.
29. F. P. Miller, A. F. Vandome and J. McBrewster. Boris Aronson. Mauritius: Alphascript Publishing, 2011.
30. J. Horowitz, *ibid*, pp. 366-388.

Кочергина А.Г.

Факторы формирования правовой культуры и правового сознания

Создание гражданского общества, формирование современного понимания отношения к праву, требует внимания со стороны различных научных дисциплин: юриспруденции, политологии, социологии, психологии и др.

На сегодняшний день можно констатировать, что психологические аспекты правового сознания, отношение граждан к современному российскому законодательству с психологической точки зрения мало изучены. В связи с этим актуальной становится проблема изучения правовой культуры представителей различных групп населения. Потребность в изучении правовой культуры давно назрела, так как такие социально-юридические феномены как правовой нигилизм, правовой цинизм широко распространились в практической жизни, сознании людей, политике, культуре, законотворчестве, государственной и общественной деятельности.

В российской науке проблематика изучения правовой культуры является традиционной для юридической психологии. В рамках этой прикладной отрасли психологи анализируют проблемы формирования правового сознания в условиях меняющегося общества, проблемы отношения к праву, изучая морально-нравственные составляющие общества (В.Л. Васильев, 2000; Н.Ф. Гейжан, 1994; И.А. Горьковая, 1997; А.Т. Иваницкий, 1987; Л.И. Коновалова, 1985; А.К. Колеченко, 1998; В.С. Олейников, 1998; В.Ю. Рыбников, 1997; В.Я. Слепов, 1995; В.И. Хальзов, 1993; Ю.А. Шаранов, 1997; А.Г. Шестаков, 2000; и др).

Правовое сознание современного российского общества глубоко анализируется в контексте правовой культуры, что включает концептуализацию задач современного правопедания

и оценку правосознания как культурной составляющей общества. Это направление реализуется в работах Р.С. Байниязова, С.Г. Зайцевой, И.А. Крыгиной, Г.И. Муромцева, И.Д. Невважай, И.А. Петрулевич, А.В. Полякова, О.В. Сазанова, Ж.Т. Тощенко, В.Е. Чиркина и др.

Правовая культура неразрывно связана с правосознанием и правом.

В философской и юридической литературе имеются различные подходы к определению понятия правовой культуры. Одни авторы рассматривают правовую культуру в качестве особой (социально-правовой) формы деятельности, направленной на достижение конечных социально значимых результатов (законность, правопорядок). Другие непосредственно включают в правовую культуру – право, правосознание, правовые отношения, законность, правопорядок, правомерное поведение. Иногда правовая культура понимается как деятельность по производству, распределению и реализации юридических ценностей, социальной справедливости, прав и обязанностей. Общим для большинства авторов, занимающихся проблемой правовой культуры, следует считать рассмотрение ее как качественного состояния правовой жизни общества на данном этапе его развития.

Правовая культура - качественное состояние правовой организации общества, реального функционирования его правовой системы, отражающее достигнутый уровень развития в сфере правового регулирования социальных отношений.

Правовая культура в целом есть способ организации правовой сферы жизни общества, сложившаяся социальная практика в этой области. Американский профессор Л. Фридмэн справедливо видит в правовой культуре то, что движет правовым процессом. Он сравнивает ее с общественной силой, которая определяет, как часто тот или иной закон применяется на практике, как его избегают или как им злоупотребляют [1].

Правовая культура общества проявляется в различных показателях. К наиболее важным из них можно отнести:

- уровень правосознания, отношение общества, государства, индивидов к праву;

- совершенство и демократизм правотворческого процесса (подготовки, принятия, опубликования, систематизации нормативно-правовых актов);

- качество законодательства, степень сбалансированного отражения в нем интересов индивидов, социальных групп, общества в целом;

- состояние в сфере реализации права, уровень работы правоохранительной системы;

- профессионализм и высокий общественный статус юридических кадров и учреждений, позитивная правовая активность всех субъектов права, уважение надлежащих юридических процедур;

- состояние правовой науки и юридического образования;

- правовое закрепление и реальное обеспечение прав и свобод личности;

- состояние законности и правопорядка.

Эти и другие показатели правовой культуры дают возможность определить, насколько высоко оценивается в обществе право как регулятивная социальная система, функционирующая на основе принципа справедливости, признается ли примат права по отношению к государству, его властным структурам, что в свою очередь характеризует уровень культуры общества, степень его цивилизованности.

Исходя из объективных проявлений, показателей в структуре правовой культуры в широком ее понимании выделяются такие крупные непрерывно взаимодействующие элементы, как само право, правосознание, правовые отношения, законность, правопорядок, правовая деятельность.

Правовая культура подразделяется на следующие виды:

- правовая культура общества в целом;

- правовая культура индивида;

- правовая культура социальных общностей (классов, наций, народов) и цивилизаций [2].

Индивидуальная правовая культура характеризуется степенью усвоения и активного использования личностью правовых ценностей. Это - глубокое знание и понимание права, уровень активной правомерной деятельности личности. Индивидуальная правовая культура предполагает не только всестороннюю правовую осведомленность, знание содержания правовых предписаний, но и положительное к ним отношение и высоко сознательное их исполнение. Незнание законов, пренебрежительное к ним отношение свидетельствуют об отсутствии правовой культуры. Правовая культура включает в себя ту часть правосознания, которая выражает позитивное отношение к праву, правильное понимание права, его установлений, что рождает в сознании людей положительные установки и в итоге - активное правомерное поведение. Следовательно, правовая культура личности предполагает реализацию ее позитивных правовых представлений, а не правосознания вообще [5].

Выделяют следующие функции правовой культуры:

1. познавательная функция, которая выражается в формировании у населения представлений о государстве, праве, гражданском обществе, о предпосылках возникновения конкретных

правоотношений, о процедурах разрешения возникающих споров и т.д;

2. регулятивная функция направлена на обеспечение нормального устойчивого функционирования общества путем предписания субъектам общественных отношений стандартов общественно-полезного поведения, согласования и подчинения социальных устремлений и идеалов различных групп общепризнанным в обществе;

3. функция правовой социализации выражается в способности правовой культуры обеспечить передачу новым поколениям накопленного опыта для того, чтобы они могли эффективно использовать свои субъективные права и осуществлять юридические обязанности;

4. оценочная функция заключается в выработке отношения всех участников общественных отношений к правовым явлениям на основе сформированных представлений, идеалов, принципов. Это отношение проявляется в поступках, поведении, в оценке права, законности, правопорядка и т.п.;

5. прогностическая функция выражается в способности предвидеть возможные направления развития правовой системы для достижения поставленных целей [4].

Социальная ценность правовой культуры выражается в следующем:

- с помощью правовой культуры обеспечивается всеобщий устойчивый порядок общественных отношениях, как в сфере производства, обмена, распределения материальных благ, так и в духовной жизни;

- благодаря правовой культуре возможно охватить социально полезные формы правомерной деятельности людей, отделив их от произвола и несвободы;

- правовая культура обеспечивает нормальную деятельность каждого индивида, предотвращая, незаконное вмешательство общества и государства в сферу частной жизни;

- правовая культура обеспечивает оптимальное сочетание свободы и справедливости, учет разных интересов индивидов, социальных общностей, организаций, наций;

- правовая культура способствует формированию гражданского общества: рыночной экономики, политической системы, многопартийности, свободы средств массовой информации и, наконец, правовому социальному демократическому государству.

Правовая культура личности выражается в трех состояниях - в правовых культурных ориентациях, в творческой деятельности по их реализации и в результатах реализации этих ориентаций. Правовая культура личности является показателем социальной

развитости человека: с точки зрения ее уровня и с точки зрения ее направленности (типа). В этой связи можно говорить о таких видах правовой культуры как: цивилистической (гражданско-правовой), криминалистической, административной и судебно-процессуальной.

Высший уровень правовой культуры - правовая активность. Она проявляется:

- в готовности к активным, сознательным, творческим действиям, как в сфере правового регулирования, так и в сфере реализации права;

- в убеждении о необходимости служения закону как высшей ценности [7].

Правовая культура личности тесно связана с правосознанием. В то же время она шире правосознания, поскольку включает в себя помимо правовой психологии и правовой идеологии еще и юридически значимое поведение.

Не все, что относится к области права и правовой действительности, можно считать ценностью в конкретных исторических условиях. И сама правовая культура представляет собой ценность в той мере, в какой позволяет людям пользоваться благами свободы и справедливости, служит обеспечению достоинства личности, участвует в достижении достойного и достаточного уровня жизни [6].

Проблемное поле нашего исследования было задано попытками ответить на следующие вопросы: существуют ли, а если да, то в чем состоят, различия в правовой культуре и отношении к праву у мужчин, женщин, людей разных возрастов и представителей различных профессий.

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что различия в правовой культуре и отношении к праву у мужчин, женщин, людей разных возрастов и представителей различных профессий существуют. Они состоят в том, что представителям старшего поколения в большей степени, чем молодежи, свойственен правовой реализм и в меньшей степени правовой инфантилизм, мужчин в большей степени, чем женщин характеризует правовой идеализм и в меньшей степени правовой инфантилизм и фетишизм, у респондентов, получивших специальное юридическое образование и работающих в правоохранительных органах, более высокий уровень позитивного отношения к праву и более низкий уровень правового нигилизма, инфантилизма и фетишизма по сравнению с респондентами, не имеющими специальных юридических знаний.

На современном этапе развития отечественной психологии такие исследования, на наш взгляд, приобретают особую значимость, поскольку психологические аспекты отношения граждан

к современному российскому законодательству актуальны, но мало изучены.

Результаты нашего исследования, свидетельствующие о различиях отношения к праву в исследованных половозрастных и профессиональных группах и о связи отношения к праву с уровнем контроля личности, могут внести вклад в систему научных знаний об особенностях правосознания личности.

Актуальность этой проблемы требует дальнейших исследований. На основе результатов исследования в перспективе важно выработать рекомендации для различных категорий граждан для повышения уровня знаний о сути деформаций правосознания, их деструктивной роли, причинах, формах проявления, путях устранения и о важнейших факторах формирования зрелого правового сознания, с целью создания современного гражданского общества.

Литература:

1. Безносков С. П. Юридическая психология. 2007. - 308с.
2. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права: Учебное пособие. -Мн.: НО ООО «БИП-С», 2003. - 336с.
3. Калинина Э. А., Калинина И. Ф., Старжинская А. А. Общая теория государства и права: Краткий элементарный учебный курс. Практик. пособие. Под ред. Э. А. Калининой -Мн.: Молодежное научное общество, 2005. – 84с.
4. Кармин А.С. Культурология. СПб – Лань, 2003. – 928с.
5. Лазарева В.В. Общая теория права и государства. 1998. – 168с.
6. Пиголкина А. С. Общая теория права. 1996. – 157с.
7. Правовая культура современного российского общества: проблемы формирования и развития. (Редактор П.П. Глущенко), СПб, 2003.

Науменко Н.В

Проблемы разрушения традиционных форм культурной идентификации

Понятия "идентичность" и "идентификация" являются неотъемлемой частью современного общенаучного понятийного аппарата. "Идентичность" подразумевает психологическое представление человека о своем Я. характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самостождественности и целостности. Человеку свойственно отчасти осознанно, отчасти неосознанно отождествлять самого себя с теми или иными типологическими категориями - социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т.п. Так, культурная идентичность представляет собой идентификацию человека с определенной культурной традицией.

В современной культурной ситуации возникает проблема кризиса традиционных форм культурной идентичности, поскольку изменяются ценности и нормы культуры.

Причем, вопреки часто высказываемому мнению, активно идущий процесс глобализации не снимает проблемы идентичности, но и обостряет ее. Так, например, индивидуализм в России не состоялся в форме позитивного самоутверждения личности. В России распространение получил «негативный индивидуализм», поставивший человека наедине с собственными проблемами, заставляющий его видеть в других людях опасность и ощущать отчуждение от общества.

Это влечет за собой серьезные проблемы для современной культуры, о которых начинают с тревогой говорить не только психологи--теоретики, но и практикующие психиатры: человек, социализированный в современной культуре, оказывается не только лишенным каких бы то ни было нравственных ориентиров, но и не способным идентифицировать свою личность с теми или иными ценностными системами, то есть осознать себя как себя. Разрушаются базовые культурные механизмы социализации и формирования личности.

Психологи предлагают в этом контексте в качестве своего рода средства спасения программу, которая получила в современной психологии название импрингологии. Оно происходит от психологического термина «импрингинг», под которым понимают нерелексивное следование новорожденного детеныша тому стереотипу поведения, который задает оказавшийся рядом с ним в момент его рождения взрослый, которого он автоматически воспринимает как родителя. Согласно этой программе, в период социализации индивида в культуре (знаменитый период «от двух до пяти») следует предложить ребенку любую, но -конкретную культурную матрицу, любую, но вполне определенную шкалу оценок, любую, но четко сформулированную нравственную систему, религиозную или светскую. Ее освоение формирующимся сознанием, идентификация оформляющейся личности с определенной ценностной системой, с точки зрения современных психиатров, позволит избежать тех патологий, которые связаны с феноменом «кризиса идентификации». Обеспечивая для индивида возможность сформироваться в качестве самоощественной личности, такой тип социализации не исключает для него и возможных ценностных переориентаций в будущем, на уровне зрелого индивидуального сознания.

Проблема культурной идентичности является одной из важных не только с точки зрения осмысления ее в науке, но и имеет практическое значение. В современном обществе продолжают существовать различные социально-культурные группы, однако

значительно ослабевают связи между ними и индивидами, входящими в них. Неустойчивость социо-групповой структуры общества и его ценностно-нормативных систем реально размывают переживаемую этими группами и личностью идентичность.

Итак, среди конфликтов и противоречий современной России кризис идентичности как отдельного человека, так и общества в целом является основополагающим. Даже экономические проблемы отходят на второй план в сравнении с невозможностью для представителей основных социальных групп найти приемлемый для большинства ответ на вопрос: «Кто мы такие?» и вытекающие отсюда ответы о целях, смыслах, ценностях отдельной личности и выборе ею пути. З. Бауман отмечает, что «впечатляющее возрастание интереса к "обсуждению идентичности" может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» (1). Несоответствие критериев самоидентификации и самоидентификации новому порядку вещей, распад представлений о том, чем являются люди и страны, и есть кризис идентичности.

Литература:

1. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире С. 176-177

Невструева Т.Х.

Смысловые характеристики психотехники как элемента культуры

Взаимоотношений в системе «человек-техника (технология)» имеют достаточно длительную историю ее междисциплинарного обсуждения в историческом, философском, культурологическом, социологическом контекстах. В психологии проблема также включает широкий спектр вопросов, один из которых относится к психотехническим составляющим психологического знания и психологических практик.

Как известно, термин «психотехника» был предложен в 1903 году В.Штерном, в 1908 году Г.Мюнстерберг сделал попытку оформить психотехнику как науку, определить ее содержание и методы.

В проблематизации понятия «психотехника» необходимо учитывать многозначность образа человека в его отношениях с техникой и образа техники в ее отношениях с человеком. Их соединение происходит в акте «создания», в процессе и результате «действия», и семантическое поле понятия «психотехника» включается в более широкий контекст понятий и смыслов, раскрывающих артифицирующую деятельность человека.

Анализ артифицирующей природы человека включают два основных среза: техническое бытие (наряду с природным и со-

циальным) и бытие человека в мире техники (наряду с бытием в мире природы и социума). Первое связано с собственно создающей, творческой стороной, искусством создания артефактов (процесс оестествления), второе со средой - бытие в мире артефактов (жизнь в оестественном).

Первый срез отражает внутреннее содержание технического бытия человека на уровне личности, ее включенности в творческий процесс (действия, воздействия, взаимодействия, аутодействия), направленного на изменение внешней реальности и самого человека. В техническую картину мира человек включен иначе, чем в природную и даже в социальную (в социальное он включен, как в условие его «со-стояния» как человека). Он ее создает, реализуя креативное в человеке в самом широком смысле этого понятия.

Второй срез отражает технический (внешний) мир уже созданный человеком. Образ человека в мире технике, в контексте технической картины мира включает психологические составляющие человеческого фактора в технологичном обществе (в системе «человек-машина»). Образ техники (в оптимистическом и пессимистическом вариантах) связан с факторами психологического воздействия техники на человека, использование техники для влияния на психику и создание психотехник воздействия на психику, включение их в общую техническую картину мира.

Таким образом, понятие психотехники может включать весьма широкий спектр антропологических значений техники. В современных определениях психотехники этот спектр присутствует, определяя достаточно существенные отличия одной дефиниции от другой, изменяя смысловое поле понятия и границы его включения в исследовательский тезаурус.

Психотехника, как и любая техника, является элементом культуры, включена в нее как ее органичное звено, как средство (орудие) развития культуры. Психотехника, таким образом, может быть рассмотрена в контексте культуры и через генезис культуры. Культурологический срез развития психики и работы с психикой представлен в классических и современных психологических исследованиях и является методологическим принципом анализа развития психики (например, в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского).

Реконструкция смыслового пространства понятия психотехника определяет, прежде всего, обращение к истории развития техник работы с психикой. В истории культуры «психология была всегда, но существовала в культурах как психотехника, которая входила как элемент мифологических и ритуальных культур, религиозных систем, античного театра, народных праздников и т.д. Психотехника лежала в основе психологиче-

ских представлений и деятельности, более того она инициировала эту деятельность и представления» (3, 17-20). Психотехнику современные исследователи связывают и с эзотерическими учениями, в частности многие техники работы с психическим имеют истоки в приемах йоги, буддийских техниках медитации, в релаксационных техниках и т.д.

Психотехника как средство, орудие развития культуры выполняет в ней свои, только ей присущие функции, отличные от других техник. Они определяются целевой направленностью на внутренний, собственно психический пласт организации бытия человека, на субъективный механизм самопроизводства личностного элемента данной культуры. Своей функциональной сущностью психотехника как практика работы с психикой включена в общий процесс становления и развития сознания человека в культуре.

В.И. Олешкевич подчеркивает, что «исследование истории и логики развития психотехники приводит также и к развертыванию внутренней психотехники сознания. Так что, описывая историю развития психотехники, мы также описываем экстерниризованную через развитие психотехнического опыта онтологию сознания. Наконец, анализируя психотехнические схемы, мы можем обнаружить, что они укорены в социальные и культурные феномены повседневного опыта людей. Так психотехника снова обнаруживает себя как функция культуры, как техника производства, воспроизводства и развития сознания в культуре (3, с. 16, с.35).

Такое понимание опирается на культурно-историческую психологию, и как отмечает Ф.Василюк « концепции Выготского само сознание было понято как «культурное» и «практическое» по своему генезису, строению, функционированию». Обосновывая формулу контекста, задающего психическое пространство для работы психолога с человеческой целостностью Ф.Василюк определяет принципиальную категориальную схему психотехнического подхода: сознание - практика - культура. «Культурно-историческая теория разработала категорию сознания, адекватную этому подходу, психоанализ развил другой категориальный блок - практику - и за счет этого дал первый образец действующей психотехнической системы. В соответствии с этой логикой наиболее актуальной задачей, замыкающей становление психотехнического подхода является формирование категории культуры с психотехнической точки зрения» (2, с.39). В психотехнике как техники работы с сознанием, практикой (действием) по его производству, воспроизведению и развитию в контексте и внутри культуры представлены и соединены все три компонента.

Включение в описание, обозначение психотехники категории сознания и культуры обнаруживает еще один более общий срез проблемы: функции психотехники в отношениях «природа-культура». Восприятие и понимание этих отношений выступает обычно антитезисно, «причем «культура» независимо от ее конкретного «наполнения» звучит для многих как заведомо победный или, по крайней мере, безусловно благородный клич. Что в принципе не совсем так, а во многих случаях совсем не так» (1, 40).

В современных как философских, так и психологических исследованиях феномен культуры рассматривается не только сквозь призму создания в культуре и посредством культуры собственно человеческого в человеке, отделения его от мира животного, превращения в «символическое животное» (Эрнст Кассирер) и включения в мир социальных взаимодействий и творческих сфер. Не менее, а в современном обществе и более остро стоит проблема «охраны» психики и сознания человека от тотального воздействия культуры, артифицирующей деятельности человека, создающего искусственный мир вокруг себя и в себе. Природа, живущая в самом человеке как биологическом виде и индивиде, сопротивляется процессу «окультуривания», и создает в сознании исследователя этого процесса образ «животного скованного культурой» (З.Фрейд).

Психология наиболее близко соприкасается с двойственной природой человека, ее концептуальные, теоретические и технологические конструкты то же носят двойственный, вернее доминантный (в ту или иную сторону оппозиции природа - культура) характер. Достаточно тонок слой теорий и практик, в которых эти две сущности не примиряются, и не вкладывается в срединные формулы социобиологических гибридов, а пытаются быть «честными» в понимании ограниченности и недостаточности существующих (и тех и других и третьих) схем при соприкосновении с миром психики.

Присвоение культурного опыта, трансформация культуры в сознании личности и процесс порождения личностью культуры, в своей позитивной роли направлены на то, чтобы «мощным напором целенаправленных воздействий эффективно парализовать сидящие внутри древнего человека привычки, животные и полуживотные инстинкты, угрожающие скатыванию человека в лоно исходного зоологического мира» (4, с. 23). Однако культура столь же опасна, так как процесс присвоения культурного опыта ведущий к деиндивидуализации, приводит к противоречию между личностью и индивидуальностью... «полное слияние человека с культурой смертельно для процесса индивидуализации» (5, с. 15).

Психотехника как элемент культуры, и как функция культуры в самопроизводстве сознания отражает, и в определенной мере концентрирует противоречивый образ культуры, ее созидательные, гуманистические ценности и разрушительные, антииндивидуальные тенденции. В работе с сознанием, как органичном единстве природного, биологического материала и феномена культурного развития, психотехники несут двойную функцию: помощи в адаптации к культуре, полноценного индивидуального развития в данной культуре, и защиты, лечения от деструктивного влияния культуры. Но при этом психотехники, как и другие формы технической культуры, таят в себе опасность, не меньшую чем атомная энергия или другие природоразрушительные технологии. Психотехническая культура должна рассматриваться не только в узком понимании ее позитивной направленности в осознании психологических проблем, помощи личности в понимании своего психического мира и формирования потребности в работе с сознанием, но и в широком контексте технической культуры в ее целостном, противоречивом взаимодействии с миром природы человека.

Следует отметить позицию В.Ф. Андреева о необходимости введения промежуточной инстанции между культурой и природой, в качестве которой может выступать цивилизация. Он считает, что баланс обеспечения гармонии, гомеостаза, равновесия и «равноправия» во взаимодействии природы и культуры принадлежит цивилизации. Цивилизация «скрепка» природы и культуры. Автор рассуждает о феномене цивилизованного серфинга, т.е. творчески конструктивного использования благоприятных волн цивилизованного процесса на пути к высочайшим достижениям человеческого разума и моделей консенсуса с природой (1, 48-49).

В словаре Ушакова приведено понимание цивилизации, данное М.Е. Салтыковым-Щедриным. «Сивилизация (устаревшее французское) - это такое тонкое, нежное вещество, которое нельзя по произволу бросать в грязь». Рассматривая проблему культурантропоцентризма в отечественной психологии И. Романов вспоминает Г. Маркузе «утверждавшего, что фрейдовский биологизм остается последней защитой от социального и культурного принуждения. Но еще более важным нам кажется значение терапевтической практики психоанализа, охраняющей тонкую границу индивидуальной психической жизни. Разве могла возникнуть подобная форма профессиональной деятельности вне структур гражданского общества, вне либеральных ценностей, вне правовых принципов защиты личности». В противостоянии социальным воздействиям (со стороны ли семейной матрицы, или самого психоанализа) психоанализ, по мнению

И.В.Романова «всегда остается на стороне индивида, что и превращает его, по словам З.Фрейда в «голос, требующий изменения нашей культуры» (6, с.148-169).

Видимо, сверхзадача психотехники - помощь человеку в сохранении его психического мира в гармоничном балансе двойственной природы человека, развитие тонкого слоя его индивидуального бытия. Соответственно гуманистическая, цивилизованная функция психологии в создании и использование таких техник воздействия и взаимодействия с сознанием, которые помогли бы приближаться к разрешению этой задачи.

Рассматривая концепцию инструментального реализма Д. Айди, О. Столярова отмечает что проблема человеческого самопонимания в современном мире становится проблемой понимания принципов действия того или иного механизма. Однако, как считает Айди, это не дает оснований для позитивных или негативных оценок процесса технологической детерминации, но лишь указывает на инвариант интенциональной вовлеченности исторического субъекта в культуру. Интерпретация «через» технологию оформляется на пути экзистенциальной практики, так как любой артефакт (инструмент) есть то, что он есть только в контексте своего использования, и тем самым он отнесен к универсальным императивам жизненного мира к его микро- и макроперцептивным уровням (7,133).

Литература:

1. Андреев, И.Л. Осторожно с «часами истории» (Методологические проблемы цивилизованного процесса) [Текст] /И.Л. Андреев // Вопросы философии. - 1998. - № 9.- С.38-55
- 2.Василюк, Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса [Текст] / Ф. Е. Василюк //Вопросы психологии. – 1996.- № 6. - С 25-40
- 3.Олешкевич, В.И. Рождение новой психотехнической культуры [Текст] /В.И.Олешкевич. – М: 1997.- 174 с.
- 4.Орлов, Ю.М. Структура и закономерности поведения. [Текст] / Ю.М. Орлов. - М: Импринт, 1994
- 5.Орлов, Ю.М. Личность и индивидуальностью [Текст] / Ю.М. Орлов. - М: Импритинг-Гольфстрим, 1997
- 6.Романов, И.Ю. Анализ прерванный и непрерывный [Текст] / И.Ю. Романов //Психоанализ в развитии: Сб. переводов.- Екатеринбург, 1998. - С.148-169
- 7.Столярова, О.Е. Инструментальный реализм Д.Айди [Текст] / О.Е.Столярова //История философии. - Вып. 5. - М.: ИФ РАН, 2000. - С. 113-136

Репродуктивное поведение и культура

Репродуктивное поведение - это система социально и психологически обусловленных действий и отношений, направленных на рождение детей или на ограничение их числа, включая полный отказ от них (принятие решения о рождении/нерождении ребенка, потребности, установки, мотивы, мнения, психологические состояния, связанные с рождением детей и применением контрацепции). Модель репродуктивного поведения, господствовавшая большую часть истории человечества в разных общественно-экономических формациях, в XX веке кардинально изменилась во всех развитых странах, а в XXI веке к этой же модели придут, видимо, все страны без исключения.

Теории детерминации рождаемости называют разные причины, влияющие на репродуктивное поведение в общем контексте изменения образа жизни общества. Так, еще в XIX в. доказанный «парадокс обратной связи между материальными условиями и рождаемостью» до сих пор противоречит установкам большинства людей, полагающих, чтобы стимулировать рождаемость, необходимо и достаточно лишь улучшить условия жизни. Вообще репродуктивное поведение мыслится многими исследованиями в экономических категориях. «Экономика рождаемости», основы которой сформулированы Г.Беккером, рассматривает ребенка как «товар длительного пользования», но товар, требующих значительных инвестиций. Дети доставляют удовольствие родителям – таково их «назначение», но за удовольствие надо платить, и при возрастающих требованиях к социализации детей платить все больше. И общество в целом, и семья встают перед выбором между количеством и качеством "человеческого капитала".

Теория демографического перехода также связывает тип воспроизводства населения с социально-экономическими условиями. Большую часть истории человечества господствовал патриархальный тип воспроизводства населения с высокими уровнями смертности и рождаемости, которая едва превышает смертность, и с социальными нормами, поощрявшими высокую рождаемость. При улучшении условий жизни смертность снижается, а рождаемость некоторое время остается высокой вследствие медленного изменения норм и традиций, регулирующих семейную жизнь. Но постепенно и рождаемость снижается, что приводит нулевой отметке естественный прирост населения. Для постпереходной четвертой фазы, наступившей во всех экономически развитых странах, характерны стабилизация рождаемости и смертности на низком уровне, прекращение роста насе-

ления. Дж. Колдуэлл ввел понятие межпоколенного потока экономических благ: в примитивном и традиционном обществах этот поток шел от младших к старшим (дети как помощники и гаранты обеспеченной старости) и экономически рациональной являлась максимизация числа детей; в современном обществе поток развернулся в обратную сторону (дети как источник затрат), что сделало наиболее выгодной полную бездетность, которой пока еще препятствуют ряд социальных, психологических и физиологических факторов. Экономическая полезность ребенка в аграрных обществах как работника и помощника в индустриальном обществе уступает место удовлетворению эмоциональных потребностей родителей, для чего бывает достаточно одного ребенка. Колдуэлл сделал вывод, что традиционный способ воспроизводства населения в странах третьего мира разрушается не столько "модернизацией", сколько "вестернизацией" - приобщением к западному образу жизни со всеми его атрибутами: образованием, женской эмансипацией, средствами массовой информации, ценностями и стереотипами поведения.

В зарубежных публикациях рассматриваются основные теории детерминации репродуктивного поведения. L.Newson, T.Postems, S.E.G.Lea, P.Weably [5] выделяют теории репродуктивного поведения, подчеркивающие роль социального контроля в этой сфере (в т.ч. норм той социальной сети, к которой принадлежит человек), важность влияния ближайшего и дальнего окружения. Теория подражания (Boyd & Richerson, 1985) утверждает, что человек стремится к достижению престижной позиции. Если в традиционном обществе престиж был связан с большим числом детей, то в современном достижению позиции высокостатусной позиции требует длительного обучения и откладывает деторождение. Теория родственных влияний [5] предполагает, что изменение социальной сети (круга общения) в сторону уменьшения родственных связей должно вести к снижению рождаемости. Современные нормы действуют в сторону уменьшения размера семьи, что позволяет родителям больше инвестировать в образование каждого ребенка и в свой собственный комфорт. Влияние родственной сети – фактор, обеспечивающий рождаемость, и без него социальные нормы приняли бы совсем антинаталистский характер, ведь требования общества, чьи ценности лежат во внесемейной сфере, ставят под сомнение деторождение вообще.

А.Г.Вишневский [10] полагает, что многорождаемость была почти неизбежной, а вот многодетность никогда не являлась желанной в России. В настоящее же время «прежний малоподвижный брак, представлявший собой нечто вроде жесткого футляра, в который раз и навсегда втиснута личная жизнь каж-

дого, перестает удовлетворять человека, с детства привыкающего к разнообразию и динамизму современных городских обществ», и такие тенденции, как рост доли нерегистрируемых браков, разводов, повторных, вынужденных браков, рост среднего возраста брачности и материнства, рост доли внебрачных рождений - естественное и неизбежное явление. Роль ценностной компоненты подчеркнута отечественным демографом Л.Е.Дарским. При ограниченности времени и материальных средств семья вынуждена выбирать, какие потребности и в какой мере она может удовлетворить, исходя из своих возможностей и на основе ценностной шкалы, осваиваемой индивидом в процессе социализации. Семья сопоставляет желание иметь еще одного ребенка с теми благами, которые она может потерять. Желание иметь детей, по мнению Дарского, не является потребностью как таковой, дети - лишь одно из средств удовлетворения потребностей в родительстве, в достижении определенного статуса и т.п.

Приверженцы модернизационной парадигмы считают традиционную семью отмирающей. Так, автор концепции исторических типов семейных отношений С.И.Голод [11] называет современный тип семьи «супружеским», характеризующимся ослаблением зависимости детей от родителей и жены от мужа.

Критики теории демографического перехода отмечают следующее. Само слово «переход» предполагает, что осуществляется благополучный переход от чего-то к чему-то, что является закономерным финалом, что у этого переходного пути есть конечная цель. Такой конечной целью могла бы стать стабилизация населения на определенном уровне, однако этого не происходит. Теория перехода рассматривает семейно-демографические изменения как показатель позитивного развития социальных процессов, в частности – как показатель перехода от «традиционной» к «современной семье». Планка, ниже которой, казалось бы, показатели рождаемости не могут опуститься, все снижается.

Теория институционального кризиса семьи была выдвинута П.Сорокиным еще в 1916 г. Массовое распространение однополой семьи, спад регистрируемой брачности и рост сожительства, непрерывный подъем разводимости, депривация родителей и детей, расширение неполноты семьи и псевдосупружество пар – все эти явления интерпретируются как доказательства кризиса семьи.

Сторонники школы научного фамилизма (В.А.Борисов, А.И.Антонов) предлагают концепцию исторического уменьшения потребности в детях, согласно которой причина сокращения рождаемости - отмирание экономической компоненты мотива-

ции деторождения и замещения ее сугубо социально-психологической компонентой: без подходящего числа детей индивид испытывает затруднения как личность. Для удовлетворения же эмоциональных потребностей родителей в конкретный момент времени достаточно только одного ребенка.

Специфические функции семьи – это рождение и воспитание детей [7]. Массовое распространение малодетной семьи ведет к росту инфантилизма, эгоизма, невосприимчивость к потребностям других, а это, в свою очередь, повышает уровень разводов, одиночества, однополых связей и т.п. – получается замкнутый круг. «Институт семьи существует не потому, что выполняет жизненно важные для существования общества функции, а потому, что вступление в брак, рождение, содержание и воспитание детей отвечают каким-то глубоко личным потребностям миллионов людей. По-видимому, именно ослабление, угасание этих личных мотивов и желаний ярче всего раскрывает кризис семьи как социального института и, в этом смысле, кризис самого общества» [7, с.110]. Однако семья остается единственным социальным институтом, обеспечивающим воспроизводство населения, а значит, нужны специальные меры для ее укрепления.

Зависимость рождаемости от ценностного компонента демонстрирует пример «бэби-бума» в США (1946-1964), после которого началось резкое падение рождаемости [13, с.38]. Экономический подъем в стране, увеличение спроса на рабочую силу и рост уровня жизни породили большие надежды на счастливое будущее детей. Сформировалась т.н. «прокреационная этика», согласно которой: 1) предпочиталось вступать в брак, а не оставаться одиноким; 2) предпочиталось быть родителем, бездетность осуждалась; 3) предпочиталось иметь более одного ребенка, т.к. люди надеялись, что дают жизнь самому богатому и образованному поколению американцев. При наличии веры «в счастливое будущее» люди решаются на рождение детей, даже если экономические условия в настоящий момент не очень благоприятны.

В социально-психологическом плане адаптация посредством рождаемости заключается: 1) в достижении интеграции с внешней средой в соответствии с ориентацией на референтные группы; 2) в достижении внутриличностной интеграции, когда при определенном числе детей индивид способен проявить свои потенциалы, достичь психологического комфорта.

Социально-психологические регуляторы репродуктивного поведения работают на трех уровнях [9,12]: на макроуровне - урбанизация, занятость женщин, эмансипация, культурные и этнические условия, экономическое развитие общества; на

уровне семьи - нормы детности, образ жизни семьи, специфика семейных отношений, отношение супругов к беременности, полу ребенка, числу детей в семье; на уровне личности - потребность в детях, репродуктивные мотивы, индивидуально-личностные свойства, ценность ребенка, психологическая готовность к родительству.

Потребность в детях — устойчивое социально-психологическое состояние индивида, обусловленное, во-первых, стремлением иметь типичное для данного общества число детей в семье и дать им не хуже типичного по качеству образование; во-вторых, чадолюбием (т.е. глубоко усвоенными установками по отношению к детям вообще), проявляющееся в том, что без наличия детей или определенного их числа индивид испытывает затруднения в самореализации себя как личности [9]. Таким образом, выделяются два плана потребности в детях: общественный (установки родителей) и индивидуальный (степень чадолюбия). Чадолюбие – результат усвоенного человеком положительного отношения к детям.

В целом репродуктивное поведение россиян в настоящее время характеризуются ориентацией на малодетную семью, повышением возраста деторождения, ростом притязаний к уровню жизни, при которых фактически любых условия жизни оцениваются как неблагоприятные для рождения детей, ростом случайных и нежеланных беременностей, числа детей-отказников; переориентацией семьи с детоцентристской на супружескую [8]. По мнению Г.Г.Филипповой [14], в современном обществе можно охарактеризовать как «потерю пути к модели» материнства, т.е. новая модель личности не включает адекватную модель материнства. В последние десятилетия изменился образ ребенка в общественном европейском сознании: он стал мыслиться как докучливое, ненужное создание, которое стараются «отодвинуть» даже чисто физически, уменьшая количество и качество телесного контакта, делая воспитание ребенка подобным технологическому процессу. Необходимые этапы развития материнской сферы зачастую оказываются свернутыми: игры в «дочки-матери» с куклой-ребенком подменяются играми с куклой-подружкой типа Барби и Братц; крайне важный этап нянчания с 6 до 10 лет для многих девочек вообще выпадает в силу распространенности однодетной семьи. Г.Г.Филиппова отмечает, что отношение к беременности у современных девушек оказывается таким же, как отношение к СПИДу: как к болезни, которая имеет те же причины и предотвращается одними средствами!

В англоязычной литературе есть исследования, посвященные феномену child-free. Уже четверть века исследователи ка-

саются темы стигматизации (клеймения) добровольной бездетности, доказывая, что образ жизни child-free вполне приемлем и не является девиацией [2]. D.Mollen [4] анализирует причины добровольной бездетности и формы ее осуждения. Поднимаются вопросы психологической поддержки CF: как помочь CF-женщинам сформировать позитивную гендерную идентичность вне контекста материнства, которое считалось основой женственности на протяжении всей человеческой истории [1], как исправить негативный образ бездетной женщины как лишенной многих радостей [3], как добиться автономии женщины в принятии решений о рождении ребенка в условиях «пронаталистского режима» [6]. В последнее время движение стало распространяться и в России, причем отличается демонстративно-агрессивным отношением к семьям с детьми.

Модель репродуктивного поведения в современной России претерпела коренные изменения. Демографы признают неизбежность постепенного уменьшения числа детей в семье во всех странах мира. Однако в России последствия могут быть катастрофическими: экономические (сокращение числа трудоспособного населения), психологическими (рост одиночества, повсеместное распространение неполных семей, что неизбежно наносит ущерб психологическому здоровью), политическими (сокращение числа коренного населения, рост миграции, обострение межнациональных проблем). Без специальных мер по изменению ценностных ориентаций населения депопуляция станет проблемой, угрожающей национальной безопасности России.

Литература:

1. Gillespie R. Childfree and feminine: Understanding the gender identity of voluntarily childless women // *Gender & Society*. - Vol 17(1), Feb, 2003. - pp. 122-136.
2. Hoffman S.R., Levant R. F. A comparison of childfree and child-anticipated married couples // *Family Relations*. - Vol 34(2), Apr, 1985. - pp. 197-203.
3. Letherby G. Childless and bereft?: Stereotypes and realities in relation to 'voluntary' and 'involuntary' childlessness and womanhood // *Sociological Inquiry*. - Vol 72(1), Win, 2002. - pp. 7-20.
4. Mollen D. Voluntarily Childfree Women: Experiences and Counseling Considerations // *Journal of Mental Health Counseling*. - Vol 28(3), Jul, 2006. - pp. 269-284.
5. Newson L., Postems T., Lea S.E.G., Weably P. Why Are Modern Families Small? Toward an Evolutionary and Cultural Explanation for the Demographic Transition / *Personality and Social Psychology Review*. - 2005, Vol. 9, No. 4. - pp. 360-375.
6. Tietjens M.D. The rush to motherhood—Pronatalist discourse and women's autonomy // *Signs*. - Vol 26(3), Spr, 2001. - pp. 735-773.

7. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: 1996.
8. Белогай К.Н. Уровни регуляции репродуктивного поведения // Перинатальная психология и психология родительства. -2008, № 1. - с.3-17.
9. Бойко В.В. Рождаемость: социально-психологические аспекты. - М.: Мысль, 1985
10. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России. М.: Новое изд-во, 2006
11. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / Социологические исследования. – 2008. - №1. – с. 10-14. URL:<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2008/11/01/0000325061/golod.pdf>
12. Овчарова Р.В. Психология родительства. – М.: ИЦ Академия, 2005.
13. Рамих В.А. Материнство и культура. Философско-культурологический анализ. - Ростов-н-Д.: Изд.центр ДГТУ, 1997.
14. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002.

Обухов В.Л.

Соотношение культуры и цивилизации

Отношение между культурой и цивилизацией существенно определяет характер эпохи и потому постоянно привлекает к себе внимание. Известно, что культура – латинское слово, первоначально означающее возделывание, обработку. Постепенно оно стало применяться и в педагогике, где возникала необходимость возделывания, обработки молодых душ. У язычников материальное и духовное, земное и небесное, как правило, тесно переплетаются и не существуют друг без друга. Отсюда двуединство понятия “культура”, восходящего своими корнями и к слову, означающему «возделывание», “обработка”, и к понятию “культ”, как почитание, и «аура», как свет, сияние, блеск. (Отсюда слово аурум, что означает золото. Но в слове «культура» аура имеет не материальное (золото), а религиозно-мистическое значение: не случайно нимб над головами святынь также принято называть аурой). Многие ученые, особенно религиозной ориентации, считают, что древнейшим истоком различных типов культур являются особенности первоначальных религиозных верований. Таким образом, культуре изначально присущи и материальная и духовная компоненты, она устремляется и к небу, /культ/ и к земле /обработка/.

Слово цивилизация также имеет латинское происхождение, первоначально означающее огораживание, город. По сути первым цивилизованным человеком был библейский Каин, который огородил свой участок и заявил: «Это мое!».

Соотносимое с культурой понятие “цивилизация” может рассматриваться в широком и узком смысле слова. В широком

смысле, когда оно понимается как синоним понятия “культура”, а в узком - как специфическая фаза в развитии культуры, когда начинают преобладать материальные и рациональные /организационно-технические/ ее компоненты.

Из сказанного вытекают следующие определения культуры и цивилизации. Культура – исторически сложившаяся система ценностно-эмоциональных отношений человека с окружающим миром, с другими людьми и с самим собой, а также результаты этих отношений в виде материальных и духовных ценностей и внутренних качеств человека. Такое понятие культуры делает его применимым как к древним обществам, так и к современным. Цивилизация – состояние, элемент культуры, обусловленный уровнем научно-технических структур в обществе и рационально-психологических образований в духовном мире человека.

Принято считать, что первым в Новое время слово «цивилизация» употребил маркиз де В.Р. Мирабо в своем известном трактате «Друг законов» (1757). По его определению, «цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития». Понятие «культура» в современном его значении было введено И.Г.Гердером в книге «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791). Если в Древнем Риме культура понималась как дополнительное слово – культура земледелия, культура ведения судебного процесса, то Гердер придал этому понятию самостоятельное значение. Отмечая двойственность этого понятия, характеризующего и воспитание человеческого рода, и генетический процесс, Гердер писал: «Мы можем как угодно назвать этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его культурой, то есть возделыванием почвы, а можем вспомнить образ света и назвать просвещением, тогда цепь культуры и света протянется до самых краев земли».

Двойственность понятия “культура”, как и двойственность понятия “цивилизация” предопределяют непростой характер их взаимоотношений. В связи с этим важно рассмотреть социальные и психологические особенности взаимодействия человека и общества с Природой, когда: а/культура и цивилизация понимались как тождество; б/цивилизация рассматривалась как часть культуры; в/цивилизация стала пониматься как противоположность культуры.

В земледельческую цивилизацию Природа занимала значительное место в повседневной жизни людей. Она определяла их образ жизни, отражалась во внутреннем, духовном строе отдельного человека, развивая в нем непосредственно-

эмоциональные и творческие качества, созвучные природному многообразию. В данный длительный исторический период, ориентирующийся на непосредственную связь с Природой, понятия культуры и цивилизации воспринимались как тождественные, как синонимы. Не случайно мы как синонимы употребляем выражения типа: “Древнеегипетская культура” и “Древнеегипетская цивилизация”. Близость, нераздельность человека с природой обуславливала и нераздельность терминов “культура” и “цивилизация”. Здесь можно обратить внимание только на одно отличие: цивилизация – это то, что гибнет, а культура – то, что остается. Так, древнеегипетской цивилизации уже нет, но древнеегипетская культура продолжает свое существование.

Помимо отношения тождества, культура и цивилизация включают и моменты различия. Цивилизация понимается как часть культуры, а именно как научно-техническая составляющая ее. В этом случае культуру следует определить как душу народа, а цивилизацию – как его гардероб. Не случайно Ф.М.Достоевский, стоя на позиции почвенничества, указывал на возможность использования цивилизационных новинок других народов, но недопустимость использования чужой культуры ³.

Развитие человечества, переход его к промышленной, а затем и технотронной цивилизации сопровождалось возрастанием трещины между культурой и цивилизацией, доходящей в наши дни чуть ли не до открытого антагонизма между ними.

“Первый звоночек” прозвучал еще в середине 18 столетия, когда Ж.-Ж.Руссо обратил внимание мировой общественности на тот факт, что цивилизационный прогресс не сопровождается прогрессом нравственным. “Второй звоночек”, символизирующий нарастающее неблагополучие во взаимоотношении культуры и цивилизации, прозвучал во второй половине 19 - начале 20 столетия, когда уже целая когорта философов /А.Шопенгауэр, Ф.Ницше, О.Шпенглер, Н.А.Бердяев и др./ забила тревогу по поводу существующих и возможных последствий цивилизационного развития.

“Третий звоночек”, услышанный уже всем человечеством, прозвучал в наши дни. 20 век - век двух мировых войн, социальных и научно-технической революций - кардинально изменил лицо нашей планеты, образ жизни и мысли людей, а тем самым и весь характер культуры. Еще более интенсивно продолжают развиваться наука и техника. Пока технические достижения находились на стадии эксперимента, их влияние на общественную жизнь было минимальным. Положение существенно изменилось к середине, а особенно к концу 20 века, когда результаты всех научно-технических открытий получили широкое

распространение и вошли в повседневную жизнь большого количества людей.

Материально-техническая и научно-организационная компоненты культуры стали быстро прогрессировать и превратились в важнейший фактор социального развития, обозначаемый как “современная научно-техническая революция”. В результате этого базовая духовно-органическая культура стала притесняться и вытесняться рационально-технической и компьютерной культурой, что стало сказываться на деформации человеческой психики и поведения.

Важно понять последствия такого развития цивилизации, которое ведет, с одной стороны, к новому повышению качества и комфортных условий жизни, а с другой стороны, - к новым потерям: к экологическим и культурным кризисам, к деформации духовного мира человека.

Именно потому, что цивилизация вырвалась из органического вписания в культуру, став даже к ней в оппозицию, мы имеем дело с целым букетом глобальных проблем, одной из важнейших, если не самой важной из которых является экологическая проблема.

Никакая культура не может нормально функционировать без цивилизационной составляющей, являющейся ее, культуры, материальной основой. Но почему вдруг цивилизация начинает приобретать самодовлеющее значение и начинает снисходительно и с пренебрежением относиться к культуре, ее породившей? В давлении, оказываемом цивилизацией на культуру, каждый может легко убедиться, включив телевидение, где любая художественная программа может быть беспцеремонно прервана для рекламы очередной цивилизационной новинки. И культура перед таким натиском цивилизации оказывается совершенно беззащитной. Как такое могло случиться, что цивилизация, являющаяся необходимым этапом в развитии культуры, ее неотъемлемой частью, могла себя противопоставить культуре и даже поставить под сомнения возможность ее дальнейшего существования?

Вопрос этот давно уже стоит перед человечеством, и к нему вновь и вновь возвращаются духовные интеллектуалы. Еще А.Бергсон обратил внимание на то, что если культура - сфера интуитивного, то цивилизация - рационального.

Действительно, культура - это область эмоционального, цивилизация же - прежде всего рационального. Культура это, прежде всего, область духа, и не случайно три высшие выражения человеческого духа - религия, искусство и философия - принадлежат безраздельно культуре. Цивилизация же - прежде всего материально-техническая составляющая. Не случайно поэтому

некоторые авторы определяют культуру как душу нации, а цивилизацию – как ее гардероб. Правда, к цивилизации относятся и наука, но она с Ф.Бэкона понимается как сила, позволяющая человеку переделать мир, в том числе окружающую природу, для максимального удовлетворения собственных нужд. Техника в этом ключе понимается как материализованная, продолженная наука, реализующая, воплощающая научные предначертания.

Н.А.Бердяев, размышляя о противоречии между культурой и цивилизацией, заметил, что культура скромна и застенчива, а цивилизация нагла и бесцеремонна. Кроме того, культура укоренена в первобытности, она несет в себе весь предшествующий опыт, стараясь ничего не отбросить и не забыть. Цивилизация, напротив, кичится своей непохожестью на предыдущие формы и эту свою непохожесть, прежде всего, выпячивает (здесь для подтверждения опять-таки полезно послушать любую рекламу).

Итак, культура - это область всестороннего, а цивилизация - одностороннего. Культура всесторонняя, целостна как по своим методам, способам освоения мира (не только рациональный, но и художественно-образный, эмоциональный, интуитивный, иррациональный), так и по своему содержанию, по своей насыщенности, бережному отношению ко всем предшествующим достижениям. Именно поэтому мы разделяем беспокойство многих ученых по поводу динамической односторонности цивилизационных усилий, которые много бед могут принести и уже приносят человечеству (военная угроза, экологическая угроза и т.д.).

Диалог вместо насилия, предлагаемый сейчас во взаимоотношениях между культурой и природой, должен быть пространен и на взаимоотношение между культурой и цивилизацией. И по той же причине – ему нет альтернативы. Иной путь, путь усиливающейся конфронтации может дорого обойтись человечеству. А поскольку культура и цивилизация генетически связаны друг с другом, постольку мы надеемся, что между ними может установиться равноправный диалог, диалог, служащий на благо всем.

Проблема соотношения культуры и цивилизации волнует не только ученых, она «прописана» и в искусстве. И здесь весьма интересными для нас будут размышления А.С.Пушкина на эту тему. Дело в том, что, несмотря на прямое указание поэта, что в его сказках содержится важный для добрых молодцев урок, мало кто пытается этот урок выявить и осмыслить.

Какие намеки, для нас очень важные, можно найти у Пушкина в отношении проблемы соотношения культуры и цивили-

зации? Как известно, Пушкин не использовал понятие «культура», поскольку в то время оно было еще новым и вошло в русские словари лишь в 1837 году. Вместо понятий «культура» и «цивилизация» им использовались понятия «просвещение» и «разум». Тем не менее, существующую здесь проблему он чувствовал достаточно хорошо. Поэтому просвещение у него в одних случаях выступает со знаком плюс («Но полно: мрачная година протекла, / И ярче уж горит светильник просвещенья»; «Ищу вознаградить в объятиях свободы / Мятежной младостью утраченные годы / И в просвещении стать с веком наравне»), в других – со знаком минус («Судьба земли повсюду та же: / Где капля блага, там на страже / Уж просвещенье иль тиран»; «Презрев оковы просвещенья / Я волен так же, как они»). Гениальное чутье помогло ему предвидеть и описать возможные сценарии будущих типов отношения культуры и цивилизации. Таких сценариев у Пушкина мы выявили три.

Сказка о рыбаке и рыбке.

Ясно, что старуха – это не просто старуха, а выразительница каких-то сил. На наш взгляд – тех цивилизационных тенденций, которые возобладали в современной истории человечества. Ситуация с катастрофой атомной энергетики Японии очень напоминает картину процветавшей старухи, вновь оказавшейся у разбитого корыта. Ибо цель нынешней цивилизации в том и состоит, чтобы обеспечивать все более высокий уровень комфорта, богатств, власти над окружающими и самой природой. Старик же выражает собой культуру. Возникший конфликт между культурой и цивилизацией способен свергнуть человечество в первобытное состояние.

Данелия, автор культового фильма «Кин-дза-дза» (1986 г.) недавно заявил, что даже не все актеры, участвующие в этом фильме, поняли его идею. А она проста: показать, что цивилизационный прогресс не обязательно сопровождается духовным, нравственным прогрессом. И он с сожалением заметил, что его пророчество самым наглядным образом сбывается в наши дни, когда массовая погоня за цивилизационными новинками зачастую сопровождается ростом дебилизма.

Сказка о золотом петушке.

В этой сказке конфликт между культурой и цивилизацией описан еще более детально и многопланово. Человек заключает соглашение с магическими силами, которые обещают создать ему максимально комфортные условия, но в обмен могут потребовать определенную плату. Когда же человек от этой платы отказывается, он погибает. Но мало кто задумывается о той роли, которую в действительности выполняет Золотой Петушок, являющийся символом магического могущества техники. Золо-

той Петушок очень напоминает СОИ – стратегическую оборонную инициативу, на которую делают ставку США. СОИ, делая, якобы, жизнь страны более защищенной («царствуй лежа на боку»), в то же время несет и величайшие угрозы всему человечеству. То, что цивилизация несет в себе смерть культуре – эта идея станет модной на Западе лишь в конце XIX века. Шпенглер на этом сценарии и останавливается. Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не дал нам третьего, оптимистического сценария. Иными словами, в решении этой проблемы Пушкин как философ оказывается на голову выше модных западных философов.

Сказка о царе Салтане.

Здесь культура и цивилизация нашли друг друга, приходят к взаимопониманию, к подлинной гармонии, обеспечившей человеческому роду сказочно прекрасные условия существования. Очень хочется надеяться, что человечество изберет для себя третий сценарий. Во всяком случае, философы и поэты сделали все, чтобы предупредить о пагубности всех иных сценариев отношения культуры и цивилизации.

Рябухина В.В.

Проблемы этической коммуникации

В 2004 году, Анатолий Соломонович Кармин и Моисей Самойлович Каган дискутировали на тему культура и человеческой коммуникации, будучи участниками Четвертого Международного форума «Петербургская весна культуры», который я провожу каждый год. Их лекции и последующие дебаты произвели неизгладимый эффект на многих, в том числе и на меня: подобный уровень не часто услышишь. Это событие вызвало мой интерес к Петербургскому государственному университету путей сообщения, когда узнала, что Кармин преподает в этом университете. Неужели в техническом университете могут быть подобные гиганты культурологии! Таким образом, я нашла себя в ПГУПСе. И не ошиблась. Кафедра психологии и социологии, как она тогда называлась, под руководством профессора Михаила Васильевича Иванова была заполнена преподавателями, открытыми к новым веяниям, к нестандартному мышлению. Царила атмосфера дружелюбия и творчества. Это время останется в истории кафедры как прогрессивное. Кармин был по всем параметрам ученый. Человек, который интересовался многими направлениями науки, искусством, религией и просто жизнью. Поскольку по первому образованию он был математиком, его подход к культурологии очень необычен – глубокий анализ. Для меня дискуссии с ним о кибернетике, теории систем и математике во время написания диссертации были неза-

бываемо интересны. Моё видение человеческой коммуникации построено на новейших теориях коммуникации, и некоторые из них для Кармина были новым подходом к теме. Вот здесь и открылся для меня Анатолий Соломонович, не только как талантливый и образованный ученый, но и человек способный к приятию нового. Он ничего не отрицал, но изучал, познавал и через некоторое время вновь открывал мне эти теории с совершенно нового угла! Наши дебаты бывали очень бурными, иногда мы даже ссорились, но в конечном итоге приходили к консенсусу. Скучаю по этим дебатам. Горда тем, что Кармин поддерживал мои начинания, которые далеко не все в то время понимали. Не могу не восхищаться межличностной коммуникацией Анатолия Соломоновича; на кафедре с коллегами, со студентами, в дебатах и просто в жизни всегда присутствовала необыкновенная тактичность к собеседнику, никогда ни малейшей попытки поцарапать или унизить, а уж тем более выругать. То, что называется этическая коммуникация: это соединение представления о жизни, воспитания, развитости типа личности, шкалы ценностей и образования. Многие дебаты с ним привели к тому, что я стала работать над проблемами этики и этической коммуникации. Этой работой занимаюсь четыре года, верю, что по окончании внесёт свой вклад в тот дух, который выращивал Анатолий Соломонович Кармин.

В философии во все времена поднимаются два вопроса: «Что такое существование? И как мы узнаем об этом?» Первый вопрос относится к существованию, и рассматривается направлением в философии, которое называется онтология. Второй вопрос касается знания и его философское исследование называют гносеологией, или эпистемологией. Эти два вопроса являются также центральными в исследованиях морали и этики.

Рассмотрим через онтологию Поппера, восприятие того, как мир формируется. Австрийский философ Карла Поппера считает, что существует три мира: «Мир 1» - мир физических объектов или физических состояний. «Мир 2» - мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний. «Мир 3» - мир культурного наследия, (искусство, язык, этика, идеи, мораль и т.д.).

Искусство, наука и технология – результат человеческой культуры. Существуют они в "Мире 3" согласно онтологии Поппера, там же где и язык, математические и научные теории, литература, идеи и т.д. Другими словами, Мир 3 – автономный: человек экспериментирует Мир 3 через функции разума - Мир 2 и это приводит к изменениям в Мире 1. Например: интересная работа одного художника может подтолкнуть другого художника создать свои артефакты новым способом. Зритель, который

пришел посмотреть на созданный артефакт может получить эффект, который западет в память – Мир 2 и в дальнейшем каким-то образом воплотится в физическом мире - Мир 1. Онтология Поппера объясняет, где существует этика и мораль, но не объясняет, почему люди разных культур создают разные нормы поведения, а значит мораль и этика в различных культурах разная. Механизм создания этических и моральных норм можно объяснить теорией мемов.

Теория мемов родилась в 1976 году, когда Доукинс написал книгу «Эгоистичный ген», вызвавшую большой интерес в научной сфере. В этой книге он предложил единицу измерения культурного наследия, назвав ее «мем». Слово «мем» напоминает слово «ген», а также греческое слово «мимем», которое означает «подражание». Он писал: «...Мы дадим для нового копира имя существительное, которое в нашей культуре (английской, - В.Р.) означает передачу частей, в других случаях – идею подражания. Слово «мимем» имеет греческое начало, а я хочу термин, который бы звучал, как «ген». Я надеюсь, что мои друзья, которые обучались по классическим канонам, простят меня, потому что слово «мимем» я укорочу до формы «мем» (2).

В книге Доукинс много размышляет на тему генов как копиров самих себя. В конце этих размышлений он задает вопрос: «Есть ли в нашем окружении какой-либо другой аналогичный копир?», и сам же отвечает: «Есть!». В качестве копира, сравнимого с ДНК, он признал свойство человеческой коммуникации – «подражание». Мемы, или культурные гены распространяются через подражание. Подражание является типичным для взрослого человека и основным методом обучения ребенка: учась говорить, ходить и действовать он имитирует родителей. На эту тему проведено много исследований и написано много трудов. Подражание является одной из особенностей человеческого вида, в отличие от животных. Человек обучается работать и действует, когда видит, как надо это делать. Таким образом, можно сделать вывод: подражание является типичным для человека и как процесс происходит постоянно.

Согласно определению Доукинса: «Мемом может быть мелодия, идея, пословицы, модный фасон одежды, форма домов. Мемы распространяются из склада мемов одного человека к другому путем, который мы можем мудро определить как «подражание». Подобное происходит и с генами, которые передаются из одного склада генов в другой посредством семени или яйцеклетки. Ученые передают идеи, услышанные или прочитанные ими, коллегам и студентам. Если идея принимается, мы можем сказать, что распространение произошло от разума к разуму. Мой коллега Н. К. Хамфри подытожил: «Мемы должны

восприниматься живыми объектами, а не только метафорами или техническими концепциями» (2).

В качестве свидетельства признания теории или метода можно считать признание слова, обозначающего эту теорию, и включение этого слова в Оксфордский словарь. О мемах в этом словаре написано следующее: мем – элемент (вещество, материал), входящий в культуру, который передается не генетическим путем, а через подражание.

Теория о мемах, наука меметика, открыла новое понимание того, как формируется человеческое сознание, и объяснила механизмы культурной эволюции. Она нашла применение в психологии, философии и антропологии. Меметикой занимаются американский философ и лингвист Д. Деннет, американский психолог С. Блекмур, финский антрополог М. Камппинен, американский антрополог Р. Броуди, немецкий невропатолог Ю. Делиус, бельгийский биолог Л. Кабор, американский лингвист и психолог А. Линц и т. д.

Согласно Ричарду Доукинсу, Даниелю С. Деннету и Сьюзен Блэкмор, мем является подлинным копиром. Чтобы быть копиром, необходимо иметь поддерживающий механизм, делающий эту самую эволюцию, то есть соответствовать алгоритму дарвиновской теории эволюции, в которой присутствует копир, вариации (переработка), выбор и наследственность (сохранение).

Копирование является природной основой мемов.

Легенды, высказывания, скороговорки и анекдоты легко перерабатываются, передаваясь дальше. Копир самовоспроизводится в процессе подражания в виде вариации: рассказанная история или стиль архитектуры, повторяясь, слегка изменяются. Например. В Финляндии есть известный анекдот: «Шведскому королю исполняется 40 лет. Министры собрались на совещание по поводу подарка Королю. Один министр сказал: Подарим королю книгу. Другой министр, подумав немного, ответил: У него уже есть одна книга. На что первый возразил: Но король закончил ее раскрашивать на прошлой неделе.» В Советские времена в нашей стране ходил очень похожий анекдот: «Полковнику милиции исполняется 40 лет. Его сослуживцы собрались на совещание. Повестка дня – подарок полковнику. Один лейтенант предложил подарить полковнику книгу. Другой лейтенант сказал: Но у него уже есть одна книга». Кто первый создал этот анекдот?

Английский психолог Сир Фредерик Батлет, изучая пересказы людьми друг другу одной и той же истории, выявил, что человек, рассказывающий историю, всегда старается произвести эффект, делая акцент на важном для него элементе, тогда как другой человек, рассказывая ту же самую историю, делает ак-

цент на совершенно другой детали, вследствие чего, одна и та же история, рассказанная двумя разными людьми, может выглядеть по-разному. Этот факт непосредственно связан с типом личности человека, его коммуникативными инструментами, принадлежности к профессии и культуре.

В системе мемов существует выбор.

Некоторые мемы производят сильное воздействие на сознание людей, в этом случае их с удовольствием передают друг другу. Таким мемом может быть интересная легенда, хороший анекдот, рецепт вкусной пищи или коктейля, эффективный метод работы, понравившийся фасон платья и т. д. и т.п. Некоторые легенды или сплетни принимаются легко и распространяются быстро, другие же продвигаются с трудом или полностью отвергаются.

Мемы имеют наследственность.

В момент рассказа истории, мы можем сказать, что мем передается. После этого от него остается, по крайней мере, часть в сознании рассказчика. Таким образом, мемы передаются по наследству. Не случайно, практически, во всех культурах говорят: «Если хочешь что-то запомнить, повтори».

Согласно Ричарду Доукинсу, гены являются инструкциями по производству белка (протеина), и их единственная цель состоит в том, чтобы быть скопированными и переданными следующим поколением столько раз насколько это возможно. Этот процесс управляет биологической эволюцией мира.

Мемы являются инструкциями, которые управляют поведением. Они находятся в разуме человека и других местах: библиотеках, книгах, архивах, CD, DVD и т.д. и перемещаются путем подражая. Конкуренция между мемами управляет эволюцией разума. Единственная цель мемов состоит в том, чтобы быть скопированными и переданными в разум других людей столько раз насколько это возможно. И гены и мемы - копии, и должны следовать основным принципам универсальной теории эволюции. В этом случае они подобны и их соотношения аналогичны.

Мемы появились в истории развития человечества тогда, когда наши предки стали проявлять способность к имитации. С того времени два копира (репликатора) мем и ген, стали соэволюционировать. Успешные мемы изменяли «отбор окружающей среды», т.е. влияли на выбор человека относительно направления его деятельности и создания артефактов. Эти же успешные мемы поддерживали гены способные скооперироваться с ними. Сьюзен Блекмур, известный исследователь меметики, называет этот процесс «мемическим управлением». «Соэволюция мемов и генов создала человеческий мозг большого размера. Только

мозг большого размера может копировать некоторые виды мемов. Это пример общего процесса, в котором копир (репликатор) и его копировальная машина (копиратор) развиваются вместе. Человеческий мозг предназначен не только для человеческих генов, но и для копирования мемов и является устройством отбора» (1) - писала Блекмур в своей книге «The Meme Machine» в 1999 году. Наш мозг и центральная нервная система вместе производят мемы, и одновременно работают в качестве системы отбора. Мы получаем мемы через имитацию, в широком понимании этого слова. Мемы сохраняются в человеческом мозгу и активизируются во время мыслительного процесса.

Мемы, по сути дела, – информация, которая существует в каждом из Трех миров по онтологии Поппера: в «Мире 1-ом» мемы находятся в печатных изданиях, дисках, компьютере, Интернете, картинах, фотографиях, строениях и других артефактах. В «Мире 2-ом» мемы обнаруживаются в мыслях человека, его сознании. «Мир 3-ий» большей частью состоит из самих мемов – культурных генов. Некоторые ученые, занимающиеся меметикой, разделяют мемы на материальные и нематериальные. Автор, так же как и Сюзан Блекмур и Даниел Деннет, придерживается противоположного мнения: мемы нельзя разделить на материальные и нематериальные. Мемы это информация.

Мораль и Этика - результат деятельности человека. По Попперу мораль и этика находятся в Мире 3. Мир 3 рождается и развивается через эволюцию культуры, которая является продолжением и расширением биологической эволюции. Артефакты Мира 3 находятся вне времени, они имеют собственную историю. Это касается морали и этики. Согласно теории мемов, мораль и этика - комплексы мемов, которые родились в результате взаимодействия между людьми на протяжении всей истории человечества.

Основные вопросы этики: что мы должны делать, чтобы делать правильно? Какой должна быть правильная жизнь? Как мы должны относиться к другим людям? Какие вопросы должны быть приняты в рамках этических дискурсов? Что дает право действовать правильно или не правильно? Кто или что может сказать, что действие правильное или неправильное?

Этический дискурс часто бывает трудным, потому что участники употребляют термины "этика", "мораль", "ценности", "нормы", "правила", "законы" и т.д. с совершенно разным значением. Даже философы, которые дискутировали об этике почти 3000 лет тому назад, не смогли найти консенсус по терминам этики. Во всяком случае, последние десятилетия внесли кое какое общее понимание в колеблющихся значениях терминов.

Первоначально "этика" и "мораль" имели один и тот же смысл. Слово "этика" пришло из греческого языка, а "мораль" - из латыни. Даже сегодня в повседневных суждениях их смысл одинаков. Термин "этика" происходит от двух греческих слов, первое слово "этос", что означает привычки, общепринятое поведение. Второе - "этикос", имеющее более глубокий смысл, нежели привычки. Этика связана со шкалой наших ценностей. Согласно этимологии, этика состоит из внутренней и внешней части. Термин "мораль" происходит от латинского слова - "нравы", что означает "привычки". Мораль - прямой перевод слова "этикос".

Долгое время слова "этика" и "мораль" были синонимами. Поскольку исследования этики развивались, стало необходима более точная дифференциация. В последние десятилетия под словом "мораль" стали подразумевать поведение в социуме, что означает проявление этики в практической жизни.

Мораль это особенность человека. Мораль может существовать только при жизни в обществе. Это означает, что каждый человек имеет мораль, иногда она может быть бессознательной. Человек всегда контролируем моралью, хотя имеет некоторую степень свободы выбора из доступных вариантов. Выбор варианта связан с существующей культурой. Во всяком случае, если существует некоторый уровень свободы выбора, значит, человек несет ответственность за него. Соответственно, если нет никакой степени свободы для выбора, мы не можем говорить об ответственности за действия человека. Например, если бандит вваливается в вашу машину и под дулом пистолета заставляет вас вести автомобиль, нарушая все правила дорожного движения, вы не будите нести ответственность за нарушение правил. Точно так же, если вы служите в армии во времена войны, вы не несёте ответственность за убийства, которые вынуждены совершать.

Элемент, который помогает или направляет человека выбрать способ действия, называется моралью. В философии мораль означает: принципы, которым человек следует, когда действует хорошо и правильно.

Маленький ребенок не имеет морали. Его нравственные сигнальные системы не развиты до той степени, чтобы помочь ему сделать выбор действий, которые находятся в гармонии с моралью общества. Он может плеваться кашей, бросаться игрушками, кричать, драться и т.д., тем не менее, мы не можем сказать, что он ведет себя аморально. Ребёнок не должен быть наказан, но мы можем выразить наше неодобрение и поруководить его правильным моральным поведением. Одобрение или неодобрение развивает моральные сигнальной системы у ребен-

ка, и в результате он вырастит в сознательного члена общества, который будет делать правильный выбор.

Мы называем сознательную мораль этикой. Этика является ещё и исследованием морали. Мораль образует норм и оценочное суждение, которые контролируют наш выбор, решения и действия. Тогда, как этика это сознательное рассмотрение ценностей, ценностных суждений и норм. Каждый человек имеет мораль, но не все люди этичны, потому что этика есть сознательное рассмотрение морального поведения. Таким образом, этика это сознательное умственное действие, ментальный процесс функций Мира 3 - ценностей, правил и норм. Согласно Карлу Попперу функции Мира 3 созданы человеком, человеческим обществом. Это означает, что мораль и этика зависит от культуры. Передача этических знаний возможна в письменной и устной форме. Роль этики - помочь обществу сделать мораль понятной, логичной и свободной от конфликтов.

Культура - выражение деятельности человека. Часто говорят, что культура намеренный процесс человеческой активности, но если следовать Фрейдистским теориям и теории мемов, мы можем наблюдать, что причины мотивов и действий человека часто подсознательны. Подсознательная часть наших мотивов и действий необходимо перевести в сознательную часть разума. Для этого надо обучаться психологическим навыкам коммуникации и практики дискуссий по вопросам морали и этики. Когда наши мотивы становятся сознательной частью мышления, мы можем переводить их в действия. Это есть путь развития наших и морально-этических рассуждений, и разума.

Культура это социальная конструкция и она может существовать только в человеческом сообществе. Культура производит культурные наследия, творения, которые существуют в Мире 3: идеи, ценности, правила, норм и законы. Они передаются от одного человека к другому и от поколения к поколению. Методы передачи - социальное обучение, образование и распространение мемов через подражание. Мы можем говорить о двух сторонах культуры: культуры индивидуума и культуры общества. Они коммуникативные компаньоны: индивидуум имеет собственные объекты в Мире 3, но они взяты из объектов общества Мира 3. Взаимодействие между ними рекурсивно: Мир 3, который получен из объектов общества воспроизводится в Мире 3 индивидуума, который создаёт Мире 3 общества и т.д. Знание и навыки индивидуумов, частично их желания и эмоциональная жизнь являются базой этого динамического рекурсивного процесса.

Развитие коммуникационной системы привело к наводнению мемов. В то же самое время, источники мемов во все

мире находятся везде, не только внутри диапазона традиций собственной культуры. Сегодня индивидуум получает объекты культуры из всей области охвата СМИ данной культуры. Американский исследователь коммуникации и философ Герберт Маркузе писал в начале 1960 годов: «Мир превратится в глобальную деревню» (8). Это означает, что весь мир станет нашей ближайшей окрестностью.

Сегодня человек может взять мемы с потока, из совершенно случайной информации, и принять новые идеи и модели, которые и будут позже управлять его поведением. Человек в наше время находится в контакте со многими разными культурами на уровне Мира 3. Он получает мемы, не проверяя их на уровнях Мира 2, и Мира 1 своей культуры. Это означает, что они не проходят испытания ни в мире разума, ни в материальном мире. Недостаток испытаний мемов может привести ко многим искажениям в сфере морали и этики. Сегодня этот факт и является причиной противоречий и конфликтов в общей глобализирующейся мировой культуре.

Когда множество членов общества имеют одни и те же ценности, они могут стать нормами, правилами и даже законами, которые контролируют поведение и действия всех членов общества. Ценности, как и другие объекты культуры, реализуются через разум. Значит, индивидуум может перевести эти ценности в цели, что и происходит обычно очень легко.

Этика - результат деятельности человека. По Попперу этика находится в Мире 3. Мир 3 рождается и развивается через эволюцию культуры, которая является продолжением и расширением биологической эволюции (6). Артефакты Мира 3 находятся вне времени, они имеют собственную историю. Это касается и этики. Согласно теории мемов, этика - комплексы мемов, которые родились в результате взаимодействия между людьми на протяжении всей истории человечества.

Несколько лет назад американский социолог Раймонд Бомхарт опросил деловых людей, задав один вопрос: Что они подразумевают под этикой? Многие охарактеризовали это как, нечто связанное с ощущением правильности или неправильности. Некоторые считали, что это - вопрос религиозной веры. Некоторые предполагали, что этика, это соблюдение закона. Для некоторых этика это стандарты поведения, которое приняло общество. Многие из опрошенных были не в состоянии ответить на вопрос.

Большинство ответов не выдерживает критики:

- Чувство, что является правильным и неправильным, легко вводит нас в заблуждение. Ясно, что этика - не вопрос, следующий за чувствами.

- Большинство религий, конечно, защищает высоко этические стандарты. Но, все же, если бы этика была ограничена религией, то применялась бы только религиозными людьми. Но этика затрагивает поведение атеиста так же, как и верующего.

- Закон часто включает этические стандарты, под которыми подписалось большинство граждан. Но законы, как и чувства, могут отклоняться оттого, что является этическим. Соблюдать этику, не то же самое, что следовать закону.

- В любом обществе, большинство людей принимает стандарты, которые, фактически, этические. Но стандарты поведения общества тоже могут отклоняться от этики. В качестве примера вспомним Нацистскую Германию, где стандарты поведения были далеко от общепринятых человеческих этических норм. Если принять формулу «этика это то, что принимает общество», то для начала необходимо понять, что общество принимает. А так как в социуме нет согласия по многим вопросам, (аборты, смертная казнь и т.д.) то мы лишаемся возможности приравнять этику с тем, что принято в обществе. Так, что же такое этика?

Во-первых, этика базируется на истории жизни человечества, создавая стандарты того, что есть хорошо, а что плохо. Эта база и предписывает, что человек должен делать: в правах и обязанностях человека и общества. Например, этика обращается к тем стандартам, которые налагают обязательства воздерживаться от насилия, краж, убийств, нападений, клеветы и мошенничества. Этические стандарты также предписывают такие достоинства как честность, сострадание, и лояльность и стандарты, касающиеся прав: право на жизнь, право на свободу, право на секретность. Это адекватные стандарты этики, потому что они поддержаны последовательными и хорошо обоснованными причинами. Они записаны в Универсальной Декларации Прав человека ООН.

Во-вторых, этика обращается к исследованию и развитию этических стандартов. Как упомянуто выше, чувства, законы, и социальные нормы могут отклоняться оттого, что является этическим. Таким образом, необходимо постоянно исследовать стандарты, для гарантии того, что они разумны и обоснованны. Этика также предполагает непрерывное изучение наших верований и морального поведения.

В наше время поведение людей, их привычки, общение, традиции и коммуникация в целом очень разнопланова. Говорить об этической коммуникации как о стандарте поведения очень трудно. Можно говорить о стандарте этического поведения разных профессий, но они не включают весь спектр этической коммуникации. Могут только повторить, что уровень вашей

коммуникации, а тем более этической зависит от представления о жизни, воспитания, развитости типа личности, шкалы ценностей и образования.

Поскольку этика – проект культуры, выстроенный мемами, рожденными в результате взаимодействия между людьми, он должен повторяться, чтобы остаться в живых. Повторяйте, если хотите сохранить стандарты этики и этической коммуникации.

Литература:

1. Blackmore S. The Meme Machine – Oxford: Oxford University Press, 2000.
2. Dawkins R. The Selfish Gene. – Oxford: Oxford University Press, 1976.
3. Popper K.R. Eccles J. The self and its brains. – Berlin: Springer international, 1977.
4. Metaphor and thought / Ed. Andrew Ortony. – Cambridge: CUP, 1980.
5. Lynch A. Thought Contagion: How Belief Spreads Through Society. – New York: Basic Books, 1996.
6. Niiniluoto I. Maailma, minä ja kulttuuri. – Helsinki: Otava, 1990.
7. Sperber D. Epidemiology of beliefs / The Social Psychological Study of Widespread Beliefs. – N.Y: Oxford University Press, 1990.
8. Герберт Маркузе. Критическая теория общества. The Essential Marcuse - Издательство: АСТ, Астрель. Philosophy; 2011 г.
9. Кармин А. Культурология. – СПб.: Лань, 2001.

Семилуцких Д.И.

Культура в эпоху *laissez faire*

Сразу оговоримся, что экономический принцип "*laissez faire*" (букв. "позвольте действовать", фр.) мы будем рассматривать, разумеется, не как наличное положение дел в современном обществе, а как нечто, что реально воплощается только в отдельных странах первого мира, но идея чего является ориентиром (что вполне справедливо в условиях глобализации) для большинства современных государств. Грубо говоря, речь идет о либерализации, демократизации экономики, политики и прочих сфер человеческой жизни - где-то в качестве идеи и далекой цели, где-то в качестве реальных, объективных тенденций.

В контексте вопроса о статусе культуры в такого рода обществах, обо всем этом не имеет смысла рассуждать без рассмотрения контрастных им "политических меньшинств", не разделяющих подобные идеалы. Такими меньшинствами являются некоторые страны Азии и Африки - Китай как один из наиболее ярких примеров. Итак, статус культуры в современном западном (в широком смысле) обществе "*победившего laissez faire*", как основного пути достижения благосостояния, будет рассмотрен с помощью его сравнения с обществом где, по крайней мере, номинально, господствует идеалы "*малого благоденствия*" (офи-

циальное название направления политики КПК) и "социализма с китайской спецификой".

Культура, по своей сути, есть не что иное, как система ценностных, нормативных установок, призванных регулировать общественные отношения, ограничивать естественный человеческий произвол. Культура, будучи воплощением накопленного предшествующего опыта, есть некая не подвергаемая рефлексии форма организации жизни. С возникновением государственной организации общества и, далее, права, культура утрачивает монополию на установление и регулирование отношений в социуме, однако, до определенного момента остается неоспоримым, не требующим доказательств условием идентичности, которая могла быть (что очень важно) вполне четко зафиксирована. Точно установить этот определенный момент, когда границы культурной идентичности стали постепенно размываться, довольно проблематично и не особенно принципиально, однако, он очевидным образом связан с усилением глобализационных процессов. Итак, культура теряет свои первоначальные функции организации и второстепенные функции идентификации и человечество стало ощущать это очень остро, что выразилось, например, в искусственном создании национальной атрибутики (наиболее популярный пример - создание килтов шотландцами). Несколько перефразируя мысль Фуко это можно прокомментировать и обосновать следующим образом: управление перестает мыслиться в категориях легитимного и нелегитимного и начинает мыслиться в категориях успешного и неуспешного, разумеется, в первую очередь, экономически.

Культура, оставаясь, как мы видим, довольно значимой ценностью для западного человека, болезненно переживающего процесс утраты своей идентичности, одновременно становится чем-то декоративным, теряет свою функциональность. В то же время, культура остается для обыденного сознания источником представлений о социальном благе. Сочетание этих трех пунктов порождает огромное поле интерпретаций и манипуляций, выгодных тем или иным субъектам управления. Это, порой, принимает самые невероятные формы. Наиболее ярким примером результата такого манипулирования является, несомненно, нацистский режим Третьего Рейха. Ведь, скажем, холокост не был просто слепым актом жестокости. Эта операция просто не была бы возможна без игры на национальных чувствах народа, без четкого обоснования ее необходимости с отсылками на культурный контекст, из которого, пусть и искусственно, но выводится представление о величии германской нации, без определенного националистического моралите, главными персона-

жами которого были страдающий Volk, чужеродный негодяй и одинокий герой.

Как бы странно это ни звучало, но природа жизнеспособности социализма с китайской спецификой совершенно идентична и имеет те же корни: во-первых, тоска по культурным истокам (которые, к тому же, еще не так сильно забыты), во-вторых, как минимум подсознательное черпание представлений о благе еще из конфуцианских традиций, которое (и это в-третьих) держится лишь на голом энтузиазме (не без разъяснительных бесед со стороны партии, конечно) обычного, среднестатистического китаецца, что в совокупности дает возможность партии вести свой народ к светлому будущему, сохраняя его среднюю зарплату в рамках двух тысяч юаней. Сюда же, конечно, относится и менталитет, неотчуждаемой частью которого является покорность, понимания выгоды от сотрудничества с государством, общее уважение к власти и бесконечная вера в эффективность официального курса.

Какая-либо аксиологическая оценка данного феномена не входит в задачи данных тезисов, нельзя категорично утверждать о "бездуховности" меркантильного Запада с его идеалами свободного рынка и демократии или об излишнем конформизме китайцев - сложно сказать, где жизнь мрачнее - в странах с избытком или недостатком культуры в головах людей. Тем не менее, остается открытым вопрос о возможности разумного сочетания. Чисто теоретически нам оно не представляется возможным, однако, верифицировать это можно будет лишь с течением времени.

Старшина С.В.

К вопросу о проблемах межкультурного общения

В последние двадцать пять лет произошло значительное расширение международных связей России с другими странами, причём не только на высоком политическом уровне, но и в жизни обычных людей. У россиян есть сегодня немало возможностей бывать в других странах. Ученики и студенты отправляются в другие государства на более или менее длительный срок для обучения в рамках ученического или студенческого обмена; бизнесмены едут за рубеж для заключения выгодных контрактов или для обмена опытом; туристы стремятся отдохнуть за пределами родины и посмотреть достопримечательности чужих стран и городов; кто-то едет просто в гости по приглашению своих зарубежных друзей. И наоборот - иностранцы всё чаще приезжают в Россию и нередко оказываются в наших домах в качестве гостей.

Создаётся ситуация, когда в общение вступают представители разных культур, которым необходимо понять друг друга. Но понимание между ними наступает только тогда, когда они одинаково интерпретируют используемые во время общения слова и жесты, когда они знакомы с нормами поведения в другой стране. Адекватное взаимопонимание и взаимодействие двух или более представителей разных культур определяется в научной литературе как межкультурное общение или межкультурная коммуникация. Межкультурная коммуникация является «совокупностью специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам и осознающих тот факт, что каждый из них является «другим» и каждый воспринимает «чужеродность» партнёра» [Халеева, 31].

В зависимости от сочетания различных способов, приёмов и стилей общения принято выделять три основных вида межкультурной коммуникации: вербальную коммуникацию (обмен информацией с помощью языковых средств); невербальную коммуникацию (неязыковые средства, используемые для передачи информации в процессе общения); паравербальную коммуникацию (звуковые сигналы, приносящие в устную речь дополнительные значения) (Садохин А.П.).

Знание иностранного языка для полноценного общения необходимо, но общение между людьми им не исчерпывается. Нередко случается, что человек, неплохо владеющий лексикой, грамматикой и произношением неродного для него языка, может испытывать трудности в общении, если не знаком с обычаями, традициями и нормами поведения, принятыми в другой стране. Расхождение культур считается главной причиной взаимного непонимания между иноязычными партнёрами. Каждый из них стремится рассматривать поведение иностранца, в том числе и коммуникативное, в рамках своей, а не иноязычной культуры, поскольку собственный опыт первичен при восприятии иной культуры. Отсутствие же адекватного взаимопонимания приводит к тому, что у участников общения может появиться чувство неловкости, сопровождающееся внутренним напряжением, а иногда и серьёзными психологическими переживаниями.

Как правильно приветствовать представителей другой страны? Как вести себя при первом знакомстве? Как правильно обращаться к зарубежному партнёру? Что можно принести с собой в подарок, если пригласили в гости? Как вести себя за столом? О чём можно спросить, а о чём ни в коем случае нельзя? Незнание ответов на эти и множество других вопросов

приводит человека в состояние неуверенности, нерешительности и застенчивости.

Чтобы такого не происходило, чтобы общение было эффективным и плодотворным, важно знать не только язык, но и иноязычную культуру. Учащихся, студентов, слушателей языковых курсов следует обучать сопоставительному анализу фактов культуры своей страны и страны изучаемого языка, а также развивать у них компенсаторные умения, которые впоследствии помогут им преодолеть «сбои» в коммуникации, вызванные различными социокультурными причинами.

Остановимся несколько подробнее, например, на том, что следует учитывать при общении с немцами. Начнем с ситуации приветствия. Как известно, в России приветствуют друг друга словами «Здравствуй!», «Здравствуйте!» и «Добрый день!». При этом последняя форма приветствия может звучать в любое время. Адекватное русскому «Добрый день!» немецкое «Guten Tag!» используется только в дневное время. Произнесённое утром или вечером, оно воспринимается как оговорка. В вас сразу же узнают иностранца, даже если вы хорошо говорите по-немецки. Примерно до 12 часов дня немцы желают друг другу доброго утра, с 12 до 17 часов – доброго дня, после 17 часов – доброго вечера. В обеденное время среди немецких коллег общепринятой также является форма приветствия «Mahlzeit!».

При встрече и приветствии немцы обычно используют жест рукопожатия, выражая тем самым вежливость. Протягивают руку для рукопожатия не только мужчины, как это обычно принято в России, но и женщины, и дети. Пожилая профессор Ш. вспоминала о случае, произошедшем с ней при посещении немецкой школы. Когда она с другими учителями стояла в коридоре, ей вдруг протянул руку пробежавший мимо них школьник. От неожиданности она попятилась назад, напугав тем самым ученика, который просто хотел её поприветствовать. Создалась неловкая ситуация.

Другой случай. Преподаватель, приехавшая из Германии в Санкт-Петербург учить студентов немецкому языку, случайно встретила со своим русским коллегой и его женой в театре. На следующий день она сообщила ему о том, что весь вечер переживала, поскольку при знакомстве с его женой не пожала ей руку. Коллеге пришлось её утешать, объясняя, что его жена не только не обиделась, но даже и не заметила этого, потому что в России рукопожатия между женщинами не приняты.

Обращение на «Вы» или на «ты»? В Германии, как и в России, обращение на «Вы» свидетельствует о вежливости и употребляется при обращении к незнакомому и малознакомому человеку в официальной обстановке общения, а также к

старшему по возрасту и положению. Обращение на «ты» употребляется к незрелому человеку: ребёнку, подростку, школьнику; при дружеском, фамильярном, интимном отношении к человеку, а также часто по отношению к хорошо знакомому человеку в неофициальной обстановке общения. Если вам предложат называть друг друга по имени, а не по фамилии, то это почти всегда означает переход в общении друг с другом на «ты». Для русского человека, если он молод, непросто обращаться к старшему по возрасту человеку на «ты», если он находится в Германии в гостях и в семейной обстановке.

Несколько слов об обращении. Обычным обращением в немецком официальном и неофициальном речевом этикете к знакомым и незнакомым людям является Herr Neumann, Frau Neumann (господин Нойманн, госпожа Нойманн). Обращение просто по фамилии практически не употребляется, потому что это звучит довольно грубо. В качестве обращения к очень хорошо знакомым, близким людям, как уже говорилось выше, независимо от их возраста, используются личные имена. Как правило, употребляется полная форма имени человека: Walter, Gisela. Сокращённые формы имени употребляются в немецком языке очень редко и только в кругу самых близких людей. Как известно, русские, чтобы выразить свою любовь и доброе отношение к человеку, очень часто присоединяют к имени уменьшительно-ласкательные суффиксы: Машенька, Ванечка, Ни́колушка и т.п. В немецком языке уменьшительно-ласкательные суффиксы тоже есть, но следует помнить, что они передают не только значение любви и ласки, но также и значение иронии и пренебрежения, поэтому употребления таких форм следует избегать.

Как уже отмечалось выше, общение между людьми не исчерпывается знанием только языка, который является хотя и главным, но не единственным средством общения.

Древнейшим средством общения является жест. В целом немцы жестикулируют в разговоре меньше, чем русские. Тем не менее, незнание языка жестов представителей немецкоязычной культуры может привести к непониманию, а подчас и к недоразумению, так как у русских и немцев есть как жесты одинаковые по заключённому в них смыслу, так и жесты, иногда сильно отличающиеся по своему содержанию.

Начнём с тех жестов, форма и содержание которых в русском и немецком языках полностью или почти полностью совпадают. Так, пожимание плечами выражает недоумение или незнание, покачивание головой является знаком неодобрения, отрицания, отказа. Сморщить нос – значит выразить недовольство или презрение, а потирание рук означает

удовольствие или удовлетворение хорошо сделанным делом. И русские, и немцы хватаются за голову, когда у них что-то не получается или когда они впадают в отчаяние; стучат кулаком по столу, выражая недовольство и гнев; поглаживают по голове, если необходимо кого-то утешить.

И мы, и они грозим пальцем, если хотим с угрозой предупредить о чём-либо. Но форма жеста в данном случае не совпадает. У русских – палец ребром к собеседнику, а немцы поднимают руку на уровень лица, палец повернут ногтем к собеседнику и движется параллельно телу (Мальцева Д.Г., С.266).

Бывает и так, что форма жеста одинаковая, а содержание жеста разное. Так, у русских поднятый вверх большой палец сложенной в кулак руки выражает одобрение, а немец при помощи этого жеста останавливает такси или попутную машину.

Вместе с тем, одно и то же содержание в русском и немецком языках может передаваться разными жестами. Например, чтобы выразить желание ответить на поставленный учителем вопрос, русский школьник или студент поднимает вверх руку, а немецкий – указательный палец. При счёте на пальцах русский ребёнок сгибает пальцы, начиная с мизинца, а немецкий – разгибает, начиная с большого пальца.

Есть в немецком коммуникативном поведении и жесты, которые отсутствуют в русском языке. Например, стук костяшками пальцев по столу означает то, что студентам понравилась только что прослушанная лекция преподавателя вуза.

Итак, межкультурная коммуникация является специфической формой деятельности, которая предполагает не только знание иностранного языка, но и культуры другого народа, а также умение соотносить своё и чужое, уважение к представителям иной культуры, стремление понять их.

Литература:

1. Мальцева, Д.Г. Германия: страна и язык. *Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь.* – 2-е изд., испр. и доп. / Д.Г. Мальцева. – М.: Издательство «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 416 с.
2. Садохин, А.П. Введение в межкультурную коммуникацию / А.П. Садохин. – М.: «Высшая школа», 2005. – 310 с.
3. Халеева, И.И. О тендерных подходах к теории обучения языкам и культурам / И.И. Халеева. – М.: Известия Российской академии образования. – 2000. - №1. – С. 29 – 36.
4. Соколова, Х.Р. Речевой этикет. Русско-немецкие соответствия. Справочник. – 2-е изд., испр. и доп. / Н.И.Формановская, Х.Р. Соколова. – М.: Высшая школа, 1992. – 95с.

Опыт религиозных исканий российской интеллигенции на рубеже XX-XXI вв.

Обсуждение темы религиозных исканий российской интеллигенции имеет в отечественном общественном сознании вековую историю. Александр Блок в статье «Религиозные искания и народ» в 1907 году критиковал ту интеллигенцию, которая «сгноила себя – свою мускулатуру, свою волю – на религиозных собраниях». Забыв о том, что «за дверями стоят нищие духом, которым нужны дела», «интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе, многдумные философы» разрушали народную веру. «...лучше бы ничем не интересовались и никаких «религиозных» сомнений не знали, если не умеют молчать и так смертельно любят соборно посплетничать о Христе».[1, 8-10] Проблема религиозного мировоззрения интеллигенции была одной из основных в «Вехах» и околорубежовской литературе. В Анти-вехах (сборник «Интеллигенция в России», 1910 г.) кадетские и околкадетские авторы доказывали, что обвинения интеллигенции в атеизме необоснованны. П.Н. Милуков пытался научно обосновать снижение религиозности интеллигенции, подчеркивая, что она по-прежнему придерживается тезиса о первенстве духовной жизни.

Религиозные искания интеллигенции начала XX века проходили в русле «церковного революционизма». Это отмечал С.Н. Булгаков. Современные исследователи зачастую дают более резкую оценку отношению интеллигенции к религии: «сановно-масонская традиция «безбожия» русской интеллигенции». [5, 75] В. Думный говорит о христиански незрелом сознании интеллигенции. Этим он объясняет распространение «интеллектуального фанатизма невиданного накала, который повлек за собой откат к архаичным – манихейским по своей сути – нравственным представлениям». Интеллигенцию объединило фанатичное служение марксистским идеям. Сознание русской интеллигенции при её массовом повороте к марксизму было выстроено по «традиционалистски-синкретичному принципу». Сочетание готовности к жертвенному самоуничтожению во имя народа и крайней формы социально-исторической гордыни В. Думный называет психосоциальным парадоксом.

Отношение интеллигенции к церкви как социальному институту было менее противоречивым, чем их религиозное мировоззрение. Поскольку православная церковь на начало XX века не была отделена от государства и в ней практически отсутствовали организованные диссидентские группы, русская

прогрессистская интеллигенция, причем не только левая, но и либеральная, воспринимала православную церковь как нечто однородно реакционное. Характерно, что в ходе Первой русской революции и революционных событий 1917 года в России интеллигенция не продуцировала сильных левых христианских движений. Были отдельные люди и группы, стоявшие на левых христианских позициях, но сильных движений не было. Настроения интеллигенции и значительной части масс, которые сталкивались с православием в лице церкви (представителя государства), в 1917 году органично соединились с антиклерикальным пафосом левого движения. Но данное единство умонастроений в отношении религии было кратковременным.

С установлением советской власти интеллигенция, перешедшая на службу режиму, демонстрировала атеистическое мировоззрение, способствовала его распространению в общественном сознании. Хотя качество и масштабность подобной работы нельзя преувеличивать. В еженедельных сводках ОГПУ (а затем НКВД) о политических настроениях населения очень часто встречались подобные описания: «...учительство на 70% не соответствует своему назначению, как не усвоившее методов преподавания в единой трудовой школе... и по социальному положению: дочери попов и помещиков, которые почти не принимают участия в общественно-политической и просветительской работе, чаще ходят в церковь, чем на собрания» [3]. Активность педагогической интеллигенции в Союзе Безбожников была ниже, чем в других культурно-просветительских обществах. В частности, в Псковском округе в 1930 г. только 6% учителей являлись членами Союза, в то время как в других государственных компаниях участвовало до 70% просвещенцев. Усиление антирелигиозной работы интеллигенции к концу 1930-х годов было обусловлено притоком новых советских кадров и угрозой увольнения в случае отказа вести атеистическую пропаганду.

В послевоенный период в Советском Союзе интеллигенция участвовала в комплексной программе коммунистической пропаганды, в которой атеистический блок был одним из составляющих элементов. В современном интеллигентоведении рассматривается вопрос о масштабах и качестве участия интеллигенции в коммунистической пропаганде. Советская общественная наука явно преувеличивала рост сознательности интеллигенции и доказывала начало слияния с рабочими и колхозниками (схема «2+1») в единый «советский народ». В научных публикациях приводились цифры количественного

роста численности коммунистов в системе образования: в 1957 г. 340 тыс. коммунистов работало в школе, в 1967 г. – 618 тыс., в 1977 г. – 655 тыс..[4, 126] Но на фоне численного увеличения самой профессиональной группы учительства доля учителей-коммунистов значительно не возросла. Кроме того, отметим, что учет велся по партийным ячейкам и в число коммунистов, работающих в школе, попадал технический, обслуживающий персонал.

Шестидесятники обращались к Церкви в ожидании встречи с русским Серебряным веком. Они пришли к Церкви, поскольку прочитали Флоренского, Бердяева, Шестова, Толстого, Достоевского, может быть – кого-то из святых отцов. Они ждали той хорошей, четкой, качественной энергетики, которую встретили у этих писателей. В целом религиозные искания для шестидесятников были эпизодичны по сравнению с поиском оптимальных социально-политических общественных моделей.

В условиях перестройки конца 1980-х - начала 1990-х годов российское общество демонстрировало высокую степень доверия к церкви, ожидая получить ответы на злободневные вопросы. Интеллигенция, активно приступившая в это время к разработке новых социально-политических и историософских концепций, часто использовало православие как одну из основных или необходимых составляющих этих концепций. В начале 1990-х годов, в условиях кризиса перестроечных идей, интеллигенция видит свою миссию в восстановлении связи времен, нарушенной затянувшимся советским экспериментом, в содействии осознанию народом себя наследником многовековой своей и всечеловеческой культуры. Как лозунг звучат строки из статьи Ф.Т. Михайлова в сборнике «Освобождение духа»: «Дело за нами. Дело за творцами культуры, дело за интеллигенцией...».[8, 56]

В течение 1990-х годов интеллигенция противопоставляла гибельному влиянию западной культуры православные традиции русской культуры. Интеллигенция и общество в целом не смогли адекватно переработать заимствованные ценности к российским реалиям. О причинах того, почему этого не происходило раньше, размышлял известный историк А.С. Лаппо-Данилевский: «...для того, чтобы подчинить православной точке зрения светские элементы чужеземной культуры... надо отличаться такой самостоятельностью мысли и располагать такими образовательными средствами, каких православно-русские книжники не имели». [6, 156] Тем более, не могли отличаться самостоятельностью мысли интеллигенты, воспитанные советской системой.

В 2000-е годы большой резонанс в интеллигентском сообществе получила проблема введения религиозного компонента в содержание светского образования. Интеллигентское сообщество не приняло единой позиции по вопросу возможности введения в российских школах «Основ православной культуры» (ОПК). Часть интеллигенции выступила против рассмотрения ОПК как необходимой составляющей духовно-нравственного воспитания школьников. Было подписано несколько открытых писем от представителей интеллигенции с призывом сохранить светское образование и не вводить ОПК в школах. Академик, нобелевский лауреат по физике Виталий Гинзбург выступил в 2004 г. против преподавания в школах ОПК: «Я являюсь атеистом и при этом убежденным сторонником свободы совести. Я сторонник того, что всякий культурный человек, чтобы стать более культурным, не должен пренебрегать религиозными ценностями. Многое и в литературе, и в искусстве не будет понятно, если не знать Библию, Коран. Эту информацию, конечно, надо дать школьнику. Но как? Нужно давать ее, не уклоняясь ни в веру, ни в безверие. Для этого есть культурология, обществоведение, история. Но ни в коем случае не основы православной культуры, что сейчас делается. Это возмутительнейшая вещь!» [2].

Правозащитники доказывали, что появление вероучительных предметов в государственной школе может расколоть общество и вызвать межконфессиональные конфликты. На протяжении 2000-х годов обсуждалась возможность введения в школах России конфессионально ориентированных предметов (православной культуры, исламоведения, основ иудаизма и т.п.) и очищенной от религии светской этики. К 2008 г. интеллигенция поддержала компромиссное предложение о введении в школах предмета, способствующего нравственному воспитанию школьников. Найденный компромисс смог хотя бы ненадолго примирить часть сторонников и противников преподавания ОПК. Одновременно он вписался в начавшуюся административную кампанию по борьбе за нравственность в стране. В данном случае найденный компромисс поддержали все сторонники сотрудничества с властью во имя стабильности и порядка [7].

К 2010-м годам обществоведы, публицисты зафиксировали снижение интереса интеллигенции к религии («...религиозное возрождение в мозгах русского интеллигента – это была нормальная путаница между библиотекой, храмом и публичным домом. И хорошо, что она закончилась» [10]). В публицистике это явление получило название «разочарование в церкви».

Часть интеллигенции обвинила другую в том, чтобы они «заигрывают» с Церковью и их убеждения далеки от истинно религиозных убеждений. Можно сказать, что интеллигенция рубежа XX-XXI вв. так же, как её предшественница столетием ранее, находилась в состоянии религиозных исканий и склонна к религиозному реформаторству. Так, например, писатель И. Яркевич, автор романов и эссе, говорил: «Религия интересует меня как игра. Это игра с религиозными мифами, отталкивание от религиозных архетипов, возможность выйти через миф на некое «вечное время»... Именно через религиозные архетипы можно подойти к вечному, сакральному времени. ...мне проще раздеться и сняться голым, чем кому-то рассказывать о моих религиозных убеждениях. На сегодняшний день и час я – экуменист. То есть я вижу и в Библии, и в буддизме одну и ту же историю... Я – религиозный космополит, который видит одно и то же сакральное время в разных религиях, выраженное в разное время разными людьми разной степени грамотности»[10]. Экуменисты хотят искусственно объединить православие, протестантизм, католицизм.

Популярность среди части интеллигенции завоевали идеи Елены Блаватской, её теософский проект для многих является идеалом религиозного синкретизма.

Со стороны представителей интеллигенции высказывались критические замечания в адрес РПЦ, в том числе, как и столетием раньше, интеллигенция не приняла моральную поддержку церковью политики власти. Так, директор Института проблем глобализации и социальных движений Б. Кагарлицкий, оценивая разработку РПЦ программы «Основы социальной концепции РПЦ», в 2008 г. отмечал, что официальная РПЦ не предлагает идею освобождения, не решает вопрос о том, как сделать бедных менее бедными. «Это сугубо моралистические оценки, которые сопутствуют существующему порядку и дают нам в лучшем случае некоторые моральные ориентиры, чтобы оценивать те или иные социальные процессы. Когда речь идет об уважении к социальным правам, это на самом деле не требование социальной реформы, а призыв к определенному поведению в рамках существующего порядка». [9] Анализ религиозных исканий интеллигенции рубежа XX-XXI вв. дает основание говорить о сохранении родовых черт российской интеллигенции.

Литература:

1. Блок А. Религиозные искания и народ/Россия и интеллигенция (1907-1918) – П., «Алконост», 1919.
2. Гинзбург В. Нам нужно постепенно сращивать науку с педагогической//Первое сентября. 20004. №14.

3. Государственный архив новой и новейшей истории Псковской области. Ф.1. Оп.1. Д.3346. Л.172; Д.460. Л.62.
4. Грищенко Г.Д. Некоторые данные к характеристике социального положения учительства/Социологические исследования интеллигенции. Сб.ст под ред. Добрыниной В.И., Козырева Ю.Н., Сбытова В.Ф.-М., ИСИ АН СССР. 1982.
5. Думный В. Люди будущего или люди без будущего? Социально-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX- XX столетий. М., МГУП, 2003.
6. Кисилев А. «Идейность задач» и «беспочвенность идей» (Георгий Федотов)//Высшее образование в России. 2003. №5. С. 152-170.
7. Круг П. Церковь плохому не научит?//Независимая газета. 3 сентября 2008.
8. Михайлов Ф.Т. Болевые точки культуры/Освобождение духа/Под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1991.
9. Мельников А. Пророк из Трира. Маркс не собирался становиться святым новой религии//Независимая газета. 2008. 20 августа.
10. Смирнов М. Несостоявшаяся встреча. Интеллектуалы разочаровались в Церкви, перепутав ее с библиотекой // Независимая газета. 10 января 2008.

Уткевич О.И.

Основной атрибут белорусской культуры

Адекватное понимание феномена белорусской культуры возможно лишь на основе признания ее в качестве неотъемлемого элемента всей общерусской культуры. Соответственно, основным атрибутом белорусской культуры является ее русский характер. Конечно, в исторических условиях включенности в состав не просто чуждого, а враждебного для него государства (Речь Посполитую) белорусский народ был вынужден совершать огромные усилия, вести постоянную борьбу (и не только мирными способами, но зачастую с помощью оружия) для того, чтобы противостоять политике насильственного окатоличивания и полонизации, и тем самым сохранить свою русскость, в том числе и русский облик своей культуры.

Необходимо отметить, что высшее дворянское сословие (шляхта) в основном оказалось неготовым к ведению этой борьбы. По различным меркантильным причинам оно предало православную веру своих предков, родной русский язык (именно этот язык был государственным на белорусских землях до включения их в состав Речи Посполитой) и стало считать себя поляками. В тех же случаях, когда представители высших сословий пытались сохранить себя в качестве русских людей, они были вынуждены эмигрировать в Российское государство. Таким образом, русский облик сохранился практически только

лишь в крестьянской среде. Вот почему в течение достаточно большого хронологического периода свое феноменологическое воплощение основной атрибут белорусской культуры получил лишь в рамках культуры народной.

Конечно, великорусская культура также во многом носила ярко выраженный крестьянский характер, но в ней существовали и иные уровни, связанные с деятельностью высших слоев русского общества. Белорусы же, до вхождения в состав Российской империи, были не только изолированы от всего остального русского народа, но и не имели возможности выйти на тот уровень культурного развития, который выдающийся русский мыслитель XIX века К. Н. Леонтьев назвал «цветущей сложностью».

Именно воздействием указанных причин можно объяснить то, что белорусская культура данного периода носила сверхконсервативный, замкнутый характер. Выстоять против чужеродного влияния она могла лишь с помощью практически полного отказа от своего развития. Осознанное неприятие всего нового, принесенного польскими оккупантами, привело большинство белорусских крестьян к неосознанно-интуитивному неприятию практически всех новшеств в культурной области. Можно смело утверждать, что в данном случае основную роль сыграл народный инстинкт. «Проследив биографию отдельного человека или историю отдельного народа, – отмечал И. Л. Солоневич, – мы можем установить некоторую сумму постоянно действующих качеств: доминанту отдельной личности; характер личности индивидуальной и дух личности коллективной. И я буду утверждать, что основным слагаемым этой доминанты является **инстинкт** – и у человека и у народа»⁴.

Такая двойная законсервированность придала белорусской культуре модус исключительной устойчивости. Конечно, устойчивость можно интерпретировать и как некую ее отсталость, недоразвитость, и во многих отношениях данная интерпретация будет верной. Однако пойдя под воздействием объективных обстоятельств на вынужденные ограничения в сфере своей культурной жизни, то есть проиграв во второстепенном, белорусский народ тем самым сумел сохранить главное: исконный русский характер своей культуры.

В заключение отметим, что в настоящее время наш народ вынужден противостоять очередным попыткам лишить его общерусского самосознания. Правда, упор теперь сделан не на окатоличивание и ополячивание, а на идею особой белорусской религии (униатства) и особой, автономной белорусской культуры, якобы никакого отношения не имеющей к русской культуре. На наш взгляд, наиболее эффективно противостоять

этим попыткам лишения белорусской культуры ее основного атрибута возможно только лишь в рамках союзного государства, объединяющего Россию и Белоруссию в единую органическую целостность.

Шевяков А. В.

Обеспечение развития социотехнических систем в контексте психологии культуры

Проблема психологического обеспечения развития социотехнических систем (СТС) распадается на ряд таких, которые касаются: 1) методологической позиции, которая описывает технический и социальный компоненты таких систем; 2) значимых психологических качеств персонала, 3) формирования и поддержания необходимого уровня работоспособности специалистов. Данные проблемы и определяют теоретическую актуальность проблемы. В методическом отношении вопрос психологического обеспечения развития социотехнических систем как правило, не исследовался. Необходимость разработки комплексного подхода к психологическому обеспечению развития СТС определяет научно-методическую актуальность проблемы. Прикладная актуальность проблемы очевидна: она касается разработки научно-практических рекомендаций относительно развития СТС.

От указанных теоретической, методической и прикладной актуальности темы вытекает цель статьи, которая заключается в том, чтобы на основе осуществления комплексного анализа функционирования социотехнических систем разработать и апробировать концепцию психологического обеспечения развития культуры производства.

Принимая во внимание существующие разработки проблемы, надо констатировать, что СТС в настоящее время недостаточно исследованы и в теоретико-методологическом, и в практически-внедренческом аспектах. Это можно объяснить тем, что они рассматривались по большей части с позиций функционирования, а не развития.

По мнению Г. П. Щедровицкого, СТС - это принципиально новые системы деятельности, которые имеют особенный компонентный состав: имеется определенная деятельность, в которой проектируются некоторые "организованности" (знаковые, материально-машинные), которые потом вовлекаются в другую деятельность, которую они тем же образом организуют и развивают, совершенствуя процессы решения проблем и обновления. Развитие таким образом является одной из определяющих черт СТС и означает мобилизацию персонала для ее качественного изменения в ходе разработки и эксплуатации.

Таким образом, была определена важная научная проблема: разработки и апробации концепции психологического обеспечения развития СТС.

Объект исследования - психологические закономерности развития социотехнических систем.

Предмет исследования - содержание психологического обеспечения развития социотехнических систем.

Согласно поставленной цели выдвинута гипотеза, определены задачи исследования, для решения которых использован соответствующий методический комплекс.

Гипотеза исследования: преодоление противоречий между общественной потребностью в развитии культуры производства и устоявшейся технократически-ориентированной системой организации деятельности специалистов возможно благодаря созданию и внедрению целостной концепции психологического обеспечения развития СТС, которая базируется на научной теории закономерностей функционирования эргатических систем Г. М. Зараковского и В. В. Павлова и должна включать такие компоненты, как: психологическое сопровождение всех субъектов производственного процесса; внедрение новейших технологий отбора специалистов; организации процесса, средств и условий их деятельности.

Определены следующие основные задачи исследования:

1. Обосновать методологические предпосылки исследования функционирования СТС и психологического обеспечения развития таких систем.
2. Осуществить анализ возможных подходов и методов психологического обеспечения развития СТС.
3. Обосновать методики оценки значимых психологических качеств персонала развивающихся СТС.
4. Научно обосновать и разработать концепцию психологического обеспечения развития СТС.
5. Разработать теоретическую модель психологического обеспечения развития СТС разных типов и экспериментально проверить ее эффективность.
6. Определить закономерности повышения работоспособности персонала социотехнических систем.
7. Обобщить результаты исследования на основе внедрения в практику работ по психологическому обеспечению развития технических социотехнических систем разного назначения.

Методы исследования: теоретические, эмпирические, формирующе-развивающие, описательной и математической статистики.

Для решения первой задачи проведен анализ этапов развития теории функционирования СТС (в частности психологиче-

ских принципов), который показал, что в последнее время появилось много работ, в которых анализируются соответствующие проблемы. При этом развитие понимается учеными как качественное изменение в узком смысле, которое сопровождается увеличением организованности системы, а также в широком понимании, которое касается вопросов функционирования техники вообще.

За последние двадцать лет появился особенный тип компьютеризованных СТС как воплощение информационных технологий. В современном теоретическом и социально-научном объяснении делается ударение на конструировании, создании искусственных объектов и систем, а также проектировании систем технических действий и взаимном сочетании этих элементов во общественные связи, то есть собственно СТС. Заслуживают особенное внимание представления и категориальные средства теории деятельности, изложенные в работах С. Д. Максименко, Ю. Б. Максименко, Г.М. Зараковского, Г. В. Ложкина, С.П. Бочаровой, В. Д. Шадрикова, Л. П. Щедровицкого, В. А. Моляко, Ю. М. Швалба, О. М. Кокуна, В.В. Рыбалки, М. Л. Смутьсон, Ю.Л. Трофимова и других.

Вышеперечисленные авторы предлагают рассматривать социотехнические системы как системы человеческих деятельностей, элементы которых присущи разным уровням, поскольку имеют разные свойства. Мы классифицировали СТС по критерию развития. Различаются два типа таких систем: первый - с простыми орудиями труда и второй - с развитыми орудиями труда в виде машин.

Нами рассмотрены СТС второго типа. Исследуемые социотехнические системы содержат машины, которые должны служить усилителями возможностей человека при его трудовой деятельности.

Поскольку понятие психологического обеспечения развития СТС не приобрело достаточно четкого определения и осмысления в научной литературе, особенное внимание было уделено его анализу и определению содержания.

Мы считаем, что в качестве предмета психологического обеспечения развития социотехнических систем выступают психологические возможности персонала, в том числе скрытые (латентные) свойства специалиста, его психологический потенциал, а также тип переработки информации, поданной специалисту в определенном (текстовом, гипертекстовом или графическом) формате.

Таким образом, психологическое обеспечение развития СТС направлено на развитие ее свойств в ходе проектирования, функционирования и совершенствования (модернизации), а

также свойств мероприятий, методов и средств формирования и поддержания необходимых профессиональных качеств и функционального состояния специалистов, то есть развитие системы формирования и поддержания работоспособности (ФИПР).

Тенденция развития СТС может быть определена критерием отношения суммы выполняемых системой полезных функций к сумме факторов расплаты ("цены") за деятельность.

Таким образом, СТС определяются как искусственные технологические системы, основная цель которых - достижение оптимального соответствия между техническим и социальным компонентами. Это системное образование, которое содержит технико-технологический компонент и систему ролей и функций обслуживающего и управленческого персонала. Типичными примерами СТС является производственное предприятие и так называемые "большие системы", которые содержат в себе сложные технические комплексы и многочисленный высококвалифицированный персонал (например, транспорт).

Сущность СТС, их возникновение и развитие отображают соответствующие этапы превращения информации в общественном производстве. Среди разнообразных систем особенное место занимают информационные СТС, в которых одни люди, владея капиталом, ставят информационные задачи перед другими людьми и приводят в действие технику в пределах определенных технологических процессов производства. Следовательно, СТС сочетает социальные и технические элементы и потому терминологически более точным является понятие "социотехническая система деятельности (СТСД)", чем просто "социотехническая система".

Для решения задач 2-4 исследованы возможные подходы и методы психологического обеспечения развития СТСД. Опираясь на идеи Г.М. Зараковского и В. В. Павлова о функционировании эргатических систем, предложена структурно-функциональная модель развития социотехнической системы деятельности. Она основывается на следующей концепции. Во-первых, СТСД является собой определенным образом организованную совокупность функциональных подсистем и, во-вторых, основные закономерности организации, функционирования, совершенствования и развития каждой подсистемы и всей системы - тождественны.

Принципы функционирования и развития СТСД срабатывают в такой последовательности: принцип активности; принцип гомеостаза состояния; принцип функционального гомеостаза; принцип автономности; принцип иерархичности; принцип доминанты; принцип целостности и наконец принцип развития : каждая целостная СТСД непрерывно направлена к максимизации

ции в пространстве и времени адекватной области своего существования.

Оригинальность научной идеи заключается в следующем. Рассмотрена система деятельности человека-проектировщика как сложный процесс, который состоит из четырех компонентов: интенционального ("побуждающего"), операционального ("технологического"), активационно-регуляторного (эмоционально-волевая регуляция процесса деятельности) и базового (психофизиологические функции). Из этих компонентов формируется профессионально predetermined конкретная целевая система деятельности. Она включает в себя четыре подсистемы. Главной является подсистема внешнего взаимодействия с социумом. Эта подсистема обеспечивает выбор цели деятельности человеком, формулировку задачи (определения средств, программ, алгоритмов решения задачи в конкретных условиях) и, наконец, реализацию самого процесса достижения цели путем опосредствованного взаимодействия с предметом деятельности.

Следующая подсистема - психологического обеспечения развития СТСД. Эта подсистема также работает по целевому принципу, но целью в данном случае является поддержание работоспособности, обеспечения необходимых психофизиологических констант (гомеостаза) при различных влияниях социума и различных потребностях подсистемы.

Для человека характерно наличие еще одного компонента психической деятельности, условно названного спонтанной информационной активностью. Речь идет о том, что функции психики человека проявляются в двух разных формах: целевой активности, которая инициируется определенными мотивами, которые осознанно опредмечиваются при конкретных условиях, и активности, не predetermined в явном виде конкретными мотивами и целями.

Наконец, четвертой подсистемой, на существовании которой мы настаиваем, является интегральный регулятор активности, который обеспечивает объединение всех подсистем в единую систему деятельности, он формирует и поддерживает в течение необходимого времени в рабочем состоянии оперативно-целевые функциональные системы человека (ЦНС и высшие психические функции).

Модель является развивающейся, основным механизмом развития является противоречие, которое определяет взаимосвязь между альтернативными показателями изменения полезности СТСД. Такая модель развития подается как последовательность этапов, шагов, направлений и векторов развития, которые соединяют промежуточные значения достигнутых системой показателей. Эта последовательность векторов-этапов име-

ет тенденцию к зигзагообразности и расположена вдоль вектора конечного результата деятельности. Зигзагообразная линия является своеобразной траекторией "центра тяжести" СТСД, которая развивается и ограничена "коридором развития", ширина которого определяется экономическими и физическими пределами.

Психологическое обеспечение развития СТСД направлено на развитие ее свойств в ходе проектирования, функционирования и совершенствования (модернизации), а также свойств мероприятий, методов и средств формирования и поддержания необходимых профессиональных качеств и функционального состояния специалистов, то есть развитие системы формирования и поддержания работоспособности.

Для конкретного исследования в рамках данной работы мы избрали несколько высокоавтоматизированных и разнотипных СТСД. Первая из них выделена на основе анализа системы деятельности операторов современных металлургических предприятий, которые непосредственно наблюдают за объектом управления. Исследована также реализация психологического обеспечения развития СТСД операторов блочного щита управления атомной электростанции, которые работают лишь с информационными моделями. Кроме того, исследовано психологическое обеспечение восприятия знаковых (текстовых, гипертекстовых и графических) систем, с которыми имеют дело проектировщики и пользователи в сети Интернет и природоохранной деятельности, которые лишь в тенденции развития деятельности должны стать операторами.

Для формирования необходимого уровня работоспособности использовались формирующе-развивающие методы усвоения приемов произвольной психической саморегуляции, нервной релаксации и идеомоторной тренировки с учетом динамики работоспособности операторов.

Обобщение результатов проведенного исследования подтвердило предположение относительно необходимости и принципиальной возможности создания и внедрения системы психологического обеспечения развития социотехнических систем деятельности и дало основание сделать следующие основные выводы:

1. Показано, что существуют два основных подхода к психологическому обеспечению развития социотехнических систем. Первый (антропоцентрический) подход связан с использованием организационных методов, направленных на развитие системы деятельности специалистов в условиях интенсификации технологии за счет внедрения систем автоматического управления, которые предусматривают изменения привычных

функций. Второй (социоцентрический) подход связан с методами исследования изменения характера взаимоотношений между специалистами, которые входят в один коллектив и потому являются взаимозависимыми в плане обеспечения эффективности достижения конечной цели их трудовых усилий в новых условиях. Разработанная нами модификация социоцентрического подхода основана на психологическом обеспечении развития социотехнических систем деятельности.

2. Обоснованы методики оценки значимых психологических качеств персонала социотехнических систем, уточнены содержание и структура показателей уровня работоспособности персонала, а именно: разработаны критерии профессионального отбора операторов-прокатчиков и операторов блочного щита управления атомной электростанции на стадии эксплуатации социотехнической системы, которые опираются на валидные и надежные психологические методы исследования внимания, памяти, мышления, аппаратурные физиологические (частота сердечных сокращений, артериальное давление, мышечная сила и выносливость) и психофизиологические методы (тремор рук, сенсомоторные реакции, критическая частота слияния световых мельканий, электроокулограмма) исследования, а также навыки работы с компьютером, которые оценивались по авторской методике.

Шелонаев С. И.

Масс-медиа. Как культура осваивает человека?

Современная наука знает много определений культуры. В нашей работе мы основываемся на информационно-семиотической теории культуры разработанной проф. А. С. Карминым. Этот ученый указывает: «...с информационно-семиотической точки зрения мир культуры предстает в трех основных аспектах: как мир артефактов, мир смыслов и мир знаков. Артефакты — продукты человеческой деятельности — представляют собою культурные феномены, поскольку они выступают как знаковые средства и образуют тексты, в которых запечатлена социальная информация. Этих характеристик культуры достаточно, чтобы сформулировать ее краткое определение: *Культура — это социальная информация, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств*». [3, 51] (курсив мой – С. Ш.)

Таким образом, культура это общественный феномен, который «пропитывает» определенные артефакты и придает им культуральный смысл. При этом культура существует и как явление психической жизни человека, погруженного в соответствующую культуру. Французский культуролог А. Моль предла-

гает метафору «экран культуры», который понимается как гипотетический психический феномен, на который проецируются смыслы культуры тем самым, становясь фактами индивидуального сознания. «Экран культуры» можно определить и как субъективную «ментальную модель» или «образ реальности».

А. Молю указывает, что культура модерна характеризуется вертикальной структурой категоризации понятий, связь между которыми организована в виде логических иерархий. Основными методами построения семантических сетей в «экране культуры» типа модерн можно считать метод формальных рассуждений и логической дедукции. Связь между ключевыми значениями является, по преимуществу, причинно-следственной. Вслед за А. Молем можно сказать, что «образ реальности» в культуре модерна имеет сетевую структуру, где все элементы связаны и образуют сложные иерархии. Иллюстрациями культуры этого типа могут служить «великие философские системы» (Г. Гегель, И. Кант); «великие общественные системы» (Т. Гоббс, К. Маркс), да и вообще весь строй естественных наук и классической системы образования.

Иначе А. Молю мыслится современная культура. Культуру постмодерна автор уподобляет войлоку, где «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей». И далее «эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность...». [4, 78] Иными словами, значения в семантической сети связаны не иерархически организованными причинно-следственными ассоциациями, а ассоциациями по сходству, близости или контрасту, т.е. теми ассоциациями, которые с точки зрения модерна являются несущественными. Иллюстрацией культуры этого типа служит концепт «ризомы» введенный в философский обиход Ж. Делезом и Ф. Гваттари и, в целом, тексты французских постмодернистов Ж. Лиотара, Ги Дебора, Ж. Дерриды и проч.

Основными различиями индивидуального освоения культуры модерна и постмодерна можно признать следующее. В культуре модерна количество информации не превышает пределов индивидуальной психики. Количество медиа-каналов ограничено, и знание в целом является дефицитом. Для освоения культуры модерна индивид должен прилагать усилия, как через собственную предметную деятельность, так и через целенаправленное изучение «моделей реальности» (в университетах, библиотеках, церкви) с помощью словесно-логического мышления. Результатом освоения культуры модерна является организация

образа реальности в виде общей (зачастую единственной) «модели реальности», организованной на принципах вертикальной категоризации, классификации, и принятии общественных социальных практик и норм.

Культура постмодерна осваивается человеком принципиально иначе. В условиях очевидного переизбытка информации и множественности полимодальных медиаканалов, получение информации становится пассивным, беспорядочным и случайным процессом. «Модель реальности», формируется случайным образом, через ассоциативные связи по сходству, контрасту и смежности. Место практического освоения общественных практик и норм занимает освоение реальности через дискурсивные практики. Современный человек, в сущности, контактирует не с реальностью, а с медиаканалами. Результатом является формирование «мозаичного» образа реальности в виде локальных и упрощенных моделей. Представление о реальности оказывается основанным на принципах синкретизма, конвенциональности и множественности истины.

Таким образом, главной особенностью формирования «образа реальности» в культуре постмодерна, является то, что между физическим и социальным миром, с одной стороны и индивидуальным «образом реальности» с другой, имеется посредник, создающий систему знаков (медиатексты), из которой индивид извлекает смыслы культуры. Не будет преувеличением сказать, что если в обществе модерна человек осваивает культуру, то в постмодернистском обществе культура осваивает человека с помощью медиа. А. Моль пишет что медиа «фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества». [4, 67]

А. Молю, изучавшему социум середины XX века, место медиа в культуре мыслились в соответствии с моделью «основного социокультурного цикла». Вначале отдельный человек-творец, создает новый элемент культуры (артефакт) на основе своей способности к творчеству и имеющихся в его сознании социокультурных образцов. Созданные им элементы культуры представляют собой новые сообщения, которые воплощаются в виде публикаций, научных исследований, художественных произведений, изобретений и проч. Первоначально эти сообщения поступают в профессиональную «микросреду». Если конкретное сообщение соответствует более широкой «социокультурной

матрице», оно может перейти в «макросреду»: поле широкой публики. Переводом сообщений из микросреды в макросреду занимаются медиа, так как сообщения микросреды являются исходным материалом для создания медиапродукции. Медиа-агенты (журналисты, редакторы СМИ) производят отбор сообщений, руководствуясь директивными установками, актуальной структурой ценностей и принципом наименьшей затраты усилий. При переводе сообщений из профессиональной микросреды в общественную макросреду их смысл может исказиться или теряться. Но поскольку сами «творцы» являются членами общества, они погружены в поле массовой коммуникации. И, следовательно, новые идеи создаются на основе и с учетом сообщений бытующих в макросреде. Таким образом, цикл замыкается. В соответствии с информационно-семиотической теорией культуры А. С. Кармина социокультурный цикл может быть обозначен как последовательность «артефакт-смысл-знак», где медиа используют имеющиеся смыслы культуры и перекодируют их в свойственные им знаки (медиатексты).

Представляется что в XXI веке этот порядок нарушен. Современные медиа не столько транслируют культурные смыслы, которые порождаются в «профессиональной микросреде» (искусство, наука, религиозные практики и проч.), но создают их посредством лингвистических, дискурсивных практик. Французский философ Ж. Бодрийар обозначил этот процесс термином «исчезновение реальности», имея ввиду, что культурная информация, порождаемая медиа сегодня соответствует не артефактам культуры, а сама себе. Медиа становятся похожи на «уроборос» - змею, кусающую свой хвост. Сегодня медиа не столько описывают и интерпретируют факты, сколько транслируют свой собственный медиадискурс. События, факты, социальные ситуации не соответствующие медиадискурсу либо радикально переопределяются с помощью лингвистических средств, либо не включаются в него, то есть им попросту отказывают в онтологическом статусе существования. Именно это блестяще показал Ж. Бодрийар в брошюре «Войны в Заливе не было» [1] посвященной нападению США на Ирак. По мнению этого мыслителя, изображение события на телеэкране как бы заменяет собой саму реальность, делая «излишним» само событие. Совсем недавним примером является война в Ливии, освещение которой в СМИ проходило точно также. В частности, имеется достаточно свидетельств прямой фальсификации, когда, например, кадры, якобы прямой трансляции боев в Триполи на самом деле транслировались из Катара и снимались на макете центральной площади столицы Ливии, построенной для тренировки спецназа. В рамках информационно-семиотической тео-

рии культуры А. С. Кармина культурный процесс теперь выглядит так: знак – смысл, порождаемый через медийный дискурс (совокупность знаков) – артефакт, который подбирается (или создается) для обеспечения дискурса.

Для того чтобы эффективно осуществлять эту «симуляцию реальности» в структуре медиа сформировалась особая профессиональная группа, которую французский социолог Л. Пэнто назвал «медиатические интеллектуалы». По мнению ученого, основной особенностью этой группы является их стремление к сенсационности. «Одной из черт, сближающей всех этих производителей доксы (общепринятого мнения С. Ш.), является их интерес к «новому», или, по крайней мере, к тому, что легко отождествляется с таковым путем привлечения широкого внимания. Интеллектуализация журналистского дискурса коррелирует с введением в универсум идей логики сенсационности... Наиболее интеллектуальные из этих новых производителей «знания» находят в возникновении «нового» неожиданную возможность деклассировать самых авторитетных интеллектуалов — философов, ученых, эрудитов — чей авторитет в течение длительного времени наводил на них страх» [5, 35]. По мнению ученого, между журналистами и медиа-интеллектуалами происходит символический обмен, состоящий в том, что журналисты с помощью интеллектуалов легитимизируют свои интерпретации социальных фактов, а интеллектуалы «получают от первых аудиторию и свидетельство значимости, выходящей за пределы круга специалистов» [5, 33]. П. Бурдье называет их «fast-thinkерами» «мыслящими быстрее собственной тени» и «предлагающих культурный fast-food» [2, 45]. Ярким примером такого медиа-интеллектуала является скандальный персонаж французского медиапространства, сыгравший большую роль в развязывании войны в Ливии, Бернар-Анри Леви, позиционирующий себя как социальный философ. Высокую востребованность персонажей подобного рода можно продемонстрировать и на примере российских медиа. В частности многие известные журналисты, такие как Н. Сванидзе, Л. Млечин, Л. Панферов, В. Познер и проч., неожиданно начинают позиционировать себя в медиапространстве как ученые – историки, экономисты, политологи и т.д.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что в XXI веке роль медиа в «культурном производстве» кардинально изменилась. Из инструмента информирования и трансляции культурных смыслов они превратились в главнейшую составную часть самого культурного процесса, во многом подменив собой институты, традиционно относящиеся к сфере культуры. И перед современной культурологией стоит задача осмысления этого

новейшего культурного феномена в соответствующих терминах. И в этом смысле информационно-семиотическая теория культуры А. С. Кармина как нельзя лучше соответствует этому вызову и может являться основой для дальнейших углубленных исследований поставленной проблемы.

Литература

1. Бодрийар Ж. Войны в Заливе не было // Художественный журнал. 1994 № 3 С. 27-39
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: ФНИ «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
3. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб.: Изд. «Лань», 1997. — 512 с.
4. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд.«Прогресс»,1973.- 407 с.
5. Пэнто Л. Интеллектуальная доска // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. — М.: Socio-Logos, 1996. С. 32-38

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ